Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ТОМЪ CI.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Томъ XX.

V. V. Vorob'ev

В. В. Воробьевъ.

Naruzhnoe ukho chelovieka.

НАРУЖНОЕ УХО ЧЕЛОВѢКА.

МОСКВА,
Типо-литографія А. В. Васильева и К°
Петровка, домъ Обидиной.
1901.

4

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано.	*Слѣдуетъ читать.*
Стр. 4 лѣвый столбецъ, 10-я строка сверху	неудачной	неумѣстной
„ 6 лѣв. столб., 13-я стр. сверху.	Z. ф. I.	4, фиг. I.
„ 14 прав. столб., стр. 5-я и 7-я снизу.	120°	112°
„ 20 лѣв. столб., стр. 8-я снизу.	выше cristae superioris	выше cristae anterioris (inferioris)
„ 21 лѣв. столб., стр. 12 снизу; „ прав. столб., стр. 2 сверху	colliculi brachiales.	colliculi branchiales
„ 29 прав. столб. въ таблицѣ	папаусы	папуасы.
„ 79 въ заголовкѣ	(длина уха)	(длина) уха
„ 154 прав. столб., стр. 11-я сверху	Nachtgal	Nachtigal.
„ 156 прав. столб., стр. 7 сверху	auricolao-temporalis	auriculo-temporalis.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая работа монографическаго характера всегда сопряжена съ многоразличными затрудненіями и препятствіями: за невозможностью совмѣщенія въ себѣ всѣхъ сторонъ знанія неизбѣжно приходится имѣть дѣло съ нѣкоторыми сторонами вопроса мало, сравнительно, знакомыми, учиться которымъ по книгамъ далеко не всегда удобно; поневолѣ, слѣдовательно, приходится обращаться къ людямъ болѣе свѣдущимъ въ соотвѣтствующихъ вопросахъ, эксплоатировать ихъ трудъ и время. У насъ въ Москвѣ, за отсутствіемъ хорошо укомплектованной библіотеки, охватывающей различныя отрасли научнаго знанія и совмѣщающей сочиненія, написанныя на различныхъ европейскихъ языкахъ, работа отягощается въ значительной мѣрѣ и трудностью собиранія литературнаго матеріала; эта трудность по отношенію къ настоящей моей работѣ увеличивалась значительно еще и потому, что литературныя данныя скудны, разбросаны по изданіямъ весьма разнороднаго характера (антропологическимъ, анатомическимъ, психіатрическимъ, судебно-медицинскимъ, отіатрическимъ, физіологическимъ и т. д.). Понятно, опять-таки что и здѣсь нельзя было обойтись безъ помощи другихъ лицъ, дававшихъ указанія на существующую литературу и открывавшихъ доступъ къ библіотекамъ принадлежащимъ имъ лично или же завѣдуемымъ ими учрежденіямъ. Требовалось, наконецъ, разрѣшеніе и нѣкоторая помощь и въ выборѣ и изслѣдованіи самыхъ объектовъ наблюденій, въ данномъ случаѣ—живыхъ людей. Такимъ образомъ появленіе въ свѣтъ моей монографіи было бы невозможно безъ помощи и участія цѣлаго ряда лицъ. Послѣднее обстоятельство при иныхъ условіяхъ могло бы отразиться на работѣ чрезвычайно пагубно; но съ чувствомъ истиннаго удовольствія считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что, несмотря на то, что чаще всего проходилось обращаться къ лицамъ, и безъ того обремененнымъ сложными научными и общественными трудами, мнѣ никогда не приходилось наталкиваться не только на недоброжелательное, но даже на нетерпѣливое или недостаточно внимательное отношеніе къ моимъ просьбамъ и нуждамъ. Въ текстѣ работы я старался вездѣ, по мѣрѣ возможности, указывать на имена лицъ, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе, и выражать имъ мою сердечную признательность. Но относительно нѣкоторыхъ лицъ, какъ разъ наиболѣе мною утруждаемыхъ и наиболѣе полезныхъ для меня своими совѣтами и содѣйствіемъ, случилось такъ, что самый ходъ изложенія не далъ мнѣ случая выразить мою благодарность въ томъ или другомъ мѣстѣ текста; съ другой стороны, сознаніе размѣровъ сдѣланнаго для меня и для моей работы заставляетъ не ограничиться такой формой благодарности, но поставить имена этихъ лицъ по справедливости на передней страницѣ моего труда.

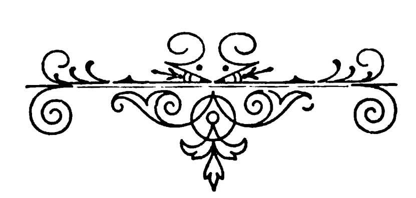
Къ великому прискорбію одинъ изъ людей, наиболѣе отзывчивыхъ, наиболѣе готовыхъ отдавать свой трудъ, свое время въ распоряженіе всякаго, кто только предъявитъ на нихъ требованіе, уже не услышитъ скромной дани моей безконечной признательности за все сдѣланное имъ какъ для данной работы, такъ и за многіе другіе чрезвычайно цѣнные совѣты и указанія; его, незабвеннаго *Сергѣя Сергѣевича Корсакова* уже нѣтъ между нами! Онъ былъ свидѣтелемъ самыхъ первыхъ шаговъ, предпринимаемыхъ мною еще для подготовленія представляемой теперь на общественный судъ работы; подъ его непосредственнымъ вліяніемъ опредѣлилось въ значительной мѣрѣ и направленіе самой работы и частью ея объемъ и содержаніе; его цѣнные совѣты, его обширная библіотека дали мнѣ возможность

намѣтить и произвести большую часть подготовительной къ настоящей монографіи работы, Начавшейся, кстати сказать, еще съ средины 1895 года.

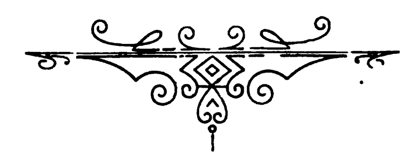
Изъ лицъ же, нынѣ здравствующихъ, я считаю себя нравственно обязаннымъ еще разъ засвидѣтельствовать мою особую благодарность *Дмитрію Николаевичу Анучину* и *Алексѣю Арсеньевичу Ивановскому*, много и часто помогавшимъ мнѣ и своими цѣнными указаніями, продиктованными ихъ обширными спеціальными знаніями и свѣдѣніями по литературѣ вопроса, и предоставленіемъ въ мое распоряженіе многихъ книгъ изъ ихъ личныхъ библіотекъ. Не меньшую благодарность приношу я и главному доктору Преображенской больницы *Ивану Васильевичу Константиновскому* за любезное разрѣшеніе производить мои наблюденія въ завѣдуемой имъ больницѣ и за то предупредительное вниманіе, которое я встрѣтилъ во время работы въ этой больницѣ, какъ со стороны самого Ивана Васильевича, такъ и со стороны всѣхъ товарищей-врачей, служившихъ въ то время въ Преображенской больницѣ. Не мало также обязанъ я указаніямъ, дѣланнымъ мнѣ со стороны сочленовъ по Обществу Московскихъ Невропатологовъ и Психіатровъ и по Антропологическому Отдѣлу Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи во время дебатовъ по нѣсколькимъ моимъ докладамъ на темы, относящіяся къ области, охватываемой моей настоящей монографіей. Не со всѣми, конечно, изъ дѣлаемыхъ мнѣ возраженій я могъ согласиться; противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ приходится полемизировать даже и на страницахъ этой работы. Тѣмъ не менѣе, даже и такія не переубѣдившія меня замѣчанія имѣли свое несомнѣнное и очень большое значеніе и вызываютъ во мнѣ чувство глубокой признательности, заставляя всегда помнить, что disputando cognoscitur veritas!

В. В. Воробьевъ.

Москва.
5 октября 1901 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Очередныя задачи современной анатоміи. Ближайшая цѣль и задачи при изученіи формъ наружнаго уха. Исторія возникновенія и развитія интереса къ изученію наружнаго уха.

Первоначальная задача описательной анатоміи — изучить и описать общій планъ строенія всѣхъ органовъ и тканей человѣческаго тѣла теперь, послѣ многихъ вѣковъ существованія этой науки, выполнена съ значительной степенью совершенства и если бы взгляды на задачи науки оставались неподвижными во все время ея существованія, макроскопическая анатомія была бы близка къ полному исчерпыванію своего предмета. Но точки зрѣнія мѣняются; по мѣрѣ развитія науки, по мѣрѣ накопленія знаній являются новые запросы, съ ними—новые методы изученія, а слѣдовательно и новые факты. Для анатоміи такимъ новымъ методомъ явилось прежде всего примѣненіе микроскопа. Въ области микроскопіи всѣхъ органовъ вообще, а центральной нервной системы въ особенности, существуетъ еще множество пробѣловъ, да и самъ по себѣ предметъ настолько широкъ, что сейчасъ не предвидится даже и возможности хотя бы приблизительно указать, гдѣ лежитъ граница, дальше которой некуда идти; да и есть ли еще такая граница?

Надо, впрочемъ, сказать что и въ области макроскопической анатоміи запросы научнаго духа растутъ и предѣлы полнаго знанія не приближаются, а, наоборотъ отодвигаются все дальше и дальше.

Еще оставались не описанными или описанными недостаточно точно и опредѣленно многія, сложныя по взаимоотношеніямъ образующихъ ихъ тканей, области человѣческаго тѣла, какъ уже народилась новая отрасль науки—сравнительная анатомія, потребовавшая изученія человѣческаго организма въ связи съ организмами другихъ животныхъ, въ связи съ ученіемъ о развитіи органической жизни на землѣ. Новая задача настолько широка, что не только объ исчерпываніи ея, но даже и о выполненіи наиболѣе существенныхъ и крупныхъ въ этомъ отношеніи пробѣловъ въ настоящее время не приходится еще и мечтать; а между тѣмъ подъ давленіемъ накопляющихся знаній опять открываются новые пути, намѣчаются новыя задачи, изъ которыхъ одни находятъ уже ряды работниковъ, другія едва намѣчены, третьи еще только намѣчаются...

Анатомы прежнихъ вѣковъ смотрѣли на человѣка, какъ на что-то единое, недѣлимое. Для нихъ негръ, арабъ, малаецъ, европеецъ — различались только по окраскѣ кожи, цвѣту и виду волосъ и по нѣкоторымъ другимъ совершенно съ ихъ точки зрѣнія не важнымъ признакамъ. Со временемъ выяснилось, однако, что не только внѣшніе покровы, но и нервно-мышечная ткань и костный скелетъ, и даже, до нѣкоторой степени и строеніе внутреннихъ органовъ у представителей различныхъ расъ нѣсколько разнятся другъ отъ друга. Постепенно удалось подобрать нѣкоторое количество анатомическихъ признаковъ, отличающихъ однѣ расы отъ другихъ. Существуютъ даже не всегда, правда, удачныя попытки классифицировать эти отличительные признаки, привести ихъ въ связь съ особенностями отличающими однѣ породы животныхъ отъ другихъ и составить непрерывную лѣстницу зоологическихъ особей съ низшими типами организмовъ внизу, съ высшими человѣческими расами наверху.

Такимъ образомъ изъ отдѣльныхъ фактовъ, изъ отрывочныхъ замѣчаній отдѣльныхъ авторовъ ко второй половинѣ истекающаго столѣтія сложилась новая отрасль анатоміи—расовая анатомія—предметъ почти цѣликомъ перешедшій въ вѣдѣніе антропологіи. Съ тѣхъ поръ какъ антропологія дала свои методы, свои пріемы изученія, стало накопляться все большее и большее количество фактовъ, указывающихъ на существованіе варіацій въ строеніи, а въ особенности въ пропорціяхъ, отдѣльныхъ органовъ даже и въ предѣлахъ одной и той же расы. Вскорѣ было установлено такимъ образомъ общее положеніе: строеніе человѣческаго тѣла единообразно только по общему своему плану, въ предѣлахъ котораго существуютъ, однако, цѣлые ряды отдѣльныхъ типовъ, изъ которыхъ одни имѣютъ болѣе общее значеніе (расовые, профессіональные типы и т. д.), другіе — болѣе частное (такъ называемые ин-

дивидуальные типы). Разобраться въ этихъ типахъ, точнѣе опредѣлить ихъ значеніе—дѣло будущаго. Смутное сознаніе потребности въ такой „анатоміи типовъ“ существовало, конечно, уже давно и кое-что дѣлалось въ этомъ направленіи и раньше, но болѣе сознательныя попытки относятся къ совершенно недавнему времени.

Прежніе авторы, исходя изъ à priori установленнаго положенія о тождествѣ строенія отдѣльныхъ человѣческихъ организмовъ, изучали человѣческое тѣло по немногочисленнымъ имѣющимся подъ руками препаратамъ. Усмотрѣвъ въ одномъ или въ немногихъ экземплярахъ уклоненія отъ того типа, какой они привыкли встрѣчать чаще всего, старые анатомы безъ дальнѣйшихъ разсужденій отмѣчали такія уклоненія подъ именемъ „аномалій“, т.-е. приписывали имъ значеніе чего-то ненормальнаго, значеніе порока развитія. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторыя изъ отмѣчаемыхъ ими уклоненій какъ разъ и имѣли значеніе дѣйствительныхъ уклоненій отъ нормы, но далеко не всѣ. Описывая, напримѣръ, ходъ артерій въ верхнихъ конечностяхъ, прежніе анатомы говорили, что тотчасъ ниже локтевого сгиба art. brachialis дѣлится на двѣ вѣтви—art. radialis и art. ulnaris, по раздѣленіи которыхъ отъ одной изъ нихъ, чаще отъ art. radialis — отходитъ art. interossea и т. д.

При такомъ описаніи нѣкоторымъ колебаніямъ въ способѣ отхожденія art. interossea, какъ болѣе часто встрѣчающимся, уже приписывается значеніе чего-то типическаго не имѣющаго значенія аномаліи.

„Иногда“,—добавляли анатомы,—„раздѣленіе плечевой артеріи происходитъ то выше, то ниже, иногда же вмѣсто бифуркаціи плечевая артерія *аномально* дѣлится сразу на три вѣтви: art. radialis, art. ulnaris и art. interossea“ и т. д. Обращаясь, однако, къ методу массовыхъ изслѣдованій, можно замѣтить, что эти „аномаліи“ далеко не такъ рѣдки и обязательно встрѣчаются въ каждой сколько-нибудь большой серіи наблюденій въ извѣстномъ болѣе или менѣе постоянномъ процентѣ всѣхъ случаевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подобнымъ распредѣленіемъ артерій обезпечивается кровенаполненіе конечностей съ такимъ же успѣхомъ, какъ и при „нормальномъ“ строеніи. Словомъ, отмѣчаемыя аномаліи не носятъ характера ни случайнаго, ни патологическаго явленія. Въ настоящее время большинство авторовъ на ряду съ описаніемъ главнаго основного типа строенія органа прибавляетъ обыкновенно и описаніе наиболѣе часто замѣчаемыхъ уклоненій, иногда отмѣчается даже процентъ случаевъ, падающихъ на долю этихъ уклоненій, но самыя уклоненія въ большинствѣ случаевъ именуются попрежнему „аномаліями“. И только немногіе наиболѣе такъ сказать прогрессивные, изъ современныхъ авторовъ отрѣшаются отъ стараго, подающаго поводъ къ недоразумѣніямъ термина „аномаліи“ и замѣняютъ его болѣе точными именеми—„варіаціи“, „менѣе распространенные типы строенія“ и т. д. Въ числѣ такихъ анатомовъ у насъ въ Россіи надо поставить на первое мѣсто пр. *Д. Н. Зернова* [1,2]), основательно изучившаго варіаціи строенія извилинъ и бороздъ человѣческаго мозга. Въ томъ же духѣ индивидуализаціи и изученія на ряду съ основными типами и наиболѣе часто встрѣчающихся варіацій строенія органовъ ведется и все изложеніе составленнаго имъ руководства по анатоміи человѣка. Въ виду того, что работа пр Зернова о мозговыхъ извилинахъ представляетъ одну изъ первыхъ попытокъ изученія отдѣльнаго органа въ духѣ требованій, предъявляемыхъ современнымъ уровнемъ знаній и является указаніемъ, какъ надо въ этомъ направленіи работать, приведемъ главнѣйшія положенія почтеннаго автора, примѣнимыя не только къ однимъ мозговымъ извилинамъ, но и ко всѣмъ, вѣроятно, органамъ человѣческаго тѣла безъ исключенія.

Проф. Зерновъ даетъ слѣдующія общія положенія: 1) число видоизмѣненій мозговыхъ бороздъ и извилинъ у человѣка сравнительно ограничено и все разнообразіе ихъ какъ бы охвачено рамкою, за предѣлы которой видоизмѣненія формъ бороздъ и извилинъ не переступаютъ. 2) Между крайними отклоненіями и среднимъ, т.-е. наиболѣе распространеннымъ типомъ развитія бороздъ и извилинъ существуетъ непрерывный рядъ переходныхъ формъ.

Встрѣчая описываемыя имъ варіаціи въ строеніи бороздъ и извилинъ у представителей различныхъ расъ, проф. Зерновъ придаетъ имъ значеніе общечеловѣческихъ индивидуальныхъ варіацій, относительно же существованія расовыхъ типовъ авторъ выражается уклончиво, не отрицая ихъ прямо, но говоря, однако, что до сихъ поръ мы знаемъ объ этомъ не болѣе чѣмъ знали прежде. Но теперь, когда мы можемъ сопоставить съ работами проф. Зернова работы: *C. Giacomini* [3,4]) для Италіи, *D. Cunningham*'a [5]) для Ирландіи, *G. Retzius*'a [6]) для Швеціи, *R. Weinberg*'a [7,8]) для эстовъ, латышей и поляковъ и т. д., можно сказать утвердительно, что и въ строеніи бороздъ и извилинъ мозга возможно отмѣтить существованіе извѣстныхъ расовыхъ различій. Едва ли, правда, существуютъ формы извилинъ и бороздъ свойственныя исключительно какой-либо одной расѣ и не встрѣчающіяся среди представителей другихъ расъ, но суть расовыхъ различій сводится къ тому, что формы составляющія какъ бы исключенія для однѣхъ расъ, у другихъ появляются значительно чаще. И здѣсь, какъ и большинствѣ другихъ случаевъ, расовыя отличія имѣютъ, слѣдовательно, извѣстное теоретическое значеніе, позволяютъ говорить о расовыхъ типахъ, но не даютъ прямой возможности опредѣленія принадлежности каждаго даннаго индивидуума къ той или другой расѣ. Но послѣднее требованіе, нерѣдко и до сихъ поръ предъявляемое къ отдѣльнымъ

расовымъ признакамъ, является, конечно, плодомъ глубокаго недоразумѣнія, такъ какъ опредѣленіе принадлежности субъекта къ той или другой расѣ по однимъ только анатомическимъ признакамъ, если и возможно, то только по всей совокупности ихъ, а никакъ не по одному отдѣльному признаку.

Работа въ вышеуказанномъ направленіи далеко еще не закончена, вѣрнѣе даже будетъ сказать, что она едва только начинается, и современнымъ анатомамъ предстоитъ широкое поле для изученія расовыхъ и индивидуальныхъ колебаній въ строеніи отдѣльныхъ органовъ.

Изученіе индивидуальныхъ колебаній въ величинахъ отдѣльныхъ частей тѣла скоро нашло себѣ и практическое примѣненіе въ видѣ учрежденія полицейскихъ антропометрическихъ бюро, назначенныхъ для идентификаціи личности преступниковъ,— бюро основанныхъ впервые *Bertillon*'омъ въ Парижѣ и распространившихся потомъ по многимъ другимъ городамъ и странамъ. Замѣны общей схемы строенія человѣческаго организма изученіемъ отдѣльныхъ типовъ и варіацій издавна требовали отъ анатоміи для своихъ практическихъ цѣлей художники и скульпторы, сами, въ свою очередь, не мало потрудившіеся на этомъ поприщѣ. Уже скульпторы античнаго міра, изучая величины отдѣльныхъ частей тѣла по отношенію ко всему туловищу или къ какимъ-нибудь его отдѣльнымъ частямъ, принимаемымъ за единицу мѣры, стремились создать свои каноны, т.-е. схемы пропорцій идеально прекраснаго сложенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они разрабатывали и вопросъ о значеніи индивидуальныхъ колебаній, стремясь передать идеи величія и низости, ума и тупости и т. д. черезъ сознательное искаженіе пропорцій канона путемъ удлиненія однѣхъ и сокращенія другихъ частей организма— главнымъ образомъ—головы или лица (увеличенный и измѣненный въ формѣ лобъ Юпитера Громовержца, удлиненное лицо Рамзеса и другихъ фараоновъ и т. д.). Въ фактѣ существованія различныхъ каноновъ (египетскаго, греческаго и т. д.), можно уже видѣть зародышъ ученія о расовыхъ типахъ.

Въ послѣднее время запросы на болѣе точное знаніе индивидуальныхъ варіацій въ строеніи тѣла и особенно на знаніе нормальныхъ предѣловъ этихъ варіацій выдвинуты со стороны психіатровъ и антропологовъ-криминалистовъ. Конецъ пятидесятыхъ годовъ только что истекшаго столѣтія ознаменовался въ психіатріи возникновеніемъ и развитіемъ ученія *Morel*'я [9,10]) о психическомъ и физическомъ вырожденіи, а въ срединѣ семидесятыхъ годовъ *Lombroso* [11]) создалъ свое ученіе о преступномъ типѣ и о психическихъ и физическихъ его особенностяхъ. Тѣ части ученія Morel'я, равно какъ и ученія Lombroso, которыя касались физическихъ особенностей вырождающихся и преступниковъ, подвергались неоднократнымъ и рѣзкимъ нападкамъ и вызывали продолжительные споры, далеко не закончившіеся и по настоящее время. Тѣ особенности строенія, въ которыхъ одни авторы хотятъ видѣть признаки вырожденія или же признаки преступности, являются въ глазахъ другихъ авторовъ особенностями созданными условіями жизни, питаніемъ, профессіей, особенностями расы, наконецъ, такъ называемыми индивидуальными особенностями, никоимъ образомъ не имѣющими, однако, патологическаго значенія. Очевидно, что окончательное рѣшеніе принципіальнаго вопроса о существованіи или несуществованіи физическихъ признаковъ вырожденія или преступности, а тѣмъ болѣе точная ихъ установка и диференцировка отъ расовыхъ, профессіональныхъ и т. п. особенностей строенія организма возможны только тогда, когда будутъ всесторонне изучены варіаціи въ строеніи человѣческаго тѣла и причины ихъ возникновенія.

Такимъ образомъ художники, антропологи, гигіенисты (вопросъ о профессіональныхъ измѣненіяхъ организма и измѣненіяхъ подъ вліяніемъ среды), антропологи — криминалисты и психіатры, исходя изъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, сходятся между собой въ предъявляемыхъ ими къ анатоміи требованіяхъ, т.-е. въ требованіяхъ всесторонняго изученія варіацій въ строеніи человѣческаго тѣла. Нельзя, однако, сказать, чтобы анатомія спѣшила своимъ отвѣтомъ на эти призывы: за исключеніемъ хода сосудовъ и нервовъ, равно какъ и нѣкоторыхъ топографическихъ отношеній, представляющихъ прямой интересъ для хирурговъ и ими по преимуществу изученныхъ, методъ статистическаго изслѣдованія варіацій отдѣльныхъ формъ съ опредѣленіемъ относительной частоты ихъ распространенія у чистыхъ анатомовъ едва лишь начинаетъ примѣняться при изслѣдованіи мозговыхъ извилинъ и бороздъ, большинство же другихъ органовъ представляетъ въ этомъ отношеніи широкое поле для грядущихъ изслѣдователей.

Для анатоміи, какъ научной дисциплины, не должно существовать важныхъ или не важныхъ органовъ, но всѣ органы въ одинаковой мѣрѣ требуютъ систематическаго изученія. Но запросы, предъявляемые другими научными дисциплинами, интересы научнаго дня выдвигаютъ отъ времени до времени на первый планъ изученіе отдѣльныхъ органовъ, остававшихся прежде въ тѣни. Къ такимъ злободневнымъ, если можно такъ выразиться, органамъ принадлежитъ между прочимъ и наружное ухо. Представляя изъ себя небольшой легко доступный наблюденію органъ, очертанный прихотливыми контурами, измѣняющимися индивидуально въ чрезвычайно широкихъ границахъ, наружное ухо обратило на себя въ послѣднее время особое вниманіе чистыхъ антропологовъ, антропологовъ-криминалистовъ и психіатровъ. Интересъ къ изученію наружнаго уха возникаетъ впервые очень рано, раньше, быть-можетъ,

чѣмъ сложилось опредѣленное понятіе о наукѣ, какъ таковой, такъ какъ, по древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствамъ исторіи, народная мудрость часто связывала съ той или другой формой наружнаго уха представленіе объ опредѣленныхъ нравственныхъ или интеллектуальныхъ особенностяхъ индивидуума. Среди древняго населенія Индо-Китая длинная ушная мочка считалась (по Топинару [12]) за признакъ мудрости. У древнихъ грековъ мы уже находимъ сказаніе о томъ, какъ разгнѣванный неудачной критикой Мидаса Апеллесъ награждаетъ царственный портретъ „ослиными" ушами. Аристотель, впрочемъ, смотрѣлъ на длинныя уши гораздо благосклоннѣе и считалъ ихъ за признакъ острой памяти. Современнымъ народамъ также не чуждо представленіе о связи между формой уха и психическимъ обликомъ человѣка: „ослиныя" уши не потеряли своего значенія и до сихъ поръ; равнымъ образомъ сохранилось у восточныхъ азіатовъ до сихъ поръ представленіе о длинной мочкѣ, какъ о признакѣ мудрости. *Karutz* [13]) утверждаетъ, что среди современныхъ монголовъ распространенъ взглядъ на обладателей далеко отстоящаго отъ головы (оттопыреннаго) уха, какъ на счастливыхъ людей и т. д.

Наблюдательность германскихъ племенъ идетъ въ изученіи наружнаго уха еще дальше, предвосхищая только недавно установленный наукою (*Frigerio* [14]), *Binder* [15]), *Schäfer* [16]) и др.), фактъ наслѣдственной передачи формы уха отъ родителей къ дѣтямъ. Нельзя даже сказать, что этотъ фактъ установленъ въ наукѣ вполнѣ точно и безспорно, народная же мудрость нѣмцевъ вѣритъ ему вполнѣ и отлила его въ точное положеніе: „Das Kind gehört wohl dem betreffenden Vater, aber ein Anderer hat ihm die Ohren eingesäumt".

Живущія въ народѣ представленія о связи между формою уха и особенностями человѣческаго духа не могли не отразиться и на произведеніяхъ художниковъ, какъ древняго міра, такъ и современныхъ, изучавшихъ ухо довольно внимательно и использовавшихъ нѣкоторыя его особенности, какъ, напримѣръ, заостренную его верхушку — ухо сатира, затѣмъ такъ называемый Дарвиновъ бугорокъ, высокое положеніе ушей („ушки на макушкѣ") и т. д.

Въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ отрывочныя замѣчанія древнихъ авторовъ и консолидированныя народныя наблюденія относительно связи между физическими особенностями организмовъ и психическимъ строемъ ихъ носителей отлились, наконецъ, въ попытку созданія особой науки—физіономики, въ которой наружному уху отведено далеко не послѣднее мѣсто. Такъ *Gradenigo* [17]) нашелъ отдѣльныя указанія относительно наружнаго уха у слѣдующихъ физіономистовъ: *Albertus Magnus* (De animalibus 1479 г.), *Gauricus Pomponius* (De Physionomia 1505), *Grattorola* (De predictione morum naturarumque hominum facile ex inspectione partium corporis 1554), *Porta* (De humana physionomia 1586), *Polemone* (Physionomia 1623), *Ghirardelli* (Cefalogia fisionomica 1630) и т. д. Въ этомъ перечнѣ, далеко не полномъ, Gradenigo умалчиваетъ между прочимъ и о самомъ выдающемся и наиболѣе раціональномъ физіономистѣ *Lavater*'ѣ [18]) который во II томѣ своего знаменитаго труда посвящаетъ также нѣсколько страницъ (стр. 211 и слѣд.) наружному уху и даетъ цѣлый рядъ рисунковъ такихъ его формъ, которыя большинство современныхъ психіатровъ и антропологовъ-криминалистовъ не задумалось бы причислить къ такъ называемымъ дегенеративнымъ формамъ уха.

Научная критическая мысль не могла принять не только выводы, но даже и самые основные принципы, на которыхъ построена физіономика, тѣмъ не менѣе, отголоски взглядовъ физіономистовъ встрѣчаются еще въ сравнительно недавнее время. Такъ, еще въ 1854 г. *Amedée Joux* положительнымъ образомъ утверждаетъ, что „la forme et la couleur de l'oreille coïncide 1) avec la beauté et la noblesse. 2) avec la laideur et la basseuse. Il-y-a des oreilles intelligentes, des oreilles stupides et ct. Въ заключеніе увлекающійся авторъ восклицаетъ: „Montre moi ton oreille et je te dirai qui tu es, d'où tu viens et où tu vas!" Даже самая новѣйшая только что вышедшая работа относительно наружнаго уха, принадлежащая перу *M. Ellis* [19]), пропитана въ значительной мѣрѣ духомъ старыхъ физіономистовъ. Съ паденіемъ престижа физіономики изученіе наружнаго уха останавливается. Большинство анатомовъ, даже и такихъ крупныхъ, какъ *Генле* [20]), *Гиртль* [21]) и др., посвящаютъ въ своихъ руководствахъ наружному уху по нѣсколько строчекъ, давая въ лучшемъ случаѣ простую анатомическую номенклатуру отдѣльныхъ его образованій и ничего или почти ничего не говоря о степени ихъ развитія, объ ихъ постоянствѣ и варіаціяхъ. Впрочемъ, Гиртль въ отдѣльныхъ своихъ работахъ дѣлаетъ коекакія побочныя замѣчанія о расовыхъ формахъ наружнаго уха (ухо съ недоразвитымъ завиткомъ или „свиное ухо" монголовъ, нѣкоторыя замѣчанія Гиртля о высокомъ положеніи уха и т. д.). Нѣсколько большимъ вниманіемъ пользовалось наружное ухо въ эмбріологіи, и исторія развитія всего наружнаго уха и отдѣльныхъ его образованій довольно обстоятельно изучена трудами *Moldenhauer*'a [22]), *His*'a [23—25]), *Gradenigo* [26]), *Chiarugi*, [27]) *L. Meyer*'a [28]), *Shwalbe* [29—33]) *Schäffer*'a [16]) и др. авторовъ, при чемъ интересъ къ изученію повышался въ значительной мѣрѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ эмбріологіи вмѣстѣ съ сравнительной анатоміей болѣе чѣмъ отъ всѣхъ другихъ отдѣловъ научнаго знанія ожидали рѣшенія поднятаго еще *Дарвиномъ* [34]) вопроса о томъ, представляетъ ли наружное ухо человѣка атрофирующійся рудиментарный органъ, а если да,—то какимъ образомъ у органа исчезающаго могутъ появляться новыя образованія (мочка и т. д.). Но

наибольшій интересъ изученіе наружнаго уха получило съ момента возникновенія и распространенія ученія *Morel*'я о вырожденіи а потомъ и ученія *Lombroso*—о преступномъ человѣкѣ. Наружное ухо, какъ органъ сложный по конфигураціи, подверженный множеству варіацій въ формѣ отдѣльныхъ его частей, обращалъ на себя въ этомъ отношеніи особое вниманіе, увеличивающееся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что за наружнымъ ухомъ довольно уже прочно установилась репутація органа рудиментарнаго и тѣ или другія варіаціи его формы давали соблазнительный поводъ для толковъ объ атавистическихъ, возвращающихся къ животному типу образованіяхъ органовъ вырождающихся душевно-больныхъ или преступниковъ.

Но формы наружнаго уха, предѣлы ихъ варіацій и значеніе послѣднихъ были изучены до нашего времени слишкомъ еще мало для того, чтобы можно было разобраться сколько-нибудь удовлетворительно во всѣхъ возникающихъ здѣсь вопросахъ, и сложный вопросъ о физическихъ признакахъ вырожденія и преступности никоимъ образомъ не могъ получить своего разрѣшенія путемъ изученія формъ ушей душевно-больныхъ и преступниковъ. Произошло зато другое явленіе, а именно: подъ вліяніемъ споровъ о дегенеративномъ ухѣ началось болѣе полное и болѣе систематическое изученіе варіацій формы нормальнаго уха.

Если мы вспомнимъ, наконецъ, о томъ, что въ послѣднее время антропологи также стали обращать нѣсколько большее, чѣмъ прежде, вниманіе на форму наружнаго уха и начали придавать нѣкоторымъ изъ ея варіацій значеніе расовыхъ признаковъ, — становится очевиднымъ, что въ настоящее время систематическое изученіе наружнаго уха отвѣчаетъ на запросы широкаго круга людей мысли и является дѣломъ, хотя быть-можетъ, и утомительнымъ по своей кропотливости, но существенно важнымъ и прямо необходимымъ не только для теоретическаго научнаго мышленія, но даже и для нѣкоторыхъ сторонъ прикладныхъ практическихъ знаній.

II.

Анатомическая номенклатура и очеркъ „идеальнаго" (средняго) наружнаго уха. О варіаціяхъ формъ и ихъ предѣлахъ. Способы регистраціи варіацій (схема проф. *Schwalbe*)

Наружное ухо (собственно его раковина) представляетъ изъ себя неправильную воронку, расширеніе которой вытянуто въ овалъ съ верхне-нижнимъ (приблизительно) длиннымъ и передне-заднимъ короткимъ діаметрами. Эта воронка образована дупликатурою кожи и подкожной жировой клѣтчатки съ заложенной внутри ея повсюду, за исключеніемъ мочки, хрящевой основой, крѣпко, но довольно подвижно приращенной къ *porus acusticus externus*. Непосредственное хрящевое продолженіе porus acusticus externus является въ видѣ не вполнѣ закрытаго (открытаго кверху) хрящевого канала—*cartilago meatus auditorii externi* *), ограничивающаго наружный слуховой проходъ. Задняя стѣнка этого канала расширяется и безъ всякой видимой границы переходитъ въ хрящевую основу собственно наружнаго уха. Въ наружномъ ухѣ различаютъ главнымъ образомъ двѣ плоскости—выпуклую внутреннюю, обращенную къ головѣ и вогнутую — наружную. Свободный, большею частью слегка великообразно вздутый край, въ которомъ сходятся наружная и внутренняя поверхности, ограничивающій ушную раковину спереди, сверху и сзади, носитъ названіе *завитка* — (*helix*) см. фиг. 1-я, 1—2, получившаго свое имя вслѣдствіе того, что это образованіе не лежитъ правильно въ передне-задней вертикальной плоскости, но представляетъ изъ себя заворотъ свободнаго края уха, направляющагося сначала кнаружи, а потомъ впередъ, при чемъ завернутый край перегибается надъ своей оставшейся въ прежней плоскости частью такъ, что наружная поверхность этой послѣдней становится при перегибѣ внутренней а самый свободный край обращенъ впередъ (косвенно впередъ и кнаружи); для верхняго полюса уха отношенія эти, конечно, мѣняются и свободный край завитка обращенъ уже не впередъ и кнаружи, а кнаружи и внизъ.

Въ завиткѣ различаютъ *переднюю* или *восходящую* (1 фиг. 1-я) и *заднюю* или *нисходящую* (2 фиг. 1-ая) части.

Такъ какъ переходъ изъ восходящей части завитка въ нисходящую представляетъ дугу, иногда (особенно въ широкихъ ушахъ) довольно пологую, нѣкоторые авторы (какъ напримѣръ *Binder*) описываютъ еще дугообразную или *поперечную* часть завитка, что, впрочемъ, не соотвѣтствуетъ даннымъ исторіи развитія наружнаго уха.

Восходящая часть завитка начинается въ видѣ поперечнаго съ острымъ гребнемъ валика, идущаго со дна самой углубленной части наружнаго уха—*conchae* (см. фиг. 1-ая) и носящаго названіе *ножки завитка* (*crus. helicis*) см. 3 фиг. 1. Нисходящая же часть завитка уплощаясь переходитъ въ задній край мочки, отдѣляясь

*) Недостающая часть хрящевого канала затянута фиброзный перепонкой.

отъ него не всегда выраженной кожной бороздкой— *sulcus helicino-lobularis His'a*.

Въ той области завитка, гдѣ онъ, образовавъ уже дугу, начинаетъ принимать нисходящее направленіе, на свободномъ его краю, то немного выше, то не много ниже располагается не всегда достаточно выраженный бугорокъ или припуханіе свободнаго края (въ образованіи котораго участвуетъ не одна кожа, но и подлежащая часть хряща) — это такъ называемый —*Дарвиновъ бугорокъ* (*tuberculum Darwini*) см. *c* фиг. 1-ая.

Нижній полюсъ ушной раковины составляетъ *мочка* (*lobulus*) см. L фиг. 1, лишенная хряща, богатая жировой клѣтчаткой съ вкрапленными въ нее отдѣльными хрящевыми зернышками и узелками дупликатура кожи, имѣющая свободные задній и нижній края, передній— же ея край свободенъ не на всемъ протяженіи, но то выше, то ниже сливается совершенно съ кожею щеки. Между кожей щеки и свободною частью передняго края мочки существуетъ (невсегда) узкая трехугольная вырѣзка, которая вслѣдствіе извѣстнаго ея отношенія къ конфигураціи уха обращаетъ на себя вниманіе и должна поэтому носить свое опредѣленное названіе, хотя бы по мѣсту ея положенія *(sinus lobulo-buccalis)*.

Между верхнимъ концомъ передняго края мочки и границей перехода ножки завитка въ восходящую его часть вставлена подвижная четыреугольная, иногда болѣе или менѣе округлая на свободномъ своемъ краѣ пластинка (съ хрящевой основой) — такъ называемый козелокъ *(tragus)* (см. 9 фиг. 1), направленный косвенно кнаружи и назадъ и прикрывающій собою входъ въ наружный слуховой проходъ. Въ верхней своей части козелокъ соприкасается съ crus helicis, отдѣляясь отъ него ясно замѣтною бороздою—*sulcus helicino-tragicus (Schwalbe)*.

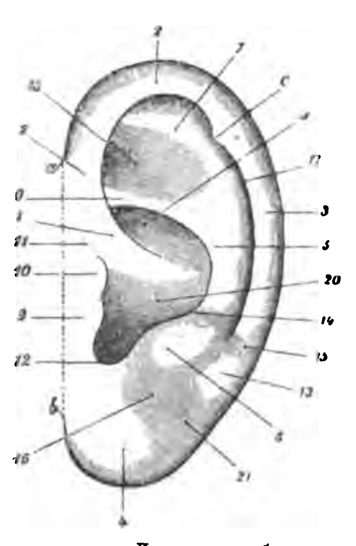
Завитокъ, мочка и козелокъ вмѣстѣ ограничиваютъ контуры наружнаго уха такъ, что верхній, нижній и задній края его оказываются свободными, передній же край непосредственно переходитъ въ кожу щеки, образуя мало обыкновенно замѣтную на глазъ, не совсѣмъ правильную пограничную линію между кожей щеки и переднимъ краемъ мочки вверхъ отъ вершины sulcus lobulo buccalis, основаніемъ козелка, ножкой и частью основанія восходящей части завитка до той его точки, гдѣ онъ вполнѣ отдѣляется отъ кожи виска, образуя новую, направленную вершиной внизъ вырѣзку—*sulcus helico-temporalis*. Эту линію прикрѣпленія наружнаго уха къ кожѣ щеки и виска проф. *Schwalbe* называетъ *линіей прикрѣпленія уха* или *основаніемъ* уха, концевыя же ея точки, т.-е. вершины sulcus helico-temporalis и sulcus lobulo-buccalis (a и b фиг. 1)—Schwalbe называетъ верхней и нижней точками прикрѣпленія уха *(линія основанія— Insertionslinie* или *Ohrbasis* Schwalbe см. пунктирную линію *ab* фиг. 1).

Параллельно нисходящей части завитка идетъ по наружной поверхности ушной раковины валикъ съ широкимъ притупленнымъ гребнемъ, замѣтный и съ медіальной (внутренней) поверхности въ видѣ вогнутаго жолоба. Этотъ валикъ носитъ названіе *противозавитка (anthelix)* (см. 5 фиг. 1) и простирается внизъ до одного уровня съ завиткомъ, т.-е. до уровня верхняго края противокозелка (см. ниже), отъ котораго и отграничивается замѣтною если не на глазъ, то во всякомъ случаѣ на ощупь довольно глубокою бороздкою *incisura anthelicis s. sulcus auris posterior* (Schwalbe) (см. 14 фиг. 1).

Вверху противозавитокъ распадается на двѣ ножки, изъ которыхъ одна—*верхне-задняя (crus superius posterius anthelicis* см. 7 фиг. 1), составляющая какъ бы непосредственное продолженіе самаго тѣла (ствола) противозавитка, продолжаетъ идти вверхъ параллельно нисходящей части завитка, подходя подъ которую не много впереди верхняго полюса уха (его макушки) постепенно сглаживается и исчезаетъ; другая же—*нижне-передняя ножка (crus inferius anterius anthelicis* — см. 6 фиг. 1)—круто измѣняетъ направленіе ствола и идетъ въ видѣ поперечнаго, слегка дугообразно изогнутаго валика (выпуклостью вверхъ) къ области перехода ножки завитка въ его восходящую часть, гдѣ и теряется, будучи прикрыта завиткомъ.

Фиг. I.

ав. — Основаніе уха, *с.* — Дарвиновъ бугорокъ (формы III по Schwalbe), 1 crus helicis, 2, 2—восходящая часть завитка, 3—нисходящая часть завитка, 4—мочка, 5—стволъ anthelicis, 6—crus inferius anthelicis, 7—crus superius anthelicis, 8—antitragus, 9—tragus, 10—tuberculum supratragicum, 11—sulcus auris anterior (incisura trago — helicina), 12 — incisura intertragica, 13—tuberculum retrolobulare (His), 14—sulcus auris posterior (incisura anthelicis), 15—sulcus helico—lobularis, 14+15—sulcus obliquus His'a, 16—sulcus supralobularis, 17—fossa navicularis (scaphoidea) 18—fossa triangularis (ovalis), 19—cymba conchae, 20—cavitas conchae, 21—sulcus retrolobularis.

Между стволомъ противозавитка съ его верхне-заднею ножкою и завиткомъ существуетъ то болѣе, то ме-

нѣе углубленная (въ зависимости отъ степени развитія завитка и противозавитка) бороздка, носящая названіе *ладьевидной ямки—fossa navicularis, s. scaphoidea* (см. 17 фиг. 1). Между обѣими ножками противозавитка находится другая ямка — *fossa ovalis (triangularis* по Schwalbe) см. 18 фиг. 1, соединяющаяся вверху подъ каймою завитка съ вышеупомянутою fossa scaphoidea. Между нижнимъ концомъ противузавитка и козелкомъ вставлено еще имѣющее хрящевую основу неправильное по формѣ образованіе — *противокозелокъ (antitragus*—см. 8 фиг. 1). Противокозелокъ изогнутый въ передне-задней плоскости то подъ прямымъ, то подъ тупымъ угломъ, иногда выступаетъ кнаружи въ видѣ замѣтнаго при осмотрѣ возвышенія, иногда же онъ плоскъ и кнаружи совсѣмъ не выдается. Отъ противозавитка онъ отдѣляется упомянутымъ выше sulcus anthelicis; въ нижній же край козелка онъ переходитъ безъ замѣтной для глаза границы, образуя съ нимъ глубокую вырѣзку—*incisuram intertragicam* (см. 12 фиг. 1), входящую въ составъ конхи. Центральную часть наружнаго уха занимаетъ углубленная раковина уха—*cavitas conchae* (см. 20 фиг. 1) *).

Cavitas conchae расположена въ центральной части наружнаго уха и представляетъ изъ себя самую большую и самую глубокую изъ всѣхъ ямокъ наружнаго уха. Форма conchae въ общемъ воронкообразная; сходство съ воронкою увеличивается еще тѣмъ, что въ конхѣ нѣтъ собственно дна, но вся полость углубляясь постепенно суживается до образованія входного отверстія въ наружный слуховой проходъ, занимающій нѣсколько эксцентрическое (впереди центра ушной раковины) положеніе и прикрытаго, какъ было уже упомянуто выше, косвенно расположеннымъ надъ нимъ въ видѣ полуоткрытой крышки ящика—козелкомъ. Верхняя граница стѣнокъ конхи опредѣляется положеніемъ передней ножки противозавитка; задняя стѣнка изогнута въ видѣ дуги обращенной выпуклостью назадъ и ограничивается въ верхней своей части стволомъ противозавитка, въ нижней изогнутыми контурами противокозелка, наружную, наконецъ, стѣнку конхи составляетъ козелокъ, а въ верхней части—восходящая часть завитка, начиная отъ области ея перехода въ ножку завитка. Crus helicis, какъ уже говорилось выше, перерѣзаетъ болѣе или менѣе полно всю полость конхи въ поперечномъ, слегка нисходящемъ книзу направленіи, ложась на этомъ пути тотчасъ надъ входомъ въ наружный слуховой проходъ. Ножкой завитка полость конхи дѣлится на двѣ полости: верхнюю—*cymba conchae* (19 ф. 1) и нижнюю—*собственно cavitas conchae* (20 ф. 1).

На внутренней (медіальной) поверхности наружнаго уха отмѣчаются соотвѣтственныя выпуклостямъ и ямкамъ наружной стороны—вдавленія и углубленія, менѣе, однако, рельефно выраженныя на ухѣ, покрытомъ кожей и хорошо и отчетливо замѣтныя на отсепарованномъ хрящѣ. Конфигурація внутренней поверхности наружнаго уха, не достаточно отчетливо выраженная и мало бросающаяся въ глаза, не представляетъ какого-либо интереса съ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыми мы приступаемъ сейчасъ къ изученію наружнаго уха, а потому эту поверхность мы оставимъ безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Равнымъ образомъ для насъ мало интересны и мышцы наружнаго уха, о которыхъ я и упомяну лишь вскользь. На наружномъ ухѣ различаются главнымъ образомъ двѣ категоріи мышцъ: 1) мышцы, начинающіяся внѣ уха и прикрѣпляющіяся къ нему лишь однимъ своимъ концомъ, и 2) мышцы, начинающіяся и кончающіяся на наружномъ ухѣ.

Назначеніе мышцъ первой категоріи—двигать всю ушную раковину in toto, назначеніе мышцъ второй категоріи — видоизмѣнять до нѣкоторой степени форму ушной раковины, сближая между собой отдѣльныя ея части. Впрочемъ, о такомъ назначеніи мышцъ человѣческаго уха можно судить главнымъ образомъ по аналогіи съ ушными мышцами другихъ животныхъ, такъ какъ у человѣка мышцы второй категоріи ничѣмъ не обнаруживаютъ своей функціи, мышцы же первой категоріи функціонируютъ лишь очень слабо и не у всѣхъ людей въ одинаковой мѣрѣ. Есть, правда, субъекты совершающіе ушами довольно отчетливыя движенія, но большинство людей этой способностью не обладаетъ и уши ихъ или совершенно неподвижны или же обнаруживаютъ способность лишь къ сочетаннымъ движеніямъ (при жевательныхъ движеніяхъ, при нѣкоторыхъ мимическихъ движеніяхъ и т. д.). Среди мышцъ, двигающихъ всю ушную раковину, различаютъ: 1) мышца, поднимающая ухо кверху—*m. attolens auriculi s. auricularis superior* идущая отъ galea aponeurotica, постепенно суживаясь, къ верхней части внутренней поверхности уха; 2) мышца, тянущая ухо впередъ—*m. attrahens auriculi* состоитъ изъ двухъ пучковъ—поверхностнаго, описаннаго *Henle*[20]) подъ именемъ *partis temporalis m. epicranii* и глубокаго *m. auricularis anterior profundus*, описаннаго *Альбиномъ*; 3) мышца, тянущая ухо назадъ—*m. retrahens auriculi s. auricularis (epicran) posterior* (Henle), состоящій изъ двухъ или трехъ отдѣльныхъ пучковъ.

Изъ мышцъ, начинающихся и кончающихся на ухѣ можно указать (*по Татарову*[35]) на 1) *m. helicis major* иду-

*) Русская терминологія частей наружнаго уха нѣсколько сбивчива. Въ то время, какъ у французовъ, напримѣръ, для выраженія понятія о всемъ наружномъ ухѣ существуетъ терминъ *pavillon*, а для понятія о cavitas conchae—*conque*, у насъ терминъ—*раковина* относится и къ pavillon и къ conque. Во избѣжаніе недоразумѣній я буду придерживаться въ дальнѣйшемъ изложеніи термина „наружное ухо“ въ смыслѣ pavillon французовъ, а для cavitas conchae я буду употреблять исключительно латинскій терминъ *concha* въ подлинной или въ русской транскрипціи этого слова, безразлично. Терминъ же „раковина“, какъ подающій поводъ къ смѣшенію, я не употребляю совсѣмъ.

щій тоненькой полоской по области перегиба восходящей части завитка, плотно прилегая къ хрящу; 2) *m. helicis minor*, лежащій въ области перехода ножки завитка въ восходящую часть завитка и по этой послѣдней, располагаясь не по всей ея ширинѣ, а лишь по свободному ея краю, такъ что средняя часть хряща завитка между этой мышцей и предыдущей (лежащей отъ нея кпереди) остается свободной отъ мышцъ; 3) *m. tragicus* съ волокнами, идущими по козелку въ двухъ направленіяхъ—вертикальномъ и горизонтальномъ; 4) *m. trago-helicinus*—волокна, идущія частью въ кожѣ, въ нисходящемъ направленіи отъ восходящей части завитка (отъ особаго отростка ея—такъ называемой *spina helicis*) и къ области incisurae intertragicae; 5) *m. incisurae Santorinii*, различно располагающіеся небольшіе пучки, принадлежащіе такъ же какъ и всѣ мышцы, начиная отъ третьей, къ сложной системѣ мышцъ козелка; 7) *m. antitragicus* лежащій на хрящѣ того же имени; 8) *m. transversus auriculi*, идущій по внутренней поверхности уха отъ завитка къ выпуклости, соотвѣтствующей углубленной на наружной поверхности fossae Scaphoideae (къ такъ называемой eminentia fossae navicularis) и къ выпуклости конхи (eminent. conchae); наконецъ 9, *m. obliquus auriculi* въ видѣ двухъ маленькихъ пучковъ на внутренней поверхности уха, идущихъ въ нисходящемъ направленіи чрезъ выпуклости соотвѣтствующія fossa ovalis и concha на наружной поверхности, т.-е. чрезъ такъ называемыя eminentia fossae ovalis и emin. conchae.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе строенія хрящевой основы наружнаго уха человѣка, ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими указаніями на тѣ ея особенности, которыя имѣютъ значеніе по отношенію къ внѣшнему виду этого органа. Хрящевая основа, заложенная въ толщѣ всего наружнаго уха, кромѣ мочки, имѣетъ въ общемъ ту же конфигурацію, что и весь этотъ органъ, какъ онъ представляется глазу наблюдателя; въ немъ можно, слѣдовательно, различать всѣ тѣ образованія, съ которыми мы познакомились при описаніи наружнаго уха, покрытаго кожными покровами, при чемъ на отсепарованномъ хрящѣ эти образованія выражены особенно рѣзко и отчетливо. Послѣднее замѣчаніе относится прежде всего къ внутренней поверхности уха, которая на органѣ, покрытомъ кожей, представляетъ лишь недостаточно точный и отчетливо выраженный оттискъ возвышеній и углубленій, замѣтныхъ съ наружной стороны (возвышеніямъ на наружной сторонѣ уха соотвѣтствуютъ углубленія на внутренней и обратно); при разсмотрѣніи же отсепарованнаго хряща углубленія и возвышенія внутренней поверхности ясно выражены и точно соотвѣтствуютъ рисунку наружной поверхности *).

Свободный край отсепарованнаго хряща представляетъ совершенно такой же загибъ, какой мы видѣли при разсмотрѣніи наружнаго уха съ его мягкими покровами; завитокъ уха образованъ, слѣдовательно, не одной только кожей, но и хрящомъ; равнымъ образомъ замѣтенъ на хрящевомъ скелетѣ и Дарвиновъ бугорокъ, при чемъ надо, кажется, признать, что соотвѣтствующій этому бугорку хрящевой выступъ (или по крайней мѣрѣ хоть утолщеніе и припуханіе хрящевого края) выраженъ рѣзче и постояннѣе, чѣмъ на покрытомъ кожею ухѣ, такъ что случаевъ полнаго отсутствія всякихъ слѣдовъ этого бугорка на хрящевомъ скелетѣ оказывается гораздо меньше, чѣмъ на ухѣ съ мягкими покровами. Нечего говорить о томъ, что въ случаяхъ, гдѣ на мягкихъ покровахъ уха можно отмѣтить наличность сатирова бугорка и на хрящѣ отмѣчается соотвѣтствующее угловое его изгибаніе или небольшой выступъ хряща.

Очень большое значеніе для конфигураціи нижняго полюса наружнаго уха имѣетъ то или другое состояніе нижняго конца хряща, образующаго завитокъ. Этотъ конецъ, извѣстный подъ именемъ *cauda helicis* или *lingula (His)*, не представляется спаяннымъ съ лежащимъ кпереди отъ него противокозелкомъ, какъ это имѣетъ мѣсто на органѣ покрытомъ кожею, но отдѣленъ отъ хряща противокозелка вырѣзкою, затянутой соединительно-тканными (связочными) и мышечными пучками. Чѣмъ больше ширина этой вырѣзки, тѣмъ болѣе отступаетъ cauda helicis назадъ, отчего нижній полюсъ уха представляется въ этомъ мѣстѣ болѣе расширеннымъ, расширено, слѣдовательно, и основаніе мочки, начинающейся въ этой области. Большая или меньшая длина caudae helicis тѣсно связана съ болѣе или менѣе высокимъ окончаніемъ завитка; въ нѣкоторыхъ случаяхъ cauda посылаетъ отъ себя болѣе или менѣе замѣтное продолженіе, идущее далеко внизъ по области мочки. Въ такихъ случаяхъ и на покрытомъ кожею органѣ замѣчается продолженіе завитка и на область мочки (обыкновенно не въ видѣ правильнаго загиба, но въ видѣ валикообразнаго припуханія свободнаго края мочки, служащаго прямымъ продолженіемъ настоящаго загиба завитка). Упомянемъ здѣсь, кстати, что хрящъ наружнаго уха не представляется цѣльнымъ на всемъ его протяженіи, но представляетъ нѣсколько (три) небольшихъ щелки, такъ называемыхъ *incisurae Santorinii*, расположенныя выше isthmus *) въ области ниж-

---

*) Анатомическая номенклатура ихъ та же, что и для наружной поверхности уха; при этомъ, понятно, тамъ, гдѣ на наружной поверхности мы имѣемъ fossae, на внутренней поверхности будутъ соотвѣтственнаго имени eminentiae и обратно.

*) Ушной хрящъ дѣлится на собственно хрящъ уха и хрящъ слухового прохода; къ послѣднему причисляется и хрящевая основа козелка. Обѣ эти части хряща соединены перешейкомъ—*isthmus*, середина котораго приходится на линіи соединяющей самую низкую точку incisurae intertragicae и лежащую кнутри отъ нея самую низкую точку такъ называемой *incisurae terminalis* (*f.* фиг. II)—вырѣзки, лежащей уже въ области входа въ слуховой каналъ.

и средней части козелка; для наружной конфигураціи уха эти вырѣзки не имѣютъ впрочемъ, никакого значенія.

Трудами цѣлаго ряда изслѣдователей, — физіономистовъ, отіатровъ, а въ особенности антропологовъ, антропологовъ-криминалистовъ и психіатровъ, было отмѣчено значительное непостоянство формъ наружнаго уха и наклонность отдѣльныхъ его образованій давать цѣлый рядъ варіацій, которымъ различныхъ школъ изслѣдователи придавали различное значеніе (значеніе простыхъ индивидуальныхъ варіацій, варіацій связанныхъ съ тѣми или другими особенностями духа, расовыхъ, дегенеративныхъ и т. д.).

Несмотря на многочисленныя въ этомъ направленіи отдѣльныя замѣчанія и спеціальныя работы авторовъ,

Фиг. II.

Хрящевая основа уха (по Schwalbe.)

af isthmus — влѣво отъ него хрящъ собственно-ушной раковины, вправо—хрящъ слухового прохода. (Послѣдній отогнутъ нѣсколько больше чѣмъ въ нормѣ направо). *a*—самая низкая точка incisurae intertragicae, 1 - spina helicis, 2—cauda helicis, 3 – боковая выпуклая поверхность противоковелка, 4—боковая incisura Santorinii, d—processus triangularis; между 2 и 3 - fissura antitrago helicinica, большая или меньшая ширина которой вмѣстѣ съ длиной и формой caudae helicis опредѣляетъ форму и положеніе мочки.

самая методика изслѣдованій и порядокъ регистраціи отдѣльныхъ варіацій до послѣдняго времени носили случайный характеръ и, при отсутствіи единства взглядовъ и методовъ, изслѣдованія одного автора были трудно сравнимы съ изслѣдованіями другихъ авторовъ. Наиболѣе распространеннымъ способомъ изслѣдованія, особенно широко утилизированнымъ психіатрами, является выдѣленіе отдѣльныхъ обратившихъ по чему-либо на себя вниманіе изслѣдователей формъ всего уха или какихъ-либо его частей и регистровка ихъ обыкновенно подъ именемъ автора, отмѣтившаго ихъ впервые. Такимъ образомъ появились—ухо Вильдермута, ухо Сталя, Морелевское ухо и т. д. Но такимъ путемъ нельзя ни исчерпать всѣхъ варіацій формъ уха, ни установить взаимное ихъ отношеніе; кромѣ того, опредѣленія носятъ случайный характеръ, такъ какъ изслѣдователи рѣдко давали себѣ отчетъ, почему именно тѣ или другія особенности должны были лечь въ основу характеристики даннаго типа уха; не было благодаря этому ни малѣйшей возможности разобраться въ менѣе выраженныхъ, переходныхъ формахъ; одно и то же ухо нерѣдко носитъ отдѣльные признаки и Вильдермутова и Сталева и Морелевскаго и т. д. Рѣзче всего сказывается все несовершенство подобнаго метода изслѣдованія въ работѣ *Binder'a* [15]), который, устанавливая свои главные, основные и побочные типы (Nebentypen), окончательно въ нихъ запутался, не имѣя основного критерія для такого рода раздѣленій. Первой попыткой болѣе систематической регистраціи варіацій въ формахъ если не всѣхъ образованій уха, то по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ, наиболѣе очевидно опредѣляющихъ общую форму и общій видъ органа, является опытъ *A. Bertillon'a* [36]), шефа парижскаго антропометрическаго бюро, изучавшаго варіаціи формъ и величинъ нѣкоторыхъ частей человѣческаго тѣла съ цѣлью установки личности преступниковъ. Наружное ухо, какъ органъ широко варіирующій въ своей формѣ, было использовано Bertillon'омъ въ значительной мѣрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ регистрація преступниковъ въ антропометрическомъ бюро ведется полицейскими агентами, т.-е. людьми не получившими ни спеціальнаго, ни въ достаточной мѣрѣ широкаго общаго образованія, а потому методы регистраціи по необходимости должны были отличаться сравнительной простотой, ясностью и доступностью. Многолѣтняя практика антропометрическихъ бюро показала, что Bertillon справился съ своей задачей весьма удовлетворительно. На ряду съ нѣкоторыми измѣреніями въ схемѣ Betrillon'a существуетъ рядъ примѣтъ описательныхъ, составляющихъ его „portraits parlés“, гдѣ наружное ухо занимаетъ не послѣднее мѣсто. Дальнѣйшія попытки систематическаго изученія наружнаго уха, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ изысканія *Gradenigo* [17, 26, 37—44]) не свободны отъ нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ. Правда, Gradenigo, какъ знатокъ исторіи развитія уха, имѣетъ болѣе правильное представленіе о взаимоотношеніи отдѣльныхъ частей этого органа, а потому избѣгаетъ ошибокъ соединенія въ одно цѣлое особенностей не имѣющихъ между собой ничего общаго; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ становится на вполнѣ вѣрный путь изученія формъ отдѣльныхъ образованій уха порознь и уже послѣдующаго ихъ соединенія въ извѣстные типы; тѣмъ не менѣе и у этого автора хотя и отведено достаточное мѣсто для регистраціи отдѣльныхъ формъ, но нѣтъ или почти нѣтъ ничего для количественнаго различенія въ предѣлахъ одной и той же формы, т.-е. для различенія *степеней* развитія отдѣльныхъ варіацій,—что имѣетъ существенно важное значеніе, давая возможность болѣе полнаго и болѣе точнаго сравненія отдѣльныхъ человѣческихъ группъ между собою.

Только въ самое послѣднее время сдѣланъ рѣшительный шагъ къ упорядоченію методики изслѣдованія наружнаго уха. Починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ профессору анатоміи въ Страсбургскомъ университетѣ *Schwalbe* [45]), давшему очень подробную схему для изслѣдованія наружнаго уха. Будучи глубокимъ знатокомъ морфологіи человѣческаго тѣла вообще и наружнаго уха въ частности, давъ раньше нѣсколько капитальныхъ работъ, касающихся морфологіи, сравнительной анатоміи уха, его значенія въ экономіи организма, исторіи его развитія [29—33, 46]), проф. Schwalbe увѣнчалъ свои работы составленіемъ схемы изслѣдованія уха, не выполнивъ, однако, самъ ни одной работы, которая давала бы свѣдѣнія по всѣмъ рубрикамъ его схемы. Практическое значеніе схемы Schwalbe еще не могло быть провѣрено, такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ ни одной еще работы, проведенной по всей схемѣ полностью. Существуетъ, правда, работа *W. Warda* [46]), въ которой при изслѣдованіе дегенеративныхъ формъ уха приняты нѣкоторыя указанія Schwalbe, но гдѣ далеко не выполнена вся его программа; равнымъ образомъ *Daae* [47]), *Wilhelm* [48]) и нѣкоторые другіе авторы пользуются тѣми изъ пріемовъ изслѣдованія Schwalbe, которые были указаны имъ въ болѣе раннихъ работахъ, но все это отдѣльныя частности, отнюдь не рѣшающія общаго вопроса о пригодности, практическомъ значеніи и научной цѣнности схемы Schwalbe. Но самое имя пр. Schwalbe, его компетенція въ вопросахъ о морфологіи и эмбріологіи наружнаго уха, затѣмъ теоретическія основы, на которыхъ построена схема, говорятъ многое въ ея пользу. Примѣненіе схемы проф. Schwalbe является желательнымъ уже по тому одному, что оно обезпечиваетъ единство взглядовъ грядущихъ изслѣдователей и возможность сравненія результатовъ изслѣдованій различныхъ авторовъ между собою, тогда какъ всѣ до сихъ поръ существующія изслѣдованія формъ наружнаго уха вслѣдствіе различій въ самыхъ способахъ изслѣдованія трудно сравнимы между собой и теряютъ черезъ это почти все свое значеніе.

Производя свои личныя изслѣдованія въ строгомъ соотвѣтствіи съ схемой Schwalbe, я долженъ привести здѣсь эту схему цѣликомъ, дополнивъ ее поясненіями, почерпнутыми изъ ознакомленія со всѣми другими работами Schwalbe и съ общимъ духомъ его изслѣдованій. Такія поясненія существенно необходимы уже потому, что, (какъ я въ томъ убѣдился на своемъ личномъ опытѣ) до болѣе основательнаго знакомства съ другими работами Schwalbe нѣкоторые пункты его схемы изложенные въ вышецитированной работѣ очень сжато, могутъ быть не совсѣмъ правильно поняты. Я самъ, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ отбросить свыше ста составленныхъ мною карточекъ вслѣдствіе не совсѣмъ точнаго пониманія требованій автора. Вотъ причина, въ силу которой мое изложеніе и поясненіе схемы Schwalbe можетъ въ концѣ концовъ оказаться едва ли не длиннѣе самой подлинной работы, въ которой эта схема была предложена вниманію изслѣдователей.

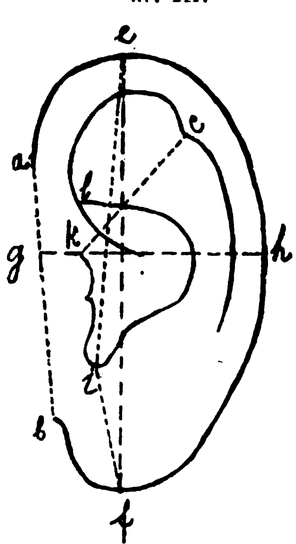
Схема Schwalbe охватываетъ какъ измѣрительные такъ и описательные признаки наружнаго уха.

Всѣхъ измѣреній для болѣе полной характеристики наружнаго уха Schwalbe предложилъ 16 (не считая нѣсколькихъ указателей, вычисляемыхъ изъ измѣреній), но для массовыхъ изслѣдованій, особенно же для цѣлей психіатріи и криминальной антропологіи, Schwalbe принимаетъ 8 наиболѣе характеризующихъ ухо измѣреній:

1) *Наибольшая длина (высота) уха* (см. *ef* фиг. 3) отъ наиболѣе высокой точки (верхняго полюса) уха до наиболѣе низко лежащей точки его на мочкѣ, гдѣ бы она ни пришлась.

2) *Наибольшая ширина уха* (см. *gh* фиг. 3) перпендикулярно къ первой линіи въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ

Фиг. III.

Измѣренія уха по Schwalbe.

ав — длина основанія уха, *ef* — длина (высота) уха, *gh* ширина, *кс*—истинная высота, *ie*—длина уха безъ мочки, *if*—длина мочки, *li* (на рис. не означено пунктиромъ)--длина conchae; ширина conchae отъ точки *к* перпендидуларна къ ея длинѣ, т.-е. къ *li*.

размѣръ даетъ наибольшую величину. Обыкновенно эта линія ложится по sulcus helicino-tragicus или не много выше его. Въ такъ называемыхъ „макако-формныхъ“ ушахъ (смотри ниже) онъ приходится значительно выше — большею частью на уровнѣ Дарвинова бугорка. Передній конецъ діаметра *gh* считается отъ линіи основанія уха (см. слѣдующее измѣреніе), задній конецъ до самой задней точки соотвѣтствующаго края уха, а не до свободнаго края уха, который благодаря большей или меньшей степени загиба завитка лежитъ обыкновенно нѣсколько впереди отъ той точки, гдѣ заканчивается діаметръ *gh*.

3) *Длина основанія уха* (см. *ab* фиг. 3) разстояніе между верхней и нижней точками прикрѣпленія уха;

этотъ размѣръ соотвѣтствуетъ ширинѣ основанія стоячаго уха млекопитающихъ (*Schwalbe*).

4. *Длина уха безъ мочки* (см. *ie* фиг. 3) т.-е. отстояніе наиболѣе низко лежащей точки incisurae intertragicae отъ верхушки уха.

Значеніе этого размѣра сводится къ тому, что въ виду большого разнообразія въ формѣ и длинѣ мочки, длина (высота) уха *ef* представляетъ сравнительно очень большія колебанія; размѣръ же *ie* отъ формы и величины мочки не зависитъ и представляетъ собой длину хрящеваго уха.

5) *Истинная высота* (*длина*) *уха* (см. *kc* фиг. 3) въ отличіе отъ *ef* или наибольшей длины уха представляетъ разстояніе отъ дна sulcus helicino-tragicus до верхушки Дарвинова бугорка. Названіе истинной высоты уха Schwalbe присвоиваетъ этому размѣру на томъ основаніи, что Дарвиновъ бугорокъ представляетъ, какъ это высказалъ впервые еще *Дарвинъ* [34]), а потомъ послѣ споровъ и сомнѣній окончательно выяснили *Chiarugi* [27]) и *Schwalbe* [30]), аналогъ заостренной верхушки стоячаго уха животныхъ. Слѣдовательно, размѣръ *kc* человѣческаго уха соотвѣтствуетъ у животныхъ отстоянію верхушки уха отъ его основаніи, т.-е. высотѣ уха.

6) *Высота конхи*—разстояніе отъ точки пересѣченія нижняго края cruris anterioris inferioris helicis съ покрывающимъ ее свободнымъ краемъ восходящей части завитка (точка *l* фиг. 3) и до самой низкой точки incisurae intertragicae (точка *l* фиг. 3). Эта линія лежитъ большею частью параллельно или длинѣ основанія уха или наибольшей длинѣ уха.

7) *Ширина конхи*—отъ sulcus helicino-tragicus перпендикулярно высотѣ конхи до ограничивающаго задній край конхи передняго края противозавитка.

8) *Длина ушной мочки* (см. *if* фиг. 3)—отъ самой низкой точки incisurae intertragicae до самой низкой точки мочки (до конца, слѣдовательно, діаметра наибольшей высоты уха).

Затѣмъ Schwalbe предлагаетъ вычислять изъ полученныхъ размѣровъ нѣкоторые указатели (выраженія отношеній длины однихъ размѣровъ къ другимъ), о которыхъ будетъ еще рѣчь впереди.

Описательные признаки, т.-е. отмѣтка особенностей въ конфигураціи отдѣльныхъ частей уха, неподдающихся измѣреніямъ, представляютъ въ силу разнообразія и прихотливости ихъ формъ очень серьезныя затрудненія. Изъ всей суммы варіацій формъ важно было ухватить черты наиболѣе постоянныя и характерныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивающія по возможности вліяніе субъективизма и произвола изслѣдователя.

Работа Schwalbe надъ рѣшеніемъ этой далеко не легкой задачи была въ значительной мѣрѣ упрощена благодаря существовавшимъ уже въ этомъ направленіи попыткамъ Bertillon'a, общими принципами равно какъ и нѣкоторыми подлинными пріемами котораго Schwalbe и воспользовался при составленіи своей схемы для изслѣдованія наружнаго уха.

Большое мѣсто въ схемѣ Schwalbe отводится завитку, какъ образованію, въ значительной мѣрѣ опредѣляющему общую конфигурацію уха и играющему вмѣстѣ съ тѣмъ видную роль въ сравнительной и расовой анатоміи уха, въ вопросѣ о „дегенеративномъ ухѣ" и т. д.

Для удобства веденія записей Schwalbe держится системы обозначенія различныхъ варіацій каждаго изъ разсматриваемыхъ имъ образованія уха соотвѣтствующими условными цифрами. По отношенію къ Дарвинову бугорку, съ котораго онъ начинаетъ разсмотрѣніе завитка, Schwalbe устанавливаетъ слѣдующія обозначенія: цифра 6 служитъ для регистраціи тѣхъ случаевъ, гдѣ Дарвинова бугорка нельзя совсѣмъ замѣтить даже и при разсматриваніи уха сзади (наиболѣе въ данномъ случаѣ выгодное положеніе). Цифрой 5 обозначаются такія формы, гдѣ Дарвиновъ бугорокъ отмѣчается въ видѣ легкаго веретенообразнаго утолщенія въ соотвѣтствующей области завитка, лучше всего замѣтнаго при зазсматриваніи уха сзади. Цифра 4 служитъ для обозначенія формъ Дарвинова бугорка въ видѣ насаженнаго на загнутомъ впередъ свободномъ краѣ завитка ясно диференцированнаго бугорка съ притупленной вершиною. Цифрою 3 обозначаются такія же формы бугорка, что и въ предыдущемъ случаѣ, но когда вершина бугорка уже не притуплена но имѣетъ видъ остраго треугольнаго кончика (на фиг. I изображено ухо съ такою формою Дарвинова бугорка). Цифры 2 и 1 служатъ для обозначенія особыхъ формъ Дарвинова бугорка, имѣющихъ мѣсто только на ушахъ съ недоразвитымъ завиткомъ. Въ формѣ 2 Дарвиновъ бугорокъ имѣетъ нѣсколько притупленную вершину, обращенную въ силу недоразвитія helicis уже не впередъ, а только кнаружи, вмѣстѣ съ тѣмъ и самый свободный край уха въ области Дарвинова бугорка представляетъ нѣкоторый угловой изгибъ (см. *b* фиг. 4) *).

Только что упомянутая форма Дарвинова бугорка, сравнительно рѣдкая у взрослаго человѣка, составляетъ одну изъ обязательныхъ стадій эмбріональнаго его развитія, вмѣстѣ съ тѣмъ она напоминаетъ форму уха нѣкоторыхъ изъ церкопитековыхъ обезьянъ, почему Schwalbe и даетъ ей названіе *церкопитековой* формы. Цифра 1 служитъ, наконецъ, для обозначенія еще болѣе рѣзкой степени развитія Дарвинова бугорка, когда онъ представляетъ изъ себя уже настоящій угловой перегибъ свободнаго края уха, лишеннаго въ нижней

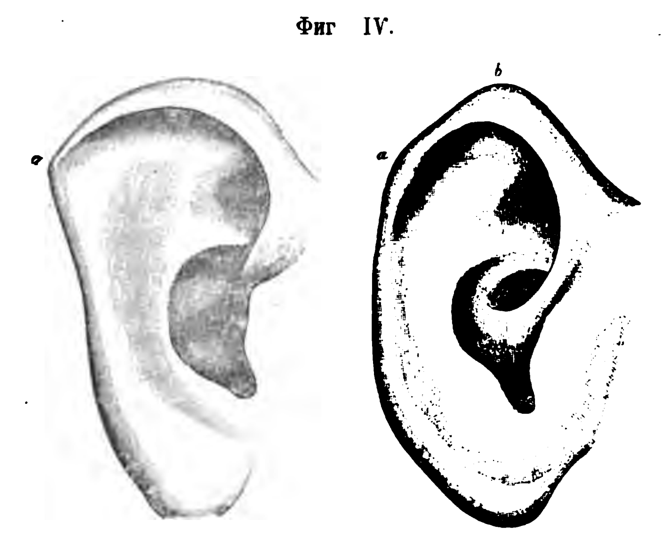
*) Здѣсь приводятся только самыя краткія объясненія отдѣльныхъ варіацій образованій наружнаго уха, необходимыя для общаго пониманія схемы Schwalbe, дальнѣйшія же подробности будутъ изложены ниже при изложеніи результатовъ моихъ личныхъ наблюденій.

своей половинѣ всякаго признака загибанія (см. *a* фиг. 4). Верхушка Дарвинова бугорка обращена при этой формѣ назадъ и представляетъ очевидный и несомнѣнный аналогъ заостренія кончика уха нѣкоторыхъ животныхъ. Присущая также одной изъ болѣе раннихъ стадій эмбріональнаго уха, эта форма напоминаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ устройство уха нѣкоторыхъ макаковыхъ обезьянъ, отчего Schwalbe и называетъ ее *„макакоформной“*. Въ общемъ обозначеніе различныхъ варіацій въ формахъ Дарвинова бугорка принимаетъ въ схемѣ Schawlbe слѣдующій видъ:

1. Макакоформный Дарвиновъ бугорокъ } при недоразвитомъ завиткѣ.
2. Церкопитековый } при недоразвитомъ завиткѣ.
3. Остроконечный бугорокъ на загнутомъ уже завиткѣ.
4. Притупленный бугорокъ.
5. Плоскій—едва только замѣтный.
6. Незамѣтенъ совершенно.

Кромѣ Дарвинова бугорка, на завиткѣ отмѣчается

Фиг IV.

A, Ухо одного шведа (по Schwalbe). При точкѣ *a* дарвиновъ бугорокъ въ формѣ I схемы Schwalbe

B, Человѣческое ухо съ Дарвиновымъ бугоркомъ (*a*) форма II схемы Schwalbe. При *b* сатировъ бугорокъ.

еще одинъ бугорокъ, расположенный на самой верхней точкѣ уха, и носящій у авторовъ названіе макушечнаго или вершиннаго бугорка. Schwalbe же, обращая вниманіе на то обстоятельство, что скульпторы античнаго міра всегда снабжали этимъ бугоркомъ уши сатира, предложилъ названіе сатирова бугорка. Въ схемѣ Schwalbe не отводится мѣста для диференцировки отдѣльныхъ формъ (или степеней развитія) этого бугорка, хотя такая диференцировка, какъ это мы увидимъ ниже, возможна; по системѣ, принятой Schwalbe, отмѣчается лишь наличность (единицей) или отсутствіе (нулемъ) этого бугорка.

Степень развитія завитка т.-е. степень загибанія свободнаго края уха, Schwalbe предлагаетъ отмѣчать въ двухъ мѣстахъ, а именно — выше Дарвинова бугорка (верхне-передній завитокъ) и нѣсколько ниже Дарвинова бугорка (нижній завитокъ) на половинѣ, приблизительно, разстоянія между Дарвиновымъ бугоркомъ и той областью, гдѣ обыкновенно кончается завитокъ. Цифра 1 означаетъ въ обоихъ случаяхъ полное отсутствіе загибанія helicis, когда свободный край уха представляется, слѣдовательно, плоскимъ, обращеннымъ назадъ; цифра 2 означаетъ боковое загибаніе завитка, когда свободный край уха обращенъ не назадъ, а кнаружи; цифра 3 — когда загибаніе завитка совершилось вполнѣ и свободный край уха обращенъ уже въ соотвѣтствующей области впередъ. Цифра 4 (для нисходящаго завитка) обозначаетъ случаи, гдѣ завитокъ не только вполнѣ загнутъ, но и сращенъ съ подлежащею частью наружной поверхности уха.

Разсматривая степень развитія *ножки завитка*, Schwalbe даетъ четыре обозначенія, менѣе точно, однако, диференцируемыя другъ отъ друга (за исключеніемъ формы 4), чѣмъ это имѣетъ мѣсто для предыдущихъ обозначеній:

1—обозначаетъ слабое развитіе ножки завитка.

2—среднее.

3—сильное.

4—ножка завитка идетъ поперекъ черезъ всю конху и доходитъ до противозавитка, иногда совершенно сливаясь съ нимъ. Обозначенія „слабое“ „среднее“, „сильное“ развитіе даютъ, очевидно, широкое поле для проявленія субъективизма изслѣдователя и только рубрика 4 обозначаетъ вполнѣ опредѣленную своеобразную форму уха съ конхой подѣленной на двѣ несообщающіяся между собой полости—*fossa cymbae* и *cavitas conchae*.

Изъ болѣе рѣдкихъ формъ завитка Schwalbe предлагаетъ отмѣчать существованіе (1) или отсутствіе (0) такъ называемой имъ *нисходящей ножки завитка*—*crus descendens helicis*, идущей обыкновенно отъ ножки завитка въ нисходящемъ направленіи позади входного отверстія въ слуховой каналъ. Ножка эта, если она существуетъ, достигаетъ иногда такого значительнаго развитія, что выполняетъ собою всю конху, отчего нѣкоторые изслѣдователи, менѣе свѣдущіе въ вопросахъ морфологіи и эмбріологіи наружнаго уха и отмѣчаютъ такія формы какъ „отсутствіе конхи“ (*P. Eule* [49]), напримѣръ).

Различныя варіаціи въ формѣ противозавитка Schwalbe опредѣляетъ по степени развитія (выступанія кнаружи) его ствола и по состоянію его верхне-задней ножки.

Для оріентировки относительно степени выступанія ствола завитка кнаружи (степени выпуклости его рельефа) Schwalbe пользуется данной *Bertillon*'омъ такъ называемой плоскостью уха, т.-е. плоскостью взора смотрящаго на ухо сзади черезъ свободный задній край завитка (въ средней его части, когда завитокъ еще не

близится къ своему концу) и черезъ наиболѣе выдающуюся точку козелка.

Случаи средняго развитія противозавитка, когда верхушка его валика лежитъ въ этой ушной плоскости, означаются, по Schwalbe, цифрой 2, единица же означаетъ случаи лежанія верхушки противозавитка подъ плоскостью уха, цифра 3—случаи выстоянія выступанія ея надъ плоскостью уха. Для нижне-передней ножки противозавитка принимаются слѣдующія, не совсѣмъ точныя, обозначенія:

1—ножка отсутствуетъ.

2—замѣтна.

3—развита въ средней степени.

4—сильная степень ея развитія.

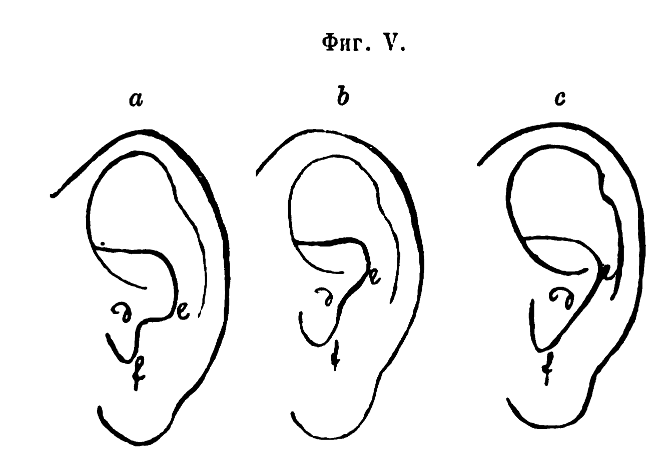
Одной изъ такъ называемыхъ „аномальныхъ“ ножекъ противозавитка, а именно—идущей отъ мѣста обычнаго раздѣленія ствола на ножки къ области Дарвинова бугорка, какъ встрѣчающейся чаще другихъ, Schwalbe отводитъ въ своей схемѣ особое мѣсто, подъ именемъ *crus anthelicis tertius* *), обозначая наличность ея черезъ единицу, отсутствіе черезъ ноль. Другія атипичныя дѣленія противозавитка требуютъ всякій разъ особаго спеціальнаго описанія.

Для *козелка* отмѣчается только наличность (1) или отсутствіе (0) tuberculi supratragici, какъ его называетъ Schwalbe; этотъ бугорокъ составляетъ верхнезадній уголъ козелка и придаетъ всему козелку угловатый (четыреугольный) видъ; въ случаѣ же его отсутствія козелокъ имѣетъ скорѣе коническую форму, почему другіе авторы (*Binder*, *Frigerio* и пр.) и различаютъ иногда двѣ формы козелка — *четыреугольную* (tuberc. supratragicum—1 по означенію Schwalbe) и *коническую* (tub. supratrag.—0). Надо замѣтить, что подъ наличностью этого бугорка должно понимать его видимость для глаза (Sichtbarkeit), а не констатированіе наощупь, такъ какъ при ощупываніи онъ всегда констатируется въ видѣ небольшаго хрящеваго выступа.

Противокозелокъ представляетъ наиболѣе сложный и прихотливо очерченный рельефъ, трудно поддающійся описанію. Schwalbe выбираетъ тѣ отношенія его отдѣльныхъ частей другъ къ другу и ко всему остальному уху, которыя кажутся ему, вмѣстѣ съ Bertillon'омъ, наиболѣе характеризующими общую форму противокозелка и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе поддаются регистраціи. Онъ разсматриваетъ такимъ образомъ: 1) выступаніе кнаружи, 2) направленіе верхняго края противокозелка, 3) общую форму передняго края противокозелка.

Противокозелокъ иногда развивается такъ, что его наружная поверхность плоска и на наружной поверхности уха не выдается (отмѣчается единицей), иногда, наоборотъ, выступаніе его поверхности кнаружи довольно замѣтно (2) или даже сильно выражено, т.-е. противокозелокъ выдается кнаружи въ видѣ неправильнаго по формѣ возвышенія (3). Противокозелокъ ограничиваетъ своими контурами нижне-задній край конхи, представляя въ общей своей формѣ выступъ съ вершиной направленной впередъ (въ полость конхи). Въ этомъ выступѣ можно различать двѣ образующія его ножки — верхнюю и нижнюю. Нижняя всегда имѣетъ нисходящее болѣе или менѣе прямо внизъ направленіе (см. *df* фиг. 5), положеніе же верхней бываетъ то болѣе горизональнымъ (см. *de* черт. *a*, фиг. 5), то болѣе косвеннымъ (см. *de* черт. *b*. и *c*. фиг. 5). Schwalbe называетъ эту ножку верхнимъ краемъ противозавитка и опредѣляетъ горизонтальное его направленіе чрезъ единицу; положеніе среднее между горизонтальнымъ и нисходящимъ (косвеннымъ) чрезъ 2 и косвенное нисходящее направленіе чрезъ 3.

Фиг. V.

Различныя положенія верхняго края противокозелка и различныя общія формы всего противокозелка.

a—Горизонтальное направленіе верхняго края противокозелка (*де*); форма противокозелка съ рѣзкимъ выступомъ.

b.—Среднее направленіе верхняго края противокозелка (*де*); форма противокозелка съ слабымъ выступомъ.

c.—Косое направленіе верхняго края (*де*); форма всего противокозелка прямолинейная.

Положеніе обоихъ колѣнъ, составляющихъ выступъ противокозелка въ полость конхи, опредѣляетъ, конечно, и форму этого выступа, которая и означается по Schwalbe чрезъ 1—въ случаяхъ образованія рѣзкаго выступа (см. фиг. 5-я черт. *a*); чрезъ 2—слабый выступъ (см. фиг. 5-я *b*) и чрезъ 3—отсутствіе выступа и прямолинейная, слѣдовательно, форма противокозелка (см. фиг. 5-я черт. *c*).

Очень большое вниманіе удѣляется въ схемѣ Schwalbe мочкѣ, описаніе различныхъ частей которой дѣлается имъ на основаніи исторіи ея развитія, разработанной главнымъ образомъ трудами *His'a* (24—25).

Прежде всего Schwalbe обращаетъ вниманіе на способъ прикрѣпленія мочки къ щекѣ. Цифра 4 служитъ у него для обозначенія „совершенно свободной“ мочки,

---

*) Раздѣленіе противозавитка на 3 ножки, Dreitheilung der Anthelix авторовъ.

т.-е. такихъ случаевъ, гдѣ между переднимъ краемъ мочки и щекою существуетъ значительная вырѣзка (sinus lobulo-buccalis). Цифрою 3 обозначаются формы съ неглубокимъ sinus lobulo-buccalis, гдѣ, слѣдовательно, часть передняго края, непосредственно приращена къ кожѣ щеки. Цифрой 2 обозначаются случаи, гдѣ упомянутой вырѣзки нѣтъ и мочка приращена къ кожѣ щеки по всему своему переднему краю. Наконецъ, цифра 1 служитъ для обозначенія особыхъ формъ приращенія мочки, когда задній свободный ея край не загибается болѣе или менѣе круто впередъ для образованія нижняго края, а постепенно нисходитъ косвенно внизъ и немного впередъ, до тѣхъ поръ пока онъ не перейдетъ подъ острымъ угломъ въ кожу щеки, такъ что вся мочка постепенно суживается и оканчивается внизу остріемъ (см. фиг. 6-я).

Фиг. VI.

Приращеніе мочки въ формѣ 1 схемы Schwalbe; пунктиромъ обозначена область сращенія мочки съ подлежащею кожею щеки.

Затѣмъ Schwalbe отмѣчаетъ состояніе такъ называемаго *sulcus retrolobularis*—особаго вдавленія на наружной поверхности мочки (см. 21 фиг. I), отмѣчая его слѣдующимъ образомъ:

1—sulcus rtrolobularis отсутствуетъ.

2—развитъ слабо.

3—сильно развитъ, занимаетъ значительную (центральную) часть наружной поверхности мочки.

4—переходитъ за границы мочки вверхъ, соединяясь непосредственно съ fossa scaphoidea.

Верхній конецъ противокозелка отдѣляется отъ нижняго конца противозавитка неглубокой бороздкой, всегда выраженной на отсепарованномъ хрящѣ, но далеко не всегда замѣтной на ухѣ. покрытомъ кожей; на одной приблизительно высотѣ съ этой бороздкой на свободномъ заднемъ краѣ уха замѣчается иногда (опять-таки не всегда) небольшая бороздка, обозначающая собою область окончанія завитка (она замѣтна при неистонченномъ на своемъ нижнемъ концѣ хрящѣ caudae helicis и при толстой мясистой мочкѣ). Обѣ упомянутыя бороздки вмѣстѣ служатъ демаркаціонной линіей, отграничивающей область мочки отъ вышележащихъ частей уха. Schwalbe разсматриваетъ эти отграничительныя бороздки какъ одно цѣлое, называя ихъ вмѣстѣ съ *His'омъ* именемъ *косвенной бороздки—sulcus obliquus* и отмѣчая ея состояніе слѣдующимъ образомъ:

1—sulcus отсутствуетъ съ обѣихъ сторонъ;

2—существуетъ только съ одной стороны — въ области противокозелка и не замѣтенъ между мочкой и завиткомъ;

3—выраженъ съ обѣихъ сторонъ.

Далѣе Schwalbe обращаетъ вниманіе на особый бугорокъ—*tuberculum retrolobulare*, располагающійся въ извѣстномъ числѣ случаевъ близъ задняго края мочки вверху его, тотчасъ ниже окончанія завитка, составляя какъ бы его продолженіе на мочкѣ, отшнурованное, однако, отъ завитка помощью s. obliquus. Цифра 1 означаетъ отсутствіе, 2—среднее и 3--сильное развитіе этого бугорка.

Наконецъ, Schwalbe разсматриваетъ общее положеніе всей мочки, занимаемое ею по отношенію къ медіальной (передне-задней) плоскости, при чемъ прямое ея направленіе, т.-е. положеніе въ медіальной плоскости, означается цифрою 2, тогда какъ 1 означаетъ такое направленіе мочки, когда нижне-задній ея край уклоненъ отъ медіальной плоскости кнаружи, а 3—когда онъ отклоняется кнутри отъ медіальной плоскости (положеніе мочки опредѣляется при разсматриваніи уха сзади).

Покончивъ съ детальнымъ описаніемъ варіацій формъ отдѣльныхъ частей наружнаго уха, Schwalbe опредѣляетъ еще положеніе всего уха въ цѣломъ по отношеніи къ головѣ, для чего даетъ еще двѣ рубрики: 1) *отстояніе уха отъ головы* (1—тѣсное его прилежаніе къ головѣ, 2—среднее отстояніе, 3—далекое отстояніе или „оттопыренное“ ухо, границей для признанія котораго служитъ приближеніе угла между задней поверхностью уха и подлежащею частью головы къ прямому) и 2) наклонъ линіи прикрѣпленія уха (основанія уха) къ линіи опредѣляющей положеніе „нѣмецкой горизонтали“, т.-е. къ линіи, идущей въ параллельной горизонту плоскости отъ верхняго края наружнаго слухового прохода къ самой низкой точкѣ нижняго орбитальнаго края.

На живыхъ точное опредѣленіе этой плоскости нѣсколько затруднительно; впрочемъ, Schwalbe и не требуетъ точныхъ измѣреній, но довольствуется на основаніи своихъ изысканій, а главнымъ образомъ, изысканій Schäffer'a [16]) предѣломъ угла (открытаго кверху) между означенными линіями въ 120°, означая *прямымъ прикрѣпленіемъ уха*) 1)—когда этотъ уголъ не переходитъ 112° и *косымъ*) 2)—когда уголъ больше 120°. Схема заканчивается рубриками „общая форма уха“ (овальное, узкое, широкое, длинное и т. д. по впечатлѣнію на глазъ) и рубрикой: „особенности не укладывающіяся ни въ одну изъ раньше указанныхъ категорій“.

Схема Schwalbe въ полномъ ея видѣ очень подробна, и все-таки нельзя сказать, чтобы она охватывала всѣ возможные случаи варіацій формъ наружнаго уха.

Авторъ, задавшійся, напримѣръ, изученіемъ дегенеративнаго уха, поневолѣ будетъ широко пользоваться рубрикой: „особенности не уложившіяся въ выше указанныя категоріи". Изъ болѣе частыхъ особенностей такого рода можно, напримѣръ, указать на неравномѣрное развитіе завитка на всемъ его протяженіи (волнообразный завитокъ, завитокъ съ вырѣзками и и т. д.) на множественный Дарвиновъ бугорокъ, на аномально глубокое положеніе cruris anterioris anthelicis (когда fossa ovalis входитъ въ составъ верхней стѣнки конхи), на толстую мясистую мочку, на существованіе на этой послѣдней особой бороздки (очень частой), идущей отъ дна incisurae intertragicae внизъ и т. д. Перечень этотъ могъ бы быть, конечно, увеличенъ въ значительной мѣрѣ, между тѣмъ нельзя сказать, чтобы упомянутыя особенности не имѣли бы своего значенія, такъ какъ большинство ихъ считается нерѣдко за признаки „дегенеративнаго" уха. Можно, конечно, указать и на нѣкоторые другіе недостатки схемы Schwalbe, какъ, напримѣръ, на неопредѣленность разграниченія нѣкоторыхъ варіацій, обозначаемыхъ дающими поводъ къ произволу изслѣдователя терминами — „слабаго", „средняго" и сильнаго развитія и пр. Тѣмъ не менѣе, сдѣлать что-либо лучшее представляется довольно затруднительнымъ. Къ тому же всѣ недостатки схемы Schwalbe искупаются основными ея достоинствами, которыя могутъ быть вкратцѣ формулированы такъ:

1) Описаніе формъ не безпорядочно и случайно, но построено на основаніи знаній морфологіи и эмбріологіи наружнаго уха; въ этомъ отношеніи терминологія Schwalbe неизмѣримо, конечно, выше отмѣтокъ „Морелевскаго", „Сталевскаго", „Вильдермутова" уха и пр., или чисто морфологическихъ обозначеній въ родѣ „i formige helix", отсутствіе конхи *(Eule)* и т. д.

2) Субъективизмъ изслѣдователей если не всецѣло, то все же въ значительной мѣрѣ ограничивается путемъ указанія обозначательныхъ пунктовъ или же путемъ болѣе точнаго описанія предѣловъ, отъ которыхъ считается переходъ отъ одной варіаціи къ другой.

3) Для сложныхъ и прихотливыхъ очертаній, не поддающихся точной регистраціи, выбраны все-таки отдѣльныя части, положеніе которыхъ наиболѣе характерно и сравнительно легко региструется.

Во всякомъ случаѣ схема Swalbe заслуживаетъ попытокъ практическаго ея примѣненія, которое въ свою очередь, укажетъ, въ чемъ эта схема могла бы быть измѣнена, а главное сокращена; надо признаться, что массовое изслѣдованіе по всѣмъ пунктамъ схемы—дѣло въ высокой степени кропотливое и утомительное.

III.

Физіологическое и обще-біологическое значеніе наружнаго уха. Наружное ухо, какъ рудиментарный органъ. Вопросы о причинахъ редукціи наружнаго уха.

Успѣшное рѣшеніе вопросовъ о значеніи варіацій въ строеніи наружнаго уха чрезвычайно затрудняется между прочимъ еще и потому, что до сихъ поръ мы не имѣемъ сколько нибудь твердо установленнаго взгляда на функцію наружнаго уха въ его цѣломъ, не говоря уже о значеніи отдѣльныхъ его частей.

Большинство старыхъ авторовъ, опираясь на разсказъ Галена о тугомъ на ухо консулѣ Адріанѣ, который, чтобы лучше слышать, приставлялъ къ уху согнутую воронкою кисть руки (цитировано по *Karutz'y* [50]), считало наружное ухо за аппаратъ назначенный для лучшаго уловленія и проведенія звуковъ къ среднему уху или для усиленія звуковыхъ колебаній. На это, впрочемъ, цитирующій эти строки Karutz замѣчаетъ: человѣкъ, приставляя согнутую руку къ уху, прежде всего искажаетъ и измѣняетъ этимъ самую форму ушной раковины; слѣдовательно, ни форма всего уха, ни тѣмъ болѣе отдѣльныхъ его частей усиленію и лучшему улавливанію звука не помогаютъ. Со времени *Boerhave'a* являются уже попытки болѣе детальнаго объясненія способовъ, какими наружное ухо улучшаетъ слухъ. Самъ Boerhave (цит. по *Landois* [51]), а за нимъ и другіе авторы утверждали, что наружное ухо служитъ коллекторомъ звуковыхъ волнъ, путемъ отраженія и направленія къ барабанной перепонкѣ отдѣльными возвышеніями и углубленіями уха той части волнъ, которая безъ этихъ сложныхъ фигуръ отражалась бы назадъ въ пространство. Другіе авторы указывали главнымъ образомъ на усиленіе звуковъ вслѣдствіе приведенія звуковыми волнами въ соотвѣтствующія колебанія отдѣльныхъ частей наружнаго уха и передачи этихъ вторичныхъ колебаній чрезъ слуховой каналъ костямъ черепа (*Hermann* [52]). Въ подтвержденіе того, что наружное ухо, путемъ ли улавливанія и передачи бо́льшаго количества звуковыхъ волнъ, или же путемъ созвучныхъ колебаній его частей и передачи этихъ колебаній чрезъ хрящевыя образованія и кости внутреннему уху, способствуетъ лучшему воспріятію звуковъ приводятся обыкновенно опыты *Schneider'a*, а потомъ *Politzer'a*, которые выполняли всѣ неровности ушной раковины воскомъ, сургучомъ, мокрой бумагой и т. д. и получали нѣкоторое пониженіе слуха. Однако, *Harless*, *Esser* и др. (цит. по *Landois* [51]), при

аналогичныхъ же условіяхъ, но при болѣе, быть-можетъ, чистой постановкѣ опытовъ не могли отмѣтить ничего подобнаго. Кромѣ того *Mach* [53]) считаетъ мнѣніе о передачѣ и отраженіи звуковыхъ волнъ рельефомъ наружнаго уха внутреннему уху прямо за „physikalisch ganz unhaltbare Ansicht“—вслѣдствіе неблагопріятныхъ для соотвѣтственной длины волнъ пространственныхъ отношеній.

Высказывалось также предположеніе, что наружное ухо служитъ для оріентировки относительно направленія и мѣста, откуда исходитъ звукъ. Такъ, еще въ началѣ истекшаго столѣтія *Curtius* [54]) замѣчаетъ, что человѣкъ слушаетъ звуки, идущіе не со всѣхъ сторонъ, но главнымъ образомъ сверху и спереди, для чего наружное ухо и устроено такъ, что оно больше всего простирается въ вертикальномъ направленіи и наклонено вмѣстѣ съ тѣмъ немного впередъ. Аналогичную функцію приписываетъ наружному уху и *Kessel* (цит. по Landois), представляя себѣ, однако, болѣе сложныя отношенія. По его мнѣнію, въ наружномъ ухѣ существуетъ 5 различныхъ участковъ, отъ которыхъ звукъ при спокойномъ положеніи головы проводится къ барабанной перепонкѣ съ различною силою; при движеніи же головы вызываются многоразлично комбинированныя колебанія въ силѣ звука, которыя и даютъ воспринимающему ихъ субъекту матеріалъ для оцѣнки пространственныхъ отношеній звучащаго тѣла. Подтвержденіемъ такого взгляда служатъ какъ будто и опыты *Рождественскаго* (цит. по Landois), находившаго, что острота локализаціи звуковыхъ впечатлѣній, получаемыхъ сзади, понижается при покрытіи задней поверхности ушной раковины каучукомъ. Еще положительнѣе высказываются за значеніе наружнаго уха, какъ органа локализаціи пространственныхъ отношеній звучащаго тѣла, *Kuss* и *Duval* [55]). Эти экспериментаторы брали гибкую эластическую трубку достаточно длинную для того, чтобы по вставленіи обоихъ ея концовъ въ слуховые проходы образовалась петля, которую можно было бы переводить черезъ голову впередъ и назадъ. Экспериментаторы приставляли къ этой петлѣ карманные часы и отмѣчали, что при закрытыхъ глазахъ испытуемый слышитъ хорошо тиканіе часовъ, но не отличаетъ при этомъ ни передвиженій часовъ по петлѣ вправо и влѣво, ни переносовъ самой петли впередъ къ лицу или назадъ къ затылку. Такъ какъ при подобныхъ опытахъ звукъ идетъ по трубкѣ, минуя возвышенія и углубленія наружнаго уха, Kuss и Duval заключаютъ, что именно эти послѣднія и служатъ для оріентировки относительно мѣстоположенія звучащаго тѣла. Надо, однако, замѣтить, что опыты Kuss'a и Duval'я не безупречны въ томъ отношеніи, что испытуемый слышитъ много побочныхъ шумовъ (колебанія самой трубки, движенія ея концовъ въ слуховомъ проходѣ и т. д.); кромѣ того, онъ поставленъ въ совершенно необычныя условія слышанія звуковъ, проводимыхъ чрезъ плотную среду и идущихъ къ тому же не въ обычномъ своемъ прямолинейномъ поступательномъ движеніи, но по неправильной кривой, обусловленной формою петли. Послѣднее условіе само по себѣ должно оказывать могущественное вліяніе на наше представленіе о направленіи источника звука; кромѣ того, въ житейской практикѣ далеко не часто приходится оріентироваться относительно направленія и мѣста исхода звуковыхъ волнъ, распространяющихся не по воздуху, а по какой-либо иной средѣ, отчего оріентировка при подобныхъ условіяхъ за недостаткомъ сравненій, почерпнутыхъ изъ опыта прошлаго, всегда будетъ не совершенна. Мои самонаблюденія показываютъ, по крайней мѣрѣ, что въ водѣ направленіе звука опредѣляется очень не совершенно, а опредѣленіе разстоянія звучащаго тѣла отъ уха даетъ колоссальныя ошибки (звучащее тѣло кажется въ большинствѣ случаевъ значительно ближе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ).

Противъ гипотезы трактующей наружное ухо какъ органъ локализаціи звуковъ возражаютъ кромѣ того, что люди, лишенные одной или обѣихъ ушныхъ раковинъ, оріентируются въ звукахъ не хуже субъектовъ съ цѣлыми ушами; что для болѣе точной оріентировки въ направленіи и мѣстѣ исхода звука мы дѣлаемъ обыкновенно нѣсколько быстрыхъ движеній головой, т.-е. пользуемся біаурикулярнымъ слухомъ и оцѣниваемъ, слѣдовательно, пространственныя отношенія путемъ опредѣленій въ различіи силы звука, слышимаго съ разныхъ разстояній, т.-е. обоими ушами. Замѣчено также, что люди съ рѣзкими различіями въ остротѣ слуха обоихъ ушей, особенно при условіи, если эти различія развились въ раннемъ возрастѣ, оріентируются въ направленіи звука гораздо хуже даже чѣмъ субъекты съ рѣзко, но равномѣрно для обоихъ ушей пониженнымъ слухомъ, т.-е. для оріентировки въ направленіи звука сохраненіе неповрежденнаго біаурикулярнаго слышанія гораздо важнѣе, чѣмъ самая острота слуха, а тѣмъ болѣе — сохраненіе или несохраненіе тѣхъ или другихъ углубленій и возвышеній ушной раковины. Существуетъ еще взглядъ, въ силу котораго отдѣльныя возвышенія и углубленія наружнаго уха считаются какъ бы резонаторами для отдѣльныхъ тоновъ, дающими возможность распознавать различную окраску звуковъ (Klangfarbe), что служитъ отчасти вспомогательнымъ средствомъ для различенія направленія звука, но имѣетъ главную связь съ музыкальнымъ слухомъ (*Mach* [53]); но тутъ, впрочемъ, можно опять-таки указать на отсутствіе доказательствъ потери музыкальнаго слуха при потерѣ ушныхъ раковинъ; птицы лишены ушной раковины, между тѣмъ музыкальность ихъ слуха не подлежитъ никакому сомнѣнію (*Schäffer*) [16]) и т. д. Въ общемъ надо сказать, что мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одного сколько-нибудь солиднаго доказательства въ пользу какого-либо значенія наружнаго уха, какъ акустическаго аппарата,

такъ что даже такіе выдающіеся физіологи, какъ *Preyer*, *Landois* и др., затрудняются причислить наружное ухо къ акустическимъ аппаратамъ и прямо отказываются опредѣлять его функцію. Самымъ рѣшительнымъ на этотъ счетъ образомъ выражается *Küpper* [56]), по которому наружное ухо человѣка принадлежитъ къ ряду „der nur geerbten nicht mehr functionirenden Organ". Но если это такъ, то наружное ухо должно было подвергнуться общей участи всѣхъ не функціонирующихъ органовъ, т.-е. стать рудиментарнымъ, редуцирующимся органомъ. Такимъ образомъ въ чисто физіологическомъ вопросѣ о функціи наружнаго уха весь центръ тяжести переносится въ сторону обще-біологическихъ, сравнительно анатомическихъ и эмбріологическихъ изысканій, которыя однѣ могли бы дать намъ болѣе точный отвѣтъ на вопросъ о томъ, нужно человѣку наружное ухо или нѣтъ, или въ другихъ терминахъ: представляется ли наружное ухо человѣка жизненно важнымъ, а потому сохраняющимъ свою форму или даже развивающимся дальше органомъ, или же оно постепенно редуцируется, теряетъ свои прежнія болѣе стойкія у низшихъ организмовъ формы?

Однимъ изъ первыхъ авторовъ, взглянувшихъ на наружное ухо, какъ на рудиментарный органъ, является *Дарвинъ*, сдѣлавшій нѣсколько указаній на исчезаніе у человѣческаго уха нѣкоторыхъ функціональныхъ и морфологическихъ особенностей, свойственныхъ уху животныхъ. Во главѣ доказательствъ утраты функціональныхъ особенностей уха Дарвинъ указываетъ на ограниченіе подвижности человѣческаго уха. Въ вопросы морфологіи уха Дарвинъ не могъ входить слишкомъ детально, ему, однако, принадлежитъ честь перваго указанія на сохраняющійся у нѣкоторыхъ людей бугорокъ (носящій его имя), какъ на аналогъ заостреннаго конца уха животныхъ.

Послѣдній взглядъ Дарвина встрѣтилъ возраженія со стороны *L. Meyer'a* [28]), *Hartmann'a* [57]) и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, пытавшихся доказать несоотвѣтствіе Дарвинова бугорка съ заостреніемъ уха животныхъ. Но *Schwalbe* удалось показать, что въ возраженіяхъ авторовъ, основанныхъ главнымъ образомъ на данныхъ развитія наружнаго уха человѣка, кроется простое недоразумѣніе, сводящееся къ тому, что за Дарвиновъ бугорокъ у эмбріона принимали другое, не имѣющее съ нимъ ничего общаго образованіе, а именно бугорокъ, названный Schwalbe сатировымъ бугоркомъ *(Satyrspitze* или *Scheitelspitze)*, который, конечно, занимаетъ другое мѣсто, не соотвѣтствующее острой верхушкѣ уха животныхъ и претерпѣваетъ въ дальнѣйшемъ иную чѣмъ Дарвиновъ бугорокъ судьбу. Нѣкоторые авторы отказывались признать наружное ухо за рудиментарный органъ, недоумѣвая, какимъ образомъ у органа редуцирующагося могутъ появляться новыя образованія, не свойственныя ихъ прототипу, т.-е. уху животныхъ (завитокъ, мочка). Къ числу такихъ авторовъ принадлежатъ *Hartmann*, *Alix*, а также и *Binder* [15]), возраженіе котораго *Karutz* [50]) считаетъ въ данномъ случаѣ совершенно не логичнымъ. Съ послѣднимъ положеніемъ нельзя, впрочемъ, согласиться: обнаруженное Binder'омъ въ его работѣ отсутствіе свѣдѣній по сравнительной анатоміи и эмбріологіи уха, въ которомъ, впрочемъ, самъ авторъ добросовѣстно признается въ концѣ своей работы, очевидно, наконецъ, малое знакомство этого изслѣдователя-психіатра съ исторіей эволюціи формъ животнаго міра—дѣлаютъ, если хотите, мнѣніе Binder'a вполнѣ логичнымъ, такъ какъ только знаніе законовъ эволюціи формъ могло бы дать Binder'y сотни указаній на случаи, гдѣ атрофирующійся органъ даетъ промежуточныя, переходныя образованія, могущія казаться съ чисто морфологической точки зрѣнія новыми пріобрѣтеніями органа; только функціональное несовершенство или полная съ этой точки зрѣнія безполезность новаго придатка показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ новообразованіемъ отнюдь не прогрессивнаго характера. Вопросъ о томъ, какъ совершается процессъ редукціи наружнаго уха человѣка и почему этотъ процессъ ведетъ къ образованію новыхъ не свойственныхъ животнымъ формъ (завитокъ, противозавитокъ, мочка) детально разъясненъ работами *Schwalbe*. По Schwalbe primum movens процесса редукціи наружнаго уха человѣка является ограниченіе его подвижности, связанное съ ослабленіемъ и атрофіей многихъ мышцъ двигающихъ ухо, и въ особенности мышцъ, оттягивающихъ ухо назадъ и вверхъ (мышцы, поднимающія ушную раковину, „настораживающія" ухо животныхъ). Отсутствіе давленія этихъ мышцъ, поддерживающихъ и стимулирующихъ свободный заостренный конецъ уха животныхъ, должно влечь за собою изгибаніе и уменьшеніе свободнаго конца наружнаго уха (отчасти подъ давленіемъ мышцъ антагонистовъ, отчасти въ силу тяжести); вмѣстѣ съ тѣмъ весь хрящъ уха сморщивается, съеживается; въ результатѣ этого процесса получается образованіе противозавитка и завитка, какъ складокъ, образующихся въ направленіи перпендикулярномъ дѣйствію стяженія, ретракціи органа. Тѣ же приблизительно причины обусловливаютъ и появленіе такъ озаботившей Binder'a мочки. *Schäffer* [16]), правда, признаетъ за главнѣйшіе моменты для появленія мочки переходъ изъ горизонтальнаго положенія въ вертикальное и вліяніе законовъ тяжести, въ силу которыхъ избыточный лишній кожный лоскутъ оттягивается внизъ. *Karutz* [50]) возражаетъ ему, однако, что тяжесть едва ли могла играть значительную роль по отношенію къ столь незначительному по объему и вѣсу органу, что принимая ея вліяніе на наружное ухо, надо было бы ждать аналогичнаго ея дѣйствія и на другіе органы, какъ-то на складки вѣкъ, на губы и т. д., также измѣнившіе свое относительное положеніе при переходѣ человѣка отъ горизонтальнаго положенія въ вертикальное.

Для Karutz'а прекращеніе взаимодѣйствія антогонистическихъ мышцъ является уже моментомъ достаточнымъ для того, чтобы кожа всего органа ослабѣла и опустилась бы внизъ. Но то или другое толкованіе является вопросомъ о деталяхъ, по существу же дѣло все-таки сводится къ тому, что измѣненія наружнаго уха у человѣка, несмотря на образованіе морфологически новыхъ частей, является все-таки процессомъ редукціи, обратнаго, а не прогрессивнаго развитія. Наиболѣе наглядно процессъ измѣненія формъ наружнаго уха можетъ быть прослѣженъ на человѣческихъ эмбріонахъ различныхъ возрастовъ. По Schwalbe наружное ухо человѣка развивается прогрессивно до середины или до конца второго мѣсяца зародышевой жизни, а уже съ третьяго мѣсяца начинается процессъ обратнаго развитія. Въ концѣ втораго мѣсяца зародышевой жизни ухо человѣческаго эмбріона имѣетъ форму подобную остроконечному уху многихъ животныхъ. Въ это время Schwalbe различаетъ въ немъ двѣ отдѣльныя части: 1) область возвышеній *(Ohrhügelregion)* и 2) область ушной пластинки. (*Region der Ohrfalte*)

Первая, т.-е. область возвышеній, представляется въ это время уже законченной вчернѣ и соотвѣтствуетъ верхне-передней части завитка, нижне-передней ножкѣ противозавитка, козелку и противокозелку — образованіямъ, присущимъ и человѣку и большинству млекопитающихъ и у всѣхъ животныхъ группъ болѣе или менѣе сходнымъ и съ чисто морфологической точки зрѣнія. Вторая, т.-е. область ушной пластинки—у человѣческаго эмбріона въ концѣ второго мѣсяца утробной жизни представляетъ полный аналогъ трубкообразной или точнѣе — сверткообразной (duttiformig) части уха многихъ млекопитающихъ и представляетъ въ это время форму наиболѣе полнаго прогрессивнаго развитія органа. Въ дальнѣйшей жизни эмбріона область ушной пластинки претерпѣваетъ рядъ измѣненій регресивнаго характера, сводящихся главнымъ образомъ къ ея искривленію и изгибанію, въ результатѣ котораго является измѣненіе общей ея формы и развитіе на ней складокъ, образующихъ впослѣдствіи завитокъ, противозавитокъ и мочку. Процессъ этотъ совершается постепенно и послѣдовательно, имѣя въ различныхъ своихъ стадіяхъ рядъ аналоговъ среди формъ уха взрослыхъ обезьянъ. Къ болѣе детальному описанію этого процесса намъ еще придется вернуться позднѣе, въ настоящее время для насъ важно только установить тотъ фактъ, что весь ходъ измѣненій области ушной пластинки отъ ея формы второго мѣсяца эмбріональной жизни и до формъ уха взрослаго человѣка Schwalbe считаетъ за процессъ редукціи, а не прогрессивнаго метаморфоза. Schwalbe установилъ весь путь редукціи, во всѣхъ его фазахъ, принявъ за исходный пунктъ, за ближайшую причину процесса—ослабленіе двигающей ухо мускулатуры; но въ подробности вопроса о томъ, какими, въ свою очередь, причинами вызвано ограниченіе подвижности уха— Schwalbe не входилъ. Первая попытка поставить этотъ вопросъ принадлежала еще Дарвину, хотя самъ онъ не находилъ возможнымъ для себя дать на него сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ, говоря съ обычной своей осторожностью: „Почему эти животныя (обезьяны), подобно родоначальникамъ человѣка, потеряли способность приподнимать уши кверху, намъ неизвѣстно. Можетъ-быть, потому (я, однако, не совсѣмъ согласенъ съ этимъ объясненіемъ), что благодаря своимъ древеснымъ привычкамъ и большой силѣ, онѣ мало подвергались опасностямъ, вслѣдствіе этого мало двигали ушами въ теченіе долгаго періода времени и постепенно утратили эту способность... Неспособность человѣка и многихъ обезьянъ двигать ушами уравновѣшивается отчасти тѣмъ, что они свободно могутъ поворачивать голову въ горизонтальной плоскости и воспринимать такимъ образомъ звуки, доносящіеся съ различныхъ сторонъ“ (*Дарвинъ* Происхожденіе человѣка. Рус. из. 1896 г., стр. 7).

Другіе авторы придаютъ первенствующее значеніе подвижности головы, которая, будто бы, оказывалась болѣе цѣлесообразной и удобной, чѣмъ движенія ушами, отчего послѣднія мало-по-малу и слабѣли отъ неупотребленія. Но эти, равно какъ и другія имъ подобныя объясненія далеко не удовлетворительны и кажутся въ значительной мѣрѣ натянутыми. Очень оригинальный взглядъ высказанъ въ послѣднее время *Karutz*'омъ [50]), который считаетъ всѣ объясненія причинъ ослабленія двигательной способности ушей неудовлетворительными прежде всего уже потому, что онѣ исходятъ изъ далеко не доказаннаго предположенія, что наружное ухо играетъ главнымъ образомъ роль акустическаго аппарата. Karutz обращаетъ вниманіе на то, что въ ряду позвоночныхъ первые зачатки наружнаго уха мы видимъ у крокодила, у котораго оно представляется въ видѣ двухъ кожистыхъ складокъ—одной болѣе глубоко расположенной и активно не подвижной, другой—болѣе поверхностной и снабженной сильной двигательной мышцей (m. levator). Въ такомъ видѣ наружное ухо является исключительно защитительнымъ отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній аппаратомъ. Вѣроятность такого взгляда подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что у птицъ лишенныхъ ушной раковины существуютъ другіе защитительные аппараты въ видѣ соотвѣтственнаго расположенія перьевъ или же въ видѣ особаго кожнаго валика; у нѣкоторыхъ, лишенныхъ ушной раковины млекопитающихъ также существуютъ защитительные пучки шерсти, кожные валики и т. д., которымъ никто не подумаетъ придавать значеніе акустическаго аппарата. Такимъ образомъ наружное ухо, развивающееся изъ простой дупликатуры кожи, снабженной поднимающей ее мышцею, играетъ, по Karutz'у, преимущественно роль защитительнаго аппарата, акустическая же ея функція, если и существуетъ, то имѣетъ во вся-

комъ случаѣ второстепенное значеніе, далеко не столь важное и незамѣнимое, чтобы съ потерей другого значенія (защитительнаго) ради ея одной органъ сохранялъ бы свое statu quo или даже развивался далѣе.

Уже болѣе низкіе по организаціи типы обезьянъ отличаются отъ другихъ млекопитающихъ значительно большимъ развитіемъ мозга и вмѣщающей его черепной капсулы, однимъ изъ слѣдствій чего является болѣе глубокое и болѣе защищенное отъ воздѣйствій внѣшней среды положеніе средняго и внутренняго уха; сравнительная безопасность внутренняго уха увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что при измѣнившихся топографическихъ отношеніяхъ удлиненный слуховой каналъ получаетъ къ тому же и болѣе изогнутую (колѣномъ) форму.

Съ этого момента значеніе наружнаго уха какъ защитительнаго аппарата падаетъ, что и вызываетъ меньшую необходимость его движеній со всѣми послѣдствіями этого фактора. Нельзя, конечно, сказать, чтобы мнѣніе Karutz'а не подлежало спору и имѣло значеніе непреложной истины; тѣмъ не менѣе, его гипотеза хорошо согласуется съ фактами изъ области сравнительной анатоміи и даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ потери двигательной способности наружнаго уха человѣка.

IV.

Важнѣйшія данныя по сравнительной анатоміи наружнаго уха и по исторіи его развитія.

Среди позвоночныхъ ушная раковина въ простѣйшемъ своемъ видѣ является у пресмыкающихся; у нѣкоторыхъ ящерицъ, у крокодила она представляетъ простую кожную заслоночку, снабженную поднимающей мышцею.

Не далеко отъ пресмыкающихся стоятъ въ этомъ отношеніи и нѣкоторыя изъ млекопитающихъ совершенно различныхъ классовъ, какъ-то monotremata (ехидны, утконосы и т. д.), равно какъ и гораздо болѣе высоко организованные кроты, нѣкоторые изъ грызуновъ, моржи, большая часть видовъ тюленей и т. д. Въ наружномъ ухѣ большинства млекопитающихъ слѣдуетъ различать, какъ это говорилось уже выше, двѣ существенныя части, различныя и по исторіи своего развитія, а именно область возвышеній уха (Region der Ohrhügel Schwalbe) и область свободной ушной пластинки (freie Ohrfalte). Первая область, одинаково присущая всѣмъ млекопитающимъ, мало варіируетъ въ основныхъ своихъ чертахъ и не претерпѣваетъ редукціи даже у человѣка, у котораго соотвѣтствующими этой области образованіями являются ножка и восходящая часть завитка, козелокъ, противокозелокъ и нижняя (передняя) ножка противозавитка. Область же ушной пластинки подвержена значительнымъ варіаціямъ въ величинѣ и формѣ. Общимъ типомъ для уха большинства млекопитающихъ является та форма свободной ушной пластинки, какую мы видимъ у лошади, волка и т. д. Большая часть варіацій сводится къ укороченію или удлиненію, къ большему или меньшему притупленію остраго ея кончика, къ нѣкоторымъ придаточнымъ образованіямъ и т. д. Въ случаѣ удлиненія, что сопровождается нерѣдко и притупленіемъ, закругленіемъ верхушки, конецъ уха, снабженный лишь истонченнымъ хрящомъ, часто свѣшивается внизъ, иногда свѣшивается внизъ и вся свободная ушная пластинка. Различныя комбинаціи такого рода варіацій ведутъ къ образованію всевозможныхъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга по внѣшнему своему виду формъ наружнаго уха, при чемъ степень морфологическихъ различій ушей не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ степени родства животныхъ между собой. Такъ очень близкія другъ къ другу разновидности собакъ обладаютъ то маленькими, заостренными стоячими ушами, то длинными опущенными внизъ ушами съ широкою закругленною верхушкою, то переходною между этими крайностями формою стоячаго уха съ опущенною внизъ верхушкою, т.-е. разновидности одного и того же вида охватываютъ типы варіацій, встрѣчающихся у самыхъ различныхъ породъ животныхъ. Восходя къ болѣе высоко организованнымъ млекопитающимъ, мы уже видимъ болѣе рѣзкія измѣненія свободной ушной пластинки, на которой начинаютъ появляться различныя вторичныя складки, изгибы, выступы, принимаемые иногда за результатъ дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія уха, что, какъ мы уже видѣли, опровергнуто Schwalbe, доказавшимъ регрессивный характеръ этихъ измѣненій. Первые слѣды редукціи наружнаго уха (собственно свободной его пластинки) замѣчаются у большинства лемуровыхъ, у которыхъ передне-верхній край уха завертывается на бóльшемъ или меньшемъ пространствѣ; начинается, слѣдовательно, формированіе завитка. Процессъ заворачиванія не идетъ обыкновенно далѣе какъ до области верхушки уха, которая смѣстившись нѣсколько кзади (вслѣдствіе вызваннаго развитіемъ мозга соотвѣтствующаго поворота всей

скалистой части височной кости (Schäffer[16]), остается попрежнему не загнутою, чрезъ что получается ухо съ Дарвинымъ бугоркомъ въ видѣ треугольнаго выступа, обращеннаго верхушкою прямо назадъ или назадъ и нѣсколько кверху (аналогъ человѣческому уху съ Дарвиновымъ бугоркомъ въ формѣ I по схемѣ Schwalbe).

У приматовъ наблюдается та же форма Дарвинова бугорка, наиболѣе типично выраженная у нѣкоторыхъ макаковъ (откуда и имя — „макаковаго уха" въ схемѣ Schwalbe). У другихъ приматовъ, въ особенности у церкопитековъ, заворачиваніе завитка захватываетъ уже и область верхушки уха, которая въ это время чаще всего нѣсколько притуплена; такимъ образомъ получаются формы уха съ Дарвиновымъ бугоркомъ II или „церкопитековыя" формы по терминологіи Schwalbe. Дальнѣйшее развитіе завитка и сглаживаніе Дарвинова бугорка наблюдается у антропоидныхъ обезьянъ; у оранга нѣтъ уже слѣдовъ Дарвинова бугорка, замѣчается развитіе мочки.

Другимъ характернымъ вторичнымъ изгибомъ свободной ушной пластинки, является обязанный своимъ происхожденіемъ также процессу редукціи противозавитокъ, не существующій совсѣмъ у лемуровыхъ, замѣчаемый впервые у приматовъ. Представляя изъ себя вертикальную складку, происшедшую вслѣдствіе уменьшенія, ретракціи всей свободной ушной пластинки, у низшихъ приматовъ противозавитокъ является то одиночнымъ, то двойнымъ или даже множественнымъ; у антропоидныхъ онъ получаетъ форму одиночнаго валика, близкую къ формѣ его у человѣка. У человѣка, наконецъ, противозавитокъ выраженъ наиболѣе рѣзко; въ цѣломъ своемъ видѣ (въ морфологическомъ смыслѣ) онъ состоитъ изъ ствола, дѣлящагося вверху на двѣ ножки, но въ генетическомъ отношеніи только стволъ и верхняя (задняя) ножка являются результатомъ процесса редукціи, нижняя же (передняя) ножка принадлежитъ къ образованіямъ иного порядка (изъ такъ назыв. области возвышеній уха). У лемуровыхъ, лишенныхъ противозавитка, на наружной поверхности свободной ушной пластинки мы видимъ два поперечные валика — *crista anthelicis anterior* (см. *b* фиг. 7-я) и *crista anthelicis inferior* (см. *c* фиг. 7-я), не связанные между собою.

Crista anthelicis inferior соотвѣтствуетъ верхнему краю противокозелка человѣка, crista superior — передней ножкѣ противозавитка; если теперь между обѣими cristae возникнетъ поперечная складка, продолжающаяся выше cristae superioris, получатся отношенія, напоминающія форму уха человѣка. Но ухо лемура, помимо отсутствія противозавитка, не обладаетъ еще достаточнымъ загибомъ свободнаго края въ завитокъ, хорошо отграниченной конхой и въ общемъ отличается отъ уха человѣка довольно значительно. Гораздо ближе къ человѣку стоятъ въ этомъ отношеніи приматы, особенно узконосые; отъ уха павіана (cynocephali) и мартышекъ (cercopitheci) могутъ быть произведены всѣ формы человѣческаго уха, равно какъ и уха антропоидныхъ обезьянъ (Schwable). Ухо антропоидныхъ отличается отъ уха питековыхъ болѣе совершеннымъ загибаніемъ свободнаго края (образованіемъ завитка), болѣе полнымъ сформированіемъ одиночнаго противозавитка обладающаго уже двумя ножками и развитіемъ зачаточной мочки. Ухо человѣка обладаетъ еще болѣе развитою мочкою и особенно отчетливо выраженнымъ рисункомъ противозавитка. Завитокъ человѣческаго уха загнутъ болѣе сильно, чѣмъ у антропоидныхъ; нельзя, однако, сказать, чтобы ухо человѣка представлялось бы болѣе редуцированнымъ, чѣмъ ухо антропоидныхъ. По отношенію къ степени развитія мочки и къ степени загибанія завитка, это, пожалуй, и такъ, но Дарвиновъ бугорокъ — образованіе особенно живо напоминающее ухо низшихъ животныхъ, наиболѣе полно редуцированъ совсѣмъ не у человѣка, у котораго онъ встрѣчается въ значительномъ процентѣ случаевъ, но у оранга; ухо оранга, не имѣющее и слѣдовъ Дарвинова бугорка, является, по мнѣнію Schwalbe, типомъ наиболѣе редуцированнаго уха. Schwalbe особенно настаиваетъ на томъ, что ухо человѣка никоимъ образомъ не является

Фиг. VII.

Лѣвое ухо Lemur macaco (по Schwalbe).

a — Дарвиновъ бугорокъ *b* crista anthelicis anterior (crus inferius anthelicis у человѣка), *c* crista anthelicis inferior (верхній край противокозелка)

лишь дальнѣйшимъ развитіемъ уха антропоидныхъ и отъ него не можетъ быть произведено. Наиболѣе же общею формою является, по его мнѣнію, ухо питековыхъ, отъ котораго и могутъ быть произведены, какъ формы уха антропоидныхъ, такъ и формы уха человѣка. Такимъ образомъ и изученіе сравнительной анатоміи наружнаго уха свидѣтельствуетъ на ряду со многими другими данными о существованіи общаго предка антропоидныхъ и человѣка гдѣ-то въ ряду питековыхъ.

Исторія эволюціи формъ наружнаго уха въ животномъ мірѣ отражается, конечно, и въ исторіи развитія уха человѣческаго эмбріона, имѣющаго въ различныхъ стадіяхъ утробной жизни послѣдовательный рядъ аналоговъ различныхъ формъ уха животныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ *Schwalbe*, *Schäffer* и нѣкоторые другіе авторы указали на то, что и многія изъ формъ уха взрослаго человѣка отличаются отдѣльными особенностями, носящими характеръ явленій частичнаго недоразвитія; такія уши, приближаются по своему характеру какъ къ ушамъ низшихъ животныхъ, такъ и къ формамъ уха человѣческаго эмбріона на различныхъ ступеняхъ его развитія. Эти своеобразныя формы уха взрослаго человѣка обращали на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, большинство которыхъ, усматривая въ нихъ уклоненіе отъ наиболѣе распространенныхъ формъ, зачисляли ихъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ категорію „аномалій". Позднѣе такого рода — „аномаліямъ" стали придавать значеніе атавистическихъ признаковъ и признаковъ дегенераціи.

Вопросъ объ отношеніи между дегенераціей и атавизмомъ, между атавизмомъ и явленіями остановки развитія органовъ на извѣстныхъ стадіяхъ эмбріональной жизни—вопросъ сложный, многократно трактовавшійся, но далеко еще не приведенный къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. Наружное ухо, какъ органъ сравнительно часто представляющій особенности, трактуемыя то какъ явленія задержки развитія, то какъ явленія атавизма, то какъ признаки дегенераціи, можетъ дать хорошій матеріалъ для освѣщенія даннаго вопроса, при условіи, конечно, болѣе точнаго изученія формъ уха взрослаго человѣка и эмбріона. Въ виду этаго намъ необходимо ознакомиться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ съ исторіей эмбріональнаго развитія уха, изученной главнымъ образомъ трудами *Moldenhauer'a* [22, 58]), *His'a* [23—25]), *Gradenigo* [26, 37—39]), *Schwalbe* [29—33]), *Schäffer'a* [16]) и нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей.

Наружное ухо вмѣстѣ съ слуховымъ проходомъ развивается, по *His'y*, изъ 6 сидящихъ по обѣ стороны первой жаберной щели бугорковъ, носящихъ имя *colliculi branchiales externi Moldenhaueri*. Эти colliculi ясно замѣтны уже въ концѣ перваго мѣсяца зародышевой жизни. Два изъ нихъ (1-й и 2-й по счету His'a) принадлежатъ нижнечелюстной сторонѣ первой жаберной щели, три (4-й, 5-й и 6-й)—подъязычной и одинъ (3-й) промежуточный (счетъ бугорковъ His ведетъ по порядку, начиная съ брюшного конца нижнечелюстной дуги къ спинному ея концу, потомъ отъ спинного конца подъязычной дуги къ брюшному ея концу).

Изъ перваго бугорка развивается по His'y, козелокъ, изъ 2-го и 3-го завитокъ, изъ 4-го противозавитокъ, изъ 5-го противокозелокъ и изъ 6-го мочка. Нѣсколько иначе смотритъ на дѣло *Gradenigo*, по мнѣнію котораго colliculi branchiales externi участвуютъ только въ строеніи частей ушной раковины, прилегающихъ къ meatus auditorius ext. (т.-е. въ строеніи fossae angularis эмбріона или дна будущей конхи), всѣ же остальныя части наружнаго уха образуются не изъ бугорковъ, а изъ развивающихся по обѣ стороны жаберной щели тотчасъ позади бугорковъ валикообразно вытянутыхъ образованій, которымъ Gradenigo даетъ названія: *helix hyoidalis*—для валика на подъязычной сторонѣ и *helix mandibularis*—для валика идущаго по нижнечелюстной сторонѣ жаберной щели). Эти helices вмѣстѣ съ тянущимися по дну fossae angularis ихъ соединительными другъ съ другомъ отростками и образуютъ всю остальную ушную раковину. Соединительные между helics mandibularis и hyoidalis отростки Gradenigo называетъ соотвѣтственно ихъ положенію processus helicis mandibularis superior et inferior; processus helicis hyoidalis superior et inferior. Оба helices соединяются кромѣ того еще другъ съ другомъ на брюшномъ и на спинномъ концахъ жаберной щели. Наконецъ *Schwalbe* занимаетъ среднее мѣсто между His'омъ и Gradenigo, признавая вмѣстѣ съ Gradenigo значительную долю участія въ образованіи отдѣльныхъ частей уха со стороны валиковъ, развивающихся позади бугорковъ и не отрицая вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкотораго участія самихъ colliculi въ строеніи другихъ частей уха, кромѣ fossae angularis. Внося на основаніи своихъ изслѣдованій поправки во взгляды His'a и Gradenigo, Schwalbe могъ установить общее положеніе: изъ Мольденгауеровыхъ бугорковъ развиваются тѣ части уха, которыя общи и человѣку и всѣмъ животнымъ (т.-е. части названныя имъ образованіями области бугорковъ), измѣнчивыя же образованія, присущія только уху приматовъ и человѣка, развиваются вторично исключительно изъ особаго образованія—freie Ohrfalte—(свободной ушной пластинки). Это образованіе у эмбріона, аналогичное тому, что Gradenigo называетъ именемъ helicis hyoidalis, у низшихъ четвероногихъ развивается въ гладкую остроконечную жолобообразно изогнутую пластинку, у приматовъ же и у человѣка, подвергалсь процессу редукціи, она даетъ рядъ вторичныхъ образованій (весь завитокъ, стволовую часть и заднюю ножку противозавитка, мочку). Очевидно, слѣдовательно, что эти послѣднія образованія не могутъ имѣть въ эмбріональномъ ухѣ какихъ либо спеціальныхъ диференцированныхъ частей, назначенныхъ для ихъ развитія, кромѣ образованія назначеннаго для развитія всей свободной ушной пластинки (т.-е. helix hyoidalis Gradenigo или freie Ohrfalte Schwalbe).

Главнѣйшія различія во взглядахъ His'a, Gradenigo и Schwalbe представлены въ общихъ чертахъ на таблицѣ № 1-й.

ТАБЛИЦА № 1-й.

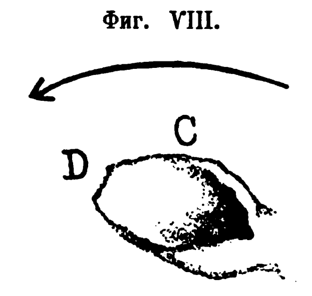
Окончательныя зрѣлыя формы.	Эмбріональныя образованія изъ которыхъ развиваются зрѣлыя формы.		
	по His'у.	по Gradenigo.	по Schwalbe.
Helix восходящая часть.	tub. 3.	Частью helix mandibularis, главнѣйшимъ же образомъ helix hyoidalis.	Частью tub. 3, частью особое образованіе не вполнѣ соотвѣтствующее helix mandibul. Gradenigo.
— нисходящая часть.	tub. 3.	То же, что и для восходящаго helix'а.	Вторично на freie Ohrfalte.
Crus helicis.	tub. 2.	Processus infer. helicis mandibularis.	tub. 2.
Anthelix стволъ.	tub. 4.	Вторично на helix hyoidalis; система его поперечныхъ складокъ.	Вторично на freie Ohrfalte.
—crus super.	tub. 4.	То же, что для ствола.	То же, что для ствола.
—crus infer.	tub. 4.	Частью proces. sup. helicis hyoidalis, частью вторично изъ helix hyoidalis, какъ система его продольныхъ складокъ.	tub. 4.
Crista anthelicis inferior (верхній край противокозелка).	tub. 5.	Отростокъ верхняго сегмента helicis mandibularis.	tub. 5.
Tragus.	tub. 1.	Нижній сегментъ helicis mandibularis.	tub. 1.
Antitragus (нижній его край).	tub. 5.	Нижняя часть helicis hyoidalis.	tub. 6.
Lobulus.	tub. 6.	Вторичное образованіе (разращеніе нижней части helicis hyoidalis).	Вторичное образованіе (выростъ на freie Ohrfalte).

Примѣчаніе: Freie Ohrfalte Schwalbe = helix hyoidalis Gradenigo.

По единогласнымъ показаніямъ всѣхъ авторовъ раньше всего развиваются части, образующія не варьирующую область бугровъ (будущіе козелокъ, противокозелокъ, ножка завитка и верхне-передняя часть завитка, нижняя ножка противозавитка—ясно замѣтные уже въ началѣ или срединѣ 2-го мѣсяца зародышевой жизни). Остальныя образованія въ этотъ періодъ времени еще не достаточно диференцированы, и представляютъ къ концу второго мѣсяца зародышевой жизни нѣсколько неправильный угловатый выступъ; все ухо близко напоминаетъ тогда остроконечное ухо многихъ животныхъ. Эта угловатая, слегка желобообразная часть наружнаго уха (свободная ушная пластинка Schwalbe) представляетъ обыкновенно на ряду съ своимъ концевымъ болѣе острымъ угломъ, соотвѣтствующимъ острію уха животныхъ или Дарвинову бугорку человѣческаго уха, еще другой обыкновенно болѣе притупленный угловой выступъ (см. *c* фиг. 8), соотвѣтствующій будущему верхушечному или сатирову бугорку (сравнительно рѣдко встрѣчающемуся у зрѣлаго плода и у взрослаго человѣка.

Сначала Дарвиновъ бугорокъ у человѣческаго эмбріона стоитъ высоко, составляя самую возвышенную точку

Фиг. VIII.

Зародышевое ухо овцы (по Schäffer'у).
c—сатировъ бугорокъ, *d*—Дарвиновъ бугорокъ.

эмбріональнаго уха, впослѣдствіе же подъ вліяніемъ соотвѣтствующаго вращенія развивающейся пирамидной кости (*Schäffer* [16]) все ухо поворачивается такъ, что Дарвиновъ бугорокъ уклоняется болѣе кзади, а верхушку занимаетъ сатировъ бугорокъ. На фиг. 8 этотъ поворотъ уже свершился (по направленію стрѣлки) и сатировъ бугорокъ составляетъ самую высокую точку уха. Эти-то отношенія двухъ бугорковъ другъ къ другу и подали поводъ къ возраженіямъ *L. Mayer*'а [28]) и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, будто бы Дарвиновъ бугорокъ не соотвѣтствуетъ верхушкѣ уха животныхъ и претерпѣваетъ совсѣмъ иную судьбу; здѣсь авторы прослѣживали въ сущности судьбу сатирова бугорка, а не Дарвинова, какъ они думали.

Въ дальнѣйшемъ развитіи свободная ушная пластинка растетъ быстрѣе остальныхъ образованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, загнутая по своему свободному краю въ концѣ второго мѣсяца только до области сатирова бугорка, она начинаетъ загибаться и далѣе, образуя завитокъ до области Дарвинова бугорка (5—6-й мѣсяцы зародышевой жизни), а потомъ и дальше, постепенно доходя до своей обычной нормы, т.-е. приблизительно до уровня верхняго края противокозелка. Дарвиновъ бугорокъ, какъ образованіе расположенное на свободномъ краю уха, вовлекается также въ процессъ заворачиванія,

такъ что верхушка Дарвинова бугорка, обращенная сначала назадъ, начинаетъ поворачиваться кнаружи, а потомъ обращается своимъ остріемъ уже впередъ; въ то же время сама верхушка Дарвинова бугорка начинаетъ закругляться, притупляться и въ извѣстномъ процентѣ случаевъ къ концу зародышевой жизни изглаживается совершенно до неузнаваемости (Д. Б. форма VI по Schwalbe) или же остается въ видѣ едва замѣтнаго слѣда; въ извѣстномъ же и, надо сказать, далеко не маломъ числѣ случаевъ Дарвиновъ бугорокъ сохраняетъ и у взрослыхъ свои эмбріональныя формы. Загибаніе завитка служитъ, какъ это говорилось уже нѣсколько разъ, выраженіемъ процесса редукціи свободной ушной пластинки. Дальнѣйшее сокращеніе, сжиманіе свободной ушной пластинки ведетъ къ появленію на ней ряда продольныхъ и поперечныхъ морщинъ и складокъ. Наибольшее значеніе имѣютъ продольныя *) складки, одна изъ которыхъ, наиболѣе выраженная, получаетъ значеніе образованія, остающагося и во внѣутробной жизни, это именно будущій стволъ и задняя ножка противозавитка (появляется въ концѣ 4-го, въ началѣ 5-го мѣсяца утробной жизни). Поперечныя **) складки обыкновенно мельче, менѣе рѣзко выражены и просуществовавъ у человѣческаго эмбріона сравнительно короткое время, исчезаютъ; Gradenigo, впрочемъ, думаетъ, что одна изъ нихъ остается, образуя crus anthelicis inferius, тогда какъ His и Schwalbe считаютъ это послѣднее образованіе за продуктъ развитія особаго бугорка (tub. 4. His'а). Crus anthelicis inferius развивается гораздо раньше чѣмъ стволовая часть противозавитка (во второй половинѣ 3-го мѣсяца). Около этого же времени появляются первые зачатки мочки въ видѣ особаго мало еще диференцированнаго отростка, позади противокозелка. Во второй половинѣ и въ концѣ 3-го мѣсяца зародышевое ухо человѣка отличается слѣдующими характерными особенностями. Всѣ образованія въ области возвышеній уха диференцированы; въ области же ушной пластинки завитокъ загнутъ только до Дарвинова бугорка, который представляется вслѣдствіе этого въ видѣ остраго угла, обращеннаго вершиною назадъ; существуетъ зачаточная мочка. Продольныхъ валиковъ на свободной ушной пластинкѣ еще нѣтъ; существуетъ уже crus inferius anthelicis.

Въ такомъ видѣ эмбріональное человѣческое ухо напоминаетъ въ общихъ чертахъ ухо нѣкоторыхъ изъ лемуровыхъ, еще ближе оно подходитъ къ уху болѣе высоко организованныхъ приматовъ, особенно же нѣкоторыхъ макаковъ, напримѣръ, macacus rhesus, или lemur macaco (см. фиг. 7).

Съ развитіемъ противозавитка (4-й и 5 й мѣсяцы) эмбріональное ухо человѣка начинаетъ постепенно примать видъ свойственный зрѣлымъ формамъ. Въ концѣ 5-го мѣсяца большая часть его образованій имѣетъ уже вполнѣ законченный видъ; въ дальнѣйшіе періоды продолжаютъ измѣняться главнымъ образомъ завитокъ и мочка. Въ завиткѣ продолжается распространеніе процесса загибанія до его конца, вмѣстѣ съ тѣмъ загибаніе становится болѣе полнымъ (свободный край уха обращенъ уже не кнаружи, а впередъ); Дарвиновъ бугорокъ притупляется, имѣетъ тенденцію къ исчезновенію; мочка же вырастаетъ, становится постепенно изъ приращенной полусвободной и, наконецъ, вполнѣ свободной.

Приведенное описаніе развитія наружнаго уха вѣрно только „въ среднемъ", т.-е. для большинства случаевъ; въ частностяхъ же встрѣчается цѣлый рядъ различныхъ отклоненій, сводящихся главнымъ образомъ къ измѣненіямъ сроковъ появленія тѣхъ или другихъ образованій и къ степени развитія отдѣльныхъ частей уха, далеко не всегда достигающихъ состоянія зрѣлыхъ формъ. Остановки въ развитіи отдѣльныхъ частей уха на тѣхъ или другихъ стадіяхъ встрѣчаются часто, гораздо чаще, чѣмъ объ этомъ принято было думать.

Вопросъ о существованіи у взрослыхъ недоразвитыхъ, эмбріональныхъ формъ всего уха in toto (рѣдко) или отдѣльныхъ его частей (очень часто) поднимался *Gradenigo*, *His*'омъ и нѣкоторыми другими изслѣдователями; съ особою силою онъ былъ выдвинутъ на первый планъ трудами *Schwalbe*, но только работа *Schäffer*'а [16]) представляетъ единственную пока попытку болѣе полнаго и систематическаго изученія вопроса путемъ примѣненія статистическаго метода, основаннаго на массовыхъ наблюденіяхъ.

Основываясь на своихъ многочисленныхъ наблюденіяхъ Schäffer установилъ болѣе точно предѣлы колебаній во времени появленія и достиженія извѣстныхъ ступеней развитія отдѣльныхъ частей уха. Всю исторію развитія наружнаго уха Schäffer дѣлитъ на шесть главнѣйшихъ періодовъ:

Первый періодъ—періодъ диференцированія жаберныхъ щелей—соотвѣтствуетъ 3—4 недѣлямъ эмбріональной жизни.

Второй періодъ—періодъ окруженія первой жаберной щели бугорками His'а.

Третій періодъ — періодъ образованія уха въ формѣ близкой къ обычной формѣ уха многихъ животныхъ, когда область возвышеній уха хорошо уже развита, область же свободной ушной пластинки представляется

*) То-есть идущія въ направленіи сверху внизъ. Авторы употребляютъ обыкновенно термины „продольныя" и „поперечныя" складки уха, но этотъ терминъ легко можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, такъ какъ идущую сверху внизъ складку у человѣка можно еще назвать продольной, но у многихъ животныхъ, наибольшая длина уха которыхъ идетъ не сверху внизъ, а въ направленіи отъ основанія уха къ его верхушкѣ—аналогичныя складки скорѣе могутъ быть названы поперечными, а не продольными.

**) Идущія на человѣческомъ ухѣ въ передне-заднемъ направленіи.

въ видѣ заостреннаго слегка желобовато-изогнутаго не совсѣмъ правильнаго треугольника (правильность формы треугольника нарушается выступаніемъ сатирова бугорка). Соотвѣтствуетъ концу 2-го мѣсяца зародышевой жизни.

Четвертый періодъ характеризуется началомъ развитія завитка (завитокъ загнутъ обыкновенно только до области сатирова бугорка или даже до области Дарвинова бугорка, но не ниже). Дарвиновъ бугорокъ выступаетъ рѣзко выраженнымъ заостреннымъ угломъ, обращеннымъ вершиной назадъ (точнѣе—назадъ и вверхъ). Противозавитка нѣтъ; существуетъ уже crus anthelicis superius (crus inferius anthelicis развивается еще въ 3 періодѣ). Первые зачатки мочки.—Соотвѣтствуетъ 3-му мѣсяцу зародышевой жизни (макаковая форма уха).

Пятый періодъ. Церкопитековая форма уха. Завитокъ загнутъ уже въ области Дарвинова бугорка; обыкновенно здѣсь загибаніе еще не совершенно, т.-е. свободный край уха, на которомъ расположенъ Дарвиновъ бугорокъ, обращенъ еще не кпереди, а только кнаружи. Выше Дарвинова бугорка загибаніе обыкновенно болѣе совершенно, ниже—или отсутствуетъ, или только въ начальныхъ своихъ стадіяхъ. Сатировъ бугорокъ чаще все еще существуетъ. Мочка продолжаетъ развиваться. Этотъ періодъ соотвѣтствуетъ 5-му мѣсяцу зародышевой жизни и характеризуется прежде всего той особенностью, что всѣ присущія уху взрослаго человѣка образованія выражены уже достаточно ясно и въ послѣдующій періодъ получаютъ только болѣе полное развитіе. Въ этотъ періодъ ухо эмбріона напоминаетъ ухо нѣкоторыхъ взрослыхъ церкопитековъ. Надо, впрочемъ, прибавить, что сходство существуетъ только въ общихъ чертахъ, детали же значительно расходятся. Такъ мочка развита у человѣческаго эмбріона обыкновенно лучше, чѣмъ у церкопитековъ, лучше развита и стволовая часть противозавитка, не у всѣхъ церкопитековъ хорошо выраженная и т. д. Вообще это сходство часто сильно преувеличивалось, особенно тѣми авторами, которые въ извѣстныхъ формахъ уха взрослыхъ людей хотятъ видѣть, теоретическихъ ради соображеній, не явленія задержки развитія, но явленія атавизма. Къ этому вопросу намъ, впрочемъ, придется еще вернуться впослѣдствіи.

Шестой періодъ длится вплоть до рожденія и характеризуется постепеннымъ заканчиваніемъ развитія всѣхъ частей уха, сложившихся въ основныхъ своихъ частяхъ уже въ пятомъ періодѣ. Завитокъ загибается до конца, достигаетъ предѣла и самая степень его загибанія, т.-е. уже и ниже области Дарвинова бугорка онъ смотритъ, обыкновенно, своимъ свободнымъ краемъ не кнаружи, а впередъ; мочка постепенно становится свободной (образуется sinus lobulo-buccalis), сатировъ бугорокъ исчезаетъ.

Намѣченные Schäffer'омъ періоды правильно смѣняютъ другъ друга, но въ предѣлахъ времени меньшаго, чѣмъ цѣлый періодъ, могутъ замѣчаться различныя колебанія: однѣ части формируются скорѣе, другія отстаютъ и т. д., чѣмъ, конечно, нѣсколько нарушается цѣлость типовъ уха того или другого періода. Нарушенія эти бываютъ иногда довольно значительными, тѣмъ болѣе, что далеко нерѣдки случаи, когда та или другая часть уха (но почти никогда все ухо in toto) останавливается въ своемъ развитіи окончательно, такъ что и уши новорожденныхъ, а также и взрослыхъ людей представляютъ иногда отдѣльныя части задержанными въ своемъ развитіи на той или другой стадіи. По изслѣдованіямъ того же Schäffer'a, Schwalbe и другихъ авторовъ у взрослаго населенія различныхъ мѣстностей уши, представляющія явленія недоразвитія какихъ-нибудь отдѣльныхъ частей, наблюдаются въ 40—60% и болѣе, между тѣмъ какъ даже самъ Schäffer, а тѣмъ болѣе другіе авторы регистрировали далеко не всѣ тѣ формы, который могутъ быть объяснены какъ явленія задержки развитія. Болѣе полное изслѣдованіе покажетъ, быть-можетъ, что уши, не представляющія никакихъ явленій задержки развитія, составляютъ скорѣе исключеніе, чѣмъ правило *). Во избѣжаніе недоразумѣнія здѣсь слѣдуетъ напомнить еще разъ, что все развитіе человѣческаго уха, начиная отъ 4-го періода Schäffer'a, представляетъ, по объясненію Schwalbe, процессъ редукціи, такъ что съ обще-біологической точки зрѣнія уши съ явленіями задержки въ стадіи всѣхъ періодовъ послѣ 4-го являются менѣе редуцированными, т.-е. въ сущности болѣе совершенными ушами. Онѣ не совершенны лишь постольку, поскольку этотъ органъ, какъ мало полезный для человѣка, долженъ былъ бы редуцироваться болѣе полно. Явленія задержки, врываясь въ общій ходъ развитія наружнаго уха далеко не рѣдко, вносятъ, какъ это уже было замѣчено выше, извѣстную атипичность общей картины, разобраться въ которой можно только въ томъ случаѣ, если мы прослѣдимъ на большемъ числѣ случаевъ сроки появленія каждаго отдѣльнаго измѣненія эмбріональныхъ частей будущаго наружнаго уха. Эта работа и была выполнена *Schäffer'омъ*, прослѣдившимъ 151 эмбріонъ различныхъ возрастовъ, начиная отъ средины второго мѣсяца зародышевой жизни и кончая полнымъ сформированіемъ плода. Дарвиновъ бугорокъ появляется, по Schäffer'у, обыкновенно въ концѣ 2-го мѣсяца зародышевой жизни; въ теченіе первыхъ двухъ третей третьяго мѣсяца онъ неизмѣнно остается въ видѣ обращеннаго вершиной назадъ остраго незагнутаго угла; въ послѣдней трети 3-го мѣсяца онъ иногда начинаетъ уже редуцироваться, такъ что на 4-мъ мѣсяцѣ въ видѣ нередуцированнаго вполнѣ угла онъ существуетъ только въ 81% всѣхъ случаевъ; далѣе процентъ угловой формы Дарвинова бугорка по-

*) Подлинныя цифры Schäffer'a, Schwalbe и другихъ авторовъ будутъ приведены дальше, при сравнительной разработкѣ моихъ собственныхъ матеріаловъ.

степенно и правильно падаетъ до 7-го мѣсяца; въ этотъ періодъ остается еще 30—40% угловыхъ формъ Дарвинова бугорка, при чемъ въ половинѣ этихъ послѣднихъ случаевъ онъ совсѣмъ еще не загнутъ (форма I—макаковая по Schwalbe) или загнутъ только немного (форма II—церкопитековая); въ другой же половинѣ случаевъ онъ уже загнутъ настолько, что верхушка его обращена впередъ (форма III—Schwalbe). Съ 7-го мѣсяца процентъ угловыхъ формъ не измѣняется вплоть до рожденія. Завитокъ начинаетъ загибаться въ складку обыкновенно на 4-мъ мѣсяцѣ; въ этотъ періодъ онъ не загнутъ совсѣмъ въ 38%, загнутъ только до верхушки уха (до области сатирова бугорка) уже въ 58% всѣхъ случаевъ; въ 39% онъ загнутъ до области Дарвинова бугорка. На 5-мъ мѣсяцѣ отсутствіе загибанія не бываетъ; загнутъ до сатирова бугорка въ 31%, до Дарвинова бугорка въ 24%; на 6-мъ мѣсяцѣ до Дарвинова бугорка загнутъ уже въ 61%; въ 8% онъ загнутъ уже до конца; на 7-мъ мѣсяцѣ—загнутъ до сатирова бугорка только въ 30%, до Дарвинова бугорка въ 25%, до конца уже въ 45%; на 8-мъ мѣсяцѣ загнутъ до сатирова или до Дарвинова бугорка только въ 5%, до конца—въ 80%; у новорожденныхъ—загнутъ до верхушки въ 3,3%, до Дарвинова бугорка—въ 6% до конца въ 80,7%. Сатировъ бугорокъ появляется уже на 2-мъ мѣсяцѣ, находясь въ началѣ мѣсяца въ 80% всѣхъ случаевъ ниже Дарвинова бугорка; къ концу же мѣсяца онъ имѣетъ тенденцію къ исчезновенію и вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе поворота всего уха, начинаетъ занимать самый возвышенный пунктъ уха. Въ концѣ третьяго мѣсяца онъ продолжаетъ еще существовать въ 11%—17%, оставаясь вплоть до рожденія приблизительно въ томъ же процентѣ всѣхъ случаевъ.

Противозавитокъ въ видѣ crista anthelicis superior появляется иногда въ концѣ 2-го мѣсяца, на 3-мъ мѣсяцѣ онъ существуетъ въ такомъ видѣ уже въ 78%. Стволовая часть противозавитка появляется въ отдѣльныхъ случаяхъ на 5-мъ мѣсяцѣ, на 6-мъ мѣсяцѣ стволовая его часть вполнѣ развита уже въ 80%.

Мочка иногда появляется въ серединѣ третьяго мѣсяца. Въ концѣ этого мѣсяца Schäffer насчитываетъ ее уже въ 17% всѣхъ случаевъ. На 4-мъ мѣсяцѣ мочка всегда уже существуетъ, но еще въ 45% всѣхъ случаевъ она не свободна (приращена къ кожѣ щеки); на 5-мъ мѣсяцѣ приращенная мочка встрѣчается только въ 25%, на 6-мъ—въ 17%, послѣ 6-го мѣсяца процентъ приращенной мочки колеблется, падая ко времени рожденія до 12.

V.

Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи.

Нѣмецкій народъ создалъ уже цитированную нами поговорку: „Das Kind gehört wohl dem betreffenden Vater, aber ein Anderer hat ihm die Ohren eingesäumt“ — пословицу, въ которой какъ нельзя яснѣе видно народное убѣжденіе въ существованіи наслѣдственной передачи извѣстныхъ особенностей формы уха отъ отцовъ къ дѣтямъ. Къ тому же выводу приходятъ на основаніи своихъ изслѣдованій и нѣкоторые ученые, какъ-то: *Binder, Frigerio, Gradenido, Schwalbe, Schäffer* и др. Существуютъ, слѣдовательно, фамильныя формы ушей, должны, слѣдовательно, существовать и расовыя формы, такъ какъ раса представляетъ, въ сущности говоря, ни что иное, какъ большую, распространенную семью. Нельзя, однако, сказать, чтобы антропологи съ особымъ жаромъ ухватились за эту идею и эксплоатировали для своихъ цѣлей наружное ухо въ достаточной мѣрѣ. Но антропологи не могутъ подлежать за то строгому суду; ихъ слишкомъ еще юная наука не успѣла развить полностью свои силы, не имѣла еще времени воспользоваться всѣми своими рессурсами. Между тѣмъ по отношенію къ наружному уху было уже сдѣлано нѣсколько расхолаживающихъ заявленій со стороны компетентныхъ ученыхъ.

Langer [59, 60]), напримѣръ, весьма компетентный анатомъ, изучавшій довольно внимательно наружное ухо, говоритъ, что „Die Varietäten in dem Umrissen und der Modellirung der Ohrmuschel sind ausserordentlich zahlreich und mitunter so eigenthümlich, dass sie gerade zu als individuell bezeichnet werden können und thatsächlich Polizeibeamten Kennzeichen für Individualität abgeben... для распознаванія же расы наружное не даетъ ничего, такъ что ухо негра, напримѣръ, не представляетъ ни малѣйшихъ особенностей, отличающихъ его отъ уха европейцевъ“. Къ тому же мнѣнію склоняются *Mies* [61]), *Boulland* и др., а въ послѣднее время и одинъ изъ наиболѣе видныхъ современныхъ антропологовъ *I. Ranke* [62]), ссылающійся, впрочемъ, въ данномъ случаѣ на авторитетъ Langer'a. Но въ высказанномъ Langer'омъ положеніи кроется весьма крупное недоразумѣніе: почтенный анатомъ искалъ такихъ формъ всего уха или отдѣльныхъ его частей, которыя, будучи характерными для одной расы, не встрѣчались бы, или почти не встрѣчались среди представителей другихъ расъ. Такихъ формъ онъ не могъ, конечно, найти, ихъ не существуетъ, какъ, вообще говоря, не существуетъ ни одного такого антропологичискаго признака, который, будучи характернымъ для однѣхъ расъ, совсѣмъ не встрѣчался бы у другихъ. Всѣ антропологическія особенности характеризуютъ расу только въ своей совокупности и

то не настолько, чтобы всегда можно было опредѣлить безошибочно на основаніи ихъ принадлежность субъекта къ той или другой расѣ, такъ какъ при современной метисаціи расъ различія между ними сводятся къ существованію не исключительныхъ, а только болѣе или менѣе распространенныхъ признаковъ. Странно только, что такой компетентный антропологъ, какъ Ранке, повторяетъ въ этомъ случаѣ ошибку Langer'a. Оставивъ же претензію отыскивать исключительные, специфическіе признаки расы, и въ наружномъ ухѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ органовъ, можно, конечно, отыскать особенности болѣе свойственныя однѣмъ расамъ, чѣмъ другимъ. Но для того, чтобы точно опредѣлить, какія изъ безчисленныхъ варіацій въ строеніи уха имѣютъ болѣе общее значеніе и встрѣчаются приблизительно одинаково часто среди различныхъ расъ и какія обратно болѣе свойственны отдѣльнымъ расамъ, необходимъ цѣлый рядъ обширныхъ изслѣдованій, проведенныхъ систематически и по одной общей программѣ. Въ этомъ отношеніи сдѣлано, пока очень еще мало,—настолько мало, что даже самая степень значенія наружнаго уха для характеристики расъ не можетъ быть установлена достаточно точно.

Первые слѣды представленій о расовыхъ особенностяхъ наружнаго уха можно видѣть, по свидѣтельству *Karutz'a* [63]), еще въ нѣмецкихъ, а также и другихъ народовъ сказкахъ, въ которыхъ фигурируютъ народы съ собачьими ушами, люди съ столь длинными ушами, что одно изъ нихъ служитъ у нихъ простынею, другое — одѣяломъ и т. д.

Только въ сравнительно недавнее время появляются болѣе серьезныя научныя попытки воспользоваться наружнымъ ухомъ, какъ однимъ изъ отличительныхъ признаковъ между животными (обезьянами) и человѣкомъ, а также и между отдѣльными человѣческими расами. Большинство болѣе раннихъ попытокъ такого рода дѣлалось подъ извѣстнымъ заранѣе опредѣленнымъ угломъ зрѣнія: искались обыкновенно признаки, позволяющіе установить іерархическую лѣстницу существъ, признаки, опредѣляющіе „высшія" и „низшія" породы. Пока шла рѣчь о низшихъ позвоночныхъ, до приматовъ включительно, не было еще большой путаницы, но какъ скоро дѣло доходило до человѣческихъ расъ, предустановленные выводы и обобщенія тенденціознаго свойства заставляли игнорировать факты.

Такъ, еще въ 1785 году *Sömmering* [64]) приписывалъ уху негровъ большое сходство съ ушами обезьянъ. Противъ этого возсталъ, однако, *Burmeister* [65]), утверждавшій, что уши негровъ очень гармоничны, изящны и наиболѣе удалены отъ обезьяньихъ. До нѣкоторой степени приближается, пожалуй, къ взгляду Sömmering'a и новѣйшій изслѣдователь наружнаго уха *Schwalbe*, утверждающій, что наиболѣе редуцированнымъ ухомъ обладаетъ орангъ, ухо же негра оказывается редуцированнымъ болѣе, чѣмъ ухо европейцевъ, слѣдовательно— въ этомъ отношеніи оно стоитъ ближе къ уху оранга. Но Schwalbe указываетъ, однако, что бóльшая или меньшая степень полноты редукціи уха не стоитъ никоимъ образомъ въ связи съ болѣе высокой или болѣе низкой организаціей.

Нѣсколько иначе относится къ этому вопросу *Karutz*, ставящій даже на основаніи будто-бы болѣе рѣдкаго у негровъ появленія Дарвинова бугорка (т.-е. менѣе редуцированной формы) вопросъ—неужели негры менѣе дегенерированы, чѣмъ европейцы*), (рѣшая его, правда, въ отрицательномъ смыслѣ).

Недостаточно обоснованнымъ является также и утвержденіе *Hartmann'a* [66]), считающаго подобно Sömmering'y ухо негровъ болѣе сходнымъ съ ухомъ обезьянъ и болѣе низкимъ по типу своей организаціи. Тотъ же Hartmann указывалъ, между прочимъ, на присутствіе мочки, какъ на признакъ, отличающій ухо человѣка отъ уха обезьянъ. *Alix* [67]) также считалъ присутствіе мочки, равно какъ и закругленіе верхней части уха, снабженнаго хорошо развитымъ завиткомъ, за отличительные признаки человѣческаго уха. Впослѣдствіи было, однако, доказано, что ухо оранга также снабжено мочкою, а у гориллы и шимпанзе оно округло и завитокъ развитъ въ достаточной мѣрѣ; кромѣ того, и среди людей встрѣчаются нерѣдко индивидуумы съ плохо развитымъ завиткомъ и сильно укороченной мочкою (*Hovelaque*). *Hovelaque* [68]) отмѣчаетъ также бóльшій ушной указатель (отношеніе ширины уха къ его длинѣ) у обезьянъ, меньшій—у человѣка. *Gelé* [69]) указываетъ на возрастаніе pr. mastoidəus, который, отсутствуя у низшихъ обезьянъ, становится замѣтнымъ у макаковъ (питековыхъ), болѣе выраженъ у антропоидныхъ и достигаетъ высшаго развитія у человѣка, но чѣмъ больше развитъ сосцевидный отростокъ, тѣмъ, очевидно, меньше разстояніе между задней поверхностью уха и подлежащею частью черепа, такъ что у низшихъ обезьянъ ухо оказывается наиболѣе далеко отстоящимъ отъ черепа (наиболѣе оттопыреннымъ), у высшихъ обезьянъ и у человѣка оно ближе прилежитъ къ черепу. *Frigerio* [14]), признавая вмѣстѣ съ Hovelaque'омъ уменьшеніе ушного указателя у человѣка по сравненіи его съ антропоидными обезьянами, идетъ дальше и пытается установить аналогичное различіе между категоріями высшихъ и низшихъ людскихъ внѣрасовыхъ типовъ, т.-е. между нормальнымъ населеніемъ съ одной и преступниками и душевно-больными съ другой стороны. Было также обращено вниманіе и на посадку ушей; считали, что у негровъ уши посажены болѣе высоко, чѣмъ у антропоидныхъ обезьянъ, но болѣе низко, чѣмъ у высокоорганизованныхъ расъ *(Дюро-де-Малль*,

*) Karutz [50]) нѣсколько произвольно отождествляетъ въ этомъ мѣстѣ понятія о менѣе редуцированномъ ухѣ съ понятіемъ о дегенеративномъ ухѣ, чего онъ, однако, не рѣшается высказать категорически въ главѣ, посвященной дегенеративному уху.

Эберсъ [70]), противъ чего возражали, впрочемъ, *Гиртль*, *Мортонъ* и особенно *Langer* [59, 60]).

Послѣдній авторъ очень наглядно показалъ, что отмѣченное Эберсомъ высокое стояніе ушей на изображеніи Рамзеса II, Сэти и нѣкоторыхъ другихъ фараоновъ не могло служить выраженіемъ какихъ-либо реально существующихъ анатомическихъ отношеній по той причинѣ, что при попыткѣ намѣтить на точно стилизованномъ профилѣ Рамзеса расположеніе частей костнаго скелета лица получаются совершенно невозможныя отношенія: восходящая вѣтвь нижней челюсти оказывается монструозно длинною, скуловая дуга получаетъ совершенно несвойственный ей наклонъ (см. рис. на 158 стр. книги Langer'a — op. cit. [59]) Langer приписываетъ поэтому высокому положенію ушей на изображеніяхъ Рамзеса значеніе условнаго символа могущества и власти. Въ недавнее время *Holl* [71, 72]) показалъ, что ушное отверстіе на приведенномъ у Langer'a изображеніи находится въ сущности на обычномъ своемъ мѣстѣ, такъ что высокое положеніе ушей у Рамзеса—явленіе только кажущееся, зависящее отъ несоразмѣрнаго увеличенія средней части лица. Послѣднее напоминаетъ отношенія, существующія для дѣтскаго лица. Послѣ этого,—говоритъ Holl,—становится понятнымъ, что именно хотѣли выразить художники, измѣняя такимъ образомъ лицо фараона: въ лицѣ зрѣлаго мужа они хотѣли изобразить дѣтскую свѣжесть и чистоту.

Большинство попытокъ воспользоваться наружнымъ ухомъ для установки различій между животными и человѣкомъ и между различными человѣческими расами не можетъ быть названо удачнымъ и главнѣйшей причиной такихъ неудачъ является, прежде всего, недостатокъ систематическаго изученія наружнаго уха. Въ большинствѣ новѣйшихъ антропологическихъ работъ приводятся, правда, отдѣльныя замѣчанія относительно наружнаго уха или даже измѣренія тѣхъ или другихъ его размѣровъ, но эти замѣчанія почти всегда носятъ случайный характеръ, недостаточно систематизированы и въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ являются результатомъ обобщеній, сдѣланныхъ по произведенному на автора впечатлѣнію, безъ попытки провѣрить его на цифровыхъ данныхъ. Отсюда получается цѣлый рядъ противорѣчивыхъ данныхъ, скорѣе запутывающихъ вопросъ, чѣмъ помогающихъ въ немъ разобраться.

Такъ, еще *Blumenbach* считалъ большія уши расовой особенностью бискайцевъ и обитателей древней Батавіи (цит. у Ранке); по *Бельцу*, у японцевъ и другихъ азіатскихъ народовъ отсутствіе ушной мочки встрѣчается въ половинѣ всѣхъ случаевъ. *Гиртль* приписываетъ монголамъ уши съ недоразвитымъ завиткомъ („свиное ухо", какъ опредѣляетъ эту форму самъ Гиртль). *А. А. Ивановскій*—[73]) считаетъ за характерный признакъ монгольскаго уха приращенную мочку, переходящую подъ острымъ угломъ въ кожу щеки (приращеніе форма I по схемѣ Schwalbe); *Топинаръ* [12]) указывалъ на частое отсутствіе мочки въ провинціи Константъ и среди населенія Пиренеевъ, на далекое отстояніе уха отъ черепа („оттопыренное" ухо) у кабиловъ; тотъ же Топинаръ приводитъ различныя цифры ушного указателя и нѣкоторыхъ другихъ измѣреній для цѣлаго ряда народностей; *Hovelague et Hervé* [68]) указываютъ на оттопыриваніе уха у монголовъ (противъ чего возражаетъ *Karutz*), на увеличеніе ушного указателя при переходѣ отъ бѣлыхъ расъ къ чернымъ, и отъ этихъ послѣднихъ—къ обезьянамъ. Отдѣльныя замѣчанія о формахъ наружнаго уха и ихъ распространеніи среди нормальнаго населенія можно найти у многихъ авторовъ антропологовъ-криминалистовъ и психіатровъ, прибѣгавшихъ при изученіи дегенеративнаго уха къ методу сравнительнаго съ нормальнымъ населеніемъ изученія и т. д. Но наиболѣе цѣнными для антропологіи являются болѣе систематизированныя работы *Schwalbe*, *Gradenigo*, *Schäffer'a* и *Karutz'a*.

Schwalbe много способствовалъ своими работами болѣе точному выясненію взгляда на наружное ухо человѣка, какъ на рудиментарный, редуцирующійся органъ; этотъ авторъ прослѣдилъ процессъ редукціи уха у человѣческаго эмбріона, провелъ рядъ параллелей между эмбріональными формами человѣческаго уха и зрѣлыми формами ушей обезьянъ, произвелъ рядъ болѣе систематизированныхъ измѣреній человѣческаго уха, выдвинулъ на первый планъ нѣкоторыя измѣренія, до него совершенно игнорируемыя, указалъ на важное значеніе для антропологіи до него неизвѣстнаго такъ называемаго морфологическаго указателя уха и т. д. Словомъ, едва ли будетъ большой ошибкою, если мы скажемъ, что до работъ Schwalbe систематическаго изученія уха съ антропологической точки зрѣнія не существовало и только работы Schwalbe впервые указываютъ на значеніе этого органа для антропологіи. Наибольшаго вниманія со стороны антропологовъ заслуживаетъ работа Schwalbe „Beitrag zur Anthropologie des Ohres", помѣщенная въ сборникѣ, посвященномъ имени R. Virchow'a, равно какъ и предлагаемая имъ схема для изслѣдованія наружнаго уха [45]).

Gradenigo, много поработавшій надъ изученіемъ исторіи развитія наружнаго уха, заинтересовался также и вопросомъ о дегенеративномъ ухѣ, для изученія котораго собралъ рядъ данныхъ относительно строенія уха у итальянскихъ преступниковъ и душевно-больныхъ, параллельно собирая тѣ же самыя данныя и относительно ушей нормальныхъ итальянцевъ. [26, 37—44])

Schäffer [16]) далъ капитальную работу, въ которой онъ устанавливаетъ статистическимъ путемъ наслѣдственную передачу формы наружнаго уха отъ матерей къ дѣтямъ и занимается спеціально вопросомъ о степени распространенія эмбріональныхъ формъ нѣкото-

рыхъ образованій уха у взрослаго населенія. Изслѣдуя съ этой цѣлью уши населенія различныхъ мѣстностей Германіи, Schäffer отмѣчаетъ существованіе большихъ въ этомъ отношеніи различій между германскимъ населеніемъ даже и изъ географически близкихъ другъ къ другу мѣстностей. Работа Schäffer'a имѣетъ большое значеніе уже потому одному, что до него слишкомъ мало обращалось вниманія на то, что многія особенности наружнаго уха, описываемыя то какъ расовыя, то какъ дегенеративныя, являются по существу формами эмбріональными и что вмѣстѣ съ тѣмъ такія эмбріональныя формы встрѣчаются у зрѣлаго населенія очень часто (отъ 30% и до 60% и болѣе). Цифры Schäffera получаютъ особый интересъ благодаря тому обстоятельству, что этотъ авторъ оперировалъ надъ большимъ матеріаломъ, доходящимъ для нѣкоторыхъ мѣстностей до 600 наблюденій (1200 ушей!)

Karutz въ двухъ своихъ работахъ [13]), [50]) собралъ значительное количество литературнаго матеріала, почерпнутаго имъ изъ работъ Schäffer'a, потомъ Schwalbe, въ свою очередь, собравшаго не мало данныхъ различныхъ авторовъ, но главнымъ образомъ Karutz заслуживаетъ признательность со стороны послѣдующихъ работниковъ по вопросу объ антропологическомъ значеніи наружнаго уха своимъ терпѣливымъ подборомъ отдѣльныхъ мелкихъ замѣчаній и строкъ посвященныхъ наружному уху въ „Zeitschrift für Ethnologie", въ „Archiv für Anthropologie", въ „Verhandlungen der Berliner Anthropoligische Gesellschaft", въ Revue d'anthropologie и въ нѣкоторыхъ работахъ отдѣльныхъ авторовъ, пользуясь при этомъ не только подлинными статьями журналовъ, но и нѣмецкими рефератами работъ авторовъ другихъ странъ, вслѣдствіе чего отъ вниманія Karutz'a не ускользнула и часть замѣчаній русскихъ изслѣдователей. Karutz прибавляетъ, наконецъ, нѣкоторыя свои личныя наблюденія; такимъ образомъ благодаря его работамъ представляется возможность сравнительно легко оріентироваться въ томъ, что сейчасъ извѣстно по антропологіи наружнаго уха.

Для наружнаго уха, какъ и для большинства другихъ органовъ, измѣрительнымъ признакамъ посчастливилось больше, чѣмъ описательнымъ; для послѣднихъ существуетъ только рядъ отрывочныхъ замѣчаній авторовъ, на основаніи которыхъ трудно дѣлать какіе-либо общіе выводы, тогда какъ на основаніи первыхъ и теперь уже можно сдѣлать нѣсколько соображеній болѣе общаго характера. Чаще другихъ величинъ отмѣчаются авторами длина и ширина уха. Длина (высота) уха оказывается не только различной для различныхъ народовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти различія носятъ, повидимому, не случайный характеръ, но отдѣльныя народности располагаются въ этомъ отношеніи въ опредѣленные ряды. Такъ въ двухъ работахъ Karutz'a собраны слѣдующія величины:

ТАБЛИЦА № 2.

Длина уха различныхъ народовъ (по даннымъ, собраннымъ Karutz'омъ.)

	Длина (высота уха въ mm).
Монголы	70,5
Айно	69,7
Семиты (1-я серія)	66,0
Арійцы (1-я серія)	64,0
Семиты (2-я серія)	64,0
Арійцы (2-я серія)	63,9
Американскіе индѣйцы (1-я серія)	63,0
Гамиты (1 серія)	62,5
Полинезійцы	62,25
Папуасы (1-я серія)	61,5
Микронезійцы	61,0
Папуасы (2-я серія)	60,5
Американскіе индѣйцы (2-я серія)	60,0
Австралійцы	59,5
Негры (1-я серія)	59,0
Негры (2-я серія)	58,5
Нилоты (негры)	56,0
Финны	55,5
Сингалезы	53,0
Бушмены	52,0
Гамиты (2-я серія)	50,5
Готтентоты и бушмены	48,5

Наибольшія уши имѣютъ, слѣдовательно, монголы, наименьшія—рядъ африканскихъ племенъ. Къ неграмъ примыкаютъ въ этомъ отношеніи и родственные имъ австралійцы, папуасы и другіе обитатели микро- и полинезіи (негритосы); арійцы обладаютъ ушами средней величины. Нѣкоторыя неправильности въ размѣщеніи племенъ, зависятъ, вѣроятно, прежде всего отъ недостаточнаго числа наблюденій *).

Надо замѣтить, однако, что высота уха является, повидимому, величиною довольно постоянною, такъ какъ, несмотря на малое число наблюденій (нѣкоторыя среднія цифры выведены всего изъ нѣсколькихъ наблюденій, недостигающихъ иногда даже десятка) нарушенія правильности рядовъ сравнительно ничтожны, тамъ же, гдѣ имѣется по двѣ серіи наблюденій — среднія величины обѣихъ серій близки другъ къ къ другу. (Наиболѣе рѣзкая разница получилась для двухъ серій семитовъ (66 m.m. и 64 mm.). Но въ приведенной таблицѣ не принятъ во вниманіе ростъ; Karutz даетъ, однако, и другую таблицу (№ 3-й), въ которой величины уха выражены въ доляхъ роста.

---

*) Въ составленной по Karutz'y таблицѣ слишкомъ слабо представлены монгольскія, тюркскія и финскія племена. Ниже мы увидимъ, что всѣ они обладаютъ сравнительно большими ушами.

ТАБЛИЦА № 3.

	% наблюденій, падающихъ на величины уха въ $^1/_{20}$—$^1/_{26,9}$ роста.	% наблюденій, падающихъ на величины уха въ $^1/_{27}$ роста и меньше.
Монголы	88,4	11,4
Американцы (1-я серія)	83,8	16,0
Финны	78,3	21,3
Гамиты	71,0	28,3
Малайцы	65,3	34,4
Микронезійцы	63,2	36,2
Арійцы	60,0	40,0
Папуасы	42,9	53,4
Американцы (2-я серія)	36,9	62,6
Австралійцы	33,3	66,6
Полинезійцы	31,7	67,9
Сингалезы	16,6	83,2
Негры	12,6	86,6
Нилоты (негры)	3,7	96,2
Бушмены	0	100

Общій характеръ таблицы остается тотъ же, что и въ предыдущей таблицѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтна бо̀льшая правильность отношеній: такъ, финны (лопари — всего 14 набл.) заняли болѣе подобающее имъ мѣсто среди народовъ съ большими ушами (народовъ азіатскаго происхожденія), равнымъ образомъ и гамиты, болѣе близкіе по своему типу къ арійцамъ, заняли мѣсто ближе къ нимъ, тогда какъ по абсолютной величинѣ уха они занимали мѣсто рядомъ съ бушменами и готтентотами. Кое-какія неправильности, въ родѣ попавшей не на свое мѣсто 1-й серіи американцевъ (давшей рѣзкое различіе съ другой ихъ серіей) и т. д. объясняются, конечно, недостаточнымъ числомъ наблюденій, что становится особенно чувствительнымъ при болѣе дробной группировкѣ наблюденій, принятой въ послѣдней таблицѣ. На основаніи имѣющихся на лицо данныхъ, можно уже утвердительно сказать, что по величинамъ уха нельзя расположить человѣческія группы въ пресловутомъ порядкѣ отъ „высшихъ" къ „низшимъ" группамъ, такъ какъ европейцы занимаютъ какъ разъ среднее мѣсто; но вмѣстѣ съ тѣмъ между крупными человѣческими группами существуетъ все-таки несомнѣнная разница по величинамъ уха. Наибольшимъ ухомъ (отъ 70 до 65 m.m. въ среднемъ) обладаютъ племена азіатскаго происхожденія (монголы, тюрки, финны*), за ними слѣдуютъ европейцы (арійцы), дающіе среднія величины уха въ 64 и 63 mm., за ними—австралійцы, микро- и полинезійцы (62—60 mm.), наиболѣе, наконецъ, малыми ушами отличаются африканцы (негритянскія племена) съ ихъ величинами уха въ 59 mm. и ниже. Относительно американскихъ племенъ получаются нѣсколько противорѣчивыя данныя (всего въ обѣихъ серіяхъ 33 набл.), что Karutz пытается, однако, объяснить не случайностью малаго числа наблюденій, но расовыми различіями самихъ американскихъ племенъ, изъ которыхъ одни принадлежали къ южнымъ, другія— къ сѣвернымъ племенамъ, отличающимся другъ отъ друга и по многимъ другимъ признакамъ.

Какъ бы то ни было, но и имѣющихся на лицо данныхъ относительно длины уха достаточно уже для того, чтобы утверждать, что болѣе детальное изученіе измѣрительныхъ признаковъ уха можетъ дать для антропологіи много интереснаго и цѣннаго матеріала.

Ширина уха отмѣчалась меньшимъ числомъ изслѣдователей; еще меньше имѣется данныхъ для характеристики народовъ по величинамъ ушного указателя. Karutz выражаетъ эти отношенія не обычнымъ путемъ (въ видѣ десятичной дроби), но въ видѣ дроби, въ которой числитель (ширина уха) приведенъ къ единицѣ, знаменатель же — непосредственно выражаетъ собою, какую часть длины уха составляетъ его ширина. На основаніи собраннаго имъ матеріала, Karutz могъ представить слѣдующую (№ 4-й) таблицу.

ТАБЛИЦА № 4.

	% наблюденій, падающихъ на уши, ширина которыхъ относится къ длинѣ, какъ 1 : 1,8 и болѣе.	% наблюденій, падающихъ на уши, ширина которыхъ относится къ длинѣ, какъ 1 : 1,7 и менѣе.
Гамиты	83,2	16,6
Монголы	81,9	18,0
Арійцы	60,1	39,6
Папаусы	37,5	62,5
Негры	22,2	77,8

У монголовъ, слѣдовательно, самое длинное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое узкое ухо, у негровъ же—самое короткое и самое широкое.

Помимо измѣреній длины и ширины уха Schwalbe предложилъ еще нѣсколько другихъ измѣреній, практическое значеніе которыхъ для антропологіи въ настоящее время за неимѣніемъ соотвѣтствующихъ для нихъ цифръ еще не можетъ быть оцѣнено. Правда, длина основанія уха, и истинная его высота, а также и взаимное ихъ отношеніе, т.-е. морфологическій указатель наружнаго уха даны для нѣмцевъ въ работахъ Schwalbe и Schäffer'a, но каково ихъ значеніе для расовой антропологіи — опять-таки вопросъ будущаго. Несомнѣнно, однако, что морфологическій указатель далеко не одинаковъ у разныхъ группъ животныхъ, у обезьянъ и у человѣка. *Schwalbe*[33]) приводитъ небольшую таблицу цифръ, иллюстрирующую эти отношенія.

*) Принимая во вниманіе данныя таблицы №

ТАБЛИЦА № 5.

Величина морфологкческаго указателя уха у различныхъ животныхъ (по Schwalbe).

Lepus cuniculus	21,3
Antilope leucoryx	27,6
Auchenia guanaco	30,3
Macropus rufus	33,0
Sus scrofa	35,4
Felis catus dom.	58,8
Lemur macaco	76,0
Cynocephalus babuin	84,0
Macacus rhesus	93,0
Troglodytes niger	105—107
Pithecus satyrus	122,0
Gorilla	125,0
Homo	130,0—180,0

Относительно цифръ для человѣка Schwalbe замѣчаетъ, что онѣ основаны на недостаточномъ числѣ наблюденій и что предѣлы колебаній ихъ величинъ должны быть еще болѣе значительными.

Цифры эти, основанныя на небольшихъ числахъ наблюденій, нуждаются еще, быть можетъ, и въ нѣкоторыхъ поправкахъ; желательны, конечно, и дополненія для ряда животныхъ въ восходящемъ порядкѣ — отъ сумчатыхъ и до обезьянъ. Тѣмъ не менѣе и имѣющіяся данныя указываютъ на рѣзкую разницу между другими четвероногими и обезьянами, на увеличеніе у этихъ послѣднихъ указателя у болѣе высоко организованныхъ видовъ и на максимальную величину указателя у человѣка.

Надо къ этому прибавить, что и Schäffer, оперировавшій надъ нѣсколько бо́льшимъ числомъ наблюденій, получилъ для человѣка величины морфологическаго указателя уха близкія къ величинамъ даннымъ Schwalbe.

Наши свѣдѣнія относительно описательныхъ признаковъ наружнаго уха отличаются еще большей неполнотой, чѣмъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ измѣрительнымъ признакамъ. Относительно послѣднихъ можно уже утверждать съ нѣкоторой увѣренностью, что они различны у представителей различныхъ расъ и могутъ, повидимому, служить однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ при анатомической деференцировкѣ расъ. Относительно же описательныхъ признаковъ нельзя высказать опредѣленно даже и такого общаго положенія, такъ что заявленіе Langer'а, Ранке и другихъ нѣкоторыхъ авторовъ относительно большей пригодности описательныхъ признаковъ уха для идентификаціи личности, чѣмъ для опредѣленія расъ--заявленіе едва ли вѣрное по существу, до сихъ поръ не можетъ быть, однако, отвергнуто на основаніи фактическихъ данныхъ. Большинство замѣчаній авторовъ по этому вопросу, помимо ихъ отрывочности и случайности, основывается на общемъ впечатлѣніи наблюдателя не провѣренномъ на цифрахъ, отчего между утвержденіями различныхъ авторовъ встрѣчаются нерѣдко непримиримыя противорѣчія, въ которыхъ нѣтъ возможности разобраться; не всегда даже можно быть увѣреннымъ въ томъ, что одинаковыми терминами у различныхъ авторовъ обозначаются дѣйствительно вполнѣ одинаковыя формы. Чаще другихъ формъ отмѣчаются авторами: 1) степень отстоянія уха отъ головы, 2) степень развитія завитка. 3) степень развитія и форма мочки. Попытка сгруппировать отдѣльныя замѣчанія авторовъ по поводу хотя бы только этихъ трехъ особенностей, не позволяетъ прійти къ какому-либо опредѣленному выводу. Многіе авторы утверждали, напримѣръ, что уши монгольскихъ племенъ отличаются далекимъ отстояніемъ отъ черепа (*Hervé* и *Hovelague*, *Seeland*, *Пржевальскій* и т. д.), но ни одинъ авторъ не приводитъ соотвѣтствующихъ цифръ, между тѣмъ *Karutz* думаетъ, что монгольское ухо не можетъ отличаться этою особенностью по той уже одной причинѣ, что, будь это такъ, у монголовъ не могло бы существовать распространенное у нихъ представленіе о субъектахъ съ далеко отстоящими ушами, какъ о счастливыхъ людяхъ. Неоднократно указывалось на оттопыренныя уши нѣкоторыхъ финскихъ и особенно тюркскихъ племенъ. Изъ цифровыхъ на этотъ счетъ данныхъ можно сослаться лишь на данныя *Weissenberg*'а [74]), отмѣтившаго эту форму среди 68 башкиръ въ 23,5% всѣхъ случаевъ, среди 14 мещеряковъ — въ 35,7%. Оттопыренное ухо придаетъ всей головѣ столь характерный и своеобразный видъ, что существованіе его у четвертой части всего населенія или даже болѣе можетъ рѣзко запечатлѣться въ памяти наблюдателя и при отсутствіи точнаго подсчета легко можетъ заставить его приписать данную особенность всему изслѣдуемому племени. Но съ другой стороны надо помнить, что и у европейцевъ оттопыренное ухо не составляетъ особенной рѣдкости, такъ, напримѣръ, у итальянцевъ отдѣльные наблюдатели отмѣчаютъ его въ 6%—30% всѣхъ случаевъ, между тѣмъ никто изъ изслѣдователей не думаетъ считать оттопыренное ухо за характерный для итальянцевъ признакъ. *Lombroso* и его нѣмецкій переводчикъ и истолкователь *Kurella* [75]), находя часто отстоящее ухо („oreille à anse" по терминологіи Lombroso) у преступниковъ, объявили этотъ признакъ атавистическимъ, приближающимъ преступниковъ къ обезьянамъ*). Но прежде всего надо отмѣтить недостатокъ данныхъ, позволяющихъ видѣть въ оттопыренномъ ухѣ признакъ низкой организаціи или атавизма; если даже принять за доказанное заявленіе Gélé о развитіи сосцевиднаго отростка, то и тогда большее отстояніе отъ черепа уха

*) Lombroso отмѣтилъ этотъ признакъ, на атавистическомъ же его характерѣ особенно настаивалъ *Marro*.

низшихъ обезьянъ будетъ имѣть иной характеръ чѣмъ тотъ, который имѣютъ отстоящія уши, отмѣчаемыя у преступниковъ, такъ какъ у послѣднихъ за оттопыренное ухо принимаются такіе случаи, когда ушно-височный уголъ Frigerio достигаетъ 90° и болѣе, т.-е. величины, которую мы не получимъ даже и въ томъ случаѣ, если на человѣческомъ трупѣ съ обычнымъ „среднимъ“ отстояніемъ уха мы отобьемъ весь сосцевидный отростокъ до самого его основанія. Можно было бы, пожалуй, считать данное отстояніе уха отъ черепа у человѣка за явленіе задержки развитія (на 3—4 мѣсяцахъ зародышевой жизни по Gradenigo), но и въ такомъ случаѣ надо было бы принимать во вниманіе только тѣ случаи, когда сильно отстоитъ отъ черепа одна только верхняя часть уха, а не все ухо in toto; таковы, по крайней мѣрѣ, отношенія, существующія на 3—4 мѣсяцахъ зародышевой жизни. Степень же отстоянія всего уха зависитъ, по мнѣнію многихъ изслѣдователей (*Seeland*, *Curtis*, *Nachtigal*, *Гильченко* и др.), отъ способа ношенія головного убора. Такъ ли это, или нѣтъ—за недостаткомъ соотвѣтствующихъ данныхъ—судить трудно. Впрочемъ, отстоящее ухо приписывалось прежде многими изслѣдователями также и неграмъ и негритосамъ, не носящимъ никакого головного убора; но здѣсь убѣжденіе въ низшей организаціи негровъ и въ значеніи отстоящаго уха какъ признака таковой играло, кажется, бо́льшую роль, чѣмъ фактическія наблюденія. Новѣйшіе изслѣдователи приводятъ, по крайней мѣрѣ, данныя нѣсколько иного характера. Такъ, у *Luschan*'a [76]) *Reineke* [77]) а также въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ *Döring*'a [78]) можно почерпнуть слѣдующія данныя: у 20 жителей острова Salomo, у 22 жит. остр. Gilbertin, у 2 жит. Новаго Ганновера—отстоящее ухо не отмѣчается ни разу, у 14 новогебридцевъ только 2 раза и т. д.; Döring видѣлъ даже прямо обратное явленіе, т.-е. у 13 человѣкъ изъ 17 негровъ.—Того онъ отмѣчаетъ тѣсное прилежаніе уха къ черепу. Значеніе отстоящаго уха остается такимъ образомъ совершенно не выясненнымъ. Не многимъ лучше стоитъ дѣло и по отношенію къ мочкѣ: *А. А. Ивановскій* описываетъ, правда, характерную форму мочки монгольскаго уха (приращенную мочку ф. I по схемѣ Schwalbe), но и у него недостаетъ цифръ, которыя показывали бы, какъ часто встрѣчается у монголовъ эта форма. Надо, впрочемъ, сказать, что среди европейцевъ эта форма мочки едва-ли можетъ считаться очень распространенной, такъ какъ *Gradenigo* для итальянцевъ, *Vali* [79]) для венгерцевъ, *Karutz* и др. для нѣмцевъ — даютъ для этой формы цифры колеблющіяся между 2,1% и 5,6%.

Большинство изслѣдователей не отдѣляетъ только что упомянутой формы мочки отъ простого приращенія ея (форма II Schwalbe), называя обѣ эти формы—приращенной мочкой, иногда даже „отсутствующей“ (послѣднее, впрочемъ, названіе ни съ морфологической ни съ генетической точки зрѣнія не вѣрно). Отсутствіе, слабое развитіе или приращеніе мочки считается многими авторами за характерный признакъ монгольскаго уха (*Bälz*, *Gervé et Hovelaque* и др.). *Koganeï* говоритъ, однако, что у айновъ мочка велика и обыкновенно отдѣляется отъ щеки глубокою вырѣзкой; *Weissenberg* у 84 солдатъ финскаго происхожденія отмѣтилъ приращенную мочку всего 2 раза. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо сказать, что простое приращеніе мочки (приращеніе форма II по Schwalbe) очень нерѣдко встрѣчается и у европейцевъ; *Gradenigo* насчитываетъ его у 21,3% итальянцевъ, *Karutz* у нѣмцевъ — 23,3%, *Féré et Seglas* [80]) у 24,1% французовъ и т. д., а *Топинаръ* считаетъ эту особенность за характерную для жителей Пиренеевъ. Слабое развитіе и отсутствіе мочки отмѣчалось также нѣкоторыми изслѣдователями и для черныхъ расъ; *Fritsch*, напримѣръ, приписываетъ эту особенность бушменамъ и готтентотамъ, *Mense* [81]) неграмъ—Конго и т. д. По отношенію къ формамъ мочки неясность и неопредѣленность терминологіи авторовъ сказывается съ особою силою и форма перехода мочки подъ острымъ угломъ въ кожу щеки, простое приращеніе и такъ называемое „отсутствіе мочки“ (слабо развитая мочка) смѣшиваются между собой, что окончательно запутываетъ и безъ того неясный и неразработанный вопросъ. Не лучше стоитъ дѣло и по отношеніи къ завитку. *Гиртль*, какъ мы уже имѣли случай говорить выше, считаетъ характернымъ для монголовъ ухо съ недоразвитымъ завиткомъ, къ тому же мнѣнію склоняется *Bälz*, утверждающій, что у китайцевъ, японцевъ и корейцевъ рѣдко можно встрѣтить уши съ хорошо сформированнымъ завиткомъ. Заявленій обратнаго свойства не было, правда, сдѣлано ни кѣмъ, тѣмъ не менѣе, наблюденія Гиртля, Bälz'a и другихъ не подтверждены ими цифровымъ матеріаломъ и насколько часты у монголовъ такія формы—неизвѣстно.

Нѣкоторые изслѣдователи (изъ новѣйшихъ—особенно *Schäffer*) утверждали, что у дикихъ племенъ, особенно у негровъ, почти не встрѣчается рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка. Это обстоятельство смущало нѣсколько тѣхъ изслѣдователей, которые хотятъ видѣть въ Дарвиновомъ бугоркѣ признакъ болѣе низкой организаціи. Впрочемъ, Schwalbe указалъ, какъ мы уже упоминали, на то, что бо́льшая степень редукціи уха еще не говоритъ въ пользу высшей организаціи, такъ какъ наиболѣе редуцировано (Дарвиновъ бугорокъ, слѣдовательно, наиболѣе изглаженъ) ухо оранга, а не человѣческое. Да и болѣе точныя изслѣдованія ушей негровъ показали, что рѣзкія формы Дарвинова бугорка у нихъ совсѣмъ не такъ уже рѣдки. Такъ, въ то время какъ у европейцевъ эти формы отмѣчены *Gradenigo* въ 3,5%, *Vali* [79]) въ 3%, *Feré et Seglas* [80]) въ 6,9% и т. д., *Mense* [81]) для 101 негра—Конго отмѣчаетъ ихъ въ 12 случаяхъ, такъ что

только нѣмцы Schwalbe, давшіе 36% случаевъ рѣзкаго развитія Дарвинова бугорка (форма I—III), превосходятъ въ этомъ отношеніи негровъ. Но и здѣсь опять-таки выступаетъ на первый планъ неясность границъ, отъ которыхъ авторы (за исключеніемъ Schwalbe) начинаютъ считать формы Дарвинова бугорка за рѣзко выраженныя.

Сдѣланнаго нами самаго бѣглаго обзора достаточно для того, чтобы убѣдиться, какъ шатки еще наши свѣдѣнія относительно расовыхъ особенностей въ формѣ уха. Неоднократно поднимался даже вопросъ о томъ, могутъ ли варіаціи въ строеніи наружнаго уха служить однимъ изъ расовыхъ признаковъ? На это можно сказать только одно: отрицательное рѣшеніе вопроса представляется во всякомъ случаѣ преждевременнымъ и приводимые въ пользу его доводы основаны на недоразумѣніи или грѣшатъ поспѣшностью обобщенія, склоняющагося недоказанное считать за несуществующее. На основаніи существующихъ въ настоящее время данныхъ относительно измѣрительныхъ признаковъ уха трудно уже сомнѣваться въ томъ, что представители трехъ крупнѣйшихъ вѣтвей человѣчества, т.-е. бѣлокожіе, желтокожіе и чернокожіе—коренные представители трехъ континентовъ — замѣтно разняться между собою въ числѣ другихъ признаковъ и по длинѣ и ширинѣ наружнаго уха. Описательные же признаки уха изучены совершенно еще недостаточно для того, чтобы можно было опредѣленно высказаться относительно значенія ихъ для антропологіи расъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря болѣе подробно о каждомъ изъ признаковъ наружнаго уха, я постараюсь сгруппировать по возможности большее число наличныхъ данныхъ, присоединяя съ нимъ и данныя полученныя мною лично; оперируя надъ этимъ матеріаломъ, можно будетъ сдѣлать попытку выяснить вопросъ и о значеніи описательныхъ признаковъ уха, какъ расовыхъ особенностей; ближайшею же цѣлью настоящей главы было лишь общее указаніе на существованіе попытокъ антропологовъ воспользоваться для своихъ цѣлей и наружнымъ ухомъ, и на направленіе, въ которомъ эти попытки до сихъ поръ дѣлались.

VI.

Дегенеративное ухо. Общее понятіе о физическихъ признакахъ вырожденія; критика методовъ ихъ изученія.

Со времени возникновенія ученія Morel'я [9]) [10]) о психическомъ и физическомъ вырожденіи прошло уже почти полвѣка. За это время благодаря цѣлому ряду трудовъ нѣмецкихъ, а въ еще большей мѣрѣ французскихъ психіатровъ (особенно *Magnan'a* и его школы) понятіе о психической дегенераціи выяснено и установлено на прочныхъ основаніяхъ. Нѣсколько иначе стоитъ дѣло по отношенію къ той части ученія Morel'я которая трактуетъ физическіе признаки вырожденія. Самъ Morel, обративъ свое вниманіе на конечныя звенья цѣпи вырождающихся, т.-е. на слабоумныхъ отъ рожденія и на идіотовъ, могъ констатировать у большинства ихъ наличность цѣлаго ряда рѣзко выраженныхъ особенностей въ строеніи черепа, костей лица, въ числѣ и расположеніи зубовъ и т. д., при чемъ большинство этихъ особенностей такъ далеко уклоняется отъ обычныхъ, среднихъ нормъ строенія человѣческаго тѣла, что въ принадлежности ихъ къ категоріи настоящихъ аномалій, деструкцій организма трудно сомнѣваться. Опытъ показываетъ, что крайнія степени микроцефаліи, равно какъ и противоположное ей явленіе. т.-е. рѣзко выраженная (водяночная) макроцефалія, крайнія степени деформаціи черепа и т. д. не могутъ не отзываться на психическихъ функціяхъ субъекта и за извѣстными предѣлами измѣненій въ конфригураціи черепа роковымъ и неизбѣжнымъ образомъ слѣдуетъ слабоуміе и идіотизмъ. Для большинства подобнаго рода измѣненій черепа найденъ и ближайшій ихъ патологическій субстратъ, сводящійся главнымъ образомъ къ раннимъ внутри-утробнымъ воспалительнымъ процессамъ въ мозгу или костяхъ, къ раннему сращенію тѣхъ или другихъ черепныхъ швовъ и т. д. Равнымъ образомъ и многія другія рѣзко выраженныя аномаліи въ строеніи тѣла кретиновъ носятъ несомнѣнный патологическій характеръ и принадлежатъ къ особенностямъ такого рода, что отчего бы онѣ ни возникали, но разъ онѣ существуютъ, функція охваченныхъ ими органовъ должна быть, очевидно, ограничена, измѣнена или извращена. Словомъ, очень многія изъ особенностей физическаго строенія представителей крайнихъ степеней вырожденія явно переступаютъ за предѣлы варіацій строенія и съ таковыми не могутъ быть смѣшаны. Но у субъектовъ захваченныхъ процессомъ вырожденія выраженнымъ въ менѣе рѣзкой формѣ, особенности физической организаціи не такъ рѣзки, искаженія типа строенія органовъ не такъ бросаются въ глаза, существуетъ наконецъ рядъ переходовъ къ нормальному строенію, такъ что относительно многихъ особенностей физическаго строенія дегенерантовъ высшаго порядка нельзя сказать съ увѣренностью, принадлежатъ ли онѣ къ особенностямъ только однимъ дегенерантамъ свойственнымъ или же являются простыми варіаціями строенія, обусловленными индивидуальностью, внѣшними условіями географической среды, соціальнаго положенія

и т. д. Вслѣдствіе этого среди послѣдователей Morel'я стали возникать разногласія по отношенію какъ къ отдѣльнымъ особенностямъ строенія, такъ и къ основному вопросу о значеніи физическихъ признаковъ дегенераціи, такъ что даже такой компетентный психіатръ, какъ *Magnan* [82]), особенно тонко изучившій клиническую картину психозовъ вырожденія, неоднократно указывалъ на очень частое отсутствіе какихъ бы то ни было физическихъ признаковъ вырожденія у субъектовъ, страдающихъ наиболѣе выраженными формами дегенеративныхъ психозовъ. Правильное рѣшеніе вопроса встрѣчало до сихъ поръ крупное препятствіе въ слишкомъ большихъ пробѣлахъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о предѣлахъ колебаній въ величинахъ и формѣ отдѣльныхъ органовъ человѣческаго тѣла при нормальныхъ условіяхъ, вслѣдствіе чего, отмѣчая ту или другую особенность строенія тѣла вырождающагося субъекта, нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что мы отмѣчаемъ дѣйствительную особенность вырождающагося организма, а не расовую, профессіональную, индивидуальную и т. д. особенность, не часто, правда, встрѣчающуюся, но тѣмъ не менѣе не имѣющую ничего общаго съ процессомъ дегенераціи. Затрудненіе въ рѣшеніи вопроса о физическихъ признакахъ вырожденія увеличивается въ значительной мѣрѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что весь вопросъ построенъ на чисто эмпирическихъ основаніяхъ и мы не имѣемъ до сихъ поръ хотя бы сколько-нибудь прочно обоснованнаго объясненія какъ условій возникновенія особенностей, почитаемыхъ за физическіе признаки дегенераціи, такъ и связи этихъ особенностей съ аномаліями психической дѣятельности дегенерантовъ. Вслѣдствіе этого не существуетъ никакой руководящей идеи, въ силу которой та или другая особенность строенія могла бы быть отнесена къ признакамъ вырожденія или исключена изъ этой категоріи. Нѣкоторые авторы (*Näcke* [83]), *Sommer* [84]), отчасти *Talbot* [85]) и др.) пытались, правда, разобраться въ вопросѣ и установить извѣстный критерій, придавая большинству отмѣчаемыхъ авторами особенностей строенія дегенерантовъ значеніе отпечатковъ, налагаемыхъ на субъекта его профессіей, условіями жизни, средой и т. д. и считая за физическіе признаки вырожденія только такія особенности въ строеніи отдѣльныхъ органовъ, которыя обусловливаютъ ту или другую степень нарушенія функціи этихъ органовъ. Но мнѣніе названныхъ авторовъ далеко не пользуется широкимъ распространеніемъ и большинство изслѣдователей выдвигаетъ на первый планъ мельчайшія особенности въ строеніи тѣла дегенерантовъ, какъ бы подчеркивая тѣмъ съ особой силой всю ничтожность непосредственнаго вліянія устанавливаемыхъ физическихъ признаковъ дегенераціи на функціональныя отправленія охваченныхъ ими органовъ.

Какъ на особенно любопытный образецъ теоретиковъ, не останавливающихся теоріи ради ни передъ какими крайностями, можно указать на *Binder*'а, который, считая за типическіе признаки вырожденія многія тончайшія особенности въ структурѣ наружнаго уха, совершенно отказываетъ въ какомъ-либо въ этомъ смыслѣ значеніи такимъ крупнымъ аномаліямъ строенія, какъ полидактилія, дефекты цѣлыхъ органовъ или ихъ частей и т. д. (см. ор. 15, стр. 561). Особенно много частныхъ подробностей (и вмѣстѣ съ тѣмъ много путаницы) внесено въ вопросъ о физическихъ признакахъ вырожденія Lombroso и его послѣдователями и учениками, то отождествляющими физическіе признаки психической дегенераціи съ таковыми же признаками преступности, то выдѣляющими эти послѣдніе въ особую самостоятельную группу. Желая очертить своеобразный физическій типъ врожденнаго преступника, антропологи-криминалисты принялись съ рвеніемъ отыскивать у обитателей тюремъ и остроговъ различныя особенности физическаго строенія въ такомъ количествѣ, что простой перечень региструемыхъ ими особенностей занимаетъ у нихъ цѣлыя страницы.

Въ этотъ перечень входятъ и пресловутая затылочная ямка преступниковъ (depressio parieto-occipitalis) и просто „грубая и отталкивающая внѣшность“, общій „звѣреобразный типъ“, массивная нижняя челюсть, суженіе лобно-височной области черепа, преобладаніе „затылочнаго типа“ черепа, прогнатизмъ, короткіе пальцы, рѣзко выраженная plica naso-labialis (признакъ установленный *Näcke*—особенно рельефно выступавшій, между прочимъ, у величайшаго гуманиста нашего вѣка—Гладстона) и т. д. Но столь широкое и произвольное пониманіе физическихъ признаковъ вырожденія и преступности скоро встрѣтило суровый отпоръ. Такъ, *Manouvrier* [86]) съ свойственными ему талантомъ и эрудиціей возражалъ самому Lombroso и его послѣдователямъ, что въ большинствѣ случаевъ они демонстрируютъ не черепа преступниковъ, а черепа людей, выросшихъ въ низшихъ слояхъ общества, въ порокахъ, нуждѣ и лишеніяхъ, констатируя у нихъ размягченіе костей, рахитическія измѣненія черепа, сдавленіе его височно-лобной области жевательными мышцами сильно развитыми у людей, съ ранняго возраста принужденныхъ питаться грубой и жесткой пищею, массивныя челюсти (въ силу той же причины), грубость, угловатость всего костнаго скелета, да и мягкихъ покрововъ—словомъ все, что угодно, кромѣ только признаковъ преступности. Помимо того, какъ антропологамъ-криминалистамъ, такъ и психіатрамъ можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ неточности и ошибочности ихъ выводовъ вслѣдствіе недостаточной осторожности при сравненіи нормальныхъ и патологическихъ группъ, составляемыхъ нерѣдко изъ представителей различныхъ классовъ, соціальныхъ положеній, возрастовъ, расы и т. д. Чтобы показать, до какой степени игнорируется авторами значеніе расы какъ разъ въ тѣхъ именно отношеніяхъ,

въ которыхъ оно можетъ сказываться съ особою силою, я позволю себѣ привести нѣсколько наиболѣе выдающихся примѣровъ. *Meynert* [87]), напримѣръ, сравниваетъ черепа душевно-больныхъ коллекціонированные въ музеѣ Рокитанскаго (въ Вѣнѣ), съ черепами нормальнаго населеніяе по даннымъ *Welcker'а*, упуская изъ виду тотъ фактъ, что данныя Welcker'а относятся къ чистымъ германцамъ, тогда какъ въ коллекціи музея Рокитанскаго есть много череповъ завѣдомо славянскихъ, а еще, вѣроятно, бо́льшее количество череповъ принадлежитъ германизированнымъ славянамъ. То же самое повторяетъ за Meynert'омъ и *Benedikt* [88]), самъ замѣчающій къ тому же, что коллекція изъ музея Рокитанскаго „тенденціозна", т.-е. собрана среди душевно больныхъ не подъ рядъ, а съ выборомъ во имя тѣхъ или другихъ особенностей череповъ. Еще рѣшительнѣе поступаетъ нашъ соотечественникъ д-ръ *Штейнбергъ* [89]) изъ Варшавы, сравнивающій душевно-больныхъ изъ военнаго уяздоваго госпиталя въ Варшавѣ съ данными для нормальнаго населенія по Welcker'у. Другой нашъ соотечественникъ д-ръ *Бѣляковъ* [90]) сопоставляетъ безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ черепа русскихъ убійцъ съ черепами преступниковъ Benedikt'а и съ нормальными черепами по даннымъ Weissbach'а и Broca...

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы понять, какую цѣну могутъ имѣть заявленія авторовъ, что преступники и душевно-больные брахицефаличнѣе *) нормальныхъ людей, отличаются большимъ развитіемъ затылочной части черепа по сравненіи ея съ лобною частью **), оксицефаличнѣе, обладаютъ менѣе объемистымъ черепомъ и т. д. Многіе авторы, изучая физическія особенности группы душевно-больныхъ или преступниковъ самыхъ различныхъ возрастовъ, составляютъ сравнительную группу нормальныхъ субъектовъ изъ студентовъ, солдатъ, т.-е. изъ людей молодыхъ, приблизительно въ возрастѣ отъ 19 до 25 лѣтъ, между тѣмъ изысканіями цѣлаго ряда антропологовъ твердо установленъ тотъ фактъ, что многіе измѣрительные признаки измѣняются, и довольно чувствительно, до 30 и болѣе лѣтъ, а нѣкоторые изъ нихъ, просуществовавъ нѣкоторый періодъ времени стаціонарно, къ старости подвергаются еще и вторичнымъ измѣненіямъ; то же самое относится, конечно, и ко многимъ изъ описательныхъ признаковъ. Очевидно, слѣдовательно, что сравненіе патологическихъ группъ различныхъ возрастовъ съ нормальными группами молодыхъ людей могутъ повести къ цѣлому ряду ошибочныхъ выводовъ и заключеній; къ тому же, конечно, ведетъ и несоблюденіе единства сравниваемыхъ группъ по отношенію къ соціальному положенію, занятіямъ и условіямъ жизни: еще со времени работъ *Goudl'а Bowditch'а* [92]), *Roberts'а* [93]), *Liwi* и др., произведенныхъ на очень большомъ числѣ измѣреній и подтвержденныхъ потомъ цѣлымъ рядомъ другихъ изслѣдователей, установлена значительная разница въ строеніи горожанъ и сельскихъ жителей, установлены нѣкоторыя отличительныя особенности матросовъ, земледѣльцевъ и т. д. Въ послѣднее время *J. Ranke* [62]) съ особенной силой выдвигаетъ впередъ вопросъ о существованіи въ предѣлахъ одной и той же расы культурныхъ и не культурныхъ типовъ организаціи. *Bälz* [94]) устанавливаетъ для японцевъ два типа— тонкаго и грубаго сложенія, при чемъ различія культурныхъ и не культурныхъ и тонкихъ и грубыхъ типовъ между собою довольно значительно. Припомнивъ теперь, что *Bordier* [95]), *Баженовъ* [96]), равно какъ и нѣкоторые другіе авторы пытались установить между представителями разныхъ профессій различія въ величинѣ окружности головы, въ самой формѣ головы, въ емкости черепа и т. д., (см. *В. Воробьевъ* [91]), мы поймемъ, насколько нужно быть осторожнымъ при составленіи сравниваемыхъ между собою группъ нормальнаго и патологическаго населенія и какъ ненадежны изслѣдованія физическихъ особенностей преступниковъ или вырождающихся душевно больныхъ у большинства авторовъ, игнорировавшихъ единство сравниваемыхъ группъ по расѣ, возрасту, образу жизни, соціальному положенію и т. д.

Очень часто встрѣчаются крупныя ошибки и при подборѣ изучаемыхъ группъ преступниковъ или душевно-больныхъ. Авторы, изучающіе особенности физическаго строенія преступниковъ, изслѣдуютъ нерѣдко всѣхъ пансіонеровъ доступной имъ тюрьмы подъ рядъ, не дѣлая различія между субъектами съ выраженными антисоціальными наклонностями и преступниками случайными, доведенными до тюрьмы лишь роковымъ для нихъ стеченіемъ обстоятельствъ.

У авторовъ, занимавшихся вопросомъ о физическомъ строеніи душевно-больныхъ, существуетъ въ этомъ отношенія еще большая путаница: въ то время какъ одни авторы, изслѣдуя физическое строеніе всѣхъ душевно-больныхъ подъ рядъ, дѣлали попытки установить различія въ строеніи нормальнаго организма и организма душевно-больныхъ, другіе стояли на болѣе раціональной почвѣ изученія особенностей строенія исключительно только группы вырождающихся душевно-больныхъ. Очень часто, однако, здѣсь происходило смѣшеніе понятій, и многіе авторы, толкуя объ особенностяхъ строенія дегенерантовъ, на практикѣ изучали строеніе всѣхъ душевно-больныхъ подъ рядъ. Въ лучшемъ случаѣ изслѣдованные больные дѣлились на категоріи наслѣдственно отягченныхъ больныхъ и больныхъ безъ наслѣдственнаго отягченія и тѣ признаки, которые оказывались наименѣе распространенными среди нормальныхъ субъектовъ, болѣе частыми среди душевно-больныхъ безъ наслѣдственнаго отягченія и наиболѣе распространен-

*) По однимъ авторамъ, а по другимъ—долихоцефаличнѣе.
**) См. В. Воробьевъ. Op. 91.

ными среди наслѣдственно отягченныхъ, считались за истинные физическіе признаки вырожденія. Такой методъ изслѣдованія наиболѣе, надо сказать, распространенный, представляется, однако, по существу не вѣрнымъ. Прежде всего понятія о наслѣдственномъ отягченіи и о вырожденіи не покрываютъ друга друга, такъ какъ въ психіатріи уже твердо установленъ тотъ фактъ, что вырожденіе, будучи связано чаще всего съ наслѣдственнымъ отягченіемъ, можетъ быть также и врожденнымъ, когда, слѣдовательно, вредные моменты дѣйствовали на будущій организмъ лишь въ періодъ его зачатія или въ періодъ внутриутробной жизни и, наконецъ,—пріобрѣтеннымъ. Послѣднее не играетъ съ нашей точки зрѣнія большой роли, такъ какъ, развиваясь обыкновенно въ тѣ періоды жизни, когда организмъ уже сформировался, оно, глубоко измѣняя психическую организацію субъекта, можетъ оставаться безъ всякаго вліянія на физическую его организацію *). Врожденная же дегенерація имѣетъ очевидные шансы оставить свои слѣды и на внѣшности организма, между тѣмъ такіе дегенерированные субъекты окажутся при принятомъ авторами методѣ въ категоріи не отягченныхъ наслѣдственно, т.-е. какъ бы не дегенерированныхъ субъектовъ. Но и помимо того самое дѣленіе на наслѣдственно отягченныхъ и не отягченныхъ — при массовыхъ изслѣдованіяхъ, производимыхъ въ большихъ больницахъ, является совершенно случайнымъ. Какъ велика роль наслѣдственности въ душевныхъ болѣзняхъ — вопросъ спорный и въ то время какъ одни статистики отмѣчаютъ у душевно-больныхъ наслѣдственность въ 4%—5% всѣхъ случаевъ, по другимъ процентъ наслѣдственности значительно повышается, доходя до 60%—70% и выше, а *Dejérine* [97]), напримѣръ, утверждаетъ, что у всѣхъ душевно-больныхъ можно отмѣтить наслѣдственные антецеденты—разница же въ цифрахъ авторовъ зависитъ какъ отъ степени тщательности собиранія анамнестическихъ свѣденій, такъ и отъ того, какіе именно изъ антецедентовъ принимались изслѣдователемъ во вниманіе и какіе опускались; послѣднее же условіе при чрезвычайномъ въ настоящее время расширеніи границъ „невропатической семьи" играетъ чрезвычайно важную роль. При такихъ условіяхъ группы больныхъ наслѣдственно отягченныхъ и не отягченныхъ окажутся на практикѣ группами больныхъ съ хорошо собраннымъ анамнезомъ и больныхъ, анамнезъ которыхъ мало извѣстенъ.

Но категорія больныхъ съ лучше собраннымъ анамнезомъ является обыкновенно, caeteris paribus, категоріей интеллигентныхъ больныхъ, такъ какъ родственники послѣднихъ и лучше понимаютъ необходимость сообщенія врачамъ о наслѣдственныхъ антецедентахъ и лучше освѣдомлены объ этихъ послѣднихъ, чѣмъ неинтеллигентные родственники больныхъ. Такимъ образомъ, помимо всякаго желанія изслѣдователя, группа наслѣдственно отягченныхъ больныхъ будетъ по преимуществу группою интеллигентныхъ больныхъ, а группа наслѣдственно не отягченныхъ—группою по преимуществу не интеллигентныхъ больныхъ, а обѣ эти группы могутъ значительно отличаться другъ отъ друга признаками, имѣющими мало общаго съ дегенераціей. Единственнымъ правильнымъ путемъ изслѣдованія вопроса о физическихъ признакахъ вырожденія является путь сравнительнаго изслѣдованія группъ нормальныхъ субъектовъ и группъ вырождающихся душевно-больныхъ, подобранныхъ по клинической картинѣ болѣзни, т.-е. группъ субъектовъ страдающихъ типичными психозами вырожденія.

Но по этому пути не шелъ до сихъ поръ ни одинъ изслѣдователь. Послѣднее обстоятельство зависитъ, вѣроятно, частью отъ того, что далеко не всѣ изслѣдователи вопроса достаточно компетентны въ чисто психіатрическихъ вопросахъ (особенно это относится къ авторамъ, изучавшимъ дегенеративное ухо: большинство ихъ не психіатры, а отіатры), частью же и оттого, что собрать достаточно многочисленную группу субъектовъ, страдающихъ чистыми безспорными психозами вырожденія, далеко не легко, такъ какъ въ большихъ больницахъ, гдѣ собирается много хрониковъ, процентъ случаевъ дегенеративныхъ психозовъ въ общемъ не великъ. Но и помимо неосторожнаго составленія и нормальныхъ и патологическихъ группъ большинство авторовъ, изучавшихъ вопросъ о физическихъ признакахъ вырожденія, повинно въ другихъ не менѣе, если не болѣе важныхъ методологическихъ ошибкахъ, обезцѣнивающихъ значеніе ихъ трудовъ. Одной изъ наиболѣе крупныхъ и наиболѣе распространенныхъ методологическихъ ошибокъ является примѣненіе по существу не вѣрнаго метода, который можетъ быть охарактеризованъ названіемъ „метода подсчета предустановленныхъ аномалій". Суть этого метода сводится къ тому, что изслѣдователь, еще не приступая къ собиранію числовыхъ данныхъ, составляетъ себѣ на основаніе литературнаго матеріала и личныхъ наблюденій представленіе о томъ, какія именно изъ особенностей строенія слѣдуетъ считать за признаки вырожденія и число такихъ то à priori установленныхъ признаковъ подсчитываетъ какъ у душевно-больныхъ и преступниковъ, такъ и въ сравнительной группѣ нормальныхъ людей. Но при маломъ нашемъ знакомствѣ съ варіаціями строенія нормальныхъ наружныхъ органовъ тѣла никто не гарантированъ отъ того, что въ число отмѣчаемыхъ имъ особенностей, почитаемыхъ за признаки вырожденія, не попадетъ извѣстное количество расовыхъ, возрастныхъ профессіональныхъ, индивидуальныхъ и т. п. особенностей. Тотъ авторъ, у котораго послѣдняго рода особенности вой-

*) Здѣсь рѣчь идетъ не о тонкихъ замѣтныхъ лишь подъ микроскопомъ измѣненіяхъ въ структурѣ нервной системы, но о грубыхъ макроскопическихъ измѣненіяхъ наружныхъ органовъ и покрововъ.

дутъ въ бо́льшемъ числѣ, найдетъ меньше различій между нормальнымъ и дегенеративнымъ населеніемъ, кто же будетъ отмѣчать меньшее число расовыхъ и индивидуальныхъ особенностей, у того различія между нормальными и дегенерантами получится въ болѣе рѣзкой степени. Такимъ образомъ личный взглядъ автора заранѣе предопредѣляетъ результатъ изслѣдованія. Видимымъ исходомъ изъ этого положенія является путь сравнительнаго изученія каждой отдѣльной особенности въ строеніи органовъ у вырождающихся душевнобольныхъ и преступниковъ и у нормальныхъ людей, съ выводомъ отсюда относительно принадлежности къ признакамъ вырожденія тѣхъ особенностей, которыя чаще встрѣчаются въ первой группѣ. Но и противъ такого пути изслѣдованія можно возразить многое: прежде всего особенности, признаваемыя за физическіе признаки вырожденія, равноцѣнны между собой и могутъ замѣнять другъ друга, такъ что отдѣльные признаки, будучи и характерными для дегенераціи могутъ все таки у извѣстныхъ группъ дегенерантовъ встрѣчаться сравнительно рѣдко; въ такомъ случаѣ нѣкоторые признаки имѣющіе по существу значеніе дегенеративныхъ, могутъ быть не усмотрѣны.

Съ другой стороны и нѣкоторыя расовыя особенности, будучи выраженіемъ случайной примѣси крови чуждой расы (при метисаціи), могутъ у изслѣдуемой нормальной группы встрѣчаться очень даже рѣдко, а если случайно попадется нѣсколько дегенерантовъ съ этими особенностями, послѣднія легко могутъ попасть въ списокъ дегенеративныхъ признаковъ; такая возможность становится особенно вѣроятною въ силу того обстоятельства, что при подсчетѣ не суммы всѣхъ признаковъ, а отдѣльныхъ особенностей строенія, различія цифръ для нормальныхъ и дегенеративныхъ группъ у авторовъ, вообще говоря, не велики. Единственнымъ, слѣдовательно, правильнымъ путемъ является путь предварительнаго систематическаго изученія всѣхъ варіацій строенія, встрѣчающихся въ нормѣ съ спеціальной оцѣнкой значенія каждой варіаціи; до тѣхъ же поръ, пока это не сдѣлано, значеніе большинства выводовъ изъ сравнительно статистическихъ изслѣдованій физическаго строенія нормальныхъ и дегенеративныхъ группъ останется весьма сомнительнымъ. Все сказанное выше относительно дегенеративныхъ признаковъ вообще относится, конечно, въ частности и къ ученію о дегенеративномъ ухѣ. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что по отношенію къ наружному уху дѣло стоитъ еще хуже, чѣмъ по отношеніи къ другимъ органамъ. Многія изъ признаваемыхъ за признаки вырожденія особенностей строенія другихъ органовъ отличаются характеромъ позволяющимъ съ большой, сравнительно степенью вѣроятія отнести ихъ къ разряду дѣйствительныхъ аномалій: какъ ни мало изучены варіаціи строенія органовъ, трудно видѣть въ полидактиліи, микроцефаліи, оксицефаліи, заходящихъ за извѣстныя границы, въ различныхъ фиссурахъ, колобомахъ въ сосудистыхъ и пигментныхъ пятнахъ кожи и т. д. простыя индивидуальныя или расовыя варіаціи. Совершенно иначе стоитъ дѣло по отношеніи къ наружному уху. Будучи органомъ рудиментарнымъ, маловажнымъ для экономіи человѣческаго организма, наружное ухо, отличается чрезвычайной подвижностью и варіабильностью формъ, вслѣдствіе чего представленія о нормальномъ и ненормальномъ ухѣ чрезвычайно шатки и разнообразны. Отсюда понятны тѣ крупныя разногласія, которыя мы встрѣчаемъ у авторовъ, занимавшихся вопросомъ о дегенеративныхъ формахъ уха.

Большинство изслѣдователей относитъ сравнительно рѣдкія формы наружнаго уха къ дегенеративнымъ формамъ. Такой взглядъ не вѣренъ, конечно, по существу (понятія „рѣдкій“ и „аномальный“ далеко еще не тождественныя), но онъ по крайней мѣрѣ понятенъ. Гораздо труднѣе понять ту странную настойчивость, съ которой нѣкоторые изслѣдователи хотятъ видѣть признаки дегенераціи въ формахъ относительно частыхъ и притомъ такихъ, широкое распространеніе которыхъ между различными группами нормальнаго населенія разныхъ областей и расъ константировалось многими изслѣдователями. Для того, чтобы защитить вопреки свидѣтельству цифръ, свой взглядъ на такія формы, какъ на дегенеративныя, ярые поклонники дегенеративнаго уха готовы прибѣгать къ самымъ натянутымъ объясненіямъ: указанія, что данная форма многократно констатирована среди самыхъ разнообразныхъ въ расовомъ и иныхъ отношеніяхъ группъ нормальныхъ людей въ двадцати, даже тридцати и болѣе процентахъ всѣхъ случаевъ, встрѣчаетъ легковѣсное возраженіе: „процентъ не вѣренъ, потому что малы цифры наблюденій“ (хотя бы таковыхъ было и по нѣскольку сотенъ) при чемъ упускается обыкновенно изъ виду, что только рѣдкія формы могутъ дать при недостаточномъ числѣ наблюденій меньшій противъ дѣйствительности процентъ, всякое-же явленіе, встрѣчающееся сравнительно часто, при нѣсколькихъ сотняхъ наблюденій даетъ обыкновенно довольно близкій къ истинному процентъ, съ уклоненіями отъ истиннаго въ ту или другую сторону на нѣсколько единицъ, что, на окончательный результатъ вліяетъ лишь незначительно. Во всякомъ случаѣ, разъ при нѣсколькихъ сотняхъ наблюденій*) отмѣчена какая-нибудь особенность въ 20—30%, эта особенность не можетъ считаться рѣдкой, равно какъ нельзя строить какихъ-либо выводовъ на основаніи того, что такая форма встрѣчается среди душевно-больныхъ или преступникомъ на 3%—5% чаще чѣмъ среди нормаль-

---

*) Gradenigo, изслѣдовавъ до 25000 человѣкъ, приходитъ къ заключенію, что для выясненія общей суммы варіацій наружнаго уха и его типовъ достаточно 200 наблюденій.

ныхъ. А между тѣмъ подобные выводы строятся постоянно. Но и этого мало: въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдователи-скептики показываютъ, что та или другая форма встрѣчается среди здороваго населенія нисколько не рѣже, чѣмъ среди душевно-больныхъ или преступниковъ, имъ возражаютъ: мы знаемъ, что встрѣчаются цѣлыя области, населеніе которыхъ захвачено чуть ли не цѣликомъ процессомъ вырожденія, что изслѣдователь попалъ какъ разъ на такую группу только якобы нормальнаго населенія, при чемъ старательно обходится молчаніемъ тотъ фактъ, что заявленія скептиковъ далеко не единичны и относятся къ наблюденіямъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ еще имѣть случай познакомиться съ цифровыми данными различныхъ авторовъ, здѣсь же, чтобы хотя отчасти иллюстрировать свою мысль и показать кстати, какъ стойко люди держатся разъ сложившихся у нихъ мнѣній, я ограничусь указаніемъ на одну только частность, а именно—на приращенную мочку.

Практическіе психіатры (по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи) ухо съ приращенной мочкой неукоснительно отмѣчаютъ въ ряду дегенеративныхъ признаковъ; между тѣмъ *Schäffer* насчитываетъ приращеніе мочки у 20% всего нормальнаго нѣмецкаго населенія (при нѣсколькихъ тысячахъ наблюденій), *Gradenigo* для итальянцевъ (при десяти тысячахъ наблюденій)—въ 21,3%, для душевно-больныхъ же Gradenigo насчитываетъ эту особенность всего въ 16,6%, а другіе итальянскіе авторы насчитываютъ для преступниковъ еще меньшія цифры: *Marro* (529 набл.)—2,9%, *Penta* (400 набл.)—3%, *Arno* (150 набл.)—1% и т. д. Наконецъ самъ *Binder*—наибольшій авторитетъ для поклонниковъ дегенеративнаго уха, думаетъ, что приращенная мочка среди нормальнаго населенія встрѣчается не рѣже, а можетъ-быть даже и чаще, чѣмъ среди душевно-больныхъ. Нѣтъ, словомъ, ни одного автора, который при попыткѣ освѣтить вопросъ помощью статистическихъ данныхъ остался бы при убѣжденіи, что простое приращеніе мочки (въ противоположность приращенію съ постепеннымъ переходомъ мочки подъ острымъ угломъ въ кожу щеки) является дѣйствительно признакомъ вырожденія. Такія работы авторовъ, безъ сомнѣнія, читаются... а приращенная мочка все-таки продолжаетъ фигурировать и въ исторіяхъ болѣзни, и въ отчетахъ заведеній для душевно-больныхъ въ качествѣ признака вырожденія. Приращенную же и подъ острымъ угломъ переходящую въ кожу щеки мочку (пририщ. форма I по Schwalbe) нѣкоторые авторы, напримѣръ *Gradenigo*, *Binder* и др., склонны считать за признаки дегенераціи. Вспомнимъ, однако, что *А. А. Ивановскій* утверждаетъ, что такая форма приращенія мочки характерна для монголовъ. Произведенныя мною изслѣдованія астраханскихъ калмыковъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ справедливость утвержденія г-на Ивановскаго. Насколько же надо быть осторожнымъ западно-европейскимъ, а тѣмъ болѣе русскимъ авторамъ, при утвержденіи, что такая форма мочки является дегенеративнымъ признакомъ sui generis! Что русскіе по степени распространенія ушей съ той или другой формой полнаго приращенія мочки не особенно рѣзко отличаются отъ другихъ европейскихъ народовъ, можно видѣть изъ приводимыхъ мною ниже числовыхъ данныхъ. Почему же, спрашивается, русскіе психіатры продолжаютъ считать приращенную мочку за дегенеративный признакъ? Очевидно, не потому, чтобы она была сравнительно рѣдка среди нормальнаго населенія (этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, а если бы и было, то за отсутствіемъ точныхъ изслѣдованій оставалось бы психіатрамъ до сихъ поръ неизвѣстнымъ); ни потому, что у душевно-больныхъ такія формы проявляются чаще (этого никто еще не доказалъ, для Россіи же подобнаго рода статистикъ и совсѣмъ даже не существуетъ); ни потому, наконецъ, чтобы въ пользу значенія приращенной мочки, какъ признака дегенераціи, высказались наиболѣе крупныя и авторитетныя авторскія статистики (Gradenigo и Binder высказываются даже въ прямо противоположномъ смыслѣ)... Приходится, кажется, остановиться на томъ, что и въ наукѣ, какъ и въ жизни, играютъ значительную роль своего рода историческія переживанія: о приращенной мочкѣ, какъ объ одномъ изъ признаковъ вырожденія, говоритъ одинъ изъ ближайшихъ послѣдователей и учениковъ Morel'я—*Legrand du Saule*[99]), основывающійся, однако, не на статистикѣ, а на простомъ наблюденіи факта существованія среди душевно-больныхъ изъ класса вырождающихся субъектовъ, обладающихъ ушами съ приращенной мочкой. Съ тѣхъ поръ приращенная мочка фигурируетъ въ спискѣ признаковъ дегенераціи, переходя изъ книги въ книгу, появляясь чуть ни во всѣхъ руководствахъ по психіатріи, не взирая на накопленіе фактовъ, прямо подрывающихъ значеніе этого признака.

VII.

Дегенеративное ухо. Историческій обзоръ и критика главнѣйшихъ работъ по вопросу о дегенеративномъ ухѣ.

Вопросъ о дегенеративномъ ухѣ возникъ одновременно съ возникновеніемъ ученія о физической и психической дегенераціи, такъ какъ уже самъ творецъ этого ученія—*Morel*—указываетъ на нѣкоторыя особенности въ строеніи ушей дегенерантовъ. Не входя въ детальную разработку отдѣльныхъ формъ дегенератив-

наго уха, Morel ограничивается общими указаніями. Въ своемъ „Traité des dégénérescences" онъ говоритъ, что уши субъектовъ наслѣдственно отягченныхъ, представляютъ различныя уклоненія отъ нормы, которыя могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ группамъ: 1) неправильная посадка уха (la vicieuse implantation de l'oreille), 2) увеличеніе или атрофія отдѣльныхъ образованій уха и 3) рудиментарное состояніе и даже полное отсутствіе нѣкоторыхъ частей наружнаго уха (завитка, противозавитка, полости конхи, противокозелка и т. д.).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что Morel неоднократно наблюдалъ подобнаго рода особенности въ строеніи уха у дегенерантовъ, особенно у идіотовъ, и искаженное строеніе уха нѣкоторыхъ изъ нихъ отчетливо видно на приложенныхъ къ книгѣ Morel'я стилизованныхъ портретахъ.

Но внѣ такихъ крайностей (а ихъ, сравнительно, не такъ уже много) остается цѣлый рядъ формъ, значеніе которыхъ спорно и до сихъ поръ. Morel не приводитъ на этотъ счетъ статистическихъ данныхъ; кромѣ того, онъ не изслѣдовалъ ушей нормальнаго населенія. Его наблюденія,—наблюденія человѣка высокоталантливаго и умѣющаго видѣть, не подлежатъ сомнѣнію; но единственный возможный изъ нихъ выводъ состоитъ въ томъ, что у вырождающихся нерѣдко встрѣчаются извѣстныя болѣе или менѣе рѣзко уклоняющіяся отъ наиболѣе распространенныхъ формъ особенности въ строеніи наружнаго уха. Нельзя, однако, сказать, чтобы такія же формы не встрѣчались среди здороваго населенія (т.-е. населенія правоспособнаго и живущаго на свободѣ). Попытки доказать путемъ статистикъ сравнительную частоту извѣстныхъ формъ уха среди душевно-больныхъ вообще, а среди субъектовъ, пораженныхъ дегенеративными формами психозовъ—въ особенности, принадлежатъ позднѣйшему времени. Отдѣльныя замѣчанія относительно формы уха душевно-больныхъ (но опять-таки безъ статистическихъ данныхъ) встрѣчаются уже вскорѣ послѣ появленія ученія Morel'я, а именно: въ 1859 году появилась замѣтка *Stahl*'я [98]; нѣкоторыя замѣчанія о наружномъ ухѣ дегенерантовъ можно также найти у *Legrand du Saule*'я, [99]) а потомъ и у многихъ другихъ авторовъ; въ большинствѣ руководствъ и курсовъ по психіатріи въ главѣ о физическихъ признакахъ дегенераціи съ тѣхъ поръ обязательно отводится хотя нѣсколько строкъ и наружному уху, хотя въ большинствѣ случаевъ (вѣрнѣе даже сказать—во всѣхъ случаяхъ) авторы не указываютъ, какъ и на основаніи какихъ данныхъ у нихъ сложилось представленіе, что именно тѣ, а не другія формы уха являются внѣшнимъ выраженіемъ дегенеративнаго процесса.

Съ появленіемъ ученія *Lombroso* (вторая половина семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія) обращается особое вниманіе на отстоящее ухо, какъ на наиболѣе типичную для преступниковъ форму, отчасти на Дарвиновъ бугорокъ и на нѣкоторыя другія особенности въ строеніи наружнаго уха преступниковъ. Самъ Lombroso, а за нимъ и цѣлый рядъ его учениковъ и послѣдователей, приводятъ статистическія данныя, касающіяся нѣкоторыхъ особенностей уха преступниковъ; эти данныя основываются иногда на довольно значительномъ цифровомъ матеріалѣ, но почти ни у кого изъ авторовъ нѣтъ параллельныхъ цифръ для нормальнаго населенія, такъ что изъ этихъ работъ можно почерпнуть лишь свѣдѣнія о томъ, что та или другая особенность въ строеніи наружнаго уха встрѣчается у преступниковъ въ извѣстномъ процентѣ случаевъ, но отсутствіе или по крайней мѣрѣ хоть меньшее ея распространеніе среди нормальнаго населенія должно быть принято на вѣру. Вообще надо сказать, что до изслѣдованій *Gradenigo* (1888—90 годы) статистическихъ данныхъ для отдѣльныхъ особенностей уха нормальнаго населенія почти совсѣмъ не существуетъ. Цифры же, приводимыя для преступниковъ отдѣльными авторами итальянской криминальной школы, отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, указывающимъ прежде всего на несовершенство принятыхъ авторами методовъ изслѣдованія.

Такъ, „отстоящее" ухо у итальянскихъ преступниковъ-мужчинъ отмѣчаютъ:

Lombroso (394 наб.)	въ	28%	всѣхъ	случаевъ.
Marro (529 наб.)	„	7,7%	„	„
Penta (400 наб.)	„	35,0%	„	„
De Sarlo (89 наб.)	„	5%	„	„
Stura e Arese (19 наб.) . .	„	16%	„	„
Gradenigo (200 наб.) . . .	„	25,2%	„	„

и т. д.

Такія рѣзкія колебанія цифръ едва ли могутъ быть объяснены чѣмъ инымъ, кромѣ не установившагося понятія авторовъ, отъ какого предѣла начинать считать ухо за „отстоящее", а отсюда—и крайняго субъективизма авторовъ.

Первыми авторами, употребившими для изученія формъ наружнаго уха душевно-больныхъ и преступниковъ болѣе правильный методъ сравнительно статистическаго изслѣдованія, были *Féré et Seglas* [80]) (1886 годъ). Эти авторы описали нѣсколько особыхъ формъ уха, прошедшихъ до нихъ не отмѣченными (напримѣръ, ухо, конха котораго дѣлится сильно развитою ножкою завитка на двѣ обособленныя другъ отъ друга половины); они указали вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторыя изъ описанныхъ до нихъ формъ, какъ на формы дѣйствительно, по ихъ статистикѣ, болѣе частыя у душевно-больныхъ и преступниковъ, чѣмъ у нормальныхъ людей. Но изслѣдованіе авторовъ далеко не полно, оно отнюдь не можетъ претендовать на исчерпываніе всѣхъ формъ

дегенеративнаго уха; въ примѣненіи сравнительнаго метода были допущены значительныя ошибки; изъ нихъ въ особенности надо указать на систематическое примѣненіе того ошибочнаго метода сравненія, который я охарактеризовалъ выше именемъ метода подсчета предустановленныхъ аномалій. Послѣднее обстоятельство особенно сильно уменьшаетъ достовѣрность сдѣланныхъ авторами выводовъ. Féré и Seglas опредѣленно высказываются въ пользу взгляда на дегенеративныя формы уха, какъ на формы атавистическія, сближающія ихъ носителей съ животными.

Взглядъ на признаки дегенераціи какъ на явленія атавизма проскальзываетъ мѣстами еще у самого Morel'я и его ближайшихъ послѣдователей. Lombroso и его школа пропагандировали съ особымъ усердіемъ идею о низшемъ типѣ организаціи врожденныхъ преступниковъ, о звѣроподобности ихъ не только въ нравственномъ, но и въ физическомъ отношеніи. Féré и Seglas, занявшись спеціально ухомъ душевно-больныхъ и преступниковъ, утверждаютъ, что отсутствіе завитка, изглаживаніе противозавитка, увеличеніе ножки завитка до степени полной перегородки, идущей поперекъ всей конхи и отсутствіе мочки наблюдаемыя у душевнобольныхъ и преступниковъ,—являются признаками характеризующими ухо антропоидныхъ обезьянъ, а потому для человѣка это признаки атавистическіе. Необходимо, однако, помнить, что большинство описываемыхъ Féré et Seglas, равно какъ и другими авторами, дегенеративныхъ и, по ихъ словамъ, атавистическихъ формъ наружнаго уха можно отмѣтить на ухѣ человѣческаго эмбріона въ различныхъ стадіяхъ его развитія, при чемъ сходство дегенеративныхъ формъ авторовъ съ формами уха низшихъ животныхъ выражено едва ли не слабѣе, чѣмъ сходство ихъ съ эмбріональными формами. Да и, вообще говоря, вопросъ о соотношеніи между явленіями атавизма и явленіями задержки развитія органовъ на тѣхъ или другихъ стадіяхъ эмбріональной жизни—вопросъ чрезвычайно сложный и трудно поддающійся рѣшенію. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ еще придется остановиться на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе, теперь же я ограничусь упоминаніемъ о томъ, что нѣкоторые авторы приписываютъ характеръ атавизма не только спорнымъ, но и нѣкоторымъ такимъ признакамъ, о которыхъ навѣрное можно сказать, что они не имѣютъ ничего общаго съ атавизмомъ. Въ особенности это замѣчаніе можетъ быть отнесено къ чрезмѣрно развитому завитку (helix bandiformix авторовъ), къ чрезмѣрно развитому противозавитку, толстой, мясистой длинной мочкѣ и цѣлому ряду другихъ почитаемыхъ за дегенеративные признаковъ, которые представляютъ какъ бы особенно рѣзко выраженное развитіе отличительныхъ признаковъ человѣческаго уха и которые, слѣдовательно, съ точки зрѣнія авторовъ должны быть приняты за признаки особенно высокой, а никакъ не низшей организаціи. Замѣтимъ, кстати, что и далеко отстоящее ухо (oreille à anse, Henkelohr авторовъ)—признакъ, отмѣченный Lombroso, какъ одна изъ характернѣйшихъ особенностей уха преступниковъ, признано со стороны *Marro* [100]) также за явленіе атавизма. Но и здѣсь существуетъ очевидная погрѣшность противъ фактовъ, такъ какъ ни у оранга, ни у гориллы не наблюдается далекаго отстоянія уха отъ черепа, только у шимпанзе этотъ признакъ болѣе выраженъ; у ниже стоящихъ приматовъ опять-таки наблюдаются различныя степени отстоянія уха отъ черепа, но въ общемъ случаи съ близкимъ прилежаніемъ уха къ черепу встрѣчаются среди нихъ чаще чѣмъ случаи оттопыреннаго уха. Вернемся, однако, къ историческому порядку изложенія. Послѣ работы Féré et Seglas дегенеративному уху стали удѣлять большее вниманіе. Въ томъ же 1886 году появилась работа *Wildermuth*'а [101]), изслѣдовавшаго уши идіотовъ и эпилептиковъ и также, въ свою очередь, отмѣтившаго у нихъ нѣсколько особыхъ формъ, связанныхъ впослѣдствіи (Binder'омъ) съ его именемъ. Къ тому же времени относится и первая работа *Roher*'а [102]) (позднѣйшая его работа относится къ 1894 году [103]). Оба эти изслѣдователя повторяли методологическія ошибки своихъ предшественниковъ и не пользовались методомъ сравненія съ нормальнымъ населеніемъ. Въ слѣдующемъ 1887-мъ году появляется работа *Lannois* [104]) (вторая его работа [105]) появилась въ 1892 году). Настроенный весьма скептически, Lannois отрицаетъ атавистическій характеръ отмѣчаемыхъ у преступниковъ особенностей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пытается доказать, что формы преступнаго уха встрѣчаются у нормальнаго населенія не рѣже чѣмъ у преступниковъ, для чего онъ и даетъ соотвѣтствующую статистику отдѣльныхъ формъ уха нормальнаго населенія. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что Lannois слишкомъ уже смѣло игнорируетъ значеніе расы и строитъ свои выводы на основаніи сравненія лично собраннаго имъ матеріала среди французскаго нормальнаго населенія съ данными Gradenigo, относящимися къ итальянскимъ преступникамъ. Всѣ вышеупомянутыя работы носятъ нѣсколько случайный характеръ; онѣ касаются обыкновенно какихъ-либо отдѣльныхъ формъ уха, не охватывая вопроса въ его цѣломъ и мало систематизированы. Нѣсколько болѣе систематично проведена появившаяся въ слѣдующемъ 1888 году работа *Frigerio* [14]). Frigerio не дѣлаетъ, правда, попытки установки строго проведеннымъ сравнительно статистическимъ методомъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ формъ дегенеративнаго уха, но тѣ частности, которыми онъ занимался, провѣрены у него болѣе систематически; въ этой работѣ впервые сознательно вводятся въ трактуемый вопросъ нѣкоторыя данныя эмбріологіи и сравнительной анатоміи; одну изъ особенностей работы Frigerio составляетъ то

обстоятельство, что авторъ основываетъ свои выводы главнымъ образомъ не на описательныхъ, а на измѣрительныхъ признакахъ. Frigerio является убѣжденнымъ послѣдователемъ Lombroso и въ „врожденныхъ“ преступникахъ видитъ особый типъ, отмѣченный печатью низости происхожденія (inferiorité), одинаково выраженной какъ въ психической, такъ и физической ихъ организаціи. Вмѣстѣ съ Lombroso Frigerio не хочетъ видѣть въ этой „низкой организаціи“ явленія простой деструкціи организма подъ вліяніемъ возрастанія субъекта при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, но считаетъ ее за возвратъ къ болѣе низко организованнымъ предкамъ, за явленія, слѣдовательно, атавизма. Въ особенностяхъ формы ушей преступниковъ Frigerio также, конечно, усматриваетъ явленія атавизма.

Матеріаломъ для изслѣдованій Frigerio послужили:

a) нормальные:

мальчики отъ 3 до 5 л.	— 15	наб.	дѣвоч.	— 15	наб.
„ 5 „ 6 „	15	„	„	15	„
„ 6 „ 10 „	15	„	„	14	„
„ 10 „ 18 „	30	„	„	31	„

взрослые—100 солдатъ въ возрастѣ отъ 20 и до 25 л.

b) душевно-больные:

	М.	Ж.
наслѣдственно отягченные	46;	28
„ не отягченные	16;	30
дегенеранты (психическіе)	40;	27

всѣ въ возрастѣ отъ 26 и до 60 лѣтъ

c) преступники:

	М.	Ж.	
убійцы	87	26	
грабители на большихъ дорогахъ	47	0	въ томъ же возрастѣ, что и предыдущая группа.
воры, мошенники	40	8	
поджигатели	5	0	
изнасилователи	9	0	

d) десять обезьянъ (какихъ неизвѣстно).

Объ описательныхъ признакахъ наружнаго уха Frigerio говоритъ мало, не дѣлая попытки ни перечислить ихъ, ни даже указать на главнѣйшіе изъ нихъ, ограничиваясь лишь общимъ (и далеко не убѣдительно проведеннымъ) замѣчаніемъ объ атавистической ихъ натурѣ. Главное же свое вниманіе Frigerio сосредоточиваетъ на измѣреніяхъ.

Наибольшее значеніе авторъ придаетъ отстоянію уха отъ черепа, измѣряемому имъ въ видѣ ушно-височнаго угла (ange auriculo temporal).

Для этого угла Frigerio даетъ слѣдующія цифры:

		У здоров.	*у душ.-больн.*	*у прест.*	*у обезьянъ.*
Уголъ въ предѣлахъ:	отъ 50° и до 70° встрѣчается въ	31,47%	18,03%	въ 18,12%	0
	отъ 70° и до 90° „ „	52,49%	44,12%	„ 45,83%	30%
	выше 90° „ „	20%	39,16%	„ 55, 7%	70%

т. е. малыя величины угла встрѣчаются всего чаще у здоровыхъ, рѣже у преступниковъ и душевно-больныхъ, никогда у обезьянъ; большія же величины угла, обратно рѣдки у здоровыхъ, чаще у душевно-больныхъ, еще чаще у преступниковъ и доминируютъ у обезьянъ.

Кромѣ ушно-височнаго угла, Frigerio высчитываетъ также указатели (отношенія ширины къ длинѣ) всей ушной раковины и конхи.

Указатель конхи является, по даннымъ автора, наибольшимъ у обезьянъ (76 по болѣе принятому въ настоящее время обозначенію, или 0,76 какъ его обозначаетъ Frigerio), меньше онъ у дѣтей 3—4 лѣтъ (74); съ возрастомъ постепенно убываетъ, достигая у солдатъ 67; у душевно-больныхъ не наслѣдственныхъ онъ немного больше, чѣмъ у солдатъ (72), зато у наслѣдственныхъ меньше (65), у дегенерантовъ, однако, немного больше, чѣмъ у солдатъ (68); у преступниковъ различныхъ категорій онъ еще меньше и колеблется по разнымъ ихъ категоріямъ въ предѣлахъ 60—68. Аналогичнымъ образомъ измѣняется и указатель всего уха, хотя здѣсь правильность рядовъ еще меньше.

Frigerio пытается установить слѣдующій порядокъ деградаціи отъ нормальныхъ къ обезьянамъ: нормальные, душевно-больные не наслѣдственные, наслѣдственные, потомъ дегенеранты, за ними преступники разныхъ категорій и, наконецъ, обезьяны. Но даже его собственныя цифры не вполнѣ согласуются съ этимъ порядкомъ и указатель всей ушной раковины (pavillon) даетъ колебанія, сближающія преступниковъ и дегенерантовъ съ нормальными субъектами; нѣсколько правильнѣе располагаются у него указатели конхи. Правильности рядовъ могло бы, конечно, мѣшать недостаточное число наблюденій, падающихъ на отдѣльныя группы, но не въ этомъ одномъ кроются недостатки работы Frigerio.

Прежде всего автору можно сдѣлать нѣсколько упрековъ относительно самаго подбора сравниваемыхъ имъ группъ: группа „нормальныхъ“ представлена 100 солдатами въ возрастѣ отъ 20 и до 25 лѣтъ, тогда какъ группы преступниковъ и душевно-больныхъ заключаютъ въ себѣ субъектовъ гораздо болѣе пожилыхъ. Между тѣмъ самъ же Frigerio прослѣдилъ, начиная съ дѣтства и до возмужанія, измѣненія цифръ по возрастамъ. Если бы онъ прослѣдилъ эти измѣненія и далѣе, то увидѣлъ бы, какъ это доказано изслѣдованіями Schwalbe и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, что извѣстные размѣры, особенно длина уха, продолжаютъ увеличиваться съ возрастомъ и за предѣлами возмужалости; между тѣмъ разница въ указателяхъ для нормальныхъ

и патологическихъ группъ, по Frigerio, далеко уже не такъ велика, чтобы ее нельзя было свести къ возрастнымъ различіямъ этихъ группъ. Относительно группъ преступниковъ у Frigerio недостаетъ болѣе точныхъ опредѣленій, изъ которыхъ явствовало бы, что избранные имъ субъекты дѣйствительно принадлежатъ къ категоріи прирожденныхъ, а не случайныхъ преступниковъ. Числа наблюденій, падающихъ на отдѣльныя категоріи преступниковъ нѣсколько малы для того, чтобы дѣлать изъ нихъ положительные выводы.

Принимаемое Frigerio дѣленіе душевно больныхъ на наслѣдственно неотягченныхъ и отягченныхъ встрѣчаетъ возраженіе, о которомъ уже упоминалось выше (см. стр. 34 и 35). Вмѣстѣ съ тѣмъ Frigerio не упоминаетъ о томъ, какое наслѣдственное отягченіе онъ принималъ во вниманіе—только прямое или также и боковое. Наконецъ, группа обезьянъ (10 наблюд.) и слишкомъ недостаточна по числу случаевъ и совершенно неопредѣленна, такъ какъ авторъ не даетъ указаній, какіе именно виды и роды обезьянъ изслѣдовались ими; вслѣдствіе этого выводы автора относительно различій между ушами обезьянъ и ушами различныхъ человѣческихъ группъ должны приниматься cum grano salis. Наконецъ, не свободны отъ упрековъ и принятые Frigerio способы измѣреній.

Измѣреніе ушно-височнаго угла (ang. auriculo - temporale) въ градусахъ очень не надежно благодаря податливости уха, тѣмъ болѣе, что инструментъ прилагается въ области плохо доступной для контроля зрѣніемъ; угловыя измѣренія у живыхъ обезьянъ при такихъ условіяхъ, будто, прямо фантастичны. Въ трудѣ Frigerio не указано, между прочимъ, отъ какихъ и до какихъ точекъ берется у него длина и ширина уха, что лишаетъ возможности сравненія его данныхъ съ аналогичными данными другихъ авторовъ. Измѣренія длины уха не допускаютъ, правда, большихъ варіацій въ способахъ, которыми онѣ берутся, но по отношенію къ ширинѣ уха дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: тутъ возможно большее разнообразіе способовъ, ведущихъ къ довольно значительной разницѣ въ числовыхъ данныхъ. Такимъ образомъ всѣ выводы Frigerio значительно теряютъ въ своей убѣдительности и далеко не могутъ быть приняты безъ строгой провѣрки.

Работа Frigerio является какъ бы первымъ предвѣстникомъ болѣе серьезнаго и систематическаго изученія уха душевно-больныхъ и преступниковъ. Такъ, въ томъ же 1888 году появляются первыя, посвященныя наружному уху нормальныхъ людей, работы *Gradenigo* [26]) (давшаго позднѣе еще цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ морфологіи и эмбріологіи нормальнаго уха и морфологіи уха душевно-больныхъ и преступниковъ). Въ 1889 году появляется большая работа *Binder*'а „Das Morel'sche Ohr", полная методологическихъ ошибокъ, но цѣнная въ томъ отношеніи, что она представляетъ первую серьезную попытку обнять и классифицировать всѣ формы дегенеративнаго („Морелевскаго", какъ его называетъ авторъ) уха.

Тотъ же 1889 годъ далъ вмѣстѣ съ Binder'омъ—апологетомъ дегенеративнаго уха и наиболѣе остроумнаго и з. го критика—*Julia*, [106]), съ взглядами котораго мы еще познакомимся ниже.

Труды Gradenigo оказали свое плодотворное вліяніе, и послѣдующіе авторы пользуются при изученіи уха душевно-больныхъ и преступниковъ уже значительно болѣе правильными, хотя все еще далеко не безупречными методами изученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ около этого же времени, частью немного раньше, частью позже—трудами *His'a*, того-же *Gradenigo*, *Schwalbe*, *Schäffer'a*, *Chiarugi* и другихъ авторовъ сильно подвинулось впередъ изученіе морфологіи, сравнительной анатоміи и эмбріологіи нормальнаго уха, вслѣдствіе чего получилась возможность и бо́льшаго пониманія значенія отдѣльныхъ варіацій въ формахъ наружнаго уха и болѣе точной ихъ регистраціи (по отношенію къ послѣдней наибольшее значеніе имѣютъ труды *Bertillon'a* и *Schwalbe*). Надо, впрочемъ, сказать, что обѣ эти возможности остаются до сихъ поръ не осуществленными, что частью объясняется кропотливостью и утомительностью подобнаго рода изслѣдованій, не дающихъ къ тому же отдѣльному автору надежды прійти тотчасъ же безъ аналогичныхъ изысканій другихъ авторовъ къ опредѣленнымъ и положительнымъ выводамъ; частью же здѣсь играетъ роль и то обстоятельство, что большинство антропологовъ-криминалистовъ и психіатровъ не знакомо или знакомо только по наслышкѣ съ спеціальными работами His'a, Schwalbe, Schäffer'a, даже и Gradenigo, а потому дегенеративное ухо трактуется и до сихъ поръ безсистемно, съ повтореніемъ многихъ ошибокъ авторовъ предшествующаго періода. Не перечисляя отдѣльныхъ замѣчаній, случайныхъ описаній различныхъ формъ дегенеративнаго уха, разбросанныхъ по новѣйшей психіатрической и криминальной литературѣ, упомянемъ только, что большинство ихъ собрано и подвергнуто общей оцѣнкѣ въ обширной работѣ Karutz'a „Studien über die Formen des Ohres". Но работа *Binder'a* [16]), являющаяся наиболѣе полнымъ выраженіемъ взглядовъ практическихъ психіатровъ и доказывающая вмѣстѣ съ тѣмъ всю безплодность пути, по которому шло до сихъ поръ изученіе вопроса, заслуживаетъ болѣе подробнаго изложенія. Въ основу своей работы Binder положилъ изученіе ушей 186 душевно-больныхъ мужчинъ и 168 женщинъ, мельчайшія особенности которыхъ у него съ большимъ терпѣніемъ собраны въ отдѣльныя группы, классифицированныя по внѣшнему сходству.

Сравнительныя данныя относительно нормальнаго населенія совершенно отсутствуютъ, самое же понятіе о томъ, какія изъ особенностей наружнаго уха должны считаться за признаки „Морелевскаго" уха, сложилось

6

у автора частью на основании литературныхъ указаній, частью же какъ антитеза понятію автора о „нормальномъ" ухѣ, т.-е. здѣсь опять-таки мы видимъ примѣненіе метода подсчета предустановленныхъ аномалій. О варіаціяхъ нормальныхъ формъ уха Binder почти ничего не говоритъ и „рѣже встрѣчающіяся" формы для него отождествляются съ „аномальными" формами. Всѣ формы Морелевскаго уха Binder соединяетъ въ 21 группу:

I. Аномально поставленныя уши: плотно прилежащія, далеко отстоящія отъ черепа, косо поставленныя и т. д.

II. Слишкомъ большія уши (опредѣляются на глазъ, безъ измѣреній и безъ указаній критерія для этой формы).

III. Слишкомъ малыя уши (при тѣхъ же условіяхъ, что форма II).

IV. Уши съ рѣзко выраженной формой раковины (der übermässig muschliche Bau), когда внутренній рельефъ уха выраженъ слабо, конха мало диференцирована и все ухо больше обычнаго приближается къ формѣ воронки.

V. Некрасивыя уши съ недостаточной симметріей отдѣльныхъ частей.

VI. Слишкомъ широкія уши.

VII. Уши Blainville'я, т.-е. такіе случаи, когда строеніе одного уха отличается отъ строенія другого уха, (впервые отмѣчены Blainville'емъ, unde nomen).

VIII. Уши безъ мочки (?).

IX. Уши съ мочкой, переходящей въ кожу щеки подъ острымъ угломъ (приращеніе форма I по Schwalbe).

X. Ухо Stahl'я I-е, т.-е. ухо съ аномаліями завитка. Основной типъ — завитокъ широкъ вверху (helix bandiformix), но существуетъ только до уровня расхожденія ножекъ противозавитка, ниже этого уровня завитокъ отсутствуетъ (соотвѣтствуетъ уху съ макаковой формой Дарвинова бугорка—по Schwalbe). Какъ на варіаціи этой формы Binder указываетъ на случаи, гдѣ *a*) завитокъ, широкій вверху, порядочно развитъ и внизу *b*)—внизу отсутствуетъ, но и вверху не широкъ.

XI. Дарвиново ухо—завитокъ внизу не развитъ или развитъ слабо; въ области перехода завитка изъ дуги въ нисходящую часть—треугольный выступъ, обращенный вершиной къ наружи (аналоги Д. Б. форма II Schwalbe). Варіаціи этой формы: *a*) множественный Дарвиновъ бугорокъ при дурно развитомъ завиткѣ *b*, рѣзко выраженный бугорокъ при порядочно развитомъ завиткѣ. (Аналогъ Д. б. ф. III по Schwalbe).

XII. Ухо Wildermuth'а съ рѣзко выдающимся кнаружи противозавиткомъ. Свободный край наружнаго уха при этомъ иногда не только не образуетъ завитка, но даже отогнутъ кнутри (къ черепу). Въ такихъ случаяхъ получается особенно типичная форма уха съ выдающимся рельефомъ (провоположность формѣ IV).

XVIII. Ухо съ недоразвитіемъ (отсутствіемъ) противозавитка и его crura.

XIV. Ухо Stahl'я II-е съ раздѣленіемъ противозавитка болѣе чѣмъ на двѣ ножки (на 3, иногда на 4).

XV. Вильдермутово ухо ацтековъ—характеризуется главнымъ образомъ глубокимъ положеніемъ cruris anterioris anthelicis, такъ что по первому взгляду кажется, что этой ножки совсѣмъ нѣтъ; верхній край конхи отграниченъ при этомъ не crus anterius, какъ обыкновенно, но crus posterius. Crus anterius не всегда отходитъ отъ ствола противозавитка, но часто самостоятельно поднимается вверхъ параллельно со стволомъ.

XVI. Ухо Stahl'я III-е—ухо съ многочисленными аномаліями въ хрящевыхъ частяхъ. Наиболѣе характернымъ Binder считаетъ отсутствіе cruris superioris anthelicis (вѣрнѣе говорить не объ отсутствіи, но о замѣнѣ обычнаго узкаго валика широкимъ маловыдающимся плато). Сюда же относятся и случаи раздѣленія конхи на двѣ самостоятельныя ямки, имѣющіе мѣсто вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія кзади ножки завитка.

XVII. Ухо съ удвоеннымъ завиткомъ—двѣ разновидности: *a*, crus superius anthelicis отсутствуетъ, crus inferius на своемъ мѣстѣ; тогда одинъ только стволъ противозавитка составляетъ какъ бы второй завитокъ; *b*, при отсутствіи cruris superioris, crus inferius идетъ дальше обычнаго вверхъ, поднимается до самаго завитка, поворачивая параллельно его дугѣ впередъ. Тогда завитокъ представляется какъ бы удвоеннымъ на всемъ своемъ протяженіи.

XVIII. Ухо съ слишкомъ большой или съ слишкомъ малой конхой.

XIX. Ухо съ fossa scaphoidea, переходящей на мочку.

XX. Морелево ухо—характеризуется цѣлымъ рядомъ аномалій захватывающихъ область завитка, противозавитка, fossae scaphoideae, crurium furcatorum anthelicis. Эта форма описывается въ нѣкоторыхъ руководствахъ какъ общій типъ дегенеративнаго уха. „Относящіяся сюда уши по большей части велики, особенно въ верхней своей части; crus superius anthelicis расширяется и такъ плохо выражена, что часто на половину стушевана; вслѣдствіе этого fossa scaphoidea въ верхней своей части велика и широка. Helix при переходѣ изъ поперечной въ нисходящую часть дурно развитъ, является въ видѣ узенькой кромки (Leiste), или совершенно отсутствуетъ, или же замѣненъ рядомъ Дарвиновыхъ бугорковъ; anthelix—выступаетъ кнаружи, часто только въ средней своей части, уши часто далеко отстоятъ отъ головы. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ измѣненій является та картина, которая то тамъ, то сямъ, напримѣръ хоть у Legrand du Saule'я, описывается такъ: „Возвышенія уха не ясно выражены, все ухо имѣетъ уплощенную форму, по краямъ утолщено и по большей части увеличено противъ обычнаго въ своихъ размѣрахъ" (*Binder* Op. C., стр. 531—532).

Описаніе этой формы приведено у меня просто въ видѣ подстрочнаго перевода описанія самого Binder'а для

того, чтобы показать всю неясность, неуловимость формы и многообразіе варіацій, могущихъ быть сюда отнесенными.

XXI. Ухо изуродованное ненормальными хрящевыми образованіями, если только они не произошли вслѣдствіе раньше бывшей гематомы.

Установивъ 21 форму Морелевскаго уха, Binder отмѣчаетъ ихъ на особыхъ карточкахъ (цифрами) и при группировкѣ своего матеріала различаетъ главные основные типы отъ побочныхъ типовъ, понимая подъ первыми такіе случаи, когда при первомъ же взглядѣ на ухо бросается въ глаза одна какая-нибудь особенность (главный типъ), при дальнѣйшемъ же разсмотрѣніи можно замѣтить и другія аномаліи не столь рѣзко, однако, какъ главная, вліяющія на конфигурацію всего уха (побочной типъ). Но надо сказать, что критерій для опредѣленія главнаго и побочнаго типовъ слишкомъ туманенъ и допускаетъ широкій произволъ. Binder заявляетъ, что описываемыя имъ формы морелевскаго уха онъ *никогда* не наблюдалъ среди здороваго населенія и сравнительно часто среди душевно-больныхъ. Binder является такимъ образомъ однимъ изъ немногихъ авторовъ, приписывающихъ дегенеративному уху значеніе признака не болѣе частаго у душевно-больныхъ, а исключительно имъ однимъ свойственнаго. Всѣхъ изслѣдованныхъ ихъ душевно-больныхъ Binder дѣлитъ на больныхъ безъ наслѣдственнаго предрасположенія и отягченныхъ наслѣдственностью, утверждая, что всѣ формы Морелева уха какъ въ суммѣ такъ и порознь встрѣчаются рѣже въ первой группѣ и чаще во второй. Въ заключеніи своей работы Binder входитъ въ обсужденіе теоретической стороны вопроса, пытаясь установить прямую причинную связь между особенностями въ строеніи дегенеративнаго уха и аномаліями психики дегенерантовъ; съ приводимыми по этому поводу Binder'омъ гипотезами мы будемъ имѣть случай познакомиться въ слѣдующей главѣ.

Представляя цѣнную попытку объединенія всѣхъ формъ дегенеративнаго уха, работа Binder'а отличается вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлымъ рядомъ методологическихъ ошибокъ и произвольныхъ построеній, сильно подрывающихъ ея значеніе. Но Binder является однимъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ, за которымъ обыкновенно укрываются апологеты дегенеративнаго уха; вслѣдствіе этого о недостаткахъ его работы приходится поговорить нѣсколько подробнѣе. Сдѣлать это необходимо еще и потому, что работа Binder'а представляетъ, дѣйствительно, надежную крѣпость, такъ какъ далеко не у многихъ противниковъ хватитъ терпѣнія и умѣнья перебраться чрезъ всѣ защитительные ея редуты въ видѣ крайне тяжеловѣснаго и неудобочитаемаго слога и манеры изложенія, недостаточной удобопонятности его аргументаціи, неясности опредѣленій очерчиваемыхъ авторомъ формъ и т. д. При первомъ же взглядѣ на работу Binder'а бросается въ глаза тотъ фактъ, что авторъ совсѣмъ не прибѣгалъ къ систематическому сравненію ушей душевно-больныхъ съ ушами нормальнаго населенія, ограничиваясь замѣчаніемъ, что тѣ формы уха, которыя отмѣчены у него среди душевно больныхъ, среди здороваго населенія онъ совсѣмъ не замѣчалъ или находилъ очень рѣдко, несмотря на то, что, находясь въ различныхъ мѣстахъ народныхъ собраній, а также и во время своего путешествія по нижнему Эльзасу, онъ всегда обращалъ вниманіе на строеніе ушей проходящихъ мимо него лицъ. Но какимъ, спрашивается, образомъ можно повѣрить въ этомъ отношенія Binder'у, когда позднѣйшими заслуживающими полнаго довѣрія изслѣдованіями *Schwalbe* установлено, что Дарвиновъ бугорокъ, напримѣръ, въ его наиболѣе рѣзкихъ формахъ (форма I—III по его схемѣ), признаваемыхъ Binder'омъ за дегенеративныя формы, встрѣчается среди населенія того же нижняго Эльзаса въ 30,7% всѣхъ случаевъ, когда *Schäffer* даетъ для тѣхъ же областей цифры въ 15—25% и т. д.?

Подобнаго же рода несоотвѣтствія съ заявленіями Binder'а можно найти у всѣхъ, не многочисленныхъ пока, авторовъ, изучавшихъ тѣ или другія особенности уха нормальнаго нѣмецкаго населенія и всегда находившихъ у него большій или меньшій процентъ дегенеративныхъ формъ Binder'а. Оставаясь въ предѣлахъ фактовъ, можно было бы, пожалуй, говорить о томъ, что дегенеративныя формы уха встрѣчаются среди нормальнаго населенія постолько, посколько въ его средѣ попадаются дегенерированные субъекты и что эти-де послѣдніе далеко не такъ малочисленны... Но Binder стоитъ на томъ, что описанныя имъ формы уха душевно-больныхъ среди нормальнаго населенія составляютъ лишь величайшую рѣдкость. Очевидно, здѣсь играетъ нѣкоторую роль несовершенство способа наблюденій надъ нормальнымъ населеніемъ (на прогулкахъ), а еще, вѣроятно, большее значеніе имѣетъ крайній субъективизмъ автора, отмѣчавшаго у душевнобольныхъ подъ названіемъ Морелевскаго уха каждую мельчайшую особенность строенія этого органа и проглядывавшаго своеобразныя его формы у нормальнаго населенія. Помимо крайняго субъективизма, Binder повиненъ также въ примѣненіе метода „предустановленныхъ аномалій". Для него аномаліями уха, имѣющими значеніе признаковъ дегенераціи, являются всѣ тѣ особенности, которыя были описаны другими авторами или же наблюдались имъ самимъ у душевно-больныхъ, при чемъ, особенно еще при отсутствіи сравнительныхъ цифръ для нормальнаго населенія, у автора нѣтъ ни малѣйшей гарантіи отъ проскальзыванія въ спискѣ особенностей, почитаемыхъ имъ за дегенеративныя, варіацій совершенно иного значенія. Съ другой стороны при такомъ методѣ веденія работы нѣтъ гарантіи и въ томъ, что въ этотъ списокъ попадутъ *всѣ* особенности хара-

ктеризующія ухо душевно-больныхъ. Самъ Binder признается, что прежде, при началѣ своихъ изслѣдованій, онъ распознавалъ у душевно-больныхъ гораздо меньшее число дегенеративныхъ формъ, чѣмъ впослѣдствіе, съ пріобрѣтеніемъ извѣстнаго навыка въ этомъ дѣлѣ. Но эту мысль автора можно продолжить, сказавъ, что если бы Binder вздумалъ спустя нѣкоторое время повторить свое изслѣдованіе на томъ же матеріалѣ, который былъ использованъ имъ раньше, онъ отмѣтилъ бы еще большее число дегенеративныхъ формъ. Здѣсь долженъ имѣть мѣсто тотъ же самый психологическій процессъ, который мы всѣ переживаемъ на каждомъ шагу нашей жизни, а именно: при первомъ нашемъ знакомствѣ съ какой-нибудь массой, составленной изъ болѣе или менѣе однородныхъ единицъ, мы улавливаемъ лишь общій характеръ этихъ единицъ, индивидуальныя же ихъ различія ускользаютъ отъ насъ, выступая впередъ только послѣ нашего основательнаго знакомства со всѣмъ конгломератомъ. Такъ, при видѣ стада барановъ или свиней мы не отличимъ ни одного отдѣльнаго животнаго, тогда какъ ихъ пастухъ узнаетъ каждое изъ нихъ даже издали. Даже людскія лица, при условіяхъ однообразія, одежды, мы различаемъ далеко не сразу, какъ это свидѣтельствуетъ въ своихъ рзсказахъ о военной жизни нашъ талантливый писатель *Вс. Гаршинъ*, долгое время не умѣвшій распознавать индивидуумовъ за нивеллирующей солдатскою формой.

То общее понятіе объ отдѣльныхъ предметахъ, которое мы выносимъ изъ массоваго съ ними знакомства, отличается довольно въ сущности блѣдными общими чертами и соотвѣтствуетъ представленію о „среднемъ" видѣ предмета; только болѣе близкое знакомство съ массой заставляетъ насъ убѣдиться въ томъ, что это среднее есть не болѣе какъ одна изъ нашихъ психологическихъ операцій, не имѣющая за собой никакой реальности, такъ какъ различія индивидуальностей гораздо въ сущности глубже и обширнѣе, чѣмъ общее видовое ихъ сходство. На практикѣ же мы очень часто забываемъ это положеніе и съ спокойной совѣстью оперируемъ съ средними понятіями, какъ съ реальностями. То же, конечно, относится и къ формѣ уха, и средняго его типа не существуетъ на самомъ дѣлѣ; но мы познаемъ, впрочемъ, это обстоятельство только при болѣе внимательномъ изученіи. Для Binder'а и другихъ авторовъ, идущихъ тѣмъ же путемъ, на практикѣ дѣло сводится къ сравненію индивидуальныхъ формъ ушей съ отвлеченнымъ среднимъ типомъ, принимаемымъ за типъ нормальнаго уха. Острота взгляда автора и личный его опытъ окажутъ такимъ образомъ роковое вліяніе, повышающее процентъ „аномалій" и „отклоненій отъ нормы", т. е. въ сущности процентъ индивидуальностей. За методологическими ошибками у Binder'а слѣдуетъ рядъ ошибокъ или, скорѣе, произвольныхъ построеній, при соединеніи отмѣченныхъ имъ особенностей въ отдѣльныя группы. Въ этомъ случаѣ Binder руководствовался исключительно морфологіей, соединяя въ одну группу рядъ особенностей, имѣющихъ нѣкоторыя общія внѣшнія черты, но глубоко различныхъ по своему происхожденію и значенію. Для построеній менѣе произвольныхъ Binder'у недоставало прежде всего знаній по эмбріологіи и сравнительной анатоміи наружнаго уха, въ чемъ самъ онъ, впрочемъ, открыто признается. Отсюда проистекаетъ не только случайность группировокъ, но и шаткость диференціальной діагностики отдѣльныхъ группъ между собой, равно какъ и значительная неясность, расплывчатость описанія отдѣльныхъ группъ (см. напримѣръ XX группу—ухо Мореля).

Разсматривая отдѣльныя группы Binder'а, можно видѣть, что его группа I охватываетъ всѣ „аномаліи" въ постановкѣ уха, значеніе которыхъ, конечно, весьма различно. Группы II и III и не достаточно опредѣленны и не характерны, такъ какъ у Binder'а не указаны предѣлы, отъ и до которыхъ онъ считаетъ уши за малыя или за большія; неизвѣстно, наконецъ, такъ ли уже рѣдки у здоровыхъ большія или малыя уши, чтобы составлять у нихъ исключеніе. Надо замѣтить, что при установкѣ группъ II и III рѣчь идетъ объ ушахъ, правильно конструированныхъ, такъ какъ при „аномальномъ" строеніи большихъ или малыхъ ушей характерными были бы самыя ошибки въ конструкціи, а величина ушей могла бы имѣть лишь значеніе побочнаго, а не главнаго типа, между тѣмъ у Binder'а приводятся случаи, гдѣ группа II и III являются главнымъ типомъ.

Типъ V (некрасивое и недостаточно симметричное строеніе ушей), очевидно, произволенъ и главнымъ критеріемъ для его діагноза является эстетическій вкусъ изслѣдователя; во второй же своей половинѣ (недостаточная симметрія частей) этотъ типъ легко можетъ быть распредѣленъ по остальнымъ группамъ. VIII и IX типы, если и заслуживаютъ мѣсто среди основныхъ типовъ, то во всякомъ случаѣ нѣтъ основаній рѣзко отдѣлять ихъ другъ отъ друга, такъ какъ подъ именемъ уха безъ мочки фигурируетъ обыкновенно ухо съ небольшою и недостаточно ясно диференцированной отъ щеки мочкою.

Типъ XI (Дарвиново ухо) безъ достаточнаго основанія отдѣленъ отъ предыдущаго типа (ухо Stahl'я) въ особую группу, хотя ухо Сталя довольно точно соотвѣтствуетъ макаковой формѣ Дарвинова бугорка, по Schwalbe, Дарвиново же ухо въ основномъ своемъ типѣ — церкопитековому уху Schwalbe, т.-е. обѣ эти формы очень близки между собой; во всякомъ случаѣ онѣ ближе другъ къ другу, чѣмъ первый варіантъ Дарвинова уха, т.-е. ухо съ множественнымъ Дарвиновымъ бугоркомъ при дурно развитомъ завиткѣ—къ основной формѣ типа XI. Въ самомъ дѣлѣ, основная форма типа XI представляетъ форму, имѣющую мѣсто въ од-

номъ изъ періодовъ эмбріональной жизни, и является, слѣдовательно, у взрослыхъ результатомъ задержки развитія (атавистическимъ признакомъ другихъ авторовъ), тогда какъ множественные бугорки при дурно развитомъ завиткѣ не имѣютъ прямыхъ аналоговъ ни въ эмбріональной жизни, ни въ животномъ мірѣ и представляютъ изъ себя не какую-либо типичную форму, а настоящую атипію: множественные бугорки являются въ данномъ случаѣ просто дериватами, мѣстно сохранившимися частичками хорошо развившагося завитка на общей почвѣ его недоразвитія (*L. Meyer* [28]). Такіе бугорки занимаютъ, обыкновенно, и атипичное мѣсто, сидя то выше, то ниже, то на мѣстѣ настоящаго Дарвинова бугорка, съ которымъ они кромѣ случайнаго внѣшняго сходства не имѣютъ въ сущности ничего общаго.

Типъ XIII — ухо съ недоразвитіемъ (отсутствіемъ) противозавитка и его ножекъ, самъ по себѣ вполнѣ опредѣленный, не достаточно отграниченъ отъ нѣкоторыхъ другихъ типовъ, особенно XV, частью отъ XVI и XX. Вмѣстѣ съ тѣмъ Binder разсматриваетъ заодно судьбу ствола противозавитка а его обѣихъ ножекъ, тогда какъ исторія развитія показываетъ, что только crus superius однородна по своему происхожденію со стволомъ, crus же inferius—совершенно иного происхожденія; такимъ образомъ у Binder'а имѣетъ мѣсто соединеніе въ одинъ типъ формъ ушей съ недоразвитымъ стволомъ и crus superius, когда crus inferius можетъ быть рѣзко выражена, и формъ съ недоразвитымъ crus inferius— при порядочномъ развитіи ствола anthelicis, т.-е. формъ по существу несходныхъ. Не- ясность и многообразіе элементовъ соединенныхъ воедино въ формѣ XX были уже отмѣчены выше; особенно трудно провести диференцировку между этой формой и типомъ V. Очерчивая каждый изъ своихъ типовъ, Binder указываетъ для большинства ихъ, кромѣ основной формы, и нѣкоторыя варіаціи, нѣсколько отличныя отъ основного типа, но, по мнѣнію автора, по существу съ нимъ сходныя. Но послѣднее утвержденіе вѣрно (и то не всегда) до тѣхъ только поръ, пока рѣчь идетъ о чисто случайномъ морфологическомъ сходствѣ. Мы уже имѣли случай упомянуть объ этомъ, говоря о варіаціяхъ типа XI. Къ этому можно прибавить еще много другихъ аналогичныхъ случаевъ. Такъ, трудно, напримѣръ, помириться съ мыслью, что соединенныя въ типѣ X варіаціи—a, helix вверху широкъ, внизу развитъ порядочно— и b, helix вверху узокъ, а внизу отсутствуетъ—родственны между собою, такъ какъ послѣдняя варіація представляетъ явленія задержки на той стадіи, когда завитокъ только еще начинаетъ загибаться, а для полученія первой варіаціи необходимо, чтобы завитокъ прошелъ всѣ стадіи своего обычнаго развитія и сверхъ того его верхняя часть дала бы явленія бо́льшаго сверхъ нормы развитія.

Въ типѣ XV также соединяется нѣсколько варіацій мало имѣющихъ общаго между собою. Равнымъ образомъ въ типѣ XVI объединяются случаи глубокаго положенія cruris anterioris anthelicis и усиленное развитіе cruris helicis, ведущее къ дѣленію конхи на двѣ ямки. Нѣтъ спора, что обѣ эти особенности могутъ встрѣчаться и вмѣстѣ, но едва ли возможно доказать ихъ взаимную связь.

При такихъ условіяхъ группировка Binder'а по типамъ теряетъ всякое значеніе. Между тѣмъ Binder придаетъ своей группировкѣ столь большое значеніе, что только въ началѣ своей работы онъ даетъ общій очеркъ аномалій отдѣльныхъ частей, вся же статистика сведена у него къ подсчету типовъ, а не отдѣльныхъ аномалій, вслѣдствіе чего весь громадный трудъ Binder'а обезцѣнивается окончательно, такъ какъ способъ изложенія принятой, Binder'омъ не даетъ ни гарантіи вѣрности его выводовъ, ни возможности провѣрки (подлинный матеріалъ легшій въ основу работы, не приведенъ авторомъ), ни даже возможности уяснить, какое собственно значеніе можетъ имѣть то или другое распространеніе случайно составленныхъ типовъ, при крайне разнообразномъ объемѣ каждаго отдѣльнаго типа. Но Binder является только наиболѣе типичнымъ и наиболѣе полно разработавшимъ вопросъ представителемъ цѣлаго ряда авторовъ, повторяющихъ всѣ его промахи. Гораздо меньшимъ числомъ промаховъ и ошибокъ отличаются работы Gradenigo.

Gradenigo (ушной врачъ—по спеціальности) былъ первымъ изъ авторовъ, сознавшихъ во всей полнотѣ необходимость предпосланія изученію ушей душевнобольныхъ и преступниковъ болѣе обстоятельнаго изученія формъ уха нормальнаго населенія. Вооруженный хорошими знаніями по исторіи развитія наружнаго уха, изученію которой онъ и самъ не мало способствовалъ, Gradenigo изучилъ уши 402 душевно-больныхъ мужчинъ, 350 душевно-больныхъ женщинъ и 222 преступниковъ (въ Туринѣ), а для сравненія съ ними и группы по 230 человѣкъ нормальныхъ мужчинъ и женщинъ. Но такъ какъ эти работы Gradenigo равно какъ и изысканія послѣдующихъ авторовъ не привели къ единогласному рѣшенію вопроса и вызвали много споровъ, касавшихся главнымъ образомъ числа „аномалій“ уха у нормальнаго населенія, Gradenigo предпринялъ провѣрочное изслѣдованіе уха нормальныхъ итальянцевъ, высчитавъ процентъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ особенностей у 15,000 мужчинъ и 10,000 женщинъ. Изъ сравненія данныхъ для душевно-больныхъ и преступниковъ съ данными для здоровыхъ Gradenigo приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: аномаліи ушей встрѣчаются и у нормальныхъ людей; преимущественно это— простое приращеніе мочки, продолженіе fossa scaphoidea на мочку и нѣкоторыя другія мелкія аномаліи; у преступниковъ же и у душевно-больныхъ преобладаютъ болѣе крупныя аномаліи—аномаліи въ положеніи уха

(далекое его отстояніе), аномаліи строенія завитка и противозавитка, тѣсное приращеніе мочки къ кожѣ щеки (переходъ мочки въ кожу щеки подъ острымъ угломъ) и т. д. Главнѣйшее вниманіе при изслѣдованіяхъ Gradenigo было обращено на слѣдующія особенности наружнаго уха:

1. Простое приращеніе мочки.
2. Мочка переходящая въ кожу щеки подъ острымъ угломъ. (Приращеніе ф. I по Schwalbe).
3. Очень большая мясистая мочка.
4. Выдающійся надъ завиткомъ противозавитокъ (Вильдермутово ухо).
5. Мало развитая crus superius anthelicis.
6. Раздѣленіе ствола anthelicis на 3 и болѣе вѣтви.
7. Расширенный (bandiformix) helix.
8. Ладьевидная ямка продолжающался на мочку.
9. Рѣзко выраженный Дарвиновъ бугорокъ.
10. Макаковое ухо Schwalbe (часто комбинируется съ раздѣленіемъ противозавитка на 3 ножки).
11. Глубокое положеніе нижней ножки противозавитка, отчего съ перваго раза она кажется даже отсутствующею, при чемъ helix въ своей верхне-задней части сдавленъ по направленію сзади и сверху впередъ и внизъ и нерѣдко сплавленъ съ верхней ножкой противозавитка (Вильдермутово II ухо).
12. Хрящевые отростки въ конхѣ: a) processus cruris helicis ad anthelicem, т.-е. отростокъ, идущій отъ противозавитка къ crus helicis, вслѣдствіе чего вся конха оказывается передѣленной въ поперечномъ направленіи пополамъ (crus helicis ф. IV по схемѣ Schwalbe); b) отростки, идущіе внизъ по конхѣ въ видѣ продолженія cruris inferioris anthelicis. Эта аномалія впервые описана Gradenigo и можетъ быть, по его мнѣнію, съ морфологической точки зрѣнія разсматриваема какъ второй противозавитокъ.
13. Далеко отстоящія уши.
14. Ассиметричное строеніе праваго и лѣваго уха.
15. Полные дефекты завитка и противозавитка.

Для того, чтобы иллюстрировать цифровыя различія въ распространеніи отдѣльныхъ аномалій между нормальными и патологическими группами, приведемъ нѣкоторыя изъ цифръ Gradenigo (для мужчинъ):

	Нормальные въ %	Преступники въ %	Душевн.-бол. въ %
Далеко отстоящія уши . .	$11,_1$	$25,_2$	—
Дарвиновъ бугорокъ (макаковое ухо)	$1,_5$	$3,_3$	$2,_1$
Выстоящій противозавитокъ	$7,_2$	$18,_0$	—
Простое приращеніе мочки	$21,_3$	$17,_5$	$16,_6$
Приращеніе мочки подъ острымъ угломъ	$5,_2$	$7,_6$	$9,_7$
Плохо развитая верхняя ножка противозавитка .	$3,_0$	$6,_7$	$5,_0$

Эта таблица показываетъ, что простое приращеніе мочки встрѣчается у здоровыхъ чаще, чѣмъ въ патологическихъ группахъ; для нѣкоторыхъ же другихъ варіацій существуютъ обратныя отношенія, при чемъ различія въ цифрахъ то ничтожны, то сравнительно порядочны. Послѣднія различія при большомъ цифровомъ матеріалѣ имѣли бы большое значеніе, если бы работы Gradenigo, значительно болѣе совершенныя по методамъ изслѣдованія, чѣмъ работы большинства его предшественниковъ (и послѣдователей), были свободны отъ упрековъ. Но этого, къ сожалѣнію, сказать нельзя. Прежде всего надо сказать, что понятіе о нормальныхъ формахъ и аномаліяхъ Gradenigo устанавливаетъ, правда, на основаніи изученія большого матеріала, собраннаго для здоровыхъ людей, тѣмъ не менѣе, Gradenigo грѣшитъ здѣсь въ томъ отношеніи, что особенности, сравнительно рѣдко встрѣчающіяся онъ, принимаетъ безъ достаточной провѣрки за аномаліи, какъ бы отрицая тѣмъ существованіе нормальныхъ не часто встрѣчающихся варіацій. Затѣмъ Gradenigo придаетъ слишкомъ большое значеніе небольшимъ числовымъ различіямъ. Такъ, Darwin'sche Spitzohr (терминъ Gradenigo соотвѣтствующій Дарвинову бугорку формы I и II по схемѣ Schwalbe) придается значеніе признака, характеризующаго уши душевно-больныхъ и преступниковъ, хотя, будучи рѣдкою у нормальнаго населенія, эта форма и у патологическихъ субъектовъ остается попрежнему рѣдкою, встрѣчаясь лишь на 1,8% у преступниковъ и на 0,9% у душевно-больныхъ чаще, чѣмъ у нормальныхъ людей. Аналогичные цифры и выводы относительно Дарвинова бугорка можно найти у *Vali* и нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей. Между тѣмъ *Schwalbe* на основаніи цѣлаго ряда заслуживающихъ большого вниманія соображеній считаетъ указанныя формы совсѣмъ не за аномаліи, а за нормальныя варіаціи; въ сущности говоря, и цифры Gradenigo, Vali [79]) и другихъ свидѣтельствуютъ то же самое.

Нѣкоторыхъ упрековъ заслуживаетъ и самый методъ массоваго изученія особенностей нормальнаго уха, употребляемый Gradenigo. Желая воспользоваться очень большими числами съ небольшой сравнительно затратой времени, Gradenigo собиралъ свои данныя не по карточной системѣ съ регистраціей всѣхъ особенностей каждаго даннаго уха, но путемъ отмѣтки наличности или отсутствія отдѣльныхъ особенностей порознь, т.-е. изучая каждую данную особенность, Gradenigo просматривалъ уши множества субъектовъ съ этой именно точки зрѣнія. Покончивъ съ одной особенностью, онъ переходилъ потомъ къ другой и т. д. Но такой методъ хотя и даетъ возможность собиранія большихъ чиселъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ и къ нѣкоторымъ ошибкамъ, такъ какъ здѣсь отдѣльный признакъ подсчитывается у одной группы людей, другіе признаки — у новыхъ группъ, однородность которыхъ недостаточно гаранти-

рована. Кромѣ того, при такомъ подсчетѣ легко возможны случаи пропусковъ нѣкоторыхъ мелкихъ и не сразу замѣтныхъ деталей, ошибки въ счетѣ и т. д.; особенно много поводовъ къ ошибкамъ дадутъ тѣ далеко не рѣдкіе случаи, когда у субъекта правое и лѣвое ухо представляютъ нѣкоторыя различія въ деталяхъ строенія. Gradenigo даетъ, правда, еще сравнительныя цифры для 230 нормальныхъ мужчинъ и столькихъ же женщинъ, обслѣдованныхъ болѣе обстоятельно (по карточной системѣ); но, къ сожалѣнію, подъ именемъ нормальныхъ здѣсь фигурируютъ паціенты ушного отдѣленія Туринской поликлиники. Соотношенія между различными заболѣваніями слухового аппарата и формами наружнаго уха остаются совершенно не изученными; однако, уже теоретическія разсужденія приводятъ насъ къ мысли о томъ, что органъ, аномальный во внѣшнихъ своихъ частяхъ, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ являться болѣе ранимымъ, болѣе легко подвергающимся заболѣваніямъ и въ своихъ внутреннихъ частяхъ, такъ что паціенты ушной поликлиники едва ли могутъ служить удобнымъ матеріаломъ для изученія „нормальной“ ушной раковины. Кромѣ Gradenigo, такимъ матеріаломъ для изученія наружнаго уха пользовались *Roher* [102], [103]), *Eule* [49]) и нѣкоторые другіе авторы; у Eule, напримѣръ, обращаютъ на себя вниманіе сравнительно высокія цифры для анотіи и нѣкоторыхъ другихъ рѣзкихъ уродствъ, что можетъ быть объяснено прежде всего связью этихъ аномалій съ растройствами слуха, а слѣдовательно и концентраціей носителей этихъ аномалій въ ушныхъ поликлиникахъ.

Но одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ методики Gradenigo заключается, какъ это отмѣтилъ въ свое время *Schwalbe* [45]), въ томъ, что Gradenigo отмѣчаетъ для каждаго конкретнаго случая только наличность или отсутствіе того или другого характернаго образованія, почти не касаясь количественной стороны вопроса, т.-е. вопроса о степени развитія каждой особенности. Но благодаря существованію цѣлыхъ рядовъ переходныхъ формъ, регистрація существованія и не существованія каждой особенности очень не точна и даетъ мѣсто произволу и субъективизму изслѣдователя. Единственнымъ правильнымъ въ этомъ случаѣ путемъ является путь опредѣленія различныхъ градацій въ развитіи отдѣльныхъ образованій и сравненія въ изучаемыхъ группахъ признаковъ достигающихъ болѣе полнаго развитія при игнорированіи „слабо развитыхъ“, „едва замѣтныхъ“ и т. подобныхъ формъ. Мы видѣли, слѣдовательно, что и работы Gradenigo не свободны отъ ошибокъ, а потому и не рѣшаютъ вопроса о томъ, существуютъ или нѣтъ характерныя особенности ушей душевно-больныхъ и преступниковъ по сравненію ихъ съ нормальнымъ населеніемъ. Не рѣшаютъ вопроса и работы послѣдующихъ авторовъ, повторяющихъ ошибки ихъ предшественниковъ и трактующія по большей части или отдѣльныя частности вопроса, или же оперирующія надъ малыми числами наблюденій. Нельзя въ этомъ отношеніи не присоединиться къ мнѣнію Karutz'а [50]), который послѣ общаго обзора статистическихъ данныхъ о дегенеративномъ ухѣ заявляетъ, что онъ не знаетъ ни одной статистики, которая съ точностью утверждала бы фактъ существованія дегенеративнаго уха. Приводимыхъ Karutz'омъ аргументовъ совершенно достаточно для того, чтобы принять высказанное имъ положеніе *), тѣмъ не менѣе аргументація Karutz'а можетъ быть усугублена еще и тѣми указаніями на методологическія ошибки большинство авторовъ, которыя сдѣланы были мною выше и значеніе которыхъ настолько велико, что и самыя на первый взглядъ убѣдительныя цифры авторовъ совершенно теряютъ силу своей доказательности.

Karutz является далеко не одинокимъ скептикомъ, не раздѣляющимъ довольно распространеннаго среди психіатровъ и антропологовъ-криминалистовъ увлеченія дегенеративнымъ ухомъ. Такъ уже вскорѣ послѣ появленія первыхъ работъ Gradenigo, противъ него возсталъ *Lannois* [104], [105]). насчитавшій у нормальнаго населенія не меньшій процентъ аномалій уха чѣмъ у душевно-больныхъ и преступниковъ. Впрочемъ, работы Lannois не могутъ считаться доказательными, такъ какъ этотъ авторъ уши душевно-больныхъ и преступниковъ лично не изслѣдовалъ, но ограничился изслѣдованіемъ нормальныхъ французовъ и сравненіемъ цифръ полученныхъ у нихъ аномалій съ данными Gradenigo для италіанскихъ преступниковъ и душевно-больныхъ. Расовое различіе сравниваемыхъ имъ группъ значительно ослабляетъ силу его аргументаціи, тѣмъ не менѣе работа Lannois не лишена нѣкотораго значенія въ виду того, что большинство апологетовъ дегенеративнаго уха видитъ въ особенностяхъ его строенія настоящія аномаліи, уродства, которыя не должны, слѣдовательно, быть очень распространенными среди нормальнаго населенія, къ какой бы расѣ оно ни принадлежало; разъ же выступаетъ на сцену вопросъ о вліяніи расы, признаки дегенеративнаго уха уже теряютъ свое специфическое значеніе и все изслѣдованіе должно вестись на иныхъ до сихъ поръ игнорированныхъ основаніяхъ. Наиболѣе полную и остроумную критику ученія о дегенеративномъ ухѣ представилъ *Julia* [106]), возставшій какъ противъ самыхъ методовъ изслѣдованія авторовъ, такъ и противъ взгляда на особенности дегенеративнаго уха, какъ на особенности указывающія на низшую организацію ихъ носителей. Julia указываетъ на нераціональ-

---

*) Во избѣжаніе недоразумѣнія спѣшу оговориться, что Karutz не отрицаетъ факта существованія дегенеративныхъ формъ уха, онъ говоритъ лишь о томъ, что ни одна изъ существующихъ статистикъ не можетъ считаться доказательной и что вопросъ о дегенеративномъ ухѣ требуетъ дальнѣйшихъ болѣе свободныхъ отъ ошибокъ изслѣдованій. Въ этомъ только смыслѣ присоединяюсь къ нему и я.

ность сравненія ушей пожилыхъ преступниковъ и душевно-больныхъ съ ушами солдатъ, на недостаточное изученіе ушей нормальнаго населенія, на субъективизмъ авторовъ при регистраціи изучаемыхъ ими особенностей. Съ особою силою обрушивается Julia на ученіе объ атавистическомъ характерѣ дегенеративнаго уха, о лежащей на немъ печати болѣе низкой организаціи; здѣсь Julia указываетъ на противорѣчивый характеръ признаковъ дегенеративнаго уха, изъ которыхъ одни какъ бы дѣйствительно свидѣтельствуютъ о незаконченности развитія уха, и большемъ сходствѣ его съ ушами животныхъ, тогда какъ другіе, не менѣе, по словамъ авторовъ, важные признаки дегенеративнаго уха представляютъ, наоборотъ, болѣе выраженный, болѣе подчеркнутый характеръ человѣческаго уха и слѣдовательно съ точки зрѣнія авторовъ должны считаться выраженіемъ болѣе высокой организаціи. По мнѣнію Julia наружное ухо представляетъ органъ маловажный въ экономіи организма, легко подвергающійся всевозможнымъ модификаціямъ, значеніе которыхъ недостаточно еще изучено и трудно поддается опредѣленію; существуютъ, повидимому, расовыя формы ушей, уши кастовыя (аристократическія), не остается безъ вліянія на форму ушей, особенно на ихъ положеніе, способъ ношенія головныхъ уборовъ, уходъ за дѣтьми (прижиманіе ушей чепчиками у дѣтей достаточныхъ классовъ, оттопыриваніе и уплощеніе ушей у долго лежащихъ въ постели слабыхъ рахитическихъ дѣтей и т. д.). При такихъ условіяхъ приписывать тѣмъ или другимъ особенностямъ въ строеніи уха значеніе признаковъ дегенераціи по меньшей мѣрѣ не благоразумно... „pensons nous, qu'il est plus juste et surtout plus prudent, du moins à l'heure actuelle, de considérer ces anomalies si variées et si caprisieuses du pavillon, comme des particularités insignifiantes, qu'il est impossible de synthétiser dans des lois bien définies“. (O. c. p. 30).

Изъ германскихъ психіатровъ новѣйшаго времени можно указать на *Ganter'a* [108]), который подсчитывая у изслѣдованныхъ имъ душевно-больныхъ въ числѣ другихъ признаковъ дегенераціи и аномаліи въ строеніи наружнаго уха, указываетъ на невозможность строить отсюда какія-либо заключенія вслѣдствіе недостаточнаго изученія нормальнаго уха. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ возстаетъ противъ скрупулезныхъ описаній мельчайшихъ деталей и особыхъ формъ ушей, называемыхъ обыкновенно по имени впервые описавшаго ихъ автора... „Для того чтобы разобраться,—говоритъ онъ,—во всѣхъ этихъ ушахъ Wildermuth'a, Stahl'я № 1-й, № 2-й, № 3-й и т. д. скоро потребуется особая новая каѳедра“!.. *Näcke* [109]), не будучи убѣжденнымъ въ дѣйствительномъ существованіи типа врожденнаго преступника, очень скептически относится и къ отмѣчаемымъ среди обитателей тюремъ (равно какъ и у душевно-больныхъ) особенностямъ въ строеніи уха, указывая на ошибки въ методахъ изслѣдованія авторовъ и на полное наше незнаніе предѣловъ варіацій въ строеніи нормальнаго уха. Отрицательное отношеніе къ особенностямъ дегенеративнаго уха совпадаетъ у Näcke съ его теоретическими воззрѣніями, въ силу которыхъ онъ вмѣстѣ съ *Sommer'омъ* и др. авторами признаетъ за настоящіе признаки вырожденія только такія аномаліи въ строеніи тѣла, которыя такъ или иначе отражаются на функціи охваченнаго ими органа.

Надо сказать, что и сравнительно статистическія изслѣдованія нѣкоторыхъ новѣйшихъ авторовъ, какъ напримѣръ *Wilhelm'a* [48]), ведутъ, вопреки даже теоретическому взгляду самого изслѣдователя, къ значительному охлажденію увлеченія дегенеративнымъ ухомъ для тѣхъ по крайней мѣрѣ, кто изъ-за теоретическихъ воззрѣній не утратилъ еще способности безпристрастнаго отношенія къ фактамъ. Чувствительный ущербъ нанесенъ ученію о дегенеративномъ ухѣ изслѣдованіями *Schäffer'a*, а въ особенности—*Schwalbe*. Изслѣдованія Schäffer'a особенно цѣнны въ томъ отношеніи, что этотъ авторъ совсѣмъ не касается вопроса о дегенеративномъ ухѣ; главной цѣлью его работы было изученіе степени распространенія между взрослымъ населеніемъ эмбріональныхъ формъ наружнаго уха, оказавшихся между прочимъ среди взрослыхъ германцевъ весьма распространенными (отъ 25 и до 60 процентовъ всѣхъ случаевъ, по разнымъ мѣстностямъ). Но если мы вздумаемъ приглядѣться къ тѣмъ формамъ наружнаго уха взрослыхъ, которыя могутъ быть названы эмбріональными, то окажется, что всѣ онѣ безъ исключенія давно извѣстны намъ изъ описаній авторовъ, изучавшихъ дегенеративное ухо. Такимъ образомъ эмбріональныя (resp. дегенеративныя) формы наружнаго уха оказываются чрезвычайно распространенными среди нормальнаго населенія и если объ этомъ не знаютъ апологеты дегенеративнаго уха, то это обстоятельство зависитъ прежде всего отъ неумѣнія ихъ наблюдать, оградивъ себя отъ вліяній субъективизма. *Schwalbe*, останавливаясь на нѣкоторыхъ особенностяхъ наружнаго уха, почитаемыхъ авторами за признаки дегенераціи, особенно же на Дарвиновомъ бугоркѣ, указываетъ на него, какъ на явленіе задержки развитія на одной изъ стадій эмбріональной жизни столь частое, что оно не можетъ быть названо именемъ аномаліи, именемъ, которое ему, равно какъ и другимъ особенностямъ—почитаемымъ за признаки дегенераціи, дается авторами съ особой настойчивостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ изслѣдованій Schwalbe вытекаетъ также заключеніе о томъ, что отсутствіе Дарвинова бугорка равно какъ и всѣхъ остальныхъ признаковъ недостаточной редукціи не можетъ свидѣтельствовать о болѣе совершенной организаціи, такъ какъ наиболѣе редуцированнымъ является не ухо человѣка, а ухо оранга; слѣдовательно и обратно—наличность признаковъ недостаточно полной редук-

ціи уха никоимъ образомъ не свидѣтельствуетъ еще о низшей организаціи. Но понятіе о недостаточно редуцированомъ ухѣ вполнѣ покрывается понятіемъ о дегенеративномъ ухѣ авторовъ (но не наоборотъ), слѣдовательно, дегенеративное ухо и не составляетъ рѣдкаго у нормальнаго населенія явленія и не свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о болѣе низкой или порочной организаціи.

VIII.

Теоретическія представленія о соотношеніи между особенностями дегенеративнаго уха и аномаліями психики дегенерантовъ и о причинахъ возникновенія тѣхъ и другихъ.

Представленіе о связи тѣхъ или другихъ особенностей физической организаціи человѣка съ особенностями его психическаго склада присуще человѣческому уму со временъ глубочайшей древности и какъ большинство наиболѣе древнихъ представленій окутано таинственной дымкой мистицизма, не вполнѣ разсѣявшейся даже и теперь, при свѣтѣ положительнаго научнаго знанія. Такъ, уже въ новѣйшее время (въ 1885 году) *Giacchi* [110]) называетъ ухо душевно-больныхъ и преступниковъ „macchina misteriosa"; впрочемъ, слова Giacchi настолько своеобразны и оригинальны, что я позволю себѣ привести ихъ цѣликомъ въ возможно точномъ переводѣ: „...Убѣжища для душевно-больныхъ и тюрьмы изобилуютъ субъектами необыкновенно ушастыми, такъ что кажется, что ихъ голова готова сейчасъ же предпринять полетъ; и часто она его предпринимаетъ на самомъ дѣлѣ, такъ какъ злосчастные обладатели этой таинственной машины оставляютъ здравый смыслъ и честность—этотъ компасъ нормальнаго человѣка и совершаютъ безъ надежнаго вожатаго путешествіе въ бурную область преступленій и сумасшествія".

Первыя научныя попытки объяснить связь дегенеративнаго уха (на ряду съ другими аномаліями строенія тѣла) съ преступностью и душевными болѣзнями принадлежатъ антропологo-криминальной школѣ Lombroso, послѣдователи которой сводятъ всѣ аномаліи преступниковъ къ внѣшнему выраженію болѣе низкой организаціи, къ явленіямъ атавизма. Но у послѣдователей этой школы атавистическій характеръ признаковъ преступности и вырожденія далеко не доказанъ и многія изъ отмѣчаемыхъ ими особенностей въ строеніи преступниковъ даже и съ большой натяжкой не могутъ быть подведены подъ признаки, такъ или иначе напоминающіе собою формы органовъ низшихъ животныхъ. Авторы другихъ школъ въ этомъ случаѣ оказываются болѣе осторожными и, не особенно настаивая на атавистическомъ характерѣ физическихъ признаковъ вырожденія, ищутъ для нихъ другихъ объясненій. Занимавшійся изученіемъ наружнаго уха душевно-больныхъ *Binder* приводитъ въ своей работѣ рядъ гипотезъ, которыя могли бы объяснить таинственную связь между ничтожными на видъ особенностями физическаго строенія и крупными аномаліями психики. Придавая чрезвычайно важное значеніе особенностямъ наружнаго уха въ ущербъ другимъ признакамъ вырожденія, Binder игнорируетъ эти послѣдніе и пытается установить непосредственную связь не между всѣми физическими признаками вырожденія и аномаліями психики, но между послѣдними и аномаліями уха, отчего часть его гипотезъ и страдаетъ крайней односторонностью и непримѣнима по отношенію къ остальнымъ признакамъ вырожденія. Впрочемъ, самъ Binder не останавливается окончательно ни на одной изъ приводимыхъ имъ гипотезъ. Всего Binder приводитъ пять гипотезъ, суть которыхъ я и изложу здѣсь, придерживаясь по возможности языка самого автора:

1) Существуетъ теорія, по которой форма наружнаго уха способствуетъ опредѣленію направленія, откуда идетъ звукъ. Измѣненіе формы ведетъ къ дезоріентировкѣ въ направленіи источника звуковъ, а оттуда вторично и къ нарушеніямъ психическаго равновѣсія; но, прибавляетъ самъ Binder, такое пониманіе функціи наружнаго уха едва ли вѣрно. А если бы и было вѣрно, прибавимъ мы, то все-таки эта гипотеза Binder'a противорѣчитъ наблюденіямъ указывающимъ на массу случаевъ всевозможныхъ разстройствъ слуха, начинающихся иногда съ ранняго дѣтства и даже съ періода утробной жизни и все-таки не ведущихъ къ какимъ-либо аномаліямъ психики.

2) Дегенеративное ухо есть только выраженіе одновременно существующихъ аномалій черепа. Дѣйствительно, Binder находилъ часто аномаліи черепа на ряду съ аномаліями ушей, но съ другой стороны онъ самъ часто видѣлъ и хорошо сформированные черепа при дурно сформированныхъ ушахъ.

3) Возможна связь аномалій уха съ аномаліями тончайшаго строенія звуковоспринимающихъ органовъ, звукопроводящихъ путей и наконецъ проекціонной системы въ мозгу. Binder пытался, поэтому, установить соотношеніе между дегенеративнымъ ухомъ и существованіемъ слуховыхъ галлюцинацій, находя, дѣйствительно, что среди душевно больныхъ съ слуховыми галлюцинаціями аномаліи ушей встрѣчаются нѣсколько чаще чѣмъ среди остальныхъ душевно-больныхъ. Но Binder указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на возможность смѣшенія галлюцинацій слуха съ иллюзіями (появленіе по-

слѣднихъ не стоитъ въ прямой связи съ функціей слухового аппарата, завися отъ разстройства чисто интеллектуальной сферы, а не органовъ чувствъ) и на случайный, слѣдовательно, подборъ группы галлюцинирующихъ слухомъ и не галлюцинирующихъ.

4) Аномаліи уха могутъ быть сочтены за явленія hyper, hypo и para-плазій, какъ выраженія (по *Arndt*'у) особаго состоянія нарушенія питанія и роста всего организма, а слѣдовательно и мозга. Но самая гипотеза Arndt'а составляетъ, по мнѣнію Binder'а, лишь замѣну одного не выясненнаго понятія другимъ не менѣе же темнымъ понятіемъ, да, кромѣ того, она прямо-таки не вѣрна. Здѣсь аргументація Binder'а становится настолько своеобразной и неожиданной, что я ничего не могу придумать лучшаго, какъ привести ее цѣликомъ. „Wenn man die Stigmata vom Standpunkte der Hyper-Hypo und Para-plasie auffassen will, dann müsste man doch nothwendig alle übrigen Missbildungen des Körpers mit nämlichen Rechte für Stigmata gelten lassen; es ist z. B. die Polydactilie eine viel auffälligere Hyper- und Paraplasie als irgend welche entsprechende Anomalie der Ohrmuschel, und doch *ist man meines Wissens ziemlich allgemein darüber einig, die auffälligeren Missbildungen des Körpers* (*sensu strictorii*) *nicht im Sinne von Degenerazionzeichen aufzufassen*“. Op. Cit. s. 561.

Хорошій примѣръ того, что нѣмцы же отмѣчаютъ пословицей: „изъ-за деревьевъ не видно лѣса!“

5) Дегенеративное ухо носитъ характеръ явленія атавизма и связано, слѣдовательно, и съ болѣе низкой организаціей мозга. Разсуждая по этому поводу, Binder дѣлаетъ попутно нѣсколько ошибокъ въ родѣ возраженія противъ рудиментарнаго характера человѣческаго уха на томъ основаніи, что рудиментарный органъ не можетъ давать новыхъ образованій, тогда какъ человѣческое ухо имѣетъ мочку, завитокъ и противозавитокъ, не свойственные низшимъ животнымъ и т. д. Въ заключеніе Binder отвергаетъ и гипотезу атавистическаго характера дегенеративнаго уха на основаніи разнообразія варіацій послѣдняго, иногда прямо противоположныхъ другъ другу: въ то время, какъ нѣкоторыя формы дегенеративнаго уха, дѣйствительно, приближаются къ уху животныхъ, другія формы являются обратно какъ бы преувеличеніемъ, подчеркиваніемъ диференціальныхъ признаковъ человѣческаго уха.

Въ приводимыхъ Binder'омъ гипотезахъ недостаточно разграничены два по существу различные вопроса, а именно: 1) вопросъ о взаимной связи между физическими и психическими признаками вырожденія и 2) вопросъ о причинахъ возникновенія тѣхъ и другихъ.

Первыя три гипотезы Binder'а не рѣшаютъ сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ вопроса о связи физическихъ признаковъ вырожденія съ аномаліями психика дегенерантовъ уже по той одной причинѣ, что они трактуютъ исключительно объ аномаліяхъ уха. Впрочемъ, вторая гипотеза Binder'а могла бы быть распространена и на остальные физическіе признаки вырожденія и Binder былъ бы, быть-можетъ, не далекъ отъ истины, если бы онъ пошелъ немного дальше и сталъ бы говорить о физическихъ признакахъ вырожденія, какъ о показателяхъ одновременнаго съ ними существованія аномалій въ строеніи не черепа, какъ это онъ дѣлаетъ, а тончайшей структуры мозга. Гипотеза атавистическаго происхожденія аномалій уха (resp. и другихъ органовъ) вырождающихся субъектовъ не покрываетъ, какъ это указываетъ и самъ Binder, всѣхъ аномалій и не можетъ быть принята всецѣло. Въ этой гипотезѣ является, однако, уже существенно важное прямое указаніе на то, что оба ряда явленій, т.-е. физическія аномаліи и аномаліи психической сферы, связаны между собой одной общей вызывающей ихъ причиной. Едва ли этой общей причиной можетъ быть названъ атавизмъ, тѣмъ не менѣе сама по себѣ идея, что физическія и психическія особенности дегенерантовъ являются лишь различными проявленіями одного и того же процесса вреднаго воздѣйствія на развивающійся организмъ, заслуживаетъ глубокаго вниманія. Ту же самую идею развиваетъ *Arndt* [111]), гипотезу котораго Binder отрицаетъ на основаніи столь своеобразной аргументаціи въ пользу дегенеративнаго уха. По Arndt'у, извѣстныя вредныя вліянія, дѣйствуя на развивающійся организмъ, ведутъ къ грубо анатомическимъ измѣненіямъ нѣкоторыхъ органовъ и внѣшнихъ покрововъ (физическіе признаки вырожденія), и къ тончайшимъ до сихъ поръ недостаточно прослѣженнымъ измѣненіямъ въ строеніи центральной нервной системы, слѣдствіемъ которыхъ являются и аномаліи ея функціи (психическіе признаки вырожденія) *). Для Arndt'а эта общая причина, ведущая къ аномаліямъ какъ внѣшнихъ органовъ, такъ и центральной нервной системы, сводится къ „нутритивнымъ“ состояніямъ, къ измѣненіямъ питанія организма. Binder говоритъ, что здѣсь Arndt дѣлаетъ замѣну одного неизвѣстнаго другимъ. Конечно, предполагаемыя Arndt'омъ измѣненія состоянія питанія требуютъ дальнѣйшаго изученія; необходимо объяснить, какъ и отчего они происходятъ. Но здѣсь мы уже переходимъ ко второму вопросу, т.-е. къ вопросу о ближайшихъ причинахъ происхожденія физическихъ и психическихъ признаковъ вырожденія или, вѣрнѣе, даже о причинахъ происхожденія самаго вырожденія. На вопросъ же о связи между

*) Такія измѣненія, почти не изученныя въ области головного мозга (за исключеніемъ мозга идіотовъ), въ области спинного мозга констатировались не разъ. Тамъ находили и аномаліи въ распредѣленіи сѣраго вещества (error loci) и недоразвитіе отдѣльныхъ системъ проводящихъ волоконъ, объясняющее частоту своеобразныхъ (системныхъ) заболѣваній спинного мозга у дегнереантовъ и т. д.

физическими и психическими признаками вырожденія гипотеза Arndt'а дастъ совершенно ясный и точный отвѣтъ: физическіе и психическіе признаки вырожденія не стоятъ въ какой-либо причинной другъ отъ друга зависимости, но являются производными одной— общей для нихъ причины. Въ томъ же направленіи высказался и *Ch. Féré* [112]), создавшій тератогенную теорію наслѣдственности душевныхъ болѣзней (вырожденія).

Съ его точки зрѣнія физическіе признаки вырожденія являются лишь видимыми на глазъ уродствами организма, психическія же особенности дегенерантовъ составляютъ слѣдствіе болѣе тонкихъ уродствъ въ строеніи центральной нервной системы. На основаніи обильнаго литературнаго матеріала Ch. Féré пытается установить наслѣдственную передачу всевозможныхъ тератологическихъ формъ. Считая это положеніе доказаннымъ, Ch. Féré думаетъ, что и наслѣдственность въ душевныхъ болѣзняхъ сводится къ наслѣдственной передачѣ организму склонности продуцировать уродства въ области центральной нервной системы; суть же процесса вырожденія сводится, по мнѣнію Féré, къ развитію чрезъ наслѣдственное предрасположеніе или чрезъ вредныя воздѣйствія на развивающійся организмъ аномальной, уродливо построенной нервной системы, что въ большинствѣ случаевъ сопровождается и продукціей уродствъ во многихъ внѣшнихъ органахъ и покровахъ, т.-е. физическими признаками вырожденія.

Но тутъ сейчасъ же возникаетъ другой вопросъ: какова же природа вредныхъ воздѣйствій, ведущихъ къ аномальному развитію всего организма? Попытки нѣкоторыхъ авторовъ (по отношенію къ наружному уху— *Kundart*, *Binder*, отчасти *Schäffer*) свести причины возникновенія уродствъ отдѣльныхъ органовъ къ механическимъ моментамъ въ родѣ давленія amnion'a, перетягиванія пуповиной и т. д. въ данномъ случаѣ не рѣшаютъ вопроса, такъ какъ такіе моменты, если бы они и имѣли мѣсто въ дѣйствительности, могли бы объяснить возникновеніе только физическихъ аномалій, оставляя открытымъ вопросъ о психическихъ признакахъ вырожденія. При этомъ остается совершенно непонятнымъ, почему у извѣстной категоріи субъектовъ является такая наслѣдственно предающаяся наклонность къ излишнему амніальному давленію и другимъ подобнаго рода моментамъ? Попытки нѣкоторыхъ авторовъ свести все дѣло къ патологической наслѣдственности, къ пріобрѣтенію организмомъ таинственной способности, создавши одинъ разъ уродливыя формы, упорно ихъ повторять, не удовлетворительны уже по тому одному, что въ настоящее время трудно сомнѣваться въ существованіи врожденнаго и даже пріобрѣтеннаго вырожденія. Кромѣ того, желательно было бы все-таки заглянуть въ вопросъ поглубже и попытаться опредѣлить, какимъ же образомъ возникаютъ тѣ начальныя уродливости организма, которыя въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ становятся уже наслѣдственными? Самъ творецъ ученія о вырожденіи—*Morel*, указалъ на то, что къ вырожденію могутъ вести самыя разнообразныя повторныя (а по послѣдующимъ авторамъ даже и единичныя) неблагопріятныя для развитія организма воздѣйствія, какъ-то: недостаточное питаніе, чрезмѣрная работа, не гигиеническій образъ жизни въ широкомъ значеніи этого слова, интоксикаціи внѣшними ядами (алкоголизмъ, сатурнизмъ, морфинизмъ и пр.), ядами бациллярнаго происхожденія (сифилисъ, паллюдизмъ, туберкулезъ и т. д.), быть-можетъ и какими, то особыми почвенными или атмосферными ядами (кретинизмъ) и пр. и пр.

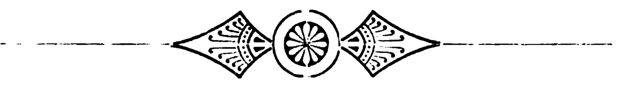
Все разнообразіе вырождающихъ моментовъ можетъ быть, однако, объединено одной общей чертою: все это моменты неблагопріятно вліяющіе на ростъ и развитіе организма, моменты, подрывающіе прежде всего питаніе организма; невольно, слѣдовательно, возникаетъ желаніе свести суть дѣла къ аномаліямъ химическихъ процессовъ въ организмѣ. Въ самомъ дѣлѣ—большинство вырождающихъ моментовъ можетъ быть непосредственно сведено къ интоксикаціямъ: добровольныя или невольныя отравленія различными ядами sui generis, принимаемыми per os или дыханіемъ, отравленія токсинами при бациллярныхъ патологическихъ процессахъ, лейкомаинами—при чрезмѣрной работѣ и многихъ патологическихъ процессахъ не бациллярнаго происхожденія, отравленія вредными атмосферными газами, не удаляемыми ядовитыми продуктами, перспирируемыми человѣкомъ въ окружающую среду и т. д.

На помощь теоретическимъ представленіямъ приходитъ и экспериментъ. За малымъ развитіемъ высшей психической жизни у животныхъ, мы не можемъ, конечно, вызывать у нихъ и наблюдать экспериментально психическія проявленія дегенераціи, зато физическая сторона деструкціи организма—развитіе уродствъ—можетъ быть легко воспроизведена путемъ эксперимента. Подобнаго рода эксперименты производились неоднократно. Такъ, *Dareste*, *Wilhelm Roux*, *Chabry* [113]) и другіе авторы получали тератогенныя формы, ограничивая доступъ воздуха путемъ покрыванія лакомъ отдѣльныхъ частей куринаго яйца, равнымъ образомъ и дѣйствуя на плодъ разными химическими агентами; *Labord*, *Magnan* и др. получали подобный же эффектъ подъ вліяніемъ алкоголя, *Charrin et Gley* [114]),—впрыскивая токсины bacilli pyocianici и т. д.

Получаемые при опытахъ тератогеніи касаются различныхъ органовъ (въ томъ числѣ и наружнаго уха) и не стоятъ, повидимому, ни въ какой зависимости отъ самой природы вызывающаго ихъ агента, т.-е. весьма различные химическіе агенты могутъ вести къ образованію сходныхъ тератогенныхъ формъ. Для насъ наибольшій интересъ представляютъ эксперименты Charrin'a и Gley'я, такъ какъ эти авторы, про-

дѣлавшіе свои опыты надъ кроликами, получали у нихъ въ числѣ другихъ аномалій строенія тѣла и весьма рѣзкія деформаціи наружнаго уха. Всматриваясь въ приложенныя къ работѣ этихъ авторовъ фотографіи, легко убѣдиться въ томъ, что уши выведенныхъ при аномальныхъ условіяхъ кроликовъ искажены въ значительной мѣрѣ: они значительно укорочены, пострадали главнымъ образомъ концы ушей, иногда не естественно закругленные, иногда какъ бы растрепанные, расщепленные въ продольномъ направленіи на нѣсколько лоскутьевъ и т. д.

Относительно человѣка извѣстно еще со времени Morel'я, что тяжелыя конституціональныя болѣзни производителей могутъ вести къ вырожденію ихъ потомства; возможно было бы прослѣдить, являются ли потомки больныхъ родителей вмѣстѣ съ тѣмъ и носителями физическихъ признаковъ вырожденія; но, къ сожалѣнію, этого до сихъ поръ не сдѣлано. Мы имѣемъ, впрочемъ, въ этомъ направленіи одно чрезвычайно цѣнное указаніе въ капитальномъ трудѣ *Fournier* младшаго [115])—сына знаменитаго французскаго сифилидолога. Въ своей работѣ о наслѣдственномъ сифилисѣ, въ основу которой положенъ цѣнный матеріалъ, собранный его отцомъ, Fournier-сынъ отмѣчаетъ, между прочимъ, у субъектовъ, пораженныхъ наслѣдственнымъ сифилисомъ, цѣлый рядъ аномалій, почитаемыхъ обыкновенно за признаки вырожденія; эти аномаліи охватываютъ различные органы, въ томъ числѣ и наружное ухо. Аномаліи, охватывающія наружное ухо наслѣдственныхъ сифилитиковъ, по своему характеру совершенно тѣ же, что приписываются авторами дегенеративному уху: здѣсь фигурируютъ рѣзко выраженный Дарвиновъ бугорокъ, недоразвитой завитокъ, приращенная мочка и т. д.—Общую черту аномалій уха наслѣдственныхъ сифилитиковъ составляетъ то же явленіе, что мы видѣли и по отношенію къ большинству описываемыхъ авторами признаковъ дегенеративнаго уха, т.-е. всѣ онѣ повторяютъ собою эмбріональныя формы и представляютъ, слѣдовательно, явленія задержки развитія этого органа. Сопоставляя ихъ съ экспериментальными уродствами уха кроликовъ Charrin'а и Gley'я, мы видимъ существенное между тѣми и другими различіе: уродливости кроличьяго уха представляются вполнѣ атипичными, отнюдь не напоминаютъ эмбріональныхъ формъ и не могутъ быть, слѣдовательно, сведены къ простой задержкѣ развитія, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ дегенеративному уху человѣка. Составляетъ ли это различіе между экспериментальными аномаліями уха и особенностями дегенеративнаго уха различіе по существу, или же все дѣло сводится только къ количественной разницѣ, т.-е. что одно и то же вредное вліяніе, выраженное въ болѣе слабой степени, ведетъ къ простой задержкѣ развитія, дѣйствуя же болѣе интенсивно оно вызываетъ настоящія нарушенія процесса развитія? Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ при современномъ уровнѣ знаній не можетъ быть данъ, тѣмъ не менѣе, надо сказать, что предположеніе лишь о количественной разницѣ процесса въ обоихъ случаяхъ едва ли вѣроятно, такъ какъ въ такомъ случаѣ среди субъектовъ особенно глубоко дегенерированныхъ мы должны были бы отмѣчать относительно нерѣдкіе случаи вполнѣ атипичныхъ ушей, съ другой же стороны при экспериментальныхъ уродствахъ у кроликовъ переходъ отъ атипично искаженныхъ ушей къ нормальнымъ долженъ былъ бы проходить чрезъ стадію ушей, представляющихъ явленія простой задержки развитія; но ни того, ни другого явленія на самомъ дѣлѣ не наблюдается. Мы не будемъ больше останавливаться на этомъ вопросѣ и если эта глава носитъ вполнѣ неопредѣленный и не законченный характеръ, вина въ томъ падаетъ не на автора настоящей работы, не желающаго идти дальше, чѣмъ это позволяютъ факты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Измѣрительные признаки.

А. Ухо нормальнаго населенія.

I.

Общія замѣчанія о способахъ собиранія личнаго матеріала.

Приступая къ моимъ личнымъ изслѣдованіямъ, я озаботился прежде всего о возможно большей расовой чистотѣ и однородности изучаемаго матеріала. Послѣднее условіе, т.-е. однородность матеріала, достигалась легче всего ограниченіемъ изслѣдованія крестьянскимъ населеніемъ, какъ средою, гдѣ условія жизни и характеръ занятій, равно какъ и степень достатка приблизительно одинаковы для всѣхъ.

Выборъ крестьянскаго населенія обезпечивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшую степень расовой чистоты, такъ какъ наши крестьяне живутъ сравнительно замкнутой жизнью и, (за исключеніемъ, конечно, подгородныхъ) не имѣютъ въ своей крови хоть сколько нибудь значительныхъ стороннихъ примѣсей въ теченіе многихъ поколѣній. Наиболѣе подходящей областью для изслѣдованія русскаго населенія была, конечно, область бывшихъ земель Владиміро-Суздальскаго края, какъ центра гдѣ сложилось и пребывало все время историческаго своего существованія великорусское племя.

На основаніи моментовъ уже болѣе случайнаго характера*) я остановился на населеніи Рязанской губерніи, представителей котораго, въ количествѣ 325 человѣкъ (мужчинъ), я могъ измѣрить среди рабочихъ на одной изъ большихъ московскихъ фабрикъ. Одновременно съ ухомъ изслѣдовались также ростъ и главнѣйшіе размѣры головы и лица, а также отмѣчался возрастъ изслѣдованныхъ и цвѣтъ ихъ волосъ и глазъ (по методамъ принятымъ Антропологическимъ отдѣломъ Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Энтографіи). Этимъ давалась возможность попытки приведенія тѣхъ или другихъ особенностей въ величинѣ и формѣ уха въ связь съ цвѣтностью или особенностямя строенія головы, равно какъ и возможность изученія измѣненій размѣровъ уха съ измѣненіемъ роста, возраста и т. д.

Матеріалъ, легшій въ основаніе изученія наружнаго уха великоруссовъ, эксплоатировался мною въ другихъ отношеніяхъ въ только что упомянутой моей работѣ, равно какъ и въ работѣ: „О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ". (Рус. Антр. Жур. 1901).

Наиболѣе подробно и точно изслѣдованы мною уши 325 взрослыхъ мужчинъ, уроженцевъ Рязанской губерніи; уши женщинъ (въ количествѣ 100 человѣкъ) изучались по болѣе сокращенной программѣ и лишь постольку, поскольку это было нужно для выясненія основныхъ различій въ ухѣ мужчины и женщины *). Кромѣ того мною были прослѣжены нѣкоторые главнѣйшіе признаки ушей у 180 дѣтей обоихъ половъ—уроженцевъ тѣхъ же губерній бывшаго Владиміро-Суздальскаго края. Наконецъ осенью 1900 года, будучи въ Астраханской губерніи, я изслѣдовавъ 75 калмыковъ (взрослыхъ мужчинъ).

---

*) Изложенныхъ въ моей работѣ: Къ Антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губерніи. Труды Антроп. Отдѣла Об. Любит. Естеств. Антроп. и Энтогр. Т. XIX 1899.

*) Изслѣдованныя мною женщины принадлежали также какъ и мужчины къ кореннымъ уроженцамъ области бывшихъ земель Владиміро-Суздальскаго края (изъ крестьянъ) но это не были подобно мужчинамъ исключительно рязанки, составляющія лишь часть изслѣдованнаго матеріала, кромѣ нихъ сюда входятъ уроженки смежныхъ частей Московской и Калужской губерній. Женщины были изслѣдованы мною на московской фабрикѣ гг. Жиро, куда я получилъ доступъ благодаря любезности врача фабрики д-ра *И. Н. Астраханъ*, которому я и спѣшу принести мою сердечную благодарность какъ за самый доступъ къ матеріалу, такъ и за ту предупредительную любезность и вниманіе, которыми я пользовался тамъ во время самыхъ изслѣдованій.

Кромѣ того, для провѣрки и дальнѣйшаго освѣщенія отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ мною производились еще нѣкоторыя дополнительныя изслѣдованія; о количествѣ, равно какъ и о цѣляхъ этихъ дополнительныхъ изслѣдованій будетъ упомянуто въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Уши я изслѣдовалъ по схемѣ Schwalbe, строго придерживаясь указаній данныхъ авторомъ какъ въ работѣ рекомендующей самую схему, такъ и въ другихъ его работахъ. По отношеніи къ мужчинамъ—великоруссамъ мною были выполнены всѣ рубрики программы схемы безъ исключенія, но нѣкоторыми деталями я при обработкѣ матеріала не воспользовался частью вслѣдствіе видимой ихъ незначительности, изъ боязни загромождать работу и безъ того разросшимся цифровымъ матеріаломъ, частью же вслѣдствіе вкравшихся случайно при регистраціи матеріала нѣкоторыхъ погрѣшностей, происхожденіе которыхъ, впрочемъ, какъ разъ и объясняется недостаточно строгимъ моимъ вниманіемъ при регистраціи мелочей казавшихся мнѣ и утомительными и слишкомъ ничтожными—въ чемъ и приношу чистосердечное покаяніе, съ обязательствомъ упомянуть въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ о всѣхъ сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи пропускахъ и недочетахъ. При регистраціи и разработкѣ матеріала я пользовался карточной системой, но такъ какъ въ мои изслѣдованія входили и нѣкоторыя другія антропологическія даты, не введенныя въ схему Schwalbe, моимъ карточкамъ долженъ былъ быть приданъ нѣсколько иной, чѣмъ у Schwalbe, видъ.

Карточка для записи полученныхъ мною данныхъ.

№	Фам.	Возр.	Вр. изсл.
....			
....			

Ростъ.		
Голова.		
A.		
L.		
Q.		
I.		
l. f.		
oph—tr. dex.		
oph—tr. sin.		
tr.—pr. dex.		
tr.—pr. sin.		
Ухо.	Прав.	Лѣв.
Дл.		
Ш.		
Дл. ос.		
Conchae дл.		
„ ш.		
дл. М.		
до Д. Б.		
до. С. Б.		

Ухо Опис. приз.	Прав.	Лѣв.
Helix.		
Д. Б.		
С. Б.		
cr. h.		
в. h.		
н. h.		
cr. d.		
tragus.		
anthelix.		
ств.		
cr. s.		
cr. t.		
antitragus.		
н. в. кр.		
н. кн.		
ф.		
lobulus.		
Пр.		
s. splb.		
s. obl.		
t. rtlb.		
нпр. М.		
отст. уха.		
ins		
Общая ф. уха:		

Примѣчанія:

Приведенная здѣсь карточка представляетъ точную копію съ тѣхъ карточекъ, которыми я пользовался при изслѣдованіи, со всѣми введенными въ нихъ сокращеніями и пропусками, требующими, конечно, нѣкоторыхъ поясненій: двѣ строки ниже фамиліи предназначены для отмѣтки: 1) мѣста рожденія изслѣдованнаго 2) цвѣта волосъ и глазъ. Въ отдѣлѣ „Голова"—принятыя мной сокращенія означаютъ:

A.—наибольшая горизонтальная окружность головы.

L.—наибольшій передне-задній діаметръ ея.

Q.—наибольшій поперечный „ „

I.—наибольшая ширина лица между скуловыми дугами.

l. f.—длина лица. Здѣсь отмѣчалось три цифры: 1) отъ начала волосистой части головы, до корня носа 2) отъ той же точки и до подносовой точки и, 3) отъ той же точки и до подбородочной точки.

oph.—tr. dex.
oph.—tr. sin.
tr.—pr. dex.
tr.—pr. sin.
— Введенныя мною измѣренія отстояній ophrion'a и protuber occip. externa отъ праваго и лѣваго козелковъ—измѣренія частью имѣвшія значеніе опредѣлителей посадки ушей по отношенію къ передней и задней части черепа, частью же преслѣдовавшія иныя цѣли (подробнѣе развитыя въ другой моею работѣ—см. В. Воробьевъ [91]).

Въ отдѣлѣ „Ухо"—первый столбецъ посвященъ измѣрительнымъ признакамъ. Сокращенія, принятыя въ немъ означаютъ:

Дл.—длина уха.

Ш.—ширина „

Дл. ос.—длина основанія.
Conchae дл.—длина кохи.
„ ш.—ширина „
дл. М.—длина мочки.
до Д. Б.—истинная высота (длина) уха.
до С. Б. разстояніе отъ дна incisurae intertragicae до верхушки уха.

Второй столбецъ посвященъ описательнымъ признакамъ. Въ соотвѣтственныхъ клѣткахъ отмѣчается каждая особенность праваго и лѣваго уха цифрою согласно указаніямъ Schwalbe. Принятыя здѣсь сокращенія означаютъ:

Д. Б.—Дарвиновъ бугорокъ.
С. Б.—Сатировъ бугорокъ.
cr. h. crus helicis.
в. h.—верхня часть helicis (степень развитія ея)
н. h.—нижняя часть helicis (idem).
cr. d.—crus descendens helicis.
Tragus—отмѣчается наличность или отсутствіе tuberculi supratragici.
anthelix.
ст.—стволъ.
cr. s.—crus superius.
cr. i.—crus iuferius.
antitragus.
н. в. кр.—наклоненіе верхняго края.
н. кн.—наклонъ кнаружи.
ф.—форма.
lobulus.
Пр.—приращеніе.
s. splb.—sulcus supralobularis.
s. obl.—sulcus obliquus.
t. rtlb.—tuberculum retro-lobulare.
нпр. М.—направленіе мочки.
отс. уха—отстояніе уха.
ins.—insertio (косое или прямое).

II.

Сравненіе величины и формы праваго и лѣваго уха.

Долгое время было принято на слово, безъ фактической повѣрки, что правое и лѣвое ухо, вообще говоря, одинаковы по величинѣ. Сколько нибудь замѣтная разница въ величинѣ обоихъ ушей считалась даже за признакъ дегенераціи и отмѣчалась у *Binder'a*, напримѣръ, а за нимъ и у многихъ другихъ авторовъ изучавшихъ дегенеративное ухо подъ именемъ *Blainvill'ева* уха, (Blainville былъ однимъ изъ первыхъ авторовъ, отмѣтившихъ разницу въ величинѣ и формѣ ушей, какъ признакъ дегенераціи). Однако изслѣдованія послѣдняго времени показали, что это далеко не такъ и что разница въ длинѣ и формѣ обоихъ ушей, и иногда довольно значительная, часта настолько, что необходимо изслѣдовать оба уха порознь. Наиболѣе точныя цифры *Schwalbe* показываютъ, что разница въ величинѣ ушей сохраняется даже при выводѣ среднихъ цифръ; такъ, для нѣмцевъ прирейнскихъ провинцій Schwalbe даетъ среднюю длину (высоту) праваго уха въ 65.9 m. m. лѣваго—въ 65.5 m. m. Въ русской антропологической литературѣ существуетъ указаніе *Н. В. Гильченко* относительно неравномѣрности обоихъ ушей у кубанскихъ казаковъ [116]), у осстинъ [117]); *Шендриковскій* [118]) свидѣтельствуетъ то же самое относительно бурятъ-селенгинцевъ, *Я. Д. Вышогродъ* [119]) отосительно кабардинцевъ, *Пайссель* [120]) относительно таранчей и т. д.

Почти всѣ авторы, отмѣтившіе различія въ длинѣ праваго и лѣваго уха, единогласно утверждаютъ, что правое ухо нѣсколько больше лѣваго, хотя величина этого различія, въ общемъ небольшая, представляетъ у авторовъ значительныя колебанія. Слѣдующая таблица (№ 6) дастъ нѣкоторыя на этотъ счетъ цифры.

ТАБЛИЦА № 6.

Длина праваго и лѣваго уха у различныхъ народовъ въ mm.

	Правое ухо.	Лѣвое.	Разница.
Нѣмцы (Schwalbe)	65,9	65,5	0,5
Осстины (Гильченко)	64,8	63,9	0,9
Буряты (Шендриковскій)	63,3	62,4	0,9
Кабардинцы (Вышогродъ)	64,0	63,0	1,0
Таранчи (Пайссель)	65,0	64,0	1,0
Кубанскіе казаки (Гильченко)	60,4	58,0	2,4

У нѣмцевъ, слѣдовательно, существуетъ едва замѣтная въ среднемъ выводѣ разница между правымъ и лѣвымъ ухомъ, наибольшую же разницу отмѣчаетъ Гильченко для кубанскихъ казаковъ. У изученныхъ мною великоруссовъ также отмѣчалась очень нерѣдко разница между величиной праваго и лѣваго уха, но нѣтъ наклонности къ бо́льшей величинѣ праваго уха по сравненію съ лѣвымъ, скорѣе даже, какъ это мы увидимъ ниже, немного чаще встрѣчаются случаи, гдѣ лѣвое ухо больше праваго: въ среднемъ же выводѣ длина праваго и лѣваго уха моихъ великоруссовъ одинакова; разница въ средней величинѣ въ пользу праваго уха все таки, правда, существуетъ, но только во второй цифрѣ послѣ запятой (т.-е. въ сотыхъ доляхъ миллимметра, которыя мною вездѣ отброшены).

При моихъ изслѣдованіяхъ замѣчались различія между правымъ и лѣвымъ ухомъ какъ по величинѣ, такъ и по формѣ.

Относительно длины уха мною получены слѣдующія данныя: всего случаевъ съ разницей между обоими ушами въ 1,5 mm. и болѣе — 86 (изъ 324 набл.) или 26,54% всѣхъ случаевъ. Н. В. Гильченко отмѣчалъ то же явленія у кубанскихъ казаковъ такъ часто, что вполнѣ одинаковыя уши онъ насчитываетъ только въ 4,9% всѣхъ случаевъ. Надо, впрочемъ, оговориться, что Гильченко отмѣчаетъ разницу даже въ 0,5 m. m., я же, считая, что небольшія различія могутъ зависѣть отъ степени надавливанія при измѣреніи инструментомъ на мягкіе и податливые края уха, отмѣчалъ только различія отъ 1,5 mm. и выше. Однако и въ этихъ предѣлахъ у Гильченко отмѣчается 46 случаевъ разныхъ величинъ уха изъ 61 наблюденія, т.-е. 75,4% всѣхъ случаевъ.

Надо, слѣдовательно, признать, что у кубанскихъ казаковъ уши различной длины встрѣчаются значительно чаще чѣмъ у великоруссовъ. Составляетъ ли эта черта расовую особенность казаковъ, или же зависитъ отъ способа ношенія шапки или другихъ какихъ либо причинъ—вопросъ открытый.

Предѣльная разница въ длинѣ праваго и лѣваго уха указана у Гильченко въ 8 mm.; таже величина отмѣчается и у меня.

Слѣдующая таблица (№ 7-й) показываетъ величины различій въ длинѣ ушей и относительную ихъ частоту по даннымъ Гильченко и по моимъ.

ТАБЛИЦА № 7-й.

Одно ухо больше другаго	по Н. В. Гильченко	по В. Воробьеву
на 1,5 mm.	2 случая	3 случая
2,0 „	10 „	34 „
2,5 и 3,0	11 „	31 „
4 „	8 „	10 „
5 „	6 „	6 „
6 „	5 „	1 „
7 „	3 „	0 „
8 „	1 „	1 „
	46	86

324 : 61=5,3; слѣдовательно для болѣе точнаго сравненія цифры Гильченко должны быть увеличины въ 5,3 раза.

Н. В. Гильченко отмѣчаетъ далѣе, что
правое ухо больше лѣваго у 83,6% (70,5%) *)
равны 4,9% (24,6%)
правое ухо меньше 11,4% (4,9%)

у меня же—правое ухо больше— 40 случ. или 12, 3%
равно—238 „ „ 73,46%
меньше лѣваго— 46 „ „ 14, 2%

т.-е. и въ этомъ отношеніи между кубанскими казаками и великоруссами существуетъ значительная разница, и у великоруссовъ не отмѣчается особой склонности къ уменьшенію лѣваго уха, отмѣчаемой для казаковъ. Но аналогичное явленіе отмѣчалось изслѣдователями и у другихъ народностей. Тѣмъ не менѣе, можно сомнѣваться въ томъ, что равномѣрное распредѣленіе бо́льшихъ и меньшихъ величинъ праваго уха по сревненіи съ лѣвымъ составляетъ отличіе великоруссовъ отъ другихъ народностей. Измѣреніе уха при мягкости и подвижности его краевъ—дѣло очень щепетильное и здѣсь многое зависитъ отъ метода изслѣдованія. Я лично измѣрялъ всегда сначала лѣвое ухо и, фиксировавъ ножки циркуля, переносилъ его на правое ухо; въ случаѣ ножки циркуля устанавливались точно и на лѣвомъ ухѣ, дѣлалась одна общая отмѣтка; равнымъ образомъ игнорировалась и разница въ 1 mm., такъ что для праваго уха дѣлалась особая отмѣтка только въ тѣхъ случаяхъ, когда разница величинъ была въ 1,5 mm. и болѣе. Очень можетъ быть, что отмѣчаемая другими авторами бо́льшая средняя величина праваго уха складывалась изъ игнорированныхъ мною одномиллиметровыхъ различій. Съ другой стороны большинство изслѣдователей пользовалось меньшимъ чѣмъ я цифровымъ матеріаломъ и можетъ быть также, что при увеличеніи матеріала и у нихъ различіе между правымъ и лѣвымъ ухомъ сгладилось бы въ значительной мѣрѣ. Нѣсколько особнякомъ стоятъ въ этомъ отношеніи данныя Гильченко относительно кубанскихъ казаковъ, у которыхъ разница между правымъ и лѣвымъ ухомъ въ среднемъ значительно больше миллиметра (2,4 mm.) чего не найдено до сихъ поръ ни однимъ изслѣдователемъ. Относительно различій въ ширинѣ обоихъ ушей надо сказать, что самостоятельно, т.-е. при равной длинѣ ушей они встрѣчаются, повидимому, очень рѣдко: такъ, у меня на всѣ 324 наблюденія попался одинъ только случай, когда, при равной длинѣ, правое ухо оказалось шире лѣваго на 2 mm. Впрочемъ, и уши различной длины далеко не часто оказываются различными и по ширинѣ (принимая во вниманіе различіе бо́льшее, чѣмъ въ 1 mm.) такъ, какъ такихъ случаевъ у меня насчитывается всего 8, при чемъ:

разница въ 1,5	mm.	встрѣтилась	2 раза
„ въ 2	„	„	3 „
„ въ 3	„	„	3 „

Сравнительнаго на этотъ счетъ матеріала въ доступной мнѣ литературѣ я не нашелъ.

Изъ всѣхъ 87 случаевъ неравномѣрныхъ ушей (86 случ. различной длины и 1 случ. различн. ширины) въ 30

*) Въ скобкахъ стоятъ исчисленные мною по даннымъ Гильченко проценты тѣхъ случаевъ, гдѣ величина различія между обоими ушами не менѣе 1,5 mm.

случаяхъ или 34,5% всѣхъ случаевъ наблюдались также и тѣ или другія различія въ формѣ обоихъ ушей. Кромѣ того и среди равныхъ по величинѣ ушей (237 случ.) отмѣчается 28 случ. или 11,8% случаевъ тѣхъ или другихъ различій формы праваго и лѣваго уха. Отсюда надо, слѣдовательно, заключить, что уши различной формы гораздо чаще (у меня почти въ три раза) встрѣчаются при различныхъ по величинѣ чѣмъ при равномѣрныхъ ушахъ. Всего же случаевъ представляющихъ какія либо различія обоихъ ушей (по величинѣ и формѣ) мы имѣемъ 58 (30 различ. по величинѣ и 28 по формѣ) или 18,0% всѣхъ случаевъ, т.-е. такъ называемое Blainvill'ево ухо встрѣчается далеко не такъ уже рѣдко и среди изслѣдованнаго мною населенія; Н. В. Гильченко отмѣчаетъ его у кубанскихъ казаковъ еще чаще.

III.

Длина (высота) уха.

Вопросъ о величинѣ уха началъ интересовать художниковъ гораздо раньше чѣмъ антропологовъ. Составляя свои кононы, художники мало, впрочемъ, считались съ индивидуальными и расовыми особенностями, свои опредѣленія величинъ они выводили не на основаніи наблюденій, не на основаніи метода среднихъ чиселъ, но руководясь исключительно своими субъективными представленіями о томъ, какіе размѣры изучаемаго органа даютъ наиболѣе полное эстетическое впечатлѣніе и являются, слѣдовательно, наиболѣе полно выражающими идею прекраснаго. Относительно длины уха также существовали у различныхъ авторовъ свои „каноническія“ правила.

Такъ *А. Dürer* считалъ ухо равнымъ длинѣ носа или одной четверти длины головы (длина головы приблизительно соотвѣтствуетъ у него нашей величинѣ головы въ вертикальной проекціи) *Elsholz* (Antropometria 1655 г.) принимаетъ длину уха равной $^{3}/_{72}$ (4,16%) роста. Если принять (по даннымъ г. *Рождественскаго*) для великоруссовъ величину головы въ вертикальной проекціи за 12,71% роста, по канону Dürer'a ухо великоруссовъ должно было составлять приблизительно 3,18% роста, т.-е. значительно меньше, чѣмъ по канону Elsholz'a. Ниже мы увидимъ, что ухо великоруссовъ по моимъ изслѣдованіямъ дало величину среднюю между величинами Dürer'a и Elsholz'a, (3,72% роста), достаточно, впрочемъ, далекую и отъ того и отъ другого канона. Позднѣйшіе авторы, прибѣгавшіе уже къ методу среднихъ величинъ, пытались также установить отношеніе длины уха къ различнымъ другимъ измѣреніямъ тѣла, принимаемымъ за единицу, мало, впрочемъ, обращая вниманія на индивидуальныя и расовыя колебанія и склоняясь считать полученныя ими среднія величины за обще-человѣческія пропорціи.

Такъ, *Carus*[121]), напримѣръ, принимая вмѣстѣ съ Dürer'омъ длину уха равной длинѣ носа, опредѣляетъ обѣ эти величины въ 8 его „Modul—minuten“, что соотвѣтствуетъ 60 mm., *Quetelet*[122]) приравниваетъ длину уха къ двойной величинѣ глазной щели или къ половинѣ отстоянія ушного отверстія отъ макушки головы. *Zeising* (Neue Lehre von der Proportionen des Menschen) даетъ величину уха въ 3,48% роста.

Въ позднѣйшихъ антропологическихъ работахъ авторовъ, изслѣдовавшихъ различныя народности, мы уже встрѣчаемъ нерѣдко въ числѣ другихъ свѣдѣній и свѣдѣнія о длинѣ уха, показывающія, что эта величина у различныхъ народовъ далеко не одинакова не только по абсолютной цифрѣ, но и по отношенію ея къ росту, такъ что попытки опредѣленій въ духѣ Quetelet, Carus'a и другихъ, если и умѣстны, вообще говоря, то во всякомъ случаѣ должны приводиться съ оговоркой о томъ, что они имѣютъ какое-либо значаніе только по отношенію къ той расѣ, при изслѣдованіи которой они получены. Ниже мы еще будемъ имѣть случай познакомиться съ нѣкоторыми цифровыми данными новѣйшихъ авторовъ, теперь же перейдемъ къ изученію длины ушей у изслѣдованнаго мною населенія.

А. У мужчинъ.

Наибольшая длина (высота) уха у изслѣдованныхъ мною 324 взрослыхъ рязанцевъ составляетъ въ среднемъ 61,4 mm. (39800 : 648) или 3,72% роста (средній ростъ рязанцевъ=1651.3 mm.). Minimum длины уха — 48 mm., max.—77, mm. Оба предѣла представлены случаями исключительными, такъ какъ submінimum составляетъ величина въ 54 mm., за которой идутъ уже послѣдовательно по одному миллиметру возрастающія числа вплоть до submaximum'a въ 71 mm. Можно, слѣдовательно, съ извѣстнымъ правомъ считать, что величина уха рязанцевъ колеблется въ предѣлахъ 54 и 71 mm., внѣ которыхъ слѣдуетъ уже говорить о нѣкоторой *микро* и *макро-отіи*.

Довольно близкіе къ найденнымъ мною предѣлы отмѣчены и *Н. В. Гильченко*[116]) для кубанскихъ казаковъ (53—69 для праваго и 48—68 для лѣваго уха).

Приблизительно такіе же предѣлы отмѣчены и для ушей германскихъ расъ. Такъ *Hoffmann* [123]) считаетъ нормальными предѣлами длины уха отъ 5 до. 7,5 cnt., *Schäffer* отъ 5 до 7,3 cnt. У душевно-больныхъ отмѣчались значительно бóльшія величины; такъ, *Binder*, напримѣръ, видѣлъ у нихъ уши въ 8,5 cnt.,

Найденная мною средняя величина высоты уха не отличается особенно рѣзко отъ величинъ найденныхъ для ближайшихъ родственныхъ великоруссамъ племенъ; такъ Гильченко даетъ для кубанскихъ казаковъ 60,4 m. для прав. и 58 mm. для лѣв. уха; *Эркертъ* [124]) для малороссовъ Харьковской губ.— 62,1 mm. Изъ другихъ европейскихъ народовъ наиболѣе близкая величина уха получена *Schäffer'омъ* для швабовъ - 62,0 mm. Уши обитателей верхняго Эльзаса (по *Schwalbe*) значительно больше, а именно 65,9 mm. для праваго и 65,5 для лѣваго уха. Но эльзасцы выше ростомъ чѣмъ великоруссы-рязанцы, такъ что выраженная въ процентахъ роста величина ушей эльзасцевъ (3,99% по Schwalbe) становится уже ближе къ той же величинѣ для рязанцевъ (3,72% роста), хотя все еще замѣтно превосходитъ ее. Слѣдуетъ однако, отмѣтить, что Schwalbe производилъ свои измѣренія на трупахъ, при условіяхъ не исключающихъ возможности нахожденія нѣсколько бóльшихъ противъ живыхъ величинъ вслѣдствіе потери turgoris vitalis и нѣкотораго уплощенія и отвисанія ушей на трупахъ. Такое предположеніе становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что *Karutz* [50]) даетъ для нѣмецкихъ солдатъ изъ Гамбургскаго округа обсолютную величину уха въ 65 mm., близкую, правда, къ величинѣ Schwalbe, но гамбуржцы рослѣе эльзасцевъ, такъ что приведенная къ росту длина уха гамбуржцевъ ($^{1}/_{26.5}$ роста по способу обозначенія, принятому Karutz'омъ или 3,77%) оказывается значительно меньшею по сравненію съ цифрою Schwalbe и приближающейся въ этомъ отношеніи гораздо больше къ моимъ рязанцамъ (3,72%). Впрочемъ, цифра Karutz'а должна быть нѣсколько увеличена, такъ какъ Karutz изслѣдовалъ 273 рекрутовъ, т.-е. молодыхъ людей въ возрастѣ около 20—21 года, а ниже мы увидимъ, что длина уха увеличивается съ возрастомъ вплоть до глубокой старости. Такимъ образомъ для нѣмцевъ надо, повидимому, принимать за длину уха цифру среднюю между 3,77 и 3,99 процентами роста, т.-е. цифру, во всякомъ случаѣ нѣсколько большую чѣмъ у рязанцевъ.

Для жителей Лотарингіи (Nancy) *Wilhelm* [48]) даетъ сравнительно небольшую цифру въ 60 mm.

Уши итальянцевъ, повидимому, обладаютъ нѣсколько меньшей противъ великоруссовъ величиной. По изслѣдованіямъ *Frigerio* [14]) величина уха въ предѣлахъ отъ 50 и до 60 mm. составляетъ у нихъ 73% всѣхъ наблюденій и только 27% падаетъ на долю ушей съ длиною бóльшею чѣмъ 60 m. m. (среднихъ величинъ Frigerio не даетъ). У моихъ же рязанцевъ число случаевъ величинъ уха свыше 60 mm. составляетъ 57% всѣхъ наблюденій. Но италіанцы значительно ниже великоруссовъ ростомъ; въ какой мѣрѣ зависитъ отъ этого и меньшая величина ихъ ушей—изъ данныхъ Frigerio опредѣлить невозможно. Сопоставляя данныя Frigerio съ сравнительно малой длиной уха полуфранцузовъ-лотаринговъ можно предположить, что романскимъ народамъ свойственны скорѣе малыя уши.

Освѣщая вопросъ о расовыхъ различіяхъ въ длинѣ уха, *Karutz*, собралъ въ двухъ своихъ работахъ [13]) [50]) всѣ доступныя ему данныя относительно длины ушей различныхъ народовъ и соединивъ вмѣстѣ ряды наблю-

ТАБЛИЦА № 8-й.

Рядовое распредѣленіе величинъ уха выраженныхъ въ доляхъ роста у различныхъ народовъ (по Karutz'у).

Длина уха.	253 рекрута (нѣмцы), измѣренные Karutz'омъ.	Монголы.	Малайцы.	Арійцы (сборная група).	Америк. индѣйцы.	Папуасы.	Австралійцы.	Негры (Сбор. Гр.).	Нилотійскіе негры.	Финны (лопари).	Сингалезцы.	Бушмены.
отъ 1/20,0 до 1/22,9 роста	—	5,0	10,3	—	12,9	2,3	—	—	—	7,1	—	—
— 1/23,0 — 1/23,9 —	5,1	12,6	5,1	—	16,1	4,5	—	0,9	—	7,1	—	—
— 1/24,0 — 1/24,9 —	11,8	29,1	6,9	5,1	19,3	1,3	22,2	0,9	—	28,5	—	—
— 7/25,0 — 1/25,9 —	20,5	25,3	17,2	12,0	12,9	20,4	—	5,4	—	7,1	16,6	—
— 1/26,0 — 1/26,9 —	22,5	16,4	25,8	17,0	22,6	18,1	11,1	8,3	3,7	28,5		—
— 1/27,0 — 1/27,9 —	20,5	7,6	15,5	22,4	9,6	13,6	44,4	12,2	11,1	14,2	—	16,6
— 1/28,0 — 1/28,9 —	11,8	3,8	13,8	19,0	3,2	9,0	—	21,7	18,5	7,1	50,0	33,3
— 1/29,0 — 1/29,9 —	3,9	—	1,7	10,3	3,2	15,9	22,2	14,2	18,5	—	16,6	16,6
— 1/30,0 — 1/30,9 —	3,1	—	1,7	6,9	—	4,5	—	14,7	14,8	—	16,6	16,6
— 1/31,0 — 1/31,9 —	0,4	—	1,7	5,1	—	—	—	10,3	18,5	—	—	—
— 1/32,0 — 1/32,9 —	—	—	—	—	—	—	—	4,9	7,4	—	—	—
— 1/33,0 — 1/33,9 —	—	—	—	1,7	—	—	—	2,4	—	—	—	—
— 1/34,0 и выше	—	—	—	—	—	—	—	3,4	—	—	—	—

деній надъ однородными группами, далъ возможность составить приведенную уже выше таблицу (см. таблицу № 2-й стр. 28), гдѣ народности расположены въ нисходящемъ по величинѣ ушей порядкѣ.

Число случаевъ падающихъ на каждую серію наблюденій приведенныхъ въ этой таблицѣ очень различно; для многихъ группъ оно прямо ничтожно.

Небольшія числа наблюденій обусловливаютъ нѣкоторую недостовѣрность среднихъ цифръ; вслѣдствіе этого же, вѣроятно, обстоятельства получились и для однихъ народовъ въ разныхъ рядахъ наблюденій такія различія въ среднихъ величинахъ ушей, что Karutz не рѣшается сливать эти ряды въ одно среднее, но приводитъ ихъ отдѣльно.

Такъ, гамиты въ его таблицѣ по одной серіи наблюденій занимаютъ 8-е мѣсто (62,5 mm.), по другой же—предпослѣднее (двадцатое) мѣсто (50,5 m. m.); американскіе индѣйцы занимаютъ 7-е и 12-е мѣста при величинахъ уха въ 63 mm. и въ 60 mm. и т. д.

Несмотря, однако, на такіе дефекты въ наличныхъ данныхъ относительно длины уха у разныхъ народовъ, можно все-таки прійти къ нѣкоторымъ болѣе или менѣе положительнымъ выводамъ. Прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что наибольшія величины ушей принадлежатъ монголамъ и близкимъ къ нимъ народамъ, наименьшія—различнымъ племенамъ негрскаго происхожденія (субминимальныя величины принадлежатъ негритосамъ, минимальныя—готтентотамъ и бушменамъ). Арійцы занимаютъ, повидимому, среднее мѣсто. Въ вышеприведенной таблицѣ не приняты во вниманіе различія племенъ по росту; въ виду этого Karutz попытался тамъ, гдѣ это было возможно, выразить величину уха не въ абсолютныхъ цифрахъ, а въ доляхъ роста. Приведемъ составленную имъ таблицу цѣликомъ (см. Karutz—Studien über die Form des Ohres. Zeitschr. f. Ohrenheilk. Bd. XXX tlg. S 275).

Таблица (№ 8-й) указываетъ, какой процентъ всѣхъ наблюденій падаетъ у различныхъ народовъ на долю ушей, составляющихъ различныя доли роста отъ $^1/_{20}$ части роста (maximum) и до $^1/_{34}$ части роста. Ряды расположены группами составляющими длину уха по отношенію къ росту въ видѣ дробей съ числителемъ въ единицу и съ знаменателемъ, возрастающимъ для каждаго ряда на одну единицу. Въ третьемъ горизонтальномъ ряду, напримѣръ, приведены всѣ случаи, гдѣ величина уха составляетъ отъ одной двадцать четвертой части роста до $^1/_{24,9}$ въ 4-мъ ряду отъ $^1/_{30,0}$ до $^1/_{30,9}$ роста и т. д.

Приведенная таблица показываетъ, что и въ томъ случаѣ, когда принятъ во вниманіе ростъ, положеніе народовъ другъ по отношеніи къ другу въ общемъ почти не измѣнилось и наименьшія величины уха сконцентрированы у негровъ, а наибольшія у чистыхъ монголовъ и у малайцевъ. Можно, слѣдовательно, утверждать, что монголы обладаютъ наибольшими какъ обсолютно, такъ и по отношенію къ ихъ росту ушами, а негры—наименьшими, европейцы занимаютъ среднее мѣсто. Болѣе детальная группировка народностей по величинамъ ихъ ушей при настоящемъ скудномъ количествѣ данныхъ пока еще рискованна.

Я съ своей стороны сдѣлалъ попытку сопоставить данныя относительно длицы ушей нѣкоторыхъ изъ народностей, обитающихъ въ предѣлахъ Россіи, составивъ слѣдующую (№ 9) таблицу:

ТАБЛИЦА № 9-й.

Длина ушей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.

Племя.	Авторы.	Длина ушей въ mm.	
		праваго.	лѣваго.
Казикухумцы.	Пантюховъ [125]) (9 набл.).	59,0	—
Кубанскіе казаки.	Гильченко [116]).	60,4	58
Кумыки.	Пантюховъ [126]) (6 набл.).	61,0	
Персіяне.	Пантюховъ [125]) (10 набл.).	61,0	
Рязанцы.	Воробьевъ.	61,4	id
Малороссы Харьк. губ.	Эркертъ [124]).	62,1	
Бурята селенгинцы.	Шендриковскій [118]).	63,3	62,4
Кабардинцы.	Вышгородъ [119]).	64,0	
Кумыки	Свидерскій [127]).	64,2	
Осетины.	Гильченко [117]).	64,8	63,9
Таранчи.	Пайсель [120]).	65,0	64,0
Мещеряки.	Weissenberg [128]).	65,0	—
Ингуши.	Цитир. у Свидерскаго [127]).	65,4	
Карачаи.		65,6	
Чеченцы.		65,8	
Башкиры.	Weissenberg.	66,0	
Абадзехи.	Пантюховъ [125]).	66,1	
Бурята аларцы.	Поротовъ [129]).	66,6	
Теленгеты.	Луценко *).	67,1	
Бурята Верхоленск. окр.	Сапожниковъ *).	67,4	
Приволжскіе калмыки.	Воробьевъ.	67,8	
Кавказскіе калмыки.	Эркертъ [124]).	69,5	
Донскіе калмыки. (на маскахъ).	Ивановскій [13]).	70,5	

*) Неизданныя работы. Пользуюсь случаемъ выразить мою благодарность гг. Луценко и Сапожникову за любезно предоставленныя ими въ мое распоряженіе ихъ цифры.

Невольно обращаютъ на себя вниманіе малыя величины уха дли нѣкоторыхъ народностей Кавказа (казикухумцы, персіяне, кумыки по даннымъ И. И. Пантюхова). Но числа наблюденій у г. Пантюхова невелики (отъ 6 до 10 наб.); съ другой же стороны изслѣдовавшій кумыковъ г. Свидерскій даетъ для нихъ на большемъ числовомъ матеріалѣ значительно бо́льшую длину уха. Вопросъ о меньшей величинѣ уха нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ народовъ остается такимъ образомъ открытымъ. Послѣ только что упомянутыхъ племенъ наименьшей длиной уха отличаются кубанскіе казаки, великоруссы и малороссы, давшіе величины въ 60—62 mm.

Наибольшей же длиной уха отличаются монголы. Аналогичное явленіе отмѣчено и у Karutz'а, хотя его группа монголовъ представлена всего однимъ рядомъ наблюденій (вѣроятно г. Эркерта). Въ приведенной мною таблицѣ (№ 9-й) рядъ монголовъ значительно пополненъ наблюденіями надъ бурятами селенгинцами (Шендриковскій), аларцами (Поротовъ), бурятами верхоленскаго округа (Сапожниковъ), теленгетами (Луценко), донскими калмыками (Ивановскій) и моими личными наблюденіями, произведенными въ прошломъ году надъ 75 астраханскими калмыками. Одни только бурята-селенгинцы Шендриковскаго дали сравнительно небольшую длину уха (63,3 mm.), всѣ же остальные ряды монгольскихъ племенъ характеризуются значительной длиной уха, превосходящей 66 mm., и эта величина пріобрѣтаетъ особое значеніе, если мы примемъ во вниманіе малорослость монгольскихъ племенъ. Выражая величины уха въ процентахъ роста, мы увидимъ, что у приволжскихъ калмыковъ средняя длина уха составляетъ 4,12% роста $\left(\frac{67.8\times100}{1642.2}\right)$, у бурятъ аларцевъ Поротова 4,08% роста $\left(\frac{66.6\times100}{1631}\right)$ и даже у бурятъ селенгинцевъ, абсолютная длина уха которыхъ сравнительно не велика, по отношенію къ росту она составляетъ все-таки 3,87% $\left(\frac{63.3\times100}{1632}\right)$, тогда какъ у великоруссовъ-рязанцевъ она составляетъ замѣтно меньшую величину (3,72% роста).

Послѣ монголовъ большія величины ушей (65—66 mm.) отмѣчаются у нѣкоторыхъ представителей урало-алтайскихъ племенъ (мещеряки, карачаи, башкиры), равно какъ и у нѣкоторыхъ изъ мало еще диференцированныхъ въ антропологическомъ отношеніи племенъ, населяющихъ Кавказъ (таранчи, ингуши, чеченцы, абадзехи). Другіе же изъ племенъ Кавказа, какъ-то: кабардинцы, кумыки (по Свидерскому), осетины даютъ нѣсколько меньшія величины уха, а именно около 64 mm.; такими размѣрами уха они приближаются нѣсколько къ европейскимъ народамъ. Этотъ фактъ интересенъ въ томъ отношеніи, что родство осетинъ, кабардинцевъ, а также и кумыковъ съ такъ называемыми арійскими народами считается въ настоящее время несомнѣннымъ.

Сопоставляя данныя послѣдней таблицы (№ 9-й) съ приведенными выше таблицами Karutz'а, можно уже говорить болѣе или менѣе утвердительно, что различныя расы диференцируются другъ отъ друга въ числѣ другихъ признаковъ также и по длинѣ уха. Наименьшими размѣрами ушей обладаютъ, повидимому, негры и родственныя имъ племена, затѣмъ слѣдуютъ европейскіе народы, большей величиной уха отличаются урало-алтайскія племена (среди нихъ уши тюрковъ, кажется, нѣсколько длиннѣе, чѣмъ уши финновъ), и наконецъ наибольшей величины ухомъ обладаютъ монголы. Интересно было бы прослѣдить, какъ отражается на величинѣ ушей смѣшеніе племеннаго состава, увеличиваетъ ли, напримѣръ, длину уха различныхъ племенъ примѣсь къ нимъ монгольской крови и обратно—не уменьшаетъ ли ее метисація съ арійскими племенами? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ при имѣющемся въ наличности матеріалѣ дать еще нельзя. Можно, однако, сдѣлать нѣкоторыя не безъинтересныя въ этомъ отношеніи сопоставленія. При взглядѣ на таблицу № 9-й мы видимъ, что бурята селенгинцы обладаютъ небольшими сравнительно большими ушами, сближающими это племя съ арійцами и удаляющими отъ монголовъ. Между тѣмъ какъ близкіе ихъ родственники—бурята Верхоленскаго округа обладаютъ бо́льшими ушами. Но есть много данныхъ указывающихъ на нѣкоторое обрусеніе бурятъ селенгинцевъ, большее во всякомъ случаѣ, чѣмъ у болѣе изолированно живущихъ бурятъ Верхоленскаго округа. Можно указать, далѣе, на приволжскихъ калмыковъ, которые входятъ въ довольно тѣсное соприкосновеніе съ русскими (особенно въ послѣднее время); вмѣстѣ съ тѣмъ и длина ушей приволжскихъ калмыковъ, по моимъ изслѣдованіямъ, оказывается нѣсколько меньшей (67,8 m.), чѣмъ у другихъ близкихъ ихъ родственниковъ—донскихъ, кавказскихъ калмыковъ, живущихъ болѣе изолированно отъ русскихъ. Кромѣ того болѣе детальная разработка моего матеріала показываетъ, что тѣ изъ приволжскихъ калмыковъ, у которыхъ отмѣчаются нѣкоторыя особенности строенія, нѣсколько сближающія ихъ съ великоруссами, обладаютъ въ то же время и меньшей величиною уха.

Во всякомъ случаѣ вопросъ о длинѣ уха у различныхъ племенъ заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ то, какое ему удѣлялось до сихъ поръ и съ накопленіемъ бо́льшаго числа фактовъ мы найдемъ, быть-можетъ, въ средней длинѣ уха одинъ изъ хорошихъ и чувствительныхъ показателей метисаціи племенъ.

Въ таблицѣ № 10-й представлены всѣ племена, относительно длины ушей которыхъ мнѣ удалось собрать свѣдѣнія; племена расположены въ этой таблицѣ по длинѣ уха въ восходящемъ порядкѣ.

ТАБЛИЦА № 10-й

Расположеніе отдѣльныхъ племенъ въ порядкѣ по восходящимъ величинамъ длины уха.

48,5	mm.	готтентоты и бушмены (I-я серія).
50—51	„	гамиты (I-я серія).
51—52	„	бушмены (II-я серія).
52—53	„	сингалезы.
53—55	„	—
55—56	„	лопари.
		негры нилотійцы.
56—58	„	—
58—59	„	негры разн. племенъ (287 соедин. наб.).
		негры Конго.
		казикухумцы.
59—60	„	австралійцы.
		американскіе индѣйцы (I-я серія).
		огнеземельцы.
60—61	„	микронезійцы.
		папуасы (I-я серія).
		кубанскіе казаки.
		кумыки (I-я серія).
		персіяне.
		жители Лотарингіи.
61—62	„	папуасы (II-я серія).
		рязанцы.
		швабы.
62—63	„	полинезійцы.
		гамиты (II-я серія).
		малороссы.
		американскіе индѣйцы (II-я серія).
63—64	„	бурята селенгинцы.
		семиты (I-я серія).
		кабардинцы.
64—65	„	кумыки (II-я серія).
		малайцы.
		осетины.
		таранчи.
		мещеряки.
		гамбургскіе нѣмцы.
65—66	„	ингуши.
		карачаи.
		чеченцы.
		башкиры.
		семиты (II-я серія).
		эльзасскіе нѣмцы.
66—67	„	абадзехи.
		бурята-аларцы.
67—68	„	теленгеты.
		бурята Верхоленскаго округа.
		астраханскіе калмыки.
68—69	„	—
69—70	„	кавказскіе калмыки.
70—71	„	донскіе калмыки.

У различныхъ антропоидныхъ обезьянъ ухо составляетъ, по Hartmann'у, въ среднемъ $\frac{1}{23}$ роста, т.-е. въ общемъ оно нѣсколько меньше чѣмъ человѣческое ухо; по отдѣльнымъ же видамъ антропоидныхъ замѣтны рѣзкія колебанія: у гориллы и у оранга оно относительно меньше, чѣмъ у человѣка, у шимпанзе относительно больше. (*Hartmann* [66]).

Въ таблицѣ № 10 можно наблюдать иногда самое фантастическое смѣшеніе группъ и сосѣдство племенъ, представляющихъ въ другихъ отношеніяхъ чуть ли не полныхъ антиподовъ. Можно, однако, думать, что въ подобныхъ случаяхъ играетъ роль какъ не достаточное число наблюденій, дѣлающее нѣкоторыя найденныя среднія цифры далекими отъ истиннаго средняго, такъ и приведеніе величинъ уха въ абсолютныхъ цифрахъ, а не въ отношеніи къ росту. Несмотря на отдѣльныя странныя сосѣдства, таблица № 10 представляетъ все-таки извѣстную правильность, такъ какъ представители племенъ африканскаго материка и ихъ ближайшіе родичи занимаютъ верхнія мѣста таблицы, индо-европейскіе народы — середину, а типичные представители азіатскихъ расъ—мѣста поближе къ нижнему концу таблицы. Не безъинтересно сопоставить съ этимъ явленіемъ тотъ фактъ, что *Hartmann* [66]) для африканскаго оранга даетъ абсолютную величину уха въ 35 mm., а для азіатскаго шимпанзе—въ 60—70 mm., хотя по росту орангъ выше шимпанзе.

Вернемся, однако, къ нашимъ рязанцамъ. Таблица № 11-й показываетъ рядовое расположеніе индивидуальныхъ величинъ праваго ихъ уха.

ТАБЛИЦА № 11-й.

Индивидуальныя величины праваго уха рязанцевъ, расположенныя въ восходящихъ рядахъ по 1 mm.

Величина уха въ mm.	Число наблюденій, падающихъ на соотвѣтственный рядъ.
Въ 48 mm.	1
. . . .	—
54 „	5
55 „	5
56 „	19
57 „	19
58 „	17
59 „	30
60 „	44
61 „	40
62 „	25
63 „	25
64 „	28
65 „	19
66 „	20
67 „	9

Величина уха въ mm.	Число наблюденій, падающихъ на соотвѣтственный рядъ.
Въ 68 mm.	8
69 „	3
70 „	1
71 „	5
. . . .	—
77 „	1

Рядовое расположеніе величинъ представляетъ нѣкоторыя неправильности въ послѣдовательномъ порядкѣ чиселъ наблюденій, падающихъ на соотвѣтствующіе ряды; эти неправильности значительно сглаживаются, однако, при соединеніяхъ въ ряды по 2 mm., а тѣмъ болѣе при рядахъ въ 3 mm. На основаніи приведенной таблицы рядового расположенія величинъ длины уха можетъ быть вычислено для рязанцевъ и среднее топологическое длины уха (см. проф. *Берви* [130]). Такъ какъ точность моихъ измѣреній такова, что можно поручиться, что ошибки въ индивидуальныхъ наблюденіяхъ никоимъ образомъ не превосходятъ 2-хъ mm., то откидывая въ таблицѣ № 11-й минимальную и максимальныя величины (по одному наблюденію), какъ цифры случайныя, и сдѣлавъ, соединеніе въ ряды по 2 mm., на основаніи общихъ правилъ, указанныхъ въ только что цитированной работѣ проф. Берви, мы найдемъ величину средняго топологическаго для длины уха рязанцевъ въ 60,73 mm., т.-е. нѣсколько меньше, чѣмъ среднее арифметическое. Среднее арифметическое (61,4 mm.) нѣсколько превосходитъ величину въ 61 mm., среднее топологическое не много меньше ея, такъ что можно сказать съ очень большимъ приближеніемъ къ истинѣ, что характерною величиною для уха рязанцевъ можно считать величину въ 61 mm., при границахъ индивидуальныхъ колебаній между 54 и 71 mm.

Желая опредѣлить зависимость длины уха отъ роста, я раздѣлилъ всѣ наблюденія на 4 группы роста и подсчиталъ среднюю длину праваго уха для каждой группы роста отдѣльно. Получились слѣдующія цифры:

	Средняя длина уха.
Низкій ростъ (66 наб.)	$\frac{3954}{66} = 59{,}9$ mm.
Ростъ ниже средняго (92 наб.) . .	$\frac{5630}{92} = 61{,}3$ „
Ростъ выше средняго 104 наб. . .	$\frac{6418}{104} = 61{,}7$ „
Высокій ростъ (62 наб.)	$\frac{3902}{62} = 62{,}9$ „

Существованіе увеличенія средней длины уха съ увеличеніемъ роста изъ этой таблицы очевидно. Особенно рѣзко выражается оно въ томъ случаѣ, если мы станемъ сличать только двѣ группы — низкаго (до 165,0 cnt включ.) и высокаго (165,1 cnt и выше) роста; средняя длина уха для первой группы составитъ тогда 60,6 mm.; для второй 62,1 mm., разница въ 1,5 mm. Принимая же во вниманіе, что ростъ группы низкаго роста дастъ среднее для всѣхъ 66 наблюденій въ 1563,2 mm, найдемъ, что ухо низкорослыхъ составляетъ въ среднемъ 3,83% роста $\left(\frac{59{,}9 \times 100}{1563{,}2}\right)$ ухо субъектовъ съ ростомъ ниже средняго составляетъ $\frac{61{,}3 \times 100}{1630{,}1} = 3{,}76\%$ роста. (1630,1 mm. — величина средняго роста для этой группы); подобнымъ же образомъ для группы роста выше средняго (средній ростъ ея $=1675{,}4$ mm.) длина уха вычисляется въ $\frac{61{,}7 \times 100}{1675{,}4} = 3{,}68\%$ роста, и наконецъ для группы высокаго роста (ея средній ростъ 1734,4 mm.) длина уха вычисляется въ $\frac{62{,}9 \times 100}{1734{,}4} = 3{,}62\%$ роста. Слѣдовательно и для уха, какъ и для всѣхъ главнѣйшихъ размѣровъ головы и лица (см. мою работу: О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ [131]), существуетъ, повидимому, законъ возрастанія съ увеличеніемъ роста абсолютныхъ и уменьшенія относительныхъ къ росту величинъ.

Въ виду того, что еще *Dürer*, а потомъ *Carus* утверждали, что ухо равно величинѣ носа, интересно было прослѣдить, насколько вѣрно это положеніе по отношеніи къ моимъ рязанцамъ, а также и опредѣлить степень и значеніе индивидуальныхъ отклоненій отъ этого общаго закона. Носъ при моихъ изслѣдованіяхъ измѣрялся такимъ образомъ: скользящій циркуль устанавливался одной ножкой на границѣ волосистой части головы, а другая ножка послѣдовательно ставилась на спинкѣ носа въ самой глубокой ея точкѣ, что соотвѣтствуетъ приблизительно носо-лобному шву, потомъ на подносовую и наконецъ на подбородочную точки. Полученныя цифры давали прямыя величины лба и всего лица и позволяли опредѣлить чрезъ вычитаніе длину лица безъ лба, а также и длину носа отъ носо-лобнаго шва до подносовой точки.

Длина носа у моихъ рязанцевъ составляетъ въ среднемъ $\frac{15761}{324} = 48.6$ mm., т.-е. на 12.9 mm. меньше длины уха. Но Quetelet принималъ, повидимому, за длину носа величину отъ подносовой точки до glabella, тогда какъ у меня верхней точкой этого размѣра являлась не glabella, но точка, лежащая значительно ниже. Нѣсколько десятковъ сдѣланныхъ мною спеціальныхъ измѣреній показали, что разстояніе между glabella и наиболѣе углубленной частью спинки носа составляетъ въ среднемъ 13,5 mm.

Прибавляя эту величину къ найденной мною величинѣ носа, получимъ цифру 62,1 mm., дѣйствительно близкую къ средней величинѣ уха рязанцевъ.

Но въ отдѣльныхъ индивидуальныхъ случаяхъ равенство между длиною носа и длиною уха нарушается очень часто. Болѣе точно степень параллелизма между длиною уха и длиною носа можетъ быть выяснена изъ подсчета среднихъ величинъ уха для группъ субъектовъ обладающихъ различными величинами носа. Разсмотримъ для этого индивидуальныя величины носа въ рядахъ по 1 mm. (см. таблицу № 12-й).

ТАБЛИЦА № 12-й *).

Рядовое расположеніе индивидуальныхъ величинъ носа въ рядахъ по одному миллиметру.

Въ 38 mm.	1 случ.	49 mm.	30 случ.
39 „	3 „	50 „	37 „
40 „	2 „	51 „	26 „
41 „	8 „	52 „	18 „
42 „	15 „	53 „	15 „
43 „	11 „	54 „	20 „
44 „	14 „	55 „	10 „
45 „	21 „	56 „	4 „
46 „	18 „	57 „	2 „
47 „	33 „	58 „	2 „
48 „	34 „	61 „	1 „

Располагая теперь эти величины въ ряды по 5 mm., подсчитаемъ для каждаго ряда отдѣльно среднюю величину праваго уха.

Полученныя величины могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ:

Величинѣ носа		соотвѣтств. средн. длина уха	
отъ 38 до 42 m.m.	(29 нб.)	61,2. mm	$\left(\frac{1774}{29}\right)$
„ 43 — 47 „	(97 нб.)	60,9 „	$\left(\frac{5913}{97}\right)$
„ 48 — 52 „	(144 нб.)	61,5 „	$\left(\frac{8858}{144}\right)$
„ 53 — 61 „	(54 нб.)	62,2 „	$\left(\frac{3359}{54}\right)$

Съ увеличеніемъ носа увеличивается, слѣдовательно, и средній размѣръ уха, однако, не совсѣмъ правильно: рядъ отъ 48 до 52 mm., имѣетъ величину уха меньшую, чѣмъ предыдущій рядъ.

Теоретически можно ожидать, что длина наружнаго уха находится также въ извѣстномъ соотношеніи и съ длиною лица. Оставляя въ сторонѣ лобъ, какъ часть не имѣющую никакого соотношенія съ ухомъ, прослѣдимъ сначала величины лицевой линіи безъ лба, расположивъ ихъ въ ряды по 1 mm. (см. табл. № 13-й).

ТАБЛИЦА № 13-й.

Индивидуальныя величины длины лица безъ лба у рязанцевъ.

Въ 97 mm.	длина	лица	наблюд.	2	раза
98 „	„	„	„	3	„
99 „	„	„	„	5	„
100 „	„	„	„	4	„
101 „	„	„	„	6	„
102 „	„	„	„	3	„
103 „	„	„	„	8	„
104 „	„	„	„	6	„
105 „	„	„	„	6	„
106 „	„	„	„	17	„
107 „	„	„	„	11	„
108 „	„	„	„	9	„
109 „	„	„	„	19	„
110 „	„	„	„	21	„
111 „	„	„	„	15	„
112 „	„	„	„	26	„
113 „	„	„	„	23	„
114 „	„	„	„	20	„
115 „	„	„	„	17	„
116 „	„	„	„	22	„
117 „	„	„	„	13	„
118 „	„	„	„	15	„
119 „	„	„	„	9	„
120 „	„	„	„	9	„
121 „	„	„	„	10	„
122 „	„	„	„	4	„
123 „	„	„	„	1	„
124 „	„	„	„	4	„
125 „	„	„	„	5	„
126 „	„	„	„	3	„
127 „	„	„	„	2	„
128 „	„	„	„	1	„
129 „	„	„	„	3	„
130 „	„	„	„	1	„
. . .	. . .	. . .	. . .	. . .	. . .
132 „	„	„	„	1	„

Среднее ариѳметическое длины лица безъ лба $\frac{36461}{324}$ = 112,5 mm.

Располагая величины длины лица по 5 m.m. въ рядъ, подсчитаемъ для каждаго ряда среднюю величину уха (см. табл. № 14-й).

*) Эти данныя были собраны мною при изслѣдованіи тѣхъ 325 рязанцевъ, измѣренія которыхъ легли въ основаніе моей работы „Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губерніи“; но въ упомянутой работѣ данныя относительно длины носа, равно какъ и длины лица, не были разработаны, что вынудило меня привести ихъ in extenso теперь (въ таблицахъ № 12 и 13-й).

ТАБЛИЦА № 14-й.

Соотношение между длиной лица и длиною уха (у рязанцевъ).

Длина лица по 5 mm. въ рядъ	Среднія величины длины праваго уха для соотвѣтствующихъ рядовъ.
Отъ 97 до 101 mm.	$\frac{1187}{20}$=59.3 mm.
102 „ 106 „	$\frac{2418}{40}$=60,4 „
107 „ 111 „	$\frac{4553}{74}$=61,5 „
112 „ 116 „	$\frac{6586}{108}$=61,0 „
117 „ 121 „	$\frac{3510}{56}$=62,7 „
122 „ 126 „	$\frac{1075}{17}$=63,2 „
127 „ 132 „	$\frac{513}{8}$=64,1 „

Зависимость величины уха отъ величины лица выражена совершенно ясно и разница между отдѣльными цифрами рядовъ больше (и правильнѣе), чѣмъ это мы видѣли при сопоставленіи величинъ уха съ рядами величинъ для носа.

Можно, слѣдовательно, говорить утвердительно, что длина уха возрастаетъ съ увеличеніемъ роста, длины носа и длины лицевой линіи.

Но въ вышецитированной моей предыдущей работѣ [131]) мнѣ удалось показать, что длина лица находится въ совершенно опредѣленной зависимости отъ роста, т.-е. увеличивается съ увеличеніемъ роста въ своихъ абсолютныхъ и уменьшается въ относительныхъ къ росту размѣрахъ. Слѣдующая же таблица (№ 15-й) доказываетъ, что это же правило должно быть распространено и на величины носа.

ТАБЛИЦА № 15-й.

	Длина носа абс.	Длина носа отн. роста.
Для малаго роста	$\frac{3137}{66}$ = 47,4 mm.	3,04%
Для роста ниже средняго	$\frac{4399}{92}$ = 47,8 „	2,93%
„ „ выше средняго	$\frac{5140}{104}$ = 49,4 „	2,94%
Для высокаго роста	$\frac{3082}{62}$ = 49,7 „	2,87%

Такъ какъ величины уха, лицевой линіи и длины носа находятся въ прямой зависимости отъ величины роста, неизбѣжно возникаетъ вопросъ о томъ, съ чѣмъ же изслѣдуемая нами длина уха связана тѣснѣе—съ ростомъ, длиною лицевой линіи или съ длиною носа.

Для рѣшенія этого вопроса необходимо было прослѣдить степень зависимости величины уха отъ трехъ упомянутыхъ факторовъ на индивидуальныхъ случаяхъ. Съ этой цѣлью я раздѣлилъ индивидуальныя величины какъ длины уха, такъ и длины носа и лицевой линіи подобно росту на 4 группы, т.-е. на величины малыя, ниже средней, выше средней и большія. Для установки границъ этихъ группъ для каждаго изъ разбираемыхъ размѣровъ я воспользовался таблицами рядовъ по 1 mm. и предѣломъ для малыхъ величинъ считалъ тотъ рядъ, который со всѣми предыдущими давалъ бы число наблюденій наиболѣе подходящее къ 66, т.-е. къ числу случаевъ падающихъ на группу малаго роста; подобнымъ же образомъ предѣломъ для группы величинъ ниже средней служилъ тотъ рядъ, который далъ со всѣми величинами слѣдующими за группой малаго размѣра число наблюденій наиболѣе близкое къ 92, т.-е. къ числу наблюденій падающихъ на группу ниже средняго роста и т. д. Такимъ образомъ опредѣлились слѣдующіе предѣлы:

малой можетъ быть названа длина уха отъ minim'альной и до 58 mm. (66 наб.)
ниже средней . . отъ 59 mm. и до 61 „ (114 „)
выше средней . . „ 62 „ и до 64 „ (78 „)
большой. . . . . „ 65 „ и выше „ (66 „)

Для лицевой линіи:
малая величина . . . . до 107 mm. (71 наб.)
ниже средней отъ 108 mm. и до 112 „ (90 „)
выше средней „ 113 „ и до 117 „ (95 „)
большая величина 118 „ и выше „ (68 „)

Для носа:
малая величина . . . . до 45 mm. (75 наб.)
ниже средней. . . отъ 46 mm. до 48 „ (85 „)
выше средней. . . „ 49 „ до 52 „ (111 „)
большая величина „ 53 „ и выше „ (54 „)

Разбивъ всѣ индивидуальныя величины ушей на 4 группы, посмотримъ теперь, въ сколькихъ случаяхъ оказывается соотвѣтствіе ихъ съ ростомъ, величиною носа и длиною лица, т.-е. въ сколькихъ случаяхъ малое ухо окажется при маломъ же ростѣ, лицѣ, носѣ, большое—при большихъ ростѣ, лицѣ и носѣ.

ТАБЛИЦА № 16-й.

УХО.	Ростъ.				Лицев. лин.				Длина носа.			
	Малый.	Ниже средн.	Выше средняго.	Большой.	Малая.	Меньше средн.	Больше средн.	Большая.	Малая.	Меньше средн.	Больше средн.	Большая.
Малое (66 наб.). . . .	23	18	21	4	21	11	25	9	18	16	24	8
Меньше сред. (114) . .	25	37	33	19	26	36	36	16	29	30	34	21
Больше сред. (78) . .	14	15	27	22	18	23	17	20	15	28	24	11
Большое (66 наб.). . .	4	22	23	17	7	19	17	23	13	10	29	14

Изъ таблицы № 16-й можно видѣть, что совпаденія, т.-е. случаи гдѣ малому уху соотвѣтствуютъ малыя же величины лица и носа, большимъ величинамъ уха большія же величины лица и носа и т. д. распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

A) Полное совпаденіе.

	Роста.	Длины лица.	Длины носа.
1. Малое ухо и малые же размѣры	23	21	18
2. Меньше средняго ухо и тѣ же размѣры	37	36	30
3. Больше средняго ухо и такіе же размѣры	27	17	24
4. Большія уши и большіе же размѣры	17	23	14
Всего	104	97	86

B) Расхожденіе на одну группу (неполное совпаденіе).

	Роста.	Длины лица.	Длины носа.
1. Малое ухо и ниже средняго размѣры	18	11	16
2. Меньше средняго ухо и малые размѣры	25	26	29
и больше средняго размѣры	33	36	34
3. Больше средняго ухо и меньше средн. размѣры	15	23	28
и большіе размѣры	22	20	11
4. Большое ухо и больше средн. размѣры	23	17	29
Всего	136	133	147

C) Расхожденіе на 2 группы (не совпаденіе).

	Роста.	Длины лица.	Длины носа.
1. Малое ухо и больше средн. размѣры	21	25	24
2. Меньше средняго ухо и большіе размѣры	19	16	21
3. Больше средняго ухо и малые размѣры	14	18	15
4. Большое ухо и меньше среднихъ размѣры	22	19	10
Всего	76	78	70

D) Полное не совпаденіе.

	Роста.	Длины лица.	Длины носа.
1. Малое ухо и большіе размѣры	4	9	8
2. Большое ухо и малые размѣры	4	7	13
Всего	8	16	21

Разсматривая случаи полнаго совпаденія, можно видѣть, что наибольшимъ оказывается число совпаденій величинъ уха съ ростомъ (104 случая), меньше съ лицевой линіей (97) и всего меньше съ величиной носа (86 случаевъ). Полныя же не совпаденія размѣровъ уха съ ростомъ представлены, наоборотъ, наименьшимъ числомъ случаевъ (8); больше не совпаденій длины уха съ длиною лица (16) и всего больше съ длиною носа (21). Очевидно, слѣдовательно, что наиболѣе тѣсна связь длины уха съ ростомъ, слабѣе съ длиной лица и еще слабѣе съ носомъ. Ростъ, такимъ образомъ, является (въ предѣлахъ одной и той же, конечно, расы) главнѣйшимъ факторомъ, модифицирующимъ длину уха, вліяніе же величины лица и носа значительно слабѣе и, вѣроятно, происходитъ вторичнымъ путемъ, т.-е. чрезъ зависимость этихъ величинъ, въ свою очередь, отъ того же роста. Прибавляя къ 104 случаямъ полнаго соотвѣтствія величинъ уха съ ростомъ еще 136 случаевъ не полнаго совпаденія (расхожденія на одну группу), получаемъ 240 случаевъ или 74,08% всѣхъ случаевъ совпаденія, противъ 25,92% не совпаденій. Очевидно, слѣдовательно, что зависимость длины уха отъ величины роста въ общемъ довольно значительна. Очень можетъ быть, что и 25% случаевъ не совпаденія могутъ быть объяснены расовой не однородностью современнаго великорусскаго типа. Въ виду того, что *Binder* отмѣчаетъ, не въ утвердительной, впрочемъ, формѣ, частое совпаденіе длинныхъ ушей съ брахицефаліей, я сгруппировалъ всѣ мои наблюденія по формамъ черепа и отмѣтилъ среднія величины уха для каждой изъ формъ отдѣльно. Полученные результаты (см. табл. № 17-й) не подтверждаютъ, повидимому, справедливости мнѣнія Binder'a: среднія величины для всѣхъ трехъ формъ головы почти одинаковы, у мезоцефаловъ ухо кажется на ничтожную величину бо́льшимъ.

ТАБЛИЦА № 17-й.

	Средняя величина уха.
Для долихоцефаловъ	$\frac{1910}{31} = 61,6$ mm.
„ мезоцефаловъ	$\frac{5142}{83} = 62,1$ „
„ брахицефаловъ	$\frac{12852}{210} = 61,2$ „

При распредѣленіи по типамъ цвѣтности рѣзкихъ различій также не существуетъ. Для свѣтлаго типа средняя длина уха составляетъ $\frac{4398}{72} = 61,1$ mm., а для темнаго типа $\frac{3901}{63} = 61,9$, т.-е. ухо субъектовъ темнаго типа въ общемъ немного длиннѣе уха свѣтлаго типа, но разница зависитъ, вѣроятно, исключительно отъ бо́льшаго роста представителей темнаго типа, такъ

какъ приводя размѣры уха не въ абсолютныхъ цифрахъ, а въ процентахъ роста, мы получимъ:

для свѣтлаго типа $\frac{61.1 \text{ mm.} \times 100}{1647,8} = 3,71\%$ роста, а

для темнаго $\frac{61,9 \text{ mm.} \times 100}{1666,2} = 3,72\%$ роста, т.-е. цифры почти совершенно одинаковыя.

Для изученія возрастныхъ измѣненій въ длинѣ уха я не ограничился одними только взрослыми субъектами, но прибавилъ сюда также данныя относительно длины уха (равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ важнѣйшихъ измѣрительныхъ, а также и описательныхъ признаковъ) у дѣтей въ возрастѣ отъ 3-хъ мѣсяцевъ и до юношескаго возраста. Эти данныя относятся также къ уроженцамъ бывшихъ земель Владиміро-Суздальскаго края изъ крестьянъ, преимущественно Московской и Рязанской губерній. Собирались эти данныя частью на московскихъ фабрикахъ (для подростковъ), частью по яслямъ и пріютамъ г. Москвы, частью же болѣе или менѣе случайно; собранный раньше матеріалъ недавно могъ быть въ значительной мѣрѣ пополненъ въ амбулаторіи земской лѣчебницы села Краскова (Московскаго уѣзда). Я считаю своимъ пріятнымъ долгомъ принести искреннюю мою благодарность завѣдующему упомянутой больницей д-ру *М. С. Леоненко*, равно какъ и его помощнику д-ру *В. Д. Фандѣеву* за любезное разрѣшеніе пользоваться матеріаломъ ихъ амбулаторіи.

На таблицѣ № 18 представлены среднія величины длины уха для каждой изъ возрастныхъ группъ.

ТАБЛИЦА № 18-й.

Измѣненія длины уха по возрастамъ.

Возрастъ.	Число набл.	Предѣлы индивид. величинъ въ mm	Сумма.	Средн. ариѳм. въ mm.
Отъ 3-хъ мц. до 1 года	15	35—49	649	43,2
Свыше 1 года и до 3-хъ лѣтъ	15	46—53	748	49,8
Свыше 3-хъ и до 6 лѣтъ	10	49—59	525	52,5
Отъ 7 и до 10 лѣтъ	10	50—60	534	53,4
„ 11 „ 14 „	15	56—62	883	58,8
„ 15 „ 17 „	15	51—71	904	60,2
„ 18 „ 21 „	51	—	3049	59,8
„ 22 „ 25 „	64	—	3873	60,5
„ 26 „ 30 „	87	—	5314	61,1
„ 31 „ 35 „	47	—	2914	62,0
„ 36 „ 40 „	32	—	2020	63,1
„ 41 „ 45 „	19	—	1213	63,3
„ 46 „ 60 „	24	—	1521	63,4

Таблица указываетъ на ясное увеличеніе длины уха и за періодомъ возмужанія. Начиная отъ 40 лѣтъ возрастаніе величины уха идетъ у рязанцевъ довольно слабо; но у *Schwalbe*, получившаго для верхняго Эльзаса аналогичныя данныя, возрастаніе длины уха къ старости выражено значительно отчетливѣе, чѣмъ у меня. Такъ, по Schwalbe, длина уха

въ 20—29 лѣтъ	. . .	60,3 mm.
„ 30—39 „	. . .	63,7 „
„ 40—49 „	. . .	63,4 „
„ 50—59 „	. . .	65,9 „
„ 60—69 „	. . .	67,4 „
„ 70—79 „	. . .	70,1 „
„ 80 и болѣе (всего 6 ушей или 3 набл.)	.	66,0 „

Аналогичное явленіе отмѣчается и на невышедшихъ еще въ печати данныхъ *Е. М. Луценко* для ушей теленгетовъ и *М. С. Сапожникова*—для бурятъ Верхоленскаго округа. Можно, слѣдовательно, возрастаніе длины уха вплоть до глубокой старости считать за достаточно твердо установленный фактъ. Причину этого явленія надо видѣть не въ дѣйствительномъ возрастаніи уха въ смыслѣ увеличенія массы и вѣса органа, но въ ослабленіи съ возрастомъ тонуса ушного хряща и кожи, слѣдствіемъ чего является уплощеніе ушной раковины, а отсюда и удлиненіе ея длиннаго діаметра; не малую роль играетъ здѣсь, вѣроятно, дряблость и отвисаніе старческой мочки, легко констатируемое на глазъ и подтверждающееся, какъ мы увидимъ ниже, и при изслѣдованіи возрастныхъ измѣненій въ длинѣ мочки. *Frigerio* [14]) утверждаетъ, что послѣ 14-лѣтняго возраста длина уха достигаетъ уже тѣхъ размѣровъ, какіе мы видимъ и у взрослыхъ. Но у Frigerio группу взрослыхъ составляли солдаты, т.-е. субъекты молодые. Моя таблица № 18 показываетъ, дѣйствительно, что группа субъектовъ въ 15—17 лѣтъ имѣетъ почти одинаковую длину съ группами въ 18—21 г. и въ 21—25 лѣтъ, т.-е. что, начиная съ 15 лѣтъ и до 25 лѣтъ, ухо какъ бы не растетъ больше, начиная вновь понемногу увеличиваться позже 25 лѣтъ. Очень возможно, что эти данныя таблицы № 18 не представляютъ изъ себя какое-либо случайное явленіе, но являются выраженіемъ дѣйствительно существующихъ отношеній. Тогда данныя упомянутой таблицы получаютъ слѣдующій смыслъ. Длина уха увеличивается приблизительно до 15 лѣтъ, когда оно достигаетъ своего предѣльнаго роста (понимая подъ ростомъ увеличеніе не только отдѣльныхъ размѣровъ органа, но и общее увеличеніе его массы, его вѣса); отъ 15 до 25 лѣтъ ухо сохраняетъ свое status quo, послѣ же 25 лѣтъ его длина вновь начинаетъ понемногу увеличиваться, но это увеличеніе не сопровождается, вѣроятно, нарастаніемъ массы всего органа, но является лишь выраженіемъ измѣненія конфигураціи органа, вслѣдствіе начала процесса его одрябленія, т.-е. увяданія. Можно думать, слѣдовательно, что увяданіе наружнаго уха начинается въ довольно раннемъ возрастѣ

и въ этомъ явленіи можно видѣть еще одно лишнее подтвержденіе взгляда на наружное ухо человѣка какъ на органъ рудиментарный, весьма маловажный въ экономіи всего организма.

b) *Длина уха у женщинъ.*

Длина уха равно какъ и другіе измѣрительные и описательные признаки женскаго уха были изслѣдованы мною на 100 работницахъ московской шелкопрядильной фабрики г. Жиро, въ амбулаторіи фабричной больницы, за доступъ къ которой я считаю пріятнѣйшимъ своимъ долгомъ принести сердечную мою благодарность врачу фабрики д-ру *Астрахань*.

Среднее ариѳметическое длины праваго уха для ста изслѣдованныхъ мною взрослыхъ дѣвушекъ и женщинъ (отъ 17 лѣтъ и выше) составляетъ 5907 : 100 = 59,07 mm. при предѣлахъ индивидуальныхъ колебаній отъ 50 mm. и до 66 mm., т.-е. женское ухо какъ въ среднемъ, такъ и по обоимъ предѣламъ индивидуальныхъ величинъ меньше мужского (для мужч. ср. ариѳ.=61,4 mm., предѣлы колебаній—54(48)—71(77). Но если мы выразимъ среднюю величину женскаго уха не въ абсолютныхъ величинахъ, а въ процентахъ роста, тогда увидимъ, что по отношенію къ росту, составляющему для 100 изслѣдованныхъ женщинъ въ среднемъ 1530,44 mm., женское ухо не меньше, а *больше* мужского, такъ какъ оно составляетъ 3,86% роста $\left(\frac{59,07 \times 100}{1530,44}\right)$ противъ 3,72% роста у мужчинъ. Въ таблицѣ № 19-й приведены среднія величины женскаго уха для отдѣльныхъ группъ роста, отстоящихъ другъ отъ друга на 50 mm., величины эти выражены какъ въ абсолютныхъ измѣреніяхъ, такъ и въ процентахъ роста.

ТАБЛИЦА № 19-й.

Измѣненіе женскаго уха по группамъ роста.

Ростъ.	Число набл.	Сред. ариѳ. длины уха въ mm.	Тоже въ % роста.
До 1450 mm.	8	59.2	4,15
Отъ 1451 m. и до 1500 mm.	18	57.4	3,86
„ 1501 „ 1550 „	36	59.7	3,91
выше 1550 mm.	38	59.2	3,75

Возрастаніе абсолютныхъ величинъ уха съ увеличеніемъ роста въ этой таблицѣ мало замѣтно, оно становится замѣтнымъ только при дѣленіи на двѣ группы роста—до 1500 m. и выше 1500 m., что зависитъ, вѣроятно, отъ недостаточнаго числа наблюденій падающихъ на каждую группу роста; уменьшеніе же съ увеличеніемъ роста величинъ уха выраженныхъ въ процентахъ роста болѣе замѣтно. Принимая во вниманіе, что длина уха низкорослыхъ (до 1600 m.) мужчинъ составляетъ 3.83%, мы должны признать, что женское ухо, составляющее 3,86% роста, лишь не многимъ отличается по величинѣ отъ уха низкорослыхъ мужчинъ, такъ что отмѣченная выше большая относительная къ росту величина уха женщинъ составляетъ скорѣе выраженіе конструкціоннаго закона зависимости величинъ отдѣльныхъ органовъ отъ роста, чѣмъ диференціальный половой признакъ *).

Въ таблицѣ № 20-й представлены измѣненія длины женскаго уха по возрастамъ, начиная отъ 3-хъ мѣсяцевъ и до 60 лѣтъ.

ТАБЛИЦА № 20-й.

Измѣненія женскаго уха по возрастамъ.

Возрастъ.	Число набл.	Предѣлы индив. колебаній въ mm.	Сумма.	Средняя длины уха въ mm.
Отъ 3-хъ мц. до 1 года . .	15	36—49	635	42,3
Свыше 1 года и до 3-хъ лѣтъ.	15	43—51	689	46,0
Свыше 3-хъ л. и до 6 лѣтъ .	10	43—52	481	48,1
Отъ 7 и до 10 лѣтъ . .	10	45—53	505	50,5
„ 11 „ 14 „ . .	15	47—59	833	55,5
„ 15 „ 16 „ . .	15	47—63	847	56,4
„ 17 „ 21 „ .	29	—	1679	57,9
„ 22 „ 25 „ . .	22	—	1303	59,2
„ 26 „ 30 „ . .	16	—	942	58,8
„ 31 „ 35 „ . .	9	—	523	57,9
„ 36 „ 40 „ . .	14	—	835	59,6
выше 40 лѣтъ	10	—	625	62,5

Возрастаніе длины уха идетъ непрерывно до 25 лѣтъ; съ дальнѣйшимъ увеличеніемъ возраста замѣчаются нѣкоторыя колебанія, но группы позднѣйшихъ возрастовъ (отъ 36 лѣтъ) представляютъ, очевидно, увеличеніе длины уха, т.-е. приблизительно тѣ же отношенія, что отмѣчены и для мужчинъ, только періодъ стаціонарнаго состоянія уха между 15 и 25 годами у женщины не замѣтенъ; быть-можетъ здѣсь играетъ роль только недостатокъ числа наблюденій. Возможно, впрочемъ, и другое объясненіе: по свидѣтельству *Schwalbe*, женское ухо въ общемъ болѣе редуцировано, чѣмъ мужское; очень можетъ быть, слѣдовательно, что послѣ періода возрастанія сейчасъ же слѣдуетъ и періодъ его увяданія, безъ выраженнаго состоянія расцвѣта. Впрочемъ, вѣдь и для мужчинъ такой періодъ не особенно еще доказателенъ; только дальнѣйшія изысканія, основанныя на большемъ числѣ наблюденій, могутъ выяснить этотъ вопросъ,—вопросъ настолько, однако, интересный, что его можно было бы рекомендовать вниманію грядущихъ изслѣдователей.

*) Здѣсь остается, конечно, открытымъ вопросъ о томъ, не сводится ли ничтожное преваллированіе женскаго уха надъ мужскимъ на 0,03% (или приблиз. около полумиллиметра) къ вліянію сережекъ, нѣсколько растягивающихъ мочку женскаго уха.

IV.

Ширина уха.

а) у мужчинъ.

Средняя величина ширины праваго уха для 324 взрослыхъ рязанцевъ составляетъ 32,8 m.m. (21241 : 648) или 1,98% роста, при minim. въ 24 m.m. (subminim.—27) и maxim. въ 42 m.m. (submax.—40). Канонъ *Elsholz'a* опредѣляетъ ширину уха въ $^{2}/_{72}$ роста (или 2,77% роста); слѣдовательно, по этому канону ширина уха рязанца должна была составлять 45,7 m.m., т.-е. и по отношенію къ ширинѣ уха какъ и по отношенію къ длинѣ, канонъ Elsholz'a для великоруссовъ слишкомъ великъ. Опредѣленіе же ширины уха, по *Carus'y* ($4^{1}/_{2}$ Modul-minuten=33,75 m.m.), подходитъ къ ширинѣ уха рязанцевъ довольно близко.

Данныя о расовыхъ варіаціяхъ въ ширинѣ уха очень скудны; да и тѣ данныя, какія имѣются налицо, обладаютъ нѣсколько сомнительной цѣнностью, такъ какъ только немногіе авторы отмѣчаютъ способъ, какимъ они брали этотъ размѣръ; не всегда имѣются и данныя для приведенія этихъ величинъ къ росту. Между тѣмъ величины различій въ ширинѣ уха для нѣкоторыхъ близкихъ между собой человѣческихъ группъ у различныхъ авторовъ настолько значительны, что невольно наводятъ на мысль, что здѣсь дѣло идетъ не о дѣйствительныхъ особенностяхъ данныхъ группъ, а только о различіи въ способахъ измѣренія. Такъ, напримѣръ: въ то время какъ *Schwalbe* (точно указавшій свой способъ измѣренія) получилъ для верхняго Эльзаса ширину уха 39,7 m.m., *Karutz* даетъ для гамбургскихъ солдатъ цифру въ 35,5 m.m. (2,06% роста). Разница въ 4,2 m.m. для такого небольшого размѣра, какъ ширина уха—весьма значительная. Здѣсь, впрочемъ, играетъ не малую роль и то обстоятельство, что Karutz изслѣдовалъ молодыхъ людей (солдатъ), а Schwalbe—людей всякихъ возрастовъ, при чемъ число стариковъ (и даже глубокихъ) у него довольно значительно. Между тѣмъ Schwalbe показалъ, что ширина уха съ возрастомъ замѣтно возрастаетъ, что, какъ мы увидимъ ниже, подтверждается и моими данными. Помимо избытка стариковъ высокая цифра Schwalbe объясняется, быть-можетъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ велъ измѣренія на трупахъ, гдѣ дряблость покрововъ и хрящей, а слѣдовательно и уплощеніе всей ушной раковины, были, быть-можетъ, значительно больше, чѣмъ при жизни; тотъ же моментъ сказался, вѣроятно и на измѣреніяхъ Schwalbe длины уха, которая также очень велика. Цифра Schwalbe для ширины уха такъ велика, что превосходитъ цифры другихъ авторовъ. Для европейцевъ, помимо цифры Schwalbe, я могъ отыскать даты для гамбургскихъ солдатъ Karutz'a, затѣмъ для жителей Лотарингіи (Nancy) *Wilhelm'a* (34,5). Кромѣ того, у *Frigerio* (для итальянцевъ), хотя и не приведено среднихъ величинъ, но дано указаніе, что ширина уха отъ 25 до 30 m.m. встрѣчается у изслѣдованныхъ имъ итальянцевъ въ 78% всѣхъ случаевъ и только въ 22% случаевъ она превосходитъ эту величину. Изъ приводимой ниже таблицы распредѣленія индивидуальныхъ величинъ ширины уха у рязанцевъ можно видѣть, что у нихъ всѣхъ случаевъ, гдѣ ширина превосходитъ 30 m.m., насчитывается 271, т.-е. 83,6% всѣхъ случаевъ. Очевидно, слѣдовательно, что ухо итальянцевъ значительно уже чѣмъ ухо рязанцевъ, но каково тутъ значеніе роста (малаго у итальянцевъ) и способа измѣренія, данныя Frigerio опредѣлить не позволяютъ. Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ цифру Schwalbe, какъ одиночную, мы видимъ, что изъ европейцевъ наиболѣе узкими (абсолютно) ушами отличаются итальянцы, за ними великоруссы (32,8), потомъ жители Лотарингіи (34,5), наиболѣе же широкими ушами обладаютъ все-таки нѣмцы, такъ какъ для Гамбурга Karutz даетъ цифру въ 35,5 m.m. Уши урало-алтайскихъ народностей (финскихъ племенъ), насколько это можно судить по даннымъ *Weissenberg'a*, а для 19 солдатъ изъ башкиръ (35 m.m.) и 11 солдатъ же мещеряковъ (36 m.m), стоя рядомъ съ ушами нѣмцевъ — въ общемъ все-таки пошире ушей большинства европейцевъ; наиболѣе же широки, повидимому, уши монголовъ, такъ какъ *д-ръ Поротовъ* получилъ ширину уха для бурятъ-аларцевъ въ 37,6 m.m., а я—для приволжскихъ калмыковъ—въ 38,6 m.m. Въ таблицѣ № 21-й народности, для которыхъ удалось собрать соотвѣтствующія данныя, расположены въ рядъ по восходящимъ величинамъ ширины ушей.

ТАБЛИЦА № 21-й.

Ширина ушей у различныхъ народовъ:

итальянцы (Frigerio)			
великоруссы—рязанцы (Воробьевъ)	32,8	m.m.	(1,98% роста).
жители Лотарингіи (Nancy) (Wilhelm)	34,5	„	
гамбуржцы (Karutz)	35,5	„	(2,06%).
башкиры (Weissenberg) . .	35,0	„	
мещеряки (Weissenberg) . .	36,0	„	
буряты-аларцы (Поротовъ) .	37,6	„	(2,30%).
калмыки (Воробьевъ) . . .	38,6	„	(2,35%).
эльзасцы (Schwalbe)	39,7	„	

Кромѣ того, нѣкоторыя данныя о ширинѣ уха приводятся у Топинара, но они основаны на недостаточномъ числѣ наблюденій.

		mm.
Для 8 негритянокъ	Топинаръ даетъ ширину уха въ	33,2
„ 13 негровъ	„ „ „ „	34,0
„ 8 европейцевъ (французовъ?)	„ „ „	34,1
„ 3 полинезійцевъ	„ „ „ „	39,0
„ 8 меланезійцевъ	„ „ „ „	44,6

Располагая индивидуальныя величины для ширины уха у взрослыхъ рязанцевъ въ ряды по 1 m.m. мы получимъ слѣдующую (№ 22) таблицу:

ТАБЛИЦА № 22-й.

Индивидуальныя величины для ширины уха рязанцевъ въ рядахъ по 1 m.m.

Въ 24 m.m.	1 наблюд.	33	46 m.m.
„ 27 „	3 „	34	68 „
„ 28 „	10 „	35	32 „
„ 29 „	12 „	36	23 „
„ 30 „	27 „	37	7 „
„ 31 „	35 „	38	3 „
„ 32 „	55 „	40	1 „
		42	1 „

Ряды съ довольно въ общемъ правильнымъ убываніемъ величинъ по обѣ стороны maximum'а, который представляется, однако, двойнымъ: 32 m.m. и 34 m.m. Среднее ариѳметическое (32,8) лежитъ между обѣими этими вершинами, ближе къ первой. Можно, слѣдовательно, заключить, что истинное среднее лежитъ во всякомъ случаѣ между 32 и 34 m.m.; равнымъ образомъ и среднее топологическое ложится въ промежуткахъ между 32 и 33 m.m., такъ что, принявъ за характерную для уха рязанцевъ ширину въ 33 m.m., мы будемъ очень близки къ истинѣ.

Въ таблицѣ № 23-й приводится распредѣленіе ширины ушей рязанцевъ по группамъ роста.

ТАБЛИЦА № 23-й.

Распредѣленіе ширины праваго уха рязанцевъ по группамъ роста.

Для низкорослыхъ средняя ширина уха составляетъ . . . . 32,4 m.m. $\left(\frac{2142}{66}\right)$

При ростѣ ниже средняго . . . . . 32,3 „ $\left(\frac{2972}{92}\right)$

„ „ выше средняго . . . . . 33,1 „ $\left(\frac{3445}{104}\right)$

При высокомъ ростѣ . . . . 33,2 „ $\left(\frac{2062}{62}\right)$

т.-е. отмѣчается лишь незначительное увеличеніе ширины уха съ увеличеніемъ роста. Отсюда заранѣе можно ожидать, что при выраженіи тѣхъ же величинъ въ процентахъ роста мы получимъ обратно—уменьшеніе величинъ съ увеличеніемъ роста; сдѣланное вычисленіе оправдываетъ ожиданіе:

для группы низкаго роста мы имѣемъ . . . . $\frac{32,4}{1565,1}\times100=2,06\%$

для роста ниже средняго . . . $\frac{32,3}{1631,2}\times100=1,98\%$

„ „ выше средняго . . . $\frac{33,1}{1675,1}\times100=1,97\%$

и для высокаго роста . . . . . $\frac{33,2}{1735,1}\times100=1,91\%$

Въ таблицѣ № 24-й представлены измѣненія ширины уха по возрастамъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ и до старости.

ТАБЛИЦА № 24-й.

Возрастныя измѣненія въ ширинѣ уха у рязанцевъ.

Возрастъ.	Число наблюд.	Сумма	Сред. ариѳ. въ mm.
Отъ 3-хъ мѣс. до 1 года	15	418	27,8
Свыше 1 года и до 3 л.	15	468	31,2
Свыше 3 л. и до 6 лѣтъ	10	318	31,8
Отъ 7 и до 10 лѣтъ	10	320	32,0
„ 11 „ 14 „	15	499	33,2
„ 15 „ 17 „	15	482	32,1
„ 18 „ 21 „	51	1631	32,0
„ 22 „ 25 „	64	2075	32,4
„ 26 „ 30 „	87	2859	32,8
„ 31 „ 35 „	47	1564	33,2
„ 36 „ 40 „	32	1054	32,9
„ 41 „ 45 „	19	634	33,4
выше 45 „	24	803	33,4

Изъ таблицы видно, что съ возрастомъ ширина уха увеличивается, при чемъ увеличеніе переходитъ за предѣлъ возрастанія организма, оно замѣтно и въ періодѣ обратнаго развитія. Послѣ 21 года ширина уха варіируетъ очень мало и колеблется въ общемъ около 32 m.m, поднимаясь до 33 m.m. въ періодъ послѣ 30 лѣтъ (аналогичное явленіе замѣчено и по отношенію къ длинѣ уха); въ періодъ послѣ 40 лѣтъ ширина уха достигаетъ своего maximum'а въ 33,4 m.m. Сравнивая съ аналогичнымъ явленіемъ, отмѣченнымъ для длины уха, можно видѣть, что весь процессъ увеличенія ширины уха съ возрастомъ идетъ гораздо менѣе энергично, чѣмъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ длинѣ уха и разница между шириной уха юношей и пожилыхъ людей значительно меньше, чѣмъ разница между длиною ихъ ушей. Возрастаніе ширины дѣтскаго уха идетъ своеобразнымъ темпомъ: отъ періода до 1 года она

быстро возрастаетъ, такъ что въ періоды отъ 1 до 3-хъ лѣтъ ширина уха близка уже къ ширинѣ уха взрослыхъ. Въ 11—14 лѣтъ мы видимъ ширину уха въ 33,2 m.m., т.-е. нѣсколько даже бо́льшую, чѣмъ общее среднее для ширины уха всѣхъ взрослыхъ рязанцевъ (32,8 m m.). Въ общемъ, слѣдовательно, и ширина уха, какъ и его длина достигаетъ предѣльнаго роста около 14 лѣтъ и послѣ періода statu quo даетъ въ болѣе позднемъ возрастѣ дальнѣйшее увеличеніе, зависящее, вѣроятно, отъ разслабленія, развертыванія хрящевой воронки уха, а не отъ фактическаго наростанія массы органа.

Увеличеніе ширины уха съ возрастомъ перешедшимъ уже за предѣлы сформированія организма еще раньше было уже отмѣчено Schwalbe, таблица котораго отличается нѣсколько большею чѣмъ у меня неправильностью хода цифръ, зависящей, конечно, отъ меньшаго числа наблюденій, но характеръ ея одинъ и тотъ же: Такъ по даннымъ Schwalbe у эльзасцевъ получились слѣдующія отношенія:

въ	20—29	лѣтъ средняя	ширина	уха	38,3	m.m.
„	30—39	„ „	„	„	38,1	„
„	40—49	„ „	„	„	39,4	„
„	50 - 59	„ „	„	„	40,7	„
„	60—69	„ „	„	„	39,5	„
„	70—79	„ „	„	„	41,4	„
	80 и болѣе		„	„	39,1	„

Изученіе колебаній въ ширинѣ уха у субъектовъ съ различною формою головы (см. табл. № 25-й) показываетъ, что у мезо- и брахицефаловъ эти величины одинаковы, у долихоцефаловъ же ухо какъ будто нѣсколько поуже, но разница въ общемъ не велика.

ТАБЛИЦА № 25-й.

Соотношеніе между шириной уха (праваго) и формой головы.

У долихоцефаловъ средн. ширина уха	$\frac{1001}{31}$=32,3 m.m.
„ мезоцефаловъ „ „ „	$\frac{2738}{83}$=33,0 „
„ брахицефаловъ „ „ „	$\frac{6882}{210}$=32,8 „

По типамъ цвѣтности изслѣдованныхъ субъектовъ существуетъ для ширины уха лишь ничтожная разница, сводящаяся, вѣроятно, къ различіямъ въ ростѣ (брюнетическій типъ высокорослѣе свѣтлаго). Такъ свѣтлый типъ далъ $\frac{2349}{72}$ = 32,6 m.m., а темный типъ $\frac{2082}{63}$ = = 33,0 m.m.

Можно, наконецъ, отмѣтить нѣкоторую зависимость ширины уха отъ ширины лица (см. таблицу № 26-й), но возрастаніе ширины уха съ увеличеніемъ ширины лица идетъ довольно слабо, ясно оно выражено только для субъектовъ очень широкоскулыхъ.

ТАБЛИЦА № 26-й.

Соотношеніе между шириной уха и шириной лица (наибольшей между скулъ).

Наибольшая ширина лица въ рядахъ по 5 mm.	Число наблюд.	Средняя ширина уха въ mm.
Отъ 121 до 128	3	$\frac{92}{3}$ = 30,6
„ 130 — 134	36	$\frac{1171}{36}$ = 32,5
„ 135 — 139	87	$\frac{2826}{87}$ = 32,5
„ 140 — 144	131	$\frac{4287}{131}$ = 32,7
„ 145 — 149	56	$\frac{1876}{56}$ = 33,5
„ 150 — 154	11	$\frac{369}{11}$ = 33,5

Отъ длины же лица ширина уха почти не зависитъ (см. табл. № 27-й).

ТАБЛИЦА № 27-й.

Соотношеніе между шириною уха и длиною лица

Длина лица въ рядахъ по 5 mm.	Число наблюд.	Ширина уха въ средн. для ряда.
Отъ 97 до 101 m.m.	20	$\frac{636}{20}$ =31,8 m.m.
„ 102 — 106 „	40	$\frac{1307}{40}$ = 32,7 „
„ 107 — 111 „	74	$\frac{2412}{74}$ = 32,6 „
„ 112 — 116 „	108	$\frac{3531}{108}$ = 32,7 „
„ 117 — 121 „	56	$\frac{1867}{56}$ = 33,3 „
„ 122 — 126 „	17	$\frac{577}{17}$ = 33,9 „
„ 127 — 132 „	8	$\frac{257}{8}$ = 32,1 „

Правда, цифра перваго ряда меньше другихъ, а предпослѣдняя больше всѣхъ остальныхъ, но эти цифры выведены изъ небольшого числа наблюденій (а размѣръ таковъ, что трудно ручаться за точность каждаго отдѣльнаго измѣренія); изъ болѣе комплектныхъ рядовъ только для ряда въ 117—121 m.m. средняя ширина уха нѣсколько больше чѣмъ для предыдущихъ рядовъ; зато цифры остальныхъ рядовъ строго держатся на одной и той же высотѣ, очень близкой къ общему среднему (32,8 m.m.).

b) У женщинъ.

Ширина праваго уха взрослыхъ женщинъ составляетъ въ среднемъ 3318 : 100=33,18 m.m. или 2,17% ихъ роста, т.-е. ширина женскаго уха не только не уступаетъ ширинѣ уха мужчины, но даже и превосходитъ ее на нѣсколько десятыхъ долей миллиметра; но разница такъ не велика, что въ сущности говоря мы имѣемъ право утверждать, что женское ухо по абсолютной величинѣ его широтнаго діаметра ничѣмъ не отличается отъ мужского; относительные къ росту его размѣры, понятно, значительно больше мужскихъ (2,17% у женщинъ и 1,98% у мужчинъ). Предѣлы индивидуальныхъ колебаній составляютъ 28 m.m. и 39 m.m., колебанія совершаются, слѣдовательно, въ болѣе узкихъ предѣлахъ чѣмъ у мужчинъ; у которыхъ предѣлами служатъ 27 (24)—42 m.m. Въ таблицѣ № 28-й индивидуальныя величины ширины женскаго уха расположены въ ряды по одному миллиметру.

ТАБЛИЦА № 28-й.

Индивидуальныя величины ширины женскаго уха въ рядахъ по одному миллиметру.

Ряды по 1 mm.	Число наблюденій, падающихъ на каждый рядъ.
28	2
29	4
30	4
31	12
32	14
33	16
34	23
35	11
36	10
37	1
38	2
39	1

Среднее топологическое (при предположеніи ошибокъ въ измѣреніяхъ не выше 2 m.m.) составитъ $32^{24}/_{30}$ m.m., т.-е. немного меньше, чѣмъ среднее ариѳметическое.

Въ таблицѣ № 29 ширина уха вычислена для четырехъ группъ роста, отстоящихъ другъ отъ друга на 50 m.m.

ТАБЛИЦА № 29-й.

Ширина женскаго уха для отдѣльныхъ группъ роста.

Группы по росту.	Средняя ширина уха въ mm.	Средняя ширина уха въ % роста.
До 1450 m.m.	33,4	2,34
Отъ 1451 — 1500 „	32,9	2,21
„ 1501 — 1550 „	33,6	2,20
выше 1550 „	32,8	2,07

Колебанія въ общемъ довольно не правильныя и увеличеніе абсолютныхъ размѣровъ съ увеличеніемъ роста незамѣтно, относительныя же къ росту величины убываютъ очень замѣтно и довольно правильно.

Возрастныя измѣненія ширины женскаго уха, начиная отъ 3-хъ мѣсяцевъ и до пожилаго возраста, представлены на таблицѣ № 30.

ТАБЛИЦА № 30-й

Возрастъ.	Число наблюд.	Сумма.	Средн. ариѳ. въ mm.
Отъ 3-хъ мѣс. до 1 года	15	400	26,6
Свыше 1 г. и до 3 лѣтъ	15	423	28,2
Свыше 3 л. и до 6 „	10	302	30,2
Отъ 7 л. и до 10 „	10	301	30,1
„ 11 „ 14 „	15	479	31,9
„ 15 „ 17 „	15	484	32,2
„ 17 „ 21 „	29	970	33,6
„ 22 „ 25 „	22	717	32,6
„ 26 „ 30 „	16	518	32,3
„ 31 „ 35 „	9	293	32,5
„ 36 „ 40 „	14	474	33,8
выше 40 „	10	346	34,6

Изъ приведенной таблицы видно, что ширина уха продолжаетъ возрастать со времени рожденія непрерывно до 21 года, такъ какъ періодъ въ 17—21 годъ даетъ первый maximum; послѣ этого maximum'а ширина уха остается стаціонарной до 35 лѣтъ и только послѣ 35 лѣтъ замѣчается новое наростаніе величинъ (періодъ увяданія).

V.

Модуль уха.

Этимъ именемъ Schwalbe называетъ цифру, получаемую вслѣдствіе сложенія величинъ длины и ширины уха и дѣленія полученной цифры пополамъ; формула для модуля уха будетъ, слѣдовательно, имѣть такой видъ: $\frac{\text{длина уха} + \text{ширина}}{2}$. Модуль уха, введенный впервые *Топинаромъ* подъ именемъ „плоскостнаго протяженія уха (étandue), имѣетъ, по его мнѣнію, нѣкоторое значе-

ніе какъ выразитель площади, занимаемой наружной поверхностью уха.

Топинаръ собралъ небольшую табличку величинъ для модуля уха по расамъ (таблица № 31), но его цифры основаны на слишкомъ ничтожномъ числѣ наблюденій, лишающемъ эти цифры почти всякаго значенія, хотя самъ Топинаръ и считаетъ, что модуль тѣмъ выше, чѣмъ ниже стоитъ раса. Впрочемъ, и собственныя данныя Топинара не вполнѣ подтверждаютъ его выводъ, такъ какъ модуль негритянскаго уха выше модуля уха европейцевъ.

ТАБЛИЦА № 31-й.

Данныя Топинара относительно величины модуля уха $\left(\frac{\text{длина} + \text{ширина}}{2}\right)$ у различныхъ народовъ.

8 негритянокъ	44,4	при длинѣ уха	55,6 m.
13 негровъ	47,8	„	59,6 „
8 европейцевъ	48,6	„	63,1 „
1 представитель желтой расы	49,3	„	65,2 „
3 полинезійца	52,0	„	65,0 „
8 меланезійцевъ	55,8	„	70,0 „

Обращаетъ на себя вниманіе одинаковый послѣдовательный ходъ величинъ и для модуля и для длины уха, т.-е. величина модуля измѣняется главнымъ образомъ въ зависимости отъ длины уха, чего собственно и слѣдовало ожидать заранѣе, такъ какъ длина уха, во-первыхъ, значительно больше ширины, а во-вторыхъ она колеблется въ значительно болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ ширина уха; но это обстоятельство значительно уменьшаетъ цѣнность самаго модуля уха, какъ указателя, не дающаго какихъ-либо особыхъ преимуществъ и идущаго въ параллели съ длиною уха.

Таблица № 32 представляетъ величины модуля у различныхъ народовъ, составленныя мною по даннымъ авторовъ, располагавшихъ болѣе значительнымъ цифровымъ матеріаломъ, чѣмъ Топинаръ (за исключеніемъ башкиръ и мещеряковъ, представленныхъ всего 11-ю и 19-ю наблюденіями).

ТАБЛИЦА № 32-й.

Великоруссы рязанцы (Воробьевъ)	47,10
Кумыки (Свидерскій)	50,20
Гамбуржцы (Karutz)	50,25
Башкиры (Weissenberg)	50,50
Мещеряки (Weissenberg)	50,50
Буряты (Поротовъ)	52,10
Эльзасцы (Schwalbe)	52,40
Калмыки (Воробьевъ)	53,20

Если исключить цифру Schwalbe для эльзасцевъ, можно считать, что модуль уха наименьшій у европейцевъ, увеличивается у арало-алтайцевъ и особенно великъ у чистыхъ монголовъ; въ общемъ составленныя мною величины модуля оказываются значительно меньшими, чѣмъ тѣ, что даетъ Топинаръ.

VI.

Физіономическій указатель уха. (Отношеніе ширины уха къ его длинѣ).

а) у мужчинъ:

На значеніе этого указателя указалъ впервые Топинаръ, пришедшій на основаніи своихъ немногочисленныхъ данныхъ къ выводу, что чѣмъ ниже стоитъ раса, тѣмъ больше величина этого указателя. Таблица № 33 представляетъ данныя, на которыхъ построенъ выводъ Топинара.

ТАБЛИЦА № 33 й.

Величины физіономическаго указателя уха для различныхъ расъ по Топинару.

У	1 представителя желтой расы	51,4
„	8 европейцевъ (французовъ)	54,0
„	8 меланезійцевъ	59,5
„	8 негритянокъ	59,8
„	3 полинезійцевъ	60,0
„	13 негровъ	61,2

Съ выводомъ Топинара, не соглашается, однако, Schwalbe, собравшій позднѣе нѣсколько новыхъ данныхъ. Болѣе многочисленныя данныя собраны въ работахъ *Karutz'a*, соединившаго въ сводныя таблицы всѣ цифры, которыя онъ могъ разыскать въ новѣйшей антропологической литературѣ (главнымъ образомъ нѣмецкой). Karutz изображаетъ отношенія ширины уха къ длинѣ его не въ общепринятомъ видѣ указателя, а въ видѣ дроби, числитель которой—единица, а знаменатель представляетъ длину уха, выраженной помощью этой единицы. Для папуасовъ, напримѣръ, отношеніе ширины уха къ его длинѣ Karutz выражаетъ въ видѣ 1 : 1,75; очевидно, что, произведя указанное дѣйствіе и умноживъ найденное число на сто, мы получимъ ту же цифру въ общепринятомъ для указателей видѣ.

Для увеличенія сравнительнаго матеріала мною лично собрано нѣсколько данныхъ изъ новѣйшихъ работъ

русскихъ авторовъ. Необходимо, однако, оговориться, что весь сравнительный матеріалъ далеко не однороденъ. Длину уха измѣряютъ, повидимому, всѣ авторы одинаково, но ширина, какъ это мы уже упоминали выше, можетъ браться различнымъ образомъ; при этомъ у очень только немногихъ авторовъ указанъ способъ, какимъ бралась эта величина. Отсюда, понятно, и величины указателя уха у отдѣльныхъ авторовъ не вполнѣ однозначны.

Для изслѣдованныхъ мною мужчинъ-рязанцевъ среднее ариѳметическое физіономическаго указателя уха получилось въ $\frac{17328,56}{324} = 53,48$ (для праваго уха), при предѣлахъ колебаній индивидуальныхъ величинъ отъ 42,0 и до 66,0. Близкія къ этой цифрѣ величины указателя уха даны для нѣкоторыхъ европейскихъ группъ и другими изслѣдователями. Такъ *Топинаръ* для 8 французовъ получилъ указатель въ 54,0, *Karutz* для 230 гамбуржцевъ (преимущественно солдатъ)—въ 54,61; значительно большій указатель уха получилъ *Wilhelm* [48]) для Лотарингіи (Nancy), а именно—57,5. Рѣзко отличаются цифры *Schwalbe*, давшаго для Эльзаза index въ 60,5, больше котораго существуютъ цифры для однихъ только негровъ; совершенно одиноко стоитъ чрезвычайно малая цифра *Frigerio*, давшаго для 100 итальянскихъ солдатъ указатель въ 42 для праваго и въ 40 для лѣваго уха (способъ измѣренія уха у него не указанъ).

Въ таблицѣ № 34 различныя племена расположены по восходящимъ величинамъ физіономическаго указателя уха; составлена эта таблица на основаніи данныхъ, собранныхъ у Schwalbe, у Karutz'а (который, пользуясь доступной ему литературой, сливалъ по нѣскольку серій изслѣдованій надъ близкими расами воедино) и на основаніи новѣйшихъ данныхъ нѣкоторыхъ русскихъ авторовъ.

ТАБЛИЦА № 34-й.

Величины физіономическаго указателя уха для отдѣльныхъ племенъ, расположенныя въ восходящемъ порядкѣ (звѣздочка впереди названія племени указываетъ на цифры, выведенныя на основаніи болѣе чѣмъ 30-ти наблюденій).

* Итальянцы (солдаты) (Frigerio)	42,0 и 40, 0
Нубійцы (цитир. у Schwalbe)	49, 0
* Кабилы (тамъ же)	50, 0
1 представитель желтой расы (Топинаръ)	51, 4
Башкиры (Weissenberg)	53, 0
* Великоруссы-рязанцы (Воробьевъ)	53,48
Французы (Топинаръ)	54, 0
* Гамбуржцы (солдаты, Karutz)	54,61
Американскіе индѣйцы (цит. у Schwalbe и Karutz'a)	55, 0
Меланезійцы (цит. у Schwalbe)	55, 0
Мещеряки (Weissenberg)	55, 4
Монголы (у Karutz'a)	55, 5
* Семиты (тамъ же)	55, 5
Гамиты (тамъ же)	55, 5
* Буряты (Поротовъ)	56,45
* Кумыки (Свидерскій)	56,85
* Калмыки (Воробьевъ)	56,93
* Папуасы (цит. у Karutz'a)	57, 4
* Жители Nancy (Лотарингія Wilhelm)	57, 5
Готтентоты (цит. у Karutz'a)	58, 8
Меланезійцы (Топинаръ)	59, 5
Полинезійцы (Топинаръ)	60, 0
* Эльзасцы (Schwalbe)	60, 5
Негры (Топинаръ)	61, 2
* Негры (собрано у Karutz'a)	62, 5

Таблица въ общемъ довольно пестрая: жители Лотарингіи стоятъ между папуасами и готтентотами, эльзасцы забрались въ одну группу съ неграми. Оставляя, однако, въ сторонѣ такіе отдѣльные эпизоды, зависящіе, конечно, прежде всего отъ неодинаковой техники изслѣдованій и недостка числа наблюденій, можно все-таки видѣть, что нѣсколько европейскихъ группъ расположилось вверху таблицы, давая указатели въ предѣлахъ до 55, середину занимаютъ смѣшанныя желтыя расы,—бо́льшимъ указателемъ обладаютъ, повидимому, чистые монголы (бурята, калмыки); за ними уже слѣдуютъ различныя негритянскія и близкія къ нимъ племена, дающія наибольшія величины указателя.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя исключенія, по приведенной таблицѣ можно, слѣдовательно, расположить человѣческія племена по восходящимъ величинамъ физіологическаго указателя уха въ порядкѣ: европейцы, алтайскія расы, чистые монголы, негры, т.-е. въ порядкѣ, какъ бы подтверждающемъ положеніе, высказанное Топинаромъ. Тѣмъ не менѣе, здѣсь требуются нѣкоторыя очень серьезныя оговорки: прежде всего самое представленіе о высшихъ и низшихъ расахъ въ настоящее время не можетъ быть принято иначе какъ въ весьма условномъ смыслѣ; но и оставляя въ сторонѣ это послѣднее соображеніе, надо все-таки сказать, что вышеуказанный порядокъ расъ по величинамъ физіологическаго указателя уха слишкомъ еще проблематиченъ, такъ какъ число рядовъ наблюденій не достаточно еще велико, да и самые ряды составлены нерѣдко изъ небольшихъ чиселъ индивидуальныхъ наблюденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ не установленъ еще и самый методъ измѣренія ширины уха, точно не указанный ни у одного автора за исключеніемъ Schwalbe; между тѣмъ тотъ или другой способъ измѣренія ширины уха можетъ давать значительную разницу въ цифрахъ, что отразится, конечно, и на величинахъ физіономическаго указателя уха. Намѣченныя же таблицею № 34 данныя настоль-

ко интересны, что остается только пожелать въ будущемъ накопленія большаго числа хорошо собранныхъ аналогичнаго характера данныхъ. Въ предѣлахъ же имѣющихся данныхъ можно пока намѣтить (въ видѣ предположенія), что бѣлымъ племенамъ свойственны небольшіе—до 55 указатели уха, желтымъ съ ихъ различными развѣтвленіями—указатели въ 56—59 и чернымъ—въ 60 и выше.

Возвращаясь теперь къ изслѣдованнымъ мною рязанцамъ, расположимъ индивидуальныя величины ушныхъ указателей въ ряды по одной единицѣ въ каждомъ ряду (таблица № 35).

ТАБЛИЦА № 35-й.

Рядовое расположеніе величинъ физіономическаго указателя уха у рязанцевъ по одной единицѣ въ ряду.

Указатель.	отъ	42	и до	43	наблюдается	1	разъ.
„	„	43,01	„	44,00	„	1	„
„	„	44,01	„	45,00	„	6	„
„	„	45,01	„	46,00	„	7	„
„	„	46,01	„	47,00	„	4	„
„	„	47,01	„	48,00	„	11	„
„	„	48,01	„	49,00	„	4	„
„	„	49,01	„	50,00	„	41	„
„	„	50,01	„	51,00	„	9	„
„	„	51,01	„	52,00	„	29	„
„	„	52,01	„	53,00	„	25	„
„	„	53,01	„	54,00	„	42	„
„	„	54,01	„	55,00	„	32	„
„	„	55,01	„	56,00	„	30	„
„	„	56,01	„	57,00	„	24	„
„	„	57,01	„	58,00	„	22	„
„	„	58,01	„	59,00	„	12	„
„	„	59,01	„	60,00	„	10	„
„	„	60,01	„	61,00	„	2	„
„	„	61,01	„	62,00	„	3	„
„	„	62,01	„	63,00	„	2	„
„	„	63,01	„	64,00	„	3	„
„	„	64,01	„	65,00	„	3	„
„	„	65,01	„	66,00	„	1	„
						32	

Наибольшее число наблюденій падаетъ на рядъ въ 53,01—54,00, на который падаетъ и найденная нами средне-ариѳметич. величина указателя; числа наблюденій, приходящихся на долю величинъ большихъ, чѣмъ средняя падаютъ по мѣрѣ удаленія отъ этой средней довольно правильно, правильность же паденія для величинъ, меньшихъ чѣмъ средняя, нѣсколько нарушается значительнымъ скопленіемъ наблюденій въ ряду 49,01—50,00. Но такое явленіе едва ли можетъ быть принято за дѣйствительное существованіе двухъ максимумовъ уже потому одному, что истинный максимумъ наблюденій точно совпадаетъ съ средней величиной указателя. Вѣрнѣе будетъ предположить здѣсь существованіе невольной и незамѣтной для самого изслѣдователя тенденціи подгонять форму уха при измѣреніи къ простѣйшему отношенію длины къ ширинѣ какъ 2 : 1, что особенно легко возможно вслѣдствіе гибкости и податливости края уха. Получивъ, напримѣръ длину уха въ 60 m. а ширину въ предѣлахъ 29—31 mm., невольно отмѣтишь послѣднюю въ 30. Справедливость такого предположенія подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что весь рядъ указателей въ 49,01—50,00 почти исключительно состоитъ не изъ дробныхъ указателей, а изъ круглой цифры—50,00. Очевидно, слѣдовательно, что изъ числа 41, представляющаго число наблюденій, падающихъ на рядъ въ 49,01—50,00, часть наблюденій надо отдать на долю предыдущаго и послѣдующихъ рядовъ, представленныхъ несообразно малымъ числомъ наблюденій; съ такими поправками таблица приняла бы болѣе правильный видъ.

ТАБЛИЦА № 36-й.

Распредѣленіе величинъ физіономическаго указателя уха у рязанцевъ по возрастамъ.

Возрастъ.	Сумма.	Чис. наб.	Средн. ариѳ.
Отъ 3-хъ мц. до 1 года . . .	973,51 :	15 =	64,90
Свыше 1 года и до 3-хъ лѣтъ .	939,43 :	15 =	62,62
„ 3-хъ и до 6 лѣтъ . . .	605,93 :	10 =	60,59
„ 7 „ 10 „ . . .	598,05 :	10 =	59,80
„ 11 „ 14 „ . . .	854,31 :	15 =	56,94
„ 15 „ 17 „ . . .	800,72 :	15 =	53,38
„ 18 „ 21 „ . . .	2732,67 :	51 =	53,58
„ 22 „ 25 „ . . .	3454,73 :	64 =	53,98
„ 26 „ 30 „ . . .	4698,80 :	87 =	54,01
„ 31 „ 35 „ . . .	2503,86 :	47 =	53,27
„ 36 „ 40 „ . . .	1680,44 :	32 =	52,51
„ 41 „ 45 „ . . .	994,76 :	19 =	52,34
„ 46 и выше	1263,30 :	24 =	52,64

Schwalbe нашелъ, что физіономическій указатель уха съ возрастомъ постепенно и правильно убываетъ. То же подтверждаютъ и изслѣдованія *Frigerio* надъ дѣтьми, юношами и солдатами. Мои цифры въ общемъ подтверждаютъ это положеніе съ нѣкоторой, однако, особенностью, отмѣченною уже выше—для длины и ширины уха, а именно: убываніе величинъ физіономическаго указателя уха идетъ не непрерывно, но въ возрастѣ 15—17 лѣтъ указатель достигаетъ своего перваго минимума, на которомъ и держится все время, начиная отъ 17 и до 35 лѣтъ; только послѣ 35-лѣтняго возраста замѣтно новое убываніе величины указателя. Причины такихъ

измѣненій въ величинахъ морфологическаго указателя кроются въ томъ, что, хотя и длина и ширина уха увеличиваются, какъ мы видѣли выше, съ возрастомъ, однако, самый размѣръ увеличенія не одинаковъ и для длины уха онъ больше, чѣмъ для ширины; отсюда, понятно, происходитъ и возрастное уменьшеніе величинъ указателя; стаціонарное же его состояніе въ возрастѣ между 17 и 35 годами объясняется тѣмъ, что въ этомъ возрастѣ и длина и ширина уха, достигнувъ своего полнаго развитія, не измѣняются, послѣ же 35 лѣтъ замѣчается новое увеличеніе длины и ширины уха (какъ слѣдствіе его старческой инволюціи, начинающейся очень рано), при чемъ уплощеніе всей ушной раковины сказывается въ увеличеніи длины уха нѣсколько большемъ, чѣмъ увеличеніе его ширины, отсюда происходитъ новое паденіе величины физіономическаго указателя уха. Въ таблицѣ № 37 представлены измѣненія среднихъ величинъ физіономическаго указателя у субъектовъ различнаго роста.

Съ увеличеніемъ роста физіономическій указатель уха, какъ это показываетъ таблица № 37, уменьшается, хотя и не совсѣмъ правильно.

ТАБЛИЦА № 37-й.

Распредѣленіе физіономическаго указателя уха рязанцевъ по группамъ роста.

Для группы низкаго роста	54,09
„ роста ниже средняго	52,09
„ „ выше средняго	53,64
„ высокаго роста	52,78

Примѣч. Указатели по группамъ роста выведены на основаніи среднихъ величинъ длины и ширины уха въ каждой группѣ, а не путемъ подсчета и средняго вывода изъ индивидуальныхъ величинъ указателя въ каждой группѣ. Величины указателей получены, слѣдовательно, изъ слѣдующихъ датъ въ порядкѣ отъ низкаго къ высокому росту: $(32,4:59,9)\times100$; $(32,3:61,3)\times100$; $(33,1:61,7)\times100$ и $(33,2:62,9)\times100$.

Если назвать ухо съ указателемъ до 50,00—узкимъ, ухо съ указателемъ въ предѣлахъ отъ 50,01 и до 56,00—среднимъ и съ указателемъ выше 56,00—широкимъ, тогда окажется, что у рязанцевъ узкія (длинныя) уши встрѣтились въ 75 случ. или въ 23,1%
средніе „ 167 „ „ „ 51,5%
широкія „ 82 „ „ „ 25,3%

Желая изучить соотношеніе между формою головы и формою уха, я подсчиталъ, сколько долихо- мезо- и брахицефаловъ наблюдается въ группахъ субъектовъ: a) съ узкими, b) съ средними и c) съ широкими ушами. Полученныя отношенія могутъ быть выражены слѣдующей (№ 38) таблицею:

ТАБЛИЦА № 38-й.

Среди субъектовъ	Долихоцефаловъ.	Мезоцефаловъ.	Брахицефаловъ.
съ узкими ушами	8(10,66%)	23(30,66%)	44(58,66%)
съ средн. ушами	18(10,79%)	39(23,35%)	110(65,86%)
среди широкоух.	5(6,22%)	21(25,61%)	56(68,29%)

Изъ этой таблицы видно, что брахицефаловъ всего меньше среди субъектовъ съ узкими ушами; увеличеніе указателя уха до среднихъ его величинъ повышаетъ число брахицефаловъ съ 58,66% на 65,86%; среди широкоухихъ брахицефаловъ еще больше; разница между узко- и широкоухими составляетъ около 10%. Число долихоцефаловъ, будучи одинаковымъ для субъектовъ съ узкими и средними ушами, падаетъ среди субъектовъ широкоухихъ. Тѣ же отношенія видны и изъ таблицы № 39, гдѣ подсчитано число узкихъ, среднихъ и широкихъ ушей, встрѣчающихся среди группъ субъектовъ съ различными формами головы.

ТАБЛИЦА № 39-й.

	Узкія уши.	Среднія.	Широкія.
Среди долихоцефаловъ встрѣчаются	8(25,81%)	18(58,06%)	5(16,13%)
Среди мезоцефал.	23(27,71%)	39(47,00%)	21(25,36%)
Среди брахицефал.	44(20,95%)	110(52,38%)	56(26,66%)

Очевидно, что среди брахицефаловъ узкія уши встрѣчаются всего рѣже (20,95%), широкія же всего чаще (26,66%); среди долихоцефаловъ—широкія уши всего рѣже (16,13%); разница въ распространеніи широкихъ ушей у брахи- и долихоцефаловъ составляетъ 10%.

Указаніе *Binder*'а на связь брахицефаліи съ длинными ушами не оправдывается, такимъ образомъ, на моихъ данныхъ: у рязанцевъ отмѣчается скорѣе обратное явленіе, т.-е. широкоголовые обладаютъ чаще широкими же, а не узкими (длинными) ушами. Лежитъ ли причина моего разногласія съ Binder'омъ въ расовыхъ особенностяхъ рязанцевъ, или зависитъ отъ ошибки субъективнаго сужденія Binder'а, не провѣреннаго имъ на цифрахъ,—остается не рѣшеннымъ. Взглянувъ на таблицу № 34, можно убѣдиться въ томъ, что среди различныхъ расъ нельзя отмѣтить какой-либо особой связи между формою головы и формою уха. Такъ, долихоцефальные негры обладаютъ самымъ широкимъ ухомъ, но только немного меньшимъ, чѣмъ у негровъ, указателемъ уха обладаютъ чистые монголы — типичные брахицефалы. Среди различныхъ расъ нѣтъ, слѣдовательно, особой наклонности къ сочетанію формы головы съ опредѣленною формою уха, въ предѣлахъ же одной и той же расы, какъ это показываютъ по крайней мѣрѣ мои из-

слѣдованія, произведенныя надъ рязанцами, брахицефалія чаще сочетается съ широкимъ ухомъ. Хотя это явленіе выражено у рязанцевъ довольно слабо, но оно заслуживаетъ вниманія вслѣдствіе того, что среди великоруссовъ брахицефалы, какъ это я показалъ въ одной изъ моихъ предыдущихъ работъ, отличаются нѣсколько большимъ ростомъ; слѣдовательно, у нихъ надо было бы ожидать уменьшенія указателя уха, а не увеличенія его (см. таблицу № 37). Получившіяся же данныя свидѣтельствуютъ, что, несмотря на вліяніе роста, у брахицефаловъ ушной указатель увеличивается. Отсюда можно думать, что (у рязанцевъ, по крайней мѣрѣ) существуетъ извѣстная прямая зависимость между формою головы и формою уха. Но какъ можетъ быть объяснена эта зависимость, является ли она выраженіемъ внѣрасоваго общаго конструкціоннаго закона строенія человѣческаго тѣла, или же широкое ухо составляло особенность одной изъ тѣхъ расъ, которой обязаны великоруссы своей брахицефаліей,—вопросъ не рѣшимый при наличныхъ данныхъ. Такъ какъ высокорослость сама по себѣ даетъ наклонность къ появленію болѣе узкаго, а не болѣе широкаго уха, является вопросъ: не зависитъ ли отмѣченная мною связь брахицефаліи съ широкимъ ухомъ отъ присутствія среди изслѣдованнаго мною населенія особой группы низкорослыхъ брахицефаловъ съ широкими ушами?

Для того, чтобы хотя сколько-нибудь освѣтить этотъ вопросъ, я попытался отдѣльно изслѣдовать формы ушей у группы низкорослыхъ брахицефаловъ, составивъ эту группу изъ субъектовъ, обладающихъ ростомъ ниже 165,0 cnt и головнымъ указателемъ не ниже 83,01.

Всего такихъ особей у меня набралось 43; средняя величина физіономическаго указателя уха для нихъ составляетъ 2293,18 : 43=53,33 т.-е. цифра ничѣмъ не отличающаяся отъ цифры данной для всѣхъ рязанцевъ въ общей суммѣ (53,48). Очевидно, слѣдовательно, связь брахицефаліи съ широкимъ ухомъ отнюдь не обнаруживаетъ среди великоруссовъ присутствія производителя низкорослаго широкоухаго брахицефала (а таковымъ могъ быть прежде всего монголъ).

Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что между представителями свѣтлаго типа и представителями темнаго типа у рязанцевъ, я не могъ отмѣтить хоть сколько-нибудь замѣтной разницы въ величинѣ физіономическаго указателя уха у женщинъ.

в, у женщинъ.

Среднее ариѳметическое физіономическаго указателя уха изслѣдованныхъ мною женщинъ составляетъ 5629,63 : 100=56,29 при индивидуальныхъ варіаціяхъ въ границахъ отъ 45,90 и до 6538. По сравненіи съ мужскимъ ухомъ женское ухо оказывается нѣсколько болѣе длиннымъ (указатель его немного больше мужского, равнаго 53,48); предѣлы индивидуальныхъ колебаній у мужчинъ (42—66) лишь очень немногимъ шире, чѣмъ у женщинъ. На таблицѣ № 40 представлены всѣ индивидуальныя величины женскаго уха въ рядахъ по одной единицѣ.

ТАБЛИЦА № 40-й.

Индивидуальныя величины физіономическаго указателя уха у великорусскихъ женщинъ въ рядахъ по одной единицѣ.

Ряды.				Число наблюд. падающихъ на соотвѣтств. рядъ.
	45,90		——	1
Отъ	47,01	до	48,00	2
„	48,01	„	49,00	0
„	49,01	„	50,00	4
„	50,01	„	51,00	2
„	51,01	„	52,00	4
„	52,01	„	53,00	3
„	53,01	„	54,00	11
„	54,01	„	55,00	14
„	55,01	„	56,00	7
„	56,01	„	57,00	13
„	57,01	„	58,00	8
„	58,01	„	59,00	8
„	59,01	„	60,00	5
„	60,01	„	61,00	3
„	61,01	„	62,00	6
„	62,01	„	63,00	3
„	63,01	„	64,00	2
„	64,01	„	65,00	3
„	65,01	„	66,00	1

Таблица № 41-й даетъ представленіе объ измѣненіяхъ физіономическаго указателя уха великорусскихъ женщинъ съ возрастомъ.

ТАБЛИЦА № 41-й.

Возрастъ.	Сумма.		Чис. наб.		Средн. ариѳ. физіон. указателя.
Отъ 3-хъ мѣс. до 1 года	943,26	:	15	=	62,88
Свыше 1 г. и до 3 лѣтъ	921,30	:	15	=	61,42
Свыше 3-хъ и до 6 лѣтъ	629,85	:	10	=	62,98
Отъ 7 и до 10 лѣтъ . .	595,92	:	10	=	59,59
„ 11 „ 14 „ . .	873,77	:	15	=	58,25
„ 15 „ 16 „ . .	858,96	:	15	=	57,26
„ 17 „ 21 „ . .	1676,10	:	29	=	57,79
„ 22 „ 25 „ . .	1214,24	:	22	=	55,18
„ 26 „ 30 „ . .	882,67	:	16	=	55,16
„ 31 „ 35 „ . .	504,78	:	9	=	56,08
„ 36 „ 40 „ . .	797,41	:	14	=	56,95
выше 40 „ . .	554,43	:	10	=	55,44

Убываніе величинъ указателя въ дѣтскомъ возрастѣ идетъ правильно, продолжаясь до 30 лѣтъ, послѣ этого возраста небольшое увеличеніе, а въ возрастѣ позднѣе 40 лѣтъ нѣкоторое новое убываніе; колебанія въ этомъ возрастѣ оказываются такимъ образомъ нѣсколько атипичными, что зависитъ, вѣроятно, отъ недостаточнаго числа наблюденій, падающихъ на отдѣльныя возрастныя группы. Едва ли есть основанія предполагать, чтобы женское ухо отличалось въ этомъ отношеніи отъ мужского и, при большомъ числѣ наблюденій мы, вѣроятно, отмѣтили бы тотъ же характеръ возрастныхъ измѣненій, что и на таблицѣ № 36.

Недостаточно, равнымъ образомъ, типичны и измѣненія величинъ физіономическаго указателя женскаго уха по отдѣльнымъ группамъ роста (см. табл. № 42).

ТАБЛИЦА № 42-й.

Измѣненіе физіоном. указателя женскаго уха по группамъ роста (по 50 m.m.).

Ростъ.	Средн. велич. физ. указ.
До 1450 m.m.	56,42
Отъ 1451 и „ 1500 „	57,31
„ 1501 „ 1550 „	56,28
выше 1550 „	55,40

Примѣчаніе. Средній указатель для отдѣльныхъ группъ роста выведенъ не изъ индивидуальныхъ величинъ указателей въ каждой группѣ, но изъ отношеній средней ширины уха каждой группы къ средней же его длинѣ для этой группы. Ингредіентами для составленія отмѣченныхъ въ таблицѣ указателей будутъ, слѣдовательно, слѣдующія цифры (въ послѣдовательномъ порядкѣ):

$$\frac{33,4\times100}{59,2};\ \frac{32,9\times100}{57,4};\ \frac{33,6\times100}{59,7};\ \frac{32,8\times100}{59,2}.$$

VII.

Истинная высота (длина уха).

а) у мужчинъ.

Дарвиновъ бугорокъ считается еще со времени Дарвина, давшаго имя этому образованію, за аналогъ заостренія верхушки уха, имѣющаго мѣсто у четвероногихъ. Поэтому разстояніе отъ дна sulcus helicino tragicus (см. фиг. III) и до края Дарвинова бугорка можетъ, согласно Schwalbe, считаться за истинную высоту уха; длина основанія человѣческаго уха будетъ тогда соотвѣтствовать ширинѣ остроконечнаго уха животныхъ при его основаніи.

У мужчинъ рязанцевъ истинная высота уха составляетъ 11463 : 324=35,3 m.m. или 2,14% роста, при предѣлахъ колебаній отъ 29 и до 46 m.m. (субмин.—30, а субмакс.—42). Близкую къ моей, почти тождественную съ нею, величину (35,9 m.m. при предѣлахъ отъ 22 до 49 m.m.) даетъ Schwalbe для эльзасцевъ. Немного большую величину (37,5 m.m.) даетъ Schäffer для баварцевъ. Для другихъ племенъ сравнительныхъ данныхъ у авторовъ не существуетъ. Измѣренные мною астраханскіе калмыки дали нѣсколько большую величину, а именно 39,1 m.m., что стоитъ исключительно въ связи съ большей величиной всего калмыцкаго уха, такъ какъ отношеніе истинной длины уха къ физіономической его длинѣ составляетъ у калмыковъ и у великоруссовъ совершенно одну и ту же величину, а именно: 1 : 1,73 (у великоруссовъ—35,3 : 61,4=1 : 1,73), у калмыковъ—39,1 : 67,8=1 : 1,73).

Рядовое расположеніе индивидуальныхъ величинъ истинной высоты уха у рязанцевъ даетъ довольно правильное расположеніе цифръ (см. табл. № 43).

ТАБЛИЦА № 43-й.

Величины истинной высоты уха рязанцевъ по 1 m.m. въ ряду.

Величина въ	29	m.m. встрѣчается	1	разъ.
„ „	30	„ „	3	„
„ „	31	„ „	15	„
„ „	32	„ „	18	„
„ „	33	„ „	33	„
„ „	34	„ „	40	„
„ „	35	„ „	61	„
„ „	36	„ „	59	„
„ „	37	„ „	33	„
„ „	38	„ „	33	„
„ „	39	„ „	12	„
„ „	40	„ „	10	„
„ „	41	„ „	4	„
„ „	42	„ „	1	„
„ „	46	„ „	1	„
			324	

Среднее топологическое лежитъ между 34 и 35 m.m., т.-е. близко отъ средняго ариѳметическаго.

При распредѣленіи по группамъ роста среднія величины для каждой группы роста выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

Низкій ростъ $\frac{2333}{66}$=35,3 m.m.

Ниже средняго $\frac{3217}{92}$=34,9 m.m.

Выше средняго $\frac{3700}{104}$=35,6 „

Высокій ростъ $\frac{2213}{62}$=35,7 „

Зависимость величины истинной высоты уха отъ роста выражена очень слабо, такъ какъ всѣ цифры для роста ниже средняго чрезвычайно близки къ общему среднему (35,3 m.m.). Слабая зависимость истинной высоты уха отъ роста выражается между прочимъ и въ томъ, что наименьшія величины ея (29 m.m.) наблюдаются по одному разу въ группахъ выше средняго и высокаго роста и ни разу въ группахъ низкаго и ниже средняго роста; обратно наибольшія величины истинной высоты уха въ 42 и 46 m.m. принадлежатъ субъектамъ низкаго роста.

Соотношеніе съ формой головы выражается въ слѣдующей таблицѣ:

ТАБЛИЦА № 44-й.

У долихоцефаловъ истин. выс. уха равна $\frac{1082}{31}$=34,9 m.m.

„ мезоцефаловъ „ „ „ „ $\frac{2983}{83}$=35,9 „

„ брахицефаловъ „ „ „ „ $\frac{7398}{210}$=35,2 „

Наименьшая величина принадлежитъ долихоцефаламъ, наибольшая—мезоцефаламъ. То же явленіе отмѣчалось и для физіономической длины (высоты) уха и его ширины; надо, слѣдовательно, считать, что у моихъ рязанцевъ мезоцефалы имѣютъ ухо нѣсколько большее во всѣхъ его главнѣйшихъ размѣрахъ, чѣмъ брахи- и особенно долихоцефалы.

Возрастныя измѣненія истинной высоты уха, прослѣженныя для дѣтскаго возраста, дали слѣдующую (№ 45) таблицу.

ТАБЛИЦА № 45-й.

Измѣненіе величинъ истинной высоты уха въ дѣтскомъ возрастѣ (у мальчиковъ).

Возрастъ.	Предѣлы индивид. величинъ въ mm.	Сумма.	Число наблюд.	Средн. ариѳ. въ mm.
Отъ 3-хъ мѣс. до 1 года	21—29	382	15	25,4
„ 1 года и до 3 лѣтъ	23—30	400	15	26,6
„ 3 лѣтъ и до 6 „	24—31	282	10	28,2
„ 7 „ 10 „	25—32	294	10	29,4
„ 11 „ 14 „	25—37	471	15	31,4
„ 15 „ 17 „	28—41	517	15	34,4

Послѣ 17 лѣтъ истинная высота остается стаціонарной; въ возрастѣ послѣ 45 лѣтъ замѣчается новое слабо выраженное нарастаніе (подлинныя цифры во избѣжаніе излишняго загроможденія цифрами не приводятся здѣсь). Въ общемъ темпъ роста истинной высоты дѣтскаго уха довольно правильный.

b) У женщинъ.

Среднее ариѳметическое истинной длины праваго уха взрослыхъ женщинъ составляетъ 3239 : 100 = 32,39 (32,4 m.m.), т. е. почти на 3 m.m. меньше мужского уха; по отношенію къ росту женщинъ это составляетъ 2,11%, тогда какъ у мужчинъ истинная высота уха равна 2,14% роста, т.-е. нѣсколько больше, чѣмъ у женщинъ.

Таблица № 46 даетъ понятіе о распредѣленіи индивидуальныхъ величинъ истинной длины женскаго уха.

ТАБЛИЦА № 46-й.

Ряды въ mm.	Число наблюд.	Ряды въ mm.	Число наблюд.
27	1	33	18
28	4	34	16
29	7	35	7
30	5	36	4
31	18	37	2
32	17	38	1

Въ таблицѣ № 47 показано возрастаніе истинной высоты уха у дѣвочекъ до періода ихъ зрѣлости.

ТАБЛИЦА № 47-й.

Возрастъ.	Предѣлы индивид. величинъ въ mm.	Сумма.	Число наблюд.	Средн. ариѳ. въ mm.
Отъ 3-хъ мѣс. до 1 года	22—29	383	15	25,6
„ 1-го года до 3 лѣтъ	24—29	390	15	26,0
„ 3-хъ лѣтъ до 6 „	24—31	264	10	26,4
„ 7 „ 10 „	26—30	280	10	28,0
„ 11 „ 14 „	25—33	422	15	28,1
„ 15 „ 16 „	26—38	464	15	30,9

Въ 16 лѣтъ ухо дѣвочекъ не достигаетъ еще средней величины уха взрослыхъ женщинъ. Темпъ роста въ общемъ довольно медленный. При сравненіи съ ухомъ мальчиковъ до трехлѣтняго возраста не замѣчается разницы въ абсолютныхъ величинахъ истинной высоты уха, только послѣ 3-хъ лѣтъ этотъ размѣръ оказывается у дѣвочекъ нѣсколько меньшимъ, чѣмъ у мальчиковъ.

VIII.

Длина основанія уха.

а) У мужчинъ.

Длина основанія уха въ такомъ видѣ, какъ она берется у Schwalbe, чрезвычайно сильно зависитъ отъ формы приращенія мочки: наименьшей она будетъ, конечно, при вполнѣ или частично свободной мочкѣ (приращеніе мочки формы 4 и 3 по Schwalbe), наибольшей при полномъ приращеніи мочки (формы 2 и 1).

Разница въ этомъ случаѣ можетъ быть очень замѣтной (до 1 cnt. и болѣе) особенно при приращеніи въ формѣ I, когда приращенный передній край мочки, цѣликомъ входящій въ размѣръ длины основанія уха, бываетъ иногда особенно великъ—до 2-хъ сантиметровъ и болѣе.

Такое различіе величинъ изучаемаго размѣра въ зависимости отъ формы приращенія мочки получаетъ особенно важное значеніе еще и потому, что въ длинѣ основанія уха человѣка Schwalbe видитъ аналогъ длинѣ же основанія уха животныхъ (точнѣе было бы сказать—аналогъ ширины уха животныхъ у его основанія). Но ухо животныхъ совсѣмъ не обладаетъ мочкой, а слѣдовательно, и не подвержено такимъ колебаніямъ въ размѣрахъ изучаемаго нами измѣренія. Въ виду этого намъ не остается ничего лучшаго, какъ отмѣчать величины основанія уха отдѣльно для ушей съ приращенной (формы 1 и 2) и не приращенной (формы 3 и 4) мочкой, принимая во вниманіе, что только въ послѣднемъ случаѣ этотъ размѣръ (равно какъ и выводимый на основаніи его морфологическій указатель уха) будетъ болѣе или менѣе точнымъ аналогомъ такого же размѣра и отношенія у животныхъ, въ первомъ же случаѣ у человѣка получается нѣкоторый плюсъ, величина котораго не можетъ быть точно учтена.

Длина основанія для ушей съ приращенной мочкой (всего 229 ушей) составляетъ для рязанцевъ 11884 : 229 = = 51,9 m.m., при предѣлахъ колебаній отъ 42 и до 66 m.m.; для ушей съ свободной мочкой (419 ушей)— 19710 : 419 = 47,0 m.m. при предѣлахъ колебаній между 32 и 58 m.m., для всѣхъ же вмѣстѣ эта величина составитъ 31594 : 648 = 48,7 m.m. или 2,94% роста.

Разница между ушами съ приращенной и съ свободной мочкой составляетъ, слѣдовательно, въ среднемъ 4,9 m.m., т. е. около полусантиметра. *Schwalbe* даетъ для изслѣдованныхъ имъ эльзасцевъ среднію цифру для ушей со всякими формами приращенія мочки въ 44,4 m.m. при индивидуальныхъ колебаніяхъ между 33 и 58 m.m. Въ общемъ, слѣдовательно, средняя цифра Schwalbe меньше, чѣмъ моя, предѣлы же индивидуальныхъ колебаній величинъ одинаковы по minimum'у (у меня 32 m.m. у Schwalbe 33 m.m.), но maximum у меня значительно больше (у Schwalbe 58, а у меня 66 m.m., при чемъ ушей съ большей чѣмъ 58 m.m. длиной основанія у меня насчитывается 8 случаевъ).

Меньшую же чѣмъ для рязанцевъ цифру даетъ и *Schäffer* для изслѣдованныхъ имъ швабовъ, а именно: для всѣхъ ушей безъразличія формы прикрѣпленія мочки—46 m.m. при предѣлахъ колебаній отъ 38 до 53 m.m., для ушей же съ свободной мочкой цифра Schäffer'а понижается до 43 m.m. Такимъ образомъ существуютъ, кажется, достаточныя основанія считать, что длина основанія уха у великоруссовъ нѣсколько больше чѣмъ у германцевъ.

Для другихъ народовъ существуютъ только мои данныя относительно уха приволжскихъ калмыковъ, у которыхъ длина основанія ушей съ приращенной мочкой (ф. I и II) составляетъ въ среднемъ 57,2 m.m., для ушей же съ свободной (ф. III и IV) мочкой—52,0 m.m., а для всѣхъ ушей безъ различія въ формѣ приращенія мочки—55,0 m.m.

Основаніе уха у калмыковъ, слѣдовательно, значительно больше чѣмъ у великоруссовъ, что стоитъ въ соотвѣтствіи съ большими размѣрами всего калмыцкаго уха.

Таблица № 48 представляетъ распредѣленіе индивидуальныхъ наблюденій длины основанія уха моихъ рязанцевъ въ рядахъ по 1 m.

ТАБЛИЦА № 48-й.

Распредѣленіе индивидуальныхъ величинъ длины основанія уха рязанцевъ въ рядахъ по 1 mm.

Длина основанія уха въ mm.	Для ушей съ приращ. мочки формъ 1 и 2.	Для ушей съ приращ. мочки формъ 3 и 4.	Для всѣхъ формъ приращ. мочки.
32	—	1	1
33	—	1	1
36	—	2	2
39	—	2	2
41	—	14	14
42	2	14	16
43	4	36	40
44	2	40	42
45	2	38	40
46	10	52	62
47	10	34	44
48	16	52	68
49	18	32	50

Длина основанія уха въ mm.	Для ушей съ приращ. мочки формъ 1 и 2.	Для ушей съ приращ. мочки формъ 1 и 2.	Для всѣхъ формъ приращ. мочки.
50	16	30	46
51	26	18	44
52	20	24	44
53	18	4	22
54	34	10	44
55	20	2	22
56	7	9	16
57	8	2	10
58	8	2	10
59	2	—	2
63	4	—	4
66	2	—	2
	229	419	648

Соотношеніе длины основанія уха съ возрастомъ, ростомъ, формою головы и т. д. на основаніи моихъ наблюденій не могло быть отмѣчено съ достаточною степенью точности, что зависитъ отъ того, что при раздробленіи матеріала на группы по формамъ приращенія мочки получаются не очень уже большія группы; если же брать весь матеріалъ цѣликомъ, тогда случайное попаданіе въ ту или другую подгруппу большаго или меньшаго числа ушей съ приращенной мочкой оказываетъ на среднія цифры гораздо болѣе значительное вліяніе, чѣмъ всѣ другіе изучаемые факторы. Возрастаніе длины основанія дѣтскаго уха прослѣжено мною безъ раздѣленія по формамъ приращенія мочки (за не достаточно большимъ цифровымъ матеріаломъ), но это обстоятельство, какъ показываютъ данныя таблицы № 49 не повліяло на правильность цифръ иллюстрирующихъ ростъ изучаемаго размѣра.

ТАБЛИЦА № 49-й.

Измѣненія величинъ основанія уха въ дѣтскомъ возрастѣ (у мальчиковъ).

Возрастъ.	Предѣлы индивид. величинъ въ mm.	Сумма.	Число наблюд.	Средн. ариѳ. въ mm.
Отъ 3-хъ мѣс. до 1 года	23—37	467	15	31,2
„ 1-го года до 3 лѣтъ	24—38	506	15	33,5
„ 4-хъ лѣтъ до 6 „	30—45	365	10	36,5
„ 7 „ 10 „	32—47	391	10	39,1
„ 11 „ 14 „	32—53	626	15	41,7
„ 15 „ 17 „	31—56	706	15	47,0

Темпъ роста довольно быстрый, значительно болѣе быстрый, чѣмъ для истинной высоты уха.

b) У женщинъ.

Длина основанія уха у ста женщинъ (безъ различія по формамъ приращенія мочки) дала 4571:100=45,7 m m. или 2,92% роста, т.-е. меньше мужского уха, какъ по абсолютному размѣру (на 3 m.m.), такъ и по отношенію къ росту (на 0,02%). Предѣлы индивидуальныхъ величинъ 39 и 54 m.m.

На таблицѣ № 50 представлено распредѣленіе индивидуальныхъ величинъ длины основанія (праваго уха) у 100 изслѣдованныхъ мною взрослыхъ великоруссокъ.

ТАБЛИЦА № 50-й.

Ряды въ mm.	Число наблюд.	Ряды въ mm.	Число наблюд.
39	2	47	6
40	3	48	8
41	5	49	9
42	9	50	8
43	12	51	4
44	11	52	3
45	12	53	1
46	6	54	1

Ростъ длины основанія уха у дѣвочекъ представленъ на таблицѣ № 51.

ТАБЛИЦА № 51-й.

Возрастъ.	Предѣлы въ mm.	Сумма.	Число наблюд.	Средн. ариѳ. въ mm.
Отъ 3-хъ мѣс. до 1 года	29—36	465	15	31,0
„ 1-го года до 3 лѣтъ	30—37	492	15	32,8
„ 3-хъ лѣтъ до 6 „	31—38	353	10	35,3
„ 7 „ 10 „	32—41	371	10	37,1
„ 11 „ 14 „	35—45	588	15	39,2
„ 15 „ 16 „	35—53	655	15	43,6

На первомъ году жизни уши мальчиковъ и дѣвочекъ одинаковы, только позднѣе длина основанія у мальчиковъ больше чѣмъ у дѣвочекъ.

Темпъ роста длины основанія у дѣвочекъ довольно быстрый и равномѣрный.

IX.

Морфологическій указатель уха. $\left(\frac{\text{дл. ос.} \times 100}{\text{ист. выс.}}\right)$

а) У мужчинъ.

Выше намъ пришлось уже упоминать о томъ, что длина основанія уха значительно колеблется въ зависимости отъ формы приращенія ушной мочки. То же самое относится, конечно, и къ морфологическому указателю уха, какъ къ величинѣ, въ составъ которой длина основанія входитъ однимъ изъ ингредіентовъ. Поэтому я привожу величины морфологическаго указателя отдѣльно для ушей съ приращенной мочкой (приращеніе формы I и II по Schwalbe) и для ушей съ свободною мочкой (приращ. ф. III и IV); при этомъ необходимо упомянуть, что только для ушей съ свободной мочкой морфологическій указатель у человѣка вполнѣ сравнимъ съ таковымъ же для животныхъ; въ ушахъ же съ приращенной мочкой этотъ указатель является увеличеннымъ соотвѣтственно длинѣ приращеннаго передняго края мочки, отсутствующей у большинства животныхъ.

Для субъектовъ съ приращенной мочкой (всего 115 набл.) изслѣдованные мною рязанцы дали среднюю цифру для праваго уха въ 16846,4 : 115 = 146,5 при предѣлахъ колебанія индивидуальныхъ величинъ отъ 117,9 и до 180,0. Для субъектовъ съ свободною мочкою (209 набл.) средняя величина морфологическаго указателя уха составляетъ 27820,3 : 209 = 133,1, при варіаціяхъ индивидуальныхъ величинъ въ предѣлахъ 104,7 и 176,0. Для ушей же со всѣми формами приращенія вмѣстѣ получается цифра въ 44666,7 : 324 = 137,8. Различіе среднихъ цифръ величины указателя для той и другой формъ приращенія мочки составляетъ, слѣдовательно, довольно значительную величину въ 13,4.

Schwalbe, изслѣдовавшій эльзасцевъ и жителей средняго теченія Рейна, нашелъ у нихъ величину морфологическаго указателя уха для всѣхъ формъ приращенія мочки вмѣстѣ въ 130,0, т.-е. нѣсколько меньшую, чѣмъ у рязанцевъ. То же явленіе отмѣчено и Schäffer'омъ для жителей г. Мюнхена, для которыхъ онъ даетъ величину указателя для ушей всѣхъ формъ приращенія мочки безъ различія въ 122,5, т.-е. меньшую даже, чѣмъ цифра Schwalbe; для ушей же съ приращенною мочкою величина морфологическаго указателя повышается, по Schäffer'y, до 130,0 (величину указателя отдѣльно для ушей съ свободной мочкой Schäffer не отмѣчаетъ и не даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ подлинныхъ цифръ, изъ которыхъ можно было бы вычислить эту величину. Изъ другихъ европейскихъ народовъ имѣется цифра для жителей Nancy (Лотарингія), для которыхъ *Wilhelm* [48]) даетъ чрезмѣрно большую величину въ 175,3, что происходитъ, повидимому, вслѣдствіе того, что Wilhelm беретъ величину истинной высоты уха нѣсколько иначе, чѣмъ предлагаетъ Schwalbe (до верхушки Дарвинова бугорка, а не до конца перегиба края завитка въ области этого бугорка). Мои изслѣдованія ушей калмыковъ дали для нихъ среднюю величину морфологическаго указателя уха въ 140,6 — для всѣхъ формъ ушей и 132,7 для ушей съ свободной мочкой. Общій морфологическій указатель у калмыковъ, слѣдовательно, больше, чѣмъ у великоруссовъ, но это зависитъ, повидимому, отъ значительнаго преобладанія у первыхъ ушей съ приращеніемъ мочки въ формѣ I и отъ особой выраженности у нихъ этой формы приращенія, дѣлающей длину основанія уха значительно большею; по крайней мѣрѣ уши калмыковъ съ свободною мочкою даютъ морфологическій указатель одинаковый съ такой же формы ушами великоруссовъ (132,8 у калм. и 133,1 у великорус.). Одинаковость величинъ морфологическаго указателя для уха съ свободной мочкой у калмыковъ и у великоруссовъ при условіи единства метода изслѣдованія (въ обоихъ случаяхъ изслѣдованія произведены мною лично) пріобрѣтаетъ особое значеніе, свидѣтельствуя, что установленный *Schwalbe* фактъ повышенія величинъ морфологическаго указателя уха при переходѣ отъ низшихъ животныхъ группъ къ высшимъ (см. таблицу № 5 на стр. 30) не можетъ быть распространенъ на различныя человѣческія группы и нѣмцы вмѣстѣ съ великоруссами не занимаютъ въ этомъ отношеніи привелегированнаго положенія по сравненію ихъ съ калмыками. Вообще же надо сказать, что при попыткахъ найти въ морфологическомъ указателѣ уха одинъ изъ отличительныхъ расовыхъ признаковъ надо быть осторожнымъ и сравнивать между собой только уши съ свободной мочкою (прир. ф. III и IV); сравненіе же величинъ ушей съ приращенной мочкой, особенно въ формѣ I, не имѣетъ большаго значенія, такъ какъ эта форма приращенія въ различныхъ случаяхъ не вполнѣ идентична, давая то большую, то меньшую величину длины основанія уха въ зависимости отъ большей или меньшей крутизны нисхожденія задняго свободнаго края мочки.

Обратимся теперь къ индивидуальнымъ величинамъ морфологическаго указателя уха у нашихъ рязанцевъ.

Въ таблицѣ № 52 представлены величины этого указателя (для праваго уха) расположенныя въ ряды по 2 единицы въ каждомъ ряду для группъ субъектовъ 1) съ свободной мочкой, 2) съ приращенной и 3) для всѣхъ вмѣстѣ.

ТАБЛИЦА № 52-й.

Индивидуальныя величины морфологическаго указателя уха у рязанцевъ.

Ряды по 2.	Числа наблюденій. субъекты съ свободной мочкой.	субъекты съ приращенной мочкой.	Всѣ вмѣстѣ.
104,7	1	—	1
107,1—109,0	2	—	2
109,1—111,0	2	—	2
111,1—113,0	2	—	2
113,1—115,0	2	—	2
115,1—117,0	8	—	8
117,1—119,0	8	1	9
119,1—121,0	4	—	4
121,1—123,0	11	1	12
123,1—125,0	10	1	11
125,1—127,0	18	4	22
127,1—129,0	12	2	14
129,1—131,0	12	1	13
131,1—133,0	9	8	17
133,1—135,0	15	5	20
135,1—137,0	12	4	16
137,1—139,0	15	3	18
139,1—141,0	14	8	22
141,1—143,0	7	12	19
143,1—145,0	6	6	12
145,1—147,0	8	7	15
147,1—149,0	6	6	12
149,1—151,0	4	6	10
151,1—153,0	5	8	13
153,1—155,0	4	7	11
155,1—157,0	3	1	4
157,1—159,0	1	6	7
159,1—161,0	1	3	4
161,1—163,0	2	2	4
163,1—165,0	—	1	1
165,1—167,0	1	3	4
167,1—169,0	—	3	3
169,1—171,0	1	3	4
171,1—173,0	1	2	3
173,1—175,0	1	—	1
175,1—177,0	1	—	1
180,0	—	1	1
	Всего 209	115	324

Ряды въ общемъ довольно неправильные, что объясняется прежде всего слишкомъ широкими предѣлами колебаній этого указателя, его значительною индивидуальной варіабильностью (между 104 и 180, т.-е. въ предѣлахъ 76 единицъ или болѣе чѣмъ 50% средней цифры). Соединяя въ таблицѣ № 53 въ ряды по 10 единицъ, сопоставимъ мои цифры съ данными Schwalbe, полученными имъ у 68 эльзасцевъ (136 ушей), не различая по формамъ приращенія мочки, такъ какъ Schwalbe не дѣлаетъ такого различія.

ТАБЛИЦА № 53-й.

Индивидуальныя величины морфологическаго указателя уха у рязанцевъ и у эльзасцевъ по 10 въ рядъ.

Ряды по 10 единицъ.	Рязанцы.		Эльзасцы.	
80—89	—		4	(3%)
90—99	—		7	(5,1%)
100—109	3	(0,9%)	17	(12,5%)
110—119	23	(7,1%)	30	(22,0%)
120—129	63	(19,4%)	25	(18,4%)
130—139	84	(25,9%)	17	(12,5%)
140—149	80	(24,7%)	17	(12,5%)
150—159	45	(13.9%)	10	(7,3%)
160—169	16	(5,0%)	4	(3,0%)
170—179	9	(2,7%)	2	(1,5%)
180—189	1	(0,3%)	2	(1,5%)
190—199	—		1	(0,7%)

Въ этой таблицѣ обращаютъ на себя вниманіе меньшіе предѣлы индивидуальныхъ колебаній у рязанцевъ, не дающихъ ни столь малыхъ, ни столь большихъ величинъ указателя, какія наблюдаются у эльзасцевъ. Трудно сказать, чѣмъ объясняется такое явленіе. Принимая во вниманіе, что особенно большой указатель у эльзасцевъ представленъ всего однимъ наблюденіемъ, тогда какъ малыхъ указателей, совсѣмъ не встрѣчающихся у рязанцевъ, у эльзасцевъ отмѣчается въ 8,1% всѣхъ случаевъ, можно предположить, что одинокій максимальный указатель эльзасцевъ представляетъ случайное явленіе; тогда смѣщеніе цифръ въ сторону малыхъ указателей у эльзасцевъ можетъ считаться лишь частичнымъ выраженіемъ общаго уменьшенія величины ихъ указателя по сравненію съ рязанцами, что мы уже видѣли и на среднихъ цифрахъ. Но составляетъ ли это уменьшеніе указателя дѣйствительную особенность конфигураціи уха эльзасцевъ, или же оно зависитъ только отъ меньшаго у нихъ процента ушей съ приращенной мочкой (дающихъ вообще большія величины указателя)— остается неизвѣстнымъ вслѣдствіе того, что Schwalbe не высчитываетъ указателей отдѣльно для ушей съ свободной и съ приращенной мочкой. Но для другой германской группы, а именно для обитателей Мюнхена Schäffer высчитываетъ величину морфологическаго указателя для ушей съ приращенной мочкой въ 130, тогда какъ у рязанцевъ эта форма уха даетъ указатель въ 146,5, т.-е значительно большій, такъ что можно предполагать до нѣкоторой степени, что германцы обладаютъ нѣсколько меньшимъ чѣмъ рязанцы морфологическимъ указателемъ уха.

Возрастныя измѣненія величинъ морфологическаго указателя у дѣтей иллюстрируется таблицей № 54.

ТАБЛИЦА № 54-й.

Измѣненія среднихъ величинъ морфологическаго указателя уха дѣтей (мальчиковъ) по возрастамъ.

Возрастъ.	Предѣлы индив. колебаній.	Сумма.	Число набл.	Средн. ариө.
Отъ 3-хъ мц. до 1 г. . .	103—154	1842,8	: 15	=122,8
Свыше 1 г. и до 3-хъ лѣтъ	110—148	1905,2	: 15	=127,0
Отъ 3-хъ и до 6 лѣтъ	110—155	1295,6	: 10	=129,5
„ 7 „ 10 „	114—157	1333,4	: 10	=133,3
„ 11 „ 14 „	110—161	2010,5	: 15	=134,0
„ 15 „ 27 „	110—164	2051,1	: 15	=136,7

Съ увеличеніемъ возраста морфологическій указатель уха увеличивается, что зависитъ отъ того, что въ то время какъ возрастаніе длины основанія уха идетъ довольно быстро, темпъ роста истинной высоты уха очень замедленъ и выраженъ слабо.

На таблицѣ № 55 представлены возрастныя измѣненія морфологическаго указателя уха у взрослыхъ рязанцевъ, при чемъ принято во вниманіе раздѣленіе по формамъ приращенія мочки.

ТАБЛИЦА № 55-й.

Возрастныя измѣненія въ величинахъ морфологическаго указателя уха взрослыхъ рязанцевъ.

	Уши съ прир. мочки ф. III и IV.			Уши съ прир. мочки ф. I и II.		
Возрастъ.	Сумма.	Чис. наб.	Средн. ариө.	Сумма.	Чис. наб.	Средн. ариө.
До 25 л.	9511,5	: 72	= 132,1	6222,0	: 43	= 144,7
26—30 „	7175,6	: 54	= 132,9	4833,8	: 33	= 146,4
31—35 „	3766,1	: 28	= 134,5	2807,5	: 19	= 147,7
36—40 „	3009,3	: 22	= 136,8	1484,8	: 10	= 148,5
выше 40 „	4357,8	: 33	= 132,0	1498,3	: 10	= 149,8

Изъ этой таблицы видно, что морфологическій указатель уха правильно возрастаетъ съ увеличеніемъ возраста. Существованіе здѣсь, какъ это мы видѣли по отношенію къ длинѣ, ширинѣ уха и физіономическому его указателю, извѣстнаго періода statu quo не удается отмѣтить, но потому ли, что его дѣйствительно нѣтъ, или потому только, что за раздробленіемъ всего матеріала на двѣ группы пришлось взять болѣе крупную возрастную группировку (отъ 18 и до 25 лѣтъ соединено въ одну группу),—это—вопросъ открытый.

По группамъ увеличивающагося роста (табл. № 56) морфологическій указатель увеличивается за исключеніемъ группы высокаго роста, давшей величины нѣсколько меньшія, чѣмъ для предыдущей группы.

ТАБЛИЦА № 56-й.

Измѣненія морфологическаго указателя уха по группамъ роста.

	Для ушей съ свободной мочкой.			Для ушей съ приращенной мочкой.		
	Сумма.	Чис. наб.	Средн. ариө.	Сумма.	Чис. наб.	Средн. ариө.
Низкій ростъ	5338,2	: 41	=130,2	3703,1	: 26	=142,4
Ниже средняго	7668,6	: 58	=132,2	4839,8	: 33	=146,6
Выше средн.	9644,6	: 71	=135,8	5044,4	: 34	=149,5
Высокій ростъ	5168,9	: 39	=132,5	3259,1	: 22	=148,1

Желая прослѣдить соотношеніе между величиной морфологическаго указателя уха и формою головы, я раздѣлилъ всѣ индивидуальныя величины указателей на малыя, среднія и большія и подсчиталъ число тѣхъ и другихъ отдѣльно для долихо-мезо, и брахи-цефаловъ (см. таблицу № 57). Предѣломъ для малыхъ величинъ указателя я принялъ величину въ 130,0; указатели отъ 130,1 и до 145,0 приняты мною за среднія и отъ 145,1 и выше—за большія; тогда малыя величины указателя будутъ представлены 93 наблюденіями, средняя—133 и большія—98 наблюденіями.

ТАБЛИЦА № 57-й.

Распредѣленіе малыхъ, среднихъ и большихъ величинъ морфологическаго указателя уха по формамъ головы.

Уши съ приращенной мочкой.

	Малый указатель.		Средній указатель.		Большой указатель.	
	абс. число.	%	абс. число.	%	абс. число.	%
Долихоцефалы . .	0	0	6	50,0	6	50,0
Мезоцефалы . . .	3	9,1	13	39,4	17	51,5
Брахицефалы. . .	6	8,6	28	40,0	36	51,4

Уши съ свободной мочкой.

	Малый указатель.		Средній указатель.		Большой указатель.	
	абс. число.	%	абс. число.	%	абс. число.	%
Долихоцефалы . .	5	26,3	5	26,3	9	47,3
Мезоцефалы . . .	17	34,0	27	54,0	6	12,0
Брахицефалы. . .	62	44,3	54	38,5	24	17,1

Для ушей съ приращенной мочкой существованіе соотношенія между морфологическимъ указателемъ уха и формою головы не особенно демонстративно. Можно только отмѣтить полное отсутствіе ушей съ малымъ указателемъ среди долихоцефаловъ. Совершенно иначе

стоитъ дѣло по отношенію къ ушамъ съ свободною мочкою. При первомъ же взглядѣ какъ на абсолютныя цифры, такъ и на процентныя отношенія сразу бросается въ глаза то обстоятельство, что среди долихоцефаловъ самою частою формою уха является ухо съ большимъ морфологическимъ указателемъ, представленное у длинноголовыхъ 47,3%; среди мезоцефаловъ наиболѣе распространеннымъ (54%) является ухо съ средними величинами морфологическаго указателя, а среди брахицефаловъ съ малыми величинами его (44,3%). Цифры настолько демонстративны, что существованіе связи между формою головы и морфологическимъ указателемъ уха становится внѣ сомнѣнія. Зависимость формы уха отъ формы головы можетъ быть, слѣдовательно, формулирована слѣдующимъ образомъ: бо́льшимъ величинамъ головного указателя соотвѣтствуютъ меньшія величины морфологическаго указателя уха и обратно—меньшимъ величинамъ головного указателя—бо́льшія величины морфологическаго указателя уха. Вспомнивъ теперь, что аналогичныя же отношенія были отмѣчены и для физіономическаго указателя, можно заключить, что долихоцефаліи соотвѣтствуютъ болѣе широкія (большой физіон. указатель) и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе редуцированныя уши (такъ какъ Schwalbe показалъ, что чѣмъ дальше зашелъ процессъ редукціи уха, тѣмъ больше величина морфологическаго его указателя); брахицефаліи же, обратно, соотвѣтствуютъ болѣе узкія и менѣе редуцированныя уши.

Тотъ фактъ, что для субъектовъ съ приращенной мочкою соотношенія между формою головы и морфологическимъ указателемъ уха не ясны, нисколько не уменьшаетъ вѣроятности и значенія этого соотношенія. Здѣсь мы видимъ только еще одно лишнее подтвержденіе сдѣланнаго уже мною выше указанія на несовершенство измѣренія основанія уха, а слѣдовательно и морфологическаго указателя въ тѣхъ случаяхъ когда приходится оперировать надъ ушами съ приращенною мочкою. Въ такихъ случаяхъ измѣненія величины морфологическаго указателя зависятъ не столько отъ измѣненія общей формы всего уха, какъ это имѣетъ мѣсто по отношеніи къ ушамъ съ свободною мочкою, сколько отъ измѣненій длины мочки, весь передній край которой входитъ въ этихъ случаяхъ въ составъ длины основанія уха и увеличиваетъ, слѣдовательно, цифру морфологическаго указателя въ то время, какъ сама по себѣ форма уха (не принимая въ разсчетъ мочку) можетъ оставаться безъ измѣненія или даже измѣняться въ противоположномъ съ показаніями указателя смыслѣ. Въ виду этого для полученія болѣе устойчивыхъ величинъ морфологическаго указателя длину основанія уха слѣдовало бы брать такъ, чтобы она не колебалась въ зависимости отъ формы приращенія мочки и степени ея развитія въ длину. Удобнѣе всего было бы, оставивъ верхнюю точку для основанія уха ту же самую, которая предложена Schwalbe, нижнюю точку перенести съ точки перехода мочки въ кожу щеки на самую низкую точку incisurae intertragicae. Въ этомъ случаѣ основаніе уха у человѣка не много отличалось бы, правда, отъ того размѣра, который можетъ быть принятъ за основаніе уха у животныхъ, но разница въ общемъ очень не велика и на соотношеніе величинъ указателя у человѣка и у животныхъ она не оказала бы сколько-нибудь замѣтнаго вліянія; зато она не зависѣла бы отъ варіацій въ формѣ и величинѣ мочки.

Къ сожалѣнію, это обстоятельство выяснилось для меня съ полною очевидностью только въ то время, когда я началъ уже разработывать мой матеріалъ, такъ что исправить этотъ недостатокъ и воспользоваться предлагаемымъ мною теперь способомъ измѣренія длины основанія уха я уже не имѣлъ возможности.

b) У женщинъ.

Морфологическій указатель праваго уха ста изслѣдованныхъ мною взрослыхъ великорусскихъ женщинъ далъ въ среднемъ 14225,9 : 100 = 142,2 при предѣлахъ индивидуальныхъ колебаній отъ 117,6 и до 182,1 (безъ распредѣленія по формамъ приращенія мочки). Въ общемъ слѣдовательно, женское ухо даетъ нѣсколько большій указатель, чѣмъ мужское (у мужч. морфологич. указ. 137,8), т.-е. женское ухо оказывается въ этомъ отношеніи нѣсколько болѣе редуцированнымъ, чѣмъ мужское—фактъ, отмѣченный впервые *Schwalbe* на основаніи нѣкоторыхъ другихъ, главнымъ образомъ описательныхъ, признаковъ. Таблица № 58 даетъ представленіе о распредѣленіи индивидуальныхъ величинъ морфологическаго указателя женскаго уха.

ТАБЛИЦА № 58-й.

Индивидуальныя величины морфологическаго указателя женскаго уха.

Величина указателя въ рядахъ по одной единицѣ.	Число набл.	Величина указателя въ рядахъ по одной единицѣ.	Число набл.
До 118	1	До 135,0	2
„ 120,0	1	„ 136,0	1
Отъ 120,1 до 121,0	1	„ 137,0	3
121,1 „ 122,0	2	„ 138,0	2
„ 123,0	0	„ 139,0	4
„ 124,0	0	„ 140,0	1
„ 125,0	3	„ 141,0	4
„ 126,0	1	„ 142,0	4
„ 127,0	2	„ 143,0	1
„ 128,0	2	„ 144,0	1
„ 129,0	2	„ 145,0	3
„ 130,0	4	„ 146,0	3
„ 131,0	2	„ 147,0	3
„ 132,0	4	„ 148,0	0
„ 133,0	3	„ 149,0	7
„ 134,0	5	„ 150,0	3

Величина указателя въ рядахъ по одной единицѣ.	Число набл.	Величина указателя въ рядахъ по одной единицѣ.	Число набл.
До 151,0	1	До 161,0	0
„ 152,0	5	„ 162,0	3
„ 153,0	0	„ 163,0	1
„ 154,0	3	„ 164,0	0
„ 155,0	1	„ 165,0	1
„ 156,0	1	„ 166,0	2
„ 157,0	0	„ 169,0	1
„ 158,0	3	Отъ 171,1 до 172,0	1
„ 159,0	0	„ 174,1 „ 175,0	1
„ 160,0	1	„ 182,1 „ 183,0	1

Числа наблюденій располагаются по рядамъ довольно неправильно вслѣдствіе какъ недостаточно большого числа наблюденій, такъ и отсутствія раздѣленія по формамъ мочки, и вслѣдствіе, наконецъ, очень широкихъ границъ индивидуальныхъ колебаній этого указателя. Schwalbe, получившій въ силу тѣхъ же причинъ подобное же неправильное и пестрое распредѣленіе индивидуальныхъ величинъ морфологическаго указателя уха, для приданія имъ болѣе однообразнаго и болѣе удобообозрѣваемаго вида, соединяетъ ихъ въ ряды по 10 единицъ указателя. Таблица № 59 даетъ представленіе объ измѣненіяхъ въ величинахъ морфологическаго указателя уха у дѣвочекъ до періода ихъ созрѣванія.

ТАБЛИЦА № 59-й.

Возрастныя измѣненія величинъ морфологическаго указателя уха у дѣвочекъ.

Возрастъ.	Пред. индив. величинъ.	Сумма.	Чис. набл.	Средн. ариѳм.
Отъ 3 мѣс. до 1 года	107—139	1818,3	15	121,2
„ 1 года до 3 лѣтъ	113—146	1895,0	15	126,3
„ 4 „ „ 6 „	116—148	1355,9	10	135,5
„ 7 „ „ 10 „	114—167	1325,6	10	132,5
„ 11 „ „ 14 „	115—170	2104,1	15	140,2
„ 15 „ „ 16 „	113—183	2134,5	15	142,3

Морфологическій указатель, малый въ раннемъ дѣтствѣ, постепенно съ возрастомъ увеличивается.

X.

Разстояніе отъ incisura intertragica до верхушки уха (длина уха безъ мочки).

Значеніе этого размѣра понятно само собою: мочка, будучи образованіемъ не свойственнымъ четвероногимъ, является у приматовъ и человѣка образованіемъ чрезвычайно неустойчивымъ и варіирующимъ и въ формѣ, и въ величинѣ. Входя между тѣмъ ингредіентомъ въ величину длины всего уха, измѣряемой по обычному способу—отъ верхушки уха и до самой нижней его точки, мочка значительно вліяетъ на величину этого размѣра, уменьшая или увеличивая его соотвѣтственно большему или меньшему своему развитію. Въ виду этого измѣреніе высоты уха отъ самой нижней точки incisura intertragica и до верхушки уха, какъ не зависящее отъ формы и величины мочки, должно давать менѣе колеблющіяся, болѣе удобосравнимыя между собою величины. Средняя величина этого размѣра у моихъ рязанцевъ составляетъ $\frac{15325}{324}$=47,3 m.m. при колебаніяхъ отъ 34 и до 55 m.m.; величина 55 m.m. не должна считаться исключительной, такъ какъ она слѣдуетъ непосредственно за предыдущей величиной въ 54 m.m. и т. д., минимальная же величина въ 34 m.m. носитъ скорѣе характеръ случайности, такъ какъ субминимальной величиной является уже 39 m.m.; послѣ этой величины возрастаніе идетъ по миллиметрамъ правильно и безъ перерывовъ (см. табл. № 60).

ТАБЛИЦА № 60-й.

Индивидуальныя величины размѣра отъ incisura intertragica и до верхушки уха у рязанцевъ въ рядахъ по 1 m.m.

Рядъ.	Число набл.	Рядъ.	Число набл.
Въ 34	1	47	39
„ 39	1	48	52
„ 40	3	49	29
„ 41	2	50	35
„ 42	9	51	21
„ 43	11	52	7
„ 44	29	53	5
„ 45	30	54	8
„ 46	41	55	1
			324

Ряды расположены довольно правильно, среднее въ 47,3 подаетъ какъ разъ на рядъ, представленный наибольшимъ числомъ наблюденій (52).

Распредѣленіе наблюденій по группамъ роста даетъ правильное повышеніе величинъ изучаемаго размѣра съ увеличеніемъ роста, какъ это видно изъ таблицы № 61.

ТАБЛИЦА № 61-й.

Въ группѣ низкаго роста средн. размѣръ	$\frac{3011}{66}$	=45,6 m.m.
„ „ ниже средняго „ „	$\frac{4366}{92}$	=47,4 „
„ „ выше средняго „ „	$\frac{4958}{104}$	=47,7 „
„ „ высокаго роста „ „	$\frac{2990}{62}$	=48,2 „

Зависимость этого размѣра отъ роста можетъ считаться на основаніи этой таблицы доказанной. Выражая тѣ же величины въ процентахъ роста получимъ:

для низкаго роста 2,91% роста.
„ ниже средняго 2,90% „
„ выше средняго 2,84% „
„ высокаго. . . 2,77% „

Замѣчается уменьшеніе относительныхъ къ росту величинъ съ увеличеніемъ роста, т.-е. выраженіе того же закона, который отмѣченъ для большинства измѣреній какъ головы и лица, такъ и уха.

XI.

Длина мочки.

Средняя длина мочки у мужчинъ рязанцевъ составляетъ 5319 : 324=16,4 m.m. при предѣлахъ колебній отъ 11 до 21 m.m. Увеличиваясь на нѣсколько десятыхъ миллиметра для группы высокаго роста и уменьшаясь на ту же величину для группы низкаго, въ промежуточныхъ группахъ роста она измѣняется атипично, при чемъ разница нигдѣ не восходитъ до цѣлаго миллиметра и въ общемъ надо сказать, что съ ростомъ величина мочки связана мало.

Нѣсколько болѣе выражена связь между величиною мочки и формою головы. Такъ, длина мочки

для долихоцефаловъ $\frac{528}{31}$=17,0 m.m.
„ мезоцефаловъ . $\frac{1392}{83}$=16,8 „
и для брахицефаловъ $\frac{3399}{210}$=16,2 „

Хотя разница и не доходитъ немного до 1 m., однако, уменьшеніе размѣра мочки съ увеличеніемъ головного указателя идетъ довольно правильно.

Возрастныя измѣненія длины мочки представлены на таблицѣ № 62.

ТАБЛИЦА № 62-й.

Измѣненія длины мочки по возрастамъ.

	mm.
Отъ 18 до 21 г. сред. длина мочки состав.	817 : 51=16,0
„ 22 „ 25 „ „ „ „ „	1032 : 64=16,1
„ 26 „ 30 „ „ „ „ „	1418 : 87=16,3
„ 31 „ 35 „ „ „ „ „	776 : 47=16,3
„ 36 „ 40 „ „ „ „ „	533 : 32=16,6
„ 41 „ 45 „ „ „ „ „	333 : 19=17,5
выше 45 лѣтъ „ „ „	420 : 24=17,5

Длина мочки возрастаетъ очень медленно до 25 лѣтъ, въ промежутокъ между 26-ю и 35 годами она остается стаціонарною и вновь довольно быстро возрастаетъ въ возрастѣ послѣ 35 лѣтъ. Первое увеличеніе свидѣтельствуетъ какъ бы о фактическомъ ростѣ, окончательномъ формированіи мочки, слѣдующее же за стаціонарнымъ періодомъ второе увеличеніе является уже результатомъ нѣкотораго одрябленія и отвисанія мочки.

Необходимо оговориться, что предложенное Schwalbe измѣреніе длины мочки отъ дна incisurae intertragicae и до самой низкой точки мочки грѣшитъ однимъ недостаткомъ: приращенная мочка, переходящая подъ острымъ угломъ въ кожу щеки (приращеніе форма I по Schwalbe) иногда велика, но нерѣдко она окаймляетъ нижній край ушного хряща узкою полоскою, сильно расширяющейся только въ области своего приращенія къ кожѣ щеки. Такая мочка можетъ быть названа скорѣе маленькою (узкою), чѣмъ большою, между тѣмъ при измѣреніи по способу Schwalbe она дастъ большую цифру. Правильнѣе было бы поэтому производить измѣреніе мочки не до самой низкой точки мочки (которая къ тому же на ушахъ съ формой I прикрѣпленія иногда не можетъ быть даже точно отмѣчена—до того постепененъ бываетъ переходъ въ кожу щеки), но отъ предложенной же Schwalbe самой глубокой точки дна incisurae по линіи параллельной направленію линіи прикрѣпленія уха (т.-е. основанію уха) до пересѣченія въ этомъ направленіи съ свободнымъ краемъ мочки. Недостатокъ предложеннаго Schwalbe измѣренія былъ замѣченъ мною, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, когда нельзя уже было исправлять сдѣланнаго и когда мнѣ не оставалось ничего другого, какъ продолжать измѣрять, какъ и началъ, по указаніямъ Schwalbe.

XII.

Длина conchae.

Средняя длина conchae у мужчинъ рязанцевъ составляетъ 8459 : 324=26,1 m.m., у долихоцефаловъ длина conchae составляетъ 817 : 31=26,3 m.m., у мезоцефаловъ — 2198 : 83 = 26,5 m.m. и у брахицефаловъ — 5444 : 210 = 26,0; особенной разницы, слѣдовательно, не замѣтно.

XIII.

Ширина conchae.

Средняя ширина conchae для мужчинъ рязанцевъ составляетъ 5587 : 324=17,2 m.m.; по формамъ головы: для долихоцефаловъ — 510 : 31=16,4, для мезоцефаловъ—1463 : 83=17,6 и для брахицефаловъ—3614 : 210= 17,2, т.-е. тѣ же приблизительно отношенія, что и для длины конхи, равно какъ и длины и ширины ушной раковины. У моихъ рязанцевъ наблюдаются, слѣдовательно, нѣсколько большіе размѣры какъ всей ушной раковины такъ и конхи при мезоцефаліи.

XIV.

Указатель конхи.

Указатель конхи для мужчинъ рязанцевъ составляетъ въ среднемъ $\frac{17,2\times100}{26,1}$=65,90, т.-е. конха въ общемъ нѣсколько шире (круглѣе), чѣмъ все наружное ухо in toto, физіономическій указатель котораго равенъ 53,48. По формамъ головы: для долихоцефаловъ указатель конхи составляетъ $\frac{16,4\times100}{26,3}$=62,36, для мезоцефаловъ — $\frac{17,6\times100}{26,5}$=66,41 и для брахицефаловъ $\frac{17,2\times100}{26,0}$ = =66,15, т.-е. у долихоцефаловъ конха какъ будто немного поуже. Изъ другихъ изслѣдователей указатель конхи отмѣченъ только у Frigerio для 100 солдатъ итальянцевъ, гдѣ онъ составляетъ въ среднемъ 67 для праваго и 61 для лѣваго уха, т.-е., если судить по правому уху, немного шире, чѣмъ у рязанцевъ.

XV.

Общій сводъ измѣрительныхъ признаковъ уха великоруссовъ.

	Мужчины. абс. вел. въ mm	Мужчины. % роста.	Женщины. абс. вел. въ mm.	Женщины. % роста.
Длина уха.	61,4	3,72	59,07	3,86
Ширина.	32,8	1,98	33,19	2,17
Физіономическій указатель	53,48		56,29	
Истинная длина уха . .	35,3	2,13	32,39	2,11
Основаніе уха	48,7	2,94	45,71	2,92

	Мужчины. абс. вел. въ mm.	Мужчины. % роста.	Женщины. абс. вел. въ mm.	Женщины. % роста.
Морфологическій указатель	137,8		142,2	
Длина уха безъ мочки .	47,3	2,86	—	
Длина мочки	16,4	0,98	—	
Длина (высота) конхи .	26,3	1,59	—	
Ширина конхи.	17,2	1,04	—	
Указатель конхи	65,90		—	

XVI.

Измѣрительные признаки уха душевно-больныхъ и преступниковъ.

Систематическими измѣреніями ушей душевно-больныхъ и преступниковъ занимались очень не многіе авторы (*Frigerio*, *Warda*, *Wilhelm*), но и тѣ цифры, которыя даются этими авторами, въ значительной мѣрѣ теряютъ свою цѣнность какъ вслѣдствіе отсутствія сравнительныхъ съ нормальнымъ населеніемъ цифръ, получаемыхъ для тѣхъ же измѣреній самими авторами (наприм., Warda, сравниваетъ свои цифры для больныхъ съ цифрами Schwalbe для нормальнаго населенія), такъ вслѣдствіе довольно крупныхъ методологическихъ ошибокъ, отсутствія указаній на способы измѣренія, недостаточно ясной группировки данныхъ и т. д. Понятно, что и получаемые авторами выводы становятся мало достовѣрными, нерѣдко противорѣчащими другъ другу, при чемъ приведеніе данныхъ in extenso и отсутствіе указаній на технику изслѣдованій отнимаетъ возможность сравнить цифры авторовъ, а при ихъ противорѣчіи—сказать, какія изъ нихъ наиболѣе достовѣрны.

Говоря о длинѣ ушей Frigerio, напримѣръ, утверждаетъ что уши душевно-больныхъ и преступниковъ длиннѣе и ўже чѣмъ уши нормальныхъ людей, Wilhelm же, соглашаясь относительно большей узкости уха душевнобольныхъ и преступниковъ, считаетъ ихъ обратно болѣе короткими. Не менѣе противорѣчій у авторовъ и по отношенію къ другимъ размѣрамъ и указателямъ уха. Вслѣдствіе такихъ противорѣчій приводящихъ къ полному недоумѣнію, я съ своей стороны измѣрилъ нѣкоторые главнѣйшіе размѣры ушей у ста душевно-больныхъ, принадлежащихъ исключительно къ классу вырождающихся *), подобранныхъ по клинической картинѣ болѣзни, т.-е. исключительно у больныхъ, страдающихъ типичными психозами вырожденія. По родамъ болѣзни изслѣдованные мною субъекты располагаются слѣдующимъ образомъ: 1) періодическіе психозы—30 случаевъ; 2) циркулярные—9; 3) dementia origin. (idiot.) и dement. praecox (въ смыслѣ *Крепелина*)—14; 4) дегенеративно-паранойяльныя формы (dement. paranoides *Крепелина*, резонирующее помѣшательство и т. д.)—14; 5) эпилептическіе психозы при условіи тяжкой наслѣдственности—13; 6) психозы навязчивыхъ идей и различныя состоянія обсессій при томъ же условіи—19.

Стараясь по возможности избѣгать ошибокъ моихъ предшественниковъ, я прежде всего велъ изслѣдованіе совершенно точно по указаніямъ схемы Schwalbe, по которой велось и изслѣдованіе нормальныхъ рязанцевъ. Расовая идентичность сравниваемыхъ группъ нормальнаго населенія и вырождающихся душевно-больныхъ обезпечивается принадлежностью и той и другой группы къ великоруссамъ области бывшихъ земель Владиміро-Суздальскаго края (наибольшій контингентъ среди душевно-больныхъ составляютъ у меня москвичи и тѣже рязанцы); для возможно большаго устраненія вліянія соціальныхъ и сословныхъ различій—контингентъ душевно-больныхъ подбирался мною исключительно среди крестьянъ, родившихся и проведшихъ все дѣтство въ деревнѣ.

Въ виду того, что различія въ величинѣ, а особенно въ формѣ праваго и лѣваго уха замѣчались сравнительно не рѣдко, въ счетъ введено и правое и лѣвое ухо каждаго субъекта и всѣ разсчеты сведены къ 200 ушамъ (у ста больныхъ).

Число ассиметрій въ величинѣ тѣхъ или другихъ размѣровъ праваго и лѣваго уха у душевно-больныхъ сравнительно значительно, а именно 35 случаевъ (столько же, слѣдовательно, и процентовъ) противъ 26,5% у здоровыхъ. Въ этомъ отношеніи мои данныя совпадаютъ съ тѣмъ, что отмѣчалось уже нѣсколькими авторами.

*) Мои измѣренія велись главнымъ образомъ въ Преображенской больницѣ, директору которой д-ру И. В. Константиновскому и приношу здѣсь, за любезное разрѣшеніе работать въ больницѣ, сердечную благодарность.

1) **Длина.** У измѣренныхъ мною ста больныхъ правое ухо дало въ среднемъ 6321 : 100=63,21 mm., а лѣвое 6309 : 100=63,09, оба же вмѣстѣ — 63,15 mm., т.-е. немного больше, чѣмъ у здоровыхъ великоруссовъ (61,4 mm.); разница эта пріобрѣтаетъ нѣсколько большее значеніе благодаря тому, что измѣренный у 63 изъ моихъ больныхъ ростъ оказался нѣсколько ниже чѣмъ у здоровыхъ великоруссовъ (1641,1 mm. противъ 1651,3) *). Въ этомъ отношеніи мои наблюденія какъ бы подтверждаютъ мнѣніе *Binder'a*, основанное, впрочемъ, не на измѣреніяхъ, а на числѣ отмѣчаемыхъ имъ на глазъ большихъ ушей у душевно-больныхъ (сравнительной цифры со здоровыми Binder также не даетъ); то же самое свидѣтельствуютъ и цифры *Frigerio*; цифры же *Wilhelm'a* говорятъ обратное. У Frigerio можно впрочемъ, отмѣтить въ этомъ отношеніи важную ошибку, а именно сравненіе величинъ ушей здоровыхъ солдатъ, т.-е. молодыхъ людей съ величинами ушей преступниковъ и душевно-больныхъ различныхъ возрастовъ (съ значительнымъ преобладаніемъ людей пожилыхъ). Выше же мы видѣли, что длина уха съ возрастомъ увеличивается. Въ моихъ наблюденіяхъ у душевно больныхъ возрастъ до 29 лѣтъ представленъ 16 случаями; отъ 30 до 35—6-ю, отъ 36 лѣтъ и выше—78, у здоровыхъ же рязанцевъ возрастъ до 29 лѣтъ—202 случая или 62,3%, отъ 30 до 35—47 сл. или 14,5% и выше 35 лѣтъ—75 скуч. или 23,1%, т.-е. *группа здоровыхъ представлена въ общемъ значительно болѣе молодыми субъектами.* Отсюда уже à priori можно ожидать, что увеличеніе длины уха больныхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ бо́льшаго ихъ возраста. Дѣйствительно, пdи сравненіи проведенномъ по отдѣльнымъ возрастнымъ группамъ (см. таб. № 63) различіе между здоровыми и больными исчезаетъ почти совершенно.

ТАБЛИЦА № 63-й.

Длина ушей здоровыхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ по возрастамъ.

	Здоровые.	Душевно-больные.
Отъ 26 до 30 лѣтъ . .	61,1	985 : 16=61,6 mm.
„ 31 „ 35 „ . . .	62,0	371 : 6=61,8 mm.
„ 36 „ 40 „ . . .	63,1	4953 : 78=63,5 mm.
„ 41 „ 45 „ . . .	63,3	
„ 46 „ 60 „ . . .	63,4	

Предѣлы колебаній индивидуальныхъ величинъ уха у больныхъ заключаются между 51 и 76 mm., а у здоровыхъ великоруссовъ между 48 и 77, т.-е. почти въ

*) Если не считать, конечно, разницу между ростомъ здоровыхъ и больныхъ только кажущеюся, зависящей отъ разслабленія членовъ душевно больныхъ и трудности установить ихъ при измѣреніи совершенно прямо.

тѣхъ же границахъ; у здоровыхъ за минимумомъ въ 48 слѣдуетъ subminim. въ 54, а у больныхъ за минимумомъ въ 51 слѣдуетъ субминимумъ также въ 54 mm., такъ что въ этомъ отношеніи между здоровыми и больными нѣтъ рѣшительно никакой разницы; такихъ большихъ ушей, какія видѣлъ Binder (85 mm.), у измѣренныхъ мною больныхъ не наблюдалось, хотя надо сказать, что у другихъ больныхъ, не подвергавшихся измѣреніямъ, мнѣ приходилось неоднократно наблюдать дѣйствительно очень большія уши; но такія же уши встрѣчаются и среди здоровыхъ людей—рѣже или чаще чѣмъ у больныхъ, это еще открытый вопросъ. Надо также сказать, что у двухъ здоровыхъ субъектовъ съ огромными ушами изъ разспросовъ мнѣ не удалось обнаружить ни патологической наслѣдственности, ни какихъ либо явныхъ признаковъ психической дегенераціи, хотя оба эти субъекта люди интеллигентные и не дающіе повода сомнѣваться въ правдивости ихъ словъ; у одного же обладателя подобными ушами мнѣ удалось на самомъ дѣлѣ открыть наслѣдственные антецеденты, хотя самъ онъ былъ, повидимому, нормаленъ.

Таблица № 64 показываетъ распредѣленіе индивидуальныхъ величинъ ушей у ста душевно-больныхъ великоруссовъ по рядамъ въ 1 m.

ТАБЛИЦА № 64-й.

Длина въ mm.	Правое ухо.	Лѣвое ухо.
51	1	1
54	2	2
56	1	3
57	1	0
58	2	2
59	9	5
60	4	3
61	8	6
62	11	14
63	10	13
64	9	11
65	9	10
66	9	10
67	5	5
68	2	3
69	2	2
70	4	2
71	8	4
72	2	2
73	0	1
76	1	1
	100	100

2) **Ширина уха.** Въ среднемъ для ста больныхъ (200 ушей) ширина уха составляетъ 6709 : 200 = 33,5 m.m., при чемъ правое ухо оказывается нѣсколько пошире лѣваго (что отмѣчалось другими авторами и для здоровыхъ, а у меня только для больныхъ). По сравненію съ здоровыми великоруссами душевно-больные дали величину нѣсколько большую (у здоровыхъ средняя ширина уха составляетъ 32,8 m.m.), но вся разница менѣе одного миллиметра, при чемъ не трудно и для нея, какъ и для длины уха, показать зависимость отъ возрастныхъ различій группъ здоровыхъ и больныхъ великоруссовъ. Распредѣленіе индивидуальныхъ величинъ для всѣхъ 200 ушей представлено въ таблицѣ № 65.

ТАБЛИЦА № 65-й.

Ширина уха душевно-больныхъ великоруссовъ (въ рядахъ по 1 m.m.).

Ряды по 1 mm.	Правое ухо.	Лѣвое ухо.
28 m.m.	1	1
30 „	3	3
31 „	14	15
32 „	8	8
33 „	10	11
34 „	10	15
35 „	14	12
36 „	15	13
37 „	11	9
38 „	5	4
39 „	4	3
40 „	2	2
41 „	2	3
42 „	1	1

3) **Физіономическій указатель уха** Физіономическій указатель уха ста душевно-больныхъ, выведенный изъ среднихъ величинъ длины и ширины уха, составляетъ $\frac{33,50 \times 100}{63,15} = 53,04$, т.-е. ту же самую величину, которая получена и для нормальныхъ великоруссовъ (53,48) *). Даже и та ничтожная разница, которая наблюдается между величинами указателя для здоровыхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ (0,44), легко объясняется тѣмъ, что, какъ мы это видѣли изъ таблицы № 36, съ возрастомъ величина указателя хотя и слабо, но все-таки падаетъ; слѣдовательно, въ составленной изъ представителей болѣе пожилого возраста группѣ душевно-больныхъ физіономическій указатель долженъ быть немного меньше, что мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ добытыя нами данныя позволяютъ утверждать въ довольно положительной формѣ, что по

*) Предѣлы индивидуальныхъ колебаній у здоровыхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ совершенно одинаковы.

величинѣ физіономическаго указателя между душевно-здоровыми и больными великоруссами нѣтъ никакой разницы.

Ссылка на небольшое число наблюденій,—ссылка, которую особенно охотно любятъ дѣлать защитники „дегенеративнаго уха“ въ тѣхъ случаяхъ, когда статистики складываются не въ ихъ пользу, въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ при сравненіи какого нибудь признака въ двухъ группахъ, изъ которыхъ одна или обѣ отличаются небольшимъ числомъ наблюденій, можно ожидать, что полученныя для изучаемаго признака среднія величины, въ одной или въ обѣихъ группахъ будутъ до нѣкоторой степени уклоняться отъ истиннаго средняго, при чемъ предѣлы возможныхъ уклоненій (которые могутъ быть вычислены) будутъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше въ группѣ число наблюденій. Отсюда очевидно, что при сравненіи недостаточно численныхъ группъ можно ожидать, что одинъ и тотъ же признакъ, въ сущности одинаковый для обѣихъ группъ, можетъ случайно дать различныя цифры и вѣроятность такого ожиданія тѣмъ больше, чѣмъ меньшимъ числомъ наблюденій представлены сравниваемыя группы. Но разъ мы и при недостаточно большемъ числѣ наблюденій получаемъ для изучаемаго признака одинаковыя числа, вѣроятіе, что здѣсь играла роль случайность,—уменьшается до чрезвычайности и уменьшается тѣмъ въ большей степени, чѣмъ меньше число наблюденій въ каждой изъ сравниваемыхъ группъ. Если мы имѣемъ какую-нибудь среднюю величину, вычисленную для сравнительно большой группы наблюденій, а потомъ получаемъ ту же самую величину и для новой группы, составленной всего изъ нѣсколькихъ наблюденій, мы въ правѣ заключить, что изучаемый нами признакъ не только одинаково характеризуетъ обѣ эти группы, но и является въ то же время признакомъ весьма постояннымъ, легко обнаруживающимся и при маломъ числѣ наблюденій.

Совсѣмъ иначе надо, конечно, относиться къ тѣмъ случаямъ, когда при сравненіи двухъ недостаточно многочисленныхъ группъ наблюденій получается между ними по отношенію къ какому-нибудь признаку нѣкоторая разница. Въ такихъ случаяхъ полученная разница можетъ зависѣть прежде всего отъ недостатка числа наблюденій и говорить о существованіи между сравниваемыми группами дѣйствительнаго различія можно только въ томъ случаѣ, когда величина найденнаго различія настолько велика, что она лежитъ за предѣлами вѣроятныхъ уклоненій найденнаго средняго отъ истиннаго средняго, — предѣлами, которые могутъ быть вычислены на основаніи извѣстныхъ формулъ *).

Все вышесказанное можетъ быть резюмировано вкратцѣ такъ: когда при статистическомъ сравненіи двухъ группъ, мы получаемъ по какому-либо признаку тождество ихъ, вѣроятіе роли случайности здѣсь прямо ничтожно, когда же мы находимъ въ этихъ группахъ какое - либо различіе, это различіе можетъ имѣть значеніе въ тѣхъ только случаяхъ, когда числа наблюденій велики, или когда найденная разница значительна.

Я съ намѣреніемъ остановился на чисто теоретичсскихъ разсужденіяхъ, такъ какъ эта сторона вопроса съ замѣчательнымъ постоянствомъ игнорируется изучавшими вопросъ о такъ называемомъ дегенеративномъ ухѣ авторами, которые (всѣ поголовно) придаютъ особое значеніе найденной при небольшомъ числѣ наблюденій разницѣ въ частотѣ нахожденія отдѣльныхъ признаковъ у нормальнаго и патологическаго населенія, иногда въ 1—3%, въ то время какъ другія статистики показываютъ, что между отдѣльными группами нормальнаго населенія наблюдаются нерѣдко такія же и даже гораздо большія различія. Но такія неподходящія для нихъ статистики ярыми адептами дегенеративнаго уха просто игнорируются, возраженія же другихъ изслѣдователей, что по отношенію къ тѣмъ или другимъ признакамъ они не нашли сколько-нибудь замѣтной разницы между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ встрѣчаютъ съ ихъ стороны заявленіе о недостаточномъ числѣ наблюденій *). Получается какая - то невозможная перестановка понятій: малымъ величинамъ различій, полученныхъ на небольшихъ числахъ наблюденій, вѣрятъ, установка же тождества, основанная на не меньшихъ во всякомъ случаѣ числахъ наблюденій, называется случайной, зависящей именно отъ малыхъ чиселъ наблюденій.

Вернемся, однако, къ физіономическому указателю уха душевно-больныхъ и преступниковъ. Изъ авторовъ, изучавшихъ этотъ указатель, придаетъ ему нѣкоторое значеніе *Warda* [46]) нашедшій, что у душевно-больныхъ мужчинъ безъ наслѣдственнаго отягченія указатель меньше 55 встрѣчается нѣсколько рѣже, чѣмъ у душевно-больныхъ наслѣдственно отягченныхъ (разница на 6%); то же самое отмѣчено Ward'ою и по отношенію къ душевно-больнымъ женщинамъ.

Wilhelm [48]) получилъ нѣкоторыя различія между здоровыми и душевно-больными и между различными группами душевно-больныхъ, но этимъ различіямъ нельзя приписывать большое значеніе уже по тому одному, что при расположеніи его группъ въ порядкѣ по величинамъ изучаемаго указателя получается довольно своеобразная послѣдовательность (см. табл. № 66), а имен-

*) Какъ и на основаніи чего вычисляется вѣроятная величина индивидуальныхъ уклоненій—см. въ руководствахъ по теоріи статистики; въ русской литературѣ подробное изложеніе этого вопроса мы имѣемъ у *Янсона* [132]), *Косинскаго* [133]), *Зака* [134]) и др.

*) Таковы, напримѣръ, возраженія, сдѣланныя на мой докладъ „О дегенеративномъ ухѣ“ въ одномъ изъ засѣданій общества московскихъ невропатологовъ и психіатровъ (въ 1899 г.). См. *В. Воробьевъ*. О такъ назыв. „дегенеративномъ ухѣ“ [135]).

но: наименьшій указатель принадлежитъ душевно-больнымъ преступникамъ, у здоровыхъ же (?) преступниковъ указатель больше, а у душевно-больныхъ не совершившихъ никакого преступленія физіономическій указатель уха достигаетъ наибольшей величины. Между тѣмъ найденныя Wilhelm'омъ для разныхъ группъ величины разнятся между собой на довольно значительныя цифры, гораздо большія, по крайней мѣрѣ, чѣмъ многія изъ тѣхъ цифровыхъ различій, что кладутся авторами въ основу ихъ сужденій. Странное рядовое расположеніе группъ Wilhelm'а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, насколько надо быть осторожнымъ при оцѣнкѣ различій, отмѣчаемыхъ при не большихъ сравнительно числахъ наблюденій.

ТАБЛИЦА № 66-й.

Величины физіономическаго указателя для различныхъ группъ населенія Лотарингіи (Nancy) по Wilhelm'у.

У душевно-больныхъ преступниковъ	54,6
„ здоровыхъ и непреступныхъ людей	57,5
„ эпилептиковъ	57,9
„ психически здоровыхъ (?) преступниковъ	58,6
„ душевно-больныхъ дегенерантовъ	60,5

Нѣкоторое значеніе придаетъ физіономическому указателю уха и *Frigerio* [14]), отмѣтившій у душевно-больныхъ (итальянцевъ) нѣсколько меньшій указатель чѣмъ у здоровыхъ, у преступниковъ же почти одинаковый съ здоровыми. Надо, впрочемъ, сказать, что найденныя Frigerio различія между отдѣльными группами не велики, они, какъ это можно видѣть изъ таблицы № 67-й, во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ у Wilhelm'а. Гораздо большее значеніе приписываетъ Frigerio указателю конхи, разнящемуся и душевно-больныхъ и у здоровыхъ по его изслѣдованіямъ на довольно значительную величину. Впрочемъ въ отдѣлѣ критическаго обзора литературы о дегенеративномъ ухѣ я уже имѣлъ случай указать на то, что выводы Frigerio недостовѣрны уже по тому одному, что онъ сравниваетъ уши пожилыхъ преступниковъ съ ушами нормальныхъ солдатъ, т.-е. людей молодыхъ; а мы уже имѣли нѣсколько разъ случай убѣдиться въ томъ, что возрастныя измѣненія различныхъ измѣреній уха и его указателей довольно значительны. Величины, данныя Frigerio для физіономическаго указателя очень малы по сравненію съ величинами другихъ авторовъ, что зависитъ, вѣроятно, отъ какихъ-нибудь особенностей въ самой техникѣ измѣреній.

ТАБЛИЦА № 67-й.

Величины физіономическаго указателя уха для различныхъ группъ итальянскаго населенія по Frigerio.

	Правое ухо.	Лѣвое ухо.
У 46 наслѣдств. отягчен. душевно-больн.	36	39
„ 40 вырождающихся душевно-больныхъ.	38	40
У 16 душевно-больныхъ безъ наслѣдств. отягченія	41	39
„ 100 солдатъ	42	40
„ 47 грабителей на большихъ дорогахъ	42	39
„ 40 воровъ и мошенниковъ	42	40
„ 87 убійцъ	42	42
„ 9 изнасилователей	42	42
„ 5 поджигателей	43	41
„ 10 обезьянъ	57	57

И у Frigerio, какъ и у Wilhelm'а распредѣленіе группъ довольно фантастическое и нормальные субъекты занимаютъ среднее мѣсто между душевно-больными и преступниками *).

Такимъ образомъ цифры немногихъ авторовъ если и даютъ какія-либо различія между нормальными и патологическими группами, то лишь въ ничтожныхъ предѣлахъ, къ тому же въ направленіи измѣненія цифръ замѣчаются у авторовъ противорѣчія другъ съ другомъ; а такъ какъ въ самыхъ методахъ изслѣдованія кроются ошибки, самыя заключенія о существованіи различій опираются на незначительный, сравнительно, цифровой матеріалъ, правильнѣе будетъ считать получаемыя различія за результатъ недостаточнаго числа наблюденій и методологическихъ ошибокъ (напримѣръ, сравненія 20—25-лѣтнихъ солдатъ съ преступниками и душевно-больными въ возрастѣ 26—60 лѣтъ—у Frigerio и т. д.).

3) **Длина основанія уха.** У душевнобольныхъ, какъ и у здоровыхъ, я вычислялъ этотъ размѣръ отдѣльно для ушей съ приращенной мочкой (формы приращенія 1 и 2) для ушей съ свободной мочкой (форма 3 и 4). Для субъектовъ съ приращенной мочкой (правое ухо 42 наблюденія, лѣвое—41) длина основанія уха составляетъ въ среднемъ для праваго уха—2249 : 42=53,5

*) Въ подобномъ распредѣленіи группъ лежитъ одно изъ основаній, въ силу которыхъ физическій типъ преступниковъ, первоначально болѣе или менѣе полно отождествляемый антропологами-криминалистами съ типомъ вырождающихся душевно-больныхъ, впослѣдствіи сталъ отъ него обособляться и даже противополагаться ему. Съ этой точки зрѣнія люди нормальные занимаютъ, дѣйствительно, среднее положеніе, по одну сторону котораго стоятъ субъекты съ абберраціями въ области интеллекта, съ другой субъекты съ аберраціями нравственнаго чувства; душевно же больные съ дефектами нравственнаго чувства (insanitas moralis) составляютъ соединительное звено между обѣими крайностями, (хотя существованіе именно такихъ-то больныхъ и придаетъ всему ученію Lombroso и его школѣ видъ правдоподобія); подобные больные послужили вмѣстѣ съ тѣмъ первыми объектами, на наблюденіи которыхъ было построено все ученіе Lombroso. Но идя по стопамъ адептовъ антрополого-криминальной школы, мы вступаемъ здѣсь въ область болѣе или менѣе остроумныхъ теоретическихъ соображеній и обобщеній, построенныхъ безъ достаточныхъ фактическихъ основъ, или на такихъ шаткихъ основаніяхъ, какія можно видѣть въ только что представленныхъ таблицахъ (№№ 66 и 67).

для лѣваго—2212 : 41=53,9, а для обоихъ вмѣстѣ—4461 : 83=53,7 m.m.

Для субъектовъ съ свободной мочкой (правое ухо—58 наблюденій, лѣвое—59) для праваго уха—2900 : 58==50,0, для лѣваго—2948 : 59=49,9, а для обоихъ вмѣстѣ 5848 : 117=49,9 m.m. Предѣлы индивидуальныхъ колебаній 45—68 для ушей съ приращенной мочкой и 40—61—для ушей съ свободной мочкой. Общее же среднее для всѣхъ формъ ушей—10309 : 200==51,5 m.m.

Для сравненія этихъ величинъ съ таковыми же для здороваго великорусскаго населенія служитъ таблица № 68, гдѣ приведены данныя для правыхъ и лѣвыхъ ушей суммарно.

ТАБЛИЦА № 68-й.

Сравненіе данныхъ относительно длины основанія уха у душевно-здоровыхъ и больныхъ великоруссовъ.

	Уши съ прир. мочки ф. 1—2.		Уши съ прир. мочкиф. 3—4.		Уши всѣхъ формъ.	
	Средняя величина въ mm.	Пред. индивид. колеб.	Средняя величина въ mm.	Пред. индивид. колеб.	Средняя величина въ mm.	Пред. индивид. колеб.
Душ.-больн.	53,7	45—68	49,9	40—61	51,5	40—68
Душ.-здоров.	51,9	42—66	47,0	32—58	48,7	32—66

Изъ этой таблицы можно видѣть, что уши душевно-больныхъ имѣютъ въ среднемъ нѣсколько большую длину основанія, чѣмъ уши здоровыхъ великоруссовъ; при этомъ и предѣлы колебанія индивидуальныхъ величинъ сдвинуты у больныхъ соотвѣтственнымъ образомъ. Величина различія сама по себѣ настолько значительна (2,8 m.m.), что ее едва ли можно было бы игнорировать, если бы здѣсь но примѣшивался вопросъ о нѣкоторыхъ различіяхъ сравниваемыхъ группъ въ возрастѣ и если бы мы не видѣли уже при разсмотрѣніи длины уха душевно-больныхъ, что этотъ послѣдній факторъ можетъ создать кажущіяся различія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Если, однако, мы попробуемъ сравнить одинаковыя возрастныя группы, хотя бы для примѣра наиболѣе многочисленную среди душевно-больныхъ группу возраста въ 36—40 лѣтъ, то увидимъ, что у нормальныхъ она дастъ въ среднемъ 3176 : 64=49,6 m.m., а у душевно-больныхъ (41 субъектъ)—4250 : 82 = 51,8 m.m., т.-е. все-таки сохраняется разница въ 2,2 m.m. Слѣдовательно, можно, кажется, принять, что длина основанія уха у душевно-больныхъ великоруссовъ нѣсколько больше, чѣмъ у нормальныхъ.

Таблица № 69 показываетъ рядовое распредѣленіе индивидуальныхъ величинъ длины основанія уха у 100 душевно-больныхъ (дегенерантовъ) великоруссовъ (200 ушей).

ТАБЛИЦА № 69-й.

a) Субъекты съ приращеніемъ мочки формъ 1 и 2.

Ряды по 1 mm.	Числа наблюденій. Прав.	Лѣв.	Оба.
45	2	2	4
46	3	1	4
47	2	2	4
50	2	3	5
51	3	3	6
52	3	2	5
53	1	1	2
54	5	5	10
55	12	14	26
56	2	1	3
57	1	1	2
58	1	1	2
59	1	1	2
60	2	1	3
61	1	1	2
63	0	1	1
68	1	1	2
	42	41	83

b) Субъекты съ приращеніемъ мочки формъ 3 и 4.

Ряды по 1 mm.	Числа наблюденій. Прав.	Лѣв.	Оба.
40	2	2	4
42	2	1	3
43	1	2	3
44	1	2	3
45	3	3	6
46	3	3	6
47	2	2	4
48	4	3	7
49	4	4	8
50	7	8	15
51	8	9	17
52	7	7	14
53	1	1	2
54	5	3	8
55	4	4	8
56	3	3	6
58	0	1	1
61	1	1	2
	58	59	117

4) **Истинная высота уха.** Истинная высота уха у 100 душевно-больныхъ великоруссовъ для праваго и лѣваго уха вмѣстѣ, безъ различія формъ прикрѣпленія мочки дала 7491 : 200 = 37,4 m.m.; между правымъ и лѣвымъ ухомъ нѣтъ особаго различія (правое—3745 : 100=37,45 а лѣвое—3746 : 100 = 37,46 m.m.). Раздѣляя же уши по формамъ приращенія мочки, получимъ: для субъектовъ съ приращеніемъ мочки формъ 1 и 2 — для праваго и лѣваго уха вмѣстѣ—3152 : 83 = 38,0 m.m.; для субъектовъ съ приращеніемъ мочки формъ 3 и 4—4339 : 117 = 37,1 m.m. Для сравненія съ здоровыми великоруссами въ таблицѣ № 70-й сопоставляются данныя для этихъ послѣд-нихъ съ вышеприведенными данными для душевно-больныхъ великоруссовъ.

ТАБЛИЦА № 70-й.

Сравненіе данныхъ относительно истинной высоты уха у душевно-здоровыхъ и больныхъ великоруссовъ.

	Уши съ прир. мочки ф. 1 и 2.		Уши съ прир. мочки ф. 3 и 4.		Уши всѣхъ формъ.	
	Средняя величины.	Пред. индивид. колеб.	Средняя величины.	Пред. индивид. колеб.	Средняя величины.	Пред. индивид. колеб.
Душ.-больн.	38,0	28—51	37,1	31—48	37,4	28—51
Душ.-здоров.	35,3	31—46	35,4	29—42	35,4	29—46

Изъ приведенной таблицы видно, что ухо душевнобольныхъ великоруссовъ обладаетъ, по сравненію ихъ съ здоровыми великоруссами, нѣсколько большей величиной истинной высоты уха, при чемъ разница между тѣми и другими составляетъ 2 m.m.

Таблица № 71-й даетъ понятіе о распредѣленіи индивидуальныхъ величинъ истинной высоты уха у изслѣдованныхъ мною ста душевно-больныхъ великоруссовъ.

ТАБЛИЦА № 71-й.

a) субъекты съ приращеніемъ мочки формы I и II.

Ряды по 1 m.	Прав.	Лѣв.	Оба вмѣстѣ.
28	1	1	2
30	1	1	2
31	1	1	2
33	3	3	6
34	3	4	7
35	4	4	8
36	6	5	11
37	5	5	10
38	1	1	2
40	8	7	15
41	1	1	2
42	1	1	2
44	3	3	6
45	1	1	2
47	1	1	2
50	1	1	2
51	1	1	2
	42	41	83

b) субъекты съ приращеніемъ мочки формъ III и IV.

Ряды по 1 m.	Прав.	Лѣв.	Оба вмѣстѣ.
31	1	1	2
32	1	1	2
33	2	2	4
34	8	8	16
35	11	10	21
36	7	6	13
37	10	9	19
38	5	7	12
39	1	3	4
40	1	2	3
41	5	5	10
42	1	0	1
43	0	1	1
44	4	3	7
48	1	1	2
	58	59	117

5) Морфологическій указатель. Морфологическій указатель уха для ста душевно больныхъ великоруссовъ выводится мною на основаніи среднихъ величинъ, полученныхъ для основанія и истинной высоты уха. Для всѣхъ ста больныхъ онъ составляетъ $\frac{51,5 \times 100}{37,4} =$ $= 137,7$; для больныхъ съ формами приращенія мочки 1 и 2 — $\frac{53,7 \times 100}{38,0} = 141,3$ съ формами приращенія 3 и 4 — $\frac{49,9 \times 100}{37,1} = 134,5$. Для сравненія съ величинами того же указателя у здоровыхъ великоруссовъ служитъ таблица № 72.

ТАБЛИЦА № 72-й.

Сравненіе величинъ морфологическаго указателя уха у душевно здоровыхъ и больныхъ великоруссовъ.

	Уши съ прир. мочкою формъ *1* и 2.	Уши съ прир. мочкою форма 3 и 4.	Уши всѣхъ формъ.
Душевно больные	141,3	134,5	137,7
„ здоровые . . .	147,0	132,7	137,5
	(146,5)	(133,1)	(137,8)

Примѣчаніе. Въ скобкахъ стоятъ среднія величины указателя для здоровыхъ, полученныя путемъ сложенія индивидуальныхъ величинъ и дѣленія суммы на число наблюденій. Внѣ скобокъ стоятъ величины указателя, полученныя путемъ вычисленія ихъ на основаніи среднихъ величинъ длины основанія и истинной высоты уха. Послѣднія цифры приведены здѣсь прежде всего уже потому одному, что такимъ же путемъ, а не путемъ подсчета индивидуальныхъ величинъ указателей получены и цифры для душевно больныхъ. Впрочемъ, разницы между цифрами полученными обоими способами такъ ничтожна, что для нашихъ цѣлей она можетъ быть совершенно игнорирована.

Приведенная таблица не даетъ ничего характернаго. Руководясь цифрами полученными для всѣхъ формъ уха безъ различія, нельзя отмѣтить между здоровыми и душевно больными ни малѣйшей разницы. Уши же съ приращенной мочкой даютъ у душевно больныхъ нѣсколько меньшую величину морфологическаго указателя, чѣмъ у здоровыхъ, а уши съ свободной мочкой нѣсколько большую. Но разницы въ обоихъ случаяхъ не велики, особенно же для ушей съ свободной мочкой, гдѣ она составляетъ всего 1,8 (1,4).

Такимъ образомъ тѣ данныя, которыми я располагаю, не позволяютъ сдѣлать выводъ о существованіи хоть сколько-нибудь замѣтнаго различія между душевно-больнымъ и здоровымъ населеніемъ. Изъ другихъ авторовъ, изучавшихъ этотъ вопросъ, *Wilhelm* получилъ слѣдующія цифры:

у здоровыхъ морфол. указ. уха составляетъ въ среднемъ	175,3
„ душевно больныхъ преступниковъ	171,6
„ душевно здоровыхъ преступниковъ.	163,0
„ эпилептиковъ	159,7
„ вырождающихся душевно-больныхъ	158,7

Составляется, слѣдовательно, скала съ пониженіемъ величинъ указателя у субъектовъ отступающихъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ отъ нормы; душевныя-болѣзни (вырожденіе) играютъ въ этомъ отношеніи по Wilhelm'у, бóльшую роль, чѣмъ преступность.

Но въ этой скалѣ замѣчаются своеобразныя отступленія, нарушающія ея правильность: душевно больные преступники стоятъ ближе всего къ нормальнымъ субъектамъ, потомъ къ душевно здоровымъ преступникамъ и рѣзко отличаются отъ вырождающихся душевно больныхъ; такимъ образомъ по цифрамъ Wilhelm'a выходитъ, что душевно больные представляются субъектами съ наиболѣе измѣненнымъ физическимъ строеніемъ, но если душевная болѣзнь носитъ такой характеръ, что впавшій въ нее субъектъ становится способнымъ совершить преступленіе, тогда организація такого субъекта оказывается болѣе совершенной, болѣе близкой къ организаціи нормальныхъ субъектовъ. Принять подобный выводъ совершенно не возможно, но цифровыя разницы между душевно больными преступниками и не преступными душевно больными по величинѣ морфологическаго

указателя очень значительна (171,6 и 158,7); остается, слѣдовательно, одно предположеніе: въ самой методикѣ изслѣдованій Wilhelm'а кроются нѣкоторыя ошибки, затемняющія истинное значеніе полученныхъ имъ цифръ. О характерѣ этихъ ошибокъ и ихъ значеніи выше намъ приходилось говорить уже не разъ, а потому здѣсь я ограничусь только указаніемъ на главнѣйшую изъ этихъ ошибокъ, а именно на не соблюденіе единства сравниваемыхъ группъ по ихъ расовому, возрастному составу, по соціальному положенію и т. д. Мои личныя изслѣдованія, основанныя, правда, на не достаточно большомъ числѣ наблюденій для того, чтобы рѣшать вопросы въ окончательной формѣ, показываютъ, что при большемъ соблюденіи единства изслѣдуемыхъ группъ, между душевно больными и здоровыми великоруссами не удается отмѣтить по величинамъ морфологическаго указателя уха сколько-нибудь замѣтныхъ различій. Здѣсь кстати я еще разъ напомню о томъ часто забываемомъ обстоятельствѣ, что при недостаточно большемъ числѣ наблюденій можно и даже должно относиться подозрительно къ получаемымъ при сравненіи двухъ группъ различіямъ, тогда какъ находимыя при тѣхъ же условіяхъ тождество или близость сравниваемыхъ группъ заслуживаютъ гораздо большаго довѣрія. Въ общемъ величины указателя у Wilhelm'а очень высоки и заставляютъ подозрѣвать какую-нибудь особенность въ его техникѣ изслѣдованія.

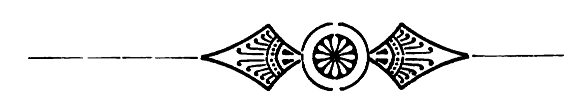
Изслѣдованія *Warda* [46]) такъ же говорятъ въ пользу нѣкотораго уменьшенія морфологическаго указателя уха у вырождающихся душевно больныхъ, такъ какъ у душевно больныхъ мужчинъ безъ наслѣдственнаго отягченія этотъ авторъ насчиталъ 63,7% всѣхъ случаевъ, когда морфологическій указатель былъ ниже 190, у наслѣдственно отягченныхъ же душевно больныхъ величины указателя меньше чѣмъ въ 190 отмѣчены въ 68,8% всѣхъ случаевъ; у женщинъ—при отсутствіи наслѣдственнаго отягченія—въ 52,0%, при его наличности въ 66,8% всѣхъ случаевъ. Для непосредственнаго сравненіе со здоровыми Warda не дѣлалъ личныхъ изслѣдованій, но пользуется для этого цифрами Schwalbe. Выводы Warda значительно обезцѣниваются этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, относительно же недостовѣрности выводовъ основанныхъ на сравненіи группъ больныхъ наслѣдственно отягченныхъ и свободныхъ отъ наслѣдственнаго отягченія—говорилось уже выше.

Въ таблицѣ № 73 сведены вмѣстѣ всѣ главнѣйшія данныя относительно измѣрительныхъ признаковъ уха вырождающихся душевно больныхъ и здоровыхъ великоруссовъ, по сколько они выясняются изъ моихъ изслѣдованій.

ТАБЛИЦА № 73-й.

	Вырождающіеся душевно-больные. (100)	Здоровые. (325)
Длина уха	63,15 mm.	61,4 mm.
Ширина уха	33,50 „	32,8 „
Физіономическій указатель .	53,04 „	53,48 „
Длина основанія у субъектовъ съ приращенной мочкой .	53,7 „	61,9 „
Длина основанія у субъектовъ съ свободной мочкой . . .	49,9 „	47,0 „
Истинная высота уха. . . .	37,4 „	35,4 „
Морфологическій указатель у субъектовъ съ приращенной мочкой	141,3 „	146,5 „
Морфолог. указ. у субъектовъ съ свободной мочкой. . .	134,5 „	132,7 „
Морфологич. указ. для всѣхъ формъ уха вмѣстѣ	137,7 „	137,5 „

Абсолютные размѣры уха душевно больныхъ оказываются нѣсколько большими чѣмъ у здоровыхъ (длина, ширина уха, длина основанія и истинная высота его), но увеличеніе всѣхъ размѣровъ довольно пропорціонально, такъ какъ величины обоихъ указателей (въ особенности физіономическаго) не представляютъ въ обѣихъ группахъ замѣтныхъ различій.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Описательные признаки наружнаго уха.

I.

Общія замѣчанія.

Изученіе описательныхъ признаковъ наружнаго уха, т.-е. изученіе варіацій въ формѣ всего уха in toto и въ формѣ отдѣльныхъ его образованій (завитка, противозавитка, мочки и т. д.) находилось до послѣдняго времени (да и находится по нынѣ) въ совершенно хаотическомъ состояніи. Долгое время существованіе варіацій въ формѣ наружнаго уха замалчивалось совершенно. Потомъ, какъ у чистыхъ анатомовъ, такъ у антропологовъ, и у путешественниковъ стали появляться отрывочныя безсистемныя замѣчанія о тѣхъ или другихъ поразившихъ ихъ особенностяхъ въ формѣ уха у представителей различныхъ расъ. Больше, чѣмъ у другихъ авторовъ, можно найти подобныхъ замѣчаній у *Fritsch'a* (ухо африканскихъ народовъ) и особенно у *Langer'a* [60], посвятившаго наружному уху отдѣльную работу. Въ этой работѣ описываются нѣкоторыя модификаціи завитка и его ножекъ, приводятся рисунки особенныхъ, остановившихъ на себѣ вниманіе изслѣдователя ушей, но изученіе уха у *Langer'a* недостаточно систематизировано; почтенный анатомъ не дѣлаетъ даже попытки прибѣгнуть къ методу сравнительно статистическаго изслѣдованія, отчего вся работа носитъ характеръ случайнаго собранія раритетовъ и монстровъ въ формахъ уха, хотя статистическая провѣрка легко могла бы показать, что многія изъ такихъ формъ и нерѣдки и совсѣмъ уже не монструозны. Авторитетъ Langer'a сдѣлалъ, однако, то, что описанная имъ „своеобразная форма уха одного бушмена" была замѣчена и переходитъ и по настоящее время изъ одного сочиненія въ другое (вплоть до книги Ранке о человѣкѣ) подъ именемъ „бушменскаго уха", хотя до сихъ поръ не приведено никакихъ доказательствъ въ пользу того, что такое ухо дѣйствительно характерно для бушменовъ; болѣе же точныя наблюденія показываютъ, что эта форма не такъ уже и „своеобразна", и отъ времени до времени встрѣчается и у европейцевъ. Болѣе систематизированныя свѣдѣнія если не обо всемъ ухѣ, то объ отдѣльныхъ его частяхъ можно найти у *Дарвина*, объяснявшаго значеніе бугорка, названнаго его именемъ, потомъ у ряда авторовъ, интересовавшихся тѣмъ же Дарвиновымъ бугоркомъ (*L. Mayer* [28], *Chiarugi* [27], *Schwalbe* [30]) и друг.); затѣмъ надо отмѣтить работы *Grandenigo* того же *Schwalbe*, *Schäffer'a*, изучившихъ значительно большее число особенностей наружнаго уха и пытавшихся объяснить ихъ появленіе и значеніе изъ данныхъ исторіи развитія этаго органа. Три послѣдніе автора довольно широко пользовались при этомъ методомъ статистическаго изслѣдованія.

Но и изслѣдованія этихъ авторовъ далеко не охватываютъ всего разнообразія индивидуальныхъ и расовыхъ формъ. Послѣдній недостатокъ хорошо сознавался Schwalbe, который, упрекая авторовъ изучавшихъ, такъ называемое „дегенеративное" ухо, за ихъ попытки изученія патологическихъ формъ раньше накопленія достаточныхъ свѣдѣній о формахъ нормальныхъ, предложилъ свою схему, по которой можно было бы вести болѣе полное и болѣе систематизированное изслѣдованіе и нормальныхъ и патологическихъ формъ. Значительнымъ количествомъ статистическихъ свѣдѣній о варіаціяхъ формъ человѣческаго уха, свѣдѣній, правда, безсистемныхъ и охватывающихъ случайное число случайныхъ же признаковъ, мы обязаны антропологамъ-криминалистамъ, а отчасти и психіатрамъ, которые, изучая тѣ или другіе признаки дегенеративнаго уха, даютъ иногда (къ ущербу доказательности ихъ цыфръ далеко не всегда) попутно и цыфры, выражающія распространеніе этихъ признаковъ среди нормальнаго населенія.

Новѣйшія работы *Karutz'a* [13, 50]) представляютъ, наконецъ, на ряду съ полученными имъ самимъ цыфрами и сводку разсѣянныхъ по разнохарактернымъ научнымъ изданіямъ данныхъ о формахъ нормальнаго и дегенеративнаго уха, сводку далеко, впрочемъ, не полную. Такимъ образомъ, авторъ, изучающій варіаціи формъ наружнаго уха въ настоящее время почти совершенно лишенъ хоть сколько нибудь систематиризованныхъ, а не случайныхъ статистикъ для сравненія съ его личными данными, а потому онъ лишенъ возможности твердо установить по-

ложеніе о томъ, представляютъ ли отмѣчаемыя имъ особенности только индивидуальныя, пригодныя лишь для идентификаціи личности варіаціи, или же нѣкоторыя изъ нихъ обладаютъ значеніемъ расовыхъ, патологическихъ признаковъ и т. д.

Настоящее изслѣдованіе по неволѣ, слѣдовательно, принимаетъ значеніе простого собиранія сырого матеріала, могущаго пригодиться для построенія тѣхъ или другихъ прочно обоснованныхъ выводовъ лишь въ будущемъ, при накопленіи большаго числа аналогичныхъ данныхъ для различныхъ человѣческихъ группъ. Изъ доступной мнѣ литературы я могъ пользоваться данными относительно наружнаго уха (нормальнаго и „дегенеративнаго“) у слѣдующихъ авторовъ (звѣздочками впереди фамаліи отмѣчены тѣ изъ авторовъ, у которыхъ помимо общихъ указаній и отдѣльныхъ случайныхъ замѣчаній можно было найти хоть какія-нибудь цыфровыя данныя): *Alix*, **Arno*, **Bälz*, *Bertillon*, **Binder*, *Chiarugi*, **Daae*, *Дарвинъ*, **De Sarlo*, **During*, **Eüle*, **Féré et Seglas*, **Frigerio*, *Fritsch*, *Гильченко*, **Gradenigo*, *Giacchi*, **Guifrida-Ruggieri*, *Hartmann*, *His*, **Hovelaque et Hervé*, *Ивановскій*, **Karutz*, **Kurella*, *Langer*, **Lannois*, *Lavater*, *Legrand du Saule*, **Lombroso*, *Lord*, **Луценко* (рук.), **Marro*, **Mense*, *Meyer*, *Moldenhaüer*, *Morel*, **Näcke*, **Пантюховъ*, **Penta*, *Ranke*, **Roher*, **Сапожниковъ* (рук.), **Schäffer*, **Stura e Arese*, **Тарновская*, *Talbot*, **Topinard*, **Warda*, **Wilhelm*, **Wildermûth*, **Weissenberg*, **Vali*, **ф. Эркертъ* и др.

Мои личныя изслѣдованія уха нормальныхъ субъектовъ были произведены надъ 325 мужчинами рязанцами, 100 женщинами уроженками области бывшихъ земель Владиміро-Суздальскихъ, преимущественно надъ тѣми же рязанками и надъ москвичками; для изученія особенностей уха, вырождающихся душевно-больныхъ я изслѣдовалъ тѣхъ 100 больныхъ мужчинъ страдающихъ психозами вырожденія, о которыхъ шла уже рѣчь выше, когда мы говорили объ измѣрительныхъ признакахъ наружнаго уха. Нѣкоторые изъ описанныхъ признаковъ уха были также прослѣжены мною у 180 великорусскихъ дѣтей обоего пола въ возрастѣ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 17-ти лѣтъ.

II.

Дарвиновъ бугорокъ

а) у мужчинъ.

Этимъ именемъ обозначается имѣющійся въ наличности далеко не на всѣхъ ушахъ небольшой то въ видѣ заостреннаго угла то съ болѣе тупой и округлой верхушкою угловой выступъ на свободномъ краѣ завитка, выступъ располагающійся въ верхней половинѣ задней нисходящей части завитка, обыкновенно на одномъ горизонтальномъ уровнѣ съ точкой раздѣленія ствола противозавитка на двѣ его ножки. Означенный бугорокъ не укрылся отъ вниманія художниковъ, изображавшихъ его иногда на своихъ картинахъ и статуяхъ; тѣмъ не менѣе этотъ бугорокъ совершенно справедливо соединяется съ именемъ Дарвина, не смотря даже на то, что самъ величайшій естествоиспытатель только что истекшаго вѣка открыто признаетъ, что его вниманіе направлено было на этотъ бугорокъ произведеніемъ англійскаго художника Ульнера (*Wolner*), создавшаго статуэтку Пука съ подобной особенностью уха.

Нѣкоторые нѣмецкіе изслѣдователи, въ томъ числѣ и Schwalbe, называютъ правда бугорокъ Wolner-Darwin'овымъ; надо, однако, замѣтить, что бугорокъ былъ извѣстенъ художникамъ и до Wolner'а, тогда какъ Дарвину принадлежитъ заслуга перваго указанія на значеніе бугорка какъ аналога измѣненнаго въ формѣ и завернутаго кнаружи и впередъ остраго кончика уха многихъ животныхъ.

Выше мы уже имѣли случай упомянуть, что взглядъ Дарвина неоднократно оспаривался до тѣхъ поръ, пока не нашелъ себѣ авторитетнаго защитника въ лицѣ *Schwalbe*. Работами этого же автора вмѣстѣ съ другими (*Gradenigo*, *Schäffer*, *Chiarugi* и пр.) окончательно выясненъ тотъ фактъ, что Дарвиновъ бугорокъ является образованіемъ обязательнымъ для человѣческаго эмбріона въ извѣстныхъ стадіяхъ его развитія; ими же устранено теперь всякое сомнѣніе, въ томъ, что Дарвиновъ бугорокъ является дѣйствительнымъ аналогомъ кончика уха четвероногихъ. Будучи аналогомъ заостреннаго кончика уха животныхъ, Дарвиновъ бугорокъ у человѣка получилъ въ глазахъ многихъ авторовъ значеніе атавистическаго признака. Но мы уже видѣли, что онъ въ то же время является и образованіемъ, свойственнымъ эмбріональному уха человѣка и вопросъ объ атавистическомъ его характерѣ еще неясенъ и споренъ по столько, по сколько спорны и неясны отношенія между зрѣлыми нормальными, эмбріональными и такъ называемыми атавистическими формами всѣхъ органовъ человѣческаго тѣла вообще.

Дарвиновъ бугорокъ встрѣчается, какъ это мы уже говорили, далеко не на всѣхъ человѣческихъ ушахъ, но новѣйшія изслѣдованія (особенно изслѣдованіе *Schwalbe*) показали, что по крайней мѣрѣ въ менѣе выраженныхъ формахъ онъ встрѣчается у людей гораздо чаще, чѣмъ это принято было думать и уши лишенныя всякихъ признаковъ Дарвинова бугорка встрѣчают-

ся во всякомъ случаѣ рѣже, чѣмъ уши съ Дарвиновымъ бугоркомъ въ умѣренной степени его развитія. Степень развитія Дарвинова бугорка подвержена значительнымъ колебаніямъ и число варіацій въ его формахъ чрезвычайно велико, хотя и охвачено извѣстными рамками, за которыя эти варіаціи не переступаютъ.

Классифицировать варіаціи формъ Дарвинова бугорка и указать хотя бы приблизительныя границы отъ и до которыхъ слѣдуетъ считать ту или другую изъ выдѣляемыхъ отдѣльныхъ формъ было бы дѣломъ чрезвычайно затруднительнымъ и дающимъ мѣсто произволу и субъективизму изслѣдователя, если бы мы не имѣли руководящей нити въ исторіи развитія наружнаго уха.

Являясь у человѣка аналогомъ свободнаго остраго кончика уха большинства млекопитающихъ, Дарвиновъ бугорокъ постепенно измѣняется такъ, что изъ остроконечной формы онъ переходитъ въ форму округлаго и болѣе плоскаго бугорка; вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи расположеннымъ на свободномъ краѣ ушной складки, онъ измѣняетъ свое положеніе по отношенію къ другимъ частямъ уха по мѣрѣ загибанія края свободной ушной пластинки для образованія завитка. Различныя комбинаціи измѣненій въ формѣ самаго бугорка и въ измѣненіи его положенія при загибаніи завитка не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ варіацій этого образованія, такъ какъ сюда присоединяются еще два момента, а именно: 1) постепенное смѣщеніе бугорка отъ вершины уха, которую онъ занимаетъ въ самыхъ раннихъ стадіяхъ эмбріональнаго развитія (*Schwalbe, Schäffer*) назадъ и книзу, что происходитъ вслѣдствіе соотвѣтствующаго обусловленнаго ростомъ мозга поворота всей пирамиды височной кости эмбріона (*Schäffer*) и 2) уплощеніе и какъ бы припуханіе основанія бугорка наступающее по мѣрѣ диссолюціи его верхушки. Соотвѣтственно обусловленной указанными причинами эволюціи формы эмбріональнаго Дарвинова бугорка *Schwalbe* устанавливаетъ главнѣйшіе типы его варіацій и у взрослыхъ. Ухо конца втораго мѣсяца зародышевой жизни, аналогичное „стоячему“ уху многихъ животныхъ не имѣетъ своихъ аналоговъ въ сколько-нибудь часто встрѣчающихся формахъ зрѣлаго человѣческаго уха. Потомъ въ жизни эмбріона наступаетъ моментъ, когда Дарвиновъ бугорокъ сохраняетъ еще свою заостренную форму и когда заворачиваніе края завитка дошло не далѣе еще какъ только до области Дарвинова бугорка, который сохраняетъ, слѣдовательно свое прежнее положеніе, т. е. обращенъ вершиной своего угла прямо назадъ или назадъ и еще немного вверхъ. Этотъ моментъ имѣетъ свой аналогъ въ ухѣ макаковъ (macacus rhesus, lemur macaco и др.); аналогичныя формы у взрослаго человѣка Schwalbe означаетъ какъ макаковыя или макакообразныя формы Дарвинова бугорка (въ схемѣ Schwalbe эта форма означается для удобства регистраціи цифрою—I). Въ дальнѣйшемъ развитіи Дарвиновъ бугорокъ опускается немного ниже, верхушка его слегка притупляется, завитокъ начинаетъ образоваться и ниже Дарвинова бугорка, который сидитъ уже не на границѣ между завиткомъ и еще не загнутымъ краемъ свободной ушной складки, какъ это имѣло мѣсто для предыдущей формы, но уже всецѣло на завиткѣ, далеко, впрочемъ, еще не завершившемъ своего загибанія; вершина Дарвинова бугорка обращена теперь уже не назадъ и вверхъ, а кнаружи. Въ этотъ періодъ (приблизительно 5-й мѣсяцъ эмбріональной жизни) Дарвиновъ бугорокъ человѣческаго эмбріона аналогиченъ по своей формѣ бугорку у взрослыхъ церкопитековъ, отчего подобныя же формы бугорка у взрослыхъ людей получаютъ у Schwalbe названіе „церкопитековыхъ“ и обозначаются по его схемѣ какъ форма II. Съ дальнѣйшимъ заворачиваніемъ свободнаго края ушной пластинки Дарвиновъ бугорокъ опять мѣняетъ свое положеніе и начинаетъ уже смотрѣть своей верхушкой кнаружи и впередъ, а иногда даже и прямо впередъ. Съ этого времени положеніе верхушки Дарвинова бугорка уже не измѣняется и всѣ его варіаціи обусловливаются главнымъ образомъ той или другой степенью притупленія, закругленія верхушки и параллельнаго съ нимъ притупленія и расширенія основанія.

Schwalbe въ своей, схемѣ отмѣчаетъ Дарвиновъ бугорокъ, какъ форму III въ тѣхъ случаяхъ, когда его обращенная кнаружи и впередъ верхушка имѣетъ еще заостренную форму; форму IV составляютъ тѣ случаи, когда верхушка бугорка уже притуплена, закруглена; какъ форма V обозначаются по Schwalbe тѣ случаи, когда весь бугорокъ уплощенъ на столько, что почти ужъ не выдается надъ общимъ уровнемъ завитка, такъ что при разсматриваніи уха спереди бугорокъ совсѣмъ или почти совсѣмъ не замѣтенъ, болѣе же ясно онъ виденъ только при осмотрѣ уха сзади, когда бугорокъ замѣтенъ въ видѣ незначительнаго по высотѣ веретенообразнаго вздутія, помѣщающагося не на свободномъ краю завитка, но главнымъ образомъ въ той области, гдѣ завитокъ только что начинаетъ перегибаться сзади кнаружи; въэтомъ случаѣ, слѣдовательно, замѣтна не столько верхушка бугорка, совершенно уже сгладившаяся, столько слѣды его основанія. Наконецъ цифрою VI Schwalbe обозначаетъ такіе случаи, когда Дарвиновъ бугорокъ подвергся окончательной диссолюціи и не замѣтенъ даже и при разсматриваніи уха сзади (наиболѣе полно редуцированное ухо).

Процессъ развитія завитка и диссолюціи Дарвинова бугорка послѣ образованія Дарвинова бугорка въ формѣ II идетъ повидимому, нѣсколько сложнѣе и не съ такимъ уже строгимъ параллелизмомъ между измѣненіями въ степени загибанія завитка и въ степени притупленія, уменьшенія Дарвинова бугорка, какъ это только что описано. Вслѣдствіе этого форма III, будучи болѣе поздней, чѣмъ форма II, представляетъ нерѣдко вер-

хушку бугорка, болѣе заостренную, чѣмъ въ формѣ II и т. д. Во всякомъ случаѣ главнымъ критеріемъ для диференцировки между собой формъ I, II и III служитъ не степень заостренія бугорка, а его положеніе на незагнутомъ еще завиткѣ (форма I), на завиткѣ, не достигающемъ еще полнаго своего загибанія (форма II) и на вполнѣ уже загнутомъ завиткѣ (форма III); только для дифференцировки между собой дальнѣйшихъ формъ (IV, V и VI) опредѣляющимъ моментомъ служитъ уже исключительно форма самаго бугорка (такъ какъ завитокъ послѣ образованія бугорка въ формѣ III въ области Дарвинова бугорка болѣе уже не измѣняется и вся дальнѣйшая его эволюція сводится къ распространенію полнаго его загибанія далѣе внизъ).

Принимая во вниманіе, что расположеніе и форма частей Hugelregion's Schwalbe (т.-е. главнымъ образомъ козелка, противокозелка, ножки завитка) опредѣляются очень рано и уже въ концѣ второго мѣсяца зародышевой жизни остаются стаціонарными, становится понятнымъ, что измѣненія въ формѣ наружнаго уха опредѣляются съ этого времени главнымъ образомъ эволюціей завитка съ Дарвиновымъ бугоркомъ и тѣсно связаннымъ съ ними развитіемъ противозавитка, а также и мочки, при чемъ, какъ это уже упоминалось выше, весь циклъ измѣненій объединенъ зависимостью отъ общей причины, представляя выраженіе процесса редукціи уха, процесса уменьшенія, атрофіи, ставшей излишнею длинной свободной ушной складки животныхъ. Синхроничность измѣненій въ завиткѣ и Дарвиновомъ бугоркѣ съ появленіемъ и развитіемъ противозавитка и мочки у эмбріона настолько полна, что развитіе уха человѣческаго эмбріона можетъ съ удобствомъ быть подѣлено на тѣ же стадіи, что и развитіе завитка и Дарвинова бугорка, тѣмъ болѣе, что послѣдніе факторы больше всего и вліяютъ на общую конфигурацію развивающагося уха. Но въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда ухо взрослаго человѣка представляетъ явленія задержки развитія, такого параллелизма уже не отмѣчается и степень развитія отдѣльныхъ частей оказывается довольно различною. Ухо съ макакоформнымъ (форма I) Дарвиновымъ бугоркомъ, напримѣръ, соотвѣтствуетъ приблизительно второй половинѣ или концу третьяго мѣсяца зародышевой жизни, когда мочка еще отсутствуетъ совершенно или существуетъ въ зачаточной формѣ, противозавитка еще нѣтъ; между тѣмъ у взрослыхъ нерѣдко наблюдается макакоформный Дарвиновъ бугорокъ при ясно выраженномъ противозавиткѣ и прекрасно развитой мочкѣ (см. фиг. IV а, на стр. 12). Schwalbe дѣлаетъ, правда, замѣчаніе, что ухо съ такой формой завитка часто сочетается съ появленіемъ сатирова бугорка (образованія въ этой стадіи у эмбріона еще замѣтнаго, но скоро исчезающаго) и съ приращенной и подъ острымъ угломъ переходящей въ кожу щеки мочкою (одна изъ раннихъ стадій эволюціи мочки), тѣмъ не менѣе опытъ показываетъ, что это далеко не всегда такъ; противозавитокъ въ этихъ случаяхъ почти всегда бываетъ достаточно выраженъ. Другими словами— наблюдаемыя у взрослыхъ явленія задержки въ развитіи уха рѣдко, почти даже никогда, не охватываютъ всего наружнаго уха въ цѣломъ; наоборотъ, почти всегда явленіе задержки касается только отдѣльныхъ частей уха. Вслѣдствіе этого задержанное въ своемъ развитіи наружное ухо взрослаго человѣка представляетъ, какъ мы уже упоминали не разъ, только отдаленное сходство съ эмбріональными формами, а тѣмъ болѣе—съ формами уха другихъ животныхъ; это прежде всего обыкновенное зрѣлое человѣческое ухо, представляющее лишь нѣкоторыя черты, напоминающія черты эмбріональнаго уха или уха животныхъ. Но авторы школы Lombroso (*Frigerio*, напримѣръ, *Féré et Seglas* и др.) мало смущаются этимъ обстоятельствомъ и безъ дальнѣйшихъ разсужденій считаютъ уши съ рѣзко выраженнымъ Дарвиновымъ бугоркомъ за формы атавистическія (даже и не эмбріональныя!), свидѣтельствующія къ тому же о болѣе низкомъ уровнѣ и порочности развитія всего организма. Многіе изъ авторовъ-психіатровъ склонны считать такія уши за дегенеративныя, то отождествляя при этомъ понятія о дегенеративности и атавизмѣ, то раздѣляя ихъ и считая дегенеративные признаки (а въ числѣ ихъ и Дарвиновъ бугорокъ) за атипичныя аномаліи тератогеннаго характера.

Близкими по духу къ антропологамъ-криминалистамъ являются и тѣ изслѣдователи, которые въ развитіи Дарвинова бугорка хотѣли усмотрѣть признакъ низшей расы. Утверждали, безъ всякихъ, впрочемъ, къ тому доказательствъ, что уши негровъ обладаютъ рѣзко выраженнымъ Дарвиновымъ бугоркомъ. Болѣе точные наблюдатели утверждаютъ, однако, что негры обладаютъ небольшимъ изящно очерченнымъ ухомъ съ хорошо развитымъ завиткомъ и чаще всего—безъ Дарвинова бугорка, т.-е. наиболѣе совершенно редуцированнымъ ухомъ; болѣе умѣренный въ этомъ случаѣ *Langer* утверждаетъ, что уши негровъ въ этомъ, равно какъ и въ другихъ отношеніяхъ, ни чѣмъ не отличаются отъ ушей европейцевъ. Вѣра въ значеніе Дарвинова бугорка, какъ признака низшей организаціи, какъ признака дегенераціи, укоренилась настолько глубоко, что когда стали думать, что ухо негровъ отличается отсутствіемъ этого бугорка, *Karutz* [50]) поставилъ даже вопросъ: неужели же мы, европейцы, болѣе дегенерированы, чѣмъ негры? Правда, самъ же Karutz, поставивъ этотъ вопросъ, энергично восклицаетъ: „Nein, wir sind ganz und gar nicht degenerirt“ (s. 300) *), тѣмъ не менѣе, характерна

*) Восклицаніе, противъ котораго многое положимъ, можно возразить... Точно ли мы не дегенерированы? Едва ли только умѣстно и ставить, а тѣмъ болѣе рѣшать этотъ вопросъ на основаніи той или другой степени развитія Дарвинова бугорка.

самая постановка вопроса. Отрицательное отношеніе къ нашей дегенераціи основывается у Karutz'а въ значительной мѣрѣ на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, показавшихъ, что ушамъ негровъ, равно какъ и другихъ, такъ называемыхъ низшихъ расъ, далеко не такъ уже чуждъ Дарвиновъ бугорокъ, какъ это думали одно время. Такъ, *Mense* [31]) встрѣтилъ его у 101 изслѣдованнаго имъ въ этомъ направленіи негра Конго въ 12 случаяхъ; *Seitz* упоминаетъ о существованіи Дарвинова бугорка у огнеземельцевъ; равнымъ образомъ *Virchow* видѣлъ этотъ бугорокъ у 3-хъ изъ 8 наблюдаемыхъ имъ пешересовъ и т. д.

Наиболѣе трезвый и компетентный изслѣдователь наружнаго уха—*Schwalbe* указываетъ на то, что Дарвиновъ бугорокъ, равно какъ и другіе признаки меньшей редукціи уха, никоимъ образомъ не можетъ считаться за признакъ низшей организаціи, такъ какъ женщины обладаютъ болѣе редуцированнымъ ухомъ, чѣмъ мужчины, по расамъ болѣе редуцированнымъ ухомъ обладаютъ, по мнѣнію Schwalbe, бушмены, но наиболѣе редуцированнымъ является совсѣмъ не ухо человѣка, а ухо оранга,—ухо съ замѣтно развитымъ завиткомъ и противозавиткомъ, съ выраженной мочкой и безъ всякихъ слѣдовъ Дарвинова бугорка.

Отмѣчая Дарвиновъ бугорокъ въ болѣе слабыхъ степеняхъ его развитія у значительной части изслѣдованнаго имъ населенія, Schwalbe не считаетъ это образованіе ни за дегенеративный, ни за патологическій вообще, ни за атавистическій признакъ. „Die Darwin'sche Spitze", категорически говоритъ онъ, „nicht als Anomalie oder gar Missbildung des Ohres betrachtet werden darf, sondern als *normale Varietät*". *Schäffer*, отмѣчавшій только болѣе выраженныя формы Дарвинова бугорка (приблизительно форма I—III Schwalbe, а можетъ-быть также и форму IV — болѣе точныхъ указаній на этотъ счетъ Schäffer не даетъ), приходитъ къ нѣсколько иному взгляду и приравниваетъ это образованіе, какъ явленіе задержки развитія, къ настоящимъ уродствамъ, сходнымъ съ другими тератологическими формами, происходящими вслѣдствіе той же задержки развитія. Впрочемъ между взглядомъ Schäffer'а и взглядами Schwalbe нѣтъ различія по существу: Schwalbe такъ же, такъ и Schäffer вполнѣ признаетъ происхожденіе этого образованія вслѣдствіе остановки въ процессѣ эволюціи наружнаго уха; но онъ считаетъ, что задержки развитія уха такъ часты у человѣка и касаются столь маловажнаго для него органа, что имъ никоимъ образомъ нельзя придавать значеніе чего-то патологическаго или извращенія типа, но, наоборотъ, ихъ надо считать за типъ для нормальнаго человѣческаго уха.

Schäffer, подсчитывая процентъ ушей съ Дарвиновымъ бугоркомъ (рѣзко выраженнымъ) у большого количества взрослыхъ, уроженцевъ различныхъ областей Германіи, нашелъ, какъ это видно изъ таблицы № 74, между отдѣльными областями большое въ этомъ отношеніи различіе. Посвятивъ одну часть своей работы [16]) наслѣдственной передачѣ недоразвитыхъ формъ человѣческаго уха, Schäffer объясняетъ существованіе значительныхъ колебаній въ процентѣ ушей съ Дарвиновымъ бугоркомъ (равно какъ и съ другими явленіями недоразвитія) даже и для близко родственныхъ между собою по расовому составу группъ слѣдующимъ образомъ: многія уродства, а въ числѣ ихъ и уродства въ формѣ уха, часто передаются по наслѣдству; вслѣдствіе этого въ различныхъ мѣстностяхъ образуются какъ бы особыя гнѣзда, особые источники распространенія тератологическихъ формъ уха; большее или меньшее число такихъ гнѣздъ и обусловливаетъ мѣстныя различія въ % отношеніи развитыхъ и недоразвитыхъ формъ уха.

ТАБЛИЦА № 74-й.

Процентныя отношенія ушей съ рѣзко выраженнымъ Дарвиновымъ бугоркомъ для отдѣльныхъ мѣстностей Германіи (по Schäffer'у).

	Число наблюденій.	% ушей съ Дарв. буг.
Nord-Baden.	40	13
Rheinau	312	15
S. W. Hannover . . .	294	18
München (Schwaben) . .	600	22
Ober. Bayern.	300	22
Bonn	85	23
Westphal	540	25
Hessen.	156	25
Среднее теченіе Рейна.	203	27
Köln	105	30
Sud Baden.	55	47

Въ общемъ процентныя колебанія очень значительны; оставляя даже въ сторонѣ тѣ случаи, когда число наблюденій не достигаетъ 150, мы все-таки видимъ колебанія въ предѣлахъ между 15% и 25%. Вспомнимъ при этомъ, что гораздо меньшія различія между нормальнымъ и преступнымъ или душевно-больнымъ населеніемъ нерѣдко даютъ поводъ къ заключенію о дегенеративномъ характерѣ даннаго признака!

Мои изслѣдованія, произведенныя по схемѣ Schwalbe, дали для 325 мужчинъ-рязанцевъ слѣдующія цифры (см. табл. № 75):

ТАБЛИЦА № 75-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ Дарвинова бугорка среди рязанцевъ.

Формы:	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
Двухсторонній Дарв. буг.	1	29	10	9	144	100
Только правосторонній. . . .	0	2	2	11	10	7
Только лѣвосторонній	0	4	0	7	10	11
Въ общей суммѣ (дл. об. ушей)	2	64	22	36	308	218

Выражая эти цифры въ процентахъ, для обоихъ ушей вмѣстѣ мы получаемъ слѣдующія отношенія: форма I составляетъ 0,3% всѣхъ наблюденій, форма II—9,8%, форма III—3,4%, форма IV—5,5%, форма V—47,4% и форма VI—33,5%.

Одинаковую степень развитія на правомъ и на лѣвомъ ухѣ Дарвиновъ бугорокъ представляетъ у 293 субъектовъ, въ 32 же случаяхъ, т.-е. почти въ 10% всѣхъ случаевъ, форма бугорка на обоихъ ушахъ была различна (=Blainvill'ево ухо—дегенеративный признакъ по Binder'у и др. авторамъ). Если считать вмѣстѣ съ нѣкоторыми авторами формы I—III за аномальныя, тогда число случаевъ, когда правое ухо аномально, а лѣвое нормально, выразится цифрою 4, обратныхъ случаевъ, т.-е. нормальнаго праваго и аномальнаго лѣваго тоже 4; но если мы прибавимъ сюда и форму IV, тогда число аномалій окажется нѣсколько большимъ на правой сторонѣ (15 противъ 11), чѣмъ отчасти подтверждаются наблюденія *Gradenigo*, *Eule* и др. авторовъ, отмѣчавшихъ право стороннія аномаліи (въ данномъ случаѣ — правостороннія явленія задержки развитія) нѣсколько чаще чѣмъ лѣвостороннія.

Наиболѣе удобный матеріалъ для сравненія даютъ наблюденія *Schwalbe* надъ эльзасцами; таблица № 76 представляетъ сравнительныя данныя для этихъ послѣднихъ и для моихъ рязанцевъ.

При сравненіи цифръ можно видѣть, что уши рязанцевъ, по сравненію ихъ съ эльзасцами, отличаются меньшимъ распространеніемъ наименѣе редуцированныхъ формъ (I—III) и большимъ распространеніемъ наиболѣе редуцированныхъ формъ (V и VI).

ТАБЛИЦА № 76-й.

	Рязанцы. 325 набл.= =650 ушей въ %.	Schwalbe. Эльзасцы и жит. сосѣд. областей 109 набл.= =218 ушей въ %.	Schwalbe. Одни только жители верхняго Эльзаса 71 набл. = 142 уха въ %.
Дарвиновъ бугор. ф. I	0,3	2,7	4,2
„ „ „ II	9,8	17,9	19,8
„ „ „ III	3,4	10,1	12,0
„ „ „ IV	5,5	21,6	20,4
„ „ „ V	47,4	21,1	22,5
„ „ „ VI	33,5	26,6	21,1

Наиболѣе распространенной у великоруссовъ является форма V, составляющая у нихъ чуть не половину всѣхъ случаевъ; та же форма (вмѣстѣ съ ф. VI) является наиболѣе распространенной и у эльзасцевъ, встрѣчаясь, однако, у нихъ вдвое рѣже, чѣмъ у великоруссовъ. Въ общемъ, слѣдовательно, уши рязанцевъ представляются болѣе редуцированными, чѣмъ уши эльзасцевъ. То же самое видно и изъ сравненія цифръ для такъ называемой средней формы уха, которую Schwalbe получаетъ, умножая число наблюденій, падающихъ на каждую форму на ту цифру, помощью которой эта форма обозначается (для формы III, множа на 3, для ф. IV—на 4 и т. д.) и дѣля общую сумму на число всѣхъ наблюденій. Выведенная такимъ образомъ средняя форма уха составляетъ у рязанцевъ (для праваго и лѣваго уха вмѣстѣ) 4,90, тогда какъ для обитателей верхняго Эльзаса Schwalbe даетъ среднюю форму для праваго уха въ 3,8, а для лѣваго въ 4,3. Изслѣдованія *Gradenigo* надъ итальянцами (Туринъ) показываютъ, что они обладаютъ, повидимому, еще болѣе редуцированнымъ ухомъ, такъ какъ у нихъ Дарвиновъ бугорокъ въ формахъ соотвѣтствующихъ формамъ Schwalbe I—III встрѣчается только въ 3,5% всѣхъ случаевъ. Schwalbe склоненъ считать также рѣзкое различіе въ цифрахъ для итальянцевъ и для нѣмцевъ за расовыя особенности обѣихъ этихъ группъ.

Цифры *Schäffer*'а не вполнѣ сравнимы съ цифрами Schwalbe и моими, такъ какъ Schäffer, отмѣчая только рѣзко выраженныя формы Дарвинова бугорка, не даетъ точнаго опредѣленія, что именно онъ подразумѣваетъ подъ этимъ терминомъ. Судя по характеру самыхъ цифръ, равно какъ и по общему ходу положенія работы Schäffer'а, надо думать, что границы для признаніе этихъ формъ у него не совсѣмъ точны и лежатъ въ предѣлахъ между III и IV формами Schwalbe, а можетъ-быть и охватываютъ и всю IV форму Schwalbe. Мы уже видѣли, что для различныхъ областей Германіи цифры Schäffer'а даютъ колебанія между 15 (13)% и 25 (47)%. Для евреевъ (33 набл.) Schäffer даетъ цифру въ 48% и для англичанъ (66 набл.)—въ 55%.

Цифры другихъ авторовъ, отмѣчавшихъ Дарвиновъ бугорокъ у нормальнаго населенія (главнымъ образомъ въ видахъ сравненія съ душевно-больными или съ преступниками) еще болѣе сомнительны, такъ какъ они страдаютъ обыкновенно недостаточно яснымъ отграниченіемъ формъ уха съ Дарвинымъ бугоргомъ и безъ него и приводятся чаще всего въ общей массѣ, безъ диференцировки отдѣльныхъ формъ этого образованія.

Для германскаго населенія имѣются еще изслѣдованія *Laubi* [107]), который при 200 наблюденіяхъ надъ здоровыми насчитываетъ Дарвиновъ бугорокъ только въ 3% всѣхъ случаевъ. Цифры Laubi интересны въ томъ отношеніи, что изслѣдованіе этого автора велось въ Reinau, т.-е. въ той области, для которой имѣется и цифра Schäffer'а, отмѣтившаго тамъ же при 312 наблюденіяхъ 15% Дарвинова бугорка. Въ этихъ двухъ цифрахъ (3% и 15%) съ особой ясностью выступаетъ тотъ фактъ, какъ противорѣчивы цифры разныхъ авторовъ при различіи и неопредѣленности взгляда на самый предметъ, подлежащій изслѣдованію. Очевидно, что только примѣненіе схемы Schwalbe или другой какой-либо аналогичной схемы, позволяющей точно опредѣ-

лять и диференцировать различныя степени развитія этого образованія, освободить изслѣдователей отъ вліяній субъективизма и сдѣлаетъ получаемыя ими цифры сравнимыми между собою.

Не меньшей неопредѣленностью отличаются и цифры *P. Eule* *), который у 3,000 здоровыхъ **) жителей швейцарскаго кантона Zürich нашелъ: „внутренній" Дарвиновъ бугорокъ двухсторонній—5 разъ, лѣвосторонній—23, правосторонній—5 и „наружный" Дарвиновъ бугорокъ—двухсторонній—26, лѣвосторонній—23 и правосторонній—27; всего, слѣдовательно, 140 случаевъ Дарвинова бугорка на 6,000 ушей для 2,3%. Но болѣе точнаго опредѣленія терминовъ наружный и внутренній бугорокъ авторъ не приводитъ, отчего цифры его теряютъ всякое значеніе. То же самое относится всецѣло и къ цифрамъ *Roher'a*, подъ руководствомъ котораго, впрочемъ, Eule и работалъ. Нѣсколько точнѣе обозначенія Дарвинова бугорка сдѣланы *Vali* [79]) для Буда-Пешта, *Féré* et *Seglas* [80]), а также *Lannois* [104, 105]) для Франціи, *Karutz'a* [50]) для Германіи, *Gradenigo* [39, 42]) для Италіи. Въ таблицѣ № 77 сведены въ одно главнѣйшія данныя этихъ авторовъ.

Вслѣдствіе недостаточно полнаго у автора единства способовъ регистраціи формъ Дарвинова бугорка, тѣ или другія заключенія могутъ быть сдѣланы только съ большой осторожностью. Тѣмъ не менѣе, различія въ цифрахъ такъ велики, что трудно сомнѣваться въ томъ, что расы въ этомъ отношеніи разнятся другъ отъ друга. Интересно, что на ряду съ итальянцами наибольшую редукцію уха обнаруживаютъ венгерцы и калмыки (см. послѣдній столбецъ таблицы № 77). Быть-можетъ, сходство въ этомъ отношеніи двухъ послѣднихъ народовъ и не представляетъ случайной игры малыхъ чиселъ наблюденій, но является выраженіемъ общаго азіатскаго происхожденія этихъ двухъ народовъ. Высокая степень редукціи уха у недавно изслѣдованныхъ мною калмыковъ, представляетъ большой теоретическій интересъ, указывая (вмѣстѣ съ аналогичными данными для венгровъ) на всю неосновательность желанія видѣть въ болѣе редуцированномъ ухѣ признакъ большого совершенства расы и vice versо въ менѣе редуцированномъ—признакъ низшей расы или низшей (дегенеративной, преступной) организаціи. Цифра для калмыковъ полу-

*) Съ именемъ Eule (Petrona) произошелъ слѣдующій казусъ: у кого-то изъ изслѣдователей, кажется у Gradenigo, сокращенное имя этого автора приведено не вѣрно (Frl. вмѣсто Pet. или Ptr.) и съ тѣхъ поръ въ продолженіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ это имя фигурируетъ у всѣхъ безъ исключенія авторовъ, занимавшихся изученіемъ наружнаго уха въ такомъ невѣрномъ сокращеніи. Занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изученіемъ наружнаго уха, я могъ бы, впрочемъ, привести много примѣровъ, гдѣ десятками лѣтъ благополучно переходятъ изъ книги въ книгу не только искаженныя имена и цифры, но иногда и мнѣнія, приписываемыя авторамъ, никогда ихъ не высказывавшимъ.

**) Терминъ „здоровые" надо принимать у Eule съ большою осторожностью, такъ какъ это были паціенты ушной поликлиники пр. Roher'a. Между тѣмъ никому еще не извѣстно, отражаются ли, а если да, то въ какомъ направленіи, тѣ или другія ушныя болѣзни на измѣненіяхъ формы наружнаго уха.

ТАБЛИЦА № 77-й.

Распространеніе Дарвинова бугорка по даннымъ различныхъ авторовъ у отдѣльныхъ группъ нормальнаго населенія Европы.

Мѣсто наблюденія или племя.	Авторы.	Число наблюд.	% ушей безъ Д. б. (ф. VI) и съ слаб. бугор. (ф. V).	% уш. съ Д. б. формъ I и II.	% уш. съ Д. б. формъ I, II и III вмѣстѣ.
1) Budapest. . .	Vali	250	—	0,6	3,0
2) Италія . . .	Gradenigo. .	230	—	1,5	3,5
3) Приволж. калмыки	Воробьевъ .	75	74	0	3,7
4) Франція . . .	Féré et Seglas	473	—	—	2,4
5) „ . . .	Lannois. . .	125	—	6,8	14,0
6) Россія — Ряз. губер.. . . .	Воробьевъ .	325	80,9	10,1	13,5
7) Германія—Гамбургъ. . .	Karutz . . .	549	58,4	4,5	?
8) — Эльзасъ и прирейнск. пров. . . .	Schwalbe . .	109	47,7	20,6	30,7
9) —только верх. Эльзасъ . .	„	71	43,6	24,0	36,0

Примѣчанія: 1) *Vali* отмѣчаетъ: Macacus Ohr, что приблиз. соотвѣтствуетъ формамъ I и II Schwalbe и D. Höcker=ф. III.
2) *Gradenigo* обозначаетъ: D. Höcker=ф. I и II Schwalbe и D. Spitze=ф. III Schwalbe; другихъ формъ не отмѣчаетъ совсѣмъ.
3) По схемѣ Schwalbe.
4) *Féré* et *Seglas* отмѣчаютъ: tub. de D. exagéré, что соотвѣтствуетъ приблизительно формамъ I—III Schwalbe.
5) *Lannois* отмѣчаетъ двѣ формы бугорка, указывая, что въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ за Gradenigo.
6) По схемѣ Schwalbe.
7) *Karutz* отмѣчаетъ Macacus Ohr, соотвѣтственно формамъ I и II Schwalbe; отмѣчаетъ также число всѣхъ случаевъ, гдѣ Дарвиновъ бугорокъ существуетъ хотя бы слабо выраженный (по Schwalbe).
8 и 9) *Schwalbe*—по собственной схемѣ.

чена на небольшомъ, сравнительно, числѣ наблюденій, допускающемъ возможность, что недостаточно редуцированныя формы (I и II) не попались ни разу случайно, но здѣсь большую роль играютъ не эти отдѣльные случаи, а общая цифра ушей съ слабымъ развитіемъ бугорка или совсѣмъ безъ него, которая у калмыковъ высока (74%) и немного уступаетъ въ этомъ отношеніи великоруссамъ. Сравнивая же степень редукціи уха калмыковъ и великоруссовъ по средней формѣ уха, мы увидимъ, что ухо калмыковъ является въ среднемъ нѣсколько болѣе редуцированнымъ, такъ какъ въ то время, какъ общая средняя форма для рязанцевъ составляетъ 4,9, для калмыковъ она возвышается до 5,0. Урало-алтайцы—венгры и чистые монголы—калмыки стоятъ по степени распространенія рѣзкихъ формъ Дарвинова бугорка (ф. I—III) рядомъ съ прошедшими многовѣковую высокую культуру итальянцами, тогда какъ высоко-культурные нѣмцы обладаютъ ухомъ менѣе редуцированнымъ, чѣмъ у великоруссовъ и даже чѣмъ у калмыковъ. Здѣсь будетъ кстати напомнить о томъ, что и для англичанъ Schäffer на небольшомъ, правда, числѣ наблюденій нашелъ очень большой % ушей съ Дарвиновымъ бугоркомъ.

Очевидно, слѣдовательно, что если отдѣльныя расы и представляютъ довольно чувствительныя въ этомъ отношеніи различія, то все-таки надо признать, что та или другая степень распространенія Дарвинова бугорка, та или другая, слѣдовательно, степень редукціи уха, не можетъ быть поставлена въ параллель ни съ пресловутой высотой организаціи, ни съ степенью культурности расъ.

Вернемся теперь къ изслѣдованнымъ мною рязанцамъ. Въ таблицѣ № 75 обращаетъ на себя особое вниманіе крайне незначительное число наблюденій, падающихъ на форму IV Дарвинова бугорка, особенно замѣтное при сравненіи съ данными Schwalbe.

Едва ли, однако, существуютъ какія либо основанія видѣть въ этомъ отношеніи существенную разницу между великоруссами и германцами: разница цифръ сводится, вѣроятно, скорѣе всего къ моей ошибкѣ, имѣвшей мѣсто при нѣкоторой неопредѣленности отграниченія формы IV отъ формы V. Въ самомъ дѣлѣ, для отличія формы III отъ формы IV имѣется очень опредѣленный критерій, а именно—вершина Дарвинова заострена — мы имѣемъ форму III, притуплена — форму IV. Но отъ формы V эта послѣдняя отграничена гораздо болѣе неопредѣленными чертами, такъ какъ послѣдняя форма опредѣляется какъ форма, имѣющая очень притупленный и слабо выраженный („едва замѣтный“ по опредѣленію Schwalbe) выступъ. Очевидно, что при моихъ изслѣдованіяхъ я расширилъ границы V формы за счетъ IV-й, отнявъ у послѣдней многіе случаи, гдѣ бугорокъ представлялся притупленнымъ и уплощеннымъ. Въ опредѣленіи V-й формы Schwalbe дѣлаетъ указаніе, что Дарвиновъ бугорокъ замѣтенъ при ней главнымъ образомъ сзади. Это замѣчаніе, недостаточно подчеркнутое авторомъ схемы, не прошло для меня незамѣченнымъ, но я понималъ его только какъ моментъ для отграниченія этой формы отъ формы VI-й. Только проведя все изслѣдованіе и, произведя окончательный подсчетъ результатовъ, я пришелъ къ убѣжденію, что Schwalbe понималъ положеніе дѣла нѣсколько иначе и видимость бугорка *только сзади* составляетъ у него характерный признакъ формы V, отграничивающей ее какъ отъ формы VI, такъ и отъ формы IV.

Такимъ образомъ, какъ бы бугорокъ ни былъ уплощенъ и какъ бы сзади ни выступалъ онъ надъ свободнымъ краемъ завитка, но разъ онъ замѣтенъ при разсмотрѣніи уха спереди, должно относить его уже къ формѣ IV, а не къ формѣ V. Изслѣдуя гораздо позже (въ 1900 году) уши приволжскихъ калмыковъ, я уже принималъ во вниманіе это обстоятельство и цифра для формы IV у калмыковъ гораздо больше и не представляетъ такой колоссальной разницы съ цифрою для формы V-й (у калмыковъ по моимъ изслѣдованіямъ различныя формы Дарвинова бугорка распредѣляются слѣдующимъ образомъ: ф. I—0; ф. II—0; ф. III—3,7%; ф. IV—22, 2%; ф. V — 44,[illegible]% и ф. VI—29,6%).

Указывая какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ соотвѣтствующихъ мѣстахъ на всѣ мои промахи при примѣненіи схемы Schwalbe, я имѣю въ виду прежде всего предостеречь будущихъ изслѣдователей, которые захотѣли бы примѣнить эту же схему отъ этихъ и подобныхъ имъ ошибокъ, легко могущихъ возникать при новизнѣ предмета и при слишкомъ уже большой лаконичности и краткости изложенія Schwalbe основъ его схемы. Впрочемъ ошибка по отношенію къ формамъ Дарвинова бугорка не могла имѣть существенно важныхъ послѣдствій, такъ какъ важнѣйшіе моменты, а именно отграниченіе первыхъ трехъ формъ бугорка, ровно какъ и послѣдней формы, т. е. отсутствія бугорка могли быть сдѣланы съ большею степенью точности; съ другой же стороны и самъ Schwalbe придаетъ главное значеніе только отграниченію первыхъ трехъ формъ, какъ формъ рѣзко выраженнаго бугорка и формы VI — какъ вполнѣ редуцированной формѣ. При недостаточномъ диференцированіи формъ IV и V между собою будутъ измѣнчивы, конечно, и выводы „средней формы“ Дарвинова бугорка, которымъ, слѣдовательно, нельзя придавать большого значенія.

Соотношенія между степенью развитія Дарвинова бугорка и ростомъ изслѣдованныхъ мною рязанцевъ видно изъ таблицы № 78, гдѣ распредѣленіе различныхъ формъ Дарвинова бугорка проведено по 4 основнымъ группамъ роста.

ТАБЛИЦА № 78-й.

Распредѣленіе формъ Дарвинова бугорка у рязанцевъ по группамъ роста.

	Низкій ростъ.		Ниже средняго.		Выше средняго.		Высокій ростъ.	
	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%
Формы I—II. .	14	10,7	24	12,9	18	8,6	10	8,1
Форма III. . .	4	3,0	12	6,5	4	1,9	2	1,6
Ф.I,II,III вмѣстѣ.	18	13,7	36	19,4	22	10,5	12	9,7
Форма IV. . .	9	7,0	5	2,7	15	7,2	7	5,6
Форма V. . .	63	47,7	81	43,5	106	50,9	58	46,8
Форма VI. . .	42	31,2	64	34,4	65	31,2	47	37,9
Средняя форма.	4,87		4,79		4,94		5,04	

При разсмотрѣніи этой таблицы можно видѣть, что наиболѣе рѣзко выраженныя формы Дарвинова бугорка (ф. I — III вмѣстѣ), встрѣчаются въ группахъ роста выше средняго и высокаго нѣсколько рѣже, чѣмъ въ группахъ низкаго и ниже средняго роста (10,5% и 9,7% противъ 13,7% и 19,4%); форма же уха свободнаго отъ бугорка (ф. VI) встрѣчается, обратно, нѣсколько чаще въ группахъ высокорослыхъ, чѣмъ въ въ низкорослыхъ (31,2 % и 37,9% противъ 31,2% и 34,7%).

Другими словами — большему росту соотвѣтствують болѣе редуцированныя формы уха. Тѣ же отношенія видны и при выводѣ средней формы Дарвинова бугорка, которая довольно правильно увеличивается съ увеличеніемъ роста. Еще нагляднѣе выражено это отношеніе въ томъ случаѣ, если мы будемъ сравнивать только двѣ группы—низкаго (до 165,0 cnt. включительно) и высокаго роста (160,1 cnt. и болѣе), какъ это видно изъ таблицы № 79.

ТАБЛИЦА № 79-й.

	Низкій ростъ. абс. ч.	%	Высокій ростъ. абс. ч.	%
Формы I—III. . .	54	17,0	34	10,2
„ IV—V. . .	158	49,7	186	56,0
„ VI . . .	106	33,3	112	33,7

Въ процентномъ отношеніи формъ VI разницы, правда, не замѣчается, зато очень замѣтно уменьшеніе менѣе редуцированныхъ формъ уха для группы высокаго роста, при чемъ ея различіе съ группой низкаго роста доходитъ почти до 7%. Средняя же форма Дарвинова бугорка для группы низкаго роста составляетъ 4,82, а для группы высокаго роста 4,98.

Невольно возникаетъ вопросъ, составляетъ ли большая редукція уха высокорослыхъ субъектовъ выраженіе нѣкоторой расовой обособленности этихъ субъектовъ отъ общей массы, или же она является прямымъ слѣдствіемъ того обстоятельства, что высокорослые субъекты являются caeteris paribus—субъектами съ болѣе сильной, съ болѣе развитой организацiей, а потому и уши ихъ представляютъ также болѣе зрѣлыя, болѣе законченныя формы. Нужно, впрочемъ, сказать, что произведенное мною антропологическое изслѣдованіе рязанцевъ не даетъ отвѣта на вопросъ, точно ли высокорослые субъекты представляются и болѣе развитыми физически, хотя, вообще говоря, это возможно. Относительно же вопроса о расовой обособленности высокорослыхъ субъектовъ вопросъ стоитъ нѣсколько иначе.

Въ моихъ предыдущихъ работахъ [181, 136]) я уже высказался за то, что для рязанцевъ высокорослые субъекты представляютъ субъектовъ болѣе сохранившихъ основной типъ славянина; одну изъ основныхъ же чертъ славянскаго типа я склоненъ видѣть и въ преобладаніи темнаго цвѣта волосъ и глазъ, замѣтномъ у высокорослыхъ рязанцевъ. Мой взглядъ основанъ не на достаточно, впрочемъ, твердыхъ основаніяхъ и имѣетъ значеніе не болѣе какъ гипотетическое. Тѣмъ не менѣе, независимо отъ того, вѣренъ или не вѣренъ только что указанный мой взглядъ, въ группахъ субъектовъ свѣтлой и темной окраски волосъ и глазъ мы въ правѣ видѣть такія группы, въ которыхъ сконцентрированы въ болѣе чистомъ видѣ остатки вліяній двухъ (или нѣсколькихъ) производителей современныхъ рязанцевъ, различныхъ по своему основному расовому типу. Подсчитывая теперь распространеніе отдѣльныхъ формъ Дарвинова бугорка у представителей свѣтлаго и темнаго типовъ, я нашелъ между ними нѣкоторую разницу (см. таблицу № 80), сводящуюся къ тому, что представители темнаго типа обладаютъ какъ бы нѣсколько болѣе редуцированнымъ ухомъ.

ТАБЛИЦА № 80-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ Дарвинова бугорка у субъектовъ свѣтлаго и темнаго типовъ.

	Свѣтлый типъ. абс. ч.	%	Темный типъ. абс. ч.	%
Формы I—III. . .	18	12,5	15	11,9
„ IV—V. . .	76	52,7	61	49,1
„ VI . . .	50	34,7	49	38.9
Средняя форма. . .	4,89		5,03	

У представителей темнаго типа наблюдается, слѣдовательно, нѣсколько меньшій (ничтожная разница) про-

центъ развитыхъ формъ бугорка и нѣсколько большій процентъ (разница болѣе замѣтная) субъектовъ съ вполнѣ редуцированнымъ ухомъ; аналогичное явленіе замѣтно и при сравненіи средней формы, которая для темнаго типа даетъ нѣсколько бо́льшую величину.

Этотъ фактъ даетъ нѣкоторыя основанія къ предположенію, что бо́льшая редукція уха высокорослыхъ (среди которыхъ больше представителей темнаго типа) составляетъ особенность расы; тѣмъ не менѣе, обосновать хотя сколько нибудь положительно это теоретическое построеніе въ настоящее время нельзя. Только сравненіе ушей высокорослыхъ и низкорослыхъ, хорошо и дурно развитыхъ физически субъектовъ среди различныхъ расовыхъ группъ можетъ дать матеріалы для рѣшенія вопроса въ ту или другую сторону.

Распредѣленіе формъ Дарвинова бугорка по возрастнымъ группамъ (въ предѣлахъ отъ 18 лѣтъ и выше) не дало, какъ это видно изъ таблицъ № 81 и № 82, ничего характернаго. Изъ этихъ таблицъ мы видимъ, что процентъ рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка (ф. I—III) колеблется довольно атипично.

ТАБЛИЦА № 81-й.

Процентныя отношенія рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка (ф. I—III) по возрастнымъ группамъ.

Въ возрастѣ			
отъ 18 до 20 л. ф. I—III набл.	11 разъ	изъ 72 сл.	или 15,2%
„ 21 „ 23 „	15 „	„ 96 „	15,6%
„ 24 „ 25 „	10 „	„ 62 „	16,1%
„ 26 „ 30 „	18 „	174 „	10,4%
„ 31 „ 35 „	18 „	„ 96 „	18,7%
„ 36 „ 40 „	3 „	„ 64 „	4,7%
„ 41 „ 45	5 „	„ 38 „	13,1%
„ 46 лѣтъ и выше	8 „	„ 48 „	16,6%

Соединяя въ болѣе крупныя возрастныя группы, получимъ таблицу № 82, также не дающую ничего характернаго.

ТАБЛИЦА № 82-й.

отъ 18 до 25 л. ф. I—III набл.	36 р.	изъ 230 случ.	или 15,6%
„ 26 „ 30 „	18 „	„ 174 „	10,4%
„ 31 „ 40 „	21 „	„ 160 „	13,1%
„ 41 г. и выше	13 „	„ 86 „	15,1%

Наибольшій процентъ рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка встрѣчается, слѣдовательно, какъ въ наиболѣе молодой, такъ и въ наиболѣе возрастной группахъ. Если какія либо характерныя въ этомъ случаѣ отношенія и существуютъ, наличный матеріалъ, очевидно, недостаточенъ для ихъ обнаруженія.

Для возрастныхъ измѣненій дѣтскаго уха имѣющійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ (изслѣдов. ушей 80 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 3-хъ мѣс. и до 17 лѣтъ), несмотря на небольшое число наблюденій, далъ довольно характерныя отношенія: въ таблицѣ № 83 представлено распредѣленіе различныхъ формъ Дарвинова бугорка для трехъ возрастныхъ группъ: 1) отъ 3-хъ мѣс. и до 3-хъ лѣтъ, 2) выше 3-хъ лѣтъ и до 10 лѣтъ и 3) отъ 11 и до 17 лѣтъ.

ТАБЛИЦА № 83-й.

	Отъ 3 мѣс. до 3 лѣтъ.	отъ 3 и до 10 лѣтъ.	Отъ 11 и до 17 лѣтъ.
Дарвиновъ бугор. ф. I	1 набл.	0 набл.	1 набл.
„ II	2 „	2 „	1 „
„ III	6 „	3 „	3 „
„ IV	8 „	3 „	4 „
„ V	11 „	8 „	9 „
„ VI	2 „	4 „	12 „

Соединяя вмѣстѣ формы I—III, получимъ число выраженныхъ случаевъ Дарвинова бугорка (фор. I—III) для первой возрастной группы—9 набл. или 30,0% всѣхъ случаевъ; для второй — 5 набл. или 20,0% и для третьей—5 наблюденій или 16,6% всѣхъ случаевъ; съ увеличеніемъ возраста замѣтно, слѣдовательно, убываніе рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка. Разсматривая формы I и II отдѣльно отъ формы III, можно видѣть, что формы I и II вмѣстѣ взятыя составляютъ во всѣхъ трехъ возрастныхъ группахъ 7 наблюденій или 8,7% общаго числа всѣхъ дѣтскихъ ушей, т.-е. не только не больше, но даже нѣсколько меньше, чѣмъ у взрослыхъ, для которыхъ формы I и II дали, какъ мы видѣли выше, 10,1%; слѣдовательно, уменьшеніе рѣзкихъ формъ Дарвинаго бугорка съ увеличеніемъ возраста происходитъ у дѣтей главнымъ образомъ за счетъ убыванія формы III, переходящей, очевидно, съ возрастомъ въ менѣе выраженныя формы. Число случаевъ формы VI, ничтожное въ группѣ младшаго возраста (2 набл.), возрастаетъ съ увеличеніями возраста и въ группѣ старшаго возраста составляетъ уже 12 наблюденій или 40% всѣхъ случаевъ. Можно, слѣдовательно, считать, что дѣтское ухо обладаетъ приблизительно тѣмъ же числомъ Дарвинова бугорка въ формахъ I и II, что и ухо взрослыхъ, т.-е. другими словами, наиболѣе рѣзко недоразвитыя формы макаковаго и церкопитековаго уха, разъ появившись, съ возрастомъ наклонности къ дальнѣйшей редукціи не обнаруживаютъ, форма же III, являясь у новорожденныхъ въ довольно значительномъ числѣ, подвергается еще диссолюціи и переходитъ послѣдовательно въ болѣе редуцированныя формы. Интересно было бы прослѣдить не по генерализированному, но по индивидуализированному методу наблюденій, какъ далеко идетъ

съ возрастомъ диссолюція формы III, т.-е. превращается ли она только въ ближайшую къ ней форму IV, или даже и въ формы V и VI. Судя по тому, что на таблицѣ № 83 и форма IV даетъ явное уменьшеніе съ возрастомъ, надо думать, что и эта форма Дарвинова бугорка способна къ дальнѣйшей диссолюціи, равно какъ, повидимому, и форма V, но происходитъ ли диссолюція на одну только ступень или въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на двѣ и болѣе—рѣшить безъ наблюденій надъ послѣдовательными измѣненіями формы уха у однихъ и тѣхъ же субъектовъ невозможно.

b. Дарвиновъ бугорокъ у женщинъ.

Распредѣленіе различныхъ формъ Дарвинова бугорка у ста великорусскихъ женщинъ представлено на таблицѣ № 84, гдѣ рядомъ съ цифрами для женщинъ указаны для сравненія и цифры, полученныя для мужчинъ. При сравненіи праваго и лѣваго уха у женщинъ оказалось, что у нихъ какъ по отношенію къ Дарвинову бугорку, такъ и по отношенію къ другимъ образованіямъ симметрія формъ обоихъ ушей выражена очень полно, такъ что случаи, гдѣ то или другое изъ образованій праваго уха развито въ иной мѣрѣ, чѣмъ соотвѣтствующее образованіе лѣваго уха, у нихъ крайне рѣдки, тогда какъ у мужчинъ такіе случаи составляютъ, какъ мы уже видѣли выше, довольно значительный процентъ.

Въ виду этого мною подсчитывались формы различныхъ образованій у женщинъ только для праваго уха. Такъ какъ всѣхъ женщинъ изслѣдовано было сто, цифры выражающія абсолютныя числа для отдѣльныхъ формъ, совпадаютъ съ процентными отношеніями.

ТАБЛИЦА № 84-й.

Сравненіе распространенія различныхъ формъ Дарвинова бугорка у мужчинъ и у женщинъ.

Въ %		у женщ.	у мужчинъ.
Дарвиновъ бугорокъ	ф. I	2	0,3
„	II	7	9,8
„	III	4	3,4
„	IV	7	5,5
„	V	37	47,4
„	VI	43	33,5

Schwalbe, отмѣтилъ, что ухо женщины редуцировано болѣе полно чѣмъ мужское ухо; слѣдовательно и Дарвиновъ бугорокъ долженъ у женщинъ встрѣчаться чаще чѣмъ у мужчинъ въ формахъ наиболѣе слабо выраженныхъ въ формахъ же рѣзко выраженныхъ обратно—рѣже. При взглядѣ на таблицу № 84 мы видимъ, однако, что формы I—III вмѣстѣ взятыя составляютъ у женщинъ 13,0%, а у мужчинъ 13,5%, т.-е. въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между мужчинами и женщинами; нѣсколько бо́льшая редукція женскаго уха выражается правда въ томъ, что у мужчинъ самой частой является форма V, а у женщинъ ф. VI, дающая у нихъ 43% всѣхъ случаевъ; равнымъ образомъ и средняя форма Дарвинова бугорка у женщинъ нѣсколько выше, чѣмъ у мужчинъ, составляя у первыхъ

$$\frac{(2\times1+7\times2+4\times3+7\times4+37\times5+43\times6)}{100}=4,99$$

а у послѣднихъ—4,90. Но разница между мужчинами и женщинами въ степени редукціи уха, поскольку она сказывается въ развитіи Дарвинова бугорка, во всякомъ случаѣ не велика. Разница въ распредѣленіи формъ Дарвинова бугорка по группамъ роста отстоящимъ другъ отъ друга на 50 mm., не велика, немного замѣтнѣе становится она въ томъ случаѣ, если мы будемъ сличать всего лишь двѣ группы роста—до 1500 mm. и выше 1500 m.; тогда формы I—III, составятъ для первой группы 15,3% всѣхъ наблюденій (4 случая изъ 26 набл.), для второй же — 12,1% (9 случ. изъ 74 набл.), т.-е. группѣ малаго роста соотвѣтствуетъ нѣкоторый избытокъ рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка. Распредѣленіе формъ Дарвинова бугорка по возрастамъ (у взрослыхъ женщинъ) и по типу ихъ цвѣтности не дало ничего характернаго.

c) Дарвиновъ бугорокъ у душевно-больныхъ и преступниковъ.

Въ глазахъ многихъ антропологовъ-криминалистовъ и психіатровъ Дарвиновъ бугорокъ играетъ видную роль. Придавая этому образованію то значеніе признака болѣе низкаго происхожденія, атавизма, то только значеніе дегенеративнаго признака или признака преступности безъ опредѣленія отношенія его къ атавизму, многіе авторы утверждаютъ, что Дарвиновъ бугорокъ встрѣчается у душевно-больныхъ и у преступниковъ значительно чаще, чѣмъ у здоровыхъ. Большинство практическихъ психіатровъ (по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи) придаетъ Дарвинову бугорку, какъ признаку дегенераціи, очень большое значеніе; въ Московской, напримѣръ, психіатрической клиникѣ, а также и во многихъ другихъ клиникахъ и больницахъ, та или другая степень развитія Дарвинова бугорка на ухѣ душевно-больного обязательно и неукоснительно вызываетъ отмѣтку въ исторіи болѣзни: „уши дегенеративныя“.

Трудно, однако, сказать, на чемъ, собственно, зиждется такъ глубоко укоренившееся убѣжденіе практическихъ психіатровъ въ значеніи Дарвинова бугорка, какъ признака вырожденія, такъ какъ авторы, работавшіе надъ этимъ вопросомъ, далеко не пришли къ единогласному его рѣшенію и на ряду съ защитниками дегенеративнаго значенія Дарвинова бугорка, есть не мало и противниковъ этого взгляда и послѣднихъ, надо сказать, въ общемъ больше чѣмъ первыхъ. Такъ, если за

значеніе Дарвинова бугорка, какъ признака дегенераціи или преступности высказываются *Arndt* [111]) (признаетъ за бугоркомъ значеніе показателя нервно-психопатической конституціи), *Féré* et *Seglas* [80]) (атавистическій признакъ), *Vali* [19]), *G. Ruggieri* [137]) (характеръ болѣе низкой организаціи) и цѣлый рядъ другихъ итальянскихъ авторовъ, зато найдется не мало авторовъ, среди которыхъ встрѣчаются имена изслѣдователей, наиболѣе глубоко изучившихъ наружное ухо человѣка, утверждающихъ, что Дарвиновъ бугорокъ представляетъ образованіе не атавистическаго и не дегенеративнаго характера, но имѣетъ значеніе простой варіаціи строенія, встрѣчающейся одинаково часто какъ среди патологическихъ, такъ и среди нормальныхъ человѣческихъ группъ. Такъ для *Knecht'a* [138]) Дарвиновъ бугорокъ маловаженъ въ смыслѣ признака дегенераціи; то же думаетъ и *Gradenigo; Morselli* [139]), *Schwalbe, Karutz* [50]), *Chiarugi* [27]) считаютъ его за нормальную варіацію въ строеніи наружнаго уха и т. д. Авторы, пытавшіеся рѣшить вопросъ путемъ сравнительно статистическихъ изслѣдованій, такъ же дѣлятся на два лагеря. Чаще находили Дарвиновъ бугорокъ у душевно-больныхъ или у преступниковъ, чѣмъ у здоровыхъ: *Eule* [49]), *Laubi* [107]), *Näcke* [109]), *Binder* [15]) (голословно—безъ сравнительной цифры для здоровыхъ), *Féré et Seglas* [80]) (только формы, соотвѣтствующія формамъ I — II Schwalbe, менѣе же выраженныя формы послѣдніе авторы нашли обратно—болѣе частыми у здоровыхъ), *Vali* [79]) и др.

Одинаково же частое распространеніе бугорка среди патологическихъ и нормальныхъ группъ и даже большее его распространеніе среди послѣднихъ группъ отмѣчаютъ: *Gradenigo*, нашедшій ничтожный, не имѣющій, по его словамъ, никакого значенія перевѣсъ нѣкоторыхъ формъ Дарвинова бугорка у душевно-больныхъ, и одинаковое распространеніе у здоровыхъ и у преступниковъ, затѣмъ *Warda* [46]), *Talbot* [140]), *Karutz* [50]) и др., нашедшіе среди преступниковъ и душевно-больныхъ меньшее даже распространеніе Дарвинова бугорка, чѣмъ среди нормальныхъ людей. Надо, однако, сказать, что статистики авторовъ, какъ одного, такъ и другого лагеря, грѣшатъ въ большинствѣ случаевъ методологическими ошибками, дѣлающими ихъ цифры мало достовѣрными; едва ли не самое большое въ этомъ отношеніи значеніе имѣетъ недостаточная опредѣленность границъ, отъ которыхъ ухо отмѣчается какъ свободное отъ Дарвинова бугорка, равно какъ и не всегда точное опредѣленіе, отмѣчаются ли всѣ, или же только наиболѣе выраженныя формы бугорка.

Въ таблицѣ № 85 сопоставлены данныя относительно распространенія рѣзко развитыхъ формъ Дарвинова бугорка среди преступниковъ и душевно-больныхъ, собранныя у тѣхъ изъ авторовъ, въ статистикахъ которыхъ сдѣланы хотя приблизительныя указанія на то, что именно они понимаютъ подъ именемъ Дарвинова бугорка.

Для сравненія въ таблицѣ приведены и данныя относительно распространенія тѣхъ же формъ у нормальнаго населенія. Звѣздочкой отмѣчены въ таблицѣ имена тѣхъ авторовъ, которые, изслѣдуя уши душевно-больныхъ и преступниковъ, давали въ то же время сравнительный, собранный ими самими, матеріалъ и для нормальнаго населенія.

Степень достовѣрности и опредѣленности значенія цифръ различныхъ авторовъ далеко не одинакова. Цифры *Marro, Penta, De-Sarlo, Arno, Stura e Arese* для итальянскихъ преступниковъ до того разнятся между собою (отъ 0,9% и до 45,0%), что единственный возможный выводъ изъ нихъ—это признаніе различнаго пониманія авторами термина „рѣзко выраженный Дарвиновъ бугорокъ"; въ работахъ этихъ авторовъ нѣтъ, къ сожалѣнію болѣе точныхъ опредѣленій этого термина, что дѣлаетъ цифры авторовъ несравнимыми какъ другъ съ другомъ, такъ и съ цифрами для нормальнаго населенія по даннымъ другихъ авторовъ (Gradenigo); отсутствіе же сравнительнаго съ нормальнымъ населеніемъ матеріала, собраннаго самими авторами, лишаетъ ихъ цифры всякаго значенія, кромѣ развѣ значенія показателя величины колебанія цифръ въ зависимости отъ недостаточно точной установки понятія объ изучаемой формѣ. Больше другихъ имѣютъ значеніе цифры тѣхъ авторовъ, которые лично изслѣдовали и здоровое, и патологическое населеніе, хотя нѣкоторое вліяніе субъективизма возможно, конечно, и у нихъ (кромѣ тѣхъ авторовъ, которые вели изслѣдованіе по схемѣ Schwalbe, довольно точно разграничивающей отдѣльныя формы, а потому и сводящей до minimum'a вліяніе субъективизма). Такого рода цифры мы имѣемъ для Германіи у *Karutz'a, Eule, Laubi, Näcke;* для Италіи—у *Gradenigo*, для Франціи—у *Féré et Seglas* и для Венгріи—у *Vali;* для нѣмцевъ могутъ еще имѣть значеніе цифры *Warda*, который, не изслѣдуя нормальнаго населенія, изучалъ формы Дарвинова бугорка у душевно-больныхъ, придерживаясь схемы Schwalbe съ данными, которыми и могутъ быть потому сравниваемы его данныя, съ оговоркою, однако, что и въ предѣлахъ одной и той же расы встрѣчаются, какъ это показали изслѣдованія *Schäffer'a* и *Schwalbe* довольно широкія областныя колебанія въ степени развитія Дарвинова бугорка. Цифры *Eule* у нормальныхъ и у преступныхъ нѣмцевъ трудно сравнимы между собой, какъ вслѣдствіе несообразно большой разницы между числами изслѣдованныхъ нормальныхъ субъектовъ (3000) и числомъ преступниковъ (76), такъ особенно вслѣдствіе неопредѣленности у него понятія о Дарвиновомъ бугоркѣ и, наконецъ, вслѣдствіе признанія со стороны Eule за нормальныхъ субъектовъ пациентовъ ушной поликлиники. Между тѣмъ одинъ только Eule и нашелъ очень рѣзко выраженную разницу въ распространеніи Дарвинова бугорка у преступниковъ (34,2%) и у нор-

ТАБЛИЦА № 85-й.

Относительная частота распредѣленія рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка (въ %) среди нормальнаго населенія и среди преступниковъ и душевно-больныхъ.

Племя.—Авторы.	Нормальные.			Преступники.			Душевно-больные.		
	Число наблюден.	Дарв. бугор. форма I—III въ %.	Д. б. слабор. или отсутств. (фор. V—VI) въ %.	Число наблюден.	Дарв. бугор. форма I—III въ %.	Д. б. слабор. или отсутств. (фор. V—VI) въ %.	Число наблюден.	Дарв. бугор. форма I—III въ %.	Д. б. отсутств. или слабораз. (фор. V—VI) въ %.
I. Для германской расы.									
a) нѣмцы.									
Schwalbe	109	20,6	47,7	—	—	—	—	—	—
*Karutz	270	4,5	58,4	—	—		душ. б. 78 слабоум. 89	1,2 2,2	—
*Eule	3000	2,3	—	76	34,2	—	—	—	—
Ganter	—	—	—	—	—	—	345	2,02	—
*Laubi	200	3,0	—	—	—		идіот. 200 эпилеп. 90	6,0 4,4	—
*Näcke	80	1,25	—	—	—	—	100	11,0	—
Warda	—	—	—	—	—	—	96	16,7	49,0
Binder	—	—	—	—	—	—	186	9,2	—
b) норвежцы.									
Daae	—	—	—	126	—	51,0	—	—	—
II. Для романской расы.									
a) итальянцы.									
*Gradenigo	230	3,5	—	239	3,3	—	402	4,4	—
Giufrida-Ruggieri	—	—	—	—	—	—	233	17,6	—
Marro	—	—	—	529	0,9	—	—	—	—
Penta	—	—	—	400	45,0	—	—	—	—
De-Sarlo	—	—	—	89	2,2	—	—	—	—
Arno	—	—	—	150	1,3	—	—	—	—
Stura e Arese	—	—	—	19	5,3	—	—	—	—
b) французы.									
*Féré et Seglas	473	2,4	—	—	—	—	372	4,1	—
Lannois	125	14,0	—	—	—	—	—	—	—
III. Для урало-алтайской расы.									
a) Венгерцы—*Vali	—	3,0	—	—	4,5	—	—	6,4	—
b) Калмыки—Воробьевъ	75	3,7	74,0	—	—	—	—	—	—

мальнаго населенія (2,3%). Цифры *Näcke*, равно какъ и *Karutz'а* должны имѣть гораздо большее значеніе, такъ какъ оба автора хорошо знакомы съ изслѣдованіями Schwalbe и принимали при своихъ изслѣдованіяхъ во вниманіе его схему—Karutz болѣе строго, *Näcke* же хотя и зналъ ее, и понималъ рѣзко выраженный Дарвиновъ бугорокъ одинаково со Schwalbe, но его схемой при личныхъ изслѣдованіяхъ не руководствовался. Результаты, полученные обоими послѣдними авторами, діаметрально противуположны: Karutz нашелъ, что рѣзко выраженныя формы бугорка у душевно-больныхъ встрѣчаются нѣсколько рѣже, чѣмъ у здоровыхъ (1,2% и 2,2% противъ 4,5%), а Näcke нашелъ, что у больныхъ прогрессивнымъ параличемъ бугорокъ встрѣчается значительно чаще, чѣмъ у здоровыхъ (11,0%), хотя все-таки самъ Näcke не склоненъ дѣлать отсюда выводъ о значеніи Дарвинова бугорка, какъ признака дегенраціи. Большій чѣмъ у здоровыхъ процентъ случаевъ уха съ Дарвинымъ бугоркомъ даетъ у душевно-больныхъ и *Laubi*, понятіе котораго о Дарвиновомъ бугоркѣ остается въ его работѣ невыясненнымъ; сравненіе же цифръ *Warda* для душевно-больныхъ (полученныхъ по схемѣ Schwalbe) съ цифрами самаго Schwalbe для нормальныхъ нѣмцевъ приводитъ къ тому же взгляду, къ которому пришелъ *Karutz*, т.-е. къ отсутствію замѣтной разницы между нормальными и душевно-больными. Результаты изслѣдованій нѣмецкихъ авторовъ приводятъ такимъ образомъ къ неразрѣшимому противорѣчію и нѣтъ никакихъ положительныхъ основаній, позволяющихъ согласиться съ выводами тѣхъ или другихъ авторовъ, хотя надо, впрочемъ, сказать, что на сторонѣ Karutz'а и Schwalbe—Warda имѣется значительное преимущество болѣе строго проведеннаго метода изслѣдованія и изложенія полученныхъ результатовъ, чѣмъ у Näcke и Laubi.

Такимъ образомъ нѣмецкія изслѣдованія приводятъ скорѣе къ отрицательному чѣмъ, къ положительному отношенію къ Дарвинову бугорку, какъ къ преимущественному признаку душевно-больныхъ и преступниковъ. Для итальянцевъ имѣются данныя такого солиднаго знатока наружнаго уха, какъ *Gradenigo*, данныя также не говорящія за преимущественное распространеніе бугорка среди душевно-больныхъ и преступниковъ, такъ какъ у преступниковъ этотъ авторъ нашелъ ту же цифру выраженныхъ формъ бугорка, что и для нормальныхъ людей (см. таблицу № 85), для душевно же больныхъ лишь немногимъ бо́льшую чѣмъ для здоровыхъ (4,4% противъ 3,5%), но разница въ 0,9% такъ ничтожна, что самъ авторъ не придаетъ ей, конечно, никакого значенія. Изслѣдованія *Féré* et *Seglas* для французовъ, равно какъ и изслѣдованія *Vali* для венгерцевъ, придаютъ въ этомъ отношеніи Дарвинову бугорку нѣсколько большее значеніе, хотя разница въ цифрахъ (для душевно-больныхъ по Féré et Seglas +1,7%, по Vali+3,4%, а для преступниковъ по Vali +1,5%) не слишкомъ уже велика, особенно если мы вспомнимъ, что *Schäffer* находилъ для отдѣльныхъ группъ нормальныхъ нѣмцевъ разницу, въ этомъ отношеніи доходящую до 10% (между 15% и 25%).

Нѣкоторые авторы пытались найти рѣшеніе вопроса не путемъ сравненія нормальной и патологической группъ, но путемъ изысканій среди однихъ только душевно-больныхъ, съ раздѣленіемъ ихъ на группы—наслѣдственно не отягченныхъ и наслѣдственно отягченныхъ. Но выше я уже указывалъ на то, что принятіе такихъ группъ часто сводится въ сущности къ установкѣ группъ больныхъ съ хорошо собраннымъ анамнезомъ и больныхъ съ плохо собраннымъ анамнезомъ, т.-е. группъ, различающихся между собой по совершенно случайному признаку, а потому, понятно, что и результаты изслѣдованій авторовъ также противорѣчивы, и этотъ путь изслѣдованія не далъ ничего положительнаго. Такъ *Binder*, напримѣръ, нашелъ, что субъекты съ Дарвиновымъ бугоркомъ чаще попадаются среди душевно-больныхъ съ наслѣдственнымъ отягченіемъ, чѣмъ среди больныхъ, наслѣдственно не отягченныхъ. Изслѣдовавшій же душевно-больныхъ по схемѣ Schwalbe *Warda* нашелъ какъ разъ обратное, т.-е. бо́льшій процентъ рѣзко выраженныхъ формъ бугорка у наслѣдственно не отягченныхъ (форма II у отягченныхъ составляетъ, правда, по Warda 7,1%, а у неотягченныхъ—4,5%, зато форма III у не отягченныхъ 15,%, тогда какъ у отягченныхъ всего 7,9%; равнымъ образомъ и средняя форма бугорка указываетъ по Warda на большую его редукцію у наслѣдственно отягченныхъ, а не у свободныхъ отъ наслѣдственныхъ вліяній, составляя у послѣднихъ 4,2 противъ 4,1 для наслѣдственно отягченныхъ).

Мои личныя изслѣдованія для 100 страдающихъ типичными психозами вырожденія великоруссовъ дали цифры, представленныя рядомъ съ цифрами для 325 нормальныхъ рязанцевъ въ таблицѣ № 86.

ТАБЛИЦА № 86-й.

Распространеніе различныхъ формъ Дарвинова бугорка у 100 душевно-больныхъ и 325 здоровыхъ великоруссовъ.

	У 100 душевно-больн. (200 уш.) (въ %).	У 325 нормальныхъ (въ %).
Дарвиновъ бугорокъ форма I	1,5	0,3
„ „ „ II	12,0	9,8
„ „ „ III	4,5	3,4
„ „ „ IV	9,0	5,5
„ „ „ V	35,0	47,4
„ „ „ VI	38,0	33,5
Средняяя форма бугорка . .	4,78	4,90

Соединяя формы I—III вмѣстѣ, найдемъ, что у душевно-больныхъ они составляютъ 18,0% всѣхъ наблю-

деній, у здоровыхъ же только 13,5%, разница въ пользу первыхъ составляетъ 4,5%; равнымъ образомъ и по средней формѣ уши больныхъ оказываются нѣсколько менѣе редуцированными, чѣмъ уши здоровыхъ великоруссовъ. Обращая вниманіе на число случаевъ ассиметріи въ строеніи уха, когда Дарвиновъ бугорокъ представляетъ на правомъ и на лѣвомъ ухѣ различныя степени развитія, можно также констатировать на моемъ матеріалѣ нѣкоторое различіе въ этомъ отношеніи между душевно-больнымъ и здоровымъ населеніемъ. Для послѣдняго мною было найдено около 10% случаевъ ассиметричныхъ формъ Дарвинова бугорка, тогда какъ для душевно-больныхъ это число возвышается до 16%. Такимъ образомъ мои личныя изслѣдованія какъ бы говорятъ за нѣкоторое значеніе Дарвинова бугорка въ смыслѣ признака дегенераціи. Но значеніе различія въ моихъ цифрахъ должно быть существенно ограничено, такъ какъ различіе между больнымъ и нормальнымъ населеніемъ во-1-хъ само по себѣ очень не велико и во-2-хъ оно значительно меньше, чѣмъ тѣ различія, которыя уже получены при всей скудости соотвѣтствующихъ данныхъ для отдѣльныхъ расовыхъ группъ. Послѣднее явленіе можетъ-быть очень наглядно демонстрировано помощью таблицы № 87, въ которой приведены данныя относительно распространенія (въ %) первыхъ трехъ формъ Дарвинова бугорка: 1) у нормальныхъ великоруссовъ, 2) у такихъ же нѣмцевъ, уроженцевъ Эльзаса и ближайшихъ прирейнскихъ провинцій, 3) у однихъ только уроженцевъ Эльзаса, 4) у итальянцевъ и 5) у вырождающихся душевно-больныхъ великоруссовъ.

ТАБЛИЦА № 87-й.

Формы Дарвинова бугорка.	У нормальныхъ великоруссовъ (по Воробьеву) (въ %).	У нѣмцевъ, уроженцевъ Эльзаса и прирейнскихъ провинцій (по Schwalbe). (въ %)	У однихъ только уроженц. верхняго Эльзаса (по Schwalbe). (въ %).	У итальянцевъ (по Gradenigo). (въ %).	У вырождающ. душевно-больн. великоруссовъ (по Воробьеву). (въ %).
I	0,3	4,2	2,7	1,5 (I и II)	1,5
II	9,8	19,8	17,9		12,0
III	3,4	12,0	10,1	2,0	4,5
I, II и III вмѣстѣ	13,5	36,0	30,7	3,5	18,0

Сопоставляя цифры, выражающія распространеніе всѣхъ трехъ наиболѣе выраженныхъ формъ (I — III) Дарвинова бугорка вмѣстѣ, можно составить слѣдующую (№ 88) таблицу:

ТАБЛИЦА № 88-й.

Разница (Д) въ процентахъ, выражающихъ распространеніе формъ I — III Дарвинова бугорка различныхъ человѣческихъ группъ.

1) Для душевно-больныхъ и здоровыхъ великоруссовъ Д=18,0 – 13,5=4,5%.

2) Для здоровыхъ эльзасцевъ и прирейнскихъ нѣмцевъ вмѣстѣ по сравненіи съ одними эльзасцами Д= =36,0—30,7=5,3%.

3) Для великоруссовъ (нормальныхъ) и итальянцевъ Д=13,5—3,5=10,0%.

4) Для великоруссовъ и эльзасцевъ (однихъ только) Д=30,7 – 13,5=17,2%.

5) для великоруссовъ и для эльзасскихъ и прирейнскихъ нѣмцевъ вмѣстѣ Д=36,0—13,5=22,5%.

6) Для однихъ эльзасцевъ и для итальянцевъ Д= =30,7—3,5=27,2%.

7) Для эльзасскихъ и прирейнскихъ нѣмцевъ вмѣстѣ и для итальянцевъ Д=36,0—3,5=32,5%.

Изъ только что приведенной таблицы видно, что отмѣченная мною разница между душевно-больными и здоровыми великоруссами оказывается значительно меньшей, чѣмъ различія, существующія въ этомъ отношеніи между отдѣльными относительно близкими другъ къ другу расами; мало того, для представителей одной и той же расы (германской), населяющихъ сосѣднія между собою области, Schwalbe отмѣтилъ разницу немного даже бо̀льшую, чѣмъ разница, отличающая нормальную и вырождающуюся великорусскія группы; *Schäffer* же нашелъ для отдѣльныхъ германскихъ группъ еще бо̀льшія различія въ степени распространенія у нихъ Дарвинова бугорка; очень можетъ быть, слѣдовательно, что и найденная мною разница между душевно-больными и нормальными великоруссами имѣетъ значеніе не болѣе какъ областного или мѣстнаго различія. Взглянувъ теперь на табл. № 85, можно убѣдиться, что *Gradenigo* не нашелъ почти никакой разницы между нормальными и преступниками или душевно-больными итальянцами и что большинство авторовъ, отмѣчавшихъ существованіе такой разницы, могло отмѣтить величину ея не болѣе какъ въ 2%—3%. Только *Näcke* нашелъ разницу въ 9,75% и *Eule*—въ 31,9! Но даже и послѣдняя цифра, не заслуживающая по многимъ соображеніямъ особеннаго довѣрія, не настолько, однако, велика, чтобы превзойти величину различій для отдѣльныхъ расъ (найденный до сихъ поръ maximum которыхъ составляетъ 32, 5%), т.-е. вліянія областныя и расовыя даютъ въ общемъ гораздо бо̀льшія различія, чѣмъ максимальное изъ найденныхъ до сихъ поръ различій между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ. Особенно важенъ для насъ тотъ фактъ, что находимыя авторами

различія въ степени распространенія Дарвинова бугорка между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ не превышаютъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ даже и той разницы, которая была найдена *Schwalbe* для представителей одной и той же расы и которая является, слѣдовательно, выраженіемъ самыхъ тонкихъ различій расоваго состава двухъ группъ, причисляемыхъ къ одной и той же расѣ, или даже выраженіемъ извѣстныхъ мѣстныхъ или индивидуальныхъ различій двухъ сравниваемыхъ *Schwalbe* группъ. Но если различія цифръ, выражающихъ распространеніе рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка въ группахъ, принадлежащихъ къ одной и той же расѣ, превышаетъ большинство численныхъ различій, находимыхъ отдѣльными авторами для нормальнаго и преступнаго или душевно-больного населенія, тогда очевидно, что послѣдняго рода различія имѣютъ лишь относительное и крайне ограниченное значеніе, всегда дающее поводъ сомнѣваться, выражаетъ ли оно различіе патологическихъ и нормальныхъ группъ, какъ таковыхъ, или же просто какъ группъ не вполнѣ однородныхъ по своему расовому, областному или индивидуальному составу.

III.

Завитокъ.

Исторія развитія завитка довольно сложна. Проще всего ее представлялъ себѣ *His*, считавшій, что ножка завитка развивается непосредственно изъ его tuberculum 2, а весь остальной завитокъ изъ tub. 3. Но изслѣдованія *Gradenigo* показали, что дѣло стоитъ нѣсколько иначе и что весь helix складывается не изъ двухъ, а по меньшей мѣрѣ изъ трехъ образованій, обособленность которыхъ можетъ быть и непосредственно прослѣжена на человѣческомъ эмбріонѣ, и можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждена сравнительно анатомическими изысканіями, указывающими на такія формы уха различныхъ животныхъ, гдѣ существуетъ только первая часть завитка или первая и вторая вмѣстѣ или наконецъ (у человѣка, у оранга и др.) всѣ три части вмѣстѣ. Такими отдѣльными въ генетическомъ отношеніи частями завитка являются: 1) crus helicis, самостоятельное развитіе которой признаетъ и His; 2, восходящая часть завитка отъ конца его ножки до верхняго полюса уха и 3) нисходящая часть завитка отъ верхняго полюса уха внизъ до конца завитка. Относительно первой части (crus helicis) Gradenigo утверждаетъ, что она развивается не изъ 2-го эмбріональнаго бугорка, какъ это принимаетъ His, но изъ processus inferior helicis mandibularis, т. е. изъ отростка, идущаго отъ лежащаго кнаружи отъ 1-го и 2-го бугорковъ Moldenhauer'а валика (helix mandibularis) къ лежащему кнаружи отъ 4-го, 5-го и 6-го бугорковъ валику (helix hyoidalis) *). Вторая или передняя (восходящая) часть завитка развивается, по мнѣнію Gradenigo, изъ helix mandibularis, третья же нисходящая часть— изъ helix hyoidalis.

Позднѣйшій изслѣдователь вопроса—*Schwalbe* раздѣляетъ взглядъ Gradenigo на сложность происхожденія завитка, относя ножку завитка и восходящую часть завитка къ образованіямъ такъ называемой имъ области возвышеній уха (Hügelregion), одинаково присущей уху большинства млекопитающихъ; нисходящій же завитокъ составляетъ по Schwalbe лишь выраженіе процесса редукціи свободной ушной пластинки. Относительно же эмбріональныхъ образованій, изъ которыхъ складываются отдѣльные участки завитка, Schwalbe занимаетъ среднее мѣсто между His'омъ и Gradenigo, соглашаясь съ первымъ относительно развитія ножки завитка непосредственно изъ tuber. 2, по отношенію же къ другимъ частямъ стоя ближе къ Gradenigo. Восходящій завитокъ складывается, по мнѣнію Schwalbe, частью изъ tuberc. 3, частью же изъ особаго образованія соотвѣтствующаго (не вполнѣ точно) тому, что Gradenigo называетъ helix mandibularis. Нисходящая же часть завитка является по Schwalbe, образованіемъ вторичнымъ, обязаннымъ, какъ это уже упоминалось выше, съеживанію и сжиманію редуцирующейся свободной ушной пластинки, которая развивается изъ тѣхъ же приблизительно эмбріональныхъ образованій, которыя Gradenigo опредѣляетъ какъ helix hyoidalis. Въ концѣ второго мѣсяца эмбріональной жизни на ухѣ человѣческаго зародыша область возвышеній, а слѣдовательно въ числѣ ихъ и ножка завитка, равно какъ и восходящая его часть выражены достаточно ясно, нисходящей же части завитка еще не существуетъ, такъ какъ свободная ушная пластинка не начала еще диференцироваться и имѣетъ въ это время тотъ же приблизительно видъ, какой свойственъ остроконечнымъ ушамъ большинства млекопитающихъ. Съ третьяго мѣсяца эмбріональной жизни свободная ушная пластинка начинаетъ редуцироваться; однимъ изъ ближайшихъ слѣдствій сморщиванія ея хряща является образованіе нисходящей части завитка (*Schwalbe*). Въ полномъ и совершенномъ своемъ видѣ загибаніе края свободной ушной пластинки, ведущее къ образованію нисходящей части

*) См. стран. 21.

завитка, заканчивается только ко времени рожденія ребенка *), проходя послѣдовательно различныя стадіи сводящіяся къ двумъ главнымъ моментамъ: 1) постепенному распространенію области загибанія сверху внизъ—вплоть до нижняго конца завитка и 2) къ увеличенію самой степени загибанія.

Такъ, по изслѣдованіямъ *Schäffer'a* [16]), на 4-мъ мѣсяцѣ утробной жизни завитокъ загнутъ до верхняго полюса уха (т.-е. до области сатирова бугорка эмбріона) въ 58% всѣхъ случаевъ; въ 3,9% онъ уже загнутъ до области Дарвинова бугорка (началось, слѣдовательно, образованіе нисходящаго завитка). На 5-мъ мѣсяцѣ загибаніе завитка только до верхушки уха составляетъ уже только 31% всѣхъ случаевъ, тогда какъ уже въ 24% онъ загнутъ до области Дарвинова бугорка; въ небольшомъ числѣ случаевъ замѣчается загибаніе ушной пластинки и ниже Дарвинова бугорка. На 6-мъ мѣсяцѣ до Дарвинова бугорка завитокъ образованъ уже въ 61,8%; въ 8% всѣхъ случаевъ онъ уже загнутъ до конца. На 7-мъ мѣсяцѣ Schäffer наблюдалъ загибаніе свободнаго края уха до области Дарвинова бугорка—въ 25% и до конца—уже въ 45% всѣхъ случаевъ. На 8-мъ мѣсяцѣ утробной жизни — завитокъ образованъ только до верхушки или до Дарвинова бугорка всего въ 5%, полное развитіе завитка наблюдается уже въ 80% всѣхъ случаевъ. У новорожденныхъ Schäffer наблюдалъ загибаніе.

только верхушки	въ 3,3%
до Дарвинова бугорка . . .	„ 6,0%
„ конца.	„ 80,7%

въ остальныхъ 10% всѣхъ случаевъ область загибанія перешла уже за Дарвиновъ бугорокъ, но еще не дошла до конца. Причисляя и эти 10% къ случаямъ недоразвитія завитка, всего получимъ для зрѣлаго плода около 20% недоразвитыхъ формъ завитка.

У взрослыхъ женщинъ Schäffer нашелъ:

a) случаевъ развитія загибанія только до верхушки уха или до области Дарвинова бугорка	2,5%
b) случаевъ, гдѣ развитіе завитка перешло за Дарвиновъ бугорокъ, но не дошло до конца	4,0%

У матерей, слѣдовательно, случаи недоразвитія завитка встрѣчаются значительно рѣже, чѣмъ у ихъ дѣтей *).

Изслѣдовавъ тщательно область, до которой формируется въ тотъ или другой періодъ жизни эмбріона завитокъ, Schäffer оставляетъ, къ сожалѣнію, въ сторонѣ вопросъ о степени самаго заворачиванія края свободной ушной пластинки для образованія завитка. Этотъ вопросъ выдвинулъ впередъ *Schwalbe*, указавшій на его значеніе, но не давшій соотвѣтствующей статистики. Заворачиваніе свободнаго края уха идетъ такимъ образомъ: будучи сначала совсѣмъ не загнутымъ и плоскимъ, свободный край уха обращенъ въ это время (въ области нисходящаго завитка) прямо назадъ (первый моментъ, отмѣчаемый Schwalbe). Съ началомъ образованія завитка свободный край уха принимаетъ постепенно такое положеніе, что онъ обращенъ уже не назадъ, какъ въ первый моментъ, а кнаружи (второй моментъ). Процессъ развитія завитка идетъ дальше, край уха окончательно перегибается, какъ бы складывается, такъ что свободный его конецъ обращается уже не кнаружи, а болѣе или менѣе прямо впередъ (полное развитіе helicis—третій моментъ по схемѣ Schwalbe). Каждый изъ этихъ моментовъ означается по схемѣ Schwalbe соотвѣтствующей цифрой, при чемъ Schwalbe разсматриваетъ степень развитія завитка въ двухъ мѣстахъ—выше области Дарвинова бугорка, въ области верхушки уха и ниже Дарвинова бугорка; для послѣдней области Schwalbe отмѣчаетъ еще форму 4, когда свободный край не только рѣзко перегнулся, но и спаянъ съ подлежащею частью свободной ушной складки. Между степенью развитія завитка и степенью развитія Дарвинова бугорка долженъ существовать извѣстный параллелизмъ, такъ какъ и развитіе завитка и исчезаніе Дарвинова бугорка одинаково представляютъ результаты одного и того же общаго процесса, процесса редукціи ушного хряща: ушамъ съ болѣе развитымъ завиткомъ должны, слѣдовательно, соотвѣтствовать наименѣе выраженныя формы Дарвинова бугорка, ушамъ же съ недоразвитымъ завиткомъ—болѣе рѣзкія формы Дарвинова бугорка. Такой параллелизмъ вполнѣ обнаруживается и на изслѣдованныхъ мною великоруссахъ. Для того, чтобы демонстрировать его существованіе, я разсматривалъ степень развитія завитка отдѣльно 1) для ушей съ Дарвиновымъ бугоркомъ формъ I и II; 2) для ушей съ Дарвиновымъ бугоркомъ ф. III и IV и наконецъ 3) для ушей съ Д. б. ф. V и VI.

Таблица № 89 даетъ понятіе о степени развитія завитка для ушей съ формами Дарвинова бугорка I и II; отмѣтка дѣлалась въ двухъ мѣстахъ—выше области Дарвинова бугорка и ниже—въ вышеуказанномъ мною пунктѣ.

*) Таково мнѣніе Schwalbe; но можетъ быть, что этотъ процессъ продолжается и по рожденіи, переходя далеко за время возмужанія. Ниже намъ придется еще встрѣтиться съ тѣми данными моихъ изслѣдованій, которыя даютъ право дѣлать такое предположеніе.

*) Schäffer, работая въ мюнхенской акушерской клиникѣ, изслѣдовалъ одновременно матерей и ихъ дѣтей.

ТАБЛИЦА № 89.

Развитіе завитка для ушей съ Дарвин. бугоркомъ формъ I и II.

	Верхняя часть завитка. абс. чис.	%	Нижняя часть завитка. абс. чис.	%
Завитокъ форма I (отсутств. загибанія)	0	0	34	51,5
Завитокъ форма II (боковое загибаніе)	62	93,6	32	48,5
Завитокъ форма III (полное заворачиваніе) . .	4	6,4	0	0
Завитокъ форма IV (полное заворач. и сращеніе)	—	—	0	0

Полное отсутствіе завитка въ верхней его части для этихъ формъ ушей (равно какъ и для всѣхъ изслѣдованныхъ мною ушей) не встрѣчается ни разу; но и полное развитіе его встрѣчается всего въ 4-хъ случаяхъ, подавляющее же большинство случаевъ составляютъ недоразвитыя формы завитка. Даже относительно тѣхъ 4-хъ случаевъ, которые отмѣчены мною какъ развитыя формы, надо сказать, что при регистраціи ихъ на карточкахъ у меня стояла не цифра 3, а 3—2, что обозначаетъ, что у меня возникало сомнѣніе, отнести ли эти формы къ вполнѣ развитымъ, или же къ недоразвитымъ; слѣдовательно, и эти случаи только съ нѣкоторой натяжкой могутъ быть приняты за случаи полнаго развитія верхней части завитка. Для нижней же части завитка не отмѣчается ни одного случая полнаго развитія завитка; о случаяхъ переразвитія (форма 4)—нечего и говорить—ихъ, понятно, не было совсѣмъ.

Въ таблицѣ № 90 мы видимъ аналогичныя данныя для ушей съ Дарвиновымъ бугоркомъ формъ III и IV.

ТАБЛИЦА № 90-й.

Развитіе завитка для ушей съ Дарвиновымъ бугоркомъ формъ III и IV.

			Верхняя часть завитка. абс. чис.	%	Нижняя часть завитка. абс. чис.	%
Завитокъ	ф.	I	0	0	8	13,8
„	„	II	16	27,6	26	44,8
„	„	III	42	72,4	24	41,4
„	„	IV	—	—	0	0

Съ уменьшеніемъ развитія Дарвинова бугорка процентъ недоразвитыхъ формъ завитка рѣзко уменьшается; въ верхней своей части завитокъ развитъ вполнѣ уже въ 72,4%, въ нижней части вполнѣ неразвитыхъ формъ всего 13,8%, недоразвитыхъ и вполнѣ развитыхъ формъ завитка почти поровну. Изъ таблицы № 91 видно, что при полномъ исчезаніи или сведеніи къ минимальной степени развитія Дарвинова бугорка завитокъ достигаетъ своего максимальнаго развитія.

ТАБЛИЦА № 92-й.

Развитіе завитка для ушей съ Дарвиновымъ бугоркомъ формъ V и VI.

			Верхняя часть завитка. абс. чис.	%	Нижняя часть завитка. абс. чис.	%
Завитокъ	ф.	I	0	0	6	1,1
„	„	II	64	12,1	203	38,5
„	„	III	462	87,9	311	59,2
„	„	IV	—	—	6	1,1

Въ верхней своей части завитокъ вполнѣ развитъ уже въ 87,9% и только въ 12,1% онъ недоразвитъ, случаевъ полнаго его неразвитія нѣтъ.

Въ нижней части, гдѣ завитокъ представляется вообще менѣе развитымъ, процентъ формъ съ полнымъ отсутствіемъ загибанія (когда край уха представляется совершенно плоскимъ) падаетъ до 1,1%, нѣсколько уменьшается и процентъ не вполнѣ развитыхъ формъ, полнаго же своего развитія завитокъ достигаетъ въ нижней своей части уже въ 59,2%, наконецъ въ 1,1% всѣхъ случаевъ замѣчается переразвитіе завитка, когда онъ очень широкъ и сращенъ съ подлежащей поверхностью ушной раковины.

Въ таблицѣ № 93 сопоставлены цифры, выражающія степень развитія завитка (въ %) при всѣхъ формахъ развитія Дарвинова бугорка.

ТАБЛИЦА № 93-й.

					Уши съ Д. б. ф. I и II.	Уши съ Д. б. ф. III и IV.	Уши съ Д. б. ф. V и VI.
Верхняя	часть	завитка	ф.	I	0	0	0
„	„	„	„	II	94(100)	27,6	12,1
„	„	„	„	III	6,0(0)	72,4	87,9
Нижняя	часть	завитка	ф.	I	51,5	13,8	1,1
„	„	„	„	II	48,5	44,8	38,5
„	„	„	„	III	0	41,4	59,2
„	„	„	„	IV	0	0	1,1

Послѣдняя таблица показываетъ существованіе значительнаго параллелизма между степенями развитія завитка и Дарвинова бугорка, не доходящаго, однако, до степени абсолютныхъ совпаденій, такъ какъ при полномъ или почти полномъ отсутствіи Дарвинова бугорка существуетъ достаточное количество случаевъ, гдѣ завитокъ, особенно въ нижней своей части, не достигаетъ полнаго своего развитія, а въ 1,1% всѣхъ случаевъ— и совершенно неразвитъ.

Разсматривая теперь степень развитія завитка суммарно, безъ отношенія ея къ формамъ Дарвинова бугорка (таблица № 94-й), можно видѣть, что полное отсутствіе завитка въ верхней его части не встрѣчается совсѣмъ.

ТАБЛИЦА № 94-й.

Развитіе завитка при всѣхъ формахъ ушей.

	Верхняя часть завитка. Абс.число.	%	Нижняя часть завитка. Абс.число.	%
Завитокъ ф. I . . .	0	0	48	7,4
„ „ II . . .	142	21,8	261	40,1
„ „ III . .	508	78,1	335	51,5
„ „ IV. . .	—	—	6	0,9

Вспомнимъ теперь, что верхняя часть завитка представляетъ въ значительной своей долѣ (восходящій завитокъ) образованіе изъ области возвышеній уха, т.-е. той части уха, которая свойственна какъ человѣку, такъ и большинству млекопитающихъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что и другія образованія той же Ohrhugelregion-Schwalbe подвергаются, правда, нѣкоторымъ незначительнымъ варіаціямъ въ ихъ формѣ, но постоянно у нормальныхъ субъектовъ существуютъ; отсутствіе ихъ имѣетъ мѣсто только при такихъ рѣзкихъ конфигураціяхъ уха съ явнымъ характеромъ уродства, какъ полное отсутствіе уха, небольшіе, неправильной формы отростки, полипы и бородавки вмѣсто уха и т. д. Но подобныя формы настолько, однако, рѣдки, что не только ни разу не встрѣтились среди подвергшагося специальному моему изслѣдованію населенія, но даже и вообще крайне рѣдко попадаются на улицахъ, въ поѣздахъ, на различныхъ общественныхъ собраніяхъ, въ больницахъ и т. д. Чтобы видѣть подобныя формы, надо специально осматривать богатыя коллекціи различныхъ уродливостей, или же присматриваться къ паціентамъ большихъ ушныхъ поликлиникъ, куда подобные субъекты (обыкновенно дѣти) направляются иногда вслѣдствіе глубокихъ разстройствъ слуха, сопряженныхъ съ такими аномаліями. Меньшія степени недоразвитія завитка даже и въ верхней его части встрѣчаются относительно нерѣдко (21,8% всѣхъ моихъ случаевъ). Нижняя же часть завитка достигаетъ полнаго развитія лишь не многимъ больше чѣмъ въ половинѣ всѣхъ случаевъ (51,5%), тогда какъ случаи недоразвитія завитка составляютъ внушительную цифру въ 40,1%; даже полное отсутствіе нижней части завитка явленіе далеко не рѣдкое, такъ какъ при моихъ изслѣдованіяхъ оно встрѣтилось въ 7,4% всѣхъ случаевъ. Полученныя мною цифры могутъ быть сопоставляемы съ данными другихъ авторовъ лишь съ большою осторожностью, такъ какъ систематическихъ изслѣдованій подобнаго рода никѣмъ еще не дѣлалось, тѣ же изъ авторовъ, которые интересовались состояніемъ завитка (преимущественно антропологи-криминалисты и психіатры), дѣлаютъ въ большинствѣ случаевъ очень неопредѣленную отмѣтку: „завитокъ недоразвитъ". Очевидно, однако, что безъ указаній, что именно понимаютъ они подъ недоразвитіемъ завитка и о какой области завитка идетъ рѣчь, трудно сказать что-либо о значеніи ихъ цифръ; такъ для изслѣдованнаго мною населенія отмѣтка „завитокъ недоразвитъ" можетъ быть сдѣлана, смотря по взглядамъ автора — въ 7,4%, въ 21,8% и въ 47,5% (см. цифры таблицы № 94-й).

Большинство статистическихъ данныхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, относится къ европейскимъ народамъ. Наиболѣе цѣнными являются данныя *Schäffer*'а, который не отличаетъ, правда, вполнѣ точно, какіе случаи понималъ онъ подъ именемъ недоразвитого завитка; тѣмъ не менѣе, Schäffer специально и очень подробно изучалъ эмбріональныя формы уха, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая постановка вопроса, выраженная и въ заглавіи его сочиненія *) говоритъ за то, что авторъ отмѣчалъ недоразвитыя формы болѣе или менѣе точно; значеніе его цифръ увеличивается еще и тѣмъ, что онъ изучалъ распространеніе недоразвитыхъ формъ у различныхъ германскихъ группъ и отмѣчаемое имъ различіе въ этомъ отношеніи между отдѣльными группами заслуживаетъ особаго вниманія, какъ различіе, полученное на матеріалѣ, собранномъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, обладающимъ къ тому же весьма солидными свѣдѣніями какъ по эмбріологіи, такъ и по морфологіи развитого уха.

Въ таблицѣ № 95-й отмѣченъ процентъ случаевъ недоразвитыхъ (эмбріональныхъ) формъ завитка у взрослаго нѣмецкаго населенія различныхъ мѣстностей.

ТАБЛИЦА № 95-й.

Число эмбріональныхъ формъ завитка (въ %) у взрослаго германскаго населенія (по *Schäffer*'у).

Жители Bonn'а (85 набл.)	5,9%
Пров. Reiningau-Nassau (312 нбл.) .	9,6%
У швабовъ (600 нбл.)	11,0%
Въ Гессенѣ	11,5%
Въ Сѣв. Баденѣ	13,0%
По среднему теченію Рейна (203 нбл.)	15,0%
Въ Южн. Баденѣ (50 нбл.)	36,0%

Разница между отдѣльными областями весьма замѣтная; оставаясь даже въ предѣлахъ цифръ, полученныхъ не менѣе какъ на 150 наблюденіяхъ, она доходитъ до 5,4% (15% для средняго теченія Рейна и 9,6% для Reiningau-Nassau).

*) „О частотѣ и значеніи эмбріональныхъ формъ уха у взрослыхъ" и т. д.

Если принять, что отмѣчаемыя Schäffer'омъ эмбріональныя формы соотвѣтствуютъ случаямъ ранняго прекращенія завитка по моимъ изслѣдованіямъ, то число недоразвитій у нѣмцевъ въ общемъ нѣсколько больше, чѣмъ у великоруссовъ, такъ какъ для послѣднихъ оно выражается цифрою въ 7,4%. Изъ цифръ, данныхъ другими изслѣдователями, трудно сдѣлать какіе-либо выводы. Вотъ главнѣйшія изъ собранныхъ мною цифръ:

Для Германіи, помимо цифръ Schäffer'а, имѣются данныя:

1) *Näcke*:	недоразвитый завитокъ . . .	8%
2) *Eule*:	отсутствіе завитка	7 случаевъ.
	плоскій завитокъ	67 „
	рудиментарно загнутый . . .	35 „
	слабо-изогнутый	9 „

Всего 118 случаевъ недоразвитія на 6000 ушей или около 2% всѣхъ случаевъ.

Въ данныхъ Eüle не понятно, что надо разумѣть подъ терминомъ „отсутствіе завитка", такъ какъ рядомъ съ нимъ употребляется еще означеніе „плоскій завитокъ" (flacher helis); равнымъ образомъ трудно понять, какія формы хочетъ разграничить авторъ въ терминахъ „рудиментарно загнутый" (rüdim. Krämpung d. helicis) и „слабо изогнутый завитокъ" (fläche Krämpung d. helicis).

Въ общемъ цифра недоразвитій у *Eule* очень мала, гораздо меньше цифръ Schäffer'а и Karutz'а (см. ниже).

3) *Laubi*: Schwein oder Stützohr (т.-е. ухо съ равномѣрно вверху и внизу слабо развитымъ завиткомъ 1,0%

Относительно же ранняго прекращенія завитка, т.-е. недоразвитія его только въ нижней его части, авторъ умалчиваетъ.

4) *Karutz*: рано кончающійся или рудиментарно развитой helix 12,7%
Плохо развитой во всѣхъ своихъ частяхъ (и вверху и внизу) завитокъ 1,2%

Послѣдняя цифра (1,2%) очень близка къ цифрѣ *Laubi* и заслуживаетъ поэтому нѣкотораго довѣрія. Дѣлая попытку сопоставить число такихъ формъ у нѣмцевъ съ числомъ ихъ у великоруссовъ, я подсчиталъ у нихъ число случаевъ „плохо развитого во всѣхъ своихъ частяхъ завитка", отмѣчая, слѣдовательно, такія уши, гдѣ helix вверху означенъ какъ форма II (форма I вверху не встрѣчается), внизу—какъ форма I и II, исключая отсюда уши съ Дарвиновымъ бугоркомъ формы II, такъ какъ послѣднія формы отмѣчаются у авторовъ отдѣльно; такихъ случаевъ набралось среди изслѣдованныхъ мною рязанцевъ: двухстороннихъ 34 наблюденія, одностороннихъ 6 набл., а всего, слѣдовательно, на 74 ушахъ, или въ 11,3% всѣхъ случаевъ. Но здѣсь приняты во вниманіе всѣ даже и самыя слабыя степени недоразвитія завитка, такъ что трудно сказать, играетъ ли роль только это послѣднее обстоятельство, или же уши великоруссовъ, представляя меньшую, быть можетъ, чѣмъ у нѣмцевъ общую сумму недоразвитыхъ формъ завитка, даютъ въ то же время значительно бо́льшее число такихъ случаевъ, когда завитокъ недоразвитъ какъ вверху, такъ и внизу (Schwein oder Stutzohr Гиртля — форма, характеризующая, по словамъ этого автора, ухо монголовъ). Противъ послѣдняго предположенія говоритъ, однако, тотъ фактъ, что, судя по степени развитія Дарвинова бугорка, уши великоруссовъ являются, какъ мы это уже видѣли, нѣсколько болѣе редуцированными, чѣмъ уши нѣмцевъ; надо, слѣдовательно, скорѣе ожидать, что и завитокъ у нихъ окажется болѣе развитымъ, чѣмъ у нѣмцевъ. Вѣрнѣе будетъ предположить, что какъ Karutz, такъ и Laubi считали за дурно развитой какъ вверху, такъ и внизу завитокъ тѣ формы его, которыя означаются по схемѣ Schwalbe для верхней части какъ форма II, а для нижней только какъ форма I, а не какъ формы I и II вмѣстѣ. Если вести подсчетъ въ духѣ этого послѣдняго предположенія, тогда число случаевъ завитка недоразвитаго какъ въ верхней, такъ и въ нижней своей части для великоруссовъ выразится цифрой немного меньшей одного процента, т.-е. приблизительно одинаковой съ цифрами *Karutz*'а и *Laubi* для нѣмцевъ.

Для венгерцевъ *Vali* отмѣчаетъ: частичный недостатокъ завитка въ 3,2%, понимая, повидимому, подъ этимъ терминомъ случаи, гдѣ при порядочномъ развитіи вверху, въ нижней своей части завитокъ оканчивается выше чѣмъ обыкновенно. Эта цифра ниже моей цифры для великоруссовъ (7,4%), что стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ фактомъ большей редукціи уха венгерцевъ, отмѣченной выше при изученіи степени развитія Дарвинова бугорка.

Для Франціи: *Féré et Seglas* отмѣчаютъ: сглаженный helix (helix effacé), съ примѣчаніями „чаще всего внизу" въ 5,5%, отсутствующій helix — 0,4%; *Lannois* — развернутый helix (h. deroulé)—8,0%. Для Италіи *Gradenigo* отмѣчаетъ: полное или почти полное отсутствіе завитка въ 0,8% (а у женщинъ въ 7,3%). *Karutz* справедливо замѣчаетъ относительно неопредѣленности термина „почти отсутствующій" завитокъ, тѣмъ не менѣе такая неопредѣленность понятія могла отозваться только на повышеніи процента этихъ формъ, между тѣмъ какъ у Gradenigo онъ (для мужчинъ по крайней мѣрѣ) ничтоженъ, что, можетъ-быть, стоитъ въ связи и съ болѣе выраженной, насколько это можно судить по развитіи Дарвинова бугорка, редукціей уха итальянцевъ. Если, впрочемъ, принять, что отсутствіе завитка на языкѣ Gradenigo соотвѣтствуетъ приблизительно опредѣленіямъ другихъ авторовъ „завитокъ дурно развитой какъ вверху, такъ и внизу", тогда цифра въ 0,8% для итальянцевъ становится довольно близкой къ таковымъ же цифрамъ для нѣмцевъ (1—1,2%) и для великоруссовъ (около 1%).

къ какимъ-либо точнымъ выводамъ вслѣдствіе недостаточно опредѣленной терминологіи авторовътруднопридти.

Вопросъ о значеніи степени развитія завитка какъ расоваго признака поднимался не разъ и рѣшался многими авторами въ положительномъ смыслѣ (при опредѣленіяхъ, однако, не съ помощью статистикъ, а „на глазъ", по общему впечатлѣнію, производимому на изслѣдователя ушами прошедшихъ предъ его глазами представителей различныхъ народностей).

Благодаря отдѣльнымъ замѣчаніямъ объ ушахъ негровъ со стороны *Fritsch*'а, отчасти *Langer*'а, потомъ *Mense* и цѣлаго ряда новѣйшихъ германскихъ изслѣдователей и путешественниковъ были сдѣланы попытки установить, что уши негровъ, маленькія по размѣрамъ, отличаются очень хорошо развитымъ и изящно очерченнымъ завиткомъ. Съ другой же стороны большія уши, съ слабо развитымъ завиткомъ считаются многими за характерный признакъ монгольскаго уха. Такъ еще *J. Hyrtl* говорилъ объ ухѣ съ недоразвитымъ завиткомъ, о „Stutz-Ohr" или „Schwein-Ohr", какъ о характерной формѣ монгольскаго уха. Равнымъ образомъ и изслѣдователь позднѣйшаго времени *Bälz* относительно основательно изученныхъ имъ китайцевъ, а особенно—японцевъ и корейцевъ замѣчаетъ, что всѣ бороздки и складки наружнаго ихъ уха, а въ томъ числѣ и завитокъ—рѣдко бываютъ хорошо развиты; только въ верхней части уха они еще выражены болѣе или менѣе отчетливо. Европейцы же занимаютъ, по мнѣнію *Schwalbe* и нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей среднее мѣсто между неграми и монголами, отличаясь отъ первыхъ ушами большей величины и менѣе редуцированными, но не столько, однако, большими и слабо редуцированными, какъ уши монголовъ. Соотвѣтствующихъ статистическихъ данныхъ, которыя могли бы подтвердить или отвергнуть только что высказанныя предположенія, не существуетъ. Не имѣя возможности близко познакомиться съ ушами представителей негритянскихъ расъ, для сравненія ушей европейцевъ (великоруссовъ) съ монгольскими ушами я воспользовался двумя способами изученія вопроса: 1) непосредственнымъ изученіемъ (по схемѣ Schwalbe) степени развитія завитка у изслѣдованныхъ мною въ антропологическомъ отношеніи приволжскихъ калмыковъ и 2) путемъ опредѣленія, не представляютъ ли среди изученныхъ мною 325 рязанцевъ обладатели большихъ ушей съ слабо развитымъ завиткомъ какихъ-либо другихъ антропометрическихъ признаковъ, сближающихъ ихъ съ монголами. Если бы это было такъ, если бы, слѣдовательно, мы имѣли право утверждать, что, тѣ изъ великоруссовъ, которые обладаютъ большими ушами съ дурно развитымъ завиткомъ, носятъ на себѣ, въ то же время, нѣкоторыя другія черты монголоидности, тогда, конечно, мы вправѣ были бы видѣть въ этомъ фактѣ нѣкоторое подтвержденіе гипотезы о специфичности для монголовъ указанной формы уха. (Обратное явленіе, т.-е. отсутствіе монголоидныхъ признаковъ у великоруссовъ съ большими и мало завернутыми по краю ушами—не давало бы еще, конечно, повода къ заключенію о не специфичности этихъ признаковъ для монгольскаго уха).

Считая, вмѣстѣ съ Schwalbe уши до 59 m.m. за малыя, отъ 60 m.m. и до 64 m.m. за среднія и отъ 65 m.m. и выше—за большія, мы найдемъ, что у изслѣдованныхъ мною рязанцевъ малыя уши встрѣчаются 198 разъ, среднія—315 и большія—137 разъ. Сопоставляя распредѣленіе различныхъ формъ развитія завитка по группамъ малыхъ, среднихъ и большихъ ушей, можно видѣть (см. таблицу № 96-й), что у великоруссовъ существуетъ нѣкоторая тенденція къ сочетанію малыхъ ушей съ хорошимъ, а большихъ — съ дурнымъ развитіемъ завитка (helix ф. I для малыхъ ушей составляетъ 7,0% всѣхъ наблюденій, а для большихъ—10,9%; helix формъ III и IV для малыхъ ушей 49,5%, тогда какъ для большихъ—47,4%).

ТАБЛИЦА № 96-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ развитія завитка по группамъ малыхъ, среднихъ и большихъ ушей.

Формы завитка.	Малыя уши. Абс. число.	%	Среднія уши. Абс. число.	%	Большія уши. Абс. число.	%
Ф. I . . .	14	7,0	19	6,0	15	10,9
Ф. II . .	86	43,4	118	37,4	57	41,6
Ф. III и IV	98	49,5	178	56,5	65	47,5

Выдѣляя теперь изъ группы большихъ ушей подгруппу ушей съ дурно развитымъ завиткомъ (формы I и II), мы получимъ всего 72 уха, но такъ какъ въ этой группѣ есть нѣсколько субъектовъ, у которыхъ ухо велико только на одной (правой или лѣвой) сторонѣ, или субъектовъ, у которыхъ слабое развитіе завитка замѣчается на одной только сторонѣ, то въ дѣйствительности эти 72 уха принадлежатъ не 36, а 40 субъектамъ. Подсчитавъ для этихъ 40 субъектовъ отдѣльно цвѣтъ волосъ, глазъ, ростъ и головной указатель и сопоставивъ найденныя для нихъ величины съ таковыми же величинами, найденными для всѣхъ изслѣдованныхъ мною рязанцевъ вмѣстѣ, можно составить слѣдующую таблицу (№ 97-й).

ТАБЛИЦА № 97-й.

Сопоставленіе нѣкоторыхъ антропологическихъ признаковъ для группы субъектовъ, обладающихъ большими ушами съ слабо развитымъ завиткомъ и для всѣхъ изслѣдованныхъ рязанцевъ in toto.

		Отобранная группа въ 40 челов.	Всѣ 325 рязанцевъ.
А) Цвѣтъ волосъ:	свѣтлые	17,5%	43,0%
	русые	25,0%	
	темнорусые . .	50%	57,0%
	черн. и почти черн.	7,5%	

		Отобранная группа въ 40 челов.	Всѣ 325 рязанцевъ.
B) Цвѣтъ глазъ:	свѣтлые	30%	35%
	темные	50%	50%
	сложные	20%	15%
C) Ростъ:	низкій	10%	20,31%
	ниже средняго	37,5%	28,61%
	низкій + ниже средняго	47,5%	48,92%
	выше средняго	32,5%	32,00%
	высокій	20,0%	19,08%
	выше средняго + высокій	52,5%	51,08%
D) Головной указатель		81,44	81,48
E) Наибольшая ширина лица		140,8mm.	140,5mm.

Совпаденія цифръ для обѣихъ группъ настолько велико, что нѣтъ ни малѣйшихъ основаній говорить о монголоидности подобранной группы въ 40 человѣкъ — она ни въ чемъ рѣшительно не отличается отъ остальныхъ рязанцевъ.

Мои личныя изслѣдованія ушей приволжскихъ калмыковъ (75 набл.) привели меня къ совершенно неожиданнымъ результатамъ: число недоразвитыхъ формъ завитка оказалось у нихъ, какъ это свидѣтельствуетъ таблица № 98-й не только не больше, чѣмъ у великоруссовъ, но обратно—значительно меньше.

ТАБЛИЦА № 98-й.

Сравненіе степени развитія завитка у великоруссовъ и у калмыковъ.

	Великоруссы.	Калмыки.
Верхній завитокъ ф. I	0	0
„ „ „ II	21,8%	16,1%
„ „ „ III	78,1%	83,9%
Нижній завитокъ ф. I	7,4%	14,3%
„ „ „ II	40,1%	12,5%
„ „ ф. III и IV	52,4%	73,2%

Число наблюденій надъ калмыками, правда, не велико, тѣмъ не менѣе цифры говорятъ за себя вполнѣ убѣдительно, такъ какъ нижняя часть завитка представляется хорошо развитою у великоруссовъ всего въ 52,4%, тогда какъ у калмыковъ въ 73,2%.

Но калмыцкое ухо, какъ это мы видѣли уже раньше, значительно больше по величинѣ, чѣмъ ухо великоруссовъ. Возникаетъ вопросъ, не представляютъ ли по крайней мѣрѣ большія уши калмыковъ, т.-е. уши, монгольскій характеръ которыхъ наиболѣе выраженъ, въ то же самое время и болѣе слабое развитіе завитка? Но и тутъ цифры говорятъ нѣчто иное: у калмыковъ большія уши составляютъ 48% всѣхъ ушей (у великоруссовъ—21%); среди большихъ калмыцкихъ ушей развитіе нижней части завитка представляетъ: форму I въ 13,9%, форму II въ 11,1% и форму III—въ 75,0% всѣхъ случаевъ, т.-е. приблизительно тѣ же отношенія, что и для всѣхъ калмыцкихъ ушей in toto и значительно, слѣдовательно, бо́льшую, а не меньшую, чѣмъ у великоруссовъ степень развитія завитка. Заинтересовавшись замѣченнымъ мною еще во время самаго изслѣдованія хорошимъ развитіемъ завитка у калмыковъ, развитіемъ не соотвѣтствующимъ теоретическимъ на этотъ счетъ представленіямъ, я не ограничился одними только калмыками, изслѣдованными мною болѣе подробно, но сталъ подсчитывать недоразвитыя формы завитка у всѣхъ встрѣченныхъ мною калмыковъ подъ рядъ и у 350 субъектовъ мнѣ пришлось отмѣтить ихъ только въ 22% всѣхъ случаевъ, т.-е. даже нѣсколько меньше, чѣмъ у 75 спеціально изслѣдованныхъ мною калмыковъ (26,8%). Такимъ образомъ мои изслѣдованія показываютъ, что у приволжскихъ калмыковъ завитокъ уха сформированъ хорошо, лучше во всякомъ случаѣ, чѣмъ у великоруссовъ. Быть можетъ, что отмѣченное явленіе составляетъ особенность калмыковъ, имъ однимъ только изъ всѣхъ монголовъ свойственную; но гораздо вѣроятнѣе будетъ, однако, предположить, что представленіе о меньшемъ развитіи завитка у монголовъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и основано только на психологически вполнѣ понятномъ явленіи фиксаціи вниманія наблюдателей на отдѣльныхъ случаяхъ дурного развитія завитка у монголовъ, особенно замѣтнаго при большой величинѣ ушей (откуда и преувеличенное представленіе о численномъ распространеніи такихъ формъ). Надо, впрочемъ, прибавить, что и представленіе о негритянскомъ ухѣ какъ о противоположномъ въ разсматриваемомъ нами отношеніи монгольскому уху, т.-е. какъ объ ухѣ съ особенно хорошо сформированнымъ завиткомъ, не находитъ пока въ новѣйшихъ изысканіяхъ особыхъ подтвержденій: свидѣтельство *Mense* не говоритъ въ пользу большей редукціи уха негровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ если *Döring* могъ изъ 17 негровъ.—Того у двоихъ (12%) отмѣтить „ungesäumter Ohr", т.-е. полное неразвитіе завитка, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что на большемъ числовомъ матеріалѣ процентъ такихъ случаевъ значительно повысится.

Обратимся, однако, къ временно оставленнымъ нами великоруссамъ. Желая прослѣдить у нихъ соотношеніе степени развитія завитка съ ростомъ, я подсчиталъ распредѣленіе различныхъ формъ нижней части завитка по четыремъ основнымъ группамъ роста. Результаты подсчета сопоставлены въ таблицѣ № 99-й.

ТАБЛИЦА № 99-й.

Распредѣленіе различныхъ степеней развитія завитка у великоруссовъ по группамъ роста.

	Низкій ростъ.		Ниже средняго.		Выше средняго.		Высокій.	
	абс. чис.	%	абс. чис.	%	абс. чис.	%	абс. чис.	%
Завит. ф. I	14	10,6	16	8,6	13	6,2	5	4,0
„ „ II	44	33,3	85	45,7	82	39,4	53	42,7
„ ф. III и IV	74	56,0	85	45,7	113	54,3	66	53,2

Изъ таблицы видно, что наименѣе развитыя формы завитка (ф. I) встрѣчаются чаще всего при низкомъ ростѣ (10,6% всѣхъ случаевъ) и правильно убываютъ въ частотѣ по направленію къ высокому росту, гдѣ они составляютъ только 4,0% всѣхъ случаевъ. Формы же наиболѣе развитыя (ф. III и IV) представляютъ больше колебаній, встрѣчаясь всего чаще при низкомъ ростѣ, всего же рѣже—при ростѣ ниже средняго. Сопоставляя, однако, двѣ только группы—высокаго и низкаго роста, можно видѣть (см. таблицу № 100), что наиболѣе развитыя формы завитка встрѣчаются въ группѣ высокаго роста нѣсколько чаще, чѣмъ въ группѣ низкаго роста; процентъ же недоразвитыхъ формъ завитка (ф. II) остается для обѣихъ группъ одинаковымъ.

ТАБЛИЦА № 100-й.

То же что и таблица № 99-й, но при распредѣленіи всего на двѣ группы—низкаго и высокаго роста.

	Низкій ростъ. абс. чис.	%	Высокій ростъ. абс. чис.	%
Завитокъ ф. I	30	9,4	18	5,4
„ „ II	129	40,6	135	40,7
„ ф. III и IV	159	50,0	179	53,9

Замѣтна, слѣдовательно, хотя и не рѣзко выраженная тенденція къ сочетанію недоразвитыхъ формъ завитка (т.-е. менѣе выраженнаго процесса редукціи уха) съ низкимъ ростомъ. Аналогичное явленіе мы видѣли и по отношенію къ Дарвинову бугорку, гдѣ наиболѣе рѣзко выраженныя формы бугорка (т.-е. опять-таки наиболѣе слабо выраженный процессъ редукціи) также чаще сочетались съ низкимъ, чѣмъ съ высокимъ ростомъ.

Для Дарвинова бугорка мы не могли отмѣтить у взрослыхъ параллелизма между возрастомъ изслѣдованныхъ и между степенью развитія этого образованія. По отношенію къ завитку дѣло стоитъ нѣсколько иначе: при раздѣленіи по пятилѣтіямъ получаются, правда, довольно колеблющіяся цифры (см. табл. № 101), при дѣленіи же на бо́льшія возрастныя группы (см. табл. № 102) можно видѣть, что самый большой процентъ неразвитыхъ формъ завитка (ф. I) падаетъ на младшую возрастную группу, хотя слѣдующая группа даетъ большій процентъ, чѣмъ наиболѣе возрастная группа. За то особенно замѣтнымъ становится правильное возрастаніе съ увеличеніемъ возраста процента вполнѣ развитыхъ формъ завитка (ф. III и IV), составляющаго для группы до 25 лѣтъ—44,4%, для группы 26—40 лѣтъ—53,3% и для группы возраста отъ 41 года и выше - 69,7%.

Полученныя цифры говорятъ такимъ образомъ за то, что сформированіе завитка не заканчивается ко времени полнаго возмужанія, но продолжается и позже—вплоть до старости.

ТАБЛИЦА № 102-й.

То же, что табл. № 101-й, но по болѣе крупнымъ возрастнымъ группамъ.

Форма завитка.	До 25 лѣтъ.		26—40 лѣтъ		41 г. и выше.	
	Абс.чис.	въ %.	Абс.чис.	въ %.	Абс.чис.	въ %.
Форма I . . .	27	11,7	13	3,9	8	9,3
„ II . . .	103	44,8	143	42,8	18	20,9
„ III и IV	100	43,5	178	53,3	60	69,7

Трудно, конечно, предположить, чтобы въ то время, какъ всѣ органы перестали расти и стали даже подвергаться обратной инволюціи, такой ничтожный и не важный въ экономіи организма органъ, какъ наружное ухо, продолжалъ бы свой дальнѣйшій ростъ. Невольно поэтому напрашивается предположеніе, что послѣ періода возмужанія дальнѣйшее заворачиваніе завитка является результатомъ сморщиванія, подвергшагося старческой субъинволюціи уплотняющагося хряща. Но и самое образованіе завитка является, какъ это объяснилъ Schwalbe, ни чѣмъ инымъ, какъ результатомъ редукціи, т.-е. такимъ же въ сущности процессомъ обратнаго развитія

ТАБЛИЦА № 101-й.

Распредѣленіе различныхъ степеней развитія завитка по возрастамъ.

Формы завитка.	До 20 л.		21—25 л.		26—30.		31—35.		36—40.		41—45.		46 л. и выше.	
	Абс. чис.	%.	Абс. чис.	%.	Абс. чис.	%.	Абс. чис.	%.	Абс. чис.	%.	Абс. чис.	%.	Абс. чис.	%.
Форма I	9	12,5	18	11,4	9	5,2	2	2,1	2	3,1	5	13,2	3	6,2
„ II	31	43,0	72	45,5	74	42,5	47	48,9	22	34,4	11	28,9	7	14,6
„ III и IV	32	44,4	68	43,0	91	52,3	47	48,9	40	62,5	22	57,8	38	79,2

уха, начавшимся уже съ извѣстнаго момента утробной жизни; нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго въ томъ, что и старческая инволюція человѣческаго уха ведетъ къ морфологическимъ измѣненіямъ въ томъ же направленіи, въ какомъ они шли и въ эмбріональной жизни. Ниже мы увидимъ, что и противозавитокъ, обязанный такъ же какъ и завитокъ своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ ретракціи редуцирирующагося хряща свободной ушной складки, обнаруживаетъ аналогичное кажущееся продолженіе своего развитія далеко за предѣлами возрастанія организма. Въ томъ фактѣ, что ничего подобнаго мнѣ не удалось отмѣтить для Дарвинова бугорка, нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія съ только что сказаннымъ. Исчезновеніе Дарвинова бугорка представляетъ, конечно, также одну изъ фазъ редукціи уха, но эта фаза отличается отъ редуктивныхъ же процессовъ образованія завитка и противозавитка главнымъ образомъ тѣмъ, что послѣднія образованія являются выраженіемъ только ретракціи и сморщиванія хряща, тогда какъ для исчезновенія Дарвинова бугорка необходимъ дальнѣйшій, болѣе энергичный, процессъ диссолюціи, исчезновенія вещества, т.-е. такой процессъ, который въ старческомъ возрастѣ можетъ и не имѣть мѣста. Возрастныя измѣненія формъ нисходящей части завитка были прослѣжены мною у 80 мальчиковъ (см. табл. № 103), при чемъ оказалось, что у нихъ процентныя отношенія распространенія всѣхъ трехъ формъ завитка остаются, начиная отъ ранняго дѣтства и до 17-лѣтняго возраста, приблизительно одинаковыми.

ТАБЛИЦА № 103-й.

Возрастныя измѣненія формъ завитка (нисходящаго) у мальчиковъ отъ 3-мѣсячнаго до 17-лѣтняго возраста.

Возрастъ.	Число наблюденій.	Формы завитка.					
		I.		II.		III—IV.	
		Абс.ч.	%.	Абс.ч.	%.	Абс.ч.	%.
Отъ 3-хъ мѣс. до 3-хъ лѣтъ. .	30 (60 уш.)	4	6,6	24	40,0	32	53,3
Свыше 3-хъ и до 10 лѣтъ . .	20 (40 уш.)	3	7,5	15	37,5	22	55,0
Отъ 11 и до 17 лѣтъ.	30 (60 уш.)	4	6,6	26	43,3	30	50,0

Примѣчаніе. Helix въ формѣ IV встрѣчается всего одинъ только разъ въ группѣ свыше 3-хъ до 10 лѣтъ.

Взглянувъ на таблицу, можно видѣть, что неразвитыя формы завитка (ф. I) измѣняются въ очень тѣсныхъ предѣлахъ 6,6—7,5%, вполнѣ развитыя формы—также въ тѣсныхъ предѣлахъ 50 и 55%. Сравнивая эти цифры съ цифрами для взрослыхъ, мы увидимъ, что по существу онѣ отъ нихъ не отличаются (ср. цифры табл. № 94), т.-е., другими словами, завитокъ, насколько это свидѣтельствуютъ мои недостаточно многочисленныя наблюденія, до возмужанія почти не измѣняется и только въ періодъ зрѣлой жизни и тоже къ старости степень его загибанія начинаетъ вновь увеличиваться.

Заканчивая разсмотрѣніе степени развитія завитка у изученныхъ мною рязанцевъ, надо сказать, что въ этомъ отношеніи у нихъ не отмѣчено мною существенной разницы между представителями свѣтлаго и темнаго типа (см. таблицу № 104).

ТАБЛИЦА № 104-й.

Распредѣленіе различныхъ степеней развитія нижней части завитка среди представителей свѣтлаго и темнаго типовъ у рязанцевъ.

	Свѣтлый типъ. Абс. ч.	%.	Темный типъ. Абс. ч.	%.
Завитокъ ф. I	10	7,0	7	5,5
„ „ II	56	38,8	49	38,8
„ „ III	78	54,1	70	55,5

Для темнаго типа число случаевъ полнаго развитія нижней части завитка на 1,5% меньше чѣмъ для свѣтлаго, равно какъ и число вполнѣ развитыхъ формъ на столько же больше, чѣмъ для свѣтлаго типа, т.-е. замѣчается нѣкоторое очень, впрочемъ, слабо выраженное превалированіе болѣе развитыхъ формъ завитка у представителей темнаго типа, что вѣроятнѣе всего находится въ связи съ большей высокорослостью темнаго типа.

b) у женщинъ.

У ста изслѣдованныхъ мною женщинъ различныя формы нисходящей части завитка даютъ слѣдующія соотношенія (см. табл. № 105).

ТАБЛИЦА № 105-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ нисходящаго завитка у женщинъ.

	Число набл.		%.
Ф. I	21	ухо.	10,5
„ II	58	уш.	29,0
„ III	119	„	59,5
„ IV	2	„	1,0%

Сравнивая съ цифрами, полученными для мужчинъ (ф. I—7,4%, ф. II—40,1%, ф. III—51,5% и ф. IV—0,9%), можно видѣть, что женское ухо если и даетъ небольшой (въ 3,1%) избытокъ вполнѣ не развитыхъ формъ (ф. I), зато недоразвитыя формы (ф. II) встрѣчаются у женщинъ значительно (на 11,1%) рѣже, чѣмъ у мужчинъ, соотвѣтственно чему вполнѣ развитыя формы (ф. III) оказываются у женщинъ болѣе распространенными (на 8%). Въ общемъ, слѣдовательно, надо признать вмѣстѣ со *Schwalbe*, что завитокъ женскаго уха у женщинъ сформированъ нѣсколько лучше чѣмъ у мужчинъ, т.-е. женское ухо въ этомъ отношеніи оказывается редуцированнымъ болѣе полно, чѣмъ мужское ухо.

c) Развитіе завитка у душевно-больныхъ и преступниковъ.

Тѣмъ или другимъ такъ называемымъ аномаліямъ завитка придавалось большое значеніе въ смыслѣ признака преступной организаціи или признака дегенераціи многими авторами, особенно же тѣми, которые или совсѣмъ не прибѣгали къ методу статистическаго изслѣдованія, или же подсчитывали число такихъ аномалій только у душевно-больныхъ или преступниковъ, бездоказательно увѣряя себя и другихъ, что у нормальнаго населенія такихъ аномалій много меньше. Къ категоріи послѣднихъ авторовъ принадлежитъ, конечно, и Lombroso, а за нимъ и большинство авторовъ его школы. Значеніе ихъ утвержденій чрезвычайно, однако, сомнительно. Такъ самъ *Lomboso*, отмѣчая дефекты завитка, какъ одинъ изъ важныхъ признаковъ уха преступниковъ, насчиталъ, однако, у 350 италіанскихъ преступниковъ всего 2 случая, т.-е. около 0,6% всѣхъ случаевъ ушей съ „отсутствіемъ завитка"; между тѣмъ *Gradenigo*, насчитывающій у душевно-больныхъ и преступниковъ нѣсколько бо́льшія, правда, цифры отсутствія завитка, чѣмъ у нормальнаго италіанскаго населенія, даетъ для послѣдняго цифру въ 0,8% такихъ формъ, т.-е. цифру чуть-чуть даже бо́льшую, чѣмъ у преступниковъ Lombroso. Среди авторовъ-психіатровъ къ одной въ этомъ отношеніи категоріи съ Lombroso принадлежитъ и *Binder*, апологетъ дегенеративнаго уха. Онъ также считаетъ различныя аномаліи завитка чрезвычайно распространенными среди душевно-больныхъ. Подсчитать его цифру такихъ аномалій совершенно невозможно, такъ какъ, создавъ свою искусственную классификацію формъ, въ силу которой различныя особенности завитка разносятся у него по различнымъ группамъ и связываются съ другими признаками, Binder ведетъ всю свою статистику по своимъ формамъ. Желая, однако, хоть сколько-нибудь освѣтить вопросъ и провѣрить, точно ли Binder'овскія формы не встрѣчаются или только очень рѣдко встрѣчаются среди нормальнаго нѣмецкаго населенія, *Karuts* выбралъ одну изъ формъ Binder'a (ухо Stahl'я I-е), которая опредѣляется главнымъ образомъ по различнымъ особенностямъ въ формѣ завитка (см. стр. 42) и прослѣдилъ распространеніе этой формы среди нормальнаго населенія. Оказалось, что въ то время, какъ Binder насчиталъ ухо Stahl'я I-е всего у 5 изъ 186 изслѣдованныхъ имъ душевно-больныхъ мужчинъ, т.-е. въ 2,6% всѣхъ случаевъ, Karutz у нормальныхъ нѣмцевъ насчиталъ эту форму при 550 наблюденіяхъ въ 24,1% всѣхъ случаевъ, т.-е. почти въ 10 разъ чаще, чѣмъ Binder у душевно-больныхъ! Мало того, подсчеты Karutz'a показали, что среди слабоумныхъ отъ рожденія дѣтей, воспитанниковъ спеціальнаго заведенія для идіотовъ, эта форма уха встрѣчается нѣсколько *рѣже*, чѣмъ у нормальнаго населенія (21,2%). Тѣ же авторы, которые даютъ сравнительныя статистики для душевно-больныхъ (преступниковъ) и для нормальнаго населенія, получали противорѣчивыя данныя относительно роли тѣхъ или другихъ формъ завитка, какъ признака дегенераціи (и преступности). Отмѣтки различныхъ формъ завитка у большинства авторовъ не точны, не всегда можно даже понять, какія именно формы они хотятъ отмѣтить, тѣмъ не менѣе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторы сравниваютъ свои наблюденія надъ патологическимъ населеніемъ съ своими же наблюденіями надъ здоровыми, цифры ихъ пріобрѣтаютъ нѣкоторое значеніе, если, конечно, исключить вліяніе субъективности и нѣкоторыхъ безсознательныхъ подстановокъ, всегда возможныхъ при недостаточно точномъ разграниченіи отдѣльныхъ формъ. Въ пользу нѣкотораго значенія завитка въ этомъ смыслѣ можно привести цифры:

1) *Laubi*, нашедшаго „Schwein oder Stutz Ohr" у эпилептиковъ, въ 3% всѣхъ случаевъ, у идіотовъ—въ 2%, тогда какъ у нормальнаго населенія—въ 1%.

2) *Gradenigo*, нашедшаго „дефекты завитка" у душевно-больныхъ въ 3,8%, у преступниковъ въ 4,0%, тогда какъ у нормальнаго населенія—въ 0,8%.

3) *Näcke:* „аномальный завитокъ"—у прогрессивныхъ паралитиковъ (100) въ 12%, у нормальныхъ (80 нбл.)—въ 10%.

4) Наибольшую разницу въ этомъ отношеніи даетъ *Vali* (Будапештъ), отмѣтившій „частичный недостатокъ завитка" у душевно-больныхъ въ 9,7%, у идіотовъ—въ 8,6%, тогда какъ у нормальнаго населенія только въ 3,2%. Въ общемъ же цифровыя различія между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ очень не велики и основывать на нихъ какія-либо заключенія трудно.

Существуютъ, однако, и статистики обратнаго значенія: такъ *Féré et Seglas*—авторы, убѣжденные въ значеніи уха, какъ признака дегенераціи, да еще атавистическаго характера, насчитываютъ отсутствіе завитка у душевно-больныхъ въ 0,4%, у эпилептиковъ и у идіотовъ—въ 0,08%, у нормальнаго же населенія—въ тѣхъ же 0,4%; недоразвитой завитокъ (чаще всего внизу) у душевно-больныхъ — въ 3,6%, у эпилептиковъ и идіо-

товъ—въ 1,5%, тогда какъ у нормальнаго населенія—въ 5,5% всѣхъ случаевъ.

Къ тому же клонятся и данныя *Karutz*'а, цифры котораго относительно уха Stahl'я I (по Binder'у) уже цитированы выше. Отностительно случаевъ недостаточно хорошо развитого завитка Karutz получилъ нѣсколько иныя цифры (у нормальнаго населенія—1,2%, у дѣтей изъ заведенія для идіотовъ въ 3,3%), но самъ авторъ указываетъ на существованіе многихъ переходныхъ случаевъ, которые онъ имѣлъ нѣкоторую тенденцію относить къ случаямъ полнаго развитія у нормальнаго населенія, къ случаямъ недоразвитія—у идіотовъ.

Обращая вниманіе на абсолютныя величины различій между патологическимъ и нормальнымъ населеніями, мы видимъ, что они въ общемъ очень не велики и колеблются у авторовъ отъ 1% и до 6,5%. Выше же мы видѣли, что *Schäffer* отмѣчалъ различія у нормальнаго населенія въ числѣ недоразвитыхъ формъ завитка по отдѣльнымъ областямъ Германіи, доходящія до 5,4%, т.-е. почти до максимальнаго предѣла различій, отмѣчаемыхъ между патологическимъ и нормальнымъ населеніемъ. Обращаетъ также на себя вниманіе и то обстоятельство, что тѣ авторы, которые выдѣляли изъ другихъ формъ болѣзней въ отдѣльную группу идіотовъ, у которыхъ можно было бы ожидать à priori наибольшаго числа рѣзко выраженныхъ признаковъ дегенераціи, находили у нихъ (всѣ безъ исключенія) меньшія цифры такъ называемыхъ аномалій завитка, чѣмъ у другихъ душевно-больныхъ; у нѣкоторыхъ авторовъ идіоты даютъ цифры меньшія даже, чѣмъ нормальное населеніе. При значительныхъ варьяціяхъ у нормальнаго населенія числа недоразвитыхъ формъ завитка по расамъ и даже по различнымъ областямъ обитанія въ предѣлахъ одной и той же расы, ничтожныя различія, найденныя отдѣльными авторами между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ, теряютъ свое значеніе; противорѣчія между статистиками отдѣльныхъ авторовъ, еще больше подрываютъ значеніе найденныхъ различій. Ширина колебаній въ предѣлахъ нормы и допускающая вліяніе субъективизма неточность опредѣленія границъ, отдѣляющихъ отмѣчаемыя авторами „нормальныя" формы отъ „аномальныхъ", дѣлаютъ статистики авторовъ и тѣ или другіе изъ нихъ выводы, явленіемъ случайнымъ. Не въ одной изъ имѣющихся до сихъ поръ статистикъ нельзя отмѣтить строгости и опредѣленности методологіи, гарантирующей отъ болѣе или менѣе значительныхъ ошибокъ.

Къ неменѣе неопредѣленнымъ результатамъ приводятъ и мои собственныя изслѣдованія, проведенныя по единообразному и строго опредѣленному методу изслѣдованія, данному Schwalbe.

Въ таблицѣ № 106 сопоставлены данныя для 100 душевно-больныхъ изъ класса вырождающихся съ данными, полученными у здоровыхъ рязанцевъ.

ТАБЛИЦА № 106-й.

Сравненіе степени развитія завитка у здоровыхъ и душевно-больныхъ (вырождающихся) великоруссовъ.

	100 вырождющихся душевно-больн. Абс. ч.	въ %.	325 здоровыхъ рязанцевъ въ %.
Верхняя часть завитка			
форма I	4	2,0	0
„ II	24	12,0	21,8
„ III	172	86,0	78,1
Нижняя часть завитка			
форма I . . .	26	13,0	7,4
„ II . . .	71	35,5	40,1
„ III и IV	103	51,5	57,5

Четыре уха (у двухъ субъектовъ) душевно-больныхъ представляютъ дефектъ завитка въ верхней его части, чего не отмѣчено ни разу у нормальныхъ великоруссовъ; въ этомъ отношеніи какъ бы и представляется нѣкоторая разница между душевно-больными и здоровыми великоруссами; равнымъ образомъ и въ нижней своей части завитокъ вполнѣ неразвитой (ф. I) встрѣчается немного чаще у душевно-больныхъ (13,0%), чѣмъ у здоровыхъ (7,4%). Если мы, однако, взглянемъ на числа не вполнѣ развитыхъ формъ завитка (ф. II), то увидимъ, что какъ для верхней, такъ и для нижней части завитка процентъ такихъ недоразвитыхъ формъ оказывается у душевно-больныхъ значительно бо̀льшимъ, чѣмъ у нормальныхъ великоруссовъ.

Вполнѣ развитыя формы завитка (ф. III) оказываются для нижней его части одинаково частыми у больного и здороваго населенія (51,5%), для верхней же части завитка у больныхъ развитіе его оказывается болѣе полнымъ (86,0% противъ 78,1% у нормальныхъ). Получается, слѣдовательно, нѣкоторое какъ бы противорѣчіе: въ общемъ завитокъ душевно-больныхъ оказывается развитымъ полнѣе, лучше, чѣмъ у здоровыхъ, число же формъ наименѣе развитыхъ (ф. I) у душевно-больныхъ нѣсколько больше, чѣмъ у здоровыхъ, хотя разница цифръ и не велика. Можно было бы подумать, что число вполнѣ развитыхъ формъ у душевно-больныхъ увеличено главнымъ образомъ избыткомъ формы IV, т.-е такъ сказать переразвитыхъ формъ, и тогда дѣло представится въ такомъ видѣ: у душевнобольныхъ оказывается большее, чѣмъ у здоровыхъ, число крайняго недоразвитія и переразвитія. Но на самомъ дѣлѣ это далеко не такъ: случаи переразвитія (ф. IV), вообще говоря, рѣдкіе (у нормальныхъ рязанцевъ они отмѣчены всего въ 0,9% всѣхъ случаевъ) у 100 изслѣдованныхъ мною вырождающихся душевно-больныхъ не попались ни разу (вообще же говоря, у душевно-больныхъ они, какъ и у здоровыхъ, конечно, встрѣчаются, и я самъ наблюдалъ ихъ не разъ, но они встрѣчаются

настолько рѣдко, что не попались ни разу у спеціально изслѣдованныхъ мною больныхъ; при большемъ числѣ наблюденій они, очевидно, дали бы лишь незначительный процентъ). Всего вѣрнѣе будетъ, конечно, предположить, что отмѣченныя мною небольшія различія между душевно-больными и здоровыми должны быть отнесены исключительно насчетъ нѣкоторой, хотя и ограниченной схемою Schwalbe, не все же возможной неточности регистраціи, а частью быть можетъ и насчетъ мѣстныхъ различій изслѣдованныхъ группъ.

Нѣкоторые изъ авторовъ, изучавшихъ уши душевно-больныхъ и преступниковъ, отмѣчали переразвитыя формы завитка (ф. IV Schwalbe) подъ именемъ helix bandiformix (нѣмецкіе авторы) или аналогичнымъ ему именемъ elice à nastro *) (итальянскіе авторы), придавая этой формѣ—одни большое значеніе, другіе—никакого. *Vali*, напримѣръ, отмѣчаетъ helix bandiformix у нормальнаго населенія въ 4,4% всѣхъ случаевъ у душевно-больныхъ—6,9%; *Eule* у нормальныхъ—0,8%, а у преступниковъ — 26,3%; *Binder* придаетъ этой формѣ также большое значеніе, не давая, впрочемъ, соотвѣтствующихъ тому доказательствъ. Между тѣмъ *Gradenigo* не нашелъ въ этомъ отношеніи почти никакой разницы между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ; такъ по его цифрамъ elice à nastro встрѣчается у нормальныхъ мужчинъ въ 3%, у душевно-больныхъ—то же въ 3%, а у преступниковъ—въ 4%. Одинъ только *Eule* отмѣчаетъ очень рѣзкую въ этомъ отношеніи разницу между нормальнымъ населеніемъ и преступниками (0,8%—26,3%), но эта цифра *Eule* (равно какъ и другія его цифры) заслуживаютъ очень мало довѣрія, такъ какъ преступниковъ (наибольшее число) онъ изслѣдовалъ самъ лично, данныя же для здоровыхъ онъ лишь подсчиталъ на основаніи отмѣтокъ о формѣ ушей, дѣлаемыхъ въ ушной поликлиникѣ пр. *Roher'a*; но эти замѣтки могли быть и далеко не полными и велись разными лицами.

Въ общемъ, слѣдовательно, ни изслѣдованія другихъ авторовъ, ни мои личныя наблюденія не доказываютъ хоть сколько-нибудь убѣдительно существованія замѣтныхъ различій по степени развитія завитка между вырождающимися душевно-больными и преступниками съ одной и нормальнымъ населеніемъ съ другой стороны.

*) Nastro по-итальянски означаетъ ленту.

IV.

Ножка завитка.

Ножку завитка Schwalbe разсматриваетъ отдѣльно и независимо отъ самаго завитка, достаточнымъ основаніемъ для чего служитъ тотъ фактъ, что и по исторіи своего развитія ножка завитка представляется образованіемъ дѣйствительно обособленнымъ и претерпѣвающимъ иную судьбу, чѣмъ весь остальной завитокъ. Въ то время, какъ послѣдній въ значительной своей части представляетъ образованіе являющееся лишь слѣдствіемъ метаморфоза свободной ушной пластинки, метаморфоза, имѣющаго мѣсто лишь у человѣка и нѣкоторыхъ высшихъ приматовъ, ножка завитка принадлежитъ къ образованіямъ области возвышеній (Ohrhugelregion), т.-е. области, одинаково развитой у большинства млекопитающихъ. Соотвѣтственно этому и въ эмбріональной жизни человѣка ножка завитка вмѣстѣ съ другими образованіями области возвышеній уха оказывается намѣченной и вчернѣ развитой гораздо раньше, чѣмъ образованія свободной ушной пластинки (уже въ концѣ перваго мѣсяца зародышевой жизни человѣка, тогда какъ послѣднія образованія едва намѣчаются только въ концѣ 2-го или въ началѣ 3-го мѣсяца). Въ силу общаго закона большей стойкости образованій болѣе раннихъ періодовъ мы уже à priori должны ожидить, что у взрослыхъ случаи недостаточнаго развитія ножки завитка окажутся значительно болѣе рѣдкими, чѣмъ случаи недоразвитія самаго завитка. Такое ожиданіе оправдывалось при моихъ изслѣдованіяхъ на дѣлѣ *).

Прежде чѣмъ приводить результатъ личныхъ изслѣдованій, припомнимъ еще разъ способъ обозначеній отдѣльныхъ степеней развитія, принятый Schwalbe:

форма	I	означаетъ	слабое развитіе	ножки
„	II	„	среднее „	„ .
„	III	„	сильное „	„
„	IV	„	особую форму развитія, когда	

ножка противузавитка сильно удлинена по направленію кзади, такъ что она идетъ по всему дну конхи и непосредственно соединяется съ противозавиткомъ, дѣля всю конху на двѣ разобщенныя ямки—собственно cavitas conchae и fossa cymbae.

Невольно рождается мысль, что ножка завитка въ формѣ IV является какъ бы формою переразвитія, но такое предположеніе фактически не вѣрно и по существу эта форма представляетъ какъ разъ обратное явленіе, т.-е. явленіе недоразвитія. Дѣло въ томъ, что въ извѣстный періодъ развитія человѣческаго уха ножка завитка, какъ это выяснено изслѣдованіями *Gradenigo* и другихъ авторовъ, всегда бываетъ соединена особымъ отросткомъ съ противузавиткомъ и только позднѣе со-

*) *Schwalbe* указалъ только методъ изслѣдованія, но соотвѣтствующей статистики не даетъ, такъ что мои изслѣдованія являются, насколько мнѣ извѣстно, въ этомъ направленіи первыми.

единительный отростокъ подвергается диссолюціи. Такимъ образомъ о переразвитіи для ножки завитка въ формѣ IV можно говорить только имѣя въ виду чисто внѣшнія морфологическія отношенія, въ смыслѣ же филогенетическомъ — это форма недоразвитія. Отношенія, подобныя только что упомянутымъ, у человѣка временныя и преходящія, являются постоянными для нѣкоторыхъ обезьянъ. *Féré et Seglas*, впервые обратившіе на форму IV ножки завитка и на относительную частоту ея у душевно-больныхъ и преступниковъ, считаютъ ее за явленіе атавизма; съ этой точки зрѣнія они правы, конечно, настолько, насколько вообще можно диференцировать явленіе атавизма отъ явленій задержки развитія.

Относительно степени развитія ножки завитка у тѣхъ или другихъ человѣческихъ группъ не существуетъ никакихъ статистикъ, только форма IV была, какъ это уже упомянуто выше, подсчитана *Féré et Seglas*, насчитывающими ее у нормальнаго населенія въ 1,6% всѣхъ случаевъ (изслѣдовано 473 субъекта).

Изслѣдованные мною рязанцы представляли слѣдующее распредѣленіе различныхъ степеней развитія ножки завитка (см. табл. № 107).

ТАБЛИЦА № 107-й.

Степень развитія ножки завитка у 325 рязанцевъ.

Ножка завитка ф.	I	8	ушей	или	1,23%
„ „ „	II	302	уха	„	46,46%
„ „ „	III	338	ушей	„	51,99%
„ „ „	IV	2	уха	„	0,32%

Отграниченіе отдѣльныхъ формъ ножки завитка, за исключеніемъ морфологически вполнѣ опредѣленной и типичной формы IV, у Schwalbe нѣсколько не опредѣленно и границы между слабымъ, среднимъ и сильнымъ развитіемъ провести очень мудрено. Въ общемъ можно, однако, судить, что слабо развитыя формы (I), представленныя у меня 8-ю ушами (4 субъекта), встрѣчаются относительно рѣдко. Форма IV, представляющая, какъ уже говорилось выше, явленіе также недоразвитія, встрѣтилась среди рязанцевъ всего у одного субъекта (0,32%), т.-е. рѣже даже, чѣмъ у французовъ, изслѣдованныхъ Féré et Seglas. Форма I и IV, вмѣстѣ взятыя, составляютъ для моихъ рязанцевъ 1,55%, остальные же 98,45% всѣхъ случаевъ представляютъ среднее и сильное развитіе ножки завитка; недоразвитыя формы въ общемъ, слѣдовательно, очень рѣдки. Распредѣленіе различныхъ степеней развитія ножки завитка по группамъ роста, возрастнымъ группамъ и т. д. не можетъ имѣть большого значенія, такъ какъ число недоразвитыхъ формъ слишкомъ ничтожно для такой группировки, распредѣленіе же формъ II и III не можетъ имѣть значенія вслѣдствіе недостаточной и несвободной отъ вліянія субъективности и произвола диференцировки этихъ группъ другъ отъ друга. Относительно недоразвитыхъ формъ слѣдуетъ, пожалуй, замѣтить, что форма IV, встрѣтившись у одного субъекта, комбинировалась у него съ слабымъ развитіемъ самаго завитка (вверху ф. II и внизу ф. II) и съ рѣзко выраженнымъ Дарвиновымъ бугоркомъ въ церкопитековой его формѣ; изъ формъ же ножки завитка I (всего 4 субъекта) у одного—аналогичная комбинація съ завиткомъ II и II съ Дарвиновымъ бугоркомъ церкопитековой формы, у трехъ же остальныхъ самый завитокъ представлялся развитымъ хорошо (форма III и вверху и внизу), Дарвиновъ же бугорокъ въ двухъ случаяхъ выражался формою V, а въ одномъ формой VI, т.-е. отсутствовалъ совершенно. Въ общемъ, слѣдовательно, степень развитія ножки завитка не идетъ параллельно со степенью развитія всего остального завитка, такъ какъ недоразвитыя формы ножки сочетаются въ общемъ чаще съ вполнѣ развитыми, чѣмъ съ недоразвитыми формами самаго завитка. Такое соотношеніе не представится намъ неожиданнымъ, если мы вспомнимъ, что и генетически обѣ эти части завитка разнятся между собою. У изслѣдованныхъ мною 100 вырождающихся душевно-больныхъ великоруссовъ форма IV ножки завитка не отмѣчена ни разу; будучи рѣдкой и у нормальныхъ великоруссовъ, она не часта, повидимому, и у патологическаго населенія. За всю мою, болѣе чѣмъ десятилѣтнюю дѣятельность какъ практическаго психіатра, я, по крайней мѣрѣ, припоминаю не болѣе двухъ-трехъ случаевъ такой формы, несмотря на то, что вообще физическое строеніе душевно-больныхъ, а тѣмъ болѣе строеніе ихъ уха, меня интересовало съ самаго начала моей практической дѣятельности; такой же случай припоминается мнѣ и у одного преступника, хотя субъектовъ послѣдней категоріи я наблюдалъ вообще не особенно много. Интересенъ тотъ фактъ, что 100 изслѣдованныхъ мною вырождающихся великоруссовъ обнаружили значительную разницу съ нормальнымъ населеніемъ по отношенію къ частотѣ случаевъ слабо развитой ножки завитка въ формѣ I. Въ то время, какъ для 325 рязанцевъ я отмѣтилъ эту форму всего въ 1,23% всѣхъ случаевъ, 100 душевно-больныхъ дали ее въ 16 случаяхъ (и процентахъ)—разница довольно внушительная, если только и я самъ при недостаточной опредѣленности термина „слабое развитіе“ не поддался здѣсь невольной и безсознательной подтасовкѣ и не грѣшилъ излишней щедростью отмѣтки ф. I у душевно-больныхъ во многихъ такихъ случаяхъ, гдѣ у здоровыхъ я скорѣе, быть-можетъ, склонился бы отмѣтить форму II. Къ сожалѣнію, полное отсутствіе аналогичныхъ данныхъ у другихъ авторовъ оставляетъ вопросъ не выясненнымъ. Придавать же полученной мною разницѣ, въ этомъ отношеніи, между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ, въ силу вышеуказанной причины, было бы нѣсколько рискованно.

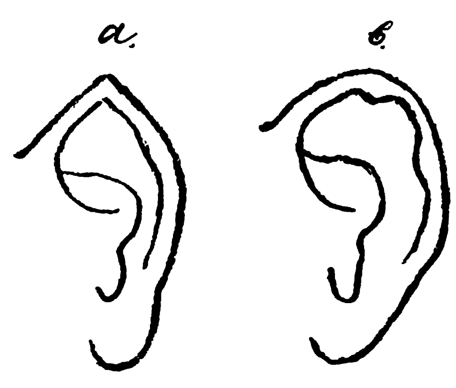
V.

Сатировъ бугорокъ.

Сатировъ бугорокъ, съ морфологической точки зрѣнія, представляетъ изъ себя нѣкоторое угловое изгибаніе завитка, расположенное на самой верхушкѣ уха и придающее ей видъ заостреннаго кончика. Еще скульпторы античной Греціи изображали уши сатировъ съ подобными заостреніями, вслѣдствіе чего Schwalbe и предложилъ называть этотъ верхушечный бугорокъ уха сатировымъ бугоркомъ. Древніе скульпторы приписывали сатирамъ много животныхъ атрибутовъ (козлиныя ноги, козлиная борода и т. д.). Очевидно, слѣдовательно, что и верхушечный бугорокъ (точнѣе — угловой изгибъ завитка) имѣлъ также своимъ назначеніемъ сближеніе съ животными формами. Но это напоминающее животныя формы заостреніе кончика уха помѣщалось древними скульпторами на самомъ верхнемъ полюсѣ уха. Съ точки зрѣнія художественной идеи это удовлетворяло своему назначенію, но съ точки зрѣнія реальной, а не художественной правды дѣло стоитъ нѣсколько иначе: выше мы уже видѣли, что аналогомъ заостреннаго уха является не верхушечный бугорокъ, но расположенный ниже Дарвиновъ бугорокъ. Для того, чтобы быть болѣе вѣрными дѣйствительности, скульпторы античнаго міра должны были бы помѣщать и у своихъ сатировъ заостреніе кончика на ухѣ значительно ниже, чѣмъ они это дѣлали. Надо, впрочемъ, сказать, что ошибка наблюденія художниковъ древняго міра повторялась вплоть до позднѣйшихъ временъ, такъ что, когда Дарвинъ первый указалъ на истинное значеніе бугорка, окрещеннаго впослѣдствіи его именемъ, сдѣланныя ему возраженія (*L. Mayer* [28]) и др.) были основаны, какъ это уже упоминалось выше, какъ разъ на смѣшеніи этого бугорка съ сатировымъ бугоркомъ. Въ эмбріональной жизни человѣка сатировъ бугорокъ составляетъ постоянное явленіе, появляясь обыкновенно на 2-мъ мѣсяцѣ зародышевой жизни. Сначала сатировъ бугорокъ занимаетъ болѣе низкое положеніе, верхушку же уха составляетъ Дарвиновъ бугорокъ (откуда и ошибка L. Mayer'a и др. авторовъ); немного позднѣе происходитъ, вслѣдствіе разростанія мозга, поворачиваніе пирамиды височной кости вокругъ своей длинной оси (*Schäffer*), а за нимъ и соотвѣтствующій поворотъ наружнаго уха, совершающійся въ такомъ направленіи, что Дарвиновъ бугорокъ смѣщается ниже и кзади, сатировъ же бугорокъ занимаетъ прежнее положеніе Дарвинова бугорка, т.-е. составляетъ теперь верхній полюсъ уха. Упомянутый поворотъ совершается довольно рано и уже въ началѣ 2-го мѣсяца зародышевой жизни сатировъ бугорокъ только въ 20% всѣхъ случаевъ (по Schäffer'y) занимаетъ положеніе у верхняго полюса уха, въ остальныхъ 80% онъ уже ниже Дарвинова бугорка. Въ теченіе всего второго мѣсяца эмбріональной жизни сатировъ бугорокъ постепенно занимаетъ свое положеніе у верхушки уха и вмѣстѣ съ тѣмъ проявляетъ тенденцію къ полному исчезанію. Въ концѣ 3-го мѣсяца онъ существуетъ только въ 11% всѣхъ случаевъ, занимая при этомъ всегда (при правильномъ развитіи черепа) положеніе на верхушкѣ уха. Съ тѣхъ поръ сатировъ бугорокъ остается стаціонарнымъ, такъ какъ, по изслѣдованіямъ Schäffer'a, въ теченіе остальныхъ мѣсяцевъ эмбріональной жизни, равно какъ и у зрѣлыхъ плодовъ, число случаевъ, гдѣ этотъ бугорокъ сохраняется, колеблется между 17% и 11%; *Schwalbe* же полагаетъ, что болѣе или менѣе замѣтные слѣды сатирова бугорка постоянно существуютъ даже и у 6-ти мѣсячнаго эмбріона.

Существованіе сатирова бугорка у взрослыхъ относится, слѣдовательно, къ явленіямъ частичной задержки развитія уха на стадіи, соотвѣтствующей 2-му—3-му мѣсяцамъ зародышевой жизни (по Schäffer'y, по даннымъ же Schwalbe его можно отнести къ гораздо болѣе позднему періоду). У многихъ четвероногихъ слѣды сатирова бугорка, обязательно существующаго у ихъ эмбріоновъ, могутъ быть отмѣчены почти постоянно и въ зрѣломъ возрастѣ. *Schwalbe* считаетъ, что сатировъ бугорокъ часто сочетается съ другими явленіями задержки развитія наружнаго уха, особенно съ рѣзкими формами Дарвинова бугорка (преимущественно съ церкопитековой формой) и съ недостаточно завернутымъ краемъ уха, т.-е. съ недоразвитымъ завиткомъ. Относительно расовыхъ различій Schwalbe замѣчаетъ, что большія уши съ дурно развитымъ завиткомъ (уши монголовъ, потомъ европейцевъ) представляютъ, кажется, болѣе частое появленіе сатирова бугорка, чѣмъ небольшія уши съ хорошо развитымъ завиткомъ (уши бушменовъ, негровъ и т. д). Но, замѣчаетъ Schwalbe, такое утвержденіе можетъ быть сдѣлано только на глазъ, по общему впечатлѣнію, соотвѣтствующихъ же статистикѣ—не имѣется; не имѣется ихъ и по настоящее время. Прежде, чѣмъ переходить къ изложенію результатовъ моихъ личныхъ изслѣдованій, необходимо остановиться еще на различныхъ модификаціяхъ формы сатирова бугорка у взрослыхъ. Schwalbe мало говоритъ объ этомъ предметѣ, описывая сатировъ бугорокъ лишь въ одной наиболѣе типичной его формѣ, представленной на чертежѣ *a*, фиг. IX. Это, дѣйствительно, наиболѣе типичная форма, но на ряду съ такой полной формой сатирова бугорка существуютъ еще болѣе рудиментарныя его формы, при которыхъ

самый верхній полюсъ уха не представляетъ углового изгиба, а болѣе или менѣе округлъ, но вмѣсто того въ области верхняго полюса уха имѣется особый, обращенный верхушкою внизъ, угловой выступъ завернутаго свободнаго края завитка (см. *b* фиг. IX); если представить себѣ завитокъ развернутымъ по плоскости, тогда этотъ угловатый выступъ получилъ бы видъ заостренной макушки уха. Такой угловой выступъ на свободномъ краѣ завитка можетъ быть съ полнымъ правомъ отнесенъ къ рудиментарнымъ формамъ сатирова бугорка, такъ какъ между вполнѣ выраженною формою сатирова бугорка и упомянутой рудиментарною его формою существуютъ отношенія совершенно аналогичныя тѣмъ, что мы видѣли для Дарвинова бугорка въ его формахъ II и III. Въ самомъ дѣлѣ, церкопитековая (II) форма Дарвинова бугорка представляетъ угловой изгибъ всего завитка, форма же Дарвинова бугорка III—изгибъ

Фиг. IX. **Различныя формы Сатирова бугорка.**
a—типичная форма Сатирова бугорка, *b*—рудиментарная его форма.

одного только свободнаго края завитка, который превратился бы въ настоящій заостренный кончикъ только въ томъ случаѣ, если бы мы въ этомъ мѣстѣ развернули завитокъ на плоскости. Такимъ образомъ очевидно, что комплектная форма сатирова бугорка въ томъ видѣ, какъ ее описываетъ Schwalbe (*a* фиг. IX), представляетъ аналогъ Дарвинова бугорка ф. II, рудиментарная же форма сатирова бугорка (*b* фиг. IX) аналогична Дарвинову бугорку ф. III. Можно было бы, смотря по тому, заострена или притуплена вершина обращеннаго внизъ выступа завитка при рудиментарной формѣ сатирова бугорка, различать еще двѣ особыя формы этого образованія, но это едва ли имѣло бы какое-либо практически важное значеніе. Кромѣ того, существуетъ рядъ формъ переходныхъ между комплектной и рудиментарной формою, когда или при угловомъ изгибѣ всей верхушки завитка имѣется нѣкоторый угловой выступъ и его свободнаго края, или же обратно — при выраженномъ угловомъ выступѣ свободнаго края завитка у вершины уха имѣется также и намекъ на угловой перегибъ всего завитка. Чтобы не слишкомъ умножать число различныхъ формъ, я не дѣлалъ особыхъ отмѣтокъ для этихъ переходныхъ случаевъ, но относилъ ихъ то къ комплектной, то къ болѣе рудиментарной формѣ сатирова бугорка, смотря потому, что было больше выражено—перегибаніе всего завитка или угловой выступъ его свободнаго края. Принятыя въ схемѣ у Schwalbe обозначенія: 0—сатировъ бугорокъ отсутствуетъ и 1—имѣется въ наличности — пришлось дополнить, сохранивъ обозначеніе единицею для комплектныхъ формъ бугорка и прибавивъ обозначеніе цифрою II—для его рудиментарныхъ формъ. У изслѣдованныхъ мною 325 рязанцевъ сатировъ бугорокъ формы I отмѣченъ: двухсторонній въ 14 случаяхъ, только справа или только слѣва — въ 4 случаяхъ, а всего, слѣдовательно, на 32 ушахъ, что составляетъ приблизительно 5% всѣхъ случаевъ. Въ формѣ II сатировъ бугорокъ отмѣченъ мною: двухсторонній 11 разъ и односторонній (только правый или лѣвый)—5 разъ, всего, слѣдовательно, на 27 ушахъ или приблизительно въ 4% всѣхъ случаевъ, т.-е. форма I встрѣчается лишь немного чаще формы II.

Припоминая, что Дарвиновъ бугорокъ въ макаковой формѣ встрѣчается у моихъ рязанцевъ всего въ 0,3%, нельзя согласиться съ Schwalbe, что сатировъ бугорокъ встрѣчается рѣже, чѣмъ макаковый Дарвиновъ бугорокъ; у рязанцевъ, по крайней мѣрѣ, это не такъ: сатировъ бугорокъ оказывается у нихъ распространеннымъ во много разъ чаще, чѣмъ Дарвиновъ буг. ф. I, и это вѣрно даже въ томъ случаѣ, если мы будемъ принимать во вниманіе только комплектныя формы сатирова бугорка.

Schäffer для взрослаго населенія Мюнхена отмѣтилъ для сатирова бугорка около 11%; болѣе точнаго опредѣленія формъ бугорка у Schäffer'а также нѣтъ. Если онъ подсчитывалъ только мою форму I, тогда мюнхенцы отличаются значительно бóльшимъ распространеніемъ сатирова бугорка; если же Schäffer отмѣчалъ также и мою форму II, тогда мюнхенцы также оказываются болѣе богатыми этой формой уха, но разница съ рязанцами становится уже не велика. Существуетъ еще для жителей Цюриха не совсѣмъ, впрочемъ, достовѣрная цифра *Eule* (0,9%). Другихъ аналогичныхъ данныхъ не имѣется. Распредѣленіе отдѣльныхъ формъ сатирова бугорка у рязанцевъ по группамъ роста, представленное на таблицѣ № 108-й показываетъ, что для группъ болѣе низкаго роста число случаевъ

ТАБЛИЦА № 108-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ сатирова бугорка у рязанцевъ по группамъ роста.

Группы роста.	Сатировъ бугорокъ формы I. Абс. чис.	%	Сатировъ бугорокъ формы II. Абс. чис.	%
Низкій ростъ (132 уха)	8	6,06	3	2,27
Ниже средняго (186 ушей)	15	8,06	13	6,98
Выше средняго (208)	7	3,36	6	2,89
Высокій ростъ (124)	2	1,61	5	4,03

появленія сатирова бугорка формы I замѣтно меньше, чѣмъ для двухъ группъ высокаго роста; по отношенію къ сатирову бугорку формы II отмѣчаются нѣсколько бо́льшія неправильности, тѣмъ не менѣе уменьшеніе числа случаевъ сатирова бугорка съ увеличеніемъ роста все-таки замѣтно. Указанныя отношенія становятся особенно замѣтными въ томъ случаѣ, если мы разобьемъ весь нашъ матеріалъ только на двѣ группы—низкаго (до 165 cnt) и высокаго (выше 165 cnt) роста. Тогда сатировъ бугорокъ формы I для группы низкаго роста дастъ 23 случая или 7,23%, а для группы высокаго роста—9 случаевъ или только 2,71%; сатировъ бугорокъ формы II для низкаго роста дастъ 16 случаевъ или 5,03%, а для группы высокаго роста 11 случаевъ или 3,31%. Несомнѣнно, слѣдовательно, что съ увеличеніемъ роста число случаевъ сатирова бугорка явно падаетъ. Припомнимъ кстати, что и для рѣзко выраженнаго Дарвинова бугорка и для недоразвитаго завитка, т.-е. и для другихъ явленій задержки развитія наружнаго уха, также было отмѣчено меньшее ихъ распространеніе среди высокорослыхъ субъектовъ.

Изслѣдованные мною *калмыки* дали цифры, указывающія на нѣсколько большее у нихъ, чѣмъ у великоруссовъ, распространеніе сатирова бугорка, такъ какъ форма I сатирова бугорка отмѣчена мною у 10,5% всѣхъ изслѣдованныхъ калмыковъ, форма II—у 3,5%, итого 14% противъ 9% для великоруссовъ.

У ста *женщинъ великоруссокъ* сатировъ бугорокъ въ обѣихъ его формахъ отмѣченъ на 46 ушахъ или въ 23% всѣхъ случаевъ, т.-е. значительно чаще, чѣмъ у мужчинъ. Еще чаще встрѣчается, повидимому, сатировъ бугорокъ у дѣтей, такъ какъ у 30 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 3-хъ мѣс. и до 3-хъ лѣтъ я могъ отмѣтить его на 26 ушахъ, т.-е. въ 46,6% всѣхъ случаевъ. Интересно сопоставить этотъ фактъ съ наблюденіями *Schäffer'a* для мюнхенцевъ. У эмбріоновъ конца 2-го мѣсяца зародышевой жизни Schäffer отмѣчаетъ сатировъ бугорокъ въ 80% всѣхъ случаевъ (см. стр. 25), къ періоду же рожденія число случаевъ сатирова бугорка падаетъ до 11—17%, т.-е. до той приблизительно нормы, которая отмѣчена Schäffer'омъ для взрослыхъ. У взрослыхъ рязанцевъ процентъ случаевъ сатирова бугорка даже нѣсколько меньше, чѣмъ у мюнхенцевъ (у рязан. 9%), у великорусскихъ дѣтей, обратно, значительно больше (46,6%). Едва ли, слѣдовательно, мы въ правѣ предположить, что такая разница въ цифрахъ представляетъ существованіе дѣйствительныхъ различій между швабскими и великорусскими дѣтьми, такъ какъ при приблизительномъ равенствѣ случаевъ сатирова бугорка у взрослыхъ мюнхенцевъ и рязанцевъ мы должны были бы предположить, что въ то время, какъ ухо мюнхенцевъ достигаетъ въ этомъ отношеніи полнаго своего развитія уже ко времени рожденія, у рязанцевъ же—только въ зрѣлыя лѣта. Но изученіе другихъ образованій наружнаго уха отнюдь не оправдываетъ предположенія о такой отсталости развитія уха великоруссовъ. Вѣрнѣе, слѣдовательно, будетъ предположить, что дѣло идетъ только объ особенностяхъ въ регистраціи этой формы. Очень возможно, что Schäffer отмѣчалъ только наиболѣе рѣзкія формы сатирова бугорка и что таковыя только формы и остаются въ болѣе или менѣе одинаковомъ числѣ какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей. При изслѣдованіи уха мужчинъ я не имѣлъ повода обратить вниманіе на эту сторону дѣла, при изслѣдованіи же женскаго уха и уха дѣтей я подчеркивалъ особенно типично выраженные случаи и таковыхъ насчиталъ у дѣтей всего въ 2-хъ случаяхъ изъ 30, т.-е. въ 6,6%, а у взрослыхъ женщинъ въ 5 случаяхъ (процентахъ), т.-е. почти столько же, сколько у дѣтей.

Уши изслѣдованныхъ мною вырождающихся душевно-больныхъ великоруссовъ отличаются, повидимому, нѣсколько бо́льшимъ распространеніемъ сатирова бугорка, который (во всѣхъ его формахъ) отмѣченъ мною двухстороннимъ у 13 человѣкъ, одностороннимъ—у 4-хъ, а всего, слѣдовательно, на 30 ушахъ, т.-е. въ 15% всѣхъ случаевъ. Разница между душевно-больными и здоровыми великоруссами немного больше, слѣдовательно, чѣмъ между этими послѣдними и калмыками. Сатировъ бугорокъ у душевно-больныхъ отмѣчалъ также *Laubi*, насчитавшій его (для швейцарскаго кантона Zürich) у 3-хъ изъ 250 идіотовъ, у 1 изъ 275 параноиковъ, у 2-хъ изъ 90 эпилептиковъ и у 2-хъ изъ 25 страдающихъ старческимъ слабоуміемъ, а всего, слѣдовательно, у 8 изъ 640 больныхъ, или въ 1,25%, - относительно здоровыхъ Laubi не даетъ точнаго указанія.

Въ общемъ данныя относительно развитія сатирова бугорка, какъ у нормальнаго, такъ и у патологическаго населенія, такъ скудны и отличаются къ тому же такой неопредѣленностью, невыясненностью формы, описываемой авторами, что какіе-либо выводы отсюда сдѣлать трудно. Мои личныя изслѣдованія, касающіяся здоровыхъ великоруссовъ, калмыковъ и душевно-больныхъ великоруссовъ говорятъ за то, что повидимому отдѣльныя расы разнятся другъ отъ друга по частотѣ ушей съ сатировымъ бугоркомъ; существуетъ, повидимому, въ этомъ отношеніи нѣкоторая разница и между нормальнымъ и душевно-больнымъ населеніемъ. Но величина различій отдѣльныхъ группъ между собой не очень велика и каково ея значеніе—сказать безъ дальнѣйшихъ наблюденій трудно.

VI.

Противозавитокъ.

Въ противозавиткѣ необходимо разсматривать отдѣльно двѣ его части, различныя по своему происхожденію, а именно: 1) стволъ съ его верхне-заднею ножкою,—обязанные своимъ происхожденіемъ ретракціи свободной ушной пластинки, и 2) нижне-заднюю ножку, развивающуюся изъ отдѣльнаго (4-го по счету His'a) Мольденгауерова бугорка. Для ствола противозавитка Schwalbe отмѣчаетъ три формы: I—вершина валика, образующаго стволовую часть противозавитка стоитъ глубже (внутри) „плоскости уха" (см. стр. 12), форма II—верхушка противозавитка, лежитъ въ этой плоскости и форма III — верхушка противозавитка, выступаетъ кнаружи отъ этой плоскости (Вильдермутово ухо авторовъ). Нижне - передняя же ножка, какъ образованіе очень постоянное, въ схемѣ Schwalbe не отмѣчается совсѣмъ, возможныя ея аномаліи относятся, слѣдовательно, въ рубрику „особыхъ случаевъ".

На ухѣ человѣческаго эмбріона въ концѣ второго мѣсяца или въ началѣ третьяго появляется небольшой поперечно-лежащій валикъ—*crista anthelicis superior*—будущая нижне-передняя ножка противозавитка. Образуясь изъ 4-го Мольденгауерова бугорка, эта часть будущаго противозавитка раздѣляетъ общую судьбу всѣхъ образованій, происшедшихъ изъ Мольденгауеровыхъ бугорковъ, т.-е. появляясь рано, она мало варіируетъ въ своей формѣ и всегда имѣется въ наличности на всякомъ ухѣ, хоть сколько-нибудь сохранившемъ свою основную форму человѣческаго уха; подобно всѣмъ другимъ образованіямъ изъ области бугорковъ crista anthelicis superior свойственна уху большинства четвероногихъ въ той же мѣрѣ какъ и уху человѣка.

Гораздо позже, а именно—въ концѣ пятаго, иногда даже въ началѣ шестого мѣсяца эмбріональной жизни появляется и стволовая часть противозавитка вмѣстѣ съ верхне-заднею его ножкою. Появленіе ея происходитъ при слѣдующихъ явленіяхъ: еще за нѣсколько недѣль до указаннаго срока вслѣдствіе ретракціи свободной ушной пластинки на ней появляется рядъ невысокихъ продольныхъ складочекъ или валиковъ (первичный противозавитокъ), при чемъ вся ушная пластинка еще сохраняетъ сильно выраженную воронкообразную форму безъ ясно-диференцированной конхи. Позднѣе по ходу одного изъ этихъ валиковъ происходитъ уже искривленіе всей ушной пластинки въ такомъ направленіи, что центральная ея часть, ближайшая къ слуховому проходу, сохраняетъ попрежнему форму воронки съ довольно крутыми стѣнками, болѣе же периферическая часть ушной пластики довольно сильно оттибается кнутри и назадъ, приближаясь вслѣдствіе этого къ подлежащей части черепа и нарушая воронкообразность всей ушной раковины in toto. Параллельно съ такимъ искривленіемъ ушной пластики исчезаетъ, обыкновенно, большинство раньше образовавшихся продольныхъ складочекъ, о которыхъ была рѣчь выше. Такое искривленіе ушной пластинки (6-й мѣсяцъ зародышевой жизни) ведетъ къ замѣтнымъ измѣненіямъ общаго вида всего эмбріональнаго уха, значительно приближая его къ формамъ зрѣлаго уха: искривленіемъ ушной пластинки диференцируется полость конхи, далеко же отстоящая отъ черепа верхне-задняя часть уха нѣсколько приближается къ нему, вслѣдствіе чего вся ушная раковина человѣка, взятая въ цѣломъ, окончательно теряетъ въ своемъ положеніи по отношенію къ черепу сходство съ далекоотстоящимъ въ своей верхней части отъ черепа (оттопыреннымъ вверху) ухомъ, какое мы видимъ у большинства четвероногихъ (Gradenigo).

Искривленіе ушной пластинки рѣдко, однако, ограничивается образованіемъ вышеуказаннаго перегиба, чаще же всего оно идетъ еще дальше, такъ что ребро, по которому совершается перегибъ, уже вздувается въ видѣ настоящаго валика, возвышающагося до уровня „плоскости уха" и даже выше ея. Многіе авторы склонны относить названіе противозавитка именно къ этому валику, такъ что тѣ случаи, когда конха диференцирована отчетливо, но ребро перегиба ушной пластинки не вздуто въ видѣ валика, они называютъ „отсутствіемъ противозавитка". Но такой терминъ не вѣренъ по существу, такъ какъ въ процессѣ развитія противозавитка самымъ характернымъ моментомъ является именно образованіе диференцирующаго конху перегиба, дальнѣйше же валикообразное вздутіе есть только выраженіе болѣе энергично идущаго процесса, большую, слѣдовательно, степень, а никакъ не начало развитія противозавитка. Терминъ „отсутствіе противозавитка" могъ бы быть сохраненъ только для тѣхъ очень рѣдкихъ случаевъ, когда конха не достаточно диференцирована въ своей задней и верхне-задней части отъ периферической части ушной раковины и все ухо въ цѣломъ сохраняетъ видъ воронки; такія формы настолько рѣдки у взрослыхъ, что Schwalbe не отводитъ для нихъ особой рубрики, считая, очевидно, практически болѣе удобнымъ заносить ихъ въ рубрику „случаевъ не уложившихся въ рамки схемы".

Binder, отмѣчая эти формы, какъ „ухо съ чрезмѣрно выраженной формой раковины" (übermuschlige Bau), нашелъ ихъ у 354 душевно-больныхъ въ двухъ слу-

чаяхъ. Тѣ же случаи, которые отмѣчаются авторами, какъ „отсутствіе противозавитка“, по схемѣ Schwalbe отмѣчаются на ряду съ случаями, гдѣ валикообразное вздутіе области перегиба хотя и существуетъ, но настолько слабо, что вершина валика не достигаетъ плоскости уха, какъ стволъ противозавитка ф. I.

Въ ряду животныхъ противозавитокъ въ развитой его формѣ является только у антропоидныхъ, при чемъ у шимпанзе эмбріональный завитокъ долгое время не доходитъ до степени искривленія всей ушной раковины, но остается на стадіи множественныхъ продольныхъ складокъ (первичныхъ противозавитковъ), иногда же и у взрослыхъ особей онъ представляетъ двойной валикъ. *Hartmann* увѣрялъ, что на ушахъ всѣхъ антропоидныхъ, а также у большинства другихъ приматовъ можно видѣть мелкія продольныя складочки, напоминающія первичный противозавитокъ человѣческаго эмбріона; но Schwalbe утверждаетъ, что такія складочки могутъ быть получены на ухѣ обезьянъ только искусственно при легкомъ оттягиваніи ушной раковины въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи. Уши большинства лемуровыхъ лишены противозавитка, конха отграничена у нихъ въ верхней части (помощью crista anthelicis superior), внизу вслѣдствіе хорошаго развитія козелка и противокозелка, (особенно же cristae anthelicis inferior—соотвѣтствующей у человѣка верхней ножкѣ противокозелка) диференцирована также incisura intertragica, какъ составная часть конхи, но ствола противозавитка не существуетъ, а потому въ заднемъ и верхне-заднемъ своемъ отдѣлѣ конха еще не диференцирована отъ остальной части ушной раковины (см. ф. VII). Уши взрослаго человѣка почти никогда не представляютъ аналогичныхъ отношеній. Какъ „аномальныя“ или дегенеративныя формы у взрослыхъ людей описывались: 1) уже упомянутое выше отсутствіе ствола противозавитка и 2) выступающій кнаружи стволъ противозавитка (Вильдермутово ухо авторовъ). Намъ уже приходилось не разъ упоминать о томъ, что многіе изъ авторовъ считаютъ особенности дегенеративнаго уха за атавистическія формы или съ принятой мной точки зрѣнія за формы, представляющія явленія частичной задержки развитія на одной изъ эмбріональныхъ стадій. Возможно ли и выступаніе противозавитка кнаружи, почитаемое такъ охотно авторами за дегенеративный признакъ, отнести къ явленіямъ недоразвитія? Съ перваго взгляда кажется, что нѣтъ: на раннихъ стадіяхъ развитія человѣческаго уха противозавитка не существуетъ, онъ появляется позднѣе, слѣдовательно, усиленное его развитіе должно имѣть характеръ явленія перезрѣлости, а не недозрѣлости, или по терминологіи другихъ авторовъ наиболѣе выраженнаго признака „человѣчности“, а никакъ не признака сходства съ животными формами. Такое разсужденіе было бы совершенно справедливо, если бы только мы имѣли основаніе говорить объ усиленномъ развитіи противозавитка; но на самомъ дѣлѣ такое явленіе едва ли имѣетъ мѣсто. Дѣло въ томъ, что степень выступанія ствола противозавитка кнаружи опредѣляется по отношенію къ Bertillon'овой плоскости уха, положеніе которой зависитъ, главнымъ образомъ, отъ положенія края завитка (такъ какъ линія плоскости Bertillon'a проводится по средней части уха чрезъ край козлика, (мало варіирующій и чрезъ сильно измѣняющій свое положеніе край завитка). Чѣмъ, поэтому, менѣе развитъ завитокъ, тѣмъ бо́льшимъ будетъ выступаніе ствола противозавитка и это явленіе мало зависитъ отъ самой высоты валика, образующаго противозавитокъ. *Binder* считаетъ за наиболѣе типичную форму Вильдермутова уха такіе случаи, когда на ряду съ выступаніемъ противозавитка кнаружи завитокъ не только не развитъ какъ слѣдуетъ, но даже нѣсколько отвернутъ въ обратномъ направленіи. Разсматривая такіе экcквизитные случаи, можно убѣдиться, что и при нихъ валикъ, образующій противозавитокъ, самъ по себѣ не представляется чрезмѣрно развитымъ, но его выступаніе рѣзко подчеркивается измѣненнымъ положеніемъ завитка. Ниже мы увидимъ, что существуетъ извѣстный (небольшой, сравнительно) процентъ случаевъ, когда выступаніе ствола противозавитка кнаружи отмѣчается при вполнѣ развитомъ (ф. III) завиткѣ; но и въ такихъ случаяхъ завитокъ можетъ быть названъ вполнѣ развитымъ лишь относительно; согласно схемѣ Schwalbe этотъ терминъ (завитокъ ф. III) обозначаетъ, что свободный край уха загнутъ уже настолько, что онъ перегибается нѣсколько надъ подлежащей не загнутой частью и обращенъ уже не кнаружи, а кнаружи и впередъ. Но такое направленіе свободнаго края завитка можетъ быть выражено то сильнѣе, то слабѣе, да и самъ завитокъ при этомъ можетъ быть шире или уже, толще или тоньше. Всматриваясь внимательно въ случаи, гдѣ форма III противозавитка отмѣчается при завиткѣ также въ формѣ III, легко можно убѣдиться въ томъ, что и здѣсь выступаніе противозавитка кнаружи зависитъ главнымъ образомъ отъ относительнаго недоразвитія завитка. Взаимоотношеніе этихъ частей представляется мнѣ слѣдующимъ образомъ: искривленіе ушного хряща, ведущее къ образованію противозавитка, выражено, вообще говоря, гораздо рѣзче, чѣмъ загибаніе свободнаго края уха въ завитокъ, такъ что только достигшее полнаго своего развитія загибаніе завитка уничтожаетъ выступаніе ствола противозавитка кнаружи; и дѣйствительно, у эмбріоновъ даже и въ позднѣйшихъ стадіяхъ, равно какъ у многихъ взрослыхъ людей, остается извѣстная часть случаевъ, когда завитокъ недоразвивается до того, чтобы прикрыть собою вершину противозавитка: отсюда очевидно, что выступаніе послѣдней кнаружи можетъ быть отнесено къ явленіямъ, свидѣтельствующимъ о недоразвитіи ушной раковины. Если противозавитокъ ф. III не часто

встрѣчается у антропоидныхъ (хотя иногда все-таки встрѣчается), то это главнымъ образомъ потому, что у нихъ слабо развитъ и самый стволъ противозавитка, имѣющій чаще видъ простого изгиба ушной пластинки, отграничивающаго въ видѣ ребра края конхи изъ остальной части уха и только изрѣдка принимающій видъ настоящаго валикообразнаго вздутія. Такимъ образомъ въ случаяхъ выступанія ствола противозавитка кнаружи мы въ правѣ видѣть явленіе, характеризующее не полное развитіе ушной раковины, а не явленіе переразвитія одной изъ его частей (противозавитка).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію имѣющихся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣній о формахъ противозавитка у различныхъ человѣческихъ группъ.

A) Стволъ противозавитка.

а) У мужчинъ.

У изслѣдованныхъ мною рязанцевъ различныя степени развитія противозавитка располагались слѣдующимъ (табл. № 109-й) образомъ:

ТАБЛИЦА № 109-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ ствола противозавитка у 325 рязанцевъ.

Форма	I	74 уха	или 11,3%	всѣхъ	наблюден.
„	II	380 ушей	„ 58,5%	„	„
„	III	196 „	„ 30,1%	„	„

Сравнительный матеріалъ, относящійся къ другимъ человѣческимъ группамъ (здоровыхъ) очень скуденъ, къ тому же и не полонъ, такъ какъ вопросомъ о формѣ противозавитка занимались по преимуществу авторы, изучавшіе дегенеративное или „преступное“ ухо, а потому и у здороваго населенія, изслѣдуемаго лишь для сравненія съ патологическимъ, отмѣчались только тѣ формы, которыя казались авторамъ аномальными. Сюда относится прежде всего выступающій изъ плоскости уха стволъ противозавитка (форма III)—форма, на наличность которой у душевно-больныхъ (идіотовъ) обратилъ особое вниманіе *Wildermuth* [101]), почему эта форма по почину *Binder'a* и называется Вильдермутовымъ ухомъ. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что ни одинъ авторъ не указываетъ границъ, отъ которыхъ онъ считаетъ стволъ anthelicis за выдающійся кнаружи; очень можетъ быть, слѣдовательно, что многіе случаи, гдѣ выступаніе за плоскость уха Bertillon'а не велико, не отмѣчалось авторами какъ Вильдермутово ухо. Этимъ обстоятельствомъ прежде всего, объясняется, вѣроятно, и тотъ фактъ, что найденная мной для рязанцевъ цифра отличается значительной противъ цифръ другихъ авторовъ величиною. На сколько играютъ здѣсь роль расовыя различія—вопросъ открытый.

Въ таблицѣ № 110-й приведены соотвѣтствующія данныя, какія мнѣ удалось отыскать въ литературѣ.

ТАБЛИЦА № 110-й.

Степень распространенія выдающагося кнаружи ствола противозавитка (Вильдермутова уха авторовъ) у различныхъ народовъ.

1) Романскія расы.	Французы (Lannois)	20,0%
	„ (Féré et Seglas) .	7,0%
	Итальянцы (Gradenigo) . .	7,2%
2) Германскія расы.	Швабы (Schäffer)	1,4%
	жители Цюриха (Eule) . .	0,4%
	солдаты Гамбургскаго округа (Karutz)	16,6%
3) Урало-алтайская раса	Мадьяры (Vali) . . .	5,6%
4) Монгольская раса.	Калмыки (Воробьевъ) . .	25,0
5) Славянская раса.	Великоруссы (Воробьевъ) .	30,1%

Для романской расы цифра Gradenigo для итальянцевъ и цифра Féré et Seglas для французовъ тождественны; одиноко стоитъ цифра Lannois (20%) тѣмъ болѣе странная, что самъ Lannois отмѣчаетъ, что при регистраціи отдѣльныхъ формъ онъ слѣдовалъ во всемъ Gradenigo.

Для германской расы цифры Schäffer'a и Eule—очень малы, цифра же Karutz'a значительна. Если данныя Eule и не заслуживаютъ, какъ это отмѣчалось уже нѣсколько разъ выше, особаго вниманія, является все-таки очень страннымъ рѣзкая разница въ данныхъ Schaffer'a и Karutz'a, если не предположить, конечно, что Schäffer отмѣчалъ только наиболѣе рѣзкіе случаи выступанія противозавитка кнаружи, тогда какъ Karutz, дѣлавшій свои наблюденія уже по выходѣ въ свѣтъ схемы Schwalbe, могъ руководиться для опредѣленія выступанія противозавитка отношеніемъ его къ предложенной Bertillon'омъ плоскости уха. Для мадьяровъ Vali получилъ сравнительно небольшую цифру. На основаніи моихъ данныхъ у великоруссовъ и у калмыковъ выступающій кнаружи противозавитокъ встрѣчается очень часто, при чемъ между обоими послѣдними народами нѣтъ въ этомъ отношеніи очень уже замѣтной разницы.

Стволъ anthelicis ф. I отмѣченъ у рязанцевъ въ 11,3%, аналогичныхъ данныхъ для другихъ группъ нѣтъ, такъ какъ отмѣченные *Schäffer*'омъ „плоскій противозавитокъ“ въ 0,8%, *Karutz*'омъ (для германцевъ же) „противозавитокъ отсутствуетъ“ въ 1,4%,—составляютъ лишь часть случаевъ, входящихъ въ категорію формы I по Schwalbe.

Въ таблицѣ № 111-й представлено распредѣленіе отдѣльныхъ формъ ствола противозавитка у великоруссовъ и у приволжскихъ калмыковъ, какъ у единственныхъ народовъ, для которыхъ имѣются болѣе полныя на этотъ счетъ данныя, собранныя къ тому же однимъ лицомъ (мною).

ТАБЛИЦА № 111-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ ствола противозавитка у великоруссовъ и у приволжскихъ калмыковъ.

	Рязанцы.	Калмыки.
Стволъ противозавитка ф. I	11,3%	5,3%
„ „ „ II	58,5%	69,6%
„ „ „ III	30,1%	25,0%

Изъ таблицы видно, что между великоруссами и калмыками существуетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторая разница, а именно у калмыковъ ф. II представлена значительно бо́льшимъ числомъ наблюденій, чѣмъ у великоруссовъ, зато формы I и III у нихъ въ общемъ замѣтно рѣже. Принявъ во вниманіе то обстоятельство, что какъ форма I, такъ и форма III считаются многими авторами за дегенеративныя формы, пришлось бы заключить, что ухо великоруссовъ дегенеративнѣе уха калмыковъ; при изслѣдованіи завитка мы упоминали уже о томъ, что по отношенію къ этой формѣ европейцы оказываются, повидимому, дегенеративнѣе негровъ. Вотъ необыкновенно удобная почва для заключеній о „вырождающемъ“ вліяніи культуры!

Разсмотримъ теперь распредѣленіе у рязанцевъ различныхъ формъ ствола противозавитка по возрастнымъ группамъ, по группамъ роста и по типу окраски волосъ и глазъ. Въ таблицѣ № 112 представлено распредѣленіе отдѣльныхъ формъ ствола противозавитка у взрослыхъ рязанцевъ по возрастнымъ группамъ; въ слѣдующей таблицѣ (№ 113) произведена группировка по бо́льшимъ возрастнымъ группамъ и полученныя цифры выражены не въ абсолютныхъ величинахъ, а въ процентныхъ отношеніяхъ.

ТАБЛИЦА № 112-й.

Распредѣленіе отдѣльныхъ формъ ствола anthelicis у взрослыхъ рязанцевъ по возрастнымъ группамъ.

Форма.	19—20 лѣтъ.	21—23 лѣтъ.	24—25 лѣтъ.	26—30 лѣтъ.	31—35 лѣтъ.	36—40 лѣтъ.	41—45 лѣтъ.	46 л. и выше.
I	7	12	12	23	6	2	6	6
II	45	49	34	100	60	40	20	32
III	20	35	16	51	30	22	12	10

ТАБЛИЦА № 113-й.

То же, что и предыдущая, но въ бо́льшихъ возрастныхъ группахъ и въ процентныхъ отношеніяхъ, а не въ абсолютныхъ числахъ.

Формы.	19—25 лѣтъ.	26—40 лѣтъ.	41 г. и выше.
I	13,5	9,3	13,9
II	55,4	59,8	60,5
III	30,9	30,8	25,5

Очевидно, что число формы II съ возрастомъ постепенно увеличивается за счетъ убыванія формы III. Вспомнимъ, однако, что раньше мы видѣли, что степень загибанія завитка съ возрастомъ увеличивается, а разъ завитокъ загибается совершеннѣе, его край мѣняетъ свое положеніе и начинаетъ прикрывать собою стволъ противозавитка, до того выступавшій кнаружи. Отсюда невольно возникаетъ предположеніе, не является ли возрастная прибыль формъ противозавитка, находящагося въ плоскости уха, и убыль формъ, выступающихъ за эту плоскость, только результатомъ болѣе совершеннаго въ позднѣйшихъ возрастахъ развитія завитка и прикрытія имъ вершины противозавитка, выступавшей кнаружи въ болѣе раннемъ возрастѣ? Для рѣшенія этого вопроса я выдѣлилъ такія формы ушей, гдѣ завитокъ достигъ уже своего полнаго развитія и на этихъ-то формахъ отдѣльно прослѣдилъ распредѣленіе различныхъ формъ противозавитка по возрастамъ. Такое распредѣленіе, представленное въ таблицѣ № 114 даетъ рѣзкія колебанія цифръ въ зависимости отъ недостатка числа наблюденій, приходящихся на каждую отдѣльную группу.

ТАБЛИЦА № 114-й.

Распредѣленіе различныхъ степеней развитія противозавитка по возрастнымъ группамъ для ушей съ хорошо развитымъ завиткомъ.

Формы противозавитка.	До 25 лѣтъ. Абс. ч.	%	Отъ 26 до 40 л. Абс. ч.	%	Отъ 41 г. и выше. Абс. ч.	%
I	16	22,5	16	15,5	10	45,5
II	43	60,5	47	45,6	4	18,1
III	12	17,0	40	38,9	8	36,2

Тѣмъ не менѣе невольно обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что форма III противозавитка представлена всего 60 изъ 196 ушей съ хорошо развитымъ завиткомъ, т.-е. 17,7% всѣхъ случаевъ, тогда какъ для всѣхъ 650 изслѣдованныхъ ушей, какъ это мы видѣли изъ таблицы № 109, число случаевъ противозавитка въ формѣ III (т.-е. выступающаго кнаружи) составляетъ 30,1%. Значительное, почти вдвое, паденіе процента случаевъ формы III въ томъ случаѣ, если мы изслѣдуемъ только уши съ хорошо развитымъ завиткомъ, ясно подтверждаетъ мысль, что въ большинствѣ случаевъ выступаніе противозавитка кнаружи является только относительнымъ, происходящимъ вслѣдствіе того, что завитокъ не достигъ своего полнаго развитія. Тѣ 60 ушей, для которыхъ противозавитокъ ф. III отмѣченъ при завиткѣ также ф. III, составляя по отношенію ко всей изслѣдованной массѣ ушей всего 9,1%, не являются, въ этомъ случаѣ, какъ я уже упоминалъ выше, исключеніемъ, но при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи не трудно убѣдиться въ томъ, что и у нихъ за-

витокъ хотя и отмѣчается уже какъ форма III, но не достигъ еще той полноты развитія, какая наблюдается въ другихъ случаяхъ.

Сравнивая теперь данныя таблицы № 114-й съ данными таблицы № 113-й, можно видѣть, что отмѣченное въ таблицѣ № 113-й убываніе съ увеличеніемъ возраста случаевъ противозавитка въ формѣ III, въ таблицѣ № 114-й не замѣчается, можно даже отмѣтить обратное явленіе, т.-е. возрастное наростаніе такихъ формъ. Отсюда мы въ правѣ заключить, что самъ по себѣ, безотносительно къ завитку, противозавитокъ къ старости скорѣе увеличивается (мы не можемъ утверждать этого въ положительной формѣ только благодаря недостаточно большому числу данныхъ, легшихъ въ основу таблицы № 114). Такое увеличеніе высоты ствола противозавитка легко объяснимо и теоретически—механизмъ его совершенно тотъ же, что и для старческаго усиленія загибанія завитка, съ которымъ противозавитокъ имѣетъ тѣсную связь, выражающуюся въ общности момента (ретракція редуцирующагося уха), вызвавшаго появленіе обоихъ этихъ образованій.

Распредѣленіе различныхъ формъ противозавитка у дѣтей, прослѣженное мною на 50 мальчикахъ въ возрастѣ отъ 3-хъ мѣсяцевъ и до 10 лѣтъ, представлено на таблицѣ № 115-й.

ТАБЛИЦА № 115-й.

Возрастныя измѣненія въ формахъ ствола противозавитка у мальчиковъ.

Формы противозавитка.	Отъ 3 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ. Абс. ч.	%	Отъ 3 лѣтъ до 10 лѣтъ. Абс. ч.	%
I	8	13,3	4	10,0
II	38	63,3	28	70,0
III	14	23,3	8	20,0

Сравнивая съ распредѣленіемъ формъ противозавитка у взрослыхъ (см. табл. № 113-й), можно видѣть, что ф. I встрѣчается у взрослыхъ и у дѣтей приблизительно одинаково часто, форма II—чаще у дѣтей, форма же III—обратно, у дѣтей встрѣчается замѣтно рѣже, чѣмъ у взрослыхъ (у дѣтей въ 23,3% и въ 20,0%, а у взрослыхъ въ 25,5%—30,9%), т.-е. другими словами противозавитокъ, аналогично завитку съ момента рожденія, продолжаетъ увеличиваться, дѣлаться болѣе рѣзко выраженнымъ и не только до зрѣлыхъ лѣтъ, но, какъ это можно было заключить изъ таблицы № 114-й, можетъ быть, и вплоть до старости, при чемъ у дѣтей увеличеніе валика противозавитка идетъ сильнѣе, чѣмъ загибаніе завитка, откуда и увеличеніе у дѣтей съ возрастомъ числа случаевъ ф. III.

Распредѣленіе различныхъ формъ ствола противозавитка по группамъ роста представлено на табл. № 116.

ТАБЛИЦА № 116-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ ствола противозавитка у рязанцевъ по группамъ роста (въ абсолютн. числахъ).

Формы противозавитка.	Низкій ростъ.	Ниже средняго.	Выше средняго.	Высокій ростъ.
I	12	24	24	14
II	84	104	122	70
III	36	58	62	40

Раздѣляя всего на двѣ группы—низкаго (до 165 с.) и высокаго (выше 165 с.) роста, получимъ слѣдующія данныя:

	Низкій ростъ	Высокій ростъ
Ф. I . .	36 набл. или 11,3%.	38 набл. или 11,4%.
„ II . .	188 „ „ 59,1%.	122 „ „ 57,9%.
„ III . .	94 „ „ 29,5%.	102 „ „ 30,7%.

т.-е. нельзя отмѣтить между обѣими группами роста существованія хоть сколько-нибудь замѣтной разницы. Распредѣленіе отдѣльныхъ формъ противозавитка у субъектовъ свѣтлаго и темнаго типа представлено на таблицѣ № 117.

ТАБЛИЦА № 117-й.

Распредѣленіе отдѣльныхъ формъ противозавитка у субъектовъ свѣтлаго и темнаго типа.

Формы противозавитка.	Свѣтлый типъ. Абс. число.	%	Темный типъ. Абс. число.	%
I	24	16,6	12	9,5
II	80	55,5	70	55,5
III	40	27,7	44	34,9

У представителей темнаго типа замѣчается нѣкоторое уменьшеніе ф. I и увеличеніе ф. III, т.-е. у нихъ процессъ редукціи уха зашелъ какъ будто бы немного дальше, чѣмъ у представителей свѣтлаго типа. То же, хотя и въ болѣе слабой степени, было замѣчено и при разсмотрѣніи Дарвинова бугорка и завитка, но тамъ можно было думать, что причины различій по типамъ цвѣтности сводятся къ различію въ ростѣ этихъ двухъ группъ. По отношенію же къ противозавитку вліяніе роста на измѣненіе его формъ не было доказано; возможно, слѣдовательно, предположеніе, что бóльшая редукція уха составляетъ специфическую особенность представителей темнаго типа, независимую отъ одной только большей ихъ высокорослости, но такъ ли это, или нѣтъ—за малымъ числомъ наблюденій, сказать съ увѣренностью невозможно.

b) Стволъ противозавитка у женщинъ.

Распредѣленіе различныхъ формъ противозавитка у женщинъ, представленное въ таблицѣ № 118-й показываетъ, что женское ухо сформировано нѣсколько изящнѣе мужского въ томъ смыслѣ, что какъ слабо развитыя формы противозавитка (ф. I—у женщ. всего 2%, у мужч.—11,3%), такъ и выступающій кнаружи противозавитокъ (ф. III—у женщ. 26%, у мужч. 30,1%) у женщинъ встрѣчается рѣже, чѣмъ у мужчинъ. Припоминая, что какъ ф. I, такъ и ф. III считаются многими авторами за признаки дегенеративнаго уха, мы должны будемъ сказать, что женское ухо въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, совершеннѣе мужского уха.

ТАБЛИЦА № 118-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ ствола противозавитка у женщинъ.

	Абс. число.	%
Форма I	4	2
„ II	144	72
„ III	52	26

c) Стволъ противозавитка у душевно-больныхъ и преступниковъ.

Выступающій кнаружи противозавитокъ игралъ у нѣкоторыхъ авторовъ выдающуюся роль въ качествѣ особо-важнаго признака дегенераціи. Эта форма, отмѣченная (въ 20% всѣхъ случаевъ) впервые у идіотовъ и эпилептиковъ *Wildermuth*'омъ, получаетъ отъ *Binder*'а названіе „Вильдермутова уха“ (у душевно-больныхъ Binder насчитываетъ ее въ 18%); *Giufrida Ruggieri* отмѣчаетъ ее у 13,3% душевно-больныхъ, *Stura e Arese* у преступниковъ (всего 19 наблюденій)—въ 10,6%.

Изъ авторовъ, давшихъ сравнительныя статистики, можно указать на *Gradenigo, Eule, Vali, Féré et Seglas*, пришедшихъ, однако, къ довольно разнорѣчивымъ результатамъ. За значеніе Вильдермутова уха въ смыслѣ признака дегенераціи (или преступности) говорятъ цифры Gradenigo, нашедшаго эту форму у нормальнаго населенія въ 7,2%, у душевно-больныхъ въ 18%, у преступниковъ также въ 18%. Нѣсколько меньшее значеніе придаетъ этой формѣ *Vali*, отмѣтившій ее, правда, у мужчинъ—нормальныхъ—въ 5,6%, душевно-больныхъ—въ 8,12%, а у преступниковъ—въ 18%; но между нормальными и душевно-больными женщинами *Vali* не могъ отмѣтить въ этомъ отношеніи никакой разницы.

Наконецъ, *Eule* нашелъ между нормальнымъ населеніемъ и преступниками чудовищную разницу, отнимающую всякую охоту вѣрить приводимымъ авторомъ цифрамъ, а именно: для нормальнаго населенія Eule даетъ 0,4% случаевъ Вильдермутова уха, а для преступниковъ—66,6%!! Существуетъ, однако, и статистика противоположнаго характера, такъ *Féré et Seglas* (не избѣгнувшіе, впрочемъ, какъ и большинство другихъ авторовъ, методологическихъ ошибокъ) пришли къ отрицательному взгляду на Вильдермутово ухо, какъ на признакъ дегенераціи или преступности, найдя эту форму для нормальнаго населенія въ 7,0 всѣхъ случаевъ, для душевно-больныхъ въ 7,5%, а для преступниковъ всего въ 6,2%.

Мои личныя изслѣдованія ушей 100 вырождающихся душевно-больныхъ, результаты которыхъ представлены на таблицѣ № 119, не говорятъ въ пользу болѣе частаго распространенія среди душевно-больныхъ выступающаго кнаружи противозавитка.

ТАБЛИЦА № 119-й.

Сравненіе распространенія отдѣльныхъ формъ противозавитка у 325 здоровыхъ рязанцевъ и у 100 вырождающихся душевно-больныхъ великоруссовъ.

Формы противозавитка.	325 здоровыхъ рязанцевъ. %	100 душевно-больн. Абс. ч.	100 душевно-больн. въ %.
I	11,3	20	10,0
II	58,5	134	67,0
III	30,1	46	23,0

Изъ таблицы видно, что у душевно-больныхъ какъ форма I (не много), такъ и форма III (болѣе замѣтно) меньше распространены, чѣмъ среди здороваго населенія; большее чѣмъ у нормальныхъ субъектовъ распространеніе среди душевно-больныхъ дала какъ разъ форма II, признаваемая всѣми авторами единогласно за „нормальную“ форму. Вычисляя же распространеніе противозавитка въ формѣ III только для ушей съ хорошо развитымъ завиткомъ, я получилъ ее у душевно-больныхъ на 14 ушахъ, т.-е. въ 7% всѣхъ ушей, у здоровыхъ же рязанцевъ мною былъ полученъ лишь немногимъ большій процентъ такихъ случаевъ (9,1%).

B) Верхне-задняя ножка противозавитка.

Степень развитія верхне-задней ножки противозавитка отмѣчается, по Schwalbe, въ терминахъ достаточно не опредѣленныхъ (за исключеніемъ, впрочемъ совершенно точной первой ея формы), а именно:

Форма I ножка отсутствуетъ.
„ II „ замѣтна.
„ III „ средней степени развитіе.
„ IV „ сильно развита.

Распредѣленіе этихъ формъ у изслѣдованныхъ мною рязанцевъ представлено на таблицѣ № 120, изъ которой можно видѣть, что въ общемъ верхне-задняя ножка

противозавитка развита у рязанцевъ порядочно, такъ какъ наибольшимъ распространеніемъ отличается форма IV, т.-е. сильно развитая ножка, при чемъ чѣмъ болѣе развита форма, тѣмъ чаще она встрѣчается.

ТАБЛИЦА № 120-й.

Распространеніе различныхъ формъ верхне-задней ножки противозавитка у рязанцевъ.

Форма	I	8 ушей	или	1,23%	всѣхъ	наблюден.
„	II	124 уха	„	19,08%	„	„
„	III	230 ушей	„	35,38%	„	„
„	IV	288 „	„	44,31%	„	„

Наибольшее значеніе имѣетъ, впрочемъ, только наиболѣе опредѣленная форма I, т.-е. полное отсутствіе этой ножки, въ опредѣленіи же другихъ формъ играетъ слишкомъ большую роль субъективизмъ изслѣдователя и цифры, полученныя однимъ авторомъ, не могутъ въ сущности идти въ сравненіи съ цифрами другихъ авторовъ; впрочемъ за исключеніемъ ф. I у насъ другихъ сравнительныхъ данныхъ и не существуетъ. Форма I (отсутствіе ножки) отмѣчена для нормальныхъ французовъ у *Lannois* въ 1,6% всѣхъ случаевъ, т.-е въ томъ же приблизительно числѣ, что и у моихъ рязанцевъ. *Gradenigo* отмѣчаетъ „плохое развитіе ножки" у нормальныхъ итальянцевъ въ 3,0%, у душевно-больныхъ— въ 5,0% и у преступниковъ—въ 6,7%. Gradenigo не употребляетъ, однако, здѣсь термина „отсутствіе" ножки; если его терминъ „плохое развитіе" понимать приблизительно въ томъ же смыслѣ, что и формы I и II Schwalbe вмѣстѣ взятыя, тогда у итальянцевъ не только нормальныхъ, но и патологическихъ, верхне-задняя ножка противозавитка оказывается лучше развитою (меньше недоразвитыхъ формъ), чѣмъ у великоруссовъ, но, повторяемъ, самые термины „слабое развитіе" или „только замѣтна"—настолько неопредѣленны, что какого-либо опредѣленнаго вывода дѣлать изъ нихъ нельзя. Изъ 44,31% сильнаго развитія ножки (у рязанцевъ) можно отдѣлить нѣкоторую часть особыхъ формъ, когда рѣзкое развитіе верхней ножки комбинируется съ выступающимъ кнаружи стволомъ завитка. Въ этихъ случаяхъ, особенно, если еще и завитокъ слабо развитъ, получается дѣйствительно морфологически очень характерная форма, которую Binder опредѣляетъ такими словами: весь внутренній рельефъ уха выступаетъ кнаружи.

Только что описанная форма отмѣчена у моихъ рязанцевъ на 100 ушахъ (у 50 субъектовъ), т.-е. въ 15,4%. Если же отмѣчать такую форму только у субъектовъ съ хорошо развитымъ завиткомъ, тогда цифра понижается до 30 случаевъ, т.-е. 4,6% всѣхъ ушей.

Въ таблицѣ № 121 представлено распредѣленіе различныхъ формъ верхней ножки противозавитка у 100 вырождающихся душевно-больныхъ великоруссовъ; въ послѣднемъ столбцѣ таблицы приведены для удобства сравненія аналогичныя цифры, найденныя у нормальныхъ рязанцевъ.

ТАБЛИЦА № 121-й.

Сравнительное распредѣленіе различныхъ формъ верхне-задней ножки противозавитка у душевно-больныхъ и здоровыхъ великоруссовъ.

	Душевно-больн. Абс. ч.	Душевно-больн. въ %.	Здоров. въ %.
Верхн. ножка противозавитка ф. I	17	8,5	1,23
„ „ „ „ II	79	39,5	19,08
„ „ „ „ III	44	22,0	35,38
„ „ „ „ IV	60	30,0	44,31

Изъ таблицы видно, что между здоровыми и душевно-больными великоруссами существуетъ въ этомъ отношеніи довольно рѣзкая разница: въ то время, какъ у здоровыхъ преобладаютъ сильно развитыя формы (III и IV), у душевно-больныхъ—формы слаборазвитыя (I и II). Равнымъ образомъ и случаи полнаго отсутствія верхне-задней ножки противозавитка, отмѣченныя у здоровыхъ только въ 1,23%, у душевно-больныхъ представлены 8,5%. Отмѣченная въ этомъ послѣднемъ случаѣ разница тѣмъ важнѣе, что сама по себѣ отмѣтка „отсутствіе ножки"—мало оставляетъ мѣста произволу и субъективизму наблюдателя. Выше (см. табл. № 119) мы видѣли, что случаи недоразвитія самаго ствола противозавитка у здоровыхъ и душевно-больныхъ встрѣчаются одинаково часто (11,3% у здоровыхъ и 10,0% у душевно-больныхъ). Слѣдовательно, у душевно-больныхъ сравнительно часты такіе случаи, когда стволъ противозавитка развитъ болѣе или менѣе порядочно, верхне-задняя ножка или плохо развита, или даже совсѣмъ отсутствуетъ. Не останавливаясь болѣе на этой особенности душевно-больныхъ, отмѣтимъ пока только то обстоятельство, что, во-1-хъ, разница въ этомъ отношеніи между здоровыми и душевно-больными великоруссами выражена достаточно рѣзко, и во-2-хъ, что стволъ противозавитка и его верхне-передняя ножка представляютъ и съ морфологической и съ генетической точки зрѣнія одно цѣлое, а такіе случаи, гдѣ одна часть одного и того же образованія представляется хорошо развитою, а другая—отсутствующею или неразвитою, представляютъ собою настоящія *атипіи* скорѣе съ характеромъ нарушенія развитія (Entwickelungstorungen нѣмецкихъ авторовъ), чѣмъ съ характеромъ простой задержки развитія (Entwickelunghemmungen), т.-е. приближаются къ уродствамъ въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Впрочемъ, объ отношеніяхъ между задержками развитія болѣе типическаго характера и объ атипіяхъ и

ихъ значеніи намъ еще придется говорить подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

C) Crus anthelicis tertius и другія прибавочныя ножки противозавитка.

Изъ различныхъ прибавочныхъ ножекъ противозавитка, такъ называемая третья ножка противозавитка, идущая отъ мѣста раздѣленія ствола противозавитка къ области Дарвинова бугорка, достаточно типична по своему положенію, почему *Schwalbe* и предлагаетъ въ своей схемѣ отличать только отсутствіе (0) или наличность (1) ея. Для другихъ же менѣе типичныхъ по занимаемому ими мѣсту (и еще болѣе рѣдкихъ) ножекъ Schwalbe требуетъ всякій разъ особаго ихъ описанія.

Всѣ прибавочныя ножки противозавитка представляютъ образованія настолько рѣдкія, что при сравнительно небольшихъ группахъ изслѣдованныхъ субъектовъ они могутъ попадаться лишь болѣе или менѣе случайно. Такъ *Karutz*, изслѣдовавшій уши 473 нѣмцевъ, отмѣтилъ у нихъ crus anthelicis tertius въ 0,4%, т.-е. всего у двухъ субъектовъ (у дѣтей въ спеціальныхъ заведеніяхъ для идіотовъ Karutz отмѣтилъ эту форму въ 1,1%). При изслѣдованіи 125 нормальныхъ французовъ *Lannois* нашелъ crus anthelicis tertius въ 1,2% всѣхъ случаевъ, т.-е. у одного субъекта на обоихъ ушахъ и у одного— на одномъ только ухѣ. *Binder*, описавшій эту форму подъ именемъ уха Stahl'я II-е нашелъ ее 3 раза у 186 душевно-больныхъ мужчинъ и 1 разъ у 168 душевно-больныхъ женщинъ. *Vali* насчиталъ ее у идіотовъ въ 1,4%. Очевидно, что сравнительныя цифры для душевно больныхъ или преступниковъ и для здоровыхъ при такомъ слабомъ распространеніи этой формы могли бы имѣть значеніе только тогда, когда изслѣдованія производились бы на десяткахъ тысячъ субъектовъ. Мнѣ лично посчастливилось въ этомъ отношеніи еще менѣе, чѣмъ другимъ изслѣдователямъ. Правда, мнѣ приходилось видѣть добавочныя ножки противозавитка неоднократно въ театрахъ или другихъ мѣстахъ общественныхъ собраній, встрѣчалъ я ихъ отъ времени до времени и среди душевно-больныхъ, прошедшихъ чрезъ мои руки; но ни у 325 спеціально изслѣдованныхъ здоровыхъ рязанцевъ, ни у 100 вырождающихся душевно-больныхъ раздѣленіе противозавитка болѣе чѣмъ на двѣ ножки мнѣ не пришлось отмѣтить ни разу и одинъ только разъ (на обоихъ ушахъ) мнѣ удалось отмѣтить эту форму среди ста нормальныхъ женщинъ великоруссокъ.

Кромѣ вышеописанныхъ формъ описывались авторами у душевно-больныхъ еще и нѣкоторыя другія особенности противозавитка, но описанія невсегда ясны, носятъ въ большинствѣ случаевъ спорадическій характеръ, недостаетъ сравнительныхъ данныхъ со здоровыми и т. д. *Binder* отмѣчаетъ, между прочимъ, подъ именемъ „Вильдермутова уха ацтековъ" форму, описанную впервые Wildermuth'омъ. Особенность ея сводится къ нѣкоторому измѣненію во взаимномъ положеніи обѣихъ ножекъ противозавитка, изъ которыхъ нижне-передняя оказывается расположенной болѣе глубоко. Вслѣдствіе этого получается впечатлѣніе, что верхній край конхи очерченъ не нижней ножкой, какъ это имѣетъ мѣсто обыкновенно, а верхней (задней), нижняя же ножка какъ бы расположена на верхней боковой стѣнкѣ самой полости конхи. Binder насчиталъ такую форму у 27 изъ 186 душевно-больныхъ мужчинъ и у 27 же изъ 168 душевно-больныхъ женщинъ. Надо замѣтить, что Binder утверждаетъ, что онъ описываетъ только такія „аномаліи" уха, которыя у здоровыхъ субъектовъ или не встрѣчаются совсѣмъ или встрѣчаются лишь очень рѣдко. Слѣдовательно, встрѣчающееся столь часто у душевно-больныхъ Вильдермутово ухо ацтековъ представляетъ, по Binder'у, одну изъ характерныхъ формъ уха душевно-больныхъ. Нельзя, впрочемъ, никакимъ образомъ вѣрить заявленію Binder'а о крайней рѣдкости всѣхъ описываемыхъ имъ формъ уха у нормальнаго населенія, наблюдаемаго или въ вагонахъ, залахъ публичныхъ собраній и т. д., такъ какъ многія изъ его формъ, какъ, напримѣръ, ухо съ Дарвиновымъ бугоркомъ, съ недоразвитымъ завиткомъ, оттопыренное ухо и т. д. другими авторами отмѣчалось у нормальнаго германскаго населенія какъ разъ даже тѣхъ областей, гдѣ велъ свои изслѣдованія Binder (верхній Эльзасъ) въ десяткахъ процентовъ. То же, повидимому, относится и къ Вильдермутову уху ацтековъ. *Schwalbe*, отъ вниманія котораго едва ли ускользнула бы такая форма уха, не говоритъ о ней ничего и не вводитъ ее въ свою схему. Это не значитъ, конечно, что такая форма не встрѣчается совсѣмъ у нормальнаго населенія; вѣрнѣе будетъ заключить, что Schwalbe просто не придаетъ ей никакого значенія, въ чемъ на мой личный взглядъ Schwalbe совершенно правъ: еще приготовляясь къ моимъ спеціальнымъ изысканіямъ, я зналъ о существованіи этой формы изъ работы Binder'а, не ускользнуло отъ меня и то обстоятельство, что въ схемѣ у Schwalbe эта форма опущена совершенно; послѣднее обстоятельство заставило меня обратить на нее особое вниманіе именно въ виду того, что Binder отмѣчалъ эту форму у душевно-больныхъ очень часто. Въ результатѣ моихъ предварительныхъ наблюденій оказалось слѣдующее: обѣ ножки противозавитка расположены такъ, что одна изъ нихъ лежитъ выше другой; но такъ какъ наружное ухо представляетъ изъ себя, какъ извѣстно, не плоскую, а нѣсколько воронкообразную форму, очевидно, что обѣ ножки никоимъ образомъ не могутъ лежать въ одной плоскоски, а всегда нижняя ножка расположена относительно верхней нѣсколько глубже. Болѣе или менѣе глубокое положеніе нижней ножки по отношенію къ верхней обусловливается очевидно: во-1-хъ, бо́льшимъ или меньшимъ расхожденіемъ ножекъ, а именно—чѣмъ больше ихъ расхожденіе, т.-е. чѣмъ шире лежащая

между ними fossa ovalis (см. 18 фиг. I), тѣмъ глубже будетъ лежать нижняя ножка; во-2-хъ, степенью воронкообразности всей ушной раковины: чѣмъ воронкообразнѣе ухо, тѣмъ больше, очевидно, будетъ разница въ глубинѣ положенія обѣихъ ножекъ; обратно—чѣмъ площе вся фигура уха, тѣмъ меньше, слѣдовательно, разница въ положеніи обѣихъ ножекъ. Но какъ степень расхожденія обѣихъ ножекъ, такъ (въ особенности) степень воронкообразности уха подлежатъ большимъ варіаціямъ; очевидно, слѣдовательно, что и взаимное положеніе обѣихъ ножекъ подлежитъ также большимъ колебаніямъ. Съ какого момента назвать положеніе нижней ножки глубокимъ—дѣло очень условное. Будучи строго послѣдовательнымъ, можно насчитать его въ 100%, относясь же болѣе сдержанно — въ 0, 1, 3, 10 и т. д. процентахъ. Но кто же можетъ поручиться въ томъ, что авторъ, ищущій, во что бы то ни стало, различій между ухомъ нормальныхъ и патологическихъ субъектовъ, не будетъ сдержаннымъ въ первомъ и достаточно щедрымъ во второмъ случаѣ и vice verso. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, изслѣдователи, равно, какъ и ихъ читатели и почитатели, забываютъ, что гдѣ допустимъ субъективизмъ, тамъ *не изъ цифръ складывается мнѣніе, а изъ заранѣе составившагося мнѣнія опредѣляется и характеръ самыхъ цифръ.*

VII.

Козелокъ.

Козелокъ, какъ образованіе, происходящее изъ области бугорковъ (изъ перваго бугорка по счету His'a), отличается большимъ постоянствомъ, будучи ясно замѣтнымъ на всѣхъ, хоть сколько-нибудь сохранившихъ свою основную форму ушахъ. Всѣ различія сводятся лишь къ степени его развитія. *Frigerio* отмѣчаетъ двѣ главныя варіаціи въ строеніи козелка, а именно: 1) козелокъ, имѣющій форму конусообразную, и 2) козелокъ четырехугольной формы. При этомъ Frigerio отмѣчаетъ, что первая форма является обычной у эмбріона, у взрослыхъ же индивидуумовъ она встрѣчается рѣже. По мнѣнію *Schwalbe* переходъ отъ конической формы козелка къ четырехугольной зависитъ отъ образованія въ верхней свободной части конуса козелка особаго хрящевого выроста, которому Schwalbe даетъ названіе tuberculum supratragicum.

Наличность этого бугорка (слѣдовательно и четырехугольная форма всего козелка) отмѣчается въ схемѣ Schwalbe цифрой — 1, отсутствіе его (коническій козелокъ) цифрою—0.

У изслѣдованныхъ мною взрослыхъ рязанцевъ tuberculum supratragicum оказался въ наличности на 488 ушахъ, т.-е. 75,1% всѣхъ случаевъ.

Число случаевъ отсутствія tuberculi supratragici, т.-е. случаевъ недоразвитаго козелка распредѣляется по возрастамъ слѣдующимъ образомъ (см. табл. № 122-й).

ТАБЛИЦА № 122-й.

Распредѣленіе недоразвитыхъ формъ козелка по возрастамъ.

Возрастъ.	Число всѣхъ наблюденій.	Число случаевъ недоразвитаго козелка. Абсол.	Въ %
Отъ 3 мѣсяцевъ и до 1 года	30	30	100,0
Свыше 1 года и до 3 лѣтъ	30	26	86,6
„ 3 „ „ 6 „	20	12	60,0
Отъ 7 и до 10 лѣтъ	20 набл.	8	40,0
„ 11 „ „ 14 „	30 „	10	33,3
„ 15 „ „ 17 „	30 „	10	33,3
„ 18 „ „ 20 „	72 „	23	31,9
„ 21 „ „ 25 „	158 „	44	27,8
„ 26 „ „ 30 „	174 „	42	24,1
„ 31 „ „ 40 „	160 „	36	22,5
„ 41 года и выше	86 „	20	23,2

Изъ приведенной таблицы видно, что у великорусскихъ дѣтей козелокъ въ возрастѣ до одного года никогда не достигаетъ своего полнаго развитія и является, слѣдовательно, всегда въ конической формѣ. Первые случаи четырехугольнаго козелка отмѣчаются лишь въ группѣ возраста отъ 1-го и до 3-хъ лѣтъ, но и то всего только на 4-хъ ушахъ (у двухъ мальчиковъ, а именно у одного въ 1 г. 9 мѣсяцевъ и у другого въ 2 года); такимъ образомъ, вполнѣ развитыя формы козелка встрѣчаются у великорусскихъ дѣтей не ранѣе какъ въ возрастѣ 1 года и 9 мѣсяцевъ. Съ дальнѣйшимъ возрастомъ число недоразвитыхъ формъ козелка быстро и правильно падаетъ, доходя къ 14 годамъ до одной трети всѣхъ случаевъ (33,3%). Но и послѣ этого возраста уменьшеніе числа недоразвитыхъ формъ не прекращается, а идетъ своимъ чередомъ вплоть до 30-ти лѣтъ; послѣ 30-ти лѣтъ число недоразвитыхъ формъ остается уже стаціонарнымъ, сохраняясь приблизительно въ 23% всѣхъ случаевъ.

При распредѣленіи у взрослыхъ недоразвитыхъ формъ козелка по росту (см. табл. № 123) замѣчается нѣкоторое ихъ убываніе съ увеличеніемъ роста.

ТАБЛИЦА № 123-й.

Распредѣленіе недоразвитыхъ формъ козелка по росту.

Въ группѣ низкаго роста недоразв. козелокъ даетъ	46 набл.	или 34,9%
Въ группѣ роста ниже средняго	40 „	„ 21,5%
„ „ „ выше средняго	52 „	„ 25,0%
„ „ „ высокаго	26 „	„ 21,0%

Наибольшее число недоразвитыхъ формъ падаетъ на группу низкаго роста, всѣ остальныя группы даютъ меньшій процентъ.

У изслѣдованныхъ мною 100 вырождающихся душевно-больныхъ великоруссовъ недоразвитый козелокъ отмѣчается на 50 ушахъ или ровно въ 25,0% всѣхъ случаевъ, но для нормальныхъ рязанцевъ было отмѣчено 24,9% такихъ формъ; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи между душевно-здоровыми и душевно-больными великоруссами никакой разницы не отмѣчается. Другихъ сравнительныхъ данныхъ въ нашемъ распоряженіи не существуетъ.

VIII.

Противокозелокъ.

Противокозелокъ такъ же какъ и козелокъ принадлежитъ къ образованіямъ, развивающимся изъ Мольденгауеровыхъ бугорковъ (изъ 5-го по *His'y*, изъ 6-го по *Schwalbe*), а потому, слѣдовательно, намѣчается вчернѣ уже въ самыя раннія стадіи эмбріональной жизни. Уже со 2-го мѣсяца зародышевой жизни всѣ его части намѣчены ясно и дальнѣйшее развитіе сводится лишь къ дефиниціи формъ. Наибольшимъ варіаціямъ подвергается степень наклона по отношенію къ горизонтальной плоскости верхняго колѣна противозавитка, равно какъ и степень выступанія (наклона кнаружи, по терминологіи Schwalbe) всего образованія надъ общимъ уровнемъ ушной раковины въ этой области. Но ни тотъ, ни другой родъ варіацій не имѣетъ значенія указанія на болѣе полное и менѣе полное развитіе всего противокозелка, такъ какъ всѣ виды варіацій встрѣчаются, повидимому, одинаково часто какъ въ сравнительно раннихъ стадіяхъ эмбріональной жизни, такъ и у зрѣлаго плода, и у возмужалыхъ субъектовъ. То или другое выступаніе противокозелка кнаружи мало вліяетъ на общій видъ и конфигурацію всего наружнаго уха. Нѣсколько иное въ этомъ отношеніи значеніе имѣетъ степень наклоненія верхняго колѣна противозавитка по отношеніи къ горизонтальной плоскости, такъ какъ ею главнымъ образомъ опредѣляется общая форма конхи, задній и задненижній край которой ограничиваются противокозелкомъ.

Разсматривая *степень выступанія* (наклонъ кнаружи) всего противокозелка (главнымъ образомъ вершины угла, въ которомъ сходятся верхняя и нижняя ножки колѣна противокозелка), *Schwalbe* отмѣчаетъ три формы:

Форма I—выступаніе отсутствуетъ, колѣно противозавитка плоско.

Форма II—умѣренная степень выступанія.

Форма III—рѣзкое выступаніе.

Отграниченіе II формы отъ III подвержено, очевидно, вліянію субъективизма изслѣдователя.

Распредѣленіе этихъ формъ у рязанцевъ представлено на таблицѣ № 124-й.

Наиболѣе, слѣдовательно, распространена у рязанцевъ умѣренная степень выступанія рельефа противокозелка, потомъ отсутствіе этого выступанія и всего меньше (около 13%) случаевъ рѣзко выраженнаго выступанія.

ТАБЛИЦА № 124-й

Распредѣленіе различныхъ формъ (степеней) выступанія противокозелка у рязанцевъ.

Форма	I	отмѣч. на	130	ушахъ или въ	20,0%	всѣхъ случ.
„	II	„	436	„ „	67,1%	„ „
„	III	„	84	„ „	12,9%	„ „

Сравнительныхъ данныхъ для другихъ народовъ въ настоящее время еще не имѣется. По группамъ роста и по возрастамъ отмѣчаются лишь незначительныя и неправильныя колебанія, не позволяющія сдѣлать какихъ-либо опредѣленныхъ на этотъ счетъ выводовъ.

Для опредѣленія *положенія верхняго края* (верхней грани угловой фигуры противокозелка) *Schwalbe* принимаетъ слѣдующія формы:

Форма I—горизонтальное положеніе.

Форма II—среднее между I и III положеніе.

Форма III—косое положеніе верхняго края противозавитка. Форма II опредѣляется не вполнѣ точно: въ общемъ подъ нее надо, повидимому, подводить такіе случаи, когда верхняя ножка только незначительно отклоняется отъ горизонтальной линіи.

Въ таблицѣ № 125-й представлено распредѣленіе этихъ формъ у рязанцевъ.

ТАБЛИЦА № 125-й.

Распредѣленіе у рязанцевъ различныхъ формъ наклона верхней ножки противокозелка по отношенію къ горизонтальной плоскости.

Форма	I	представлена	276	ушами или	42,4%	всѣхъ случ.
„	II	„	258	„ „	39,7%	„ „
„	III	„	116	„ “	17,8%	„ „

Изъ таблицы видно, что рѣзко выраженный наклонъ верхней ножки противокозелка встрѣчается относительно рѣдко (17,8%), случаи же горизонтальнаго и слабо наклоннаго ея положенія почти одинаково часты. Распредѣленіе формъ по группамъ роста и по возрастамъ не дало ничего характернаго. Аналогичныхъ данныхъ для другихъ человѣческихъ группъ не имѣется.

Нижняя часть (ножка) противокозелка, ограничивающая заднюю часть incisurae intertragicae, имѣетъ всегда болѣе или менѣе опредѣленное нисходящее направленіе, поэтому общая конфигурація противокозелка (а слѣдовательно и ограниченіе задней половины конхи) опредѣляется главнымъ образомъ, какъ это уже говорилось, варіаціями въ положеніи верхней его ножки.

Для опредѣленія общей формы противокозелка Schwalbe принимаетъ три слѣдующихъ обозначенія:

I—прямолинейная форма.

II—слабо выгнутая.

III—съ рѣзкимъ выступомъ (см. фиг. V).

Въ таблицѣ № 126-й представлено распредѣленіе этихъ формъ противокозелка у рязанцевъ.

ТАБЛИЦА № 126-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ конфигураціи всего противокозелка у рязанцевъ.

Форма	I	представлена	136	ушами или	20,9%	всѣхъ	случ.
„	II	„	212	„	„	32,6%	„	„
„	III	„	302	„	„	44,4%	„	„

Изъ таблицы видно, что чѣмъ рѣзче выступъ, тѣмъ чаще онъ встрѣчается, при чемъ градація чиселъ очень правильная (II форма чаще первой приблизительно на 12%; на ту же приблизительно цифру форма III встрѣчается чаще формы II). Наиболѣе распространенной, (44,4% всѣхъ случаевъ) типической формой уха рязанцевъ является ухо, конха котораго въ задней своей половинѣ отграничена противокозелкомъ, образующимъ рѣзко выраженный выступъ, вдающійся въ полость конхи. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо признать, что съ эстетической точки зрѣнія эта форма является, безспорно, самою красивою формою уха (особенно если при этомъ передняя половина конхи ограничена хорошо развитымъ козелкомъ съ tuberculum supratragicum, а верхне задняя и верхняя стѣнки конхи замкнуты хорошо развитой нижней ножкой противозавитка). Распредѣленіе по группамъ роста (форма III для низкаго роста составляетъ 57,5%, для роста ниже средняго—41,9%, выше средняго—43,2% и для высокаго—53,2%) показываетъ, что наибольшее число формъ противокозелка съ рѣзкимъ выступомъ встрѣчается въ группахъ низкаго и высокаго роста, промежуточныя же группы дали меньшія числа. Распредѣленіе по возрастамъ не дало ничего характернаго. Сравнительныхъ цифръ для другихъ человѣческихъ группъ не имѣется.

IX.

Мочка.

Мочкѣ предпочтительно передъ другими частями наружнаго уха выпала на долю честь съ незапамятныхъ временъ привлекать на себя вниманіе какъ всей массы человѣчества, такъ и выдѣленныхъ ею отдѣльныхъ наблюдателей и мыслителей. Со временъ самой глубокой, доисторической древности мочку украшаютъ различными привѣсками, иногда чудовищной величины и тяжести; народныя преданія говорятъ о людяхъ съ столь длинными мочками, что одна изъ нихъ служила имъ простынею, а другая—одѣяломъ; обладатели длинной мочки почитаются на востокѣ за мудрецовъ (въ иныхъ мѣстахъ, впрочемъ, и за глупцовъ). Физіономика, отлившаяся въ отдѣльную якобы научную отрасль знаній, во всѣ дни своего существованія не переставала такъ или иначе эксплоатировать въ свою пользу различныя формы мочки. Позднѣе, съ развитіемъ болѣе точныхъ научныхъ дисциплинъ, мочка занимала вниманіе антропологовъ, желавшихъ видѣть въ ея существованіи одинъ изъ признаковъ, отличающихъ человѣка отъ животныхъ, а въ различныхъ ея формахъ—отличительные признаки человѣческихъ расъ; неменьшимъ почетомъ мочка пользовалась и продолжаетъ пользоваться и по настоящее время у психіатровъ и антропологовъ-криминалистовъ, придающихъ нѣкоторымъ особенностямъ въ ея строеніи значеніе признака дегенераціи, преступности, атавизма.

Трудно сказать, чѣмъ вызывалось такое вниманіе къ мочкѣ; вѣроятно, тутъ играла не послѣднюю роль чрезвычайная неустойчивость, измѣнчивость ея формы.

Съ морфологической точки зрѣнія мочка представляетъ большое число варіацій какъ въ величинѣ и общей ея формѣ, такъ и въ формѣ отдѣльныхъ ея частей, т.-е. бугорковъ и бороздокъ, различаемыхъ на ея наружной поверхности.

По своей общей формѣ мочка представляется въ видѣ обращеннаго внизъ выступа на нижнемъ полюсѣ уха, то въ формѣ округлаго, то болѣе угловатаго язычка; этотъ язычокъ представляется или совершенно свободнымъ или болѣе или менѣе полно сращеннымъ по своему переднему краю съ подлежащей кожей щеки.

Frigerio, отмѣчая то болѣе конусообразную или округлую форму, то болѣе угловатую, считаетъ вторую форму за характерную для эмбріональнаго или недоразвитаго уха, первую же—за форму характерную для вполнѣ сформированнаго уха. Вмѣстѣ съ тѣмъ Frigerio утверждаетъ, что мочка мала, отсутствуетъ или мало замѣтна у дѣтей, съ возрастомъ она увеличивается и

округляется, достигая полнаго своего развитія около 16 лѣтъ; отсутствіе, малая величина и угловатая форма мочки у взрослыхъ составляютъ, по Frigerio, атавистическое явленіе. Многіе авторы хотѣли, какъ это уже говорилось выше, видѣть въ присутствіи мочки характерную особенность, свойственную исключительно человѣческому уху, но болѣе близкое знакомство съ ушами приматовъ, особенно антропоидныхъ, показало, что и у нихъ часто существуетъ хотя сравнительно и слабо развитая, все же ясно замѣтная мочка. Исторія развитія мочки у человѣка изучена трудами *His'a, Gradenigo, Schwalbe, Schäffer'a* и др. His полагалъ, что мочка развивается изъ отдѣльнаго Мольденгауерова бугорка (6-го по счету His'a). Съ этимъ мнѣніемъ не соглашаются, однако, Gradenigo и Schwalbe. По мнѣнію Gradenigo мочка развивается не изъ особаго спеціально для того назначеннаго эмбріональнаго образованія, а изъ helix hyoidalis въ видѣ придатка, выступающаго на нижней его части. Равнымъ образомъ и Schwalbe отрицаетъ происхожденіе мочки изъ 6-го или изъ какого-либо другого Мольденгауерова бугорка, при чемъ въ глазахъ Schwalbe послѣднее обстоятельство играетъ важную роль, такъ какъ Schwalbe утверждаетъ, какъ объ этомъ мы уже неоднократно говорили, что изъ бугорковъ развиваются только тѣ части уха, которыя одинаково присущи какъ уху человѣка, такъ и уху большинства четвероногихъ.

По мнѣнію Schwalbe мочка представляетъ изъ себя придатокъ на свободной ушной пластинкѣ, появляющійся не вслѣдствіе ея разростанія, но обратно—подъ вліяніемъ начавшагося процесса редукціи. Процессъ редукціи свободной ушной складки сводится въ общихъ чертахъ къ сокращенію, сморщиванію ея хрящевой основы, вслѣдствіе чего покрывающая ее кожа, не успѣвающая стягиваться въ той же мѣрѣ, какъ хрящъ, оказывается какъ бы излишней и свѣшивается на нижнемъ полюсѣ уха въ видѣ простой дупликатуры. Нижне-задній конецъ свободной ушной пластинки переходитъ до этого времени подъ болѣе или менѣе острымъ угломъ въ кожу щеки. Съ первыхъ моментовъ своего развитія (на 3-мъ мѣсяцѣ зародышевой жизни) мочка сохраняетъ еще аналогичное отношеніе къ щекѣ, т.-е. переходитъ въ нее подъ острымъ угломъ (приращеніе мочки форма I по схемѣ Schwalbe).

Такъ какъ свободная ушная пластинка заканчиваетъ къ этому времени свое прогрессивное развитіе, понятно, что и та часть мочки, которая соприкасается непосредственно съ кожей щеки, съ этихъ поръ почти не увеличивается въ своихъ размѣрахъ, между тѣмъ, какъ освобождающаяся подъ вліяніемъ начавшагося стягиванія хряща ушной складки, излишняя кожа спускается болѣе или менѣе значительно внизъ и самой низкой точкой уха является уже не переходящій въ кожу щеки конецъ ушной пластинки, а спустившаяся ниже его кожная складка, отчего вся мочка оказывается приращенной къ щекѣ только незначительною частью своего передняго края, большая же часть мочки является въ видѣ свободно свѣсившагося внизъ кожнаго лоскутка, отдѣленнаго отъ кожи щеки вырѣзкою incisura lobulo-buccalis (приращеніе мочки форма IV по схемѣ Schwalbe).

Прежде достиженія полнаго своего развитія мочка проходитъ, конечно, еще промежуточныя стадіи развитія, которыя сводятся къ тому, что: 1) складка кожи, образующая мочку, развилась настолько, что спустилась внизъ не ниже точки прикрѣпленія прежняго конца свободной ушной складки, а только до его уровня; тогда incisura lobulo-buccalis еще не существуетъ или, вѣрнѣе сказать, она еще велика и составляетъ приблизительно уголъ въ 90° (приращеніе мочки форма II по Schwalbe, простое приращеніе другихъ авторовъ).

Слѣдующую переходную фазу развитія составляетъ тотъ моментъ, когда свободный нижній край мочки спустился уже немного ниже точки перехода въ кожу щеки прежняго нижняго края свободной ушной складки, но не до той еще степени, какъ это имѣетъ мѣсто во вполнѣ развитыхъ формахъ. Тогда большая часть передняго края мочки еще приращена къ кожѣ щеки и только небольшая доля нижней его части отдѣлена уже отъ нея еще не глубокою incisura lobulo-buccalis (приращеніе мочки форма III по схемѣ Schwalbe или частью свободная мочка авторовъ).

Первые слѣды мочки замѣчаются, обыкновенно, въ срединѣ или въ концѣ третьяго мѣсяца зародышевой жизни, въ видѣ небольшого выступа тотчасъ позади antitragus. Вскорѣ она принимаетъ форму узкаго треугольника, переднимъ краемъ приращеннаго къ кожѣ щеки, задній же край ея круто спускается внизъ и переходитъ въ кожу щеки подъ острымъ угломъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи мочка переходитъ въ форму „просто приращенной“ мочки авторовъ (форма II Schwalbe), потомъ въ частью свободную и, наконецъ, во вполнѣ свободную форму. *Schäffer* точно прослѣдилъ хронологическій порядокъ эволюціи мочки. Первое появленіе зачатка мочки отмѣчается, по Schäffer'у, въ отдѣльныхъ случаяхъ уже въ серединѣ 3-го мѣсяца зародышевой жизни; въ концѣ этого мѣсяца она замѣчается уже въ 17% всѣхъ случаевъ. На 4-мъ мѣсяцѣ рудиментарная мочка отмѣчается уже во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, при чемъ въ концѣ мѣсяца она еще въ 45% всѣхъ случаевъ имѣетъ форму узкаго треугольника, переходящаго заднимъ своимъ краемъ въ кожу щеки подъ острымъ угломъ, въ остальныхъ 55% она вступаетъ уже въ дальнѣйшія стадіи своего развитія. На 5-мъ мѣсяцѣ форма узкаго треугольника остается только въ 25% всѣхъ случаевъ, на 6-мъ—въ 17%, послѣ 6-го мѣсяца процентное отношеніе этой формы рѣзко не измѣняется, но колеблется около 12%,—цифры, которыя отмѣчены Schäffer'омъ и у новорож-

денныхъ. На основаніи изслѣдованій другихъ авторовъ, подтверждающихся и моими личными наблюденіями, надо признать, что измѣненія въ формѣ мочки не заканчиваются ни тотчасъ послѣ рожденія, ни въ 16-лѣтнемъ возрастѣ, какъ это принималъ *Frigerio*, но продолжаются значительно дольше, быть-можетъ вплоть до глубокой старости; по крайней мѣрѣ число недоразвитыхъ формъ продолжаетъ уменьшаться до самой старости.

На мочкѣ взрослыхъ людей, помимо общей ея формы, различаютъ съ морфологической точки зрѣнія различныя бороздки, углубленія и бугорки, происхожденіе которыхъ можетъ быть разъяснено данными изъ исторіи развитія всей нижней части уха, разработанными главнымъ образомъ трудами *His*'a. Главнѣйшія изъ этихъ образованій нашли себѣ мѣсто въ схемѣ Schwalbe, въ которой помимо общей формы мочки, опредѣляющейся главнымъ образомъ степенью ея приращенія, отмѣчаются еще состояніе sulcus supralobularis, sulcus obliquus, tuberculi retrolobularis и наконецъ выгибъ всей плоскости мочки кнаружи или кнутри. Болѣе детальныя свѣдѣнія объ этихъ образованіяхъ и способѣ ихъ регистраціи по схемѣ Schwalbe будутъ даны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нашего текста.

A) Способъ соединенія мочки со щекою.

а) У мужчинъ.

Изъ сказаннаго выше очевидно, что общая форма мочки тѣсно связана съ степенью и формою ея сращенія со щекой. Въ общемъ эта зависимость можетъ быть выражена такимъ образомъ: эмбріональная мочка имѣетъ форму узкаго длиннаго треугольника съ неправильнымъ основаніемъ, прилегающимъ къ козелку, противокозелку и нижнимъ концамъ завитка и противозавитка, и съ двумя длинными сторонами—одною внутреннею, прилегающей къ кожѣ щеки и непосредственно съ нею спаянною, и другою наружно-заднею стороною, идущей въ косвенномъ направленіи и пересѣкающейся съ первой (а слѣдовательно и съ кожей щеки) такъ, что между обѣими сторонами заключается острый уголъ. Иногда этотъ уголъ настолько остеръ, что наружно-задній край мочки переходитъ въ кожу щеки такъ не чувствительно, что трудно даже отмѣтить ту точку, гдѣ этотъ край кончился и гдѣ началась, слѣдовательно, уже не мочка, а кожа щеки. По абсолютной своей величинѣ такая мочка иногда бываетъ очень даже не велика, но чаще обратно—она очень велика. Въ дальнѣйшемъ развитіи мочка имѣетъ тенденцію принять форму свободно висящаго полулуннаго или болѣе коническаго лоскута съ самой низкой точкой, лежащей уже не у мѣста перехода края мочки въ кожу щеки, но отступя отъ него кнаружи, немного впереди вертикальной линіи, дѣлящей всю точку на двѣ равныя половины.

Въ таблицѣ № 127 представлено распредѣленіе отдѣльныхъ формъ приращенія мочки у изслѣдованныхъ мною рязанцевъ.

ТАБЛИЦА № 127-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ приращенія мочки у рязанцевъ.

Форма	I	отмѣчена на	89 ушахъ	или въ	13,7% вс. случ.
„	II	„ „	141 ухѣ	„ „	21,7% „ „
„	III	„ „	170 ушахъ	„ „	26,1% „ „
„	IV	„ „	250 „	„ „	38,4% „ „

Наиболѣе распространенною формою является, слѣдовательно, форма IV или совершенно свободная мочка, дающая около 40% всѣхъ наблюденій; чѣмъ рудиментарнѣе форма, тѣмъ рѣже встрѣчается она у рязанцевъ и наиболѣе рудиментарная форма I представлена всего 13,7%. Относительно расовыхъ особенностей ушной мочки дѣлались указанія со стороны многихъ авторовъ, къ сожалѣнію только эти указанія, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, опираются на цифровыя данныя, при чемъ описанія авторовъ не отличаются особенною точностью. Многіе авторы, напримѣръ, толкуютъ объ отсутствующей мочкѣ, находя ее у различныхъ человѣческихъ группъ болѣе или менѣе часто. Между тѣмъ въ схемѣ Schwalbe совсѣмъ даже не отведено рубрики для отсутствія мочки, предполагается, слѣдовательно, что мочка всегда имѣется налицо или же, что случаи ея отсутствія такъ рѣдки, что не заслуживаютъ особой графы въ схемѣ и могутъ съ удобствомъ быть помѣщены въ рубрикѣ: другія особенности, не вошедшія ни въ одну рубрику схемы. Въ этомъ случаѣ необходимо, конечно, всецѣло примкнуть къ мнѣнію Schwalbe и признать вмѣстѣ съ нимъ, что собственно случаевъ отсутствія мочки, т.-е. такихъ случаевъ, гдѣ нижній полюсъ уха кончается кожей, плотно обтягивающей нижній конецъ incisurae intertragicae и точно слѣдующей за ея изгибомъ, не встрѣчается совершенно (или же они встрѣчаются до крайности рѣдко), но всегда кожа подъ incisura хотя немного свѣшивается и образуетъ болѣе или менѣе свободный лоскутъ, который можетъ во всякомъ случаѣ носить названіе мочки. Иногда, правда, этотъ свободный лоскутъ представляетъ лишь довольно узкую каемку, по большей частью не диференцированную отъ кожи щеки (мочки съ приращеніемъ ф. I Schwalbe), но въ иныхъ случаяхъ, какъ это можно видѣть между прочимъ на знаменитомъ рисункѣ „бушменскаго“ уха Langer'a, очень небольшая по величинѣ мочка представляется вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо диференцированной отъ кожи щеки. Авторы же, говорящіе объ отсутствіи мочки, разумѣютъ, повидимому, подъ этимъ терминомъ то небольшую по величинѣ, то, не свободную, недостаточно диференцированную отъ кожи щеки мочку. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ опи-

сываетъ отдѣльно—„отсутствіе мочки“ и „приращеніе мочки“, тамъ въ большинствѣ случаевъ термину отсутствіе мочки соотвѣтствуетъ малая величина и приращеніе ее въ формѣ I по схемѣ Schwalbe, термину же—„приращеніе“—приращеніе формы II по той же схемѣ.

Многіе изслѣдователи, а въ числѣ ихъ и *Fritsch*, приписываютъ готтентотамъ и бушменамъ, а также и большинству негритянскихъ племенъ ухо съ небольшею и слабо развитою мочкою; другіе же авторы (*Schäffer*, отчасти *Langer* и пр.), обращая вниманіе не столько на величину мочки, сколько на ее форму, утверждали, что ухо негровъ отличается, можетъ-быть, и небольшою, но отчетливо диференцированной, отграниченной отъ кожи щеки мочкою. Собравъ и соединивъ вмѣстѣ разрозненныя замѣчанія и цифровыя данныя отдѣльныхъ авторовъ относительно ушей, такъ называемыхъ, низшихъ расъ (черныхъ племенъ), *Karutz* могъ отмѣтить для нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ процентъ случаевъ „отсутствующей и приращенной мочки“ (см. таблицу № 128). Разграничить эти двѣ формы, т.-е. отсутствіе и приращеніе мочки данныя большинства изслѣдователей не позволяли, а потому Karutz'у не оставалось ничего другого, какъ отмѣчать эти формы вмѣстѣ.

ТАБЛИЦА № 128-й.

Число случаевъ отсутствующей и приращенной мочки у различныхъ низшихъ племенъ по даннымъ, собраннымъ въ литературѣ Karutz'омъ.

У 82	негровъ отсутств. и приращ. мочки отмѣчено въ	36,7%	всѣхъ случ.
„ 55	папуасовъ	29,0%	„ „
„ 22	микронезійцевъ	27,2%	„ „
„ 20	полинезійцевъ	15,0%	„ „
„ 101	негра Конго, по изсл. *Mense*	30,0%	„ „

Эти цифры трудно сравнимы съ цифрами, полученными мною для рязанцевъ, равно какъ и съ нѣкоторыми данными другихъ авторовъ, такъ какъ въ собранной Karutz'омъ таблицѣ нѣтъ возможности учесть, какая доля отмѣченныхъ цифръ падаетъ на случаи приращенной и какая доля—на случаи малой по своимъ размѣрамъ мочки. Принимая во вниманіе, что съ одной стороны цифры, выражающія распространеніе только приращенной, а не малой по величинѣ мочки, должны быть меньше, чѣмъ тѣ, что представлены на таблицѣ № 128, что съ другой стороны эти послѣднія, даже и не будучи уменьшенными, не особенно рѣзко отличаются отъ цифръ, представляющихъ распространеніе приращенной мочки (форма I и II вмѣстѣ) у европейскихъ народовъ (см. ниже, таблицу № 130), надо думать, что уши негровъ представляютъ случаи приращенія (слѣдовательно случаи недоразвитія) нѣсколько рѣже, чѣмъ уши европейцевъ.

Немногочисленныя данныя тѣхъ авторовъ, у которыхъ выдѣлены случаи приращенія мочки въ особую группу, относятся, къ сожалѣнію, къ числамъ наблюденій, слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы изъ нихъ можно было строить какія-либо выводы. Такъ, *Вирховъ* изъ 10 готтентотовъ и бушменовъ отмѣтилъ приращенную мочку у 4-хъ, т.-е. въ 40%, при чемъ у одного изъ этихъ 4 человѣкъ отмѣчена мочка, приращенная и постепенно переходящая въ кожу щеки (приращ. ф. I по Schwalbe); *Mense* для 13 негровъ акка нашелъ приращенную мочку въ 23,1%, у 20 негровъ-нилотовъ приращенная мочка была отмѣчена всего въ одномъ случаѣ (т.-е. въ 5%). Изъ другихъ низшихъ расъ *Einreich* отмѣтилъ у 89 американскихъ индійцевъ приращенную мочку (формы I и II по Schwalbe) въ 3-хъ случаяхъ, т.-е. въ 3,4%, т.-е. все цифры никакъ не говорящія за большее распространеніе приращенной мочки у низшихъ расъ. Разбираясь въ замѣчаніяхъ авторовъ относительно мочки у народовъ азіатскаго происхожденія (урало-алтайцевъ, тюрковъ, монголовъ), можно прежде всего найти подтвержденіе высказанному уже раньше предположенію о смѣшеніи авторами понятій о неотграниченной отъ щеки (приращенной) и объ отсутствующей мочкѣ. Такъ, въ то время, какъ *Topinard*, *Hervé et Hovelaque* и др. утверждаютъ, что монгольское ухо характеризуется *отсутствіемъ* мочки, равнымъ образомъ — Bälz свидѣтельствуетъ, что у японцевъ и другихъ азіатскихъ народовъ отсутствіе мочки наблюдается въ половинѣ всѣхъ случаевъ и т. д.,—другіе авторы утверждаютъ (нѣкоторые даже на основаніи болѣе положительныхъ цифовыхъ данныхъ), что у многихъ народовъ азіатскаго происхожденія въ 50—75% всѣхъ случаевъ и болѣе—наблюдается *значительная по величинѣ*, но приращенная мочка.

Соединяя данныя авторовъ обѣихъ категорій вмѣстѣ, трудно, конечно, предположить, что у одной половины представителей азіатскаго материка мочка отсутствуетъ, у другой она приращена; гораздо болѣе вѣроятнымъ становится предположеніе, что и тѣ и другіе авторы говорятъ объ одномъ и томъ же явленіи, но только въ разныхъ терминахъ, т.-е. о 50% приращенной мочки. Нѣкоторое исключеніе составляютъ, быть-можетъ, айны, уши которыхъ снабжены, по словамъ *Koganei*'я, большою и хорошо отграниченной отъ кожи щеки мочкою. Впрочемъ, айны и по многимъ другимъ признакамъ, отличаются отъ большинства азіатскихъ народовъ. Въ недавнее время *А. А. Ивановскій* [73]) указалъ, что форма I приращенія мочки по схемѣ Schwalbe, т.-е. узкая мочка съ заднимъ краемъ, переходящимъ въ кожу щеки подъ острымъ угломъ, является характерной для монгольскаго уха. Не будучи подтверждено соотвѣтствующими цифровыми данными указаніе такого знатока физическаго строенія монголовъ, какъ А. А. Ивановскій,

имѣетъ само по себѣ большую цѣну, но позднѣйшія (еще не напечатанныя) изслѣдованія гг. *Е. И. Луценко* и *М. С. Сапожникова*, прямо называющихъ уши съ только что указанной формой мочки „азіатскими ушами“, подтверждаютъ на цифрахъ справедливость указанія г. Ивановскаго. Къ тому же выводу приводятъ и мои, такъ же впервые публикуемыя въ этой моей работѣ, наблюденія надъ астраханскими калмыками.

Въ таблицѣ № 129 приведено (въ процентномъ отношеніи) распространеніе мочки съ приращеніемъ ф. I по Schwalbe (первый столбецъ), затѣмъ съ приращеніемъ ф. II (второй столбецъ) и съ приращеніемъ формъ I и II вмѣстѣ (третій столбецъ) для тѣхъ изъ племенъ азіатскаго происхожденія (финновъ, тюрковъ, монголовъ), для которыхъ мнѣ удалось отыскать въ литературѣ соотвѣтствующія данныя.

ТАБЛИЦА № 129-й.

Распространеніе приращенной мочки у народовъ азіатскаго происхожденія.

Племя.	Авторы.	Приращеніе мочки ф. I, въ %.	Приращеніе мочки ф. II, въ %.	Прир. мочки формъ I и II вмѣстѣ, въ %.
Башкиры	Вейссенбергъ	—	—	41,9
Лопари (10) *)	цит. у Karutz'a	—	—	50,0
Мещеряки (15)	Вейссенбергъ	—	—	53,3
Калмыки	Воробьевъ	50,9	5,3	56,2
Теленгеты	Луценко	—	—	57,98
Мадьяры	Vali	5,6	—	75,0 **)
Бурята	Сапожниковъ	—	—	88,51 (94,59) ***)

Примѣчанія. *) Въ скобкахъ указаны числа наблюденій для тѣхъ случаевъ, гдѣ они очень не велики.

**) Vali отмѣчаетъ точно только форму приращенія I, оговариваясь далѣе, что просто приращенная мочка встрѣчается у мадьяровъ очень часто, по крайней мѣрѣ $^3/_4$ всѣхъ случаевъ; такимъ образомъ послѣдняя цифра Vali имѣетъ значеніе только приблизительной цифры.

***) Прибавляя сюда 6,08% „азіатско-европейскихъ формъ автора (т.-е., повидимому, прир. ф. III Schwalbe).

При взглядѣ на послѣдній столбецъ легко убѣдиться въ томъ, что приращенная мочка встрѣчается у народовъ азіатскаго происхожденія поразительно часто — отъ 41,9% и до 88,51%. Распредѣленіе отдѣльныхъ формъ приращенія, т.-е. ф. I и ф. II, у большинства авторовъ не показано. Тѣмъ не менѣе, есть много данныхъ, указывающихъ на преобладаніе у азіатскихъ народовъ мочки съ приращеніемъ формы I, т.-е. той именно формы мочки, которую А. А. Ивановскій считаетъ за характерную для монгольскаго уха. Такъ, мои личныя изслѣдованія, произведенныя надъ астраханскими калмыками, показали, что изъ 56,4% приращенной мочки на долю приращенія въ формѣ I падаетъ 50,9% и только въ 5,3% всѣхъ случаевъ отмѣчается простое приращеніе мочки (т.-е. приращеніе ф. II). Къ тому же выводу приводятъ и данныя гг. Луценко и Сапожникова; эти авторы прямо отмѣчали, какъ это уже было указано выше, „уши азіатской формы“ и только изъ личныхъ разговоровъ съ г. Луценко я могъ вынести убѣжденіе, что въ числѣ отмѣчаемыхъ имъ формъ азіатскаго уха, при подавляющемъ преобладаніи приращенія ф. I, отмѣчено нѣкоторое, повидимому небольшое, число и тѣхъ формъ, которыя отмѣчаются по схемѣ Schwalbe какъ приращеніе ф. II. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ мадьяры, у которыхъ характерная форма азіатскаго уха (приращен. ф. I) встрѣчается по даннымъ Vali, всего въ 5,6%, тогда какъ простое приращеніе (если только я правильно понимаю термины Vali) отмѣчается въ $^3/_4$ всѣхъ случаевъ. Надо, впрочемъ, оговориться, что не только по формѣ уха, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ мадьяры далеко отошли отъ своихъ азіатскихъ родичей. Если въ таблицѣ № 129 исключить мадьяръ, тогда при расположеніи различныхъ племенъ въ порядкѣ по восходящимъ величинамъ процента формъ приращенія мочки I и II, взятыхъ вмѣстѣ, вверху таблицы оказываются финны и тюрки, нижнія же мѣста таблицы занимаютъ чистые монголы; среди послѣднихъ наименьшій процентъ приращенныхъ ушей отмѣчается у калмыковъ, что зависитъ, быть-можетъ и отъ начавшейся уже метисаціи ихъ съ русскими. У монголовъ, судя по указаніямъ Луценко, Сапожникова, равно какъ и по моимъ изслѣдованіямъ, главную долю приращенной мочки составляетъ приращеніе ф. I, отличаются ли отъ нихъ въ этомъ отношеніи финны, тюрки—изъ данныхъ авторовъ, къ сожалѣнію, не видно. Указаніе Vali для мадьяровъ говоритъ, повидимому, за рѣзкое преобладаніе у нихъ приращенія въ формѣ II.

Для европейцевъ имѣются болѣе раннія указанія на отсутствіе (малая величина и приращеніе?) мочки у обитателей Перинеевъ, въ провинціи Константинъ (*Topinard*), у лаготовъ (*Arrou et Fr. Michel*), у жителей Nancy, близкихъ къ древнимъ вандаламъ (*Lagneau*) и т. д. Позднѣе *Fraenkel* [141]) для нѣмцевъ, *Laubi* [107]) для швейцарцевъ изъ кантона Цюрихъ насчитываютъ по 8% приращенной мочки, безъ диференцировки отдѣльныхъ формъ приращенія; отличающійся экстравагантными цифрами *Eule* [49]) насчитываетъ для германцевъ всего 0,3% приращенной мочки — цифру совершенно невѣроятную, особенно если принять во вниманіе, что *Binder*, очень склонный не замѣчать тѣ или другія особенности у нормальнаго населенія, отмѣчая ихъ въ значительномъ числѣ у душевно-больныхъ, относительно простого приращенія мочки (форма II), замѣчаетъ, тѣмъ не менѣе, что оно не составляетъ дегенеративнаго при-

знака и встрѣчается очень часто, едва ли не въ половинѣ всѣхъ случаевъ у нормальнаго германскаго населенія. Надо, впрочемъ, сказать, что отдѣльныя человѣческія группы, даже и близко родственныя между собою, представляютъ, повидимому, довольно значительныя колебанія въ распространеніи среди нихъ приращенной ушной мочки. Такъ, *Schäffer* нашелъ приращеніе мочки: въ германской Франконіи въ 20%, въ Гессенѣ въ 25%, у швабовъ въ 26%, въ Ганноверѣ въ 36% и т.д.

Данныя тѣхъ авторовъ, у которыхъ можно было найти болѣе точныя свѣдѣнія о мочкѣ европейскихъ народовъ, основанныя на цифрахъ, сведены воедино въ таблицѣ № 130.

ТАБЛИЦА № 130-й.

Распространеніе различныхъ формъ приращенія мочки у европейцевъ.

Племя.	Авторы.	Приращеніе мочки ф. I, въ %.	Приращеніе мочки ф. II, въ %.	Прир. мочки формъ I и II вмѣстѣ, въ %.
Французы.	Lannois.	5,6	10,8	16,4
„	Féré et Seglas.	5,5	18,7	24,2
Итальянцы.	Gradenigo.	5,2	21,3	26,5
Нѣмцы.	Karutz.	2,0	23,3	25,3
„	Schäffer. Формы I и II вмѣстѣ, отъ 20 до 36%.			
Великоруссы.	Воробьевъ.	13,7	21,7	35,4

Изъ таблицы видно, что приращеніе формы I составляетъ у европейскихъ народовъ сравнительно рѣдкое явленіе, встрѣчаясь отъ 2 до 5,6% у большинства народовъ и только у великоруссовъ возвышаясь до 13,7%; тѣмъ не менѣе и у великоруссовъ по сравненію съ приращеніемъ ф. II первая форма встрѣчается рѣдко, у другихъ же народовъ эта разница выражена еще рѣзче и вторая форма встрѣчается втрое, вчетверо, а у нѣмцевъ Karutz'а даже почти въ 12 разъ рѣже, чѣмъ приращеніе формы II.

Сравнивая европейцевъ съ народами азіатскаго происхожденія (см. табл. № 129), можно видѣть, что приращенная мочка въ обѣихъ формахъ вмѣстѣ встрѣчается у европейцевъ почти втрое рѣже, чѣмъ у азіатскихъ народовъ (отъ 16,4% до 36% у первыхъ и отъ 49,1% до 88,51% или до 94,59%), при чемъ значительное преобладаніе приращенныхъ формъ мочки у монголовъ падаетъ главнымъ образомъ на приращеніе формы I — этой настоящей монгольской формы мочки. Припомнимъ, что приращеніе мочки въ формѣ I составляетъ форму одной изъ наиболѣе раннихъ стадій эмбріональнаго уха, что вмѣстѣ съ тѣмъ, по свидѣтельству Frigerio (и какъ увидимъ это ниже—и по моимъ даннымъ), число этихъ формъ уменьшается съ возрастомъ; невольно на ряду съ этими фактами приходитъ на память и заявленіе проф. *И. И. Мечникова* о томъ, что дефинитивныя формы монгольскаго тѣла напоминаютъ собою провизорныя формы европейцевъ, свойственныя юношескому ихъ возрасту. Представленныя Мечниковымъ въ пользу этого положенія аргументы не отличаются большою доказательностью, хотя и возраженія противниковъ этого взгляда (*А. Ивановскій*[73]) не достаточны для того, чтобы гипотеза Мечникова была окончательно отвергнута. Изученіе мочки монголовъ говоритъ какъ бы въ пользу Мечникова, хотя другія образованія уха монголовъ не могутъ быть названы носящими характеръ бóльшаго недоразвитія всего органа, такъ что въ изученіи наружнаго уха нельзя почерпнуть доказательствъ ни за, ни противъ гипотезы Мечникова.

Въ виду того, что у всѣхъ авторовъ, изучавшихъ мочку какъ европейскаго, такъ и монгольскаго уха, диференцировка отдѣльныхъ формъ ея приращеній далеко не полна и не точна, я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, сопоставивъ въ таблицѣ № 131-й данныя, полученныя мною для рязанцевъ и для астраханскихъ калмыковъ.

ТАБЛИЦА № 131-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ приращенія мочки у рязанцевъ и у астраханскихъ калмыковъ.

Приращеніе мочки.	У рязанцевъ, въ %.	У астраханскихъ калмыковъ, въ %.
Форма I . . .	13,7	50,9
„ II . . .	21,7	5,3
„ III . . .	26,1	24,1
„ IV . . .	38,4	19,6

Разница между калмыками и рязанцами бросается въ глаза очень рѣзко: у калмыковъ преобладаетъ ф. I, у рязанцевъ—ф. IV; форма II, частая у рязанцевъ, рѣдка у калмыковъ. При дѣленіи же на двѣ группы—приращенной (I и II) и свободной и полусвободной (III и IV) мочки, мы видимъ, что первыя формы значительно преобладаютъ у монголовъ, вторыя—у великоруссовъ. Ухо послѣднихъ, какъ и большинства европейцевъ, несмотря на сравнительно большое у рязанцевъ распространеніе приращенныхъ формъ, характеризуется въ общемъ всетаки преобладаніемъ ушей съ свободной мочкой, которыя у рязанцевъ представлены 64,5% всѣхъ наблюденій.

Уши негровъ слишкомъ еще мало изучены для того, чтобы говорить съ увѣренностью о преобладаніи у нихъ тѣхъ или другихъ формъ прикрѣпленія ушной мочки; выше мы уже видѣли, что тѣ немногія данныя, какія на этотъ счетъ существуютъ, говорятъ скорѣе за то, что среди негровъ больше всего распространены формы свободной мочки, такъ какъ приращенныя формы вмѣ-

стѣ съ такъ называемымъ отсутствіемъ мочки даютъ у нихъ приблизительно такой же процентъ, какой отмѣченъ у европейцевъ для однѣхъ только приращенныхъ формъ мочки. Между тѣмъ какъ изъ рисунковъ и фотографій негритянскаго уха, приложенныхъ къ работамъ нѣкоторыхъ авторовъ, такъ и изъ отдѣльныхъ замѣчаній въ текстѣ можно видѣть, что мочка у негровъ вообще говоря мала; къ тому же заключенію приводятъ меня и личныя наблюденія (безъ подсчета) тѣхъ немногочисленныхъ, правда, представителей негровъ, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать. Разсматривая уши послѣднихъ, я неоднократно останавливался на мысли о томъ, что многіе изслѣдователи отмѣтили бы у многихъ изъ нихъ такъ называемое отсутствіе мочки. Но при малой величинѣ мочки у негровъ, она далеко не всегда бываетъ приращена, такъ что изъ общей для негровъ цифры, для „отсутствія и приращенія мочки" значительный процентъ долженъ падать именно на отсутствіе (малую величину). Можно, слѣдовательно, съ значительной долей вѣроятія принять, что у негровъ приращенная мочка встрѣчается рѣже, чѣмъ у европейцевъ, а у этихъ послѣднихъ рѣже, чѣмъ у монголовъ. Европейцы и въ этомъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, занимаютъ среднее мѣсто; слѣдовательно, приращенная мочка никакъ не можетъ свидѣтельствовать о „низкой" организаціи.

Приращеніе въ формѣ I, характерное для монгольскаго уха, встрѣчается у великоруссовъ значительно, повидимому, чаще, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ; отсюда невольно возникаетъ вопросъ, не позаимствовались ли мы этой формой мочки у монголовъ. Пытаясь хотя сколько-нибудь освѣтить этотъ вопросъ, я изслѣдовалъ отдѣльно главнѣйшіе описательные и антропометрическіе признаки у тѣхъ изъ рязанцевъ, которые обладали ушами съ приращеніемъ мочки въ формѣ I. Въ таблицѣ № 132-й представлены результаты этихъ изслѣдованій на ряду съ аналогичными данными, полученными для всѣхъ 325 изслѣдованныхъ мною рязанцевъ.

ТАБЛИЦА № 132-й.

Сравненіе нѣкоторыхъ главнѣйшихъ особенностей физическаго строенія у всѣхъ 325 рязанцевъ и у выдѣленной изъ нихъ группы субъектовъ (45 ч.), обладающихъ мочкой съ приращеніемъ въ формѣ I.

	Всѣ рязанцы.	Субъекты съ приращ. мочкой ф. I.
Число субъектовъ съ темнымъ цвѣтомъ глазъ	50%	31,1%
Число субъектовъ съ темнымъ цвѣтомъ волосъ	62,15	62,2%
Средній ростъ	1651,3 mm.	1641,3 mm.
Головной указатель	81,48	81,36
Ширина скулъ	140,5 mm.	140,3 mm.

Изъ таблицы видно, что цвѣтъ волосъ, головной указатель и ширина скулъ даютъ для обѣихъ группъ замѣчательныя совпаденія; они прямо тождественны. Замѣтная разница получилась только для цвѣта глазъ и для средняго роста: группа субъектовъ съ приращеніемъ мочки въ формѣ I оказалась болѣе свѣтлоглазой и болѣе низкорослой. Но одинъ изъ этихъ признаковъ, именно большее число свѣтлыхъ глазъ, никоимъ образомъ не говоритъ за монголоидность этой группы. Безъ этого обстоятельства меньшій ростъ группы рязанцевъ съ приращенной мочкой ф. I могъ бы, конечно, имѣть свое специфическое значеніе, такъ какъ монголы въ общемъ малорослы.

Малорослость сама по себѣ представляетъ настолько важный признакъ, что, несмотря на то, что всѣ остальные признаки никоимъ образомъ не сближаютъ выдѣленной мною группы великоруссовъ съ „монгольской" мочкой съ настоящими монголами, я все-таки попытался прослѣдить, не представляютъ ли по крайней мѣрѣ малорослые субъекты съ характерной формой ушной мочки какихъ-либо другихъ признаковъ, сближающихъ ихъ съ монголами. Но приведенныя въ таблицѣ № 133-й величины для подгруппы малорослыхъ субъектовъ съ приращеніемъ мочки въ формѣ IV (21 человѣкъ) дали опять-таки отрицательный результатъ.

ТАБЛИЦА № 133-й.

Нѣкоторыя данныя характеризующія группу малорослыхъ рязанцевъ съ приращеніемъ мочки въ формѣ I.

Темныхъ глазъ	33,3%
Темныхъ волосъ	57,1%
Головной указатель	81,46
Ширина скулъ	138 mm.

Не отмѣчается, слѣдовательно, ни большей скуластости, ни большей величины головного указателя, ни большаго распространенія темнаго цвѣта волосъ и глазъ, т.-е. ни одного изъ признаковъ, которые приближали бы отобранную подгруппу къ монголамъ. Такимъ образомъ, хотя приращеніе формы I и характерно для монгольскаго уха, тѣмъ не менѣе, наличность этого признака у великоруссовъ не свидѣтельствуетъ о примѣси у нихъ монгольской крови, и извѣстный процентъ субъектовъ съ приращенной мочкой въ формѣ I у великоруссовъ, равно какъ и у другихъ европейцевъ, доказываетъ только то, что эта особенность, подобно всѣмъ расовымъ особенностямъ, не составляетъ исключительной принадлежности монголовъ, но встрѣчается и у другихъ народовъ, отнюдь не указывая еще на примѣсь у нихъ монгольской крови.

Возрастъ оказываетъ на форму мочки весьма замѣтное вліяніе. На таблицѣ № 134-й представлено распредѣленіе различныхъ формъ приращенія мочки у

80 великорусскихъ дѣтей въ возрастахъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ и до 17 лѣтъ.

ТАБЛИЦА № 134-й.

Возрастныя измѣненія въ формѣ приращенія мочки у великорусскихъ дѣтей.

Приращеніе мочки.	Отъ 3-хъ мц. до 1 года.		Отъ 1 г. и до 3-хъ лѣтъ.		Отъ 4 и до 10 лѣтъ.		Отъ 11 и до 14 лѣтъ.		Отъ 15 и до 17 лѣтъ.	
	Абс. чис.	%	Абс. чис.	%	Абс. чис.	%	Абс. чис.	%	Абс. чис.	%
Ф. I	4	26,6	3	20,0	3	15,0	2	13,3	2	13,3
Ф. II	4	26,6	3	20,0	3	15,0	2	13,3	3	20,0
Ф. III	4	26,6	4	26,6	7	35,0	5	33,3	5	33,3
Ф. IV	3	20,0	5	33,3	7	35,0	6	40,0	5	33,3

Изъ этой таблицы видно, что форма I приращенія съ увеличеніемъ возраста замѣтно убываетъ, составляя послѣдовательно 26,6%, 20,0%, 15,0%, 13,3% и 13,3%, то же отмѣчается и по отношенію къ формѣ II, зато число случаевъ свободной мочки съ возрастомъ замѣтно возрастаетъ. Между возрастными группами 11—14 л. и 15—17 л. не замѣчается особенно рѣзкой разницы и maximum убыванія приращенныхъ и нарастанія свободныхъ формъ мочки падаетъ на возрастъ въ 11—14 лѣтъ. Прослѣдимъ теперь возрастныя измѣненія въ распредѣленіи формъ приращенія мочки у взрослыхъ рязанцевъ (см. табл. № 135).

ТАБЛИЦА № 135-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ приращенія мочки у рязанцевъ по возрастнымъ группамъ.

Форма приращенія.	18—20 лѣтъ.	21—23 года.	24—25 лѣтъ.	26—30 лѣтъ.	31—35 лѣтъ.	36—40 лѣтъ.	41—45 лѣтъ.	46 и выше.
I	6	22	8	20	14	12	0	7
II	20	22	8	46	24	8	9	4
III	14	28	23	48	28	15	5	9
IV	32	24	23	60	30	29	24	28

Соединяя всего въ три возрастныя группы 1) до 25 л., 2) 26—40 и 3) 41 г. и выше) и выражая тѣ же числа въ процентныхъ отношеніяхъ, получимъ слѣдующія цифры:

	до 25 л.	26—40 л.	41 г. и выше.
Приращеніе ф. I	15,7%	13,8%	8,1%
„ „ II	21,7%	23,3%	15,1%
„ „ III	28,2%	27,2%	16,3%
„ „ IV	34,3%	35,6%	60,4%

Изъ этихъ данныхъ ясно уже видно, что ф. I и ф. II, т.-е. недоразвитыя формы мочки, среди молодыхъ субъектовъ встрѣчаются чаще, чѣмъ среди пожилыхъ и обратно—форма III и IV (болѣе развитыя) замѣтно чаще встрѣчаются въ пожиломъ возрастѣ. Еще нагляднѣе становятся эти отношенія въ томъ случаѣ, если мы соединимъ ф. I и ф. II въ одну группу, а формы III и IV въ другую.

	До 25 л.	Отъ 26 до 40 л.	Выше 40 л.
Тогда ф. I и II	38,0%	37,1%	23,2%
ф. III и IV	62,0%	62,8%	76,7%

Между возрастными группами отъ 18 и до 25 лѣтъ и отъ 26 до 40 лѣтъ нѣтъ замѣтной разницы, при чемъ цифры для обѣихъ группъ очень близки къ цифрамъ, даннымъ въ таблицѣ № 134 для возрастовъ отъ 11 до 14 лѣтъ и отъ 14 до 17 лѣтъ. Въ общемъ, слѣдовательно, мы можемъ принять, что со дня рожденія и до 14 лѣтъ мочка имѣетъ ясно выраженную тенденцію къ болѣе полному ея отграниченію отъ кожи щеки, послѣ же 14 лѣтъ она остается in statu quo и только послѣ 40 лѣтъ замѣчается новое увеличеніе ясно диференцированныхъ формъ и уменьшеніе случаевъ приращенной мочки. По отношенію къ взрослымъ особямъ аналогичное же явленіе, выраженное въ особенно даже рѣзкой формѣ, отмѣчаетъ г. *Луценко* (еще не опубикованныя данныя) для изслѣдованныхъ имъ теленгетовъ. Такъ, г. Луценко, отмѣчавшій у теленгетовъ „азіатскую форму уха“, нашелъ ее:

въ возрастѣ	15—20	л. въ	74,29%	всѣхъ	набл.
„ „	21—40	„ „	58,06%	„	„
„ „	41—60	„ „	56,25%	„	„
„ „	61—80	„ „	26,66%	„	„

Равнымъ образомъ и *Frigerio* отмѣчаетъ, что у итальянцевъ наиболѣе полнаго своего развитія мочка достигаетъ въ возрастѣ около 15—16 лѣтъ; старческаго же измѣненія формъ мочки Frigerio не могъ замѣтить уже по той одной причинѣ, что изслѣдованная имъ группа взрослыхъ, составлена исключительно изъ солдатъ. Надо, слѣдовательно, думать, что уменьшеніе числа случаевъ приращенныхъ формъ и увеличеніе свободныхъ, не составляетъ особенности, свойственной той или другой расѣ, но представляется явленіемъ общечеловѣческимъ. Обращаетъ на себя вниманіе особенно рѣзкое паденіе числа случаевъ приращенія (въ ф. I) мочки у теленгетовъ въ возрастѣ отъ 60 лѣтъ и выше. Здѣсь невольно приходитъ въ голову воспоминаніе о другомъ признакѣ недоразвитія, совершенно иного порядка, а именно о монгольской складкѣ у внутреннихъ угловъ глаза, по свидѣтельству нѣсколькихъ авторовъ, сглаживающейся у монголовъ съ наступленіемъ стар-

ческаго возраста (мои личныя наблюденія надъ астраханскими калмыками также подтверждаютъ существованіе этого явленія). По отношенію къ монгольской складкѣ у внутреннихъ угловъ глазъ, также какъ и по отношенію къ приращенной мочкѣ, сдва ли допустима мысль о дальнѣйшей эволюціи, о прогрессивномъ развитіи въ старческомъ возрастѣ. Здѣсь можно, повидимому, говорить только о томъ, что старческое увяданіе кожи, развитіе дряблости ведетъ къ результату съ чисто морфологической точки зрѣнія, подобному тѣмъ модификаціямъ формы, какія замѣчаются и въ періодѣ эмбріональнаго и послѣ эмбріональнаго развитія организма.

Относительно измѣненій формы приращенія мочки по группамъ роста надо сказать, что у великоруссовъ если и существуетъ нѣкоторое уменьшеніе недоразвитыхъ формъ съ увеличеніемъ роста, то во всякомъ случаѣ лишь незначительное; на моемъ, по крайней мѣрѣ, матеріалѣ оно едва замѣтно (см. табл. № 136).

ТАБЛИЦА № 136-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ приращенія мочки у великоруссовъ по группамъ роста.

Формы приращ. мочки.	Низкій ростъ.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій ростъ.	
	Абс. ч	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%
I . .	20	15,1	22	11,8	31	14,9	16	12,9
II . .	30	22,7	45	24,2	36	17,3	30	24,2
III . .	30	22,7	54	29,0	64	30,8	22	17,7
IV . .	52	39,3	65	34,9	77	37,0	56	45,1

При такомъ видѣ таблицы разница между группами роста съ трудомъ лишь уловима, немногимъ лучше стоитъ дѣло и въ томъ случаѣ, если мы соединимъ всѣ наблюденія въ двѣ группы роста—низкаго и высокаго, и только при дѣленіи на двѣ послѣднихъ группы и при соединеніи вмѣстѣ формъ I и II приращенія и формъ III и IV получается для группъ высокаго роста лишь небольшое уменьшеніе недоразвитыхъ (I и II) и увеличеніе развитыхъ (III и IV) формъ мочки, а именно:

	Низкій ростъ.	Высокій ростъ.
Приращенія формъ I и II	36,8%	34,0%
„ „ III и IV	63,2%	66,0%

При распредѣленіи отдѣльныхъ формъ приращенія мочки по типамъ цвѣтности (см. табл. № 137) также получается лишь незначительная разница, на основаніи которой нельзя строить никакихъ выводовъ.

ТАБЛИЦА № 137-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ приращенія мочки у рязанцевъ по типамъ цвѣтности.

	Свѣтлый типъ. Абс. ч.	%	Темный типъ. Абс. ч.	%
Приращеніе формы I . . .	20	13,9	14	11,1
„ „ II . . .	40	27,7	35	27,7
„ „ III . . .	28	19,4	32	25,4
„ „ IV . . .	56	38,9	45	35,7

Недоразвитыя формы (I и II вмѣстѣ) составляютъ для свѣтлаго типа 60 случаевъ или 41,6%, а для темнаго—49 случаевъ или 38,8%, т.-е. темный типъ представляетъ лишь немного меньшее число случаевъ недоразвитыхъ формъ.

b) У женщинъ.

Распредѣленіе различныхъ формъ приращенія мочки у ста женщинъ-великоруссокъ показана въ таблицѣ № 138.

ТАБЛИЦА № 138-й.

Формы приращенія мочки праваго уха женщинъ-великоруссокъ.

	У женщ.	У мужчинъ-рязанцевъ.
Приращеніе мочки формы I . . .	24	13,7%
„ „ „ II . . .	15	21,7%
„ „ „ III . . .	27	26,1%
„ „ „ IV . . .	34	38,4%

При сравненіи распредѣленія формъ приращенія мочки у женщинъ съ таковымъ же у мужчинъ нельзя отмѣтить особенно рѣзкой между ними разницы. Приращеніе ф. I отмѣчено, правда, у женщинъ нѣсколько чаще, чѣмъ у мужчинъ, зато ф. II—обратно, чаще встрѣчается у женщинъ. Въ общемъ же, при раздѣленіи всего на двѣ группы—приращенной и свободной мочки, можно видѣть, что свободная мочка встрѣчается у женщинъ лишь на ничтожную величину рѣже, чѣмъ у мужчинъ (61% у женщинъ и 64,5% у мужчинъ), но разница такъ не велика, что правильнѣе будетъ ею пренебречь и считать, что въ этомъ случаѣ между мужскимъ и женскимъ ухомъ у великоруссовъ не существуетъ никакихъ различій. По отношенію къ приращенной мочкѣ мои изслѣдованія не оправдываютъ, слѣдовательно, выставленнаго *Schwalbe* общаго положенія, что женское ухо болѣе редуцировано, чѣмъ мужское.

B) Sulcus obliquus.

Косая бороздка мочки — sulcus obliquus по терминологіи Schwalbe, не составляетъ образованія, лежащаго на самой мочкѣ, но представляетъ изъ себя пограничную линію, отдѣляющую мочку отъ выше ея лежащихъ

образованій, т.-е. отъ завитка, ладьевидной ямки и противозавитка. Sulcus obliquus представляетъ сложную бороздку, состоящую изъ двухъ бороздокъ. Одна изъ этихъ образующихъ sulcus obliquus бороздокъ, названная Schwalbe *sulcus auris posterior s. incisura anthelicis* (стр. 14, фиг. I), представляетъ углубленіе, отграничивающее нижній край противозавитка отъ мочки и противокозелка; будучи расположенной на уровнѣ верхняго края противокозелка она идетъ отъ этого послѣдняго по направленію кнаружи и бываетъ обыкновенно довольно широка. Другая бороздка, отдѣляющая отъ мочки нижній край противозавитка и носящая данное ей еще His'омъ названіе *sulcus helico-lobularis*, лежитъ приблизительно на одной высотѣ съ incisura anthelicis и, начинаясь не тотчасъ у наружнаго края противозавитка, но, обыкновенно, немного отступя кнутри отъ него, направляется почти прямо кнутри, настрѣчу incisurae anthelicis. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нижній конецъ лежащей между завиткомъ и противозавиткомъ ладьевидной ямки (fossa scaphoidea) сильно суженъ и завитокъ и противозавитокъ сближены между собой, incisura anthelicis и sulcus helico lobularis сливаются непосредственно и образуютъ одну сплошную бороздку sulsus obliquus; при болѣе широкой fossa scaphoidea обѣ части sulcus obliquus разъединены и впадаютъ каждая съ своей стороны въ нижній конецъ fossae scaphoideae, нерѣдко въ такихъ случаяхъ расширенный въ кругловатую, иногда довольно глубокую ямку. Отчетливость, съ которой выражены обѣ части sulcus obliquus, подвержена колебаніямъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ (обыкновенно при толстой мясистой мочкѣ) обѣ части бороздки хорошо выражены и мочка рѣзко отграничена отъ вышележащихъ частей; въ другихъ случаяхъ, чаще всего при тонкой мочкѣ, обѣ бороздки выражены слабо и могутъ совершенно отсутствовать. Болѣе устойчивою оказывается incisura anthelicis, такъ что сравнительно не рѣдки случаи, когда эта послѣдняя существуетъ, а sulcus helico lobularis отсутствуетъ, обратныхъ же случаевъ, т.-е. наличности sulcus helico lobularis при отсутствіи incisura anthelicis, обыкновенно не наблюдается. Такимъ образомъ мочка оказывается въ общемъ лучше отграниченной отъ противозавитка, чѣмъ отъ завитка, который совершенно разгибаясь книзу, часто незамѣтно переходитъ въ свободный задній край мочки. Особенно несовершенно бываетъ отграниченіе мочки отъ вышележащихъ областей въ томъ случаѣ, когда вся fossa scaphoidea болѣе или менѣе расширена и непосредственно соединяется съ широкой бороздкой или ямкой, иногда имѣющейся на самой мочкѣ (такъ называемой sulcus supralobularis, о которой будетъ еще рѣчь ниже), — тогда сліяніе fossae scaphoideae съ sulcus supralobularis связываетъ мочку съ вышележащей областью уха въ одно цѣлое; sulcus же obliquus при этомъ нерѣдко отсутствуетъ съ обѣихъ сторонъ.

Schwalbe въ своей схемѣ разсматриваетъ sulcus obliquus какъ одно цѣлое и отмѣчаетъ три формы:

I—означаетъ полное отсутствіе sulcus obliquus.

II—sulcus obliquus существуетъ только съ одной стороны, а именно со стороны противокозелка, т.-е. въ видѣ одной только incisurae anthelicis.

III—sulcus obliquus выраженъ съ обѣихъ сторонъ, т.-е. существуетъ въ видѣ incisurae anthelicis и sulcus helico—lobularis.

Распредѣленіе различныхъ формъ sulcus obliquus у изслѣдованныхъ мною рязанцевъ, представленное на таблицѣ № 139, показываетъ, что полное отсутствіе отграниченія мочки отъ вышележащихъ областей встрѣчается не часто (въ 2,46% всѣхъ случаевъ), такъ что въ общемъ мочка великоруссовъ можетъ быть названа хорошо отграниченной.

ТАБЛИЦА № 139-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ sulcus obliquus у рязанцевъ.

Sulc. obliquus ф.	I	отмѣч. на	16	уш.	или въ	2,46% вс. случ.
„ „	II	„	232	„	„	35,69% „ „
„ „	III	„	402	„	„	61,85% „ „

Наиболѣе частой формой является, слѣдовательно, вполнѣ выраженный sulcus obliquus; относительно часты (35,69% всѣхъ наблюденій) случаи, гдѣ развита лишь одна часть косой бороздки, т.-е. incisura anthelicis.

C) Sulcus supralobularis.

Мочка нерѣдко представляется неодинаково толстой на всемъ своемъ протяженіи; иногда на наружной поверхности въ средней ея части замѣчается истончающее ее вдавленіе въ видѣ болѣе или менѣе рѣзко выраженной ямки или, вѣрнѣе сказать, желобка, лежащаго между болѣе возвышеннымъ и нѣсколько какъ бы вздутымъ свободнымъ краемъ мочки и рельефно въ этихъ случаяхъ выдающимися краями хряща, окаймляющаго incisuram intertragicam.

Въ случаяхъ отсутствія этого вдавленія вся мочка кажется болѣе толстою и ровною съ наружной поверхности, ни свободный ея край, ни хрящъ, окаймляющій incisuram intertragicam не выдаются. При слабой степени своего развитія вдавленіе замѣчается преимущественно въ средней части мочки и имѣетъ форму болѣе или менѣе кругловатой или слегка удлиненной ямки; при бо́льшемъ развитіи вдавленіе удлиняется какъ по направленію впередъ, доходя чуть не до области прикрѣпленія мочки къ щекѣ, такъ и по направленію назадъ (и вверхъ), подходя болѣе или менѣе близко къ верхней границѣ мочки, т.-е. къ sulcus obliquus; въ эксквизитныхъ случаяхъ она переходитъ и эту границу и непосредственно сливается съ fossa scaphoidea. Въ слу-

чаяхъ болѣе сильнаго развитія, все вдавленіе принимаетъ видъ ложбинки, съ изгибомъ, болѣе или менѣе параллельнымъ изгибанію свободнаго края мочки. Особенно выраженъ параллелизмъ изогнутой sulcus supra lobularis съ свободнымъ краемъ мочки въ тѣхъ эксквизитныхъ случаяхъ ея развитія, когда она переходитъ непосредственно въ fossa scaphoidea.

Существованіе соединенія sulcus supralobularis съ fossa scaphoidea представляетъ явленіе задержки развитія мочки, такъ какъ въ зародышевой жизни, особенно въ періодъ существованія мочки еще не отграниченной отъ кожи щеки, переходъ sulcus supralobularis въ fossa scaphoidea представляетъ обычное явленіе.

Schwalbe отмѣчаетъ въ своей схемѣ 4 степени развитія sulcus supralobularis, а именно:

Форма I sulcus supralobularis отсутствуетъ.
„ II развитъ въ средней степени (въ видѣ серединнаго углубленія мочки).
„ III сильно развитъ (представляетъ удлиненную ложбину, идущую по мочкѣ въ направленіи приблизительно параллельномъ ея свободному краю).
„ IV sulcus supralobularis соединяется съ fossa scaphoidea (или fossa scaphoidea переходитъ на мочку, какъ не совсѣмъ правильно опредѣляютъ эту форму нѣкоторые авторы).

Таблица № 140 представляетъ распредѣленіе различныхъ формъ sulcus supralobularis у рязанцевъ.

ТАБЛИЦА № 140-й

Распредѣленіе различныхъ формъ sulcus supralobularis у рязанцевъ.

Форма	I	на	86	ушахъ	или	13,23%	всѣхъ случаевъ.
„	II	„	240	„	„	36,92%	„ „
„	III	„	168	„	„	25,84%	„ „
„	IV	„	156	„	„	24,00%	„ „

Совершенно гладкая мочка представляетъ, слѣдовательно, сравнительно рѣдкое явленіе (у рязанцевъ—въ 13,23%), чаще же всего на мочкѣ отмѣчается углубленіе то менѣе, то болѣе развитое. Случаи, когда развитіе sulcus supralobularis доходитъ до такой степени, что эта бороздка непосредственно сливается съ fossa scaphoidea составляютъ у рязанцевъ форму далеко не рѣдкую, встрѣчаясь у нихъ въ 24% всѣхъ случаевъ. Послѣдняя особенность, свойственная уху человѣческаго эмбріона, для взрослаго населенія считается нѣкоторыми авторами за признакъ дегенераціи, сравнительно частый на ушахъ душевно-больныхъ и преступниковъ.

D) Tuberculum retrolobulare.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ только что описанное подъ именемъ sulcus supralobularis вдавленіе расширяется, какъ бы даетъ отростки по направленію вверхъ и внизъ, образуя такимъ образомъ еще новую бороздку, пересѣкающую ушную мочку поперекъ въ направленіи отъ задней половины incisurae intertragicae (отъ нижней, слѣдовательно, ножки противокозелка) къ нижней задней части свободнаго края мочки (см. 21, фиг. 1); нижнезадней половинѣ этой бороздки Schwalbe даетъ названіе sulcus retrolobularis. Отрѣзокъ мочки между sulcus obliquus и sulcus retrolobularis представляетъ одно общее возвышеніе въ томъ случаѣ, если sulcus retrolobularis недостаточно развитъ въ этой области; если же sulcus retrolobularis развитъ здѣсь хорошо, весь отрѣзокъ дѣлится имъ еще на двѣ части, изъ которыхъ одна представляетъ болѣе значительное по величинѣ возвышеніе—возвышеніе противокозелка, другая же часть носитъ особое названіе—*tuberculum retrolobulare (His)*. Всѣ эти бороздки и бугорки, очень часто едва замѣтные или отсутствующіе, представляютъ сложныя отношенія, разобраться въ которыхъ далеко не легко. His, обратившій свое вниманіе на эти образованія, отмѣчаетъ ихъ существованіе въ зародышевой жизни, но представленная имъ исторія развитія требуетъ еще дальнѣйшихъ подтвержденій, а главное не разъясняетъ въ достаточной мѣрѣ эволюцію этихъ сложныхъ образованій и ихъ значеніе. Schwalbe отводитъ, однако, въ своей схемѣ мѣсто для tuberculum retrolobulare, такъ какъ это возвышеніе представляетъ извѣстный интересъ хотя бы уже по тому одному, что съ морфологической точки зрѣнія оно кажется какъ бы отшнурованнымъ нижнимъ концомъ завитка. Такое представленіе является, впрочемъ, насколько это можно по крайней мѣрѣ судить по изслѣдованіямъ His'а, совершенно неправильнымъ, такъ какъ съ генетической точки зрѣнія tuberculum retrolobulare съ завиткомъ не имѣетъ ничего общаго; да и въ толщѣ его не заложено хряща, тогда какъ завитокъ представляетъ образованіе содержащее хрящъ. Если нѣкоторые авторы и описывали такіе случаи подъ рубрикой „завитокъ въ нижней своей части представляетъ перерывъ или отшнурованъ“, то ихъ наводили на эту мысль лишь внѣшнія морфологическія отношенія.

Schwalbe различаетъ три формы tuberculi retrolobularis: ф. I—отсутствіе; ф. II—среднее и форма III—сильное его развитіе.

У изслѣдованныхъ мною рязанцевъ этотъ бугорокъ встрѣчается, повидимому, далеко не часто, точныхъ же цифровыхъ данныхъ на этотъ счетъ я привести не могу, такъ какъ, закончивъ уже большую часть своихъ изслѣдованій, я могъ убѣдиться, что я впалъ въ ошибку, принимая у взрослыхъ за tuberculum retrolobulare не то образованіе, которое прослѣживаетъ подъ этимъ именемъ на эмбріональной мочкѣ His, но другое возвышеніе, такъ называемое *eminentia anonyma* (Schwalbe), относительно котораго Schwalbe ничего не говоритъ въ

той работѣ, въ которой онъ предлагаетъ свою схему для изслѣдованія уха, такъ что только по рисунку, приложенному къ его анатоміи наружнаго уха, вышедшей въ свѣтъ въ 1897 году и полученной мною по окончаніи собиранія моего матеріала, я могъ убѣдиться въ своей ошибкѣ, очень, впрочемъ, простительной, благодаря неясности и сложности анатомическихъ отношеній отдѣльныхъ углубленій и возвышеній, какъ эмбріональной такъ и развитой человѣческой мочки.

E) Направленіе мочки.

По отношенію къ плоскости уха, т.-е. къ вертикальной плоскости, въ которой лежитъ линія, соединяющая верхушку козелка съ свободнымъ краемъ завитка въ его части *) мочка лежитъ то прямо въ этой плоскости, то загибается вся или только своимъ нижнимъ концомъ болѣе или менѣе значительно или кнаружи отъ нея, или кнутри. Послѣднее положеніе мочки отмѣчается нерѣдко при приращеніи мочки формы IV и составляетъ, повидимому, нормальное отношеніе для эмбріональной мочки въ первые періоды ея существованія.

По схемѣ Schwalbe различныя положенія мочки отмѣчаются слѣдующимъ образомъ:

Форма I	—	мочка направлена внутрь.
„ II	„	стоитъ прямо въ плоскости уха.
„ III	„	направлена кнаружи.

У изслѣдованныхъ мною рязанцевъ эти формы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Форма I	отмѣчена	для	84	ушей	или	въ 12,92%	вс.	случ.
„ II	„	„	532	„	„	„ 81,84%	„	„
„ III	„	„	34	„	„	„ 5,22%	„	„

Чаще всего, слѣдовательно, отмѣчается мочка, расположенная прямо въ плоскости уха, отклоненіе кнутри отмѣчается рѣже, еще рѣже (всего въ 5,22% вс. случ.) наблюдается отклоненіе ея кнаружи. Какъ форма I, такъ и форма III придаютъ уху, особенно при разсмотрѣніи его сзади, очень характерный въ морфологическомъ отношеніи видъ, но каково значеніе ихъ для расы, для опредѣленія степени совершенства развитія уха и т. д.—остается, за отсутствіемъ сравнительныхъ данныхъ, открытымъ вопросомъ.

F) Мочка у душевно-больныхъ и преступниковъ.

Психіатры и антропологи-криминалисты, изучившіе особенности уха душевно-больныхъ и преступниковъ, не оставили безъ вниманія и мочку, отличая главнымъ образомъ приращенную мочку и случаи соединенія sulcus supralobularis съ fossa scaphoidea; послѣдніе случаи отмѣчаются у большинства авторовъ подъ рубрикою „переходъ fossae scaphoideae на мочку“. Взглядъ на простое приращеніе мочки (форма II по схемѣ Schwalbe) какъ на признакъ дегенераціи претерпѣлъ чрезвычайно странную и своеобразную судьбу, о которой отчасти упоминались уже выше: свое начало онъ получилъ съ перваго же момента возникновенія самаго ученія о физическихъ признакахъ вырожденія, такъ какъ уже *Morel* упоминаетъ о приращенной мочкѣ идіотовъ, а *Legrand du Saule* вводитъ уже эту форму въ перечень физическихъ признаковъ дегенераціи. Съ тѣхъ поръ приращенная мочка неукоснительно упоминается въ числѣ признаковъ вырожденія во всѣхъ, удѣляющихъ хоть нѣсколько строкъ вопросу о физическихъ признакахъ дегенераціи, руководствахъ по психіатріи, а оттуда переходитъ, конечно, и въ сознаніе большинства практическихъ психіатровъ, несмотря на то, что большинство авторовъ, пытавшихся прійти къ рѣшенію вопроса путемъ сравнительно статистическихъ изысканій, относится къ этому признаку отрицательно. Въ числѣ такихъ авторовъ необходимо отмѣтить прежде всего такого солиднаго изслѣдователя, какъ Gradenigo, отмѣтившаго приращеніе мочки у душевно-больныхъ и у преступниковъ—нѣсколько даже рѣже, чѣмъ у нормальныхъ итальянцевъ (у норм. мужчинъ 21,3%, у преступниковъ 17,5%). Даже и такой увлеченный защитникъ значенія дегенеративнаго уха, какъ *Binder*, отказывается признать за простымъ приращеніемъ мочки значеніе признака дегенераціи. Не менѣе категорически высказываются противъ принятія приращенной мочки за атавистическій и дегенеративный признакъ—*Féré et Seglas*. Нѣкоторые авторы присоединяются къ тому же взгляду, несмотря даже на то, что ихъ цифры какъ бы и показываютъ на перевѣсъ случаевъ приращенія мочки у душевно-больныхъ или у преступниковъ, по сравненію ихъ съ нормальнымъ населеніемъ. Такъ, *Näcke*, изслѣдовавшій строеніе уха у женщинъ, нашелъ простое приращеніе мочки:

У нормальныхъ женщинъ.	въ 18,0%
„ преступницъ, караемыхъ впервые,	„ 29,5%
„ преступницъ-рецидивистокъ. . . .	„ 15,4%
„ душевно-больныхъ.	„ 34,1%

О значительномъ преобладаніе приращенной мочки у душевно-больныхъ женщинъ Näcke упоминаетъ лишь вскользь, такъ какъ главное его вниманіе было сосредоточено на преступномъ типѣ; въ этомъ случаѣ для автора имѣло, повидимому, преобладающее значеніе то обстоятельство, что среди рецидивистокъ приращенная мочка неожиданнымъ образомъ оказывается менѣе распространенной не только по сравненію съ преступни-

*) Обозначательная для опредѣленія положенія верхушки ствола противозавитка плоскость уха Bertillon'а (см. выше, въ главѣ, посвященной описанію противозавитка).

цами, впервые караемыми закономъ, но даже и по сравненію съ нормальнымъ населеніемъ—отсюда и отрицательное отношеніе автора къ приращенной мочкѣ.

До нѣкоторой степени свидѣтельствуютъ въ пользу значенія приращенной мочки, какъ признака дегенераціи, цифры *Giuffrida Ruggieri*, отмѣтившаго эту форму у 233 душевно-больныхъ мужчинъ въ 13,0% всѣхъ случаевъ, при чемъ при менѣе тяжкихъ формахъ дегенераціи она отмѣчена имъ 11,3%, для болѣе же тяжелой дегенераціи—въ 15,9%. Но разница въ этомъ отношеніи не настолько велика, чтобы побудить самого автора придавать приращенной мочкѣ, какъ признаку дегенераціи, какое-либо значеніе. Многіе изъ другихъ итальянскихъ авторовъ даютъ цифры, выражающія распространеніе приращенной мочки для преступниковъ, не давая, однако, сравнительныхъ цифръ для здороваго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ самыя цифры отдѣльныхъ авторовъ такъ не велики (*Marro* при 520 наблюденіяхъ насчитываетъ 2,9% случаевъ приращенія мочки, *Penta* при 400 наблюденіяхъ—3%, *Arno* при 150 наблюденіяхъ—1% и т. д.), что, при недостаточно точной терминологіи авторовъ, даютъ поводъ думать, что здѣсь рѣчь идетъ не о простомъ приращеніи мочки, а объ острой, переходящей незамѣтно въ кожу щеки мочкѣ (приращен. ф. I по Schwalbe). Такое предположеніе становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что *Gradenigo*, какъ это упоминалось уже выше, даетъ для нормальныхъ итальянцевъ 21,3% случаевъ простого приращенія мочки. Но сравненіе цифры Gradenigo для приращенія мочки формы I по схемѣ Schwalbe (5,2%) съ цифрами Marro, Arno и Penta не говоритъ за то, чтобы и эта форма мочки была больше распространена среди преступниковъ, чѣмъ среди нормальнаго населенія. Тѣмъ не менѣе, самъ *Gradenigo*, затѣмъ *Vali* и нѣкоторые другіе авторы получили цифры, позволяющія имъ утверждать, что приращеніе мочки въ формѣ I, въ отличіе отъ простого приращенія мочки (форма II), встрѣчается у преступниковъ и у душевно-больныхъ чаще, чѣмъ у нормальнаго населенія. Такъ, Gradenigo даетъ для этой формы слѣдующія цифры: у нормальныхъ—5,2%, у преступниковъ — 7,6%, у душевно-больныхъ — 9,7%; *Vali* (Будапештъ): у нормальныхъ—5,6%, у душевно больныхъ—13,6% и т. д. Равнымъ образомъ и *Binder* считаетъ постепенно переходящую въ кожу щеки мочку за форму характеризующую ухо душевно-больныхъ.

Болѣе систематическое изслѣдованіе мочки душевно больныхъ произведено *Warda*, пользовавшимся уже схемою Schwalbe; къ сожалѣнію, Warda, не даетъ сравнительныхъ цифръ для нормальнаго населенія. Простое приращеніе мочки Warda отмѣтилъ въ 31,7%, приращеніе же въ формѣ I—въ 7,8%. Относительно значенія какъ той, такъ и другой формы приращенія Warda приходитъ къ отрицательному выводу, на основаніи того соображенія, что распредѣленіе различныхъ формъ приращенія мочки у душевно-больныхъ наслѣдственно отягченныхъ ничѣмъ неразнится отъ распредѣленія ихъ среди больныхъ безъ наслѣдственнаго отягченія: опредѣляя среднюю форму приращенія мочки *) у душевно-больныхъ мужчинъ какъ отягченныхъ наслѣдственно, такъ и не отягченныхъ, Warda получилъ въ обоихъ случаяхъ одинаковую цифру, а именно — 2,6. Но такой методъ изслѣдованія имѣетъ, какъ это уже отмѣчалось выше, ту дурную сторону, что самое дѣленіе на отягченныхъ и неотягченныхъ въ значительной мѣрѣ условно, а потому и самый выводъ автора не можетъ считаться непогрѣшимымъ. Нельзя, впрочемъ, придавать особое значеніе и цифрамъ Vali и Gradenigo, такъ какъ отмѣченныя ими различія между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ не настолько уже значительны, чтобы приписывать имъ рѣшающее значеніе.

Соединеніе sulcus supralobularis съ fossa scaphoidea, отмѣчаемое *Binder*'омъ, какъ „durchgehende Fossa" (scaphoidea) является въ глазахъ этого автора однимъ изъ важныхъ признаковъ дегенераціи; у 186 душевно-больныхъ мужчинъ этотъ признакъ насчитывается, по Binder'у, въ 29 случаяхъ, т.-е. въ 15,6%, значительно рѣже у душевно-больныхъ женщинъ (около 5%). Тѣмъ не менѣе, голословному заявленію Binder'а о томъ, что послѣдняя форма встрѣчается у нормальнаго населенія лишь чрезвычайно рѣдко, едва ли можно довѣрять. Болѣе точныя изслѣдованія Gradenigo для итальянцевъ показали, что „переходъ fossae scaphoideae на мочку" не представляется особенно рѣдкимъ и среди нормальнаго населенія, такъ какъ отмѣчается у него въ 8,2% всѣхъ случаевъ; у преступниковъ (13,9%, а особенно у душевно-больныхъ (21,2%) Gradenigo нашелъ, правда, эту форму значительно болѣе распространенною чѣмъ среди нормальнаго населенія, при чемъ разница между цифрами для этихъ группъ населенія довольно внушительна. Мои личныя наблюденія дали въ общемъ результатъ очень близкій къ тому, что былъ полученъ Gradenigo, такъ какъ и у меня (см. табл. № 141) число случаевъ простого приращенія мочки (ф. II) оказалось почти совершенно одинаковымъ у здоровыхъ (21,7%) и у душевно-больныхъ (20%) великоруссовъ, число же случаевъ приращенія въ формѣ I, у душевно-больныхъ великоруссовъ оказалось нѣсколько больше, чѣмъ у здоровыхъ, хотя разница у меня въ этомъ отношеніи не такъ велика, какъ у Gradenigo, но, тѣмъ не менѣе, все-таки замѣтна (6,8%).

---

*) По тому же методу, какъ для Дарвинова бугорка, т.-е. умножая число наблюденій падающихъ на каждую форму, на цифру, которой отмѣчается эта форма и дѣля полученную сумму на число всѣхъ наблюденій.

ТАБЛИЦА № 141-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ приращенія ушной мочки у 325 здоровыхъ и у 100 вырождающихся душевно-больныхъ великоруссовъ.

Приращеніе мочки.	У душевно-больныхъ абс. чис.	%	У здоровыхъ %
Ф. I	41	20,5	13,7
Ф. II	40	20,0	21,7
Ф. III	59	29,5	26,1
Ф. IV	60	30,0	38,4

Приращеніе формы II и III не обнаруживаетъ особенно рѣзкой разницы, приращеніе же формы I встрѣчается чаще у душевно-больныхъ чѣмъ у здоровыхъ (на 6,8%), тогда какъ приращеніе ф. IV, т.-е. вполнѣ свободная мочка, обратно, болѣе распространена среди здоровыхъ (разница въ 8,7%). Если мы высчитаемъ теперь среднюю форму приращенія мочки у здоровыхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ, то увидимъ, что у первыхъ она составляетъ $\frac{89 \times 1 + 141 \times 2 + 170 \times 3 + 250 \times 4}{650} =$ $= 2,89$, тогда какъ у вторыхъ— $\frac{41 \times 1 + 40 \times 2 + 59 \times 3 + 60 \times 4}{200} = 2,69$, т.-е. у здоровыхъ средняя форма приращенія нѣсколько больше чѣмъ у больныхъ или другими словами, у душевно-больныхъ мочка въ общемъ нѣсколько хуже диференцирована, чѣмъ у здоровыхъ. Равнымъ образомъ и sulcus supralobularis въ формѣ IV, т.-е. переходъ fossae scaphoideae на мочку, по терминологіи авторовъ, является среди душевно-больныхъ болѣе распространеннымъ, чѣмъ среди здоровыхъ, составляя у первыхъ 68 случаевъ, или 34%, а у вторыхъ—всего 24%; разница въ 10% достаточно велика для того, чтобы ея нельзя было игнорировать. Такимъ образомъ въ строеніи мочки душевно-больныхъ и здоровыхъ существуетъ, повидимому, нѣкоторая хотя и не особенно рѣзко выраженная разница, сводящаяся главнымъ образомъ къ большему распространенію среди душевно-больныхъ приращенія мочки въ формѣ I и соединенія sulcus supralobularis съ fossa scaphoidea.

X.

Отстояніе уха отъ черепа.

Отстояніе уха отъ черепа пользовалось также нѣкоторымъ вниманіемъ антропологовъ и психіатровъ, но и здѣсь мы имѣемъ много отдѣльныхъ замѣчаній, много попытокъ характеристикъ расовыхъ формъ, сдѣланныхъ на глазъ, по общему впечатлѣнію, и очень мало цифровыхъ данныхъ, на которыя подобныя характеристики могли бы опираться. Но такъ какъ общее впечатлѣніе далеко не всегда создается на основаніи преобладающихъ типовъ, если хотите, даже, наоборотъ, чаще всего бросаются въ глаза формы болѣе уклоняющіяся отъ обычнаго средняго, потому не удивительно, что и замѣчанія авторовъ относительно расовыхъ особенностей въ степени отстоянія ушей такъ же какъ и большинство другихъ не провѣренныхъ на цифрахъ замѣчаній общаго характера и не отличаются большой степенью достовѣрности и въ достаточной мѣрѣ противорѣчивы. Мало говоря о среднихъ степеняхъ отстоянія уха отъ черепа, авторы отличаютъ обыкновенно тѣсное прилежаніе уха къ черепу и значительное его отстояніе отъ черепа, или „оттопыренное ухо"; большинство изслѣдователей не указываетъ при этомъ предѣловъ, отъ которыхъ они начинаютъ считать ту или другую форму. Относительно тѣснаго прилежанія уха къ черепу вліяніе индивидуализма еще болѣе или менѣе ограничена, иначе стоитъ дѣло по отношенію къ оттопыренному уху, за которое могутъ быть приняты и незначительныя сравнительно степени оттопыриванія, и только тѣ крайнія формы, когда вся ушная раковина вытянулась по направленіи кнаружи, такъ что оба уха представляютъ какъ бы ручки большого сосуда (Henkel Ohr, oreille à anse авторовъ). Разнообразіе взглядовъ увеличивается еще и потому, что далеко не рѣдки такіе случаи, когда ухо въ средней и нижней его части лишь умѣренно отстоитъ отъ черепа, тогда какъ верхній полюсъ уха уклоняется отъ височной области черепа, на сравнительно значительное разстояніе. Одни авторы руководствуясь положеніемъ средней и нижней части уха отмѣтятъ въ такомъ случаѣ среднюю степень отстоянія, тогда какъ другіе, обратившіе вниманіе на верхней полюсъ, зарегиструютъ такое ухо какъ оттопыренное. Между тѣмъ нѣкоторые изслѣдователи (*Gradenigo, Karutz*), какъ разъ указываютъ на особое значеніе отстоянія верхней части уха; по *Karutz*'у, напримѣръ, большая или меньшая степень отстоянія средней и нижней части уха не играетъ особой роли, завися отъ неравномѣрнаго дѣйствія мышцъ, отклоняющихъ ухо кпереди и оттягивающихъ его кзади, отъ особенностей въ конфигураціи черепа и т. д., тогда какъ отстояніе одного только верхняго полюса уха со-

ставляетъ своеобразную и типичную форму. Многіе изслѣдователи вообще не придаютъ оттопыренному или прилежащему къ черепу уху особаго значенія и, не отрицая сравнительно болѣе частаго появленія этихъ формъ у тѣхъ или другихъ человѣческихъ группъ, склонны, однако, видѣть здѣсь вліяніе болѣе или менѣе случайныхъ моментовъ въ родѣ способа ношенія головного убора, обычнаго укрыванія головы младенцевъ (чепчики), способа укладыванія дѣтей въ колыбели и т. д. Такъ за вліяніе головнаго убора высказываются *Curtis, Binder, Nachtgal, Karutz, Гильченко, E. Chantre* и др.

Въ оттопыренномъ ухѣ многіе изслѣдователи хотѣли видѣть атавистическій признакъ, сближающій человѣка съ животными; особенно ратовали за это антропологи-криминалисты; самъ глава школы *Lombroso* первый отмѣтилъ подъ терминомъ „oreille à anse" эту форму, какъ характерную для уха преступниковъ, *Marro* же особенно настаивалъ на атавистическомъ характерѣ этого признака. Въ доказательство принадлежности оттопыреннаго уха къ признакамъ, характеризующимъ болѣе низкую организацію, дѣлались нерѣдко ссылки на изслѣдованія *Gélé*. Но изслѣдованія Gélé касались главнымъ образомъ вопроса о степени развитія сосцевиднаго отростка височной кости. Gélé показалъ, что pr. mastoideus отсутствуетъ у низшихъ обезьянъ, слабо развитъ у низшихъ приматовъ, лучше—у антропоидныхъ и полнаго своего развитія достигаетъ только у человѣка. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что степень развитія сосцевиднаго отростка находится въ прямой связи со степенью развитія прикрѣпляющагося къ нему m. sterno-cleido-mastoideus, а эта мышца, какъ поворачивающая при односторонней функціи и поддерживающая въ прямомъ положеніи голову, при функціи ея съ обѣихъ сторонъ, въ свою очередь, тѣсно связана со степенью выпрямленія туловища при ходьбѣ. Съ этой точки зрѣнія сильное развитіе сосцевиднаго отростка можетъ, очевидно, имѣть значеніе признака болѣе совершенной организаціи. Но совершенно невѣрно утвержденіе, что величина отстоянія уха отъ черепа зависитъ исключительно отъ развитія сосцевиднаго отростка. Конечно, при болѣе развитомъ сосцевидномъ отросткѣ ушная раковина окажется caeteris paribus ближе къ черепу, чѣмъ при слабомъ его развитіи; но едва ли разница въ этихъ случаяхъ была бы такъ велика. Кромѣ степени развитія pr. mastoideus, здѣсь играютъ большую роль еще и другіе моменты. Выше мнѣ уже пришлось высказать мнѣніе, что за исключеніемъ случаевъ искусственнаго оттопыриванія ушей, вызываемаго особенностями головного убора, далекое отстояніе уха отъ черепа едва ли обязано своимъ происхожденіемъ измѣненію въ положеніи ушной раковины, но вѣрнѣе думать, что оно зависитъ главнымъ образомъ отъ особенностей въ конфигураціи черепа; при этомъ первенствующую роль здѣсь должны играть не столько измѣненія въ формѣ сосцевиднаго отростка, сколько варіаціи въ степени выпуклости теменныхъ и височныхъ долей черепа въ ихъ цѣломъ, особенно же въ степени крутизны перехода боковыхъ частей черепа (нижнихъ частей височной и теменной костей) къ его основанію. Но эта сторона вопроса не изучена совершенно и, за отсутствіемъ сравнительно-анатомическихъ данныхъ, мы не можемъ искать здѣсь доказательствъ атавистическаго характера оттопыреннаго уха. Не задаваясь же вопросомъ о причинахъ развитія оттопыреннаго уха, но оставаясь въ рамкахъ простого наблюденія фактовъ, мы не можемъ опять-таки видѣть въ оттопыренномъ ухѣ отличительный признакъ низшей организаціи; такъ, среди обезьянъ мы можемъ видѣть различныя степени отстоянія уха отъ черепа, безъ всякой постепенности и правильности градацій: у большинства обезьянъ новаго свѣта форма положеніе уха по отношенію къ черепу напоминаетъ отношенія, существующія у большинства четвероногихъ; у большинства лемуровыхъ и петековыхъ ухо тѣсно прилежитъ къ черепу, у высшихъ же приматовъ, у антропоидныхъ отношенія измѣнчивы: у шимпанзе замѣтно рѣзко выраженное далекое отстояніе уха отъ черепа, у гориллы, а особенно у орангутанга, ухо оттопырено меньше, напоминая въ этомъ случаѣ человѣческое ухо. Къ этому надо прибавить, что *Frigerio*, глубоко вѣрящій въ дегенеративное ухо атавистическаго характера, находя ушно-височный уголъ у преступниковъ и душевно-больныхъ бо̀льшимъ, чѣмъ у нормальныхъ, считаетъ оттопыренное ухо за дегенеративный, а слѣдовательно, по его мнѣнію, и атавистическій признакъ. Но собственныя же данныя Frigerio говорятъ противъ него самого; такъ, у человѣческаго эмбріона Frigerio нашелъ наименьшій уголъ, большій у дѣтей, потомъ у взрослыхъ, но самый большой, правда, у обезьянъ (и дегенерантовъ).

Иногда оттопыренное ухо у человѣка считаютъ за атавистическій признакъ на томъ основаніи, что эта форма напоминаетъ, будто бы, формы не обезьяньихъ ушей, но ушей большинства четвероногихъ, у которыхъ ухо всегда далеко отставлено отъ черепа. Но такая аналогія основана на глубокомъ недоразумѣніи: у четвероногихъ отстояніе уха отъ черепа измѣряется угломъ, ограниченнымъ съ одной стороны линіей, идущей отъ верхушки уха до верхней точки прикрѣпленія уха къ головѣ, съ другой стороны—линіей, идущей отъ этой же точки и вверхъ по черепному своду, по направленію отъ основанія черепа къ его вершинѣ. У человѣка же степень отстоянія уха отъ черепа измѣряется угломъ ограниченнымъ линіей, идущей по средней части задней поверхности уха до средней же части (приблизительно на одномъ уровнѣ съ срединой ушного отверстія) области задняго прикрѣпленія уха; вторая же линія, ограничивающая ушной уголъ, идетъ по сосце-

видному отростку, по нижней, слѣдовательно, части височной кости, въ направленіи отъ точки окончанія первой линіи къ затылочной части черепа; у животныхъ, слѣдовательно, измѣряется уголъ, открытый кверху, а у человѣка уголъ, открытый назадъ. Тѣ же части уха, которыми составляется обыкновенно измѣряемый уголъ отстоянія уха у человѣка, у животныхъ слабо развиты (нижній полюсъ человѣческаго уха). Такимъ образомъ очевидно, что отстояніе уха отъ черепа у низшихъ животныхъ и у человѣка несоизмѣримы. Сравненіе возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы и у человѣка уголъ отстоянія уха отъ черепа измѣрялся бы какъ угловое отстояніе верхняго полюса уха отъ височной части черепа. *Gradenigo* указалъ, что верхній полюсъ уха у человѣческаго эмбріона (въ то время, когда нижняя часть уха еще не развита), дѣйствительно, отстоитъ отъ черепа далеко, напоминая въ этомъ случаѣ животныя формы. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и у взрослыхъ встрѣчаются отъ времени до времени такія формы ушей, у которыхъ нижній полюсъ и средняя часть уха отстоятъ отъ черепа на обычномъ среднемъ угловомъ разстояніи, верхній же полюсъ рѣзко отклоняется кнаружи, такъ что угловое отстояніе уха отъ височной части черепа велико. Такія формы представляютъ дѣйствительно эмбріональныя (если хотите – и атавистическія) формы *(Karutz)*; но эти формы совершенно игнорировались антропологами-криминалистами, которые настаиваютъ на атавистическомъ значеніи отстоянія всего уха, а не верхняго только его полюса и отстоянія, измѣряемаго къ тому же угломъ, открытымъ не къ верху (къ вершинѣ черепа), а назадъ (къ затылочной его части). Противъ происхожденія послѣднихъ формъ путемъ задержки развитія (resp. атавизма) говоритъ, наконецъ, и статистика *Schäffer*'а, который нашелъ, что у новорожденныхъ оттопыриваніе уха встрѣчается въ 1,7% всѣхъ наблюденій, у эмбріоновъ же рѣже, и тѣмъ рѣже, чѣмъ (до извѣстныхъ предѣловъ) болѣе раннія стадіи развитія подвергаются изслѣдованію, такъ что не существуетъ ни одной стадіи эмбріональной жизни человѣка, для которой оттопыренное ухо (какъ понимаютъ его авторы), составляло бы постоянное явленіе.

Существованіе взгляда на далеко отстоящее ухо, какъ на признакъ низшей организаціи, несмотря на всю его бездоказательность, привело, однако, наблюдателей-теоретиковъ къ убѣжденію, что представители низшихъ расъ, въ числѣ другихъ признаковъ, должны отличаться отъ европейцевъ и далеко отстоящимъ ухомъ (*Hartmann, Döring, Reineke*, отчасти *Luschan* и др.). Однако, тѣ немногія цифровыя данныя, какія на этотъ счетъ существуютъ, далеко не говорятъ въ пользу такого взгляда. На таблицѣ № 142-й представлены новѣйшія данныя, собранныя въ антропологической литературѣ Karutz'омъ.

ТАБЛИЦА № 142-й.

Распространеніе оттопыренныхъ ушей среди негровъ и австралійцевъ (по Karutz'у).

Изъ	20 обитателей острова Solomon въ	0	случаевъ.
„	22 островитянъ Gilbertin	0	„
„	2 Ново-Ганноверцевъ	0	„
„	14 Ново-Гибридцевъ	2	„
„	12 островитянъ Samoa малое отстояніе	7	„
	значительное	4	„
„	11 Ново-Мекленбуржцевъ	3	„
„	8 другихъ папуасовъ	1	„

Всего изъ 97 негровъ и австралійцевъ оттопыренное ухо отмѣчено въ 10 (17) случаяхъ, или 10,3% (17,5%), т.-е. скорѣе рѣдко, чѣмъ часто.

Не меньшей неопредѣленностью и недоказанностью отличаются и заявленія авторовъ относительно степени отстоянія уха отъ черепа у народовъ азіатскаго материка.

Правда, объ оттопыренномъ ухѣ монголовъ говорилось давно; объ этомъ упоминаетъ *Topinard;* въ „Основахъ антропологіи“ *Hervé et Hovelacque'а* монгольское ухо прямо называется оттопыреннымъ; замѣчанія *Bälz'а* о японцахъ и китайцахъ, отдѣльныя замѣчанія *Пржевальскаго, Зеланда* и многихъ другихъ изслѣдователей и путешественниковъ по азіатскому материку служатъ какъ бы къ болѣе прочной установкѣ такого взгляда. Впрочемъ, уже заявленіе А. А. Ивановскаго носитъ гораздо менѣе рѣшительный характеръ, такъ какъ въ немъ говорится только о слегка отклоненномъ впередъ ухѣ монголовъ. Но всѣ указанные авторы даютъ лишь общую характеристику монгольскаго уха, не прибѣгая къ цифровымъ даннымъ. При моихъ личныхъ же наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ приволжскихъ калмыковъ я могъ отмѣтить у нихъ оттопыренное ухо лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Имѣющіяся налицо цифры *Weissenberg'а* для башкиръ и мещеряковъ не говорятъ, повидимому, за особенно сильное распространеніе оттопыреннаго уха среди урало-алтайскихъ племенъ. Такъ, для 68 башкиръ Weissenberg отмѣчаетъ лишь 4 случая сильнаго отстоянія уха отъ черепа и 12 случаевъ слегка оттопыреннаго уха, т.-е. въ общей суммѣ 23,4%; принимая же во вниманіе лишь случаи сильнаго отстоянія уха отъ черепа, всего около 6%. Впрочемъ, *Vali* даетъ для мадьяровъ довольно высокую цифру въ 16,8%. Пересматривая отдѣльныя замѣчанія авторовъ относительно монгольскаго уха, Karutz сомнѣвается, чтобы можно было принять, на основаніи существующаго литературнаго матеріала, оттопыренное ухо за дѣйствительно характерную для монголовъ форму; при этомъ Karutz прибавляетъ, что уже существованіе у многихъ монгольскихъ племенъ повѣрія о томъ, что обладатели от-

топыреннаго уха—счастливые люди, ясно доказываетъ, что послѣдняя форма уха не могла слишкомъ часто встрѣчаться среди древнихъ монголовъ. Не считая послѣдняго аргумента Karutz'а слишкомъ убѣдительнымъ, нельзя, однако, не сказать вмѣстѣ съ нимъ, что и замѣчанія другихъ авторовъ на этотъ счетъ были далеко не убѣдительны. При этомъ необходимо помнить и то обстоятельство, что среди племенъ азіатскаго происхожденія особенно распространены обычаи ношенія тюрбановъ, высокихъ мѣховыхъ шапокъ, малахаевъ и другихъ головныхъ покрововъ, могущихъ оказывать особенно сильное вліяніе на степень отстоянія уха отъ черепа.

Въ русской антропологической литературѣ имѣется, между прочимъ, нѣсколько указаній относительно распространенія оттопыренныхъ ушей для народностей, населяющихъ Кавказъ. *И. И. Пантюховъ* говорятъ о лезгинахъ, что они обладаютъ оттопыренными ушами; но ф. *Эркертъ* отмѣчаетъ, правда, у аваровъ далекое отстояніе уха отъ черепа въ 25 случаяхъ изъ 55 наблюденій (45,4%), но у кюринцевъ на 169 наблюденій падаетъ всего 3 такихъ случая, а изъ 277 представителей остальныхъ лезгинскихъ племенъ ни одного раза. У болѣе, чѣмъ лезгины, близкихъ къ азіатскимъ племенамъ кумыковъ отстояніе уха отъ черепа, повидимому, не велико. Dr. *Свидерскій*, измѣряя у кумыковъ, съ помощью линейки, отстояніе отъ черепа верхушки уха, нашелъ это разстояніе равнымъ въ среднемъ 1,84 cnt., при предѣлахъ отъ 0,8 до 2,6 cnt., т.-е. въ общемъ величину довольно умѣренную.

Относительно распространенія оттопыренныхъ ушей у представителей болѣе чистыхъ европейскихъ расъ мы имѣемъ нѣсколько болѣе точныя данныя, полученныя главнымъ образомъ благодаря работамъ авторовъ, разсматривавшихъ отстоящее ухо (Henkelohr, oreille à anse) у душевно-больныхъ и преступниковъ и попутно собиравшихъ сравнительныя цифры и для нормальнаго населенія. Здѣсь прежде всего надо указать на *Frigerio*, спеціально занявшагося (подъ давленіемъ заявленія Lambroso объ oreille à anse, какъ характерной формѣ уха преступниковъ), вопросомъ объ отстояніи уха отъ черепа, которое онъ измѣрялъ въ градусахъ помощью особаго конструированнаго имъ угломѣрнаго циркуля.

Frigerio нашелъ, что измѣряемый имъ уголъ между задней стѣнкой уха и подлежащей частью черепа, или angulum auriculo-temporale, у человѣческаго эмбріона въ 6—7 мѣсяцевъ не превосходитъ 30°—40°, въ первый годъ жизни держится около 30—45°, у дѣтей въ 6—10 лѣтъ очень рѣдко бываетъ меньше 50° и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ переходитъ за 90°, у юношей этотъ уголъ увеличивается и у взрослыхъ (солдатъ, италіанцевъ) достигаетъ своего maximum'а. Измѣренные 100 солдатъ Frigerio дали величины угла отъ 50° до 70° въ 31%, отъ 71° до 90°—въ 57% и выше 90°—въ 17% всѣхъ случаевъ. Занимавшійся изученіемъ отстоянія уха у преступниковъ норвежскій изслѣдователь *Daae* нашелъ, что отстояніе уха продолжаетъ увеличиваться и за предѣлами возрастанія организма, до самой старости.

Отмѣчая, что обезьяны (не указано какихъ видовъ и родовъ) обладаютъ наибольшей величиной anguli auriculoa-temporalis, рѣдко спускающейся ниже 100° и что душевно-больные и преступники даютъ также большія, чѣмъ нормальные люди, величины этого угла, Frigerio не колеблется признать за большой величиной угла у человѣка значеніе внѣшняго признака, отмѣчающаго неуравновѣшенную нервно-психическую организацію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, признака атавистическаго; чтобы придти къ такому выводу, Frigerio долженъ былъ закрыть глаза на противорѣчащій его положенію имъ же самимъ отмѣченный фактъ повышенія угла, съ переходомъ отъ эмбріона къ зрѣлому плоду, отъ этого—къ дѣтскому и юношескому, а потомъ и зрѣлому возрастамъ, что, впрочемъ, онъ благополучно и совершаетъ. Уголъ, переходящій за 90°, можетъ уже считаться большимъ угломъ, и констатированіе его въ 17% всѣхъ наблюденій говорило бы за то, что между италіанцами оттопыренные уши очень нерѣдки, если бы методъ изслѣдованія Frigerio не былъ чуждъ ошибокъ; но этого какъ разъ и нельзя сказать. Прежде всего измѣреніе этого угла циркулемъ очень затруднительно, такъ какъ задняя поверхность уха не гладка, но представляетъ болѣе или менѣе значительную выпуклость, обращенную къ черепу. Вслѣдствіе этого, установка циркуля въ вершинѣ угла почти неизбѣжно вызываетъ отдавливаніе и оттѣсненіе легко подвижнаго уха отъ черепа, т.-е. увеличеніе anguli auriculo-temporalis, при чемъ въ извѣстныхъ случаяхъ это увеличеніе можетъ быть довольно значительно. Такимъ образомъ измѣреніе угловыхъ величинъ не точно; кромѣ того, оно не выражаетъ истиннаго положенія вещей по той простой причинѣ, что пространство между черепомъ и ухомъ представляетъ изъ себя очень неправильный, ограниченный изогнутыми стѣнками, уголъ, вслѣдствіе чего возможны такіе случаи, когда при небольшой величинѣ самой вершины угла, отстояніе задняго края уха отъ черепа будетъ велико и обратно—мало, при сравнительно большой градусной величинѣ, отсчитанной на циркулѣ. Въ силу такихъ, очевидно, соображеній, Schwalbe отказался отъ попытки выраженія величины угла въ градусныхъ величинахъ и принимаетъ въ своей схемѣ три градаціи отстоянія уха отъ черепа:

I.—Тѣсное прилежаніе уха къ черепу (безъ болѣе точнаго указанія его предѣловъ).

II.—Среднее.

III.—Далекое отстояніе уха, когда уголъ между черепомъ и задней поверхностью уха, оцѣниваемый на глазъ, доходитъ до 90° и больше.

Опредѣленіе первой формы допускаетъ, очевидно, довольно широкій произволъ, въ оцѣнкѣ третьей формы также, конечно, возможенъ нѣкоторый произволъ и неточность, но уже гораздо меньшіе, чѣмъ для первой формы. Такъ какъ большинство авторовъ, отмѣчающихъ отстоящее или оттопыренное ухо, принимаетъ, повидимому, приблизительно ту же ея границу, что и Schwalbe, цифры оттопыреннаго уха авторовъ до нѣкоторой степени сравнимы съ отстояніемъ уха формы III по Schwalbe.

Мои изслѣдованія ушей 325 рязанцевъ дали слѣдующія (см. табл. № 143) цифры:

ТАБЛИЦА № 143-й.

Распредѣленіе различныхъ степеней отстоянія уха отъ черепа у рязанцевъ.

Отстояніе формы	I	отмѣчено на	48	ушахъ	или въ	7,3%
„	„	II	„	534	„	82,1%
„	„	III	„	68	„	10,4%

Тѣсное прилеганіе ушей къ черепу, равно какъ и далекое ихъ отстояніе отъ черепа составляютъ сравнительно рѣдкое явленіе, такъ какъ въ 82% всѣхъ наблюденій отмѣчается средняя степень отстоянія. Оттопыренное ухо составляетъ 10,4% всѣхъ случаевъ.

Изъ другихъ европейцевъ у италіанцевъ оттопыренное ухо отмѣчается по *Gradenigo* въ 11,1%, тогда какъ у *Frigerio* мы уже видѣли выше цифру въ 17%; *Lannois* для французовъ дастъ значительно болѣе высокую, чѣмъ у италіанцевъ Gradenigo, цифру въ 25,2%. Для германцевъ имѣется цифра *Karutz'а* въ 8,2% и, по обыкновенію экстровагантная, цифра *Eüle* въ 0,7% (а у преступниковъ—97%!!).

Такимъ образомъ великоруссы обладаютъ, повидимому, процентомъ оттопыренныхъ ушей, довольно близкимъ къ проценту ихъ у италіанцевъ Gradenigo и нѣмцевъ Karutz'а, и значительно уступающимъ цифрамъ Lannois для французовъ. Если мы вспомнимъ, что и соединенная група чернокожихъ (см. табл. № 142-й) дала 10,3% случаевъ значительнаго оттопыриванія уха (и 17,5%, включая сюда и случаи „легкаго оттопыриванія") надо, кажется, принять, что въ этомъ отношеніи между чернокожими и европейцами нѣтъ существенной разницы. Для того, чтобы сказать что-либо положительное относительно сравненія европейцевъ съ народами азіатскаго происхожденія, мы не имѣемъ достаточнаго количества соотвѣтствующихъ цифровыхъ данныхъ. У изслѣдованныхъ мною 75 приволжскихъ калмыковъ я могъ отмѣтить лишь одинъ случай рѣзкаго отстоянія уха отъ черепа, равнымъ образомъ и у прошедшей предъ моими глазами значительной массы калмыковъ я лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могъ отмѣтить оттопыренное ухо, такъ что, на основаніи моего личнаго опыта, я никоимъ образомъ не могъ убѣдиться въ томъ, чтобы далеко отстоящее отъ черепа ухо было характерно для чистыхъ монголовъ. Ухо ближайшихъ родичей нашихъ калмыковъ—торгоутовъ Тарбагатайской области, г. *Ивановскій* называетъ лишь „нѣсколько отклоненнымъ впередъ", что далеко не соотвѣтствуетъ понятію объ оттопыренномъ ухѣ. Указанія *Bälz'а* и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ на оттопыренное ухо китайцевъ и японцевъ недостаточно опредѣленны.

Нѣсколько иначе стоитъ, повидимому, дѣло по отношенію къ народамъ урало-алтайскаго происхожденія, въ особенности же по отношенію къ тюркамъ. И здѣсь мы не имѣемъ, правда, достаточно убѣдительныхъ цифровыхъ данныхъ, но указанія путешественниковъ въ этомъ отношеніи гораздо опредѣленнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и мои личныя воспоминанія, вынесенныя изъ частыхъ и долговременныхъ соприкосновеній со многими изъ тюркскихъ племенъ, согласуются съ указаніями авторовъ. Такъ, припоминая положеніе ушей у татаръ, которыхъ я не изслѣдовалъ, впрочемъ, спеціально въ антропологическомъ отношеніи, но съ которыми очень часто сталкивался за время моей жизни въ Казани, а особенно въ Астрахани, гдѣ и въ городѣ, и во время моихъ скитаній по охотничьимъ угодьямъ, мнѣ приходилось по цѣлымъ недѣлямъ вращаться исключительно среди татаръ, я долженъ сказать, что ихъ оттопыренныя уши глубоко врѣзались въ мою память. Не довѣряя, однако, воспоминаніямъ болѣе далекаго прошлаго, въ мою послѣднюю поѣздку въ Астрахань (осенью 1900 года), уже будучи достаточно искушеннымъ въ дѣлѣ спеціальнаго изслѣдованія наружнаго уха, я обратилъ на отстояніе уха у татаръ особое вниманіе и могъ, дѣйствительно, отмѣтить больше, чѣмъ у половины всѣхъ видѣнныхъ мною въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ татаръ, болѣе или менѣе рѣзко выраженное далекое отстояніе уха отъ черепа. Аналогичное впечатлѣніе вынесъ я изъ наблюденій надъ киргизами (въ значительномъ числѣ), сартами и туркменами (въ меньшемъ числѣ), такъ что я охотно, пожалуй, говорилъ бы о спеціально *тюркской* формѣ оттопыреннаго уха, если бы мнѣ тутъ же не вспоминались тюркскіе головные уборы, способные измѣнить положеніе уха.

Всѣ произведенныя до сихъ поръ наблюденія надъ степенью отстоянія уха отъ черепа у различныхъ народовъ не даютъ, такимъ образомъ, права говорить въ утвердительной формѣ о существованіи какихъ-либо въ этомъ отношеніи расовыхъ особенностей, хотя нѣтъ также достаточныхъ основаній (особенно въ томъ случаѣ, если мы не будемъ касаться вопроса о причинахъ далекаго отстоянія ушей), утверждать въ столь категорической формѣ, какъ это дѣлаетъ *Karutz*, что нѣтъ ни одного человѣческаго племени, одной изъ расовыхъ особенностей котораго было бы оттопыренное ухо. Я лично, напротивъ, готовъ думать, что такое ухо (независимо, конечно, отъ вопроса о его происхожденіи) довольно характерно для многихъ тюркскихъ племенъ.

Памятуя, что описаніе „по общему впечатлѣнію, а тѣмъ болѣе по воспоминанію, можетъ, въ силу особенностей нашего психическаго склада, привести къ отмѣткѣ, какъ типичныхъ тѣхъ формъ, которыя особенно бросаются въ глаза, а не тѣхъ, которыя дѣйствительно болѣе распространены, я воздержался бы отъ только что сдѣланнаго заявленія, если бы въ послѣднюю поѣздку въ Астрахань я не дѣлалъ бы попытокъ хоть приблизительнаго подсчета оттопыренныхъ ушей у наблюдаемыхъ мною тюрковъ, и не убѣдился бы такимъ образомъ въ дѣйствительной частотѣ (отъ 40% до 60%) у нихъ оттопыренныхъ ушей.

Уши, тѣсно прилежащія къ головѣ, никѣмъ изъ авторовъ не считались за характерную для той или другой расы форму и отдѣльныя замѣчанія объ этой формѣ и отрывочныя цифровыя данныя такъ малочисленны и носятъ настолько случайный характеръ, что какія-либо обобщенія и выводы на этотъ счетъ совершенно въ настоящее время невозможны.

В) Оттопыренныя уши у душевно-больныхъ и преступниковъ.

Отстоящее ухо (orecchio staccato италіанскихъ авторовъ, oreille à anse—французскихъ, Henkel-Ohr—нѣмецкихъ) играло видную роль у антропологовъ-криминалистовъ, такъ какъ уже самъ Lombroso отмѣчаетъ эту форму, какъ наиболѣе характерную для уха преступниковъ, считая ее вмѣстѣ съ тѣмъ и атавистической формой (*Lombroso*, *Marro* и др.). Насколько неоснователенъ послѣдній взглядъ, мы уже имѣли случай говорить выше. Надо сказать, что и по вопросу объ относительной частотѣ этой формы у нормальнаго и преступнаго населенія, дѣло также обстоитъ не совсѣмъ благополучно, такъ какъ и самъ Lombroso и большая часть его послѣдователей ограничивались въ этомъ случаѣ (какъ и въ большинствѣ остальныхъ) подсчетомъ у преступниковъ и умолчаніемъ о здоровыхъ, или же платоническими увѣреніями въ меньшемъ распространеніи среди нихъ данной формы. Въ таблицѣ № 144-й приводятся нѣкоторыя цифры, выражающія (въ процентахъ) распространеніе оттопыреннаго уха у италіанскихъ преступниковъ.

ТАБЛИЦА № 144-й.

Распространеніе далеко отстоящихъ отъ черепа ушей среди италіанскихъ преступниковъ.

По Arno (150 набл.)	5,0%
„ Marro (529 набл.)	7,7%
„ Stura e Arese (19 набл.)	16,0%
„ Gradenigo (200)	25,2%
„ Lombroso (394)	28,0% *)
„ De Sarlo (89)	31,0%
„ Penta (400)	35,0%

*) Одна изъ послѣднихъ цифръ Lombroso; въ цѣломъ рядѣ работъ цифры Lombroso постоянно мѣняются, по мѣрѣ накопленія матеріала.

Таблица показываетъ большое разнообразіе цифръ (отъ 5% и до 35%); для сравненія съ нормальнымъ населеніемъ существуетъ, впрочемъ, только цифры *Gradenigo* (11,1%) и *Frigerio* (17,0%) большія, между прочимъ, чѣмъ та, что найдена для преступниковъ *Marro*, однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ защитниковъ атавистическаго характера этой особенности уха преступниковъ.

Къ цифрамъ таблицы № 144 надо прибавить еще изысканія Frigerio, главнѣйшія на этотъ счетъ данныя котораго приводятся въ таблицѣ № 145.

ТАБЛИЦА № 145-й.

Величина anguli auriculo-temporalis у нормальныхъ, душевно-больныхъ, преступниковъ и обезьянъ (по Frigerio).

	Нормальные.	Душ.-больн.	Преступн.	Обезьяны.
50°—70°	31%	18%	18%	0
71°—89°	52%	44%	45%	30%
90° и выше	17%	38%	55%	70%

Отстоящее ухо отмѣчалось также и у душевно-больныхъ въ качествѣ признака дегенераціи, какъ это можно видѣть уже изъ цифръ Frigerio; объ этой формѣ уха душевно-больныхъ говорятъ *Binder* и нѣкоторые другіе авторы, не дающіе по большей части сравнительныхъ съ нормальнымъ населеніемъ цифръ.

Такъ, *Giufrida Ruggieri* насчитываетъ отстоящіе уши среди 233 душевно-больныхъ (италіанцевъ) въ 17,8%, т.-е. приблизительно столько же, сколько насчитываетъ Frigerio для нормальныхъ италіанцевъ и лишь немногимъ болѣе такой же цифры Gradenigo. Въ таблицѣ № 146-й приведены статистическія данныя тѣхъ немногихъ авторовъ, которые изслѣдовали одновременно какъ нормальное, такъ и патологическое населеніе, включая сюда и данныя моихъ личныхъ наблюденій.

ТАБЛИЦА № 146-й.

Степень распространенія оттопыреннаго уха у душевно-больныхъ и преступниковъ (мужчинъ) по сравненію ихъ съ нормальнымъ населеніемъ.

Народъ.	Авторъ.	Проценты оттопыренныхъ ушей.		
		Норм.	Душ.-больн.	Прест
Нѣмцы Гамб. окр.	Karutz	8,2	7,7 (15,7) *)	—
Великор. центр. г.	Воробьевъ	10,4	35,0	—
Итальянцы	Gradenigo	11,1	26,0	25,2
Мадьяры	Vali	16,8	36,5	—

Изъ 4-хъ авторовъ, давшихъ цифры и для нормальнаго и для патологическаго населенія, трое нашли пре-

*) Первая цифра (7,7) означаетъ процентъ оттопыренныхъ ушей у душевно-больныхъ, вторая, что въ скобкахъ, у воспитанниковъ заведенія для слабоумныхъ дѣтей.

обладаніе оттопыренныхъ ушей въ послѣдней группѣ, при чемъ разница во всѣхъ случаяхъ достаточно внушительна.

Только *Karutz* не получилъ ощутительной разницы между нормальными и душевно-больными нѣмцами и лишь небольшую сравнительно разницу между первыми и воспитанниками спеціальнаго заведенія для слабоумныхъ дѣтей; но самъ Karutz, скептически относящійся къ значенію оттопыреннаго уха, какъ признака дегенераціи, указываетъ на то, что учителя заведенія, въ которомъ производилось изслѣдованіе, считаютъ за причину нѣсколько большаго распространенія среди ихъ питомцевъ оттопыренныхъ ушей рахитизмъ, рѣзко выраженный у многихъ изъ нихъ, который ведетъ къ тому, что до поступленія въ заведеніе такія дѣти проводятъ едва ли не большую часть времени въ постели, откуда и конфигурація черепа, равно какъ и соотвѣтствующее измѣненіе въ положеніи ушей по отношенію къ черепу.

Какъ бы то ни было, но то, что отмѣчено тремя изслѣдователями и что не вполнѣ отвергается и изслѣдованіями четвертаго автора, едва ли можетъ быть отрицаемо. Не имѣя никакихъ основаній для признанія съ нѣкоторыми другими авторами за оттопыреннымъ ухомъ атавистическаго или даже эмбріональнаго характера, трудно найти какое-либо подходящее объясненіе факта бо́льшаго распространенія этой формы среди душевно-больныхъ и преступниковъ. Прежде всего я остановился на мысли о томъ, что различіе между патологическимъ и нормальнымъ населеніемъ сводится въ сущности къ неоднородности состава изслѣдуемыхъ авторами группъ, такъ какъ въ группѣ нормальныхъ изслѣдуются люди весьма различной степени достатка и различнаго общественнаго положенія, тогда какъ кадры преступниковъ пополняются главнымъ образомъ людьми, возросшими въ крайней нуждѣ и безпорядочной обстановкѣ, а душевно-больные подвергаются изслѣдованію въ спеціальныхъ заведеніяхъ, куда опять-таки попадаютъ больше люди бѣдные; люди же бо́льшаго достатка и составляютъ меньшій процентъ населенія больницы и, занимая тамъ привилегированное положеніе, при массовыхъ изслѣдованіяхъ по возможности оставляются изслѣдователемъ въ покоѣ. Но люди съ достаткомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ крайніе бѣдняки и паріи общества, занимаются своей наружностью; въ дѣтствѣ они носятъ на головѣ чепчики, заботливыя матери нерѣдко обращаютъ даже особое вниманіе на то, чтобы уши ихъ дѣтей не торчали кнаружи, такъ какъ у многихъ существуетъ предубѣжденіе противъ такого положенія уха, да оттопыренное ухо и некрасиво. Ничего подобнаго не видятъ дѣти бѣдняковъ, отсюда и разница въ положеніи уха у тѣхъ и другихъ. Противъ такого разсужденія говорятъ, однако, мои собственныя изслѣдованія, гдѣ неоднородность состава изслѣдуемыхъ группъ была низведена до минимума, такъ какъ и патологическая, и нормальная группы представлены у меня исключительно крестьянами, выросшими въ обычной деревенской обстановкѣ; и тѣмъ не менѣе, разница между этими двумя группами, и разница довольно внушительная, у меня все-таки получилась. Трудно представить себѣ, чтобы нарушеніе питанія, аномальныя условія развитія зародышей плазмы и прочіе моменты, которымъ приписывается обыкновенно значеніе производящихъ причинъ дегенеративныхъ формъ, могли бы продуцировать такую странную „аномалію“, какъ болѣе далекое отстояніе уха отъ черепа, при совершенно нормальномъ въ остальныхъ отношеніяхъ ухѣ. Отсюда невольно возникаетъ вопросъ, не связано ли оттопыренное ухо съ какими-либо другими „аномаліями“.

Но изученные мною уши 325 разанцевъ представляютъ лишь ничтожное число аномалій sui generis, т.-е. атипій, какъ-то: частичные дефекты отдѣльныхъ образованій, различныя вырѣзки въ завиткѣ, перерывы въ средней части противозавитка и т. д.; остальныя же такъ называемыя аномаліи сводятся къ явленіямъ задержки развитія на той или другой стадіи, не представляющихъ нарушеній общаго эмбріональнаго типа. Число атипій настолько невелико, что если бы онѣ всѣ были связаны съ далекимъ отстояніемъ уха, дающимъ у душевно-больныхъ великоруссовъ 35% всѣхъ наблюденій, останется все-таки громадное число оттопыренныхъ ушей внѣ связи съ атипіями. Остается, слѣдовательно, предположить, что далекое отстояніе уха отъ черепа, не представляя само по себѣ явленія задержки развитія, тѣмъ не менѣе, такъ или иначе связано съ этими явленіями. Для лучшаго освѣщенія этого вопроса, я сдѣлалъ попытку выдѣлить у изслѣдованныхъ мною душевно-больныхъ оттопыренныя уши въ отдѣльную группу и сличить распространеніе среди всей массы и выдѣленной группы нѣкоторыхъ важнѣйшихъ признаковъ задержки развитія, какъ то: рѣзко выраженнаго Дарвинова бугорка, дефектовъ завитка и приращенной въ формѣ I мочки. Полученные результаты видны изъ таблицы № 147-й.

ТАБЛИЦА № 147 й.

Сравнительная частота распространенія главнѣйшихъ явленій задержки развитія уха среди всѣхъ изслѣдованныхъ душевно-больныхъ великоруссовъ и выдѣленной изъ нихъ группы субъектовъ съ оттопыренными ушами.

		У больныхъ съ оттопыренными ушами. Абсолют. ч.	У всѣхъ 100 больн. вмѣстѣ.
Дарвиновъ бугорокъ ф. I и II.	Двухстор.	4.	
	Одностор.	2.	
	Всего 10 ушей		
	или	7,1%	13,5%

		У больныхъ съ оттопыренными ушами. Абсолют. ч.	У всѣхъ 100 больн. вмѣстѣ.
Нижняя часть завитка ф. I	Двухстор.	2.	
	Одностор.	1.	
	Всего 5 ушей или	3,5%	13,0%
Приращ. мочки ф. I	Двухстор.	5.	
	Одностор.	1.	
	Всего 11 ушей или	7,8%	13,7%

Таблица № 147-й показываетъ, что главнѣйшія явленія недоразвитія уха, при далекомъ отстояніи его отъ черепа, встрѣчаются не только не чаще, чѣмъ среди всей массы изслѣдованныхъ душевно-больныхъ, но приблизительно вдвое рѣже, что позволяетъ намъ заключить объ отсутствіи какой-либо связи оттопыреннаго уха съ явленіями его недоразвитія.

Если фактъ существованія преобладанія оттопыреннаго уха у душевно-больныхъ и преступниковъ по сравненію ихъ съ нормальнымъ населеніемъ подтвердится еще и дальнѣйшими изслѣдованіями, единственно возможнымъ на мой взглядъ его объясненіемъ будетъ предположеніе, что здѣсь играетъ роль не конфигурація уха, а конфигурація черепа, т.-е. что въ этомъ случаѣ не ухо удаляется отъ черепа, но подлежащая часть черепа является недостаточно выпуклой и какъ бы убѣгаетъ отъ уха. Въ настоящее время мы не имѣемъ какихъ-либо прямыхъ доказательствъ такого положенія, мы не знаемъ даже съ точностью, дѣйствительно ли строеніе черепа вырождающихся душевно-больныхъ отличается въ какихъ-либо отношеніяхъ отъ строенія нормальнаго черепа.

Но, помимо недостовѣрныхъ на этотъ счетъ указаній отдѣльныхъ авторовъ, мы хорошо знаемъ, что въ эксквизитныхъ, по крайней мѣрѣ, формахъ дегенераціи, въ ея конечныхъ стадіяхъ, т.-е. у идіотовъ отъ рожденія, аномальное строеніе черепа встрѣчается сплошь и рядомъ. Съ другой стороны, предположеніе о существованіи у группы субъектовъ, представляющихъ аномаліи психическихъ функцій, аномалій строенія черепа имѣетъ, конечно, raison d'être большій, чѣмъ изысканіе всякихъ другихъ физическихъ признаковъ вырожденія и съ теоретической точки зрѣнія принимается особенно охотно. Но... теоріи такъ опасны, и чѣмъ теорія стройнѣе, тѣмъ опаснѣе, а потому подождемъ фактовъ, напомнивъ только еще разъ, что ни задержкой развитія, ни сходствомъ съ животными оттопыреннаго уха психопатологическихъ субъектовъ объяснять нельзя.

До сихъ поръ мы говорили только объ оттопыренномъ ухѣ, тѣсное прилежаніе его къ черепу не интересовало антропологовъ-криминалистовъ и психіатровъ. Но мои изслѣдованія велись по схемѣ Schwalbe, отмѣчающей и эту форму, а потому въ таблицѣ № 148-й приводится распредѣленіе различныхъ формъ отстоянія уха отъ черепа у нормальныхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ въ томъ видѣ, какъ оно представляется по моимъ личнымъ изслѣдованіямъ.

ТАБЛИЦА № 148-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ отстоянія уха отъ черепа у нормальныхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ.

Отстояніе уха	Душевно-больные абс. ч.	Душевно-больные %	Нормальные. %
ф. I	9	4,5	7,3
ф. II	121	60,5	82,1
ф. III	70	35,0	10,4

У душевно-больныхъ, слѣдовательно, на ряду съ большимъ распространеніемъ оттопыренныхъ ушей, отмѣчается и меньшее распространеніе тѣснаго ихъ прилежанія, хотя въ послѣднемъ случаѣ разница между нормальной и патологической группой не такъ велика, какъ въ первомъ.

XI.

Косое стояніе уха.

Положеніе наибольшей длины (высоты) уха по отношенію къ вертикальной передне-задней плоскости у различныхъ людей не вполнѣ одинаково, хотя колеблется въ большинствѣ случаевъ въ ограниченныхъ предѣлахъ. Опредѣленіемъ этихъ колебаній занялся до сихъ поръ одинъ только *Schäffer*, изучившій положеніе уха у человѣческаго эмбріона и у взрослыхъ. Для болѣе точной оріентировки, Schäffer опредѣлилъ величину открытаго кверху и кпереди угла, образуемаго длинной осью уха, т.-е. линіей, соединяющей самую высшую и самую низкую точку уха, и глазо-ушною линіей, т.-е. линіей, соединяющей самую низкую точку нижняго глазничнаго края и верхній край ушного отверстія (линія, служащая для оріентировки относительно такъ называемой „нѣмецкой горизонтали"). Изучая этотъ уголъ у взрослыхъ, Schäffer нашелъ, что обыкновенно онъ переходитъ за 90°, не возвышаясь въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ за 112°—113°, составляя въ срединѣ около 108°. У эмбріона этотъ уголъ нѣсколько меньше; на 2-мъ и 3-мъ мѣсяцахъ онъ равенъ 87°, на 4-мъ—93°,

на 5—97°, на 6—92°, на 7—100,5°, на 8—92°, на 9—109°, на 10—108°. Наибольшія неправильности въ ходѣ цифръ зависятъ, конечно, отъ сравнительно небольшого числа наблюденій (всего 41 эмбріонъ), но въ общемъ въ эмбріональной жизни величина угла постепенно возрастаетъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ, достигая на 9-мъ мѣсяцѣ 109°, т.-е. той приблизительно величины, на которой этотъ уголъ держится и у взрослыхъ. Случаи, гдѣ этотъ уголъ переходитъ за 113° Schäffer называетъ косымъ стояніемъ уха; такихъ случаевъ отмѣчается сравнительно немного: въ эмбріональной жизни на 5-мъ мѣсяцѣ ихъ отмѣчается всего 3%, на 7—9%, начиная съ седьмого мѣсяца, случаи косого стоянія уха держатся равномѣрно около 10%; та же цифра наблюдается и у взрослыхъ.

Исходя изъ того, что случаевъ косого стоянія уха въ болѣе раннихъ періодахъ эмбріональной жизни отмѣчается меньше, чѣмъ въ позднѣйшіе періоды и у взрослыхъ, *Schäffer* эту, хотя и рѣдко встрѣчающуюся особенность, не считаетъ ни за аномалію, ни за явленіе задержки развитія, но за случай далеко зашедшаго впередъ нормальнаго развитія формъ (einer Weiterentwickelung der normalen Form)*).

Механизмъ происхожденія косого стоянія уха сводится, по объясненію Schäffer'a, къ соотвѣтствующему вращенію пирамиды височной кости, вращенію, происходящему подъ вліяніемъ разростанія мозгового вмѣстилища и начинающемуся очень рано; это вращеніе дѣлаетъ, какъ это мы уже видѣли выше, то, что Дарвиновъ бугорокъ, занимающій въ раннихъ стадіяхъ эмбріональной жизни самую высокую точку уха, опускается ниже, уступая свое мѣсто сатирову бугорку; дальнѣйшее развитіе этого вращенія ведетъ, наконецъ, и къ появленію косого стоянія уха.

Schwalbe въ своей схемѣ также отводитъ мѣсто косому стоянію уха, не выражая точно величинъ угла длинной оси уха и глазо-ушной линіи въ градусахъ, но отмѣчая лишь косое стояніе уха (имѣется—1, отсутствуетъ—0), принявъ за предѣлъ послѣдняго уголъ въ 112°. Въ моихъ изслѣдованіяхъ я не прибѣгалъ къ непосредственному измѣренію этого угла, но имѣлъ при изслѣдованіи передъ собою небольшой кусокъ картона, одинъ изъ угловъ котораго былъ срѣзанъ подъ 112°; въ сомнительныхъ случаяхъ этотъ картонъ прикладывался такимъ образомъ, что одна сторона угла въ 112° шла по направленію глазо-ушной линіи; тогда положеніе другой стороны угла сразу опредѣляло, имѣемъ ли мы дѣло съ угломъ меньшей или большей чѣмъ 112° величины.

*) Въ представленіяхъ Schäffer'a понятія „задержка развитія" и „аномалія" отождествляются.

У изслѣдованныхъ мною рязанцевъ косое положеніе уха отмѣчено на 52 ушахъ, или въ 8,0% всѣхъ случаевъ, что близко совпадаетъ съ цифрою, данною Schäffer'омъ (10,0%).

Желая провѣрить отношеніе косого стоянія ушей къ главнѣйшимъ признакамъ задержки развитія уха (рѣзко выраженный Дарвиновъ бугорокъ, недоразвитый завитокъ, приращенная въ формѣ I мочка и т. д.), я подсчитывалъ эти послѣдніе признаки отдѣльно для косо стоящихъ ушей, но не могъ отмѣтить въ этомъ отношеніи хоть сколько-нибудь значительной разницы между этой группой и общей массой изслѣдованныхъ ушей. Зато мнѣ удалось отмѣтить нѣкоторую связь между косымъ стояніемъ уха и далекимъ отстояніемъ его отъ черепа. Эта связь выразилась въ томъ, что далекое отстояніе отъ черепа среди 52 косо стоящихъ ушей отмѣчено 12 разъ, т.-е. въ 23,1% всѣхъ случаевъ, тогда какъ для общей массы изслѣдованныхъ ушей рязанцевъ оттопыренное ухо составляетъ, какъ мы видѣли, всего 10,4%. Припомнимъ теперь, что *Schäffer*, а также и *Frigerio*, нашли, что далекое отстояніе уха, такъ же, какъ и косое его стояніе, встрѣчается рѣже у эмбріоновъ болѣе раннихъ стадій, и чаще на болѣе позднихъ стадіяхъ развитія, а затѣмъ у взрослыхъ, можно заключить, что и далекое отстояніе уха, такъ же какъ и косое его положеніе, составляетъ не явленіе задержки развитія или атавизма, но, выражаясь терминомъ Schäffer'a,—явленіе „einer Weiterentwickelung der normalen Form".

У изслѣдованныхъ мною душевно-больныхъ косое стояніе уха встрѣчается лишь немного чаще, чѣмъ у нормальныхъ рязанцевъ, а именно оно отмѣчено мною на 24 ушахъ душевно-больныхъ, т.-е. въ 12% всѣхъ случаевъ (противъ 8% у рязанцевъ). Интересно отмѣтить то обстоятельство, что у душевно-больныхъ связь косого стоянія уха съ далекимъ отстояніемъ его отъ черепа выражена особенно рѣзко, такъ какъ изъ 24 косо стоящихъ ушей душевно-больныхъ въ 20 случаяхъ отмѣчено и далекое ихъ отстояніе отъ черепа, такъ что только 4 косо стоящихъ уха, или 16,6% всѣхъ косо стоящихъ ушей, не отмѣчены, какъ „оттопыренныя уши".

XII.

Нѣсколько замѣчаній о другихъ особенностяхъ въ положеніи уха по отношенію къ черепу.

При опредѣленіи положенія уха по отношенію къ черепу, схема Schwalbe разсматриваетъ, во-1-хъ, отстояніе уха отъ черепа и, во-2-хъ, положеніе линіи наибольшей длины уха по отношенію къ глазно-ушной линіи. Но было бы несправедливо умолчать и о нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ вопроса, совершенно игнорированныхъ схемою Schwalbe, но неоднократно, однако, затрогиваемыхъ другими авторами. Въ V-й главѣ первой части было уже упомянуто о томъ, что нѣкоторые изслѣдователи придавали особое значеніе высотѣ ушного отверстія, а слѣдовательно и положенія всего уха, по отношенію къ высотѣ черепа. *Дюро-де-Маль*, *Эберсъ* и нѣкоторые другіе авторы утверждали, что у антропоидныхъ обезьянъ уши посажены низко, выше стоятъ они у негровъ, а еще выше у представителей высшихъ расъ. Для попытки установленія расовыхъ отличій въ высотѣ постановки ушей главнымъ толчкомъ послужило изученіе изображеній представителей разныхъ расъ на барельефахъ и рисункахъ древнихъ египтянъ, у которыхъ, дѣйствительно, негры изображались съ низко поставленными ушами, египтяне—съ болѣе высоко поставленными ушами, изображенія же фараоновъ, какъ высшихъ представителей расы, отличались особенно рѣзко выраженной высотой положенія уха. Но такой взглядъ авторовъ не встрѣтилъ подтвержденія въ наблюденіяхъ надъ живыми людьми и противъ него возставали *Гиртль*, *Мортонъ* и др. Наконецъ, *Langer'y* удалось доказать, что то или другое положеніе ушей на египетскихъ рисункахъ имѣло значеніе условнаго символическаго признака соціальнаго положенія субъекта, и рисунокъ въ данномъ случаѣ не обладалъ анатомическою вѣрностью. Значительно позже (уже въ 1900 году) *Holl* показалъ намъ и то, какимъ путемъ шелъ въ данномъ случаѣ процессъ символизаціи (см. стр. 27).

Очень мало было обращено вниманія и на то обстоятельство, что высота праваго и лѣваго уха у одного и того же субъекта далеко не всегда одинакова; принятое у антропологовъ измѣреніе высоты ушного отверстія надъ поломъ производится обычно на одной какой-либо сторонѣ, но такой способъ можетъ вести къ далеко не такъ уже малымъ ошибкамъ. Съ фактомъ не одинаковой высоты обоихъ ушныхъ отверстій необходимо было считаться устроителямъ различныхъ приборовъ для измѣренія головы, конструированныхъ такъ, что установка самаго прибора на головѣ дѣлалась путемъ фиксаціи особыхъ штифтовъ въ ушныхъ отверстіяхъ. Тѣ изъ этихъ приборовъ, гдѣ ушные штифты были неподвижны, могли быть установляемы такъ, чтобы плоскость прибора оставалась параллельной горизонту далеко не на каждой головѣ; нѣкоторые изъ конструкторовъ такихъ приборовъ (напримѣръ, пр. *Зерновъ*, создавшій свой энцефалометръ), предвидѣли это затрудненіе и устроили ушные штифты такъ, что они могутъ быть перемѣщаемы въ вертикальномъ направленіи (равно какъ и горизонтальномъ, впередъ и назадъ; ниже мы увидимъ, что и по отношенію къ переднему и заднему концамъ горизонтальной проекціи головы ушныя отверстія также нерѣдко оказываются расположенными неодинаково на правой и лѣвой половинахъ головы). На различіи въ положеніи праваго и лѣваго ушного отверстія по отношенію къ концамъ горизонтальной проекціи головы (или черепа), въ послѣднее время особенно настаиваетъ венгерскій антропологъ *Aur. v. Török*.

До послѣдняго времени остается въ тѣни и вопросъ о смѣщеніи уха впередъ и назадъ въ плоскости горизонтальной проекціи черепа, равно какъ о степени симметричности этихъ смѣщеній для правой и лѣвой стороны черепа. Произведя цѣлый рядъ измѣреній головъ, какъ нормальнаго населенія, такъ и душевно-больныхъ, съ помощью прибора Антельма*), я, съ своей стороны, могъ убѣдиться въ томъ, что случаи ассиметріи, когда правое ухо расположено болѣе кпереди, чѣмъ лѣвое, или наоборотъ, далеко нерѣдки (особенно у душевнобольныхъ), при чемъ разница въ положеніи обоихъ ушей въ этомъ отношеніи очень замѣтна. Кефалометръ Антельма налагается на голову такимъ образомъ, что лобный штифтъ круга, составляющаго основаніе аппарата (плоскость аппарата) фиксируется на точкѣ ophrion'a, концы же обоихъ ушныхъ штифтовъ, составляющіе вмѣстѣ діаметръ на кругѣ аппарата, по направленію своему перпендикулярный къ лобному штифту, должны, по идеѣ Антельма, фиксироваться въ обоихъ ушныхъ отверстіяхъ. На практикѣ же я скоро могъ убѣдиться въ томъ, что при фиксаціи лобнаго и праваго ушного штифтовъ лѣвый ушной штифтъ очень часто ложится впереди или сзади ушного отверстія**), при чемъ отстояніе центра ушного отверстія отъ острія ушного штифта доходитъ въ экскизитныхъ случаяхъ до одного, полутора сантиметровъ и даже болѣе. Случаи, гдѣ раз-

*) Описаніе кефалометра Антельма см. въ „Mém. de la Soc. d'anthropologie. Paris. T. I.

**) Въ кефалометрѣ Anthelm'a ушные штифты занимаютъ фиксированное положеніе, не допускающее передвиженій ихъ впередъ или назадъ.

ница въ положеніи праваго и лѣваго уха выражена достаточно ясно, составляютъ у нормальныхъ людей въ среднемъ не менѣе 15%—20% (точными на этотъ счетъ цифрами въ настоящее время я не располагаю); у вырождающихся душевно-больныхъ число такихъ случаевъ замѣтно больше, чѣмъ у нормальныхъ. Но при помощи кефалометра Антельма возможно только опредѣленіе положенія одного уха по отношенію къ другому; возможна, слѣдовательно, отмѣтка отсутствія или наличности ассиметріи въ положеніи ушей, до нѣкоторой даже степени можно судить и о степени ассиметріи; но положеніе каждаго уха по отношенію къ переднему и заднему концамъ горизонтальной проекціи головы (черепа) помощью кефалометра не можетъ быть опредѣлено. Для этого необходимы другіе пріемы, изъ которыхъ наиболѣе удобнымъ является пріемъ, употребляемый Брока для опредѣленія положенія той или другой точки по отношенію къ плоскости горизонтальной проекціи (методъ измѣренія помощью двойного наугольника). Я сдѣлалъ попытку примѣнить этотъ методъ и для опредѣленія положенія ушного отверстія (на живыхъ); но излагать здѣсь результаты моихъ изысканій я считаю преждевременнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, при примѣненіи этого метода на живыхъ получаются недостаточно точные результаты и желательно примѣненіе его на черепахъ, и къ тому же на возможно большемъ числѣ случаевъ; съ другой же стороны вопросъ о положеніи наружнаго ушного отверстія по отношенію къ переднему и заднему концамъ горизонтальной проекціи черепа тѣсно связанъ съ другимъ существенно важнымъ вопросомъ, а именно: происходятъ ли варіаціи въ положеніи ушного отверстія на счетъ большаго или меньшаго изгибанія слухового канала, или всей пирамиды височной кости, при относительно постоянномъ его отношеніи къ опредѣленнымъ областямъ мозга, или же ушное отверстіе смѣщается такимъ образомъ, что и по отношенію къ какой-либо опредѣленной части мозга оно ложится одинъ разъ кпереди, другой разъ кзади и т. д.? Разсмотрѣніе этого, существенно важнаго, вопроса потребовало нѣкоторыхъ сложныхъ пріемовъ изслѣдованія, и не было до сихъ поръ сдѣлано мною съ той степенью полноты и законченности, которыя требуются самымъ значеніемъ затронутаго вопроса, а потому я предпочитаю выдѣлить этотъ вопросъ изъ общаго положенія, посвятивъ ему особую спеціальную работу.

XIII.

Особенности уха, не вошедшія въ схему Schwalbe.

Наружное ухо представляетъ изъ себя органъ, очерченный въ достаточной мѣрѣ прихотливыми и трудно поддающимися регистраціи контурами; вмѣстѣ съ тѣмъ, эти контуры обнаруживаютъ большую подвижность, большую наклонность варьировать самымъ различнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого, охватить всю сумму варіацій и дать схему, позволяющую зарегистрировать простѣйшимъ образомъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности—дѣло совершенно невозможное.

Предлагая свою схему для изслѣдованія наружнаго уха, Schwalbe ограничилъ кругъ отмѣчаемыхъ имъ варіацій лишь тѣми, которыя сравнительно не трудно поддаются болѣе или менѣе точной регистраціи, или же получаютъ особое значеніе, какъ формы, имѣющія свои аналоги въ мірѣ животныхъ и въ исторіи развитія человѣческаго эмбріона, или, наконецъ, какъ формы, еще раньше обратившія на себя вниманіе изслѣдователей, видѣвшихъ въ нихъ расовые, дегенеративные признаки и т. д.

Сознавая, что его схема не можетъ претендовать на полноту, Schwalbe не стѣсняетъ свободы изслѣдователя, отводя еще рубрику для особенностей, не укладывающихся въ рамки его схемы. Такихъ особенностей можно, конечно, набрать ad libitum, но при этомъ мы всегда будемъ рисковать внесеніемъ излишняго матеріала, не поддающагося ни достаточно точной регистраціи, ни сколько-нибудь упорядоченной правильной обработкѣ. Въ силу такихъ соображеній, послѣдняя дополнительная рубрика должна быть, на мой взглядъ, по возможности, ограничена. Начиная свои изслѣдованія, я дѣлалъ, по заполненіи всѣхъ рубрикъ схемы, цѣлый рядъ отмѣтокъ для всѣхъ особенностей, какія только мнѣ бросались въ глаза; изъ этого ряда мало-по-малу стали сами собою выдѣляться нѣкоторыя особенности, которыя повторялись болѣе или менѣе часто и носили характеръ извѣстнаго постоянства, извѣстной типичности. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ прежде всего своеобразная бороздка на мочкѣ, начинающаяся отъ дна incisurae intertragicae и идущая косвенно внизъ и нѣсколько впередъ, не доходя обыкновенно до свободнаго края мочки. Въ извѣстныхъ случаяхъ эта бороздка въ самомъ своемъ началѣ у дна incisurae intertragicae не глубока и узка, въ другихъ же случаяхъ, наоборотъ, она начинается широкимъ и довольно глубокимъ основаніемъ и только на дальнѣйшемъ своемъ пути суживается и постепенно сходитъ на нѣтъ; существуетъ, наконецъ рядъ случаевъ, указывающихъ на прямую генетическую связь этой бороздки съ incisura intertragica; въ такихъ случаяхъ основаніе бороздки углублено настолько, что incisura intertragica представляется не

замкнутой обычнымъ широкимъ, выгнутымъ внизъ краемъ, но непосредственно переходитъ въ видѣ упомянутой бороздки на мочку. Благодаря такимъ болѣе развитымъ формамъ бороздки и менѣе выраженныя ея формы, имѣющія, однако, аналогичное съ ними положеніе, могутъ быть названы съ морфологической точки продолженіемъ incisurae intertragicae на мочку. Съ филогенетической точки зрѣнія, продолженіе incisurae intertragicae на мочку можетъ быть объяснено несовершеннымъ сращеніемъ helicis mandibularis и helicis hyoidalis Gradenigo, такъ какъ эти именно образованія, срастаясь своими нижними (вентральными) концами, отграничиваютъ incisuram intertragicam. Такимъ образомъ продолженіе incisurae intertragicae на мочку представляетъ безспорное явленіе задержки развитія наружнаго уха, и задержки на очень раннихъ стадіяхъ, такъ какъ обыкновенно уже на 2-мъ мѣсяцѣ эмбріональной жизни, едва только наружное ухо начинаетъ формироваться, helix mandibularis и helix hyoidalis уже срастаются. Съ этой точки зрѣнія переходъ incisurae intertragicae на мочку, до сихъ поръ игнорируемый изслѣдователями, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Въ просмотрѣнной мной литературѣ по вопросу о строеніи наружнаго уха, у одного только *Karutz'а* я нашелъ бѣглое замѣчаніе объ этой особенности уха, оставленной, однако, и этимъ авторомъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Переходъ incisurae intertragicae на мочку, особенно въ видѣ неглубокой и узкой бороздки, встрѣчается довольно часто: у рязанцевъ онъ отмѣченъ мною (почти всегда на обоихъ ушахъ) у 39 субъектовъ, т.-е. въ 12,0% всѣхъ случаевъ, при чемъ я не могу быть увѣреннымъ въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, у первой полусотни изслѣдованныхъ мною рязанцевъ, не ускользнула отъ моего вниманія нѣкоторая часть менѣе эксквизитно выраженныхъ случаевъ наличности этой бороздки. Отмѣченные 12% представляютъ, слѣдовательно, лишь минимумъ, который долженъ быть, вѣроятно, нѣсколько увеличенъ. Изслѣдуя вырождающихся душевно-больныхъ великоруссовъ я могъ отмѣтить у нихъ (при бо́льшемъ уже вниманіи къ этой особенности) наличность перехода incisurae intertragicae на мочку всего въ 14%, т.-е. почти въ столькихъ же случаяхъ, какъ и у нормальныхъ рязанцевъ.

Изъ цѣлаго ряда другихъ моихъ замѣтокъ относительно особенностей, не вошедшихъ въ схему Schwalbe, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ особенныхъ формахъ, не всегда похожихъ другъ на друга съ морфологической точки зрѣнія, но объединяемыхъ между собою тѣмъ общимъ признакомъ, что всѣ онѣ являются уклоненіями отъ наиболѣе распространенныхъ типовъ, не представляющими сходствъ ни съ формами низшихъ млекопитающихъ, ни съ эмбріональными формами человѣческаго уха; эти особенности, нарушая основной типъ строенія уха, могутъ быть названы настоящими „*атипіями*", появленіе которыхъ должно быть отнесено къ явленіямъ частичныхъ нарушеній развитія типичныхъ формъ—*Entwickelungs störungen* нѣмецкихъ авторовъ, въ отличіе отъ явленій задержки развитія (Entwickelungs hemmungen).

На первомъ планѣ здѣсь надо указать на частичныя выемки или какъ бы сдѣланныя ножницами вырѣзки на завиткѣ, затѣмъ на мѣстныя утолщенія края завитка, правильно загнутаго на всемъ остальномъ своемъ протяженіи, на частичные перерывы ствола противозавитка и т. д. Особаго вниманія заслуживаютъ такъ называемые Дарвиновы узелки — мелкіе множественные узелки или бугорки, то разсыпанные по всему свободному краю завитка, обыкновенно при этомъ дурно развитого, то сосредоточенные въ числѣ двухъ-трехъ (обыкновенно болѣе крупныхъ) узелковъ или бугорковъ въ области, гдѣ располагается обычно Дарвиновъ бугорокъ, то разсѣянные по всему свободному краю завитка; въ извѣстныхъ случаяхъ эти бугорки такъ велики, что они не разъ описывались подъ именемъ двойного и тройного Дарвинова бугорка.

Встрѣчаясь обыкновенно на недоразвитомъ завиткѣ, они представляютъ какъ бы намекъ на несостоявшееся болѣе полное развитіе завитка и съ этой точки зрѣнія весь завитокъ можетъ быть въ такихъ случаяхъ названъ завиткомъ съ частичными дефектами развитія, при чемъ существующіе узелки представляютъ болѣе развитыя части завитка, а существующія между ними большія пространства являются аналогами чрезвычайно увеличенныхъ выемокъ и вырѣзокъ на завиткѣ, о которыхъ шла рѣчь выше. Къ такимъ же атипіямъ могутъ быть отнесены и тѣ случаи, гдѣ части, съ филогенетической точки однородныя, представляютъ на ухѣ взрослаго рѣзкія различія въ степени своего развитія; наиболѣе частыми случаями такого рода являются случаи неодинаковаго развитія ствола противозавитка и верхне-задней его ножки (срав. съ стр. 136).

Schwalbe различаетъ у взрослаго человѣка нормальныя формы уха и аномальныя. Уклоненія отъ обычной болѣе распространенной формы, вродѣ недоразвитаго завитка, рѣзко выраженнаго Дарвинова бугорка и т. д., признаваемыя большинствомъ авторовъ за аномаліи, Schwalbe считаетъ вполнѣ нормальными для редуцирующагося человѣческаго уха; значеніе же настоящихъ аномалій Schwalbe приписываетъ лишь фистуламъ и коломбамъ наружнаго уха, расщепленіямъ мочки и другимъ подобнымъ имъ, рѣдко встрѣчающимся и рѣзко нарушающимъ обычныя формы уха образованіямъ. Но и фистулы, колобомы и другія аналогичныя имъ особенности могутъ быть въ большинствѣ случаевъ сведены къ явленіямъ задержки развитія на болѣе только раннихъ стадіяхъ, чѣмъ тѣ явленія задержки, въ которыхъ Schwalbe хочетъ видѣть норму, а не аномаліи. Очевидно, слѣдовательно, что для Schwalbe въ вопросѣ о признаніи

формы за нормальную или аномальную играетъ главную роль не столько генезъ формы, сколько относительная частота ея появленія, а также и степень удаленія ея отъ типовъ обычныхъ хотя бы и ни одному взрослому человѣку, но и эмбріону или низшимъ млекопитающимъ. Если же оставить въ сторонѣ частоту распространенія, какъ слишкомъ шаткій и опасный критерій, главнѣйшимъ критеріемъ для признанія за аномалію, съ точки зрѣнія Schwalbe, является, слѣдовательно, уклоненіе данной формы за предѣлы формъ эмбріональныхъ и животныхъ. Съ этой точки зрѣнія выше отмѣченныя мною маленькія и на первый взглядъ ничтожныя измѣненія пріобрѣтаютъ особое значеніе: будучи нарушеніями, не встрѣчающимися, какъ типъ, ни у человѣческаго эмбріона, ни у животныхъ, они сближаются, слѣдовательно, съ аномаліями, какъ ихъ понимаетъ Schwalbe. Но, во избѣжаніе употребленія термина, въ которомъ вкладывался различными авторами чрезвычайно различный смыслъ, я охотно отказался бы отъ употребленія слова „аномалія“ и предпочелъ бы различать у человѣка *типичныя* формы (т.-е. тѣ формы отдѣльныхъ частей уха, которыя обычны взрослому человѣку, или встрѣчаются у его эмбріона, или хотя бы у низшихъ млекопитающихъ) и *атипичныя* (колобомы, фистулы уха, расщепленія мочки, отмѣченныя Schwalbe, равно какъ и выше отмѣченныя мною мелкія особенности въ строеніи завитка, противозавитка и т. д.). Главнымъ же критеріемъ для признанія формъ человѣческаго уха за атипичныя, является то обстоятельство, что они не принадлежатъ къ эмбріонально-животнымъ формамъ, но отнюдь не то, что они происходятъ путемъ задержки развитія, такъ какъ хотя колобомы и фистулы, происходя путемъ задержки развитія, и относятся къ атипичнымъ, зато недоразвитый завитокъ, рѣзко выраженный Дарвиновъ бугорокъ и т. д., при томъ же ихъ происхожденіи относятся къ типичнымъ формамъ (иначе, конечно, стоитъ дѣло по отношенію къ формамъ, происходящимъ путемъ нарушенія развитія, которыя уже всецѣло относятся къ атипіямъ).

У изслѣдованныхъ мною 325 рязанцевъ подобныя атипіи были регистрированы такъ:

1) Завитокъ съ выемками или вырѣзками въ верхней его части (до Дарвинова бугорка) — на обоихъ ушахъ у 3-хъ человѣкъ, на одномъ ухѣ у 4-хъ человѣкъ; завитокъ съ вырѣзками въ области ниже Дарвинова бугорка на обоихъ ушахъ у 2-хъ человѣкъ. Всего на 14 ушахъ (у 9 человѣкъ).

2) Дарвиновы узелки на обоихъ ушахъ у 10 человѣкъ, на одномъ ухѣ у 5 человѣкъ. Всего на 25 ушахъ (у 15 человѣкъ).

3) Дефектъ въ средней части ствола противозавитка у одного человѣка на одномъ ухѣ.

А всѣхъ атипичныхъ дефектовъ вмѣстѣ отмѣчено на 40 ушахъ у 30 субъектовъ, т.-е. приблизительно въ 6% всѣхъ случаевъ по числу ушей, или около 9% по числу субъектовъ.

Въ общемъ, слѣдовательно, число атипій у нормальныхъ субъектовъ не можетъ быть названо слишкомъ малымъ, однако оно не настолько велико, чтобы это лишало насъ права считать атипіи за патологическій процессъ, развившійся въ эмбріональной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, слѣды наслѣдственнаго сифилиса и другихъ наслѣдственныхъ конституціональныхъ болѣзней, захватывающихъ растущій (еще въ утробѣ матери) организмъ у изслѣдованнаго мною населенія, могутъ быть отмѣчены въ процентѣ случаевъ не меньшемъ пожалуй, чѣмъ тѣ 9%, которыми представлены атипичные дефекты уха.

У изслѣдованныхъ мною 100 вырождающихся душевно-больныхъ атипичные дефекты отмѣчены:

Завитокъ съ выемками	у 8	человѣкъ.
Дарвиновы узелки	„ 12	„
Стволъ противозавитка отсутствуетъ на ограниченномъ пространствѣ . . .	„ 2	„

Всего у 22 человѣкъ, т.-е. въ 22% всѣхъ случаевъ, или почти въ $2^1/_2$ раза чаще, чѣмъ у нормальнаго населенія. Но цифровая разница между душевно-больными и нормальными великоруссами, въ этомъ отношеніи, еще даже больше, чѣмъ она показана на только что приведенныхъ цифрахъ, такъ какъ здѣсь не приняты во вниманіе случаи различнаго развитія ствола противозавитка и его верхней ножки. У нормальныхъ великоруссовъ случаи отсутствія верхней ножки (ф. I), составляя 1,23% всѣхъ наблюденій (см. табл. № 120), отмѣчены исключительно при слабомъ развитіи ствола противозавитка, у душевно-больныхъ же великоруссовъ изъ 17 случаевъ отсутствія верхне-задней ножки (см. табл. № 121) только въ 6 случаяхъ наблюдалось и слабое развитіе ствола противозавитка, въ остальныхъ же 11 случаяхъ (т.-е. 5,5% всѣхъ ушей душевно-больныхъ), при отсутствіи верхне-задней ножки, стволъ противозавитка былъ развитъ порядочно; слѣдовательно, эти 5,5% также должны быть прибавлены къ случаямъ атипіи уха душевно-больныхъ. Нѣкоторые авторы (*Binder*, *Eule*, *Laubi* и др.) также описывали подобнаго рода „аномаліи“, какъ характерныя для уха душевно-больныхъ, хотя изслѣдованія авторовъ грѣшатъ или отсутствіемъ или недостаточно строгимъ проведеніемъ сравненія съ нормальнымъ населеніемъ. Найденная мною разница въ этомъ отношеніи между нормальнымъ и патологическимъ населеніемъ выражена рѣзко и заслуживаетъ во всякомъ случаѣ того, чтобы быть отмѣченною. Будучи особенно заинтересованъ подобными атипичными дефектами уха у душевно-больныхъ, я произвелъ подсчетъ ихъ на значительно большемъ матеріалѣ, а именно на 600 душевно-больныхъ великоруссахъ, уроженцевъ центральныхъ русскихъ губерній, но уже не крестьянъ только, а всѣхъ

сословій, при чемъ у душевно-больныхъ, страдающихъ различными болѣзнями, не всегда носящими явно дегенеративный характеръ. Среди этой массы я могъ отмѣтить атипичные дефекты отдѣльныхъ частей уха въ 16,5% всѣхъ случаевъ (у 99 субъектовъ), т.-е. значительно больше, чѣмъ у нормальныхъ рязанцевъ, но нѣсколько меньше, чѣмъ у спеціально изслѣдованныхъ 100 вырождающихся душевно-больныхъ. Послѣднее обстоятельство зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ того, что среди 600 душевно-больныхъ не всѣ были дегенерированными субъектами, да и составъ этой группы душевно-больныхъ разнился по спеціальному положенію отъ всецѣло крестьянской группы въ 100 дегенерантовъ, что также, вѣроятно, не осталось безъ вліянія и на цифру атипій уха, которыя я лично, предпочтительно предъ всѣми другими особенностями этого органа, готовъ считать за дегенеративныя формы sui generis.

XIV.

Общая форма уха.

Общая форма уха опредѣляется до нѣкоторой степени величинами его физіономическаго и морфологическаго указателей. Но и въ предѣлахъ однихъ и тѣхъ же величинъ указателей могутъ заключаться различныя конфигураціи наружнаго уха, замѣтныя для глаза, хотя и не поддающіяся точному измѣренію. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ, конечно, регистрацію ихъ возможной лишь съ приблизительной точностью. При моихъ личныхъ изслѣдованіяхъ, я дѣлалъ на карточкахъ очень подробныя на этотъ счетъ отмѣтки; при разборкѣ же моего матеріала оказалось возможнымъ выдѣлить нѣсколько отдѣльныхъ основныхъ формъ, которыя и принимались мною во вниманіе при дальнѣйшей обработкѣ. Прежде всего я отказался отъ мысли дѣлать какое-либо употребленіе изъ отмѣтокъ: „длинное“, „узкое“, „широкое“, „овальное“, „болѣе округлое“ ухо и т. д., такъ какъ на ряду съ такими субъективными отмѣтками имѣются величины, позволяющія вычислить физіономическій указатель, выражающій всѣ эти термины въ болѣе точныхъ числовыхъ величинахъ.

Другія же замѣтки относительно общей формы уха позволили мнѣ выдѣлить слѣдующія основныя формы: 1) ухо болѣе или менѣе правильно овальное, 2) ухо суженное, или даже заостренное, въ нижнемъ своемъ концѣ, 3) суженное вверху и 4) ухо суженное и въ верхнемъ и въ нижнемъ полюсахъ. Болѣе или менѣе правильно овальное ухо, наиболѣе широко приблизительно въ средней своей части и представляетъ нѣкоторое суженіе верхняго и нижняго полюсовъ, но суженіе сравнительно небольшое и притомъ довольно постепенное, не нарушающее общаго характера овала, чѣмъ эта форма отличается отъ четвертой формы, при которой суженіе обоихъ полюсовъ значительно и переходитъ иногда прямо даже въ ихъ заостреніе. Отграниченіе этихъ четырехъ основныхъ формъ не можетъ быть сдѣлано съ абсолютной точностью и всегда возможно встрѣтить рядъ случаевъ переходныхъ, при отнесеніи которыхъ къ той или другой категоріи допустимо вліяніе субъективизма и произвола. Поэтому при изученіи уха душевно-больныхъ я отказался придать какое-либо значеніе сравнительной частотѣ у нихъ той или другой общей формы уха, такъ какъ цифровыя различія между здоровыми и больными не настолько велики, чтобы можно было съ увѣренностью сказать, что здѣсь не играла роль нѣкоторая невольная тенденція, считать за болѣе „нормальную“ правильно-овальную форму уха и отмѣчать у душевно-больныхъ уклоненія отъ нея въ ту или другую сторону въ рядѣ такихъ случаевъ, которые среди нормальнаго населенія всего вѣроятнѣе были бы отмѣчены, какъ случаи правильно-овальнаго уха. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что опредѣленіе общей формы уха не во всѣхъ случаяхъ произвольно, такъ какъ иногда заостреніе или расширеніе одного изъ его полюсовъ или выражено вполнѣ ясно и не двусмысленно, или же зависитъ отъ нѣкоторыхъ характерныхъ и точно отмѣчаемыхъ по схемѣ Schwalbe особенностей отдѣльныхъ его образованій. Такъ, вторая форма, т.-е. ухо суженное въ нижнемъ полюсѣ, часто обязана своимъ происхожденіемъ приращенію мочки въ формѣ I, превращающему нижній полюсъ уха въ вытянутый узкій треугольникъ, съ рѣзко заостреннымъ нижнимъ угломъ. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда на ряду съ приращеніемъ мочки въ формѣ I отмѣчается еще и Дарвиновъ бугорокъ въ формѣ I (макаковый), все ухо получаетъ особенно характерную форму: наибольшая ширина его приходится тогда гораздо выше середины уха, иногда почти что у самаго верхняго полюса, откуда вплоть до самаго нижняго полюса наблюдается правильное и постепенное суженіе уха, представляющаго тогда довольно правильную форму треугольника, обращеннаго узкимъ своимъ угломъ внизъ. Третья форма, т.-е. ухо съ заостреннымъ верхнимъ полюсомъ, часто обязана своимъ происхожденіемъ наличности сатирова бугорка въ наиболѣе рѣзкой его формѣ; въ той же формѣ сатирова бугорка, когда онъ представляется не въ видѣ углового изгибанія верхней части завитка, а въ видѣ простого выступа на свободномъ краѣ завитка, весь верхній полюсъ бываетъ иногда до-

статочно широкъ, но иногда также представляется болѣе узкимъ, хотя, конечно, не въ такой мѣрѣ, какъ при первой формѣ бугорка, когда верхній полюсъ уха можетъ представлять не только суженіе, но даже и настоящее заостреніе. Четвертая форма, т.-е. ухо заостренное съ обоихъ концовъ, можетъ иногда образоваться вслѣдствіе одновременной наличности сатирова бугорка и приращенія мочки въ формѣ I. Но на ряду съ такими формами существуютъ нерѣдко уши, широкія въ серединѣ и представляющія болѣе или менѣе значительныя суженія на одномъ (чаще на нижнемъ) или на обоихъ полюсахъ, и безъ наличности сатирова бугорка или приращенія мочки въ формѣ I; при этомъ нерѣдко отмѣчается еще и та особенность, что переходъ отъ расширенной средины къ суженнымъ концамъ совершается довольно быстро, давая иногда завитокъ не только круто, но постепенно падающій отъ средины къ полюсамъ, но даже и какъ бы изломанный въ мѣстахъ перехода отъ постепеннаго уменьшенія ширины уха въ его средней части къ быстрому уменьшенію его ширины въ частяхъ, болѣе близкихъ къ полюсамъ. У изслѣдованныхъ мною рязанцевъ различныя формы уха распредѣлялись слѣдующимъ (таблица № 149-й) образомъ:

ТАБЛИЦА № 149-й.

Распредѣленіе различныхъ формъ уха у рязанцевъ.

1) Правильно-овальное ухо отмѣчено въ 343 случахъ, или въ 52,7% всѣхъ случаевъ.
2) Ухо суженное внизу 228 „ 35,1%.
3) Ухо суженное вверху 13 „ 2,0%.
4) Ухо широкое посрединѣ и суженное и сверху и снизу 66 случаевъ или 10,1%.

Наиболѣе, слѣдовательно, распространенною является правильно овальная форма, представленная болѣе чѣмъ въ половинѣ всѣхъ случаевъ; затѣмъ слѣдуютъ ухо съ суженіемъ внизу, давшее 35% всѣхъ случаевъ. Припоминая, что приращеніе мочки въ формѣ I отмѣчается у рязанцевъ всего въ 13,7% всѣхъ случаевъ, не трудно убѣдиться, что суженіе нижняго полюса не во всѣхъ случаяхъ, далеко даже и не въ большей ихъ части, зависитъ отъ формы приращенія мочки, тѣмъ болѣе, что нѣкоторая часть приращенной мочки должна отходить еще и на долю тѣхъ 9%, въ которыхъ заостреніе уха замѣчается и на нижнемъ и на верхнемъ полюсахъ. Всего ушей съ заостреннымъ нижнимъ концомъ отмѣчено, слѣдовательно, 44%, тогда какъ уши съ приращеніемъ мочки въ формѣ I составляютъ всего 13,7%, т.-е. двѣ трети случаевъ нѣкотораго суженія нижняго конца уха зависитъ не отъ приращенія мочки, но отъ формы общаго погиба самаго уха и узкой (но не приращенной) мочки.

Самою рѣдкою формою уха является третья, т.-е. ухо суженное только на своемъ верхнемъ полюсѣ, представленное, по моимъ наблюденіямъ, всего 4,1% (13 случаевъ), при чемъ происхожденіе этой формы связано исключительно съ развитіемъ сатирова бугорка, главнымъ образомъ въ его рѣзкой формѣ.

Широкое посрединѣ и суженное съ обоихъ полюсовъ ухо встрѣчается нѣсколько чаще, а именно въ 9% всѣхъ случаевъ, при чемъ эта форма только въ немногихъ случаяхъ зависитъ отъ наличности сатирова бугорка и приращенія мочки въ формѣ I; въ подавляющемъ же большинствѣ случаевъ она обусловлена особой конфигураціей всего уха, съ характернымъ значительнымъ расширеніемъ средней части и съ нерѣдкимъ угловымъ изгибомъ, быстро падающаго по направленію вверхъ и внизъ свободнаго края завитка.

XV.

Индивидуальныя формы уха и ихъ группировка.

Наружное ухо человѣка представляетъ органъ, очертанный чрезвычайно прихотливыми контурами, при чемъ каждая отдѣльная часть уха, каждое его образованіе представляетъ значительное число варіантовъ. Не выходя за предѣлы схемы Schwalbe, мы будемъ имѣть дѣло съ 8 измѣрительными признаками, измѣняющимися въ широкихъ предѣлахъ; описательныхъ признаковъ разсматривается въ этой схемѣ всего около двадцати, при чемъ только рѣдкіе изъ нихъ допускаютъ установку двухъ варіантовъ (наличность и отсутствіе даннаго признака), для большинства же устанавливается три-четыре, а для Дарвинова бугорка даже шесть варіацій. Если мы сдѣлаемъ попытку изученія варіацій не отдѣльныхъ образованій, а формъ всей ушной раковины in toto, число возможныхъ комбинацій отдѣльныхъ признаковъ окажется такъ велико, что намъ, навѣрное, придется установить ровно столько же отдѣльныхъ формъ уха, сколько имѣется въ нашемъ распоряженіи индивидуальныхъ наблюденій.

Рѣдкая (если даже и совсѣмъ не существующая) возможность сочетанія на ушахъ двухъ субъектовъ совершенно одинаковыхъ измѣрительныхъ и описательныхъ признаковъ побудила *A. Bertillon'a* воспользоваться наружнымъ ухомъ, при составленіи его „portaits parlés“, служащихъ вспомогательнымъ средствомъ при установкѣ тождественности личности. Долголѣтній опытъ антропо-

метрическаго бюро Bertillon'а, равно какъ и другихъ подобныхъ же бюро, показалъ полную пригодность всей его системы, взятой въ цѣломъ; но если бы Bertillon вздумалъ при идентификаціи личности исключительно, или хотя главнымъ образомъ, наружнымъ ухомъ, его система не дала бы столь блестящихъ результатовъ уже по тому одному, что возрастныя измѣненія размѣровъ и формы уха довольно значительны и не останавливаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ наступленіемъ періода возмужалости.

Но множественность индивидуальныхъ формъ наружнаго уха человѣка, равно какъ и тотъ фактъ, что Bertillon пользуется отдѣльными особенностями уха, для опредѣленія индивидуальности субъекта, оказали сильное вліяніе на умы изслѣдователей, такъ что даже такой солидный анатомъ, какъ *Langer* (а за нимъ о съ его словъ *I. Ранке*), отказался отъ мысли и возможности установки групповыхъ (прежде всего расовыхъ) формъ уха. Труды послѣдующихъ изслѣдователей доставили, однако, значительное число свѣдѣній, позволяющихъ уже и теперь отмѣтить нѣкоторыя расовыя особенности въ формахъ уха; затѣмъ особенности формъ дегенеративнаго уха, дальнѣйшія изслѣдованія дадутъ, быть-можетъ, возможность пойти еще далѣе и установить нѣкоторыя соціальныя особенности въ формѣ уха (особенности уха людей, возростихъ въ достаткѣ и въ бѣдности) и т. д. Но для того, чтобы такого рода изысканія шли болѣе успѣшно, не слѣдуетъ оперировать надъ безчисленно разнообразными индивидуальными формами, но необходимо установить извѣстную группировку формъ, игнорировавъ часть менѣе важныхъ разнообразій и установивъ единообразія по болѣе крупнымъ, болѣе важнымъ признакамъ.

Откуда же, однако, взять критерій для установки понятій о важности и неважности отдѣльныхъ признаковъ и по какому принципу устанавливать групповыя единообразія, избѣгая при этомъ той искусственности и произвола, въ которые впалъ *Binder*, устанавливая свои 23 формы дегенеративнаго уха? Пытаясь при изслѣдованіи ушей рязанцевъ рѣшить этотъ вопросъ, я прежде всего отказался отъ примѣненія принципа распредѣленія группъ исключительно по морфологическимъ особенностямъ, такъ какъ несостоятельность такой группировки обнаружилась въ достаточной мѣрѣ уже изъ изслѣдованій Binder'а.

Гораздо болѣе раціональнымъ казалось мнѣ положить въ основу классификаціи различныхъ формъ наружнаго уха принципъ филогенетическій, раздѣливъ всѣ изслѣдованныя мною уши прежде всего на двѣ большія группы: 1) группу зрѣлыхъ формъ и 2) группу ушей, представляющихъ различные признаки задержки развитія отдѣльныхъ образованій на той или другой стадіи эмбріональной жизни. Далеко подвинувшееся за послѣднее время изученіе эмбріологіи наружнаго уха даетъ намъ въ этомъ случаѣ достаточно надежный оплотъ. Выше, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, достаточно уже говорилось по этому поводу, такъ что теперь можно ограничиться только простымъ перечнемъ тѣхъ особенностей строенія уха, которыя по праву могутъ считаться за зародышевыя формы.

1) *Дарвиновъ бугорокъ.* Строго говоря, всѣ 5 формъ Дарвинова бугорка могли бы считаться за эмбріональныя, такъ какъ во всѣ періоды эмбріональной жизни существуетъ несомнѣнная тенденція къ уменьшенію и даже полному исчезновенію этого образованія. Но такъ какъ формы IV и V Дарвинова бугорка и слишкомъ часты у зрѣлыхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ мало замѣтны и совсѣмъ не характерны съ чисто морфологической точки зрѣнія, можно вмѣстѣ съ Schwalbe и нѣкоторыми другими изслѣдователями считать за недоразвитыя, эмбріональныя формы только первую, вторую и третью формы Дарвинова бугорка.

2) *Сатировъ бугорокъ.* Какъ выраженіе слѣдовъ спаиванія верхнихъ концовъ эмбріональныхъ helix hyoidalis и helix mandibularis (Gradenigo), сатировъ бугорокъ является несомнѣннымъ указаніемъ на несовершенно полное и законченное развитіе уха, обладающаго этимъ образованіемъ.

3) *Недоразвитой helix.* Степень развитія завитка отмѣчается по схемѣ Schwalbe въ двухъ мѣстахъ — выше и ниже области Дарвинова бугорка, но такъ какъ недоразвитіе завитка въ верхней части уха почти всецѣло совпадаетъ и съ развитіемъ Дарвинова бугорка въ церкопитековой его формѣ, т.-е. съ формой, уже вошедшей въ число признаковъ недоразвитія, можно ограничиться разсмотрѣніемъ только нижней части завитка (ниже области Дарвинова бугорка). Собственно говоря, уже форма II развитія завитка въ этой части можетъ быть причислена къ не вполнѣ развитымъ формамъ, но, желая имѣть дѣло только съ вполнѣ опредѣленными и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо замѣтными на глазъ и опредѣленными формами, я принимаю при установкѣ группъ за недоразвитую только форму 1, т.-е. полное отсутствіе загибанія свободнаго края уха въ области ниже Дарвинова бугорка.

4) *Козелокъ.* Согласно указаніямъ *Frigerio*, *Gradenigo* и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, коническая форма бугорка или отсутствіе (0) tuberculi supratragici, такъ отмѣчаетъ эту форму Schwalbe, можетъ также быть принято за сохраненіе формъ, присущихъ эмбріональному уху.

5) *Противозавитокъ.* Наибольшаго вниманія заслуживаютъ случаи рѣзкаго выступанія этого образованія кнаружи (Вильдермутово ухо Binder'а и другихъ авторовъ), какъ форма наиболѣе рѣзкая и опредѣленная и представляющая вмѣстѣ съ тѣмъ явленіе неполнаго развитія человѣческаго уха (см. стр. 131).

6) *Приращенная мочка.* Есть достаточно, конечно, основаній для того, чтобы принять за явленія не-

доразвитія уха наличность формъ приращенія мочки I и II.

7) *Соединеніе sulcus supralobularis съ fossa scaphoidea.* На эту форму, отмѣчаемую по схемѣ Schwalbe, какъ sulcus supralobularis формы IV, обратилъ вниманіе *His*, указавши на постоянство ея на ушахъ эмбріоновъ 5—7 мѣсяцевъ.

Въ этомъ перечнѣ оказываются пропущенными признаваемыя нѣкоторыми изслѣдователями за эмбріональныя (охотнѣе, впрочемъ, за атавистическія) слѣдующія двѣ особенности: 1) далеко отстоящее отъ черепа (оттопыренное) ухо и 2) косо стоящее ухо, такъ какъ выше было уже указано на неосновательность причисленія этихъ формъ къ формамъ недоразвитаго уха.

A) Группа зрѣлыхъ формъ уха.

Съ морфологической точки зрѣнія эта вполнѣ опредѣленная группа характеризуется слѣдующими отличительными признаками: общій контуръ уха очерченъ хорошо развитымъ завиткомъ безъ Дарвинова бугорка или съ слабо развитымъ мало замѣтнымъ бугоркомъ, а также и безъ сатирова бугорка, нижній полюсъ уха составляетъ болѣе или менѣе полно диференцированная отъ кожи щеки мочка; козелокъ представляетъ угловатую (четырехугольную), а не коническую форму, противозавитокъ не выступаетъ изъ плоскости уха кнаружи, sulcus supralobularis если и существуетъ, то во всякомъ случаѣ не сливается съ fossa scaphoidea. У изслѣдованныхъ мною рязанцевъ такія зрѣлыя формы отмѣчены всего на 152 ушахъ или въ 23,4% всѣхъ случаевъ. Но такъ какъ нѣкоторые субъекты обладаютъ только однимъ ухомъ въ зрѣлой формѣ, въ то время какъ на другомъ ухѣ наблюдаются у нихъ тѣ или другіе признаки недоразвитія, число субъектовъ не представляющихъ на обоихъ ушахъ признаковъ недоразвитія будетъ, очевидно, не 152 : 2 = 76, а нѣсколько меньшее, а именно 72 человѣка, что составляетъ 22,1% всѣхъ изслѣдованныхъ рязанцевъ. Въ общемъ надо, слѣдовательно, сказать, что зрѣлыя формы далеко не представляются господствующими, составляя менѣе четверти всѣхъ случаевъ. Что рязанцы не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія, доказывается тѣмъ, что Schäffer, разсматривавшій недоразвитыя формы уха у взрослыхъ не въ столь полномъ объемѣ, какъ это дѣлаю я, насчитываетъ, однако, для германцевъ, по различнымъ областямъ, 50 - 60% ушей съ явленіями недоразвитія.

Подраздѣляя группу зрѣлыхъ формъ уха на подгруппы, опредѣляющія общую форму всей ушной раковины, получимъ слѣдующую (№ 150-й) таблицу:

Т А Б Л И Ц А № 150-й.

Распредѣленіе общихъ формъ уха въ группѣ зрѣлыхъ ушей.

			Всѣхъ зрѣлыхъ ушей.
1) Правильно овальное ухо	100 набл.	или	65,8%
2) Ухо, болѣе узкое внизу	44 „	„	28,9%
3) Ухо, суженное вверху	0 „	„	0
4) Ухо, широкое въ серединѣ и суженное и вверху и внизу	8 „	„	5,2%

Сравнивая съ распредѣленіемъ общей формы уха для всѣхъ 650 ушей (см. таблицу № 149), можно замѣтить явное увеличеніе въ группѣ зрѣлыхъ ушей правильно овальныхъ формъ и уменьшеніе всѣхъ остальныхъ; ухо же, суженное вверху, совсѣмъ исчезаетъ. Фактъ уменьшенія случаевъ суженія уха, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ его полюсахъ, легко находитъ свое объясненіе въ томъ, что часть послѣднихъ формъ зависитъ отъ наличности сатирова бугорка и приращенія мочки въ формѣ I, т.-е. образованій, переводящихъ ухо въ группу недоразвитыхъ формъ.

B) Уши съ явленіями недоразвитія (не вполнѣ зрѣлыя формы уха).

Группа ушей, носящихъ тѣ или другіе признаки недоразвитія, далеко уже не такъ однородна, какъ группа зрѣлыхъ формъ, и не можетъ быть, подобно этой послѣдней, очерчена общими характеризующими ее морфологическими чертами. У изслѣдованныхъ мною 325 рязанцевъ, численный составъ этой группы опредѣляется въ 498 ушей или 76,6% всѣхъ ушей; число субъектовъ, представляющихъ признаки недоразвитія на обоихъ ушахъ (не всегда въ одинаковомъ числѣ), опредѣляется въ 245, да у 8 человѣкъ отмѣчены признаки недоразвитія на одномъ только ухѣ, при другомъ ухѣ достигшемъ высшаго своего развитія; всего, слѣдовательно, недоразвитыя формы уха отмѣчаются у 253 человѣкъ или у 75,8% всѣхъ изслѣдованныхъ субъектовъ; двухсторонніе признаки недоразвитія у 245 человѣкъ, т.-е. въ 75,3%, односторонніе у 8 человѣкъ, т.-е. въ 2,4%.

При составленіи сейчасъ разсматриваемой группы принята во вниманіе, какъ это говорилось уже выше, наличность семи признаковъ (Дарвиновъ бугорокъ въ формахъ I—III, сатировъ бугорокъ, нижняя часть helicis въ ф. I, стволъ anthelicis въ ф. III, tuberculum supratragicum въ ф. 0, приращеніе мочки ф. I—II и sulcus supralobularis въ ф. IV). Эти признаки многоразлично комбинируются между собою, располагаясь на одномъ и томъ же ухѣ въ одиночку, или по два, по три и такъ далѣе до 6 признаковъ вмѣстѣ; въ моихъ наблюденіяхъ не отмѣчено ни одного случая, гдѣ бы всѣ семь особенностей совмѣщались на одномъ ухѣ, хотя теоретически нѣтъ, конечно, въ этомъ ничего не возможнаго, и можетъ быть, что при большемъ числѣ наблюденій отыскалось бы и такое экcквизитно недоразвитое ухо. Очевидно, что при такихъ условіяхъ число различныхъ комбинацій признаковъ незрѣлости на одномъ

и томъ же ухѣ, а слѣдовательно и число особыхъ морфологическихъ варіацій уха очень велико, такъ что такая группировка создала бы очень сложную систему, мало пригодную для какихъ-либо практическихъ цѣлей. Поэтому, не отказываясь отъ ближайшаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ комбинацій признаковъ недоразвитія на одномъ и томъ же ухѣ, что можетъ дать намъ нѣсколько небезынтересныхъ сопоставленій, въ дальнѣйшемъ раздѣленіи группы недоразвитыхъ ушей на подгруппы, я предпочитаю покинуть чисто морфологическую точку зрѣнія и принять за основанія для подраздѣленія степень или лучше сказать экстенсивность недоразвитія уха, выражающуюся въ числѣ отмѣченныхъ на немъ признаковъ недоразвитія. Такимъ образомъ группа незрѣлыхъ формъ уха естественно распадается на подгруппы: 1) ушей, носящихъ лишь по одному признаку недоразвитія, 2) по два, 3) по три признака и т. д. до 6 признаковъ; всего, слѣдовательно, на 6 подгруппъ. Желая же оставаться въ предѣлахъ менѣе дробной диференцировки подгруппъ, можно установить три главныя группы:

1) Группа ушей съ однимъ признакомъ недоразвитія или *переходная* отъ зрѣлыхъ формъ ушей къ незрѣлымъ.

2) Группа ушей съ двумя признаками недоразвитія, или *группа недоразвитыхъ ушей*.

3) Группа ушей съ тремя и болѣе признаками недоразвитія или группа *сильно недоразвитыхъ ушей*.

Прежде, чѣмъ перейти къ болѣе детальному разсмотрѣнію этихъ группъ, я считаю не лишнимъ еще разъ напомнить, что мною разсматриваются не всѣ признаки недоразвитія, но лишь безспорные и наиболѣе распространенные, нѣкоторые же изъ безспорно эмбріональныхъ, но рѣдко встрѣчающихся формъ, во избѣжаніе излишняго осложненія группировки формъ, мною во вниманіе не приняты.

Въ таблицѣ № 151-й указано число случаевъ, падающихъ у рязанцевъ на одиночныя, двойныя, тройныя и т. д. комбинаціи признаковъ недоразвитія уха.

ТАБЛИЦА № 151-й.

По одному признаку недоразвитія отмѣчено на				225	ушахъ.
„ два	„	„	„	„ 151	„
„ три	„	„	„	„ 91	„
„ четыре	„	„	„	„ 19	„
„ пять	„	„	„	„ 9	„
„ шесть	„	„	„	„ 3	„

Чѣмъ большее число признаковъ комбинируется на одномъ и томъ же ухѣ, тѣмъ замѣтно рѣже встрѣчается такое ухо; комбинаціи по 6 признаковъ составляютъ уже очень рѣдкое явленіе, но комбинація по 5 признаковъ вмѣстѣ все еще дастъ 9 случаевъ, т.-е. уже больше одного процента (1,4%) всѣхъ наблюденій; такія формы не могутъ, слѣдовательно, быть названы очень рѣдкими.

Соединяя въ три основныя группы, получимъ:

Переходная группа...	225 уш.	или	34,6%	всѣхъ набл.
Группа недоразв. уш.	151 „	„	23,2%	„ „
Гр. сильно-недор. уш.	122 „	„	18,7%	„ „

Мы видимъ такимъ образомъ, что даже группа сильно-недоразвитыхъ ушей, не говоря уже о группѣ недоразвитыхъ, представлена довольно значительнымъ числомъ наблюденій, составляющимъ у рязанцевъ около 19% всѣхъ наблюденій. Число признаковъ недоразвитія на правомъ и лѣвомъ ухѣ одного и того же субъекта далеко не всегда одинаково; бываютъ, кромѣ того (не часто, правда), такіе случаи, когда и при одинаковомъ числѣ признаковъ, самые признаки на одномъ и на другомъ ухѣ неодинаковы. Но такъ какъ съ усвоенной мною точки зрѣнія наибольшее значеніе имѣетъ не столько родъ, сколько самое число признаковъ недоразвитія, нѣтъ большой необходимости считать послѣдняго рода случаи за случаи асимметріи; къ асимметріямъ мною относятся, слѣдовательно, только тѣ случаи, когда у одного и того же субъекта общее число признаковъ недоразвитія (независимо отъ ихъ вида) неодинаково на обоихъ ушахъ. Число случаевъ асимметріи въ общемъ довольно велико. Выше мы уже видѣли, что у 8 человѣкъ одно ухо представляетъ зрѣлую форму, а другое незрѣлую (во всѣхъ 8 случаяхъ переходную). Кромѣ того, насчитывается 26 человѣкъ, у которыхъ число признаковъ недоразвитія на одномъ ухѣ больше чѣмъ на другомъ на 1—2 и даже на 3 признака. Наибольшая разница (на 3 признака) отмѣчена у одного субъекта, у котораго правое ухо обладаетъ двумя, а лѣвое пятью признаками недоразвитія. Лѣвое ухо представляетъ въ общемъ немного большее число признаковъ недоразвитія, чѣмъ правое. Аналогичное явленіе было отмѣчено *Schaffer*'омъ, равно какъ и нѣкоторыми изъ авторовъ, трактовавшими эти признаки, какъ признаки дегенеративнаго уха (*Frigerio*, *Binder*, *Gradenigo*, *Vali* и др.).

Въ таблицѣ № 152-й приведено распредѣленіе чиселъ наблюденій, падающихъ на отдѣльныя группы такимъ образомъ, что въ первомъ вертикальномъ столбцѣ показано число субъектовъ, обладающихъ соотвѣтствующей комбинаціей на обоихъ ушахъ, во второмъ же столбцѣ число субъектовъ съ данной комбинаціей на одномъ только ухѣ.

ТАБЛИЦА № 152-й.

	На обоихъ ушахъ.	На одномъ только ухѣ.
По 1 призн. незрѣлости . . .	105	15
„ 2 „ „ . . .	68	15
„ 3 „ „ . . .	38	15
„ 4 „ „ . . .	4	11
„ 5 „ „ . . .	3	3
„ 6 „ „ . . .	1	1

Изъ этой таблицы видно, что въ случаяхъ асимметричнаго строенія ушей нѣтъ той правильности убыванія числа наблюденій, съ увеличеніемъ числа признаковъ, входящихъ въ комбинацію, какая замѣчается при симметричныхъ ушахъ, и что наиболѣе сложныя комбинаціи (по 4—6 признаковъ) встрѣчаются въ общемъ чаще на одномъ, чѣмъ на обоихъ ушахъ. Такъ, число комбинацій по 5 и по 6 признаковъ недоразвитія въ томъ и другомъ случаѣ одинаково, по четыре же признака на обоихъ ушахъ отмѣчено только у четырехъ человѣкъ, тогда какъ на одномъ только ухѣ—у 11.

Желая прослѣдить соотношеніе между недоразвитіемъ уха и общею его формою, въ таблицѣ № 153-й я представляю распредѣленіе общихъ формъ уха отдѣльно для ушей переходной группы, недоразвитыхъ и сильно-недоразвитыхъ, прибавивъ сюда, для большей наглядности, сравненіе и распредѣленіе тѣхъ же формъ среди группы зрѣлыхъ ушей.

ТАБЛИЦА № 153-й.

Формы уха.	Зрѣлыя уши		Переход. формы		Недоразвитыя		Сильно-недор.	
	абс.	% ч.	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%
Прав.-ов. ухо . . .	100	65,8	124	55,1	77	51,0	42	34,4
Ухо сужен. внизу. .	44	28,9	64	28,4	56	37,1	64	52,4
Ухо суж. вверху . .	0	0	4	1,8	4	2,6	5	4,1
Суж. вверху и внизу.	8	5,2	33	14,6	14	9,2	11	9,0

По мѣрѣ увеличенія недоразвитія число правильно-овальныхъ формъ правильно падаетъ съ 65,8% для зрѣлыхъ ушей и до 34,4% для сильно недоразвитыхъ, число же ушей суженныхъ внизу и суженныхъ вверху возрастаетъ для первыхъ съ 28,9% и до 52,4%, для вторыхъ—съ 0 и до 4,1%.

Среди зрѣлыхъ ушей наиболѣе распространенною является правильно-овальная форма (65,8% всѣхъ случаевъ), среди сильно-недоразвитыхъ ушей—ухо суженное внизу (52,4%). Такимъ образомъ можетъ быть установлено слѣдующее взаимоотношеніе между степенью зрѣлости и общею формою уха: зрѣлымъ ушамъ наиболѣе свойственна правильно-овальная форма, формы же незрѣлыя значительно отъ нея уклоняются.

Когда мы говоримъ объ ушахъ, представляющихъ явленіе задержки развитія, или о недоразвитыхъ формахъ, у человѣка, незнакомаго съ предметомъ, можетъ явиться представленіе и объ уменьшенномъ размѣрѣ такихъ ушей. Но подобное представленіе невѣрно, конечно, по существу: въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, задержка развитія сводится къ задержкѣ формированія, къ ослабленію и недостаточному проявленію пластическихъ архитектоническихъ силъ, количественныя же отношенія остаются ненарушенными, или лишь мало нарушенными, такъ что недоразвитый органъ достигаетъ въ общемъ своихъ обычныхъ размѣровъ. Бываютъ, конечно, случаи, когда недоразвитый органъ остается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и малымъ по величинѣ, и къ такимъ случаямъ по преимуществу можетъ быть присвоено названіе настоящихъ рудиментарныхъ органовъ; рудиментарность же наружнаго уха носитъ въ большинствѣ случаевъ лишь односторонній характеръ, проявляясь въ строеніи органа, но не въ его величинѣ. Приглядываясь къ недоразвитымъ ушамъ, часто можно отмѣтить болѣе даже крупные ихъ размѣры, такъ что можетъ возникнуть предположеніе, не наблюдается ли здѣсь явленіе усиленія роста недоразвитаго органа, на которое какъ бы затрачивается не пошедшій въ дѣло избытокъ пластической энергіи?

Болѣе точное изученіе цифровыхъ данныхъ позволяетъ, однако, принять такое положеніе лишь съ большими ограниченіями: главнѣйшіе размѣры недоразвитыхъ (и то лишь сильно недоразвитыхъ) ушей оказываются лишь немногимъ большими, чѣмъ таковые же размѣры зрѣлыхъ и слегка лишь недоразвитыхъ ушей. Такъ, длина (высота) уха зрѣлой формы составляетъ въ среднемъ 60,7 mm. (9118:150), переходныя формы дали высоту въ 61,4 mm. (13814:225), недоразвитыя уши—тоже въ 61,4 mm. (9278:151), сильно недоразвитыя уши дали нѣсколько бо́льшую цифру, а именно—62,2 mm. (7590:122). Равнымъ образомъ не велики различія и въ ширинѣ ушей: ширина зрѣлыхъ ушей—32,5 mm. (4875:150), переходныхъ—32,9 mm. (7409:225), недоразвитыхъ—32,3 (4900:151) и сильно недоразвитыхъ—33,2 mm. (4057:122). Отсюда, очевидно, и физіономическій указатель уха не можетъ существенно разниться по отдѣльнымъ группамъ; такъ, для зрѣлыхъ формъ онъ равенъ 53,54, для переходныхъ—53,58, для недоразвитыхъ—52,60 и для сильно недоразвитыхъ—53,37. Не особенно велики различія и въ величинѣ истинной высоты уха: зрѣлыя формы—34,8 (5226:150), переходныя — 35,2 mm. (7927:225), недоразвитыя—35,4 mm. (5346:151) и сильно недоразвитыя—36,2 (4424:122). Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются различія въ длинѣ основанія уха. Но здѣсь мы должны принимать во вниманіе только уши съ свободной мочкой, такъ какъ приращеніе мочки въ формѣ I или II значительно увеличиваетъ длину основанія уха. Въ группѣ зрѣлыхъ ушей нѣтъ, конечно, формъ приращенія мочки I и II, въ группѣ же незрѣлыхъ формъ сравнительно немного ушей съ свободною мочкою, такъ какъ приращеніе мочки является однимъ изъ сильно распространенныхъ признаковъ недоразвитія; такимъ образомъ численность наблюденій, идущихъ въ сравненіе, значительно уменьшается. Зрѣлыя формы дали среднюю величину основанія въ 47,3 mm. (7109:150), переходныя формы—въ 46,9 mm. (7829:167), недоразвитыя въ 47,2 mm. (2976:63) и сильно недоразвитыя—46,4 mm. (1796:38). При нѣкоторой неправильности

градацій цифръ, наименьшей оказывается величина основанія сильно недоразвитыхъ ушей. Особенный интересъ представляетъ для насъ морфологическій указатель уха $\left(\frac{\text{длина основанія}}{\text{истинная высота}} \times 100\right)$, который, будучи выведеннымъ на основаніи среднихъ величинъ длины основанія и истинной высоты, представляетъ слѣдующія колебанія: для зрѣлыхъ формъ онъ составляетъ 135,9 $\left(\frac{47,3}{34,8} \times 100\right)$, для переходныхъ—133,2 $\left(\frac{46,9}{35,2} \times 100\right)$, для недоразвитыхъ—133,3 $\left(\frac{47,2}{35,4} \times 100\right)$ и для сильно недоразвитыхъ—128,1 $\left(\frac{46,4}{36,2} \times 100\right)$. Для зрѣлыхъ формъ мы видимъ, слѣдовательно, наибольшій указатель, для переходныхъ и недоразвитыхъ—одинаковый, для сильно же недоразвитыхъ формъ наблюдается замѣтное его уменьшеніе (на пять слишнимъ единицъ). Припомнивъ теперь, что морфологическій указатель уха замѣтно понижается при переходѣ отъ высшихъ животныхъ формъ къ низшимъ (см. таблицу № 5-й), и что у эмбріона человѣка этотъ указатель меньше, чѣмъ у зрѣлаго плода и у взрослаго человѣка, можно считать, что сильно недоразвитое ухо у взрослаго человѣка не только сохраняетъ свой эмбріональный характеръ въ формѣ отдѣльныхъ его образованій, но и по величинѣ морфологическаго указателя нѣсколько уклоняется отъ зрѣлыхъ формъ въ сторону формъ зачаточныхъ.

Попытаемся теперь познакомиться поближе съ самымъ родомъ комбинацій, въ которыя входятъ между собой различные признаки незрѣлости уха взрослыхъ.

Таблица № 154-й (первый столбецъ) даетъ понятіе о томъ, какіе изъ признаковъ и сколько разъ являются одиночными признаками недоразвитія (характеризуютъ, слѣдовательно, группу переходныхъ формъ). Во второмъ столбцѣ таблицы указано, сколько разъ каждый данный признакъ встрѣтился на ушахъ всѣхъ изслѣдованныхъ мною рязанцевъ и наконецъ, третій столбецъ показываетъ относительно каждаго признака, въ какомъ процентѣ всѣхъ случаевъ его наличности у рязанцевъ, онъ является единичнымъ признакомъ недоразвитія уха *).

ТАБЛИЦА № 154-й.

	I.	II.	III.
Н.	0	48	0
Д. б.	3	88	3,4
С. б.	24	59	40,6
D. F.	44	156	28,2
Tr.	45	196	25,5
Ant.	59	230	25,6
	175		

*) Въ этой, равно какъ и во всѣхъ слѣдующихъ таблицахъ до № 160 включительно, приняты слѣдующія сокращенныя обозначенія: *Н*=нижняя часть завитка въ формѣ I; *Д. б.*=Дарвиновъ бугорокъ въ формахъ I—III; *С. б.*=сатировъ бугорокъ; *D. F.* (Durchgehende Fossa)=sulcus supralobularis ф. IV; *Tr*=tuberculum supratragicum ф. 0; *Ant.*=стволъ anthelicis ф. III; *Пр.*=приращеніе мочки ф. I и II.

Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что нижняя часть завитка въ формѣ I, особенность сама по себѣ далеко не рѣдкая и отмѣченная у рязанцевъ всего 48 разъ, въ одиночку не встрѣчается ни разу, она всегда, слѣдовательно, сочетается еще и съ другими признаками недоразвитія и составляетъ такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ признаковъ, свидѣтельствующихъ объ общемъ недоразвитіи уха.

Равнымъ образомъ и Дарвиновъ бугорокъ въ ф. I—III, встрѣчаясь у рязанцевъ 88 разъ, въ одиночку отмѣченъ всего 3 раза (всѣ три случая формы III). Но оба эти признака распространены у рязанцевъ меньше, чѣмъ другіе признаки недоразвитія, такъ что, вообще говоря, можно установить положеніе, что чѣмъ болѣе распространенъ признакъ, тѣмъ безотносительно чаще встрѣчается онъ въ одиночку.

ТАБЛИЦА № 155-й.

Комбинаціи по два признака незрѣлости на одномъ ухѣ.

1)	Ant.+Пр.	отмѣчено на	31 ухѣ.
2)	Tr.+Пр.	„ „	25 ушахъ.
3)	Пр.+D. F.	„ „	24 „
4)	Tr.+D. F.	„ „	20 „
5)	Ant.+D. F.	„ „	14 „
6)	Tr.+Ant.	„ „	13 „
7)	Д. б.+Пр.	„ „	5 „
8)	Д. б.+Tr.	„ „	5 „
9)	С. б.+D. F.	„ „	4 „
10)	С. б.+Tr.	„ „	4 „
11)	С. б.+Пр.	„ „	2 „
12)	С. б.+Ant.	„ „	2 „
13)	Д. б.+С. б.	„ „	1 „
14)	Н.+Пр.	„ „	1 „
			151

Двойныя комбинаціи въ общемъ довольно разнообразны, а потому каждая изъ нихъ встрѣчается сравнительно не часто; наиболѣе распространенная изъ нихъ дала, однако, 31 наблюденіе или 4,7% всѣхъ ушей. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что изъ двойныхъ комбинацій, въ которыя входитъ нижній helix ф. I, отмѣчена всего лишь одна, да и та представленная однимъ только наблюденіемъ. Недоразвитой завитокъ почти не встрѣчается, слѣдовательно, не только въ единичныхъ, но и въ двойныхъ комбинаціяхъ, входя, главнымъ образомъ, въ тройныя и болѣе сложныя комбинаціи. Недоразвитой helix является такимъ образомъ признакомъ чрезвычайно важнымъ въ томъ отношеніи, что достаточно отмѣтить его существованіе для того, чтобы сказать съ увѣрен-

ностью, что данное ухо, навѣрное, обладаетъ еще нѣсколькими другими признаками недоразвитія. Второе мѣсто занимаетъ, въ этомъ отношеніи, Дарвиновъ бугорокъ, который и въ двойныхъ комбинаціяхъ попадается всего 15 разъ (въ единичныхъ 3 раза), такъ что въ 70 случаяхъ или въ 79,5% всѣхъ случаевъ наличности Дарвинова бугорка, онъ является въ сопровожденіи, по крайней мѣрѣ, еще двухъ, если не больше, другихъ признаковъ недоразвитія.

Комбинаціи по 3 признака (см. таблицу № 156-й) еще, конечно, многообразнѣе, а потому каждая комбинація представлена меньшимъ числомъ наблюденій; наиболѣе часто встрѣчающаяся комбинація представлена всего 13 случаями или двумя процентами всѣхъ ушей изслѣдованныхъ мною рязанцевъ.

ТАБЛИЦА № 156-й.

Комбинаціи по три признака незрѣлости на одномъ ухѣ.

1) Д. б.+Н.+Ant.	отмѣчено	на	13	ушахъ.
2) Д. б.+Ant.+Пр.	„	„	11	„
3) Tr.+Ant.+Пр.	„	„	9	„
4) Ant.+Пр.+D. F.	„	„	9	„
5) Н.+Ant.+Пр.	„	„	6	„
6) Tr.+Пр.+D. F.	„	„	5	„
7) Tr.+Ant.+D. F.	„	„	5	„
8) Д. б.+Н.+Пр.	„	„	4	„
9) Д. б.+Н.+Tr.	„	„	4	„
10) Д. б.+Пр.+D. F.	„	„	4	„
11) Д. б.+Tr.+Пр.	„	„	4	„
12) Д. б.+С. б.+Ant.	„	„	3	„
13) Д. б.+С. б.+D. F.	„	„	2	„
14) С. б.+Ant.+D. F.	„	„	2	„
15) Д. б.+С. б.+Н.	„	„	2	„
16) С. б.+Ant.+Пр.	„	„	2	„
17) Ant.+Пр+D. F.	„	„	2	„
18) С. б.+Tr.+D. F.	„	„	2	„
19) Д. б.+Tr.+Ant.	„	„	1	„
20) С. б.+Tr.+D. F.	„	„	1	„
			91	

Комбинаціи по 4 признака встрѣчаются замѣтно рѣже; виды комбинацій и ихъ распространеніе отмѣчены въ таблицѣ № 157-й.

ТАБЛИЦА № 157-й.

Комбинаціи по 4 признака незрѣлости на одномъ ухѣ.

1) Д. б.+Tr.+Пр.+D. F.	отмѣчено	на	4	ушахъ.
2) Д. б.+Н.+Tr.+Ant.	„	„	4	„
3) Д. б.+Ant.+Пр.+D. F.	„	„	3	„
4) Д. б.+Н.+Ant.+Пр.	„	„	3	„
5) С. б.+Tr.+Пр.+D. F.	„	„	2	„
6) Tr.+Ant.+Пр.+D. F.	„	„	1	„
7) Д. б.+Н.+Tr.+Пр.	„	„	1	„
8) С. б.+Ant.+Пр.+D. F.	„	„	1	„
			19	

ТАБЛИЦА № 158-й.

Комбинаціи по 5 признаковъ незрѣлости на одномъ ухѣ.

1) Д. б.+Н.+Tr.+Ant.+Пр.	отмѣчено	на	4	ушахъ.
2) Д. б.+Н.+Ant.+Пр.+D. F.	„	„	3	„
3) С. б.+Н.+Tr.+Пр.+D. F.	„	„	1	„
4) Д. б.+С. б.+Н.+Ant.+Пр.	„	„	1	„
			9	

Въ комбинаціяхъ по 5 признаковъ завитокъ въ ф. I входитъ во всѣхъ, безъ исключенія, случаяхъ; Дарвиновъ бугорокъ не входитъ всего лишь въ одну комбинацію, да и та отмѣчена на одномъ только ухѣ.

ТАБЛИЦА № 159-й.

Комбинаціи по 6 признаковъ незрѣлости на одномъ ухѣ.

1) Всѣ признаки	кромѣ	Н.	отмѣчены	на	2 ушахъ.
2) „	„	Tr.	„	„	1 ухѣ.
					3

Въ слѣдующей (№ 160) таблицѣ указано, сколько разъ тотъ или другой признакъ входитъ въ одиночныя, двойныя, тройныя и т. д. комбинаціи, при чемъ для каждой комбинаціи въ первомъ столбцѣ стоятъ абсолютныя цифры, а во второмъ — проценты ихъ по отношенію къ числу, выражающему общее распространеніе каждаго признака среди всѣхъ изслѣдованныхъ ушей.

ТАБЛИЦА № 160-й.

Формы недоразвитія.	Одиночные признаки.		Комбинаціи по 2 призн.		Комбинаціи по 3 призн.		Комбинаціи по 4 призн.		Комбинаціи по 5 призн.		Комбинаціи по 6 призн.	
	Абс. число.	%	Абс. число.	%	Абс. число.	%	Абс. число.	%	Абс. число.	%	Абс. число.	%
Д. б.	3	3,4	11	12,5	48	54,5	15	17,0	8	9,1	3	3,4
С. б.	24	40,7	13	22,0	16	27,1	1	1,7	2	3,4	3	5,1
Н.	0	0	1	2,1	29	60,4	8	16,6	9	18,7	1	2,1
Ant.	50	25,5	60	30,6	63	32,1	12	6,1	8	4,1	3	1,5
Пр.	59	25,6	88	38,2	56	24,3	15	6,5	9	3,9	3	1,3
Tr.	45	27,9	67	41,3	31	19,1	12	7,4	5	3,1	2	1,2
D. F.	44	28,2	62	39,7	32	20,5	11	7,0	4	2,5	3	1,9

Среди одиночныхъ признаковъ завитокъ въ ф. I, какъ это уже говорилось выше, не встрѣчается ни разу, очень рѣдко (3,4% всѣхъ случаевъ) встрѣчается и Дарвиновъ бугорокъ; всего чаще встрѣчается одиночнымъ сатировъ бугорокъ (40,7% всѣхъ случаевъ его распространенія, онъ одиноченъ), остальные признаки занимаютъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто, давая одиночныя комбинаціи въ приблизительно одинаковомъ числѣ случаевъ (отъ 25,5% и до 28,2%).

Приращеніе мочки въ формахъ I и II, tub. supratragicum въ ф. 0 и sulcus supralobularis въ формѣ IV охотнѣе всего входятъ въ двойныя комбинаціи; противозавитокъ въ ф. III почти одинаково часто встрѣчается и въ двойныхъ (30,6%) и въ тройныхъ (32,1%) комбинаціяхъ; нижняя часть завитка въ ф. I и Дарвиновъ бугорокъ въ ф. I—III чаще всего встрѣчаются въ тройныхъ комбинаціяхъ; въ болѣе рѣдкихъ комбинаціяхъ по 4 и по 5 признаковъ, опять-таки первыя мѣста занимаютъ завитокъ (16,6% и 18,7%) и Дарвиновъ бугорокъ (17,0% и 9,1%), меньше же всего входитъ въ множественныя комбинаціи сатировъ бугорокъ (1,7% и 3,4%); относительно комбинацій по 6 признаковъ трудно сказать что-либо опредѣленное, за крайней рѣдкостью этихъ формъ.

Анализъ цифръ выясняетъ такимъ образомъ, что въ смыслѣ показателя недоразвитія уха играютъ выдающуюся роль недоразвитіе завитка и рѣзко выраженныя формы Дарвинова бугорка, наименьшее же значеніе имѣетъ сатировъ бугорокъ, остальные признаки занимаютъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто; порядокъ расположенія ихъ по убывающей степени ихъ значенія выясняется изъ таблицы № 161-й, въ которой указано, въ сколькихъ процентахъ всѣхъ случаевъ встрѣчается каждый изъ признаковъ въ множественныхъ (отъ четвертыхъ и выше) комбинаціяхъ.

ТАБЛИЦА № 161-й.

1) Нижній helix ф. I встрѣчается въ четверныхъ и болѣе комбинаціяхъ въ 37,4% всѣхъ случаевъ его распространенія.
2) Дарвиновъ бугорокъ въ ф. I—III 29,5%
3) Сатировъ бугорокъ 14,2%
4) Стволъ anthelicis въ ф. III . . . / Приращеніе мочки въ ф. I и II / Tub. supratragicum въ ф. 0 . . — . . по 11,7%
5) Sulcus supralobularis въ ф. IV 11,4%

т.-е. за исключеніемъ первыхъ двухъ, всѣ остальные признаки болѣе или менѣе одинаково маловажны. Опредѣляя же степень ихъ важности по наименьшей ихъ склонности къ сочетанію въ одиночныя или двойныя комбинаціи (табл. № 162-й), получимъ нѣсколько иной порядокъ.

ТАБЛИЦА № 162-й.

1) Нижній helix ф. III встрѣчается въ одиночныхъ или двойныхъ комбинаціяхъ въ 2,1% всѣхъ случаевъ его распространенія.
2) Дарвиновъ бугорокъ ф. I—III . . . . 15,9%.
3) Стволъ противозавитка ф. III . . . . 56,1%.
4) Сатировъ бугорокъ . . . . 62,7%.
5) Приращеніе мочки ф. I и II . . . . 63,8%.
6) Sulcus supralobularis ф. IV . . . . . 67,9%.
7) Tub. supratragicum ф. 0 . . . . . . 69,2%.

Изъ сопоставленія всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ, выясняется, такимъ образомъ, тотъ фактъ, что завитокъ и Дарвиновъ бугорокъ занимаютъ среди другихъ признаковъ особенное положеніе, рѣзко отличаясь отъ нихъ, тогда какъ всѣ другіе признаки, играя второстепенную роль, вмѣстѣ съ тѣмъ, приблизительно, равноцѣнны другъ съ другомъ. Сатировъ бугорокъ, казавшійся сначала наиболѣе въ этомъ отношеніи малоцѣннымъ, при болѣе детальномъ разсмотрѣніи долженъ, повидимому, уступить свое мѣсто козелку.

XVI.

Недоразвитыя формы уха и явленія атавизма.

Въ предыдущей главѣ мы уже видѣли, что вполнѣ развитыя, зрѣлыя формы уха никоимъ образомъ не являются у человѣка преобладающими, но наблюдаются лишь въ ограниченномъ числѣ случаевъ; у рязанцевъ эти формы не составляютъ даже и четверти всѣхъ случаевъ, болѣе же чѣмъ въ трехъ четвертяхъ остальныхъ случаевъ на ушахъ рязанцевъ можно констатировать тѣ или другіе признаки незрѣлости. *Schäffer*, будучи первымъ и чуть ли не единственнымъ авторомъ, поставившимъ вопросъ о распространеніи недоразвитыхъ формъ уха у взрослыхъ людей на почву строго научнаго метода изслѣдованія, безъ всякихъ колебаній называетъ такія формы уха зародышевыми формами. Уже самое заглавіе его работы (Ueber die fötale Ohrentwickelung, *die Häufigkeit fötaler Ohrformen bei Erwaschenen u. s. w.*) указываетъ на то, какъ авторъ смотритъ на данныя формы. Точка зрѣнія Schäffer'а вполнѣ ясна и понятна: наблюдая извѣстныя формы отдѣльныхъ частей уха у человѣческаго зародыша, отмѣчая постепенное сглаживаніе и убываніе ихъ въ числѣ, по мѣрѣ возростанія эмбріона, Schäffer могъ отмѣтить, что нѣкоторое (и далеко не малое) число тѣхъ или другихъ нормальныхъ для эмбріона формъ отдѣльныхъ образованій уха сохраняется и у взрослыхъ; несомнѣнно, слѣдовательно, что такія формы, будучи формами обычными для эмбріона, для взрослыхъ представляютъ явленія задержки

развитія. Но такую точку зрѣнія раздѣляютъ далеко не всѣ изслѣдователи: многіе изъ нихъ, работавшіе какъ до, такъ и послѣ Schäffer'а, тѣ же самыя формы, которыя Schäffer называетъ зародышевыми, опредѣляютъ какъ формы атавистическія. Наибольшее число авторовъ, придерживающихся такого взгляда, составляютъ тѣ именно изслѣдователи, которые интересовались изученіемъ ушей душевно-больныхъ и преступниковъ. Часть изслѣдовавшихъ уши патологическаго населенія авторовъ, мало, повидимому, знакомыхъ съ эмбріологіей и сравнительной анатоміей наружнаго уха, называетъ отмѣчаемыя ими особенности въ строеніи отдѣльныхъ его частей физическими признаками вырожденія, сближая ихъ съ деструкціями нормальнаго типа, съ уродствами строенія. Авторы же, болѣе знакомые съ эмбріологіей и сравнительной анатоміей уха, не могли не убѣдиться въ томъ, что большинство этихъ, яко бы деструктивныхъ, формъ не является атипичными нарушеніями строенія отдѣльныхъ частей уха, но представляетъ извѣстный опредѣленный и законченный типъ, но типъ, свойственный ушамъ не взрослаго человѣка, а его эмбріона, а также ушамъ обезьянъ и даже низшихъ млекопитающихъ. Увлекшись идеей низшаго типа организаціи вырождающихся душевно-больныхъ и преступниковъ, типа, приближающаго деградированныхъ представителей человѣчества къ низшимъ животнымъ, авторы этой категоріи признали въ почитаемыхъ за дегенеративныя формахъ уха явленіе атавизма, совершенно упустивъ изъ виду другую сторону вопроса, т.-е. сходство этихъ формъ съ формами уха человѣческаго эмбріона, чему, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ содѣйствовало и то обстоятельство, что детальное знакомство съ эмбріональными формами человѣческаго уха составляетъ достояніе лишь самаго недавняго времени.

Такимъ образомъ рядъ особенностей, характеризующихъ вышеустановленную нами группу недоразвитыхъ формъ человѣческаго уха, трактуется то какъ признаки задержки развитія, то какъ явленія атавизма. Какая же изъ гипотезъ является наиболѣе вѣроятной? Вопросъ о принадлежности нѣкоторыхъ особенностей въ строеніи уха къ явленіямъ атавизма, или къ явленіямъ задержки развитія, могъ бы, какъ частный случай, быть правильно рѣшенъ только въ томъ лишь случаѣ, если бы мы имѣли достаточно опредѣленный критерій для рѣшенія общаго вопроса о соотношеніи между явленіями атавизма и задержки развитія; но такого критерія до сихъ поръ у насъ, строго говоря, не существуетъ. Самъ творецъ ученія объ атавизмѣ *Дарвинъ* опредѣляетъ разницу между атавизмомъ, т.-е. возвратомъ къ прежнему типу (или реверсіей) съ одной и задержкой развитія на одной изъ промежуточныхъ эмбріональныхъ стадій съ другой стороны слѣдующимъ образомъ: „Мы можемъ въ извѣстномъ смыслѣ принимать за реверсію, возвратъ къ прежнему типу, тотъ случай, когда ткань остановилась въ своемъ развитіи, но еще продолжаетъ расти до тѣхъ поръ, пока не станетъ близко походить на соотвѣтственную ткань въ какомъ-нибудь низшемъ взросломъ членѣ той же группы". (*Ч. Дарвинъ*. Происхожденіе человѣка, стр. 22, русск. пер. 1896 г. С.-Пб.).

Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что Дарвинъ придаетъ большое въ этомъ отношеніи значеніе функціональной способности видоизмѣнившагося органа.

„Едва ли вѣроятно,—говоритъ онъ,—чтобы часть, остановившаяся въ развитіи въ раннюю пору зародышевой жизни, была способна вырости до того, чтобы выполнять свойственную ей функцію, если только она не получила эту способность развитія въ какой-нибудь болѣе ранній періодъ существованія, когда настоящее исключительное или недоразвитое состояніе было нормальнымъ". (Ibid.).

Существеннымъ критеріемъ для признанія остановки въ развитіи, или же явленія атавизма является, слѣдовательно, для Дарвина вопросъ о функціональномъ состояніи ткани: если ткань (resp. органъ) развита настолько, что способна функціонировать, хотя бы даже и не въ полной мѣрѣ, свойственной данному виду, но лишь въ томъ объемѣ, какой свойственъ этой ткани у низшихъ родичей даннаго вида, въ сходствѣ съ которыми заподозривается изучаемая ткань, тогда можно говорить о явленіяхъ атавизма; если же функція ткани (органа) нарушена окончательно, или понижена до такой степени, что не можетъ идти въ сравненіе даже и съ тѣмъ ся объемомъ, который свойственъ низшему прототипу, съ которымъ ткань обнаруживаетъ морфологическое сходство, мы будемъ имѣть дѣло съ явленіемъ задержки развитія, съ рудиментарною тканью.

Но самъ Дарвинъ чувствуетъ нѣкоторую шаткость принятаго имъ критерія и говоритъ неоднократно, какъ въ выше цитированномъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, о возможности затрудненій при разграниченіи атавизма и задержки развитія на извѣстныхъ стадіяхъ эмбріональной жизни, вслѣдствіе чего необходимо, по его словамъ, признать существованіе ряда типовъ неопредѣленныхъ, переходныхъ и т. д.

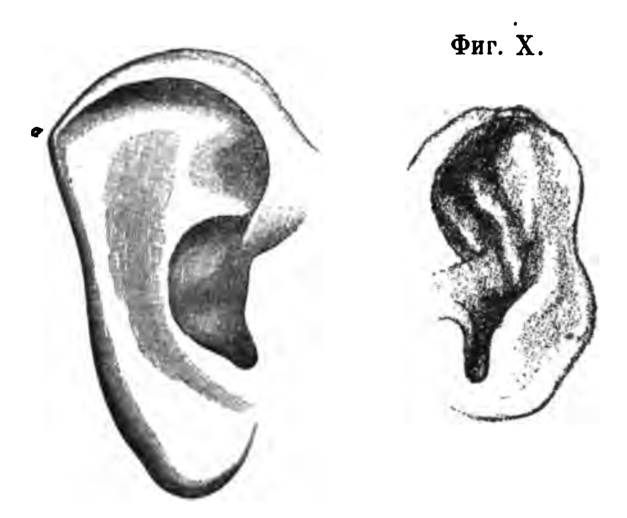
По отношенію же къ спеціально интересующему насъ органу, наружному уху, и этотъ недостаточно опредѣленный критерій оказывается совершенно неприложимымъ, по той простой причинѣ, что здѣсь дѣло идетъ объ органѣ, относительно функціи котораго въ его цѣломъ, а тѣмъ болѣе въ отдѣльныхъ его частяхъ, мы не знаемъ ничего точнаго и опредѣленнаго. Къ этому надо прибавить, что едва ли даже можно и говорить о какой бы то ни было функціи отдѣльныхъ образованій наружнаго уха человѣка (Дарвинова бугорка, завитка, противозавитка, мочки и т. д.), такъ какъ въ настоящее время наиболѣе достовѣрнымъ представляется защищаемый особенно энергично *Schwalbe* взглядъ

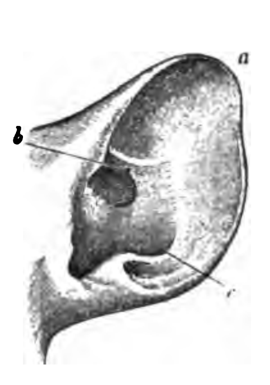
на большинство образованій наружнаго уха, какъ на результатъ процесса редукціи частей органа, для экономіи всего организма болѣе уже не нужныхъ.

Намъ не остается ничего, слѣдовательно, лучшаго, какъ заняться сравненіемъ съ чисто морфологической точки зрѣнія между ушами съ признаками недоразвитія у взрослыхъ людей, ушами человѣческаго эмбріона и ушами тѣхъ обезьянъ, сходство съ которыми усматривалось въ недоразвитыхъ человѣческихъ ушахъ, и опредѣленіемъ, съ какими изъ двухъ послѣднихъ формъ (т.-е. эмбріональными или обезьяньими) наиболѣе морфологически сходно недоразвитое человѣческое ухо. Здѣсь мы должны установить прежде всего тотъ важный фактъ, что принадлежность каждой данной формы человѣческаго уха къ атавистическимъ формамъ никогда не устанавливается авторами на основаніи сходства съ низшими животными всего уха въ цѣломъ, но лишь на основаніи единичныхъ или множественныхъ человѣка, на ухѣ человѣческаго эмбріона въ соотвѣтствующихъ стадіяхъ развитія, или, наконецъ, на ухѣ макаковыхъ и церкопитековыхъ обезьянъ, съ морфологической точки зрѣнія представляется намъ совершенно одинаковымъ. Словомъ, разсматривая отдѣльныя особенности уха взрослаго человѣка, почитаемыя за атавистическія, мы не найдемъ среди нихъ ни одной такой особенности, которая бы представляла болѣе или менѣе значительное сходство съ формами, наблюдающимися у обезьянъ, и не имѣла бы въ тоже время аналога въ формахъ отдѣльныхъ образованій уха человѣческаго эмбріона.

Принявъ только что установленную точку зрѣнія, мы не можемъ уже говорить о томъ, что данное образованіе уха взрослаго человѣка по своей формѣ походитъ больше на формы такого же образованія, встрѣчающіяся у обезьянъ, чѣмъ на формы, отмѣчаемыя у человѣческаго эмбріона, но мы можемъ судить о большемъ сходствѣ съ обезьяньимъ или съ эмбріональнымъ

Фиг. X.

Первое (слѣва)—ухо одного шведа „макаковой“ формы (рис. заимств. у Schwalbe); среднее — ухо человѣческаго эмбріона въ концѣ V-го мѣсяца зародышевой жизни (съ рис. Schäffer'a) и послѣднее—ухо взрослаго lemur'a macaco (по Schwalbe).

случаевъ нахожденія отдѣльныхъ образованій уха, отдѣльныхъ его частей, напоминающихъ формы, наблюдаемыя у низшихъ животныхъ. Къ такимъ образованіямъ относятся: рѣзко выраженный Дарвиновъ бугорокъ, сатировъ бугорокъ, не полное или совсѣмъ отсутствующее загибаніе свободнаго края уха въ завитокъ, нѣкоторыя формы мочки (приращеніе ея формъ I и II) и т. д. Подобныя формы отдѣльныхъ частей уха мы встрѣчаемъ, дѣйствительно, у многихъ обезьянъ, но несомнѣнно также, что совершенно такія же образованія свойственны и уху человѣческаго эмбріона. Сравнивая не вполнѣ загнутый въ завитокъ край свободнаго уха у взрослаго человѣка, у эмбріона и у нѣкоторыхъ обезьянъ, мы не можемъ установить между ними никакой существенной разницы, равнымъ образомъ и Дарвиновъ бугорокъ въ его макаковой или церкопитековой формѣ, будемъ ли мы его наблюдать на ухѣ взрослаго ухомъ всего уха взрослаго человѣка, взятаго въ его цѣломъ, *не по характеру, но лишь по числу* признаковъ, сближающихъ данное ухо взрослаго человѣка съ ухомъ человѣческаго же эмбріона и съ ухомъ обезьянъ, равно какъ и по числу признаковъ, удаляющихъ указанныя формы уха другъ отъ друга.

Но уже одного взгляда на фиг. X, на которой изображены: 1) „макакоформное“ ухо взрослаго человѣка, 2) ухо человѣческаго эмбріона въ „макаковой“ его стадіи (въ концѣ V мѣсяца) и 3) ухо lemur'a macaco — для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что макакоформное ухо человѣка стоитъ гораздо ближе къ эмбріональному человѣческому же уху, чѣмъ къ уху взрослаго lemur'a macaco.

На ухѣ взрослаго человѣка въ макаковой его формѣ завитокъ въ своей средней и нижней частяхъ не завернутъ, мѣсто же перехода отъ верхней загнутой

къ средней не загнутой части составляетъ угловой выступъ, образующій Дарвиновъ бугорокъ. Эти признаки сближаютъ макаковое ухо взрослаго человѣка одинаково какъ съ ухомъ lemur'a macaco, macacus rhesus и нѣкоторыхъ другихъ обезьянъ, такъ и съ ухомъ человѣческаго эмбріона въ его макаковой стадіи. Но макаковое ухо взрослаго человѣка обладаетъ уже (см. фиг. X) совершенно ясно диференцированной мочкой; въ иныхъ случаяхъ мочка можетъ быть, правда, приращена (даже въ формѣ I), но и въ такомъ видѣ она все-таки была бы далека отъ уха настоящихъ макаковъ, но значительно сближалась бы съ ухомъ человѣческаго эмбріона. Но особенно характерныя отношенія замѣчаются по отношенію къ степени диференцировки конхи отъ остальной части ушной раковины: на фиг. X представлено человѣческое ухо обладающее, хотя слабо развитымъ (не выступающимъ въ видѣ валика кнаружи) противозавиткомъ, но всетаки противозавитокъ существуетъ, въ видѣ ясно выраженнаго углового перегиба всей ушной раковины, вслѣдствіе чего конха вполнѣ опредѣленно отграничена отъ периферической части наружнаго уха; аналогичныя отношенія мы видимъ и у человѣческаго эмбріона, противозавитокъ котораго представляетъ нѣсколько еще неизгладившихся продольныхъ складокъ (первичной противозавитокъ), но на ряду съ этими складками существуетъ перегибъ всей ушной раковины, ведущей къ ясной диференцировкѣ конхи. Совсѣмъ иное мы видѣли у lemur'a macaco (см. фиг. X), у macacus rhesus и нѣкоторыхъ другихъ обезьянъ, у которыхъ вся ушная раковина представляетъ одну общую воронку безъ рѣзкаго отграниченія центральной ея части (конхи) отъ периферической. Очевидно, слѣдовательно, что ухо взрослаго человѣка даже и въ наиболѣе недоразвитыхъ его формахъ имѣетъ большое число признаковъ, сближающихъ его какъ съ ухомъ человѣческаго же эмбріона, такъ и съ ухомъ низшихъ обезьянъ; на ряду съ этимъ оно имѣетъ также значительное число признаковъ, сближающихъ его съ ухомъ человѣческаго эмбріона и отдаляющихъ отъ обезьяньяго уха; но не существуетъ ни одного такого признака, который сближалъ бы его съ ухомъ обезьянъ, отдаляя въ то же время отъ уха человѣческаго эмбріона. Вслѣдствіе этого недоразвитыя формы уха у взрослыхъ людей мы можемъ съ полнымъ правомъ назвать формами, происшедшими вслѣдствіе задержки развитія, формами эмбріональными, право же на названіе ихъ формами атавистическими болѣе чѣмъ сомнительно. На мой личный взглядъ, раздѣляемый, впрочемъ, далеко не всѣми изслѣдователями, по отношенію къ любому органу человѣческаго тѣла не существуетъ хорошо прослѣженныхъ и доказательныхъ случаевъ настоящаго атавизма, т.-е. такихъ случаевъ, гдѣ уклоненіе даннаго органа взрослой особи отъ обычныхъ для нея формъ сближало бы этотъ органъ съ формами, свойственными низшимъ организаціямъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ съ эмбріональными формами того же вида. Явленія замѣчаемыя по отношенію къ наружному уху представляютъ, слѣдовательно, лишь частичныя проявленія общаго закона; но наружное ухо человѣка, будучи органомъ, очерченнымъ измѣнчивыми контурами, представляетъ, быть-можетъ, одинъ изъ самыхъ удобныхъ объектовъ для изученія вопроса объ атавизмѣ и явленіяхъ задержки развитія.

XVII.

Искусственныя и патологическія деформаціи человѣческаго уха.

Наше описаніе формъ наружнаго уха человѣка не было бы достаточно полнымъ, если бы мы прошли совершеннымъ молчаніемъ вопросъ объ искусственныхъ деформаціяхъ уха, получившихъ чрезвычайно широкое распространеніе и практикуемыхъ то въ цѣляхъ красоты (чаще всего), то съ обрядово-ритуальными цѣлями, то въ видѣ наказанія и т. д. Не дѣлая, однако, въ этой области никакихъ личныхъ изысканій и изслѣдованій, я поневолѣ принужденъ оставаться лишь въ предѣлахъ литературныхъ указаній, разбросанныхъ въ трудахъ путешественниковъ, въ монографіяхъ трактующихъ о нравахъ, обычаяхъ или физическихъ особенностяхъ отдѣльныхъ племенъ и т. д. Существуетъ, кромѣ того, нѣсколько сочиненій, въ которыхъ часть этихъ разбросанныхъ по различнымъ мѣстамъ свѣдѣній собрана вмѣстѣ и объединена въ томъ или въ другомъ общемъ освѣщеніи вопроса. Среди такихъ сочиненій я могъ воспользоваться, главнымъ образомъ, слѣдующими: *Пешель*—Народовѣдѣніе; *Ратцель*—Народовѣдѣніе; *Плоссъ*—Женщина въ естествовѣдѣніи и въ народовѣдѣніи; *Ш. Летурно*—Эволюція воспитанія у различныхъ народовъ; *Петри*—Антропологія, *Нидерле*—Человѣчество въ доисторическія времена; *Karutz*: — Ohrdurchborung und Ohrschmack (Globus Bd. 70) и т. д.

Наиболѣе широкимъ распространеніемъ среди всѣхъ народовъ во всѣ времена существованія человѣчества отличается деформированіе уха въ цѣляхъ красоты, когда та или другая часть этого органа прокалывается для большаго удобства прикрѣпленія серегъ и различныхъ подвѣсокъ и укрѣпленій. Начало этого обычая лежитъ въ сѣдой древности, уходя вглубь вѣковъ, далеко за предѣлы нашихъ историческихъ свѣдѣній; доисто-

рическая археологія въ своихъ находкахъ свидѣтельствуетъ намъ о существованіи обычая украшать уши различными подвѣсками уже въ эпоху бронзы, при чемъ слѣды этого обычая (самыя подвѣски, серьги, частью же скульптурныя изображенія) находились настолько часто и въ такихъ различныхъ областяхъ, что по самой универсальности распространенія обычая надо думать, что онъ уже и тогда былъ далеко не новымъ обычаемъ, и если мы почти ничего не знаемъ объ украшеніяхъ ушей въ эпоху полированнаго камня (а можетъ быть въ палеолитическую), то только лишь потому, что употребляемыя тогда украшенія дѣлались частью изъ нестойкаго матеріала (дерево, перья и т. д.), частью же и въ самой своей формѣ не носили характерныхъ признаковъ, по которымъ теперь мы могли бы распознать ихъ какъ таковыя. Но эпоха металловъ принесла уже и сохранившіяся до нашего времени и легко распознаваемыя подлинныя серьги, ровно какъ и изображенія головъ съ ушами, украшенными серьгами, иногда очень большими замѣчательно сложной и уродливой на нашъ взглядъ формы, иногда же болѣе подходящими по размѣрамъ и формѣ къ современнымъ серьгамъ, по отдѣлкѣ же столь изящными, что многія изъ современныхъ франтихъ не отказались бы, пожалуй, украситься этими издѣліями, имѣющими за собою существованіе въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій (напримѣръ, полныя изящества золотыя серьги эпохи микенской культуры). На наиболѣе древнихъ скульптурныхъ произведеніяхъ, напримѣръ на найденной *Г. Мортилье* бронзовой статуеткѣ Будды, уши великаго бога украшены гладкимъ кольцомъ, продѣтымъ въ мочку. На нѣкоторыхъ бронзовыхъ ножахъ, найденныхъ въ Даніи, рукоятка представляетъ изъ себя человѣческіе бюсты, на головѣ которыхъ, несмотря на небольшіе ея размѣры, ясно обозначены серьги въ видѣ большого, гладкаго, вдѣтаго, повидимому, въ мочку (во всякомъ случаѣ въ нижнюю часть уха) кольца. Эти находки свидѣтельствуютъ намъ, что въ эпоху бронзы серьги не только существовали, но и играли видную роль, такъ какъ творцы статуетокъ и даже утилитарныхъ подѣлокъ въ родѣ ножей, изображая человѣческую голову даже и въ малыхъ размѣрахъ, когда большинство деталей стушевывается, не забывали, однако, отмѣтить на ней существаваніе серегъ.

Простыя гладкія кольца, принадлежащія, вѣроятно, или болѣе раннимъ періодамъ бронзовой эпохи, или же народамъ наименѣе одареннымъ художественнымъ вкусомъ, въ позднѣйшіе періоды (или у другихъ племенъ) смѣняются очень сложными и, какъ это упоминалось уже относительно серегъ микенской культуры, чрезвычайно тонкими, художественными издѣліями. Прежде чѣмъ перейти къ современнымъ народамъ, упомянемъ, кстати, что наши предки—славяне—съ давняго времени украшали свои уши (чаще только одно) серьгами, преимущественно въ видѣ золотыхъ колецъ; про эту особенность историческихъ славянъ, напримѣръ воинственнаго князя Святослава упоминаютъ уже византійскіе историки.

У современныхъ народовъ обычай деформировать уши ради украшеній является широко распространеннымъ почти во всѣхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта, какъ у народовъ, достигшихъ наивысшаго культурнаго развитія, такъ и у стоящихъ на самыхъ низкихъ его ступеняхъ; вся разница лишь въ томъ, что у высоко культурныхъ народовъ этотъ историческій пережитокъ сохранился главнымъ образомъ у женщинъ и лишь у немногихъ мужчинъ, и то исключительно принадлежащихъ къ низшимъ классамъ, у народовъ же менѣе культурныхъ украшеніе ушей распространено среди мужчинъ въ той же нерѣдко мѣрѣ, какъ и среди женщинъ. Чаще всего деформируется съ цѣлью вдѣванія серегъ и другихъ украшеній ушная мочка. Проколы бываютъ обыкновенно не велики и мало, сравнительно, измѣняютъ ея форму; но иногда отверстія въ мочкѣ достигаютъ значительныхъ размѣровъ; это наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ вставляются деревянныя или костяныя палочки (карайясы въ Америкѣ, эскимосы; пондо—въ Африкѣ), толстыя спиралеобразныя деревянныя трубки (мои въ горахъ юго-западнаго Аннама) толстыя пуговки (женщины племени ораонъ-коло изъ Бенгаліи), перья съ различными на нихъ привѣсками (умаусы въ Америкѣ), круглыя деревянныя пластинки (ботокуды), нѣсколько тяжелыхъ колецъ (негры-морусы, макарики, даяки съ острова Борнео, индѣйцы-вайо, малодивскія женщины), или хотя и одно кольцо, но съ привѣшенными къ нему предметами значительнаго вѣса (женщины племени мари изъ Ассама и др.). Въ послѣднемъ случаѣ вся мочка значительно растягивается, діаметръ ея отверстія достигаетъ нерѣдко нѣсколькихъ сантиметровъ, истонченный же нижній край мочки спускается почти до плечъ (негры джагга, жители острововъ Рукъ, Анахоретскихъ острововъ, острова Тоэ, женщины народа аконгъ и т. д.). Эти-то случаи искусственнаго чрезвычайнаго увеличенія ушной мочки и легли, вѣроятно, въ основу упоминавшихся уже выше сказочныхъ представленій нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ (напримѣръ, нѣмцевъ по свидѣтельству Karutz'а) о существованіи народовъ, которымъ одно ухо служитъ простынею, а другое—одѣяломъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ искусственное растягиваніе мочки доводится до такой степени, что мочка, наконецъ, разрывается, что происходитъ, повидимому, неумышленно, такъ какъ у большинства соплеменниковъ лицъ съ оборванной и болтающейся въ видѣ лоскутьевъ мочкой, мочка обыкновенно цѣла, но лишь чрезмѣрно растянута своеобразными вставками. Отсюда же быть-можетъ, и происходитъ обычай нѣкоторыхъ племенъ сильно растягивать мочку вставками, а потомъ уже намѣренно разрѣзать

ея вдоль на два, а иногда на три и больше лоскута (напримѣръ, у женщинъ съ острова Мабіакъ, у массаевъ и т. д.)

Иногда проколамъ съ цѣлью введенія различныхъ вставокъ и подвѣсокъ подвергается не одна мочка, но и другія части уха. Такъ батузы въ Трансваалѣ прокалываютъ съ этою цѣлью козелокъ; жители Нубіи, джагга, даяки съ острова Борнео—вдѣваютъ палочки и кольца въ верхнюю часть уха; женщины нѣкоторыхъ мѣстностей Остъ-Индіи, женщины племени митту—въ Африкѣ, малeдивскія женщины—практикуютъ кромѣ проколовъ мочки еще цѣлый рядъ проколовъ на протяженіи всего завитка сверху и до низу; при этомъ въ проколы вставляются предметы, обладающіе довольно значительною тяжестью, такъ что подъ вліяніемъ ихъ ухо окончательно лишается своей обычной формы.

Большая часть искусственныхъ деформацій уха преслѣдуетъ цѣли красоты; но на ряду съ этимъ, у нѣкоторыхъ народовъ деформація вызывается и иными причинами: религіозными, кастовыми и др. Такъ, въ Патагоніи, всѣмъ дѣтямъ, когда имъ минетъ 4 года, прокалываютъ уши (всегда заостренной страусовою костью) съ особыми торжественными церемоніями, заставляющими, по мнѣнію *Ш. Летурно* видѣть въ обрядѣ, значеніе умилостивительной жертвы. У ацтековъ, при поступленіи въ орденъ Текутли, предназначенный для одной только аристократіи, верховный жрецъ въ двухъ мѣстахъ прокалывалъ ухо кандидата заостренной костью или орлинымъ когтемъ. Въ древнемъ Перу молодымъ людямъ, получившимъ высшее образованіе, инка, въ присутствіи монарха, прокалывалъ уши золотымъ буравчикомъ, Буравчикъ оставляли въ образовавшемся отверстіи до тѣхъ поръ, пока рана не затягивалась; затѣмъ отверстіе увеличивали и продѣвали сквозь него огромныя серьги, которыя своею тяжестью оттягивали мочки ушей до плечъ. Послѣднему обстоятельству инки обязаны своимъ прозвищемъ *orejones*, которое дали имъ испанцы.

Особое мѣсто среди искусственныхъ деформацій наружнаго уха занимаетъ полное удаленіе одного или обоихъ ушей, практикуемое у нѣкоторыхъ народовъ въ видѣ наказанія за различные поступки, преимущественно, кажется, у восточныхъ народовъ. Не такъ давно практиковалось оно у башкиръ, киргизовъ, калмыковъ и другихъ нашихъ поволжскихъ инородцевъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ спеціально изучавшій исторію Пугачевскаго бунта *А. С. Пушкинъ*, дающій на то указанія, какъ въ своемъ историческомъ трудѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сценахъ изъ романа „Капитанская дочь“.

А. А. Ивановскій во время личныхъ нашихъ бесѣдъ разсказывалъ мнѣ, что въ 1894 году, во время путешествія по Макинскому ханству (Персія), ему довелось видѣть нѣсколькихъ субъектовъ съ отрѣзанными по приказанію хана ушами; равнымъ образомъ и во время путешествія по Тарбагатайской области (Китай) онъ также видѣлъ нѣсколько китайцевъ и киргизовъ съ обрѣзанными ушами. Обычай обрѣзать уши въ наказаніе, у восточныхъ народовъ, повидимому, очень старъ, такъ какъ еще византійскіе историки свидѣтельствуютъ о распространенности его у скиѳовъ. Это наказаніе и теперь считается, повидимому, особенно позорнымъ, такъ какъ г. *Ивановскій* говорилъ мнѣ, что встрѣченные имъ наказанные субъекты всегда тщательно скрывали свой недостатокъ, прикрывая ушныя отверстія отращенными волосами или нахлобученными шапками. О болѣе широкомъ нѣкогда распространеніи этого обычая, равно какъ и объ особенно позорномъ характерѣ подобнаго наказанія свидѣтельствуютъ сохранившіеся до сихъ поръ у нѣмецкихъ юнкеровъ а также у польской аристократіи историческіе пережитки, въ силу которыхъ воинственный нѣмецкій юнкеръ и сейчасъ готовъ обрубить ухо нанесшему ему оскорбленіе человѣку не одинаковаго съ нимъ происхожденія; равнымъ образомъ и польскій шляхтичъ, глубоко задѣтый какой-нибудь неуважительной по отнощенію къ нему выходкой, особенно охотно прибѣгаетъ къ угрозѣ обрубить своему противнику уши. Быть-можетъ и въ томъ фактѣ, что при приданіи Христа апостолъ обрубилъ уши одному изъ рабовъ, надо видѣть со стороны ученика не желаніе фактической защиты своего учителя, безполезной при малочисленности и безсиліи окружающихъ Христа противъ вооруженной толпы, пришедшей его взять, но скорѣе протестъ символическаго характера, желаніе нанести величайшее оскорбленіе, какое только было возможно при данномъ положеніи.

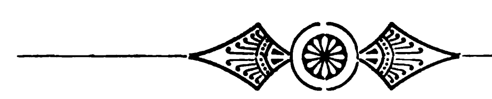
Въ заключеніе этой главы скажемъ хотя нѣсколько словъ о патологическихъ деформаціяхъ наружнаго уха. Этотъ предметъ достаточно уже трактовался въ тѣхъ мѣстахъ настоящей работы, гдѣ говорилось о дегенеративномъ ухѣ и ухѣ преступниковъ, о врожденныхъ уродствахъ уха и т. д. Но здѣсь я имѣю ввиду лишь тѣ патологическіе процессы, которые поражаютъ уже сформированное ухо въ послѣ эмбріональномъ періодѣ. Но и въ этой области мы минуемъ различные воспалительные процессы или новообразованія, разрушающіе различные пораженные ими органы, а въ томъ числѣ, слѣдовательно, и наружное ухо, но остановимся лишь на двухъ очень характерныхъ процессахъ, ведущихъ къ деформаціямъ послѣдняго, а именно на обмораживаніяхъ уха и на его кровянистыхъ опухоляхъ (отогематомы).

Обмораживаніе уха, по крайней мѣрѣ у насъ въ центральной и сѣверной части Россіи—явленіе очень не рѣдкое; у изслѣдованныхъ мною рязанцевъ ту или другую степень отмораживанія мнѣ пришлось отмѣтить у 11 человѣкъ, т.-е. свыше 3% всѣхъ изслѣдованныхъ субъектовъ (у женщинъ значительно меньше, вѣроятно

вслѣдствіе обычая накрывать голову зимою теплыми платками). Обмораживаніе захватываетъ или всю ушную раковину, или (чаще) только периферическія ея части.

Процессъ отмораживанія ведетъ къ полной гангренѣ и отмиранію пораженныхъ частей съ реакціоннымъ воспаленіемъ сосѣднихъ тканей, особенно хрящей, ведущимъ къ остающемуся навсегда уплотнѣнію и вздутію захваченной процессомъ области. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда дѣйствіе холода было не слишкомъ интенсивнымъ, до полной гангренесценціи дѣло не доходитъ, но начавшійся воспалительный процессъ не вполнѣ разрѣшается и на его мѣстѣ остается болѣе или менѣе равномѣрное вздутіе (инфильтраціи), иногда остающееся in statu quo, чаще же всего подвергающееся послѣдовательному стягиванію и сморщиванію. Такого рода явленія чаще наблюдаются въ тѣхъ случаяхъ, когда процессъ захватываетъ все ухо; тогда лучше обезпеченныя протокомъ крови центральныя части уха сильнѣе противостоятъ патологическому процессу и все ухо или только центральная его часть сохраняется, но подвергается различнаго рода деформаціямъ (частичнымъ распуханіямъ и съеживаніямъ), иногда значительно измѣняющимъ первоначальную форму органа. Въ этихъ случаяхъ распознаніе патологическаго характера деформаціи не трудно. Нѣсколько иначе стоитъ дѣло по отношенію къ тѣмъ случаямъ, когда въ процессъ вовлекаются главнымъ образомъ или даже исключительно периферическія части. Здѣсь дѣло доходитъ или только до вздутія пораженныхъ частей, или же до частичнаго отмиранія съ вздутіемъ сосѣднихъ областей, а если дѣйствіе холода было интенсивно, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивалось небольшимъ лишь участкомъ (не прикрытый верхній или нижній кончикъ уха), тогда вся пораженная часть отмираетъ, воспалительное же состояніе сосѣднихъ частей разрѣшается, не оставляя послѣдовательныхъ измѣненій. Такія локализированныя пораженія въ области завитка ведутъ иногда къ образованію на немъ частичныхъ дефектовъ съ столь ровными и гладкими краями, что легко могутъ симулировать вышеописанные врожденные частичные дефекты завитка, вслѣдствіе чего, отмѣчая послѣднюю форму, обязательно надо справиться, не составляетъ ли она послѣдствія отмораживанія. Такія же справки необходимо дѣлать и при описаніи мочки, особенно ея положенія по отношенію къ вертикальной плоскости, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ можно отмѣтить какъ врожденную особенность формы уха направленіе конца ушной мочки кнутри отъ медіальной плоскости (направл. мочки ф. I по схемѣ Schwalbe) тамъ, гдѣ измѣненіе въ положеніи мочки произошло вслѣдствіе того, что она въ области приращенія ея къ кожѣ щеки подверглась вмѣстѣ съ кожей щеки обмораживанію съ послѣдовательнымъ воспалительнымъ припуханіемъ и съеживаніемъ пораженныхъ частей.

Кромѣ того, при описаніи формъ наружнаго уха приходится также, какъ это уже упоминалось выше, считаться съ кровянистыми опухолями уха (отогематомами). Чаще всего отогематомы наблюдаются у душевно-больныхъ. Въ сновѣ ихъ, какъ показали изслѣдованія доктора *Тищкова*, лежатъ кровоизліянія въ толщу хряща, происходящія главнымъ образомъ подъ вліяніемъ травмы. Благодаря большому значенію послѣдняго этіологическаго момента прежде (да и теперь въ дореформенныхъ заведеніяхъ для душевно-больныхъ) отогематомы были у душевно-больныхъ очень часты; теперь, когда возможность дракъ больныхъ между собою, или нанесенія больнымъ поврежденій самому себѣ, равно какъ и грубаго обращенія съ больными со стороны надзирающаго за ними персонала сведена до минимума, отогематамы встрѣчаются сравнительно рѣдко. Отогематомы не составляютъ, однако, исключительной привилегіи душевно-больныхъ и если у послѣднихъ при глубокихъ нарушеніяхъ трофическихъ процессовъ часто для развитія отогематомы бываетъ достаточно лишь незначительной травмы, безвредной для здороваго человѣка, то болѣе сильныя травмы могутъ и у здоровыхъ повести къ развитію того же процесса. Наилучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу послѣдняго положенія служатъ нѣкоторыя скульптурныя произведенія классической древности, оставившей намъ изображенія кулачныхъ бойцовъ (панкратіастовъ) съ такими обезображеніями въ формахъ ушной раковины, въ которыхъ не трудно видѣть слѣды бывшей кровянистой опухоли уха. Отогематомы ведутъ къ рѣзкимъ измѣненіямъ (частичнымъ утолщеніямъ и общему сморщиванію) всей ушной раковины. При изученіи формъ наружнаго уха (особенно у душевно-больныхъ) съ ними приходится считаться, хотя бы уже для того одного, чтобы не дѣлать безполезнаго подробнаго и спеціальнаго описанія рѣзкихъ искаженій формы всей раковины in toto, равно какъ и отдѣльныхъ его частей, крайне съ морфологической точки зрѣнія разнообразныхъ, но просто ограничиться установкой діагноза отогематомы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Варіаціи въ формахъ наружнаго уха подъ вліяніемъ различныхъ антропологическихъ факторовъ.

Въ предшествующихъ частяхъ настоящей работы, при изученіи каждаго отдѣльнаго измѣрительнаго или описательнаго признака наружнаго уха, мнѣ приходилось уже говорить о томъ, какъ измѣняется онъ въ связи съ измѣненіями роста, длины лица, формы головы, цвѣта волосъ и глазъ, возраста, пола и т. д., приходилось также говорить о расовыхъ и о дегенеративныхъ формахъ наружнаго уха. Но при принятомъ раньше способѣ изложенія модифицирующее значеніе только что упомянутыхъ антропологическихъ факторовъ выяснялось лишь по отношенію къ отдѣльнымъ признакамъ наружнаго уха, цѣлью же четвертой заключительной части моей работы является сопоставленіе разсмотрѣнныхъ уже данныхъ въ такомъ порядкѣ, чтобы значеніе вліянія различныхъ антропологическихъ факторовъ на размѣры и форму всего уха могло быть представлено въ возможно болѣе наглядной формѣ.

I.

Измѣненія въ формахъ уха въ связи съ измѣненіями роста и нѣкоторыхъ измѣреній головы и лица.

До сихъ поръ изслѣдователи слишкомъ мало обращали вниманія на эту сторону вопроса, такъ что за исключеніемъ двухъ-трехъ замѣчаній, брошенныхъ авторами мимоходомъ, мнѣ приходится опираться почти исключительно на мои личныя изслѣдованія (преимущественно на наиболѣе многочисленныя и подробнѣе проведенныя изслѣдованія ушей рязанцевъ).

Что большій или меньшій *ростъ* субъектовъ долженъ отражаться и на величинѣ уха, это ясно и безъ всякихъ изслѣдованій, такъ какъ трудно даже и представить себѣ, чтобы болѣе высокорослые субъекты (въ предѣлахъ, конечно, одной и той же расы) не обладали бы въ общемъ и нѣсколько бо́льшими ушами. Весь вопросъ здѣсь сводится лишь къ выясненію степени вліянія роста на увеличеніе отдѣльныхъ измѣреній уха и темпа возрастанія этихъ послѣднихъ по отношенію къ увеличенію роста, равно какъ и по отношенію отдѣльныхъ размѣровъ другъ къ другу (а отсюда, слѣдовательно, и характера измѣненій съ увеличеніемъ роста общей конфигураціи уха, насколько она выражается въ измѣненіяхъ ушныхъ указателей). Но болѣе детальное изученіе вопроса показываетъ, что съ измѣненіями въ ростѣ модифицируются не только измѣрительные, но и нѣкоторые описательные признаки уха. Изъ измѣрительныхъ признаковъ наиболѣе тѣсную связь съ измѣненіями роста обнаруживаетъ длина (высота) уха; нѣсколько слабѣе выражена зависимость отъ роста для ширины уха (см. стр. 68 и 71). Но особенно характерно то обстоятельство, что возрастаніе величинъ какъ длины, такъ и ширины не вполнѣ пропорціонально увеличенію роста, но оно идетъ нѣсколько болѣе замедленнымъ темпомъ, такъ что хотя у высокорослыхъ рязанцевъ длина и ширина уха въ абсолютныхъ своихъ размѣрахъ больше, чѣмъ у низкорослыхъ, но если мы выразимъ эти измѣренія вмѣсто абсолютныхъ цифръ въ процентахъ роста, то окажется, что высокорослые субъекты обладаютъ относительно къ росту меньшими, а не большими длиною и шириною уха. Въ этомъ случаѣ по отношенію къ наружному уху мы видимъ, слѣдовательно, распространеніе на него общаго закона, установленнаго Рождественскимъ для величины вертикальной проекціи головы и распространеннаго моими изслѣдованіями и на всѣ главнѣйшія измѣренія головы и лица,—закона, въ силу котораго субъекты высокорослые обладаютъ абсолютно большей, но относительно меньшей, чѣмъ низкорослые субъекты головою. Въ таблицѣ № 163-й сопоставлены измѣненія какъ абсолютныхъ величинъ, такъ и процентныхъ къ росту отношеній длины и ширины уха рязанцевъ для четырехъ группъ роста.

ТАБЛИЦА № 163-й.

	Длина уха.		Ширина уха.	
	Абс. в. (въ mm.).	Въ % роста.	Абс. в. (въ mm.).	Въ % роста.
Низкій ростъ	59,9	3,83	32,4	2,06
Ростъ ниже средняго .	61,8	3,76	32,3	1,98
„ выше средняго .	61,7	3,68	33,1	1,97
Высокій ростъ	62,9	3,62	33,2	1,91

Увеличеніе абсолютныхъ размѣровъ для длины уха съ увеличеніемъ роста выражено гораздо интенсивнѣе, чѣмъ для ширины, составляя разницу между группами высокаго и низкаго роста для длины въ 3,0 mm., для ширины же всего въ 0,8 mm. Очевидно, слѣдовательно, что при такихъ условіяхъ физіономическій указатель уха съ увеличеніемъ роста долженъ уменьшаться (ширина, составляющая числитель дроби возрастаетъ слабѣе, чѣмъ знаменатель дроби, т.-е. длина), что мы видимъ и на самомъ дѣлѣ, хотя ходъ измѣненія чиселъ и не совсѣмъ правиленъ: 54,09; 52,09; 53,64; 52,78 (см. табл. № 37). Какъ для истинной высоты, такъ и для длины основанія уха на моемъ матеріалѣ нельзя было установить правильныхъ измѣненій чиселъ съ увеличеніемъ роста; по отношенію къ длинѣ основанія это зависитъ, прежде всего, конечно, отъ того, что въ величинѣ даннаго измѣренія играетъ видную роль форма приращенія мочки; при раздѣленіи же всего матеріала на двѣ группы—свободной и приращенной мочки, матеріалъ оказывается уменьшеннымъ въ числѣ, что не способствуетъ, конечно, открытію закономѣрныхъ отношеній; да кромѣ того и въ каждой группѣ соединены не совсѣмъ идентичныя формы: длина основанія уха съ приращеніемъ мочки ф. II будетъ не совсѣмъ одинакова съ тою, которая получится на совершенно такомъ же въ прочихъ размѣрахъ ухѣ, имѣющимъ, однако, приращеніе мочки ф. I, то же относится, конечно, и къ ушамъ съ приращеніемъ мочки ф. III и ф. IV. Хотя измѣненія величинъ основанія уха и истинной его высоты въ зависимости отъ измѣненія роста представляютъ у моихъ рязанцевъ довольно неправильныя и атипичныя колебанія, тѣмъ не менѣе колебанія величинъ этихъ измѣреній по отношенію другъ къ другу оказываются подчиненными извѣстной закономѣрности, выражающейся въ томъ, что съ увеличеніемъ роста величины морфологическаго указателя уха, какъ при свободной, такъ, въ особенности, и при приращенной мочкѣ, замѣтнымъ образомъ возрастаютъ, причемъ разница въ величинѣ указателей между группой высокорослыхъ и группой низкорослыхъ рязанцевъ достигаетъ для ушей съ свободной мочкой 2,3, а для ушей съ приращенной мочкой—5,7 единицъ (см. табл. № 56-й). Но ростъ оказываетъ свое модифицирующее вліяніе не только на размѣры уха, но и на форму нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его образованій. Изъ тѣхъ отдѣльныхъ образованій, для которыхъ я дѣлалъ попытку распредѣленія по группамъ роста, для противозавитка мною не было получено сколько-нибудь замѣтныхъ измѣненій въ распредѣленіи различныхъ его формъ, параллельныхъ съ измѣненіями роста; по отношенію же къ козелку, приращенію мочки, такія измѣненія болѣе замѣтны, еще рельефнѣе выражены они по отношенію къ завитку, Дарвинову бугорку и сатирову бугорку.

По отношенію къ Дарвинову бугорку означенныя измѣненія сводятся къ тому, что наиболѣе рѣзко выраженныя его формы (ф. I – III) у субъектовъ низкорослыхъ оказываются распространенными нѣсколько больше, чѣмъ среди высокорослыхъ рязанцевъ, тогда какъ случаи слабаго развитія и отсутствія Дарвинова бугорка (формы V и VI) оказываются, наоборотъ, болѣе распространенными среди высокорослыхъ субъектовъ (см. табл. № 79). Наличность сатирова бугорка также отмѣчается чаще у низкорослыхъ, чѣмъ у высокорослыхъ субъектовъ (см. табл. № 108). По отношенію къ степени развитія завитка оказывается, что высокорослымъ субъектамъ свойственно нѣсколько большее распространеніе формъ болѣе полнаго развитія этого образованія, тогда какъ случаи недоразвитія завитка у низкорослыхъ субъектовъ встрѣчаются чаще, чѣмъ у высокорослыхъ (см. табл. № 100). Для козелка можно отмѣтить нѣсколько большее распространеніе случаевъ отсутствія tuberculi supratragici (или по терминологіи другихъ авторовъ—случаевъ наличности конической формы бугорка) въ группѣ низкаго роста, чѣмъ въ остальныхъ трехъ группахъ роста, которыя мало разнятся въ этомъ отношеніи между собою (см. табл. № 123). Для приращенія мочки различія по группамъ роста выражены слабо и могутъ быть отмѣчены лишь въ томъ только случаѣ, если мы примемъ дѣленіе всего на двѣ группы—низкорослыхъ (до 165 cnt. включительно) и высокорослыхъ (болѣе 165 cnt.) субъектовъ; въ такомъ случаѣ можно отмѣтить лишь ничтожное (около 3-хъ процентовъ) увеличеніе для низкорослыхъ субъектовъ по сравненію ихъ съ высокорослыми приращенныхъ формъ мочки (ф. I и II) и соотвѣтствующее увеличеніе свободной мочки (ф. III и IV) въ группѣ высокорослыхъ субъектовъ (см. табл. № 136).

Если по отношенію къ противозавитку (см. табл. № 116) на моемъ матеріалѣ нельзя было отмѣтить никакихъ характерныхъ измѣненій, параллельныхъ съ измѣненіями роста, то это не означаетъ еще, конечно, что такихъ измѣненій нѣтъ на самомъ дѣлѣ; очень можетъ быть, что и для этого признака существуетъ извѣстная зависимость отъ роста, но она не такъ рѣзко выражена, а потому и не могла быть доказана на моемъ матеріалѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостаточной для того численности наблюденій, получающей особое значеніе при томъ условіи, когда намъ приходится дробить его по четыремъ группамъ роста, а въ каждой группѣ еще по тремъ формамъ выступанія противозавитка.

Присматриваясь къ характеру измѣненій формъ отдѣльныхъ образованій уха въ связи съ измѣненіями роста, не трудно убѣдиться въ томъ, что всѣ они совершаются въ одномъ и томъ же направленіи, а именно: съ увеличеніемъ роста убываетъ число эмбріональныхъ формъ и увеличивается число формъ, достигшихъ болѣе полнаго своего развитія. Такое явленіе могло бы быть объяснено двоякимъ путемъ: 1) въ немъ можно видѣть явленіе общебіологическаго закона, сводящагося къ тому, что высокорослые субъекты, будучи при про-

чихъ равныхъ условіяхъ субъектами, достигшими наиболѣе полнаго развитія всего ихъ организма, обнаруживаютъ и по отношенію къ ушамъ также признаки лучшаго развитія; 2) такое явленіе могло бы быть также и выраженіемъ неоднородности расоваго состава изслѣдованныхъ мною рязанцевъ, при чемъ тѣмъ производителямъ, наибольшее вліяніе которыхъ сказалось въ развитіи группы низкорослыхъ субъектовъ, были свойственны уши, носящіе много признаковъ недоразвитія, производители же, слѣды вліянія которыхъ мы видѣли въ высокорослыхъ рязанцахъ (вѣроятно, чистые славяне), отличались, обратно, болѣе полно развитымъ ухомъ. Но для рѣшенія вопроса, какая изъ двухъ вышеприведенныхъ гипотезъ наиболѣе вѣроятна, намъ недостаетъ многихъ данныхъ; прежде всего мы слишкомъ мало еще знаемъ о расовыхъ формахъ ушей; для принятія же первой гипотезы необходимо было бы установить и тотъ фактъ, что наиболѣе высокорослые рязанцы отличаются въ то же время и лучшимъ развитіемъ всего организма; но направленіе, въ которомъ производились мои изслѣдованія рязанцевъ, не даютъ, къ сожалѣнію, матеріала для рѣшенія этого вопроса. Такимъ образомъ вопросъ о причинахъ связи у рязанцевъ низкорослости съ менѣе полнымъ и высокорослости съ болѣе полнымъ развитіемъ уха въ настоящее время не можетъ быть разрѣшенъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что признаніе вліянія одного изъ предположенныхъ факторовъ не означаетъ еще отрицанія вліянія другого фактора; нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что здѣсь дѣйствовали въ одномъ и томъ же направленіи оба фактора.

Зависимость размѣровъ уха отъ другихъ измѣреній, помимо роста, выражена очень слабо. Такъ, отмѣченная выше (см. стр 66) зависимость длины уха отъ величины носа и отъ длины лица выражена очень слабо и имѣетъ, повидимому, значеніе лишь настолько, насколько измѣренія носа и длины лица связаны, въ свою очередь, съ измѣненіями въ ростѣ. Болѣе самостоятельное значеніе имѣетъ, быть-можетъ, соотношеніе ширины уха съ шириною лица между скулъ, выражающееся въ томъ, что съ увеличеніемъ перваго размѣра довольно замѣтно увеличивается и второй (см. табл. № 26). Существуетъ, повидимому, нѣкоторая связь и между формою головы и размѣрами ушей. Каждое изъ главныхъ измѣреній уха (длина, ширина, длина основанія и истинная высота), взятое въ отдѣльности, измѣняется довольно не характерно; такъ, таблицы № 17-й и № 25-й свидѣтельствуютъ, что наибольшую длину и ширину уха дала группа мезоцефаловъ. Но если мы примемъ во вниманіе взаимоотношенія отдѣльныхъ измѣреній уха, т.-е. ушные указатели, то оказывается, что измѣненія отдѣльныхъ размѣровъ ушей съ измѣненіями формы головы представляютъ довольно характерное явленіе, а именно: отдѣльныя измѣренія уха измѣняются по различнымъ формамъ головы такъ, что съ увеличеніемъ головного указателя, физіономическій указатель уха также увеличивается (см. табл. № 38-й и 39-й), морфологическій же указатель, обратно, уменьшается, послѣднее замѣтнѣе выражено, впрочемъ, только для ушей съ свободною мочкою (см. табл. № 58-й). Надо, впрочемъ, сказать, что всѣ только что указанныя отношенія выражены не достаточно ярко и различія въ цифрахъ не такъ велики, чтобы ихъ можно было принять, безъ дальнѣйшихъ провѣрокъ на болѣе богатомъ матеріалѣ. Связь между измѣненіями въ формѣ головы и измѣненіями описательныхъ признаковъ наружнаго уха на моемъ матеріалѣ не могла быть установлена.

II.

Возрастныя измѣненія въ размѣрахъ и формѣ уха.

По отношенію къ возрастнымъ измѣненіямъ наружнаго уха мы имѣемъ, помимо моихъ личныхъ изслѣдованій, еще и нѣкоторыя указанія другихъ авторовъ (Frigerio, Schwalbe и др.). Frigerio установилъ положеніе, что главнѣйшіе размѣры уха увеличиваются до 14—15 лѣтъ, такъ что въ возрастѣ около 15 лѣтъ наружное ухо человѣка достигаетъ размѣровъ уха взрослыхъ. Но Frigerio свои изслѣдованія ушей взрослыхъ производилъ лишь надъ солдатами, Schwalbe же, изслѣдовавъ уши субъектовъ различныхъ возрастовъ, отъ періода возмужалости и вплоть до глубокой старости, могъ установить, что измѣренія уха (главнымъ образомъ ширина и длина) продолжаютъ увеличиваться вплоть до глубокой старости; возрастныхъ же измѣненій описательныхъ признаковъ Schwalbe совсѣмъ не касается; вмѣстѣ съ тѣмъ Schwalbe, ограничившій свои статистическія изысканія лишь ушами взрослыхъ, не касается и возрастныхъ измѣненій уха у дѣтей.

Frigerio упоминаетъ недостаточно, впрочемъ, опредѣленно относительно формы наружнаго уха у дѣтей; по его мнѣнію, окончательная форма зрѣлаго уха складывается къ тому же возрасту, когда ухо перестаетъ расти, т.-е. къ 14 или 15 годамъ; но въ чемъ собственно сказывается это сформированіе уха, точно Frigerio не указываетъ. Единственнымъ болѣе опредѣленнымъ на этотъ счетъ указаніемъ является у него замѣчаніе относительно козелка, который бываетъ, по его словамъ, въ дѣтскомъ возрастѣ чаще коническимъ, у взрослыхъ же преобладаетъ четыреугольная его форма; соотвѣтствующихъ статистическихъ данныхъ Frigerio, однако не приводитъ. Мои

личныя изслѣдованія великорусскаго уха, касающіяся какъ измѣрительныхъ, такъ и описательныхъ признаковъ, охватываютъ всѣ возрасты отъ 3 мѣсяцевъ и вплоть до старости. Возрастныя измѣненія въ предѣлахъ возраста отъ 18 лѣтъ и выше были произведены мною надъ рязанцами, дополнительныя же изслѣдованія главнѣйшихъ измѣрительныхъ и описательныхъ признаковъ дѣтскаго уха продѣланы мною надъ крестьянскими дѣтьми, уроженцами того же бывшаго Владиміро-Суздальскаго края, главнымъ образомъ—той же рязанской, Московской и смежной съ нею частей—Смоленской и Калужской губерній. Результаты моихъ изслѣдованій дополняютъ данныя добытыя Frigerio и Schwalbe, связываютъ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняютъ кажущееся противорѣчіе между обоими этими авторами, изъ которыхъ одинъ (Frigerio) увѣряетъ, что ухо заканчиваетъ свои измѣненія въ возрастѣ 14—15 лѣтъ, другой (Schwalbe) отмѣчаетъ существованіе возрастныхъ измѣненій вплоть до глубокой старости. И тотъ и другой авторъ въ одинаковой мѣрѣ и правъ и не правъ; мои изслѣдованія показали что какъ размѣры, такъ и формы нѣкоторыхъ образованій дѣтскаго уха измѣняются до 14—15 лѣтъ, для нѣкоторыхъ же образованій, быть-можетъ и до нѣсколько болѣе поздняго или ранняго возраста, послѣ чего наступаетъ періодъ сохраненія ухомъ своего statu quo. Этотъ періодъ длится для однихъ измѣреній или описательныхъ признаковъ уха до 30—35 лѣтъ, для другихъ—немного больше или немного меньше; во всякомъ случаѣ возрастъ солдатъ, уши которыхъ были изслѣдованы Frigerio приходится такъ разъ на этотъ періодъ statu quo, почему Frigerio и не могъ знать ничего о существованіи позднѣйшихъ измѣненій уха, отмѣчаемыхъ Schwalbe. Мои изслѣдованія подтвердили также и справедливость заявленія Schwalbe, такъ какъ у рязанцевъ послѣ періода statu quo могъ быть, дѣйствительно, отмѣченъ періодъ новыхъ, вторичныхъ измѣненій и размѣровъ и формы уха. Если Schwalbe не могъ обнаружить по отношенію къ измѣрительнымъ признакамъ уха періода сохраненія statu quo, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ недостаточно большого числа всѣхъ измѣренныхъ имъ ушей, вслѣдствіе чего Schwalbe принужденъ былъ сгруппировать свой матеріалъ лишь по десятилѣтіямъ.

Возрастныя измѣненія измѣрительныхъ признаковъ заключаются, какъ мы уже видѣли выше, въ увеличеніи съ возрастомъ размѣровъ всѣхъ измѣреній уха, возрастныя же измѣненія описательныхъ признаковъ, т.-е. измѣненія формы отдѣльныхъ образованій уха сводятся главнымъ образомъ къ тому, что, восходя отъ младшихъ возрастныхъ группъ къ старшимъ, мы видимъ постепенное убываніе недоразвитыхъ формъ и увеличеніе числа такихъ случаевъ, когда отдѣльныя образованія уха достигаютъ болѣе полнаго своего развитія.

Возрастныя измѣненія главнѣйшихъ размѣровъ уха великоруссовъ наглядно демонстрируются въ таблицѣ № 164.

ТАБЛИЦА № 164-й.

Возрастъ.	Длина уха.	Ширина.	Физіол. указатель.	Истинная высота.	Длина основанія.	Морфологич. указатель.	
Отъ 3 мѣс. до 1 года.	43,2	27,8	69,40	25,4	31,2	122,8	
„ 1 года „ 3 лѣтъ	49,8	31,2	62,62	26,6	33,5	127,0	
выш. 3 лѣтъ „ 6 лѣтъ	52,5	31,8		28,2	36,5	129,5	
отъ 7 „ „ 10 „	53,4	32,0	59,80	29,4	39,1	133,3	
„ 11 „ „ 14 „	58,8	33,2	56,94	31,4	41,7	134,0	
„ 15 „ „ 17 „	60,2	32,1	53,38	34.4	47,0	136,7	
						Уши съ своб. мочкой.	Уши съ прир. мочкой.
„ 18 „ „ 21 „	59,8	32,0	53,58	—	—	132,1	144,7
„ 22 „ „ 25 „	60,5	32,4	53,98	—	—		
„ 26 „ „ 30 „	61,1	32,8	54,0	—	—	132,9	146,4
„ 31 „ „ 35 „	62,0	33,2	53,27	—	—	134,5	147,7
„ 36 „ „ 40 „	63,1	32,9	52,51	—	—	136,8	148,5
„ 41 „ „ 45 „	63,3	33,4	52,34	—	—	132,0	149,8
„ 46 и выше	63,4	33,4	52,64	—	—		

Въ общемъ дѣтское ухо по сравненіи съ ухомъ взрослыхъ чрезвычайно велико; такъ, длина уха у взрослыхъ рязанцевъ составляетъ 3,72% роста, тогда какъ у дѣтей отъ 3 мѣсяцевъ и до года, если мы примемъ даже для нихъ среднею цифру роста въ 80 cnt, длина уха составитъ болѣе 5% роста, аналогичныя отношенія получаются и для другихъ измѣреній уха. По мѣрѣ увеличенія возраста темпъ роста уха замѣтно замедляется. Особенно типичныя соотношенія между возрастомъ и размѣрами уха получились для длины, ширины

уха и физіономическаго его указателя. Длина уха съ первыхъ дней существованія ребенка непрерывно возрастаетъ, достигая въ возрастѣ 15—17 лѣтъ перваго своего максимума (въ 60,2 mm.), послѣ чего держится приблизительно на одной и той же высотѣ до 25 лѣтъ, съ возрастной же группы въ 26—30 лѣтъ начинается новое увеличеніе длины уха. Ширина уха уже около 10 лѣтъ достигаетъ 32 mm., послѣ чего держится (за исключеніемъ случайно большой цифры для возраста 11—14 лѣтъ) около этой цифры вплоть до наступленія возраста въ 26—30 лѣтъ (т.-е. того же возраста, въ которомъ кончается и для длины уха періодъ его стаціонарной величины); въ этомъ возрастѣ ширина уха уже приближается къ 33 mm. и съ тѣхъ поръ снова хотя и слабо но все же замѣтно возрастаетъ. Вслѣдствіе болѣе медленнаго темпа роста ширины уха (по сравненію съ длиной) физіономическій указатель уха съ возрастомъ уменьшается до 15—17 лѣтъ, съ этого же времени и до 35 лѣтъ держится стаціонарно около 53, послѣ чего вновь начинаетъ понемногу убывать. Для длины основанія уха и истинной высоты возрастныя измѣненія въ зрѣлыхъ лѣтахъ получились довольно атипичныя; увеличеніе же съ возрастомъ величинъ морфологическаго указателя уха выражено на всемъ протяженіи таблицы очень ясно. Періодъ стаціонарнаго его состоянія не могъ быть показанъ на моемъ матеріалѣ главнымъ образомъ потому, что за малымъ числомъ наблюденій надъ дѣтьми пришлось разсматривать у нихъ указатель для ушей всѣхъ формъ приращенія мочки безъ различія, а для взрослыхъ приведено дѣленіе на уши съ свободной и уши съ приращенной мочкой, но при этомъ вслѣдствіе недостаточнаго числа наблюденій, падающихъ на нѣкоторыя возрастныя группы пришлось произвести соединеніе нѣсколькихъ группъ вмѣстѣ, при чемъ такое соединеніе пало между прочимъ какъ разъ на наиболѣе важныя для выясненія періода стаціонарныхъ размѣровъ уха возрастныя группы въ 18—21 г. и 22—25 л. Возрастныя измѣненія описательныхъ признаковъ уха сводятся главнымъ образомъ къ постепенному уменьшенію съ увеличеніемъ возраста недоразвитыхъ формъ отдѣльныхъ частей уха и къ возрастанію числа такихъ случаевъ, гдѣ развитіе формъ болѣе полно. Такое явленіе отмѣчается также какъ и для измѣрительныхъ признаковъ не только въ періодъ возрастанія организма, но и послѣ него, при чемъ для нѣкоторыхъ изъ образованій уха рязанцевъ могъ быть отмѣченъ и періодъ стаціонарнаго состоянія, для нѣкоторыхъ же образованій онъ не могъ быть отмѣченъ, что не исключаетъ еще, конечно, возможности его существованія; при небольшомъ, сравнительно, числѣ недоразвитыхъ формъ нѣкоторыхъ образованій возрастная группировка приводитъ иногда къ столь малымъ числамъ случаевъ, что о возможности установки закономѣрности въ возрастныхъ ихъ колебаніяхъ не можетъ быть и рѣчи. По отношенію къ отдѣльнымъ образованіямъ въ частности мною могли быть отмѣчены слѣдующія явленія: Дарвиновъ бугорокъ въ его наиболѣе рѣзкихъ формахъ (ф. I—III) у мальчиковъ отъ 3 мѣсячнаго до 3-лѣтняго возраста далъ 30,0% всѣхъ случаевъ, въ возрастѣ выше 3 и до 10 лѣтъ—20,0%, отъ 11 и до 17 лѣтъ—16,6%, послѣ 17 же лѣтъ наблюдаются неправильныя колебанія приблизительно около той же цифры, (см. стр. 108) старческаго уменьшенія числа случаевъ рѣзко выраженнаго Дарвинова бугорка не отмѣчается.

По отношенію къ завитку (см. табл. № 101—103) нельзя было отмѣтить сколько-нибудь замѣтныхъ измѣненій въ распредѣленіи развитыхъ и недоразвитыхъ формъ въ дѣтскомъ возрастѣ, но въ возрастѣ послѣ 25 л. отмѣчается ясно выраженное паденіе числа случаевъ, недоразвитыхъ формъ и увеличеніе числа случаевъ, когда завитокъ достигъ полнаго своего развитія; такъ въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ завитокъ ф. III отмѣченъ въ 43,5% всѣхъ случаевъ, въ возрастѣ между 26 и 40 годами въ 53,3%, а послѣ 40 лѣтъ—въ 69,7%. Сатировъ бугорокъ очень часто встрѣчается у дѣтей; въ періодъ отъ 3 мѣсяцевъ и до 1 года онъ составляетъ (у мальчиковъ) 46,6% всѣхъ случаевъ, у взрослыхъ же только 9%. Въ виду малаго числа случаевъ сатирова бугорка у взрослыхъ, нечего было и пытаться опредѣлять возрастныя ихъ колебанія. Для противозавитка могли быть отмѣчены лишь недостаточно характерныя возрастныя колебанія (см. таб. № 113—115). Зато чрезвычайно опредѣленны и не двусмысленны возрастныя измѣненія въ формѣ козелка. Еще Frigerio. отмѣтилъ, что въ дѣтскомъ возрастѣ чаще встрѣчается коническія формы козелка (tuber. supratrag. O по схемѣ Schwalbe), у взрослыхъ четыреугольныя его формы (tub. supratr. I). По моимъ изслѣдованіямъ оказалось, что четыреугольный козелокъ въ возрастѣ до одного года не отмѣчается ни одного раза, въ слѣдующей возрастной группѣ онъ рѣдокъ; число случаевъ наличности этой формы очень постепенно и правильно увеличивается съ увеличеніемъ возраста, составляя, наконецъ, въ возрастѣ послѣ 40 лѣтъ 76,8% всѣхъ случаевъ (см. таб. № 122); періода состоянія in statu quo для козелка не отмѣчается. Приращеніе мочки въ формахъ I и II въ дѣтскомъ возрастѣ замѣтно убываетъ съ годами, приращеніе ф. III и IV обратно возрастаетъ (см. табл. № 134), у взрослыхъ (см. табл. № 135) послѣ 40 лѣтъ отмѣчается новое убываніе приращенныхъ формъ мочки, между 17-ю же и 40 годами существуетъ періодъ стаціонарнаго состоянія. По отношенію къ другимъ описательнымъ признакамъ уха распредѣленіе по возрастамъ дало лишь небольшія колебанія цифръ, не представляющія ничего характернаго (вслѣдствіе этого подлинныя цифры для большинства ихъ и не приводятся мною); не удалось для нихъ отмѣтить и за-

мѣтнаго возрастанія числа тѣхъ или другихъ формъ въ старости.

Отмѣченныя какъ для измѣрительныхъ, такъ и описательныхъ признаковъ старческія измѣненія, совершаясь въ томъ же направленіи, въ какомъ совершаются измѣненія еще развивающагося уха, не представляютъ, тѣмъ не менѣе, явленій дѣйствительнаго роста уха, какъ это было уже выяснено раньше, когда шла рѣчь о возрастныхъ измѣненіяхъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ признаковъ. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ въ пользу такого толкованія является, между прочимъ, и тотъ фактъ, что изъ всѣхъ редуцированныхъ формъ для одного только Дарвинова бугорка не могло быть отмѣченно старческое уменьшеніе рѣзко выраженныхъ его формъ, что зависитъ отъ того, что процессовъ старческаго увяданія органа недостаточно для диссолюціи этихъ формъ (стр. 122).

Періодъ стаціонарнаго состоянія могъ быть отмѣченъ не для всѣхъ признаковъ уха, да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ былъ отмѣченъ, цифры не всегда достаточно опредѣленны, что зависитъ, конечно, отъ недостаточности числа наблюденій. Для болѣе точнаго выясненія какъ самаго существованія этого періода, такъ и времени наступленія и окончанія его, для каждаго отдѣльнаго образованія уха необходимо значительно большее число наблюденій; но самъ по себѣ этотъ фактъ настолько интересенъ, что появленіе подобнаго рода изслѣдованія является очень желательнымъ. Особенно желательно было бы, чтобы такого рода изслѣдованіе было произведено надъ другими расовыми группами, которыя могутъ представить, даже и въ случаѣ подтвержденія существованія стаціонарнаго періода, нѣсколько иныя отношенія, чѣмъ у изслѣдованныхъ мною великоруссовъ.

III.

Мужское и женское ухо.

Вопросъ о мужскомъ и женскомъ ухѣ затрогивался многими авторами; существуетъ рядъ изслѣдованій, гдѣ тѣ или другіе признаки наружнаго уха, изучаемые въ отдѣльности или же въ совокупности, отмѣчались, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ; при этомъ дѣлались, конечно, и нѣкоторыя сопоставленія формъ уха у мужчинъ и у женщинъ. Но большинство авторовъ, преслѣдуя свои спеціальныя цѣли, о различіяхъ между мужскимъ и женскимъ ухомъ говоритъ лишь мимоходомъ. Болѣе подробно останавливается на этомъ вопросѣ *Schwalbe*. Отмѣчая нѣкоторыя частныя особенности женскаго уха, Schwalbe даетъ также общую его характеристику. По словамъ Schwalbe, женское ухо въ общемъ меньше, тоньше очерчено, а вслѣдствіе этого и изящнѣе мужского уха; но главной особенностью женскаго уха является, по Schwalbe, болѣе совершенная его редукція, выражающаяся въ томъ, что большинство сильно распространенныхъ у мужчинъ признаковъ не вполнѣ законченнаго процесса редукціи, какъ-то рѣзко выраженный Дарвиновъ бугорокъ, не вполнѣ завернутый helix, и т. д., у женщинъ оказывается (за исключеніемъ приращенной мочки) распространеннымъ въ значительно меньшей чѣмъ у мужчинъ степени. Данныя нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, особенно *Gradenigo*, стоятъ въ согласіи съ утвержденіемъ Schwalbe.

Тѣмъ не менѣе, положеніе Schwalbe, что женское ухо болѣе редуцировано, чѣмъ мужское, вѣрное въ общемъ, едва ли можетъ быть распространено на всѣ особенности уха безъ исключенія. На основаніи моихъ личныхъ изслѣдованій, можно думать, что у великорусскихъ женщинъ нѣкоторые признаки недостаточно полной редукціи наружнаго уха распространены въ той же мѣрѣ, какъ и у мужчинъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и больше, чѣмъ у мужчинъ. Въ таблицѣ № 165-й приводятся сравнительныя данныя для главнѣйшихъ измѣрительныхъ и описательныхъ признаковъ мужского и женскаго уха.

ТАБЛИЦА № 165-й.

Измѣрительные признаки.	У мужчинъ. mm.	% роста	У женщинъ. mm.	% роста
Длина (высота) уха . . .	61,4	(3,72)	59,07	(3,86).
Ширина	32,8	(1,98)	32,19	(2,17).
Физіономическій указатель	53,48		56,29	
Истинная высота уха . .	35,3	(2,13)	33,39	(2,11).
Длина основанія	48,7	(2,94)	45,71	(2,94).
Морфологическій указат.	137,8		142,2.	

Описательные признаки		въ процентахъ.	
Дарвиновъ бугорокъ формы	I...	0,3	2,0
„ „ „	II...	9,8	7,0
„ „ „	III...	3,4	4,0
„ „ „	IV...	5,5	7,0
„ „ „	V...	47,4	37,0
„ „ „	VI...	33,5	43,0
Нижняя часть завитка ф.	I...	7,4	10,5
„ „ „ „	II...	40,1	29,0
„ „ „ „	III...	51,5	59,5
„ „ „ „	IV...	0,9	1,0
Сатировъ бугорокъ „	I...	9,0	23,0

Описательные признаки				въ процентахъ.	
Стволъ противозавитка	„	I...		11,3	2,0
„	„	„	II...	58,5	72,0
„	„	„	III...	30,1	26,0
Приращеніе мочки	„	I...		13,7	24,0
„	„	„	II...	21,7	15,0
„	„	„	III...	26,1	27,0
„	„	„	IV...	38,4	34,0

Просматривая эту таблицу, можно видѣть, что мужское ухо больше женскаго по абсолютной величинѣ, но по отношенію къ росту оно оказывается короче женскаго (у мужч. 3,72% роста, у женщ. 3,86%); но женское ухо оказывается зато болѣе широкимъ, какъ по абсолютной, такъ и по относительной къ росту величинѣ. Вслѣдствіе этого, и физіономическій указатель женскаго уха оказывается бо́льшимъ, конечно, чѣмъ у мужчинъ (у мужч. 53,48, у женщ. 56,29). Истинная высота и длина основанія уха, какъ по абсолютнымъ, такъ и по относительнымъ къ росту размѣрамъ, у женщинъ немного меньше, чѣмъ у мужчинъ, но оба эти размѣра уменьшаются у женщинъ не вполнѣ пропорціонально, такъ что морфологическій указатель женскаго уха оказывается не одинаковымъ съ мужскимъ, но нѣсколько бо́льшимъ (у мужч. 137,8, у женщ. 142,2). Припомнивъ теперь, что морфологическому указателю, какъ показателю степени редукціи всего уха, Schwalbe придаетъ большое значеніе, мы увидимъ, что въ этомъ случаѣ и на великорусскихъ женщинахъ подтверждается общая, сдѣланная Schwalbe, діагностика женскаго уха, какъ уха болѣе полно редуцированнаго. Но при сравненіи описательныхъ признаковъ мужского и женскаго уха мы уже видимъ нѣчто иное. Правда, по отношенію къ степени развитія завитка женское ухо окажется редуцированнымъ немного болѣе чѣмъ мужское (форма I встрѣчается у мужчинъ немного даже рѣже чѣмъ у женщинъ, но зато форма II, обратно, значительно болѣе рѣдка у женщинъ), хотя и здѣсь уже разница въ цифровыхъ данныхъ не очень велика (вполнѣ развитыя формы завитка у мужч. составляютъ 51,5% всѣхъ случаевъ, а у женщ.—59,5%). Но уже по отношенію къ Дарвинову бугорку между мужскимъ и женскимъ ухомъ нельзя отмѣтить какой-либо разницы, такъ какъ наиболѣе рѣзкія формы Дарвинова бугорка (I и II) составляютъ у мужч. 10,1%, а у женщ.—9,0%, отсутствіе же и слабо замѣтные слѣды бугорка (ф. V и VI) у мужч. 80,9% и у женщ. 80,0%. По отношенію же къ сатирову бугорку женское ухо оказывается гораздо слабѣе редуцированнымъ чѣмъ мужское и разница въ этомъ случаѣ выражена очень рѣзко (у мужч.—9,0% случаевъ наличности сатирова бугорка, а у женщ. 23,0%).

Противозавитокъ сформированъ у женщинъ болѣе изящно, чѣмъ у мужчинъ, такъ какъ и случаи слабаго (ф. I) и случаи чрезмѣрнаго (ф. III) развитія его ствола у женщинъ попадаются рѣже, чѣмъ у мужчинъ.

При общемъ осмотрѣ и сравненіи мужского и женскаго уха, нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Schwalbe относительно большей изящности сформированія женскаго уха, всѣ очертанія котораго, дѣйствительно, тоньше, опредѣленнѣе, весь рисунокъ уха выраженъ чище и отчетливѣе; покрывающая ухо кожа нѣжнѣе по цвѣту (розовѣе) и представляетъ въ молодомъ и среднемъ возрастахъ меньшее чѣмъ у мужчинъ количество различныхъ морщинокъ и складочекъ.

IV.

Измѣненія въ величинѣ и формахъ уха по расамъ.

Изученіе, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ измѣрительныхъ признаковъ наружнаго уха зашло уже такъ далеко, что въ настоящее время можно съ увѣренностью говорить о существованіи расовыхъ различій въ длинѣ и ширинѣ уха, а слѣдовательно и въ величинахъ физіономическаго его указателя.

Таблица № 10, представляющая расположеніе въ восходящемъ по длинѣ уха порядкѣ различныхъ племенъ, охватываетъ значительное количество этническихъ группъ. Нѣкоторая пестрота этой таблицы и случаи сосѣдства народовъ, иногда почти ничего общаго другъ съ другомъ не имѣющихъ, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что въ этой таблицѣ приняты во вниманіе величины уха, выраженныя въ абсолютныхъ мѣрахъ, а для нѣкоторыхъ цифръ и недостаточнымъ количествомъ наблюденій, на основаніи которыхъ эти цифры выведены; очень возможно, что не безъ вліянія остается и самая техника изслѣдователей, тѣ или другія особенности которой могутъ измѣнять получаемыя величины тѣмъ легче, что здѣсь приходится оперировать надъ органомъ, обладающимъ мягкими, гибкими и легко сжимаемыми контурами. При столь многочисленныхъ источникахъ ошибокъ, число парадоксальныхъ сосѣдствъ и уклоненій отъ правильнаго распредѣленія народностей въ таблицѣ можетъ быть названо прямо даже незначительнымъ. Въ общемъ можно, кажется, установить, какъ правило, что наименьшими размѣрами длины уха отличаются негры и родственныя имъ племена, за ними слѣдуютъ европейскіе народы, еще большей величиной уха отличаются урало-алтай-

скіе народы (среди нихъ уши тюрковъ, кажется, нѣсколько больше, чѣмъ уши финскихъ племенъ) и, наконецъ, наибольшія величины уха представляютъ чистые монголы.

Ширина уха также представляетъ извѣстныя расовыя особенности, такъ что физіономическій указатель уха, т.-е. процентное отношеніе ширины уха къ его длинѣ, можетъ, повидимому, служить однимъ изъ диференціальныхъ расовыхъ признаковъ. Существующія на этотъ счетъ данныя (см. табл. № 34) показываютъ, что наименьшей величиной физіономическаго указателя уха обладаютъ европейскіе народы (съ указателемъ до 55), потомъ слѣдуютъ азіатскія (тюркскія, урало-алтайскія и монгольскія) племена, наибольшій же указазатель даютъ африканскіе негры и ихъ ближайшіе островные родичи. Въ такомъ порядкѣ (бѣлыя, желтыя и чернокожія племена) современныя данныя какъ бы подтверждаютъ положеніе Топинара, гласящее, что чѣмъ выше раса, тѣмъ меньше у нея величина физіономическаго указателя уха. Но это правило вѣрно, повидимому, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, т.-е. до тѣхъ поръ, пока мы остаемся въ предѣлахъ дѣленія человѣчества на три крупнѣйшія вѣтви; едва ли, однако, можно надѣяться на то, что при болѣе дробной диференцировкѣ мы можемъ когда-либо построить, основываясь на величинахъ этого указателя, скалу, по которой человѣческія группы расположились бы въ правильномъ порядкѣ отъ низшихъ къ высшимъ (какъ это, впрочемъ, не удается сдѣлать до сихъ поръ ни по одному изъ изучаемыхъ въ антропологіи признаковъ). Но если физіономическій указатель уха не можетъ служить для опредѣленія степени „высоты" организаціи, то отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы этотъ признакъ былъ совершенно негоднымъ для диференцировки отдѣльныхъ расъ другъ отъ друга. Въ настоящее время число наблюденій недостаточно еще, правда, велико, тѣмъ не менѣе, имѣется все-таки достаточно основаній для того, чтобы говорить, что величины физіономическаго указателя уха у представителей различныхъ расъ различны, при чемъ даже и близкія другъ къ другу расы разнятся иногда въ этомъ отношеніи довольно значительно.

Для сужденія относительно степени пригодности для антропологіи расъ морфологическаго указателя уха мы обладаемъ въ настоящее время слишкомъ еще недостаточнымъ числомъ рядовъ наблюденій. Имѣющіяся налицо данныя свидѣтельствуютъ о значительной въ этомъ отношеніи разницѣ даже и между представителями очень близкихъ между собою племенъ. Надо, однако, помнить, что морфологическій указатель отличается и въ предѣлахъ одной и той же расы очень широкими границами индивидуальныхъ колебаній величинъ, что заставляетъ, конечно, относиться съ очень большой осторожностью и къ вычисляемымъ среднимъ величинамъ этого указателя и довѣрять только тѣмъ изъ нихъ, которыя выведены изъ значительнаго числа наблюденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду большой зависимости одного изъ ингредіентовъ этого указателя, а именно длины основанія, отъ формъ приращенія мочки, которыя у различныхъ расъ распространены весьма различно, необходимо расчленять величины морфологическаго указателя уха и выводить отдѣльныя среднія величины для ушей съ приращенной и для ушей съ свободною мочкой, и пользоваться при сравненіи расъ между собою этими отдѣльными указателями, а не общимъ морфологическимъ указателемъ уха.

Еще, пожалуй, лучше было бы измѣнить нѣсколько предложенный Schwalbe способъ составленія морфологическаго указателя и брать вмѣсто его основанія уха нѣсколько иной размѣръ, а именно, величину отъ верхней точки прикрѣпленія уха до дна incisurae intertragicae но на практикѣ этотъ способъ еще не провѣренъ и дастъ ли онъ лучшіе результаты—еще неизвѣстно.

Обращаясь теперь къ значенію описательныхъ признаковъ наружнаго уха для антропологіи расъ, мы оказываемся здѣсь въ положеніи, болѣе затруднительномъ, чѣмъ это имѣло мѣсто по отношенію къ измѣрительнымъ признакамъ. Болѣе систематическое изученіе описательныхъ признаковъ уха началось лишь въ самое послѣднее время, да и тѣ работы, которыя въ этомъ направленіи сдѣланы, касаются обыкновенно лишь одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ признаковъ, систематическаго же изученія возможно полной группы признаковъ со всѣми ихъ варіаціями хотя бы у одного какого-нибудь народа, мы до сихъ поръ не имѣемъ, такъ какъ наиболѣе полное изученіе уха итальянцевъ, сдѣланное *Gradenigo*, заключаетъ въ себѣ тотъ крупный недостатокъ, что этотъ авторъ отмѣчалъ для каждаго уха лишь наличность или отсутствіе тѣхъ или другихъ признаковъ, ничего почти не говоря о степени ихъ развитія, о градаціи различныхъ ихъ варіацій; между тѣмъ изысканія *Schwalbe* и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ показали, что изучаемые ими признаки могутъ быть расчленены по степени ихъ развитія и что различія между отдѣльными человѣческими группами сводятся не столько къ разницѣ въ процентѣ отсутствія или наличности тѣхъ или другихъ признаковъ, сколько къ различію въ степени развитія этихъ признаковъ. Болѣе систематическія изысканія, охватывающія возможно полно всѣ варіаціи въ формахъ наружнаго уха—дѣло будущаго; въ настоящее же время мы имѣемъ лишь цифровыя данныя по отношенію къ отдѣльнымъ признакамъ или же рядъ болѣе или менѣе случайныхъ и непровѣренныхъ на цифрахъ замѣчаній, разсѣянныхъ въ работахъ спеціалистовъ-антропологовъ или въ отчетахъ путешественниковъ. Существуютъ, впрочемъ, и нѣкоторыя замѣчанія болѣе обобщающаго характера, но эти обобщенія носятъ въ большинствѣ случаевъ характеръ произвольныхъ, не основанныхъ на фактахъ, или же слишкомъ спѣшныхъ не-

достаточно обоснованныхъ заключеній. Такъ, напримѣръ, когда было обращено вниманіе на тотъ фактъ, что Дарвиновъ бугорокъ, недоразвитой завитокъ и нѣкоторыя другія особенности имѣютъ характеръ незаконченныхъ, не вполнѣ развитыхъ образованій, стали утверждать (Hartmann и др.), что уши негровъ и другихъ представителей низшихъ расъ какъ разъ и отличаются наибольшимъ распространеніемъ этихъ признаковъ. Когда же, однако, болѣе внимательные наблюдатели въ родѣ *Langer*'a, *Fritsch*'a и др., не могли отмѣтить на ушахъ негровъ подобнаго рода особенностей, стали высказываться совершенно обратныя мнѣнія, въ силу которыхъ уши негровъ оказывались, будто бы, наиболѣе редуцированными, т.-е. съ этой точки зрѣнія наиболѣе совершенными, такъ что явилась даже возможность (при отождествленіи менѣе законченной эволюціи уха съ дегенеративнымъ его характеромъ) постановки вопроса о томъ, не является ли европейское ухо менѣе совершеннымъ потому, что европейцы, благодаря культурѣ, въ большей мѣрѣ подверглись вырожденію, чѣмъ дѣти природы — негры. Въ настоящее время такая постановка вопроса можетъ быть совершенно отвергнута, благодаря тому, что *Schwalbe*, показалъ неправильность заключенія по большей редукціи уха о большемъ совершенствѣ организма (наиболѣе редуцированнымъ оказывается совсѣмъ не человѣческое ухо, а ухо оранга). Вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе точныя изслѣдованія ушей представителей низшихъ расъ, особенно негровъ, показали, что Дарвиновъ бугорокъ и недоразвитой завитокъ, якобы не свойственные низшимъ расамъ, на самомъ дѣлѣ все-таки у нихъ встрѣчаются, хотя, быть-можетъ, и не такъ часто, какъ у европейцевъ.

Попытаемся, однако, свести воедино хотя бы главнѣйшія изъ существующихъ въ настоящее время относительно описательныхъ признаковъ уха данныхъ, по которымъ можно было бы составить себѣ нѣкоторое представленіе о расовыхъ различіяхъ въ формѣ уха. Но прежде перехода къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ признаковъ, необходимо напомнить, что *Schäffer*, спеціально изучавшій частоту распредѣленія среди нормальнаго взрослаго германскаго населенія тѣхъ изъ особенностей наружнаго уха, которыя представляютъ изъ себя повтореніе зародышевыхъ формъ, пришелъ къ заключенію, что отдѣльныя, близкія другъ къ другу по расовому составу обитателей мѣстности Германіи, представляютъ по частотѣ распространенія эмбріональныхъ формъ уха очень значительныя различія. Сближая эмбріональныя формы уха съ настоящими уродствами, представляющими въ большинствѣ случаевъ также явленія задержки развитія органовъ на той или другой изъ раннихъ стадій эмбріональной жизни и отмѣчая явленіе наслѣдственной передачи недоразвитыхъ формъ уха, аналогичное явленію наслѣдственности уродствъ, Schäffer склоненъ объяснять появленіе въ нѣкоторыхъ изъ изслѣдованныхъ имъ мѣстностей значительнаго числа эмбріональныхъ формъ уха исключительно случайнымъ скопленіемъ отдѣльныхъ очаговъ патологической наслѣдственности.

Schäffer не договариваетъ своей мысли до конца, но изъ его изложенія можно заключить, что онъ склоненъ принимать появленіе эмбріональныхъ формъ уха за одно изъ внѣшнихъ проявленій дегенераціи, разсуждая въ духѣ высказанной Ch. Féré тератогенной теоріи наслѣдственности невропатіи.

Но помимо тѣхъ возраженій, которыя могутъ быть сдѣланы противъ отождествленія недоразвитыхъ формъ уха съ дегенеративными формами, мнѣніе Schäffer'a оказывается уязвимымъ еще и съ другой стороны: изслѣдованные Schäffer'омъ швабы, жители Франконіи, прирейнскіе нѣмцы, и т. д., будучи однимъ племенемъ по языку (но даже и не по религіи), по расовому своему составу значительно разнятся другъ отъ друга и въ ихъ внѣшнихъ чертахъ, равно какъ и въ другихъ антропометрическихъ признакахъ найдется достаточное количество различій не менѣе глубокихъ, чѣмъ тѣ, которыя отмѣчены Schäffer'омъ по отношенію къ наружному уху. Игнорируя расовыя различія и выдвигая на первый планъ значеніе мѣстныхъ случайныхъ скопленій гнѣздъ патологической наслѣдственности, Schäffer долженъ былъ бы по крайней мѣрѣ хоть сколько-нибудь обосновать свое мнѣніе, а этого, надо сказать, онъ не дѣлаетъ, и отмѣченныя имъ мѣстныя различія въ частотѣ эмбріональныхъ формъ ушей могутъ быть съ гораздо меньшей натяжкой отнесены на долю расовыхъ особенностей изслѣдованныхъ имъ группъ населенія; такое предположеніе становится тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ группамъ Schäffer оперировалъ надъ солиднымъ числомъ наблюденій (для швабовъ, напримѣръ, 600 наблюденій), что само по себѣ нивеллируетъ въ значительной мѣрѣ вліяніе такихъ случайныхъ моментовъ, какъ скопленіе очаговъ патологической наслѣдственности.

Возвратимся, однако, къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ описательныхъ признаковъ у представителей различныхъ расъ. Начнемъ съ *Дарвинова бугорка*.

Болѣе точныя цифры, основанныя на сравнительно большемъ числѣ наблюденій, имѣются главнымъ образомъ для европейцевъ, при чемъ отдѣльныя европейскія группы представляютъ въ этомъ отношеніи рѣзкія колебанія, часть которыхъ, впрочемъ, падаетъ на долю различнаго пониманія авторами этой формы и различные принятые ими предѣлы, отъ которыхъ Дарвиновъ бугорокъ отмѣчается, какъ существующій въ наличности. Останавливаясь только на болѣе рѣзкихъ формахъ Дарвинова бугорка (формы I—III Schwalbe), мы видимъ ихъ у итальянцевъ (по Gradenigo) въ 3,5%, у рязанцевъ въ 13,5%, у эльзасскихъ нѣмцевъ (по Schwalbe) въ 36,0%... Разница, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, очень большая. У представителей романской

расы (см. табл. № 77) Дарвиновъ бугорокъ встрѣчается замѣтно рѣже, чѣмъ у германцевъ. Для негровъ (около 12% по *Mense*) и для монголовъ (3,7% у калмыковъ, по моимъ изслѣдованіямъ) имѣется всего лишь по одному ряду наблюденій, а потому говорить въ положительной формѣ о различіяхъ по степени распространенія Дарвинова бугорка между бѣлой, желтой и черной расами невозможно. Слѣдуетъ отмѣтить только то обстоятельство, что монгольскія уши, относительно недоразвитія которыхъ упоминали нѣкоторые авторы, по моимъ изслѣдованіямъ, дали для Дарвинова бугорка чрезвычайно малую цифру, сближающую калмыковъ съ итальянцами и французами (см. табл. № 77); уши негровъ дали среднюю цифру бо́льшую чѣмъ minimum для европейцевъ и значительно меньшую, чѣмъ европейскій maximum. Отмѣтимъ, наконецъ, что цифры Schäffer'a для разныхъ группъ германскаго населенія дали широкія колебанія между 13% и 30%, а если считать и группы съ малымъ числомъ наблюденій, то между 13% и 47%. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что и minimum Schäffer'a (13%) выше цифръ, отмѣченныхъ для негровъ и монголовъ, такъ что нѣмцы оказываются обладающими бо́льшимъ распространеніемъ Дарвинова бугорка, чѣмъ представители низшихъ расъ. Нельзя, однако, говорить и о томъ, что низшія расы обладаютъ вообще болѣе редуцированнымъ (судя по Дарвинову бугорку) ухомъ, чѣмъ всѣ европейцы, такъ какъ калмыки дали одинаковую цифру съ итальянцами, а у негровъ Дарвиновъ бугорокъ болѣе распространенъ, чѣмъ у представителей романской расы.

Завитокъ неоднократно утилизировался авторами какъ одинъ изъ вспомогательныхъ признаковъ для диференцировки расъ. Сначала больше подъ вліяніемъ теоретическихъ разсужденій, чѣмъ на основаніи непосредственнаго наблюденія, высказывалось предположеніе, что уши негровъ, равно какъ и другихъ представителей „низшихъ“ расъ, отличаются дурно развитымъ завиткомъ. Болѣе свободные отъ тенденціи наблюдатели утверждали, однако, совершенно обратное: по мнѣнію *Langer'a*, уши негровъ не представляютъ въ этомъ отношеніи (ровно какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ) никакихъ различій съ ушами европейцевъ; *Fritsch*, *Mense* и др. авторы устанавливаютъ тотъ фактъ, что случаи дурного развитія завитка у негровъ встрѣчаются относительно рѣдко, рѣже, вѣроятно, чѣмъ у европейцевъ и что уши негровъ именно и характеризуются очень хорошимъ развитіемъ завитка чего никакъ нельзя сказать о европейцахъ (*Schwalbe*). Сопоставляя длину уха съ степенью развитія завитка, Schwalbe высказалъ предположеніе, что малыя уши обыкновенно бываютъ снабжены хорошо развитымъ завиткомъ, большія же уши отличаются обратно дурно сформированнымъ завиткомъ; уши негровъ—малы и „хорошо окаймлены“, уши европейцевъ довольно велики и случаи незагнутаго свободнаго края ушной раковины у нихъ очень часты. Съ этой точки зрѣнія уши монголовъ, обладающія наибольшими размѣрами, должны быть снабжены и наиболѣе дурно развитымъ завиткомъ. Послѣднее обстоятельство какъ бы подтверждалось и высказаннымъ еще *I. Hyrtl'емъ* положеніемъ, что ухо съ развернутымъ завиткомъ или „свиное ухо“ характерно для монголовъ; равнымъ образомъ и *Bälz* говоритъ о дурномъ развитіи завитка у монгольскихъ племенъ (японцевъ, китайцевъ). Непосредственныхъ данныхъ, подтверждающихъ только что высказанное положеніе на цифрахъ до сихъ поръ не существовало; мои же личныя изслѣдованія ушей приволжскихъ калмыковъ приводятъ къ совершенно обратному выводу: у калмыковъ число недоразвитыхъ формъ завитка очень не велико и притомъ это обстоятельство никоимъ образомъ не можетъ быть объяснено начавшимся ихъ обрусѣніемъ, такъ какъ сами великоруссы даютъ большее число случаевъ недоразвитія завитка, чѣмъ калмыки (см. табл. № 85) Въ нашемъ распоряженіи имѣются болѣе точныя данныя для нѣсколькихъ группъ европейскихъ народовъ. Эти данныя показываютъ, что предѣлы колебаній числа случаевъ недостаточно развитаго завитка у нихъ очень широки (*Schäffer* для различныхъ германскихъ группъ насчитываетъ отъ 5,9% и до 36,0% случаевъ недоразвитія завитка). Въ общемъ существуетъ, однако, извѣстная правильность и закономѣрность чиселъ, и по отношенію къ завитку, аналогично тому, какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ Дарвинову бугорку, уши представителей романскихъ расъ по даннымъ различныхъ изслѣдователей оказываются замѣтно болѣе редуцированными, чѣмъ уши германцевъ; великоруссы занимаютъ въ этомъ отношеніи среднее положеніе между романскими и германскими племенами.

Имѣющіяся налицо данныя относительно расовыхъ различій народовъ по степени развитія завитка слишкомъ еще не достаточны для того, чтобы на нихъ можно было строить твердыя заключенія. Положеніе о томъ, что наиболѣе развитымъ завиткомъ отличаются негры, потомъ европейцы, а хуже всего развитъ завитокъ у монголовъ—новѣйшими изслѣдованіями не оправдывается. Изъ другихъ описательныхъ признаковъ наружнаго уха наибольшее значеніе имѣетъ (судя по имѣющимся сейчасъ въ наличности даннымъ) *форма приращенія мочки*. У черныхъ расъ она недостаточно изучена; есть, однако, основанія предполагать (но не утверждать), что черныя расы отличаются отъ европейцевъ нѣсколько болѣе совершеннымъ обособленіемъ мочки, такъ какъ случаи приращенной мочки (ф. I и II) у нихъ встрѣчаются, повидимому, нѣсколько рѣже чѣмъ у европейцевъ (см. стр. 143). Съ наибольшей точностью могутъ быть въ настоящее время установлены различія въ формѣ приращенія мочки между европейцами и монголами. Какъ для европейцевъ такъ и для

монголовъ имѣется уже нѣсколько рядовъ наблюденій единогласно свидѣтельствующихъ о значительно большемъ распространеніи у монголовъ приращенной мочки. Но помимо того между европейцами и монголами существуетъ еще и другое различіе: въ то время какъ у европейцевъ среди всѣхъ случаевъ приращенной мочки значительно преобладающимъ является приращеніи формы II, у монголовъ эта форма встрѣчается рѣдко, но главную часть случаевъ приращенной мочки составляетъ приращеніе формы I, встрѣчающееся у различныхъ монгольскихъ племенъ болѣе чѣмъ въ половинѣ всѣхъ случаевъ (см. табл. № 129). Такимъ образомъ цифровыя данныя какъ нельзя лучше подтверждаютъ высказанное *А. А. Ивановскимъ* положеніе, что эта форма мочки (описанная г. Ивановскимъ лишь въ нѣсколько иныхъ терминахъ) составляетъ дѣйствительно характерную особенность монгольскаго уха.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на остальныхъ описательныхъ признакахъ уха, такъ какъ за недостаткомъ положительныхъ данныхъ охватывающихъ по возможности различныя человѣческія группы значеніе ихъ какъ расовыхъ признаковъ недостаточно еще выяснено Тѣ же немногія данныя, которыя мнѣ удалось собрать, представлены въ соотвѣтствующихъ главахъ и свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что различные наблюдатели отмѣчали для разныхъ расовыхъ группъ далеко не одинаковыя числа; но каково значеніе этихъ цифровыхъ различій, сводится ли оно къ различіямъ въ методахъ изслѣдованія, къ вліянію болѣе или менѣе случайныхъ моментовъ, или же являются выраженіемъ существованія расовыхъ особенностей уха—вопросъ будущаго. Останавливаясь только на болѣе изученныхъ признакахъ наружнаго уха, а именно на: 1) длинѣ его, 2) формѣ (физіономическій указатель), 3) степени развитія Дарвинова бугорка, 4) степени развитія завитка и 5) формѣ приращенія мочки, попытаемся въ нижеслѣдующей таблицѣ (№ 166) сопоставить особенности ушей представителей трехъ главныхъ группъ человѣчества, исконныхъ обитателей трехъ континентовъ—представителей африканскаго континента (негровъ), представителей Европы (бѣлыхъ) и представителей Азіи (монголовъ).

ТАБЛИЦА № 166-й.

	Ухо негровъ.	Ухо европейцевъ.	Ухо монголовъ.
1) Длина уха	малая	средняя	большая
2) Физіономическій указатель	большой (шир. ухо)	средній	малый (узкое ухо)
3) Дарвиновъ бугорокъ	относительно рѣдокъ(?)	частъ (широкіе предѣлы колебаній для разл. группъ)	рѣдокъ (?)
4) Завитокъ	развитъ хорошо	плохо (хуже чѣмъ у негровъ)	хорошо (?)
4. Мочка	наиб. обособлен. (?)	приращенная мочка относительно часта; преоблад. прир. ф. II.	характеризуется приращеніемъ ф. I

Примѣчаніе. Знакъ вопроса стоитъ тамъ, гдѣ существуютъ или нѣсколько неточныя данныя (для негровъ), или всего лишь одинъ рядъ наблюденій (для монголовъ).

Приведенная таблица показываетъ, что какъ ни малы наши свѣдѣнія о наружномъ ухѣ у представителей различныхъ расъ, можно все-таки намѣтить существованіе расовыхъ особенностей въ формѣ уха. Отмѣченныя особенности не позволяютъ расположить расы въ порядкѣ отъ низшихъ къ высшимъ, такъ какъ по большей части признаковъ (по длинѣ уха, физіономическому указателю, по формѣ приращенія мочки) европейцы занимаютъ въ таблицѣ не крайнее, а среднее мѣсто между черными и желтыми. Принимая во вниманіе, что рѣзко выраженный Дарвиновъ бугорокъ, недоразвитый завитокъ и приращенная мочка являются признаками, указывающими на недостаточную редукцію уха, можно заключить, что ухо негровъ оказывается наиболѣе редуцированнымъ; при сравненіи же уха европейцевъ и уха монголовъ нельзя сказать на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго: по Дарвинову бугорку и завитку ухо монголовъ кажется болѣе редуцированнымъ, чѣмъ ухо европейцевъ, между тѣмъ какъ приращенная мочка, одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ недостаточной редукціи уха, является одной изъ характернѣйшихъ особенностей монгольскаго уха.

Относительно описательныхъ признаковъ наружнаго уха наиболѣе полныя и систематически собранныя данныя существуютъ только для рязанцевъ и для приволжскихъ калмыковъ, а потому для болѣе нагляднаго выясненія значенія расовыхъ различій въ формахъ уха въ таблицѣ № 167-й я сопоставляю главнѣйшія данныя для обѣихъ этихъ этническихъ группъ, прибавивъ для сравненія еще и предѣльныя (minim. и maxim.) цифры, полученныя отдѣльными изслѣдователями для различныхъ европейскихъ группъ.

ТАБЛИЦА № 167-й.

Сравнительная таблица особенностей ушей рязанцевъ и приволжскихъ калмыковъ.

Измѣренія.	Рязанцы. mm.	°/₀ роста	Калмыки. mm.	°/₀	Предѣльныя цифры для различныхъ европейскихъ расъ.
Длина уха...	61,4	(3,72)	67,8	(4,12)	62,0—65,7
Ширина . .	32,8	(2,98)	38,6	(2,35)	34,5—39,7
Физіон. указ.	53,48		56,93		54,0—60,5
Ист. выс. уха	35,3	(2,14)	39,1	(2,38)	35,9—37,5
Длина основ.:					
a) общая...	48,7	(2,94)	55,0	(3,34)	44,4—46,0
b) для ушей съ своб. мочкой	47,0		52,0		—
c) „ съ приращ. мочкой . . .	51,9		57,2		—
Морф. указ.:					
a) общій ..	137,8		140,6		122,5—130,0
b) для ушей съ своб. мочкой	133,1		132,7		—
c) „ съ прир. моч.	146,5		146,7		—

Описательные признаки	въ °/₀.	въ °/₀.	въ °/₀.
Дарвиновъ бугор. ф. I—III	13,5	3,7	3,0—36,0
„ „ ф. IV—VI	86,5	96,3	97,0(?)—64(?)
Сатировъ бугорокъ	9,0	14,0	11,0
Нижняя часть завитка:			
ф. I	7,4	14,3	3,2 — 8,0
ф. II	40,1	12,5	(5,9—36,0)
ф. III—IV	52,4	73,2	—
Anthelix стволъ ф. I . .	11,3	5,3	—
„ „ ф. II . .	58,5	69,6	—
„ „ ф. III . .	30,1	25,0	1,4—20,0
Мочка приращ. ф. I . .	17,7	59,0	16,4—25,3
„ „ ф. II . .	21,7	5,3	(20,0—36,0)
„ „ ф. III—IV	64,6	43,7	—

Примѣчаніе. Въ третьемъ столбцѣ таблицы въ скобкахъ стоятъ цифры, найденныя Schäffer'омъ для различныхъ группъ германскаго населенія.

Уже бѣглаго взгляда на только что приведенную таблицу достаточно для того, чтобы убѣдиться, что между ушами европейцевъ и монголовъ, поскольку объ этомъ можно судить на основаніи изслѣдованія одиночныхъ лишь группъ тѣхъ и другихъ, существуетъ значительная разница. По отношенію къ нѣкоторымъ признакамъ, какъ-то: длинѣ уха, степени развитія нижней части завитка, формѣ приращенія мочки и т. д., разница между ушами рязанцевъ и калмыковъ настолько велика, что особенности, характеризующія уши послѣднихъ, даютъ цифры, лежащія совершенно внѣ предѣловъ колебаній цифръ, полученныхъ изслѣдователями для самыхъ различныхъ группъ европейцевъ, несмотря на то, что колебанія цифръ у этихъ послѣднихъ совершаются въ довольно широкихъ предѣлахъ. Послѣднее обстоятельство имѣетъ особенно большую цѣну и особенно рельефно подчеркиваетъ, какъ самый фактъ существованія различій между европейскимъ и монгольскимъ ухомъ, такъ и значительную величину этихъ различій. Ширина колебаній цифръ, характеризующихъ тѣ или другія особенности уха европейцевъ, представляетъ изъ себя явленіе сложное. Часть причинъ его лежитъ прежде всего въ несовершенствѣ способовъ регистраціи отдѣльныхъ особенностей уха, допускающихъ значительный произволъ при опредѣленіи каждаго отдѣльнаго признака, равно какъ и въ неодинаковости взглядовъ авторовъ на отдѣльныя образованія уха и въ различіи способовъ регистраціи. Не малую роль играютъ, повидимому, и недостаточно большія числа наблюденій, на которыхъ обоснованы цифры нѣкоторыхъ авторовъ. Тѣмъ не менѣе, различія въ цифрахъ, данныхъ для отдѣльныхъ европейскихъ группъ, не могутъ быть, повидимому, сведены къ однимъ только методологическимъ ошибкамъ, или индивидуальнымъ особенностямъ авторовъ. Противъ этого говоритъ прежде всего то обстоятельство, что Schäffer, изслѣдовавшій, очевидно, одинаковымъ методомъ различныя германскія группы, для нѣкоторыхъ признаковъ получилъ весьма значительныя колебанія цифръ; равнымъ образомъ трудно сомнѣваться въ одинаковости взгляда на суть дѣла (по отношенію къ нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ признакамъ) у такихъ знатоковъ вопроса, какъ Schwalbe и Gradenigo, давшихъ, однако, для нѣмцевъ и для итальянцевъ весьма различныя цифры. Едва ли возможно сводить, какъ это дѣлаетъ Schäffer, существованіе различій въ ушахъ отдѣльныхъ европейскихъ группъ къ существованію болѣе или менѣе случайныхъ скопленій очаговъ, наслѣдственно передающихся недоразвитыхъ формъ уха по той прежде всего причинѣ, что другіе авторы могли констатировать различія и по отношенію къ нѣкоторымъ такимъ признакамъ, которые не могутъ считаться за признаки недоразвитія уха. Кромѣ того, по отношенію къ нѣкоторымъ признакамъ, хотя бы даже имѣющимъ значеніе показателей недоразвитія уха (напримѣръ, Дарвиновъ бугорокъ, недоразвитый завитокъ и т. д.), отмѣчается нѣкоторая закономѣрность, позволяющая говорить о сближеніи въ этомъ отношеніи племенъ, близкихъ другъ къ другу и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, по отношенію къ Дарвинову бугорку, завитку и формѣ ушной мочки и т. д. итальянцы оказываются стоящими гораздо ближе къ французамъ, чѣмъ къ нѣмцамъ. Да и вообще говоря, при всемъ разнообразіи цифръ авторовъ, нель-

зя не замѣтить, что цифры, данныя различными авторами для романскихъ группъ, стоятъ во всякомъ случаѣ гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ къ цифрамъ, даннымъ другими авторами для группъ германскаго происхожденія; въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть указанія на существованіе расовыхъ различій въ формахъ уха,—различій, раздѣляющихъ другъ отъ друга даже и народы общаго (арійскаго) происхожденія и сближающихъ общими признаками этническія группы, находящіяся въ болѣе тѣсномъ другъ съ другомъ родствѣ.

На основаніи всѣхъ существующихъ въ настоящее время данныхъ о строеніи наружнаго уха у различныхъ этническихъ группъ, можно установить слѣдующія главнѣйшія положенія: 1) уши европейцевъ во многихъ отношеніяхъ разнятся отъ ушей монголовъ, при чемъ эта разница по отношенію къ нѣкоторымъ признакамъ (особенно длинѣ уха, формѣ мочки и т. д.) очень рѣзка, и часто цифры, данныя для монголовъ, стоятъ внѣ предѣловъ минимальныхъ и максимальныхъ цифръ, данныхъ отдѣльными авторами для различныхъ европейскихъ группъ.

2) Отдѣльныя европейскія группы представляютъ въ строеніи уха значительное число особенностей, которыя едва ли могутъ быть сведены къ особенностямъ въ методахъ изслѣдованій авторовъ; въ виду того, что эти особенности нерѣдко сближаютъ группы дѣйствительно родственныя между собой по расовому составу, надо думать, что если не всѣ, то часть, по крайней мѣрѣ, этихъ особенностей связана именно съ расовымъ составомъ изслѣдованныхъ группъ, а не съ какими-либо болѣе случайнаго и временнаго характера условіями.

3) Дифференцировка между ушами европейцевъ и монголовъ, съ одной стороны, и ушами негровъ—съ другой, въ настоящее время, за малымъ изученіемъ негритянскихъ ушей, точно не можетъ быть сдѣлана; существующія данныя заставляютъ, однако, предполагать, что такого рода различія дѣйствительно существуютъ.

4) Неоднократно выставляемое предположеніе о болѣе совершенной организаціи (т.-е. болѣе полной редукціи) наружнаго уха „высшихъ“ племенъ по сравненію съ „низшими“, а тѣмъ болѣе о существованіи постепенныхъ въ этомъ отношеніи градацій человѣческихъ племенъ, должно быть признано простымъ умозрительнымъ построеніемъ, совершенно опровергаемымъ тѣми фактами, которые уже находятся въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи.

Въ то время, когда моя работа уже была почти совсѣмъ закончена, мнѣ удалось, наконецъ, добыть книгу *E. Chantre'a* „Recherches anthropologiques dans l'Asie occidentale. Missions scientifiques en Transcaucasie, Asie mineure Syrie. 1890—94. (Archives du Museum d'Histoire naturelle de Lyon t VI. 1895). Въ этой книгѣ Chantre приводитъ данныя относительно длины и ширины уха у нѣкоторыхъ изъ народностей, населяющихъ Кавказъ. Chantre не указываетъ способа, которымъ производилъ онъ измѣренія. Длина уха для племенъ иранскаго происхожденія колеблется въ предѣлахъ между 60 и 63 mm., т.-е. въ предѣлахъ тѣхъ же величинъ, которыя отмѣчали у арійцевъ другіе изслѣдователи; для представителей семитическаго племени—айсоровъ—Chantre даетъ нѣсколько меньшую величину (59 mm.). Ширина уха, способы измѣренія которой допускаютъ особенно широкія модификаціи, по даннымъ Chantre'a, оказывается у кавказскихъ народовъ нѣсколько большей, чѣмъ у большинства европейцевъ, въ зависимости отъ этого и величина физіономическаго указателя кавказцевъ нѣсколько больше, чѣмъ у остальныхъ европейцевъ. Въ частности у Chantre'a можно было найти слѣдующія свѣдѣнія:

1) *Армяне* (340 наб.) Длина уха 60 mm., ширина—35 mm., физіономическій указатель составитъ, слѣдовательно, 58,33; по отдѣльнымъ селеніямъ замѣтны сильныя колебанія величинъ. Такъ, длина уха измѣняется по отдѣльнымъ селеніямъ слѣдующимъ образомъ: с. Игдырь — 55 mm., Нахичевань (Эрив.), Анулисъ и Гель—по 63 mm. и сел. Дигъ—64 mm.

2) *Курды* (332 наб.). Приведенъ только физіономическій указатель, который составляетъ для мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ 62,50, для однихъ мужчинъ 64,78, для женщинъ—58,18.

3) *Таты*. Для 38 мужчинъ изъ разныхъ селеній длина уха составляетъ 60,8 mm., ширина—35,3 mm., физіономическій указатель—58,06.

4) *Адербейжанцы* (130 наб.). Физіономическій указатель уха для всѣхъ 130 субъектовъ обоихъ половъ составляетъ въ среднемъ 59,33; отдѣльно для мужчинъ—60,00 и для женщинъ—53,70.

5) *Айсоры* (21 мужч.). Длина уха 59 mm., ширина—36 mm., физіономическій указатель уха—61,01. Около того же времени мнѣ удалось получить благодаря любезности многоуважаемаго *Н. В. Гильченко* подлинныя цифры его измѣреній длины ушей 36 зырянъ, до сихъ поръ имъ еще не опубликованныя. Цифры г. Гильченко имѣютъ тотъ особенный интересъ, что онѣ относятся къ представителямъ вѣтви урало-алтайскихъ племенъ, относительно размѣровъ ушей которыхъ у насъ нѣтъ почти никакихъ данныхъ. Для праваго уха зырянъ получилась, по даннымъ г. Гильченко, средняя величина длины въ 58,2 mm., для лѣваго—58,0, а для обоихъ ушей вмѣстѣ—58,1 mm. или 3,63% роста *), при колебаніяхъ индивидуальныхъ величинъ между 53 и 65 mm. Какъ по абсолютной такъ и по относительной къ росту своей величинѣ уши зырянъ должны быть названы небольшими, что значительно удаляетъ зырянъ отъ чистыхъ монголовъ и при-

*) Средній ростъ 36 зырянъ, по Н. В. Гильченко, составляетъ 1616,7 mm.

ближаетъ къ великоруссамъ (у велик. уши составляютъ 3,72% роста, у зырянъ—3,63% роста). Едва ли можно думать, что малая величина уха получена у зырянъ отъ примѣси великорусской крови, такъ какъ ухо зырянъ меньше даже чѣмъ ухо великоруссовъ (если тутъ не играетъ, конечно, роль малое число наблюденій); вѣрнѣе было бы предположить, что большая величина уха финновъ (лопарей), отмѣченная въ таблицахъ Karutz'a (см., напримѣръ, приведенную у меня табл. № 8), не составляетъ общаго правила для всѣхъ финскихъ племенъ. Надо думать, что уши зырянъ не отличаются большимъ отстояніемъ отъ черепа, такъ какъ изъ 36 случаевъ г. Гильченко только одинъ разъ отмѣчаетъ „оттопыренное ухо". Сопоставляя эти данныя съ данными относительно длины уха, надо сказать, что уши зырянъ не обнаруживаютъ, повидимому, большого сходства ни съ монгольскими (длинныя уши), ни съ тюркскими (оттопыренныя) ушами.

V.

Варіаціи въ формахъ уха у душевно-больныхъ и преступниковъ.

Понятіе объ особенностяхъ строенія уха вырождающихся душевно-больныхъ или о такъ называемыхъ дегенеративныхъ формахъ уха, возникшее одновременно съ возникновеніемъ самаго ученія о физическомъ и психическомъ вырожденіи отдѣльныхъ человѣческихъ семей, прочно фиксировалось въ представленіяхъ большинства практическихъ психіатровъ благодаря тому, главнымъ образомъ, что во всѣхъ руководствахъ по психіатріи, въ главѣ, трактующей и физическихъ признакахъ вырожденія, обязательно посвящается хотя бы нѣсколько строкъ и признакамъ вырожденія, отмѣчаемымъ на ухѣ. Не мало говорилось также и объ особенностяхъ въ строеніи уха преступниковъ, нѣкоторыя изъ нихъ отмѣчены самимъ главою и создателемъ антрополого-криминальной школы; его послѣдователи создали обширную литературу, въ которой на ряду съ отдѣльными замѣчаніями, трактующими среди физическихъ признаковъ преступнаго типа и тѣ или другія особенности въ строеніи уха существуютъ и спеціальныя изслѣдованія, посвященныя исключительно разсмотрѣнію уха преступниковъ. Несмотря на то, что типъ преступника не вполнѣ отождествляется съ типомъ вырождающихся душевно-больныхъ, несмотря на то, что нѣкоторые изслѣдователи съ особой даже силою подчеркиваютъ, какъ психическіе такъ и физическіе признаки, какъ бы отличающіе преступника отъ общаго типа душевно-больныхъ дегенерантовъ, по отношенію къ наружному уху рѣчь идетъ, обыкновенно, о тѣхъ же самыхъ особенностяхъ, какія отмѣчались и у душевно-больныхъ. Если нѣкоторые авторы и пытаются установить въ этомъ отношеніи какое-либо отличіе врожденныхъ преступниковъ отъ душевно-больныхъ, все дѣло сводится у нихъ лишь къ указанію на то, что одни изъ признаковъ дегенеративнаго уха болѣе распространены у душевно-больныхъ, другіе—у преступниковъ; объ установкѣ же какихъ-либо признаковъ, свойственныхъ исключительно уху преступниковъ и не встрѣчающихся у душевно-больныхъ, не можетъ быть и рѣчи. Большинство же авторовъ сходятся на томъ, что существуютъ извѣстныя особенности, характеризующія дегенеративное ухо и свойственныя какъ уху душевно-больныхъ, такъ и преступниковъ. Относительно значенія признаковъ дегенеративнаго уха мнѣнія опять таки расходятся: только немногіе авторы (съ *Binder'омъ* во главѣ) утверждаютъ, что отмѣчаемыя ими формы уха патологическаго населенія никогда не встрѣчаются, или встрѣчаются лишь крайне рѣдко среди нормальнаго населенія. Болѣе объективныя наблюденія рѣшительно опровергаютъ справедливость такого мнѣнія и большинство изслѣдователей признаетъ, что дегенеративныя формы встрѣчаются у нормальнаго населенія, но у душевно-больныхъ и преступниковъ эти особенности распространены несравненно болѣе. Но по вопросу о томъ, какія именно особенности въ строеніи уха представляются болѣе частыми у душевно-больныхъ и преступниковъ и составляютъ, слѣдовательно, типичныя особенности дегенеративнаго уха и насколько рѣзко выражена разница въ этомъ отношеніи между патологическимъ и нормальнымъ населеніемъ, мнѣнія авторовъ опять-таки рѣзко расходятся. Тѣ признаки, для которыхъ одни авторы отмѣчаютъ большее ихъ распространеніе среди патологическаго чѣмъ среди нормальнаго населенія, по изслѣдованіямъ другихъ авторовъ не имѣютъ съ этой точки зрѣнія никакого значенія; цѣлый рядъ существующихъ до сихъ поръ изслѣдованій не помогъ установить хотя бы приблизительный объемъ признаковъ дегенеративнаго уха. При этомъ отмѣчается чрезвычайно интересное явленіе: существуютъ нѣкоторыя особенности въ строеніи уха (напримѣръ, приращеніе мочки въ формѣ II), относительно которыхъ изслѣдователи всѣ единогласно утверждаютъ, что они также часты среди нормальнаго населенія, какъ и среди патологическаго (если не чаще даже среди перваго); до сихъ поръ, однако, эти особенности не исключены изъ списковъ признаковъ дегенеративнаго уха, помѣщаемыхъ въ различныхъ руководствахъ по психіатріи, а потому и понынѣ они у практическихъ психіатровъ продолжаютъ считаться за признаки дегенераціи; ихъ

демонстрируютъ студентамъ на лекціяхъ, опираются на нихъ въ сомнительныхъ случаяхъ, какъ на вспомогательный признакъ для діагноза психопатической конституціи больного, тщательно отмѣчаютъ ихъ въ скорбныхъ листахъ и т. д. Параллельно съ противорѣчащими другъ другу результатами статистическихъ изысканій авторовъ идетъ и разнообразіе во взглядахъ на самую суть признаковъ дегенеративнаго уха и на ихъ связь съ особенностями психики: Для однихъ авторовъ дегенеративныя формы уха представляютъ явленіе настоящихъ уродствъ, т.-е. атипическихъ нарушеній строенія органа, нарушеній, искажающихъ основную форму. Другіе авторы не могли не замѣтить извѣстную типичность этихъ „аномалій"; знакомство съ сравнительной анатоміей уха позволяло отмѣтить, для нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ формъ дегенеративнаго уха, сходство съ формами, обычными для низшихъ организацій; отсюда происходитъ взглядъ на дегенеративныя формы уха, какъ на атавистическія. Но сходство дегенеративныхъ формъ съ формами уха человѣческаго же эмбріона, сходство во всякомъ случаѣ гораздо болѣе полное, чѣмъ сходство ихъ съ формами низшихъ животныхъ (см. часть III, глава XVI), ускальзывало отъ вниманія большинства изслѣдователей-спеціалистовъ по душевнымъ болѣзнямъ или криминалистовъ, такъ что наиболѣе правильный взглядъ на дегенеративныя формы уха, какъ на формы эмбріональныя, происходящія, слѣдовательно, вслѣдствіе задержки развитія отдѣльныхъ частей уха на той или другой стадіи—среди психіатровъ и антропологовъ-криминалистовъ пользуется какъ разъ наименьшимъ распространеніемъ.

Большинство противорѣчій въ результатахъ попытокъ разрѣшенія вопроса о дегенеративномъ ухѣ путемъ статистическихъ изслѣдованій зависитъ отъ допущенія со стороны изслѣдователей цѣлаго ряда крупныхъ методологическихъ ошибокъ. Главнѣйшія изъ этихъ ошибокъ уже были указаны въ VII главѣ первой части настоящаго труда; тамъ же говорилось и о томъ, что допущенныя изслѣдователями ошибки не только затемняютъ истинное значеніе получаемыхъ цифръ, но и ведутъ въ большинствѣ случаевъ (особенно въ случаѣ примѣненія пользующагося универсальнымъ распространеніемъ метода „подсчета предустановленныхъ аномалій") къ тому роковому слѣдствію, въ силу котораго тотъ или другой предустановленный взглядъ автора заранѣе предопредѣляетъ результатъ изслѣдованія. Въ виду этого не остается ничего лучшаго, какъ согласившись съ мнѣніемъ Karutz'а, что всѣ до сихъ поръ сдѣланныя изслѣдованія ничего не рѣшаютъ и рѣшить не могутъ, игнорировать предшествующія изслѣдованія и начать наново спеціальное изученіе формъ дегенеративнаго уха, избѣгая методологическихъ ошибокъ предшественниковъ и пользуясь болѣе совершеннымъ методомъ изслѣдованія. На основаніи произведеннаго мною изслѣдованія ушей ста вырождающихся душевно-больныхъ великоруссовъ изъ крестьянъ, родившихся и выросшихъ въ деревенской обстановкѣ, нельзя, конечно, рѣшать вопросъ о дегенеративномъ ухѣ въ окончательной формѣ; для этого прежде всего недостаточно самое число изслѣдованій, вслѣдствіе чего трудно сказать что-либо опредѣленное относительно многихъ рѣдко встрѣчающихся формъ; нѣкоторыя изъ болѣе рѣдкихъ формъ отличающихъ ухо душевно-больныхъ при такомъ количествѣ изслѣдованныхъ субъектовъ случайно могли и совсѣмъ не встрѣтиться у нихъ; возможно, наконецъ, вліяніе какихъ-либо случайныхъ моментовъ. Тѣмъ не менѣе и изъ этого матерьяла можно получить нѣкоторые въ достаточной мѣрѣ обоснованные выводы: для этого надо только умѣть отличить достовѣрное отъ недостовѣрнаго, вѣроятное—отъ мало вѣроятнаго. Выше мнѣ пришлось упомянуть о томъ, что на одинъ изъ моихъ докладовъ въ обществѣ московскихъ невропатологовъ и психіатровъ, посвященный трактуемому здѣсь вопросу, мнѣ пришлось выслушать рядъ возраженій, сводящихся къ тому, что при сравнительно маломъ числѣ наблюденій я встрѣтилъ среди нормальнаго населенія значительное число дегенеративныхъ формъ уха потому, что случайно я попалъ на населеніе, охваченное въ значительной мѣрѣ процессами, вырожденія *). За отсутствіемъ соотвѣтствующихъ данныхъ, мои оппоненты не могли, конечно, сказать опредѣленно, что это такъ именно и случилось, но должны были ограничиться только предположеніемъ относительно возможности случайнаго скопленія дегенерантовъ среди изслѣдованнаго мною населенія. Сдѣланная мною позже провѣрка не говоритъ въ пользу такого предположенія: на фабрикѣ, гдѣ я изслѣдовалъ нормальное населеніе, работаетъ болѣе тысячи человѣкъ, при чемъ многіе (рабочіе-спеціалисты) работаютъ тамъ постоянно въ теченіе многихъ лѣтъ; однако, мнѣ не удалось установить, чтобы случаи душевныхъ заболѣваній среди этихъ рабочихъ были часты; обратно, такого рода случаи региструются поразительно рѣдко. Но не въ этомъ суть дѣла: до тѣхъ поръ пока возраженія противъ значенія полученныхъ мною цифръ будутъ стоять на почвѣ попытокъ уменьшенія распространенія среди нормальнаго населенія формъ уха, признаваемыхъ за дегенеративныя, они разобьются о тотъ фактъ, что и цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей, производившихъ изысканія въ самыхъ различныхъ мѣстахъ и среди представителей различныхъ расъ, находили, какъ это указывалось въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ настоящей работы, также не меньшія, а иногда даже и бóльшія, чѣмъ у меня числа этихъ особенностей среди нормальнаго на-

*) См. отчетъ о данномъ засѣданіи Об—ва Моск. невропатологовъ и психіатровъ въ протоколахъ Общества за 1897—1900 гг., стр. 151.

селенія. Нельзя никоимъ образомъ доказывать, что формы уха, признаваемыя большинствомъ изслѣдователей за дегенеративныя, рѣдки среди нормальнаго населенія, если *Schäffer*, оперировавшій съ тысячами наблюденій, отмѣчаетъ ихъ (а онъ отмѣчаетъ далеко не всѣ таковыя формы) по различнымъ областямъ Германіи на 40%—60% всѣхъ изслѣдованныхъ ушей, если *Schwalbe* даетъ для одного только Дарвинова бугорка въ наиболѣе рѣзкихъ его формахъ до 30,0% всѣхъ наблюденій, если даже защитники дегенеративнаго уха, какъ *Gradenigo* и многіе другіе, все-таки насчитываютъ у нормальнаго населенія для каждой отдѣльной части уха очень крупныя цифры дегенеративныхъ формъ. Можно, слѣдовательно, предполагать лишь то, что такъ называемыя дегенеративныя формы. очень частыя и среди нормальнаго населенія, встрѣчаются, быть-можетъ, нѣсколько чаще среди населенія патологическаго. Тѣмъ не менѣе, и это предположеніе не можетъ считаться окончательно установленнымъ, такъ какъ подтверждающія его статистики далеко не свободны отъ упрековъ и часто противорѣчатъ другъ другу; существуютъ, кромѣ того, и статистики, не говорящія въ пользу существованія какихъ-либо отличій строенія отдѣльныхъ частей уха у патологическаго населенія, по сравненію его съ нормальнымъ населеніемъ. Но и кромѣ того, противъ предположенія о сколько-нибудь значительной концентраціи у вырождающихся душевнобольныхъ тѣхъ изъ особенностей уха, которыя считаются обыкновенно за признаки дегенераціи, говоритъ еще одинъ фактъ, установленный въ одной изъ моихъ предшествующихъ работъ.

Въ этой работѣ [135]) мнѣ удалось показать, что если мы отберемъ изъ общей массы изслѣдованныхъ мною рязанцевъ, субъектовъ, носящихъ признаки рахитизма, особенно же субъектовъ съ различными аномаліями и дефектами въ строеніи зубовъ *), т.-е. субъектовъ, развитіе которыхъ происходило завѣдомо аномально, то среди этой группы многія особенности уха, почитаемыя за дегенеративныя, оказываются распространенными не только не больше, но даже нѣсколько меньше, чѣмъ среди всей изслѣдованной массы.

Эти данныя въ значительной мѣрѣ подрываютъ вѣроятность предположенія о большей концентраціи дегенеративныхъ признаковъ уха среди вырождающихся субъектовъ. Но если такое положеніе и можетъ быть принято, мы все-таки можемъ говорить лишь о нѣкоторомъ, не особенно значительномъ перевѣсѣ у вырождающихся „аномалій“ уха; вслѣдствіе этого дегенеративныя формы уха получаютъ уже нѣсколько иное, т.-е. чисто теоретическое, а не практическое значеніе: подобно тому, какъ на основаніи наличности двухъ, трехъ и даже большаго числа расовыхъ признаковъ нельзя еще заключить о принадлежности субъекта къ той, а не другой расѣ, такъ и на основаніи не только одного, но хотя бы даже и цѣлаго ряда признаковъ „дегенеративнаго уха“, нельзя говорить о принадлежности даннаго субъекта къ классу вырождающихся.

Обратимся теперь къ главнѣйшимъ особенностямъ въ строеніи уха нормальныхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ и посмотримъ, какія изъ нихъ встрѣчаются во второй группѣ, чаще чѣмъ въ первой, и какъ велики при этомъ цифровыя различія. Но прежде этого упомянемъ еще разъ вкратцѣ о томъ, что было сдѣлано мною для избѣжанія ошибокъ, допущенныхъ другими изслѣдователями: 1) возможно полное единство сравниваемыхъ группъ обезпечено выборомъ, какъ нормальной, такъ и патологической группъ изъ обитателей искони заселенной великоруссами области бывшихъ земель Владиміро-Суздальскаго края, при чемъ изслѣдовались исключительно крестьяне, родившіеся и выросшіе въ деревенской обстановкѣ, отличающейся, какъ извѣстно, чрезвычайнымъ однообразіемъ условій жизни, не осуществимымъ при изслѣдованіи лицъ всякихъ другихъ сословій. Возрастный составъ изслѣдованныхъ группъ оказался не совсѣмъ одинаковымъ: среди нормальнаго населенія оказалось нѣсколько больше, чѣмъ среди душевно-больныхъ субъектовъ въ возрастѣ до 30 лѣтъ, тогда какъ субъектовъ въ возрастѣ за 40 лѣтъ оказалось больше среди душевно-больныхъ; послѣднее обстоятельство не осталось, какъ это мы уже видѣли въ XVI главѣ первой части настоящаго труда, безъ вліянія на величины нѣкоторыхъ измѣрительныхъ признаковъ.

2) Группа душевно-больныхъ была составлена изъ такихъ больныхъ, принадлежность которыхъ къ классу вырождающихся стояла внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ сюда вошли исключительно субъекты, страдающіе типичными психозами вырожденія. Послѣднее обстоятельство вмѣстѣ съ выборомъ больныхъ только изъ крестьянъ, родившихся и возросшихъ въ деревнѣ сильно ограничивали число подходящихъ случаевъ, такъ что и довольно скромная цифра въ 100 наблюденій могла быть собрана лишь съ большимъ трудомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

3) Изслѣдованіе велось по предложенной Schwalbe схемѣ, значительно ограничивающей вліяніе произвола и субъективизма при регистраціи отдѣльныхъ формъ и дающей возможность отмѣчать различныя степени развитія отдѣльныхъ образованій.

4) Изслѣдованія ушей душевно-больныхъ начаты были мною нѣсколько даже раньше, чѣмъ изслѣдованія ушей нормальнаго населенія, и полученныя карточки не подсчитывались до тѣхъ поръ, пока не было полностью закончено все изслѣдованіе.

Сравнительныя данныя для измѣрительныхъ признаковъ уха нормальныхъ и душевно-больныхъ великорус-

*) Исключая, конечно, отсюда, случаевъ пораженія зубовъ каріознымъ процессомъ.

совъ были уже сопоставлены въ таблицѣ № 73. Изъ нея мы видѣли, что ухо душевно-больныхъ оказалось нѣсколько болѣе длиннымъ, чѣмъ ухо нормальныхъ великоруссовъ; но это различіе зависитъ, повидимому, главнымъ образомъ отъ возрастныхъ различій сравниваемыхъ группъ, такъ какъ при сравненіи длины уха не въ общей суммѣ, а по возрастнымъ группамъ указанная разница исчезаетъ. Отъ тѣхъ же причинъ зависитъ, повидимому, и разница въ ширинѣ уха; физіономическій же указатель оказывается для обѣихъ группъ совершенно одинаковымъ (53,48 и 53,04). Нѣкоторое увеличеніе у душевно-больныхъ длины основанія уха и истинной его высоты не зависитъ, повидимому, отъ возрастныхъ различій, тѣмъ не менѣе это увеличеніе имѣетъ лишь весьма ограниченное значеніе, такъ какъ оно не мѣняетъ взаимо-отношеній этихъ частей, давая морфологическій указатель (для всѣхъ формъ уха вмѣстѣ), совершенно одинаковый съ нормальными великоруссами, при раздѣленіи же на группы ушей съ приращенной мочкой и ушей съ свободной мочкой цифровыя различія и не велики (особенно для болѣе въ данномъ случаѣ важной группы ушей съ свободной мочкой) и носятъ противорѣчивый характеръ (для группы ушей съ свободной мочкой морфологическій указатель оказался бо̀льшимъ у душевно-больныхъ и меньшимъ у нормальныхъ великоруссовъ, для группы ушей съ приращенной мочкою отмѣчены обратныя отношенія). Послѣднее обстоятельство можетъ свидѣтельствовать лишь о томъ, что для морфологическаго указателя варіирующаго и нормальнаго населенія въ очень широкихъ предѣлахъ, особенно же при тѣхъ условіяхъ, когда является существенно необходимымъ еще дѣленіе по крайней мѣрѣ хоть на двѣ группы (по формамъ мочки), число наблюденій надъ душевно-больными недостаточно велико для болѣе правильной оцѣнки значенія получаемыхъ цифровыхъ различій.

Сопоставленіе главнѣйшихъ особенностей описательныхъ признаковъ уха нормальныхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ сдѣлано въ слѣдующей (№ 168) таблицѣ.

ТАБЛИЦА № 168-й.

Сопоставленіе главнѣйшихъ описательныхъ признаковъ уха нормальныхъ и душевно-больныхъ великоруссовъ.

	Нормальные, въ %.	Душевно-больные, въ %.
Дарвиновъ бугорокъ ф. I	0,3	1,5
„ „ „ II	9,8	12,0
„ „ „ III	3,4	4,5
„ „ „ IV	5,5	9,0
„ „ „ V	47,4	35,0
„ „ „ VI	33,5	38,0
„ „ ф. I—III вмѣстѣ	13,5	18,0
„ „ средняя ф. Д. б.	4,90	4,78
Завитокъ:		
a) въ верхней части ф. I	0	2,0
„ „ „ „ II	23,1	12,0
„ „ „ „ III	76,9	86,0
b) „ нижней „ „ I	7,4	13,0
„ „ „ „ II	40,6	35,5
„ „ „ „ III и IV	52,0	51,5
Противозавитокъ:		
a) стволъ ф. I	11,3	8,5
„ „ II	58,5	67,0
„ „ III	30,1	23,0
b) верхне-задняя ножка ф. I	1,23	8,5
„ „ „ II	19,1	39,5
„ „ „ III	35,4	22,0
„ „ „ IV	44,3	30,0
Мочка:		
a) приращеніе ф. I	13,7	20,5
„ „ II	21,7	20,0
„ „ III	26,1	29,5
„ „ IV	38,4	30,0
b) fossa supralobularis соединяющаяся съ f. scaphoidea (ф. IV)	24,0	34,0
Отстояніе уха ф. I	7,3	9,0
„ „ „ II	82,1	60,5
„ „ „ III	10,4	35,0
Косое стояніе уха	8,0	12,0
Атипичныя измѣненія въ конфигураціи уха (см. стр. 161)	9,0	22,0
То же, по прибавкѣ случаевъ отсутствія верхне-задней ножки противозавитка при хорошо выраженномъ его стволѣ	9,0	27,5
Группировка ушей по степени ихъ зрѣлости:		
группа зрѣлыхъ ушей	23,5	22,0
„ переходная	34,6	36,5
„ недоразвитыхъ ушей	23,2	23,5
„ сильно недоразв. „	18,7	18,0

Изъ этой таблицы можно видѣть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя отмѣтить никакой или почти никакой разницы между нормальнымъ населеніемъ и душевнобольными. Сюда принадлежатъ: 1) нижняя часть завитка, для которой если вполнѣ не развитая форма (I) и представляется нѣсколько болѣе распространенной у душевно-больныхъ, зато недоразвитая форма (II) представляетъ обратныя отношенія, такъ что завитокъ, достигшій полнаго своего развитія (ф. III) отмѣчается у больныхъ и здоровыхъ великоруссовъ одинаково часто; 2) распредѣленіе формъ ушей по степени ихъ зрѣлости. Существуютъ далѣе и такіе случаи, когда формы, признаваемыя обыкновенно за дегенеративныя, оказываются

среди нормальныхъ великоруссовъ болѣе распространенными, чѣмъ среди душевно-больныхъ. Такъ, не вполнѣ развитая верхняя часть завитка (ф. I и II) у здоровыхъ составляютъ 23,1%, а у больныхъ только 14,0%; равнымъ образомъ и выступающій кнаружи стволъ противозавитка (Вильдермутово ухо) у здоровыхъ составляетъ 30,1%, а у душевно-больныхъ только 23,0%.

Въ остальныхъ случаяхъ формы признаваемыя за дегенеративныя у душевно-больныхъ великоруссовъ распространены болѣе, чѣмъ у здоровыхъ. Но здѣсь надо различать двѣ категоріи случаевъ: 1) когда разница между нормальными и патологическими субъектами не велика, при чемъ и число случаевъ распространенія данной формы, большое у душевно-больныхъ, у нормальныхъ субъектовъ также не мало, и 2) когда разница выражена рѣзко, или когда она и не очень велика по абсолютной цифрѣ, но цифра для здоровыхъ сама по себѣ очень невелика, у душевно-больныхъ же она выше. Къ этому надо прибавить, что одна особенность, а именно неодинаковая величина и форма праваго и лѣваго уха занимаетъ промежуточное положеніе: будучи очень нерѣдкой и у нормальнаго населенія, у патологическаго она встрѣчается все-таки замѣтно чаще. Къ первой категоріи, т.-е. къ случаямъ малыхъ различій при значительномъ % случаевъ формы и у нормальнаго населенія относятся: Дарвиновъ бугорокъ, форма приращенія мочки, косое стояніе уха, ко второй: далекое отстояніе уха и атипичныя измѣненія въ конфигураціи уха. Въ первой категоріи различія на 5—6% при наличности данной формы у нормальнаго населенія въ 10—20 и болѣе процентахъ можетъ имѣть, очевидно, лишь очень ограниченное значеніе и если только оно не зависитъ отъ недостатка числа наблюденій, особенно рѣзко сказывающагося при дробленіи всего матеріала на нѣсколько формъ, то самое большее, что можно отсюда заключить, сводится къ слѣдующему положенію: нѣкоторыя формы, почитаемыя авторами за дегенеративныя, если и распространены среди дегенерантовъ немного больше, чѣмъ среди нормальныхъ, то все же они встрѣчаются и у нормальнаго населенія настолько часто, что распространеніе ихъ среди послѣдняго не можетъ быть объяснено нѣкоторой примѣсью къ нормальному населенію дегенеративныхъ субъектовъ. Наибольшее значеніе имѣетъ, очевидно, послѣдняя категорія, т.-е. категорія случаевъ рѣзкихъ цифровыхъ различій. Къ этой категоріи относятся, какъ это мы видѣли выше, двѣ формы: далеко отстоящее отъ черепа („оттопыренное") ухо и атипичныя измѣненія въ конфигураціи уха. Относительно первой формы мнѣ уже пришлось высказаться раньше въ томъ духѣ, что я охотнѣе готовъ отнести ее къ особенностямъ конфигураціи черепа, чѣмъ къ особенностямъ въ положеніи самаго уха. Особаго же вниманія заслуживаютъ атипичныя измѣненія уха. До сихъ поръ на нихъ мало было обращено вниманія: *Roher*, *Eule*, *Laubi* и нѣкоторые другіе авторы упоминаютъ о нихъ лишь мимоходомъ. Между тѣмъ мои изслѣдованія показываютъ, что эти атипіи являются у душевно-больныхъ великоруссовъ единственными особенностями, частыми у этихъ послѣднихъ и встрѣчающимися среди нормальныхъ великоруссовъ въ количествѣ вполнѣ допускающемъ мысль, что здѣсь они распространены лишь настолько, насколько среди нормальнаго населенія, изслѣдованнаго подъ рядъ безъ особаго выбора, возможна примѣсь извѣстнаго числа дегенеративныхъ субъектовъ. Раньше мнѣ приходилось уже неоднократно упоминать о недостаточности моего матеріала для окончательнаго рѣшенія вопроса о дегенеративномъ ухѣ. Поставивъ же вопросъ, въ какомъ именно направленіи могло легче всего сказаться вліяніе недостатка числа наблюденій, я долженъ повторить сказанныя уже раньше слова: недостаточное число наблюденій легко можетъ привести къ констатированію различій между двумя группами по существу сходными; полученіе же цифръ, ведущихъ къ кажущемуся сходству при существованіи на самомъ дѣлѣ болѣе или менѣе значительныхъ различій изслѣдуемыхъ группъ, а тѣмъ болѣе полученіе такихъ цифръ по отношенію не къ одному какому-либо признаку, а къ цѣлому ихъ ряду, представляется случайностью столь мало вѣроятною, что она не можетъ быть принимаема во вниманіе.

Изученіе формы уха дегенерантовъ приводитъ такимъ образомъ къ слѣдующимъ главнѣйшимъ положеніямъ:
1) большинство статистикъ дегенеративнаго уха получено при допущеніи со стороны изслѣдователей многихъ и крупныхъ методологическихъ ошибокъ, которыя повели отдѣльныхъ авторовъ къ взаимно противорѣчащимъ выводамъ, равно, впрочемъ, недостовѣрнымъ.

2) Болѣе систематически проведенное изслѣдованіе ушей нормальнаго населенія и ушей душевно-больныхъ, при условіи возможно болѣе полнаго устраненія обычныхъ ошибокъ, приводитъ къ слѣдующему выводу:

a) Въ размѣрахъ ушей нормальнаго и патологическаго населенія не существуетъ такихъ большихъ различій, которыя не могли бы быть сведены къ возрастнымъ различіямъ изслѣдованныхъ группъ, къ большей, бытъ-можетъ, у душевно-больныхъ вялости и дряблости всего уха и т. д.

b) Особенности описательныхъ признаковъ уха вырождающихся душевно-больныхъ, признаваемыя обыкновенно за дегенеративныя формы, представляютъ въ большинствѣ случаевъ эмбріональныя формы.

c) Распространеніе такихъ эмбріональныхъ формъ среди нормальнаго населенія очень значительно, среди вырождающихся душевно-больныхъ эти формы распространены въ большинствѣ случаевъ или въ той же мѣрѣ, какъ и среди нормальнаго населенія, или же лишь немного больше, но разница въ числовыхъ данныхъ настолько въ общемъ незначительна, что если она даже

и не зависитъ просто отъ недостаточно большого числа наблюденій, ея значеніе, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно ограничено. Выражая то же положеніе въ другихъ терминахъ, можно сказать, что недоразвитыя, эмбріональныя формы отдѣльныхъ частей уха встрѣчаются у нормальнаго населенія очень часто; у вырождающихся душевно-больныхъ эти формы распространены быть-можетъ, лишь немного больше, чѣмъ у нормальныхъ субъектовъ, да и это послѣднее утвержденіе находится еще подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

d) Нѣсколько иное значеніе имѣетъ оттопыренное ухо; встрѣчаясь довольно часто и у нормальнаго населенія, у населенія патологическаго оно распространено значительно больше. Нельзя, однако, сказать, что эта форма составляетъ дѣйствительную особенность уха, происхожденіе ея съ одинаковымъ правомъ можетъ быть объяснено и соотвѣтствующими измѣненіями въ конфигураціи прилежащей къ уху части черепа.

e) Существуютъ, повидимому, и такія особенности въ строеніи уха, которыя рѣдки у нормальнаго населенія, но часты у вырождающихся душевно-больныхъ. Эти особенности, мало выдвинутыя другими изслѣдователями, при всемъ ихъ разнообразіи, объединяются однимъ общимъ признакомъ: онѣ не характерны ни по своей формѣ, ни по своему положенію, ихъ наличность не придаетъ уху какой-либо типичной и опредѣленной формы. Словомъ, эти особенности могутъ быть названы настоящими атипіями.

Перечень работъ, ссылки на которыя встрѣчаются въ текстѣ.

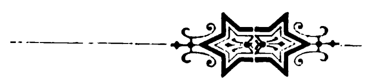
1. Зерновъ Д. Н. Индивидуальные типы мозговыхъ извилинъ у человѣка. Москва 1877.
2. Зерновъ Д. Н. Къ вопросу о предѣлахъ индивидуальныхъ и племенныхъ видоизмѣненій извилинъ мозга. Москва 1883.
3. Giacomini C. Varietà delle circonvoluzioni cerebrali dell' uomo. Torino 1881.
4. Giacomini C. Guida allo studio delle circonvolozioni cerebrali dell' uomo. Sec. ed. Torino 1884.
5. Cunningham D. The compete fissures of the human cerebrum and their significance in connection with the growth of the hemisphere and the appearance of the occipital lobe. Brit. Med. Journ. 1890 (и др. работы).
6. Retzius G. Das Menschenhirn. Stocholm. 1897.
7. Weinberg R. Das Gehirn der Letten. Cassel 1896.
8. Вейнбергъ Р. Л. О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. Тр. Антр. Отд. Им. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этн. т. XIX (и др. работы).
9. Morel. Traité ges dégénérescences etc... Paris 1857.
10. Morel. Des caractères de l'hérédité dans les maladies nerveuses. Arch. gén. de medic. 1859, а также клиническія лекціи и др. труды.
11. Lombroso C. L'uomo deliquente. Torino 1884 (1878).
12. Topinard Eléments d'anthropologie génerale. Paris 1885.
13. Karutz. Ein Beitrag zûr Anthropologie des Ohres. Arch. f. Anthr. Bd. 26—1900.
14. Frigerio L. L'oreille externe. Paris 1888 (отд. оттискъ изъ Arch. de l'anthr. crim. etc... за тотъ же годъ).
15. Binder. Das Morel'sche Ohr. Arch. f. Psych. Bd. 20. 1889.
16. Schäffer O. Ueber die fötale Ohrentwickelûng, die Häufigkeit fötaler Ohrformen bei Erwaschenen ùnd die Erblichkeitverhältnisse derselben. Arch. f. Anthr. Bd. 21. 1892—93.
17. Gradenigo G. Ueber die Formanomalien des Ohrmuschel. Arch. f. Ohrenheilk. Bd. 32 и 33.
18. Lavater G. L'art de connaître les hommes. Paris 1820.
19. Ellis M. A. (m—me) The human ear. London 1900.
20. Генле. Анатомія. Рус. пер.
21. Гиртль I. Анатомія. Рус. п.
22. Moldenhaûer W. Zur Entwickeluug des mitteren und äusseren Ohres. Morph. Iahrbüch III—1877.
23. His W. Mitteilungen zur Embryologie der Säugethiere und des Menschen. Arch. f. Anat. u. Entwicnel.-gesch. 1881.
24. His W. Ueber das menschliche Ohrläppchen und über Verbindung desselben entnommenen. Schmidt' schen Beweis für die Uebertragbarkeit erworbener Eigenschaften. Anthr. Correspondenzblatt 1889 № 3.
25. His W. Zur Anatomie des Ohrläppehens. Areh. f. Anat. u. Physiol; Anat. Abtheil. 1889.
26. Gradenigo G. Die Form-entwiekelûng der Ohrmuschel mit Rüchsicht auf die Morphologie und Teratologie derselben. Cntrbl: f. medic. Wissensch. 1888.
27. Chiarugi G. Il tuberculo di Darwin e la direzione dei peli nel padiglione dell' orecchio umano. Bollet. della sez. dei cult. delle sc. mediche nella R. Un. dei fisiocritici di Siena An. 6. f. 11.
28. Meyer L. Ueber das Darwin'sche Spitzohr. Virchow's Arch. Bd. 53—1871.
29. Schwalbe G. Lehrbuchd. Anatomie der Sinnesorgan. 1887.
— Das äussere Ohr. Handbuch. d. Anat. d. Menschen herausgeg. v. Bardeleben Abth. II. Jena 1897.
30. Schwalle G. Das Darwin'scheSpitzohr beim menschlichen Embryo. Anat. Anzeig. IV. 1889.
31. Schwalbe G. Jnwiefern ist die menschliche Ohrmuschel ein rudimentäres Organ? Arch. Anat. u. Physiol. An. Abth. 1889.
32. Schwalbe G. Ueber die vergleichende Anatomie und Ent wicklunegsgeschichte des Ohrknorpels. Deutsch. Medic. Wochenschr. 1889 № 15.
33. Schwalbe G. Beitrag zur Anthropologie des Ohres. Festschr. f. R. Virchow Bd. I—1891.
34. Дарвинъ Ч. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Рус. пер. 1896 г. и др. сочин. того же автора.
35. Tataroff D. Ueber die Muskeln des Ohrmuschel und einige Besonderheit des Ohrknorpels. Arch. f. Anat. u. Phys., Anat. Abt. 1887.
36. Bertillon A. Instructions signalétiques. Nouv. éd. Paris 1893.

37. Gradenigo G. Comptes rendus du Congrès otologuique internat. de Paris 1889 (p. 144).
38. Gradenigo G. Также на италіанск. языкѣ въ Archivio per le scienze mediche XII. 1888.
39. Gradenigo G. Ricerche antropologiche sul padiglione dell' orecchio. Gior. della R. Academia di medic. di Torino 1889—90.
40. Gradenigo G. Das Ohr des Verbrechers. Arch. f. Ohrenheilk. Bd. 28—1889.
41. Gradenigo G. Les oreilles chez les criminels. Ann. de mal. de l'oreille... etc. 1889.
42. Gradenigo G. Zur Morphologie der Ohrmuschel bei gesundten und Geisteskranken Menschen ûnd bei Deliquenten. Arch. f. Ohrenheilk. Bd. 30—1890.
43. Gradenigo G. Missbildungen des Ohrmuschel. Ar. f. Ohrenheilk. Bd. 34—1893.
44. Gradenigo G. Ueber ein Fall von partellen Mangel des Ohrläppchens. Arch. f. Ohrenheilk. Bd. 34—1893.
— См. также 17, 26, затѣмъ—Archivio di Freniatr. XII t VI 1891 и др. работы.
45. Schwalbe G. Zur Methodik statistischer Untersuchûngen über die Ohrformen von Geisteskranken und Verbrechern. Arch. f. Ps. Bd. 27—1895.
46. Warda W. Ueber degenerative Ohrformen. Arch f—Ps. Bd 32. 1899.
47. Daae. Beitrag zûr Anthropologie des Ohres bei Verbrechern. Zeitschr. f. Ohrenheilk Bd. 24—1893.
48. Wilhelm E. Matériaux pour servir à l'étude anthropologuique du pavillon de l'oreille. Révue Biolog. du Nord de la France. t IV. 1891—92 (цит. по Schwalbe).
49. Eule Petrona. Ueber Bildungsanomalien der Ohrmuschel. Dissert. Zürich 1891.
50. Karutz. Studien über die Form des Ohres. Zeitshr. f. Ohrenheilk. Bd. 30 u. feg.
51. Landois L. Учебникъ физіологіи человѣка. Рус. Пер. 2-е изд. Харьковъ 1894.
52. Hermann. Основы физіологіи человѣка. Рус. Пер. 1875.
53. Mach. Bemerkungen über die Function der Ohrmuschel. Arch. f. Ohrenheilk. 1875.
54. Curtius. Abhandlung über die gesunden und kranken Zustand des Ohres. 1879.
55. Duval M. Основы физіологіи Рус. Пер. 1899.
56. Küpper. Arch. f. Ohrenheilk. neue Folge Bd. 2.
57. Hartmann. Die menschähnliche Affen. 1883.
58. Moldenhaûer W. Die Missdildûngen des menschlichen Ohres. Handbûch. f. Ohrenheilk. herausgeg. v. Schwartze. 1892.
59. Langer C. Anatomie der äusseren Formen des menschlichen Körpers. Wien 1884.
60. Langer C. Ueber Form und Lageverhältnisse des Ohres. Mitteil. deutsch. Anthr. gesellsch. in Wien XII. 1891.
61. Mies. Ueber Körpermessung. Corresp—bl. d. deutsch. Gesellsch. f. Anthr. 1891.
62. Ranke I. Человѣкъ. Рус. Пер. 1899.
63. Karûtz. Ohrdurchborung ûnd Ohrschmuck. Globus Bd. 70. №№ 12—13.
64. Sömmering. Ueber die Körperliche Verschiedenheit des Negers vom Europäer. 1785. (цит. у Karutz'a).
65. Bûrmeister. Geologische Bilder. 1873 (цит. у Karutz'a).
66. Hartmann. См. 57.
67. Alix. Bullet. de la Société d'anthr. de Paris 1869.
68. Hovelaque A. et Hervé G. Précis d'anthropologie Paris 1887.
69. Gelé. Цит. у Hovelaque et Hervé (68).
70. Эберсъ. Цит. у Ранке (62) и Langer'a (59, 60).
71. Holl. Ueber die Lage des Ohres. Mittheil... d. Anthr. Gesellsch. in Wien. Bd. XXIX, 1899.
72. Воробьевъ В. В. Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи (по Karûtz'y и Holl'ю). Русскій Атроп. Журналъ. 1900 № 1-й.
73. Ивановскій А. А. Монголы—Торгоуты. Тр. Об. Люб. Ест. Ант. и Этн., Антр. отд. т. XIII.
74. Weissenberg. Ein Beitrag zur Antropologie der Türkvölker. Zeitschr. f. Ethnol. 1892.
75. Kurella H. Naturgeschichte des Verbrecher. Stuttgard. 1893.
76. Luschan. Völkerkunde.
77. Reineke. Anthropologisches Aûfnahme û. s. w. Zeitschr. f. Ethnol. 1896.
78. Döring. Anthropologisches von der deutschen Togo-expedition. Verhand. d Berl. Antb. Gesellsch. 1896.
79. Vali. Allg. Wiener Medic. Zeitûng. 1891 № 11-й.
Онъ-же. Untersuchungen an Verbrechern u s. w. Arch. f. Ohr. Bd. XXXIV.
80. Féré et Seglas. Contribution á l'étude de plusieurs variétés morphologiques du pavillon de l'oreille humaine Revue d'anthorop. Avril 1886.
81. Mense. Neger vom oberen Congo. Vèrh. d. Berl. Anthrop. Gesellsch. 1887.
82. Magnan. Спеціал. по данному вопросу—см. Les actes du 2-e Congrès d'anthr. crim. à Paris 1889; равнымъ образомъ см. главнѣйшія работы Magnan'a о вырождающихся, его Leçons cliniques; Magnan et Legrain—Les dégénérés 1895 и т. д.
83. Näcke. Zur Methodologie eines wissenschaftlichen Criminal—Anthropologie. Ctrbl. f. Nervenheilk. u. Psych. Oct. 1893.
84. Sommer. Die Beziehung von morphologischen Abnormitäten zu den endogenen Nerven und Geistes krankheiten. Cntrbl. f. Nerv. и Psych. 1893—94.
85. Talbot. E. Etiology of osseous difformities of the face, jows and teeth Chicago 1894.
86. Manouvrier. Discussions sur les crimineles. Soc. d'anthrop. de Paris. Séance Fevr. 1883 (Бюллетени общества за тотъ же годъ).
87. Meynert. Th. Kranilogische Beiträge zûr Lehre von der psychopatischen Veranlagûng. Jahrbüch. f. Psych. B. 1—2—1879.
88. Benedikt. M. Kraniometrie und Kephalometrie. Wien 1881.
89. Штейнбергъ А. Г. Итоги краніометріи и кефалометріи у душевнобольныхъ Арх. Псих. пр. Кавалевскаго 1884 №№ 2—3.
90. Бѣляковъ С. Антропологическое изслѣдованіе убійцъ. Ар. Псих. Ковалевскаго 1884 №№ 1—2.
91. Воробьевъ В. В. Къ вопросу о такъ называемомъ затылочномъ типѣ строенія черепа вырождающихся душевнобольныхъ Журн. невропатологіи и Псих. имени С. С. Корсакова 1901 № 2.
92. Bowditch. The Growth of Childern. Boston 1887.
93. Roberts. Journ. of the Statist. Society. 1886.
94. Bälz. Цит. по Ранке.
95. Bordier. Etudes anthropologuiques sur une série de crânes d'assassins.
96. Bajénoff. N. Etudes céphalométriques sur les bustes d'assassins suppliciés et des personnages distingués Paris 1884.
97. Dejerine. Наслѣдственность и болѣзни нервной системы. Рус. Пер. 1897.

98. Stahl Fr. Einige Skizzen über Missgestaltungen des äusseren Ohres. Allg. Zeitschr. f. Ps. Bd. 16—1859.
99. Legrand du Saule. La folie héréditaire. Paris 1876.
100. Marro. J caracteri del delіueqnti. Torino 1887.
101. Wildermûth. Würtemberger Correspondenzblatt 1886 № 40.
102. Roher. Докладъ ва 58-мъ (1885 г.) и 59-мъ (1886 г.) съѣздахъ нѣмецкихъ натуралистовъ.
103. Roher. Ueber Bildûngsanomalien der Ohrmuschel. Wiener Medic. Wochenschr. 1894 № 1-й.
104. Lannois M. De l'oreille au point de vue anthropologuique et médico-légale. Arch. d'anthr. Crimin. e. etc. Juill. 1887.
105. Lannois M. Pavillon de l'oreille chez les sujets sains. Arch. d'anthr. Crim. ect. Juillet 1892.
106. Julia J. De l'oreille au point de vue anthropol. et medico légal. 1889.
107. Laubi O. Die körperlichen Degenerationszeichen bei Geisteskranken. Diss. Winterthur 1887.
108. Ganter R. Der Körperliche Befunde bei 345 Geisteskranken. Allg. Zeitscht. f. Psych. Bd. 55 t. l. V 1899.
109. Näcke P. Die sogenan. äussern Degenerationszeichen bei der progres. Paralyse der Männer u. s. w. All. Zeitsch. f. Psych. Bd. LV 1899.
110. Giacchi. Pazzi e Birbanti. Milano 1885.
111. Arndt. Die Ursachen der Psychosen. Wiener Med. Presse 1882 № 23.
Онъ-же. Biologische Studien.
112. Ch. Féré. Невропатическая семья. Рус. Пер.
113. Chabry. Embryologuie normale et tératologuique des Ascides. These de Paris. 1887.
114. Charrin A. et Gley E. Sur l'actioh héréditaire et l'intluence tératogène des produits microbiens. Arch. de Phys. Janv. 1896.
115. Fournier. Наслѣдственный сифилисъ. Рус. Пер. 1899 г.
116. Гильченко Н. В. Матеріалы для Антропологіи Кавказа. III. Кубанскіе Казаки. Труды Антр. От. Об. Люб. Ес. А. и Эт. т. XVIII. М. 1897.
117. Гильченко Н. В. Матерьялы для антропологіи Кавказа I. Осетины Дис. СПб. 1890.
118. Шендриковскій И. И. Матеріалы къ антропологіи бурятъ (селенгинцевъ) Дис. СПб. 1894.
119. Вышогродъ Я. Д. Цит.
120. Пайсель В. Э. Матеріалы для антропологіи таранчей. Дис. СПб. 1897.
121. Carus. Symbolik der menschlichen Gestalt. 1858.
122. Quetelet. Anthropométrie de l'homme, Bruxelles 1870.
123. Pr. Hoffmann. Lehrbuch der Anatomie des Menschen 1886.
124. Ф. Эркертъ. Извѣстія Кавказскаго от. Имп. русскаго географ. Общ. т. VII. Тифлисъ 1882—83.
125. Пантюховъ И. И. Антропологическія наблюденія на Кавказѣ. Тифлисъ 1893.
126. Пантюховъ И. И. О кумыкахъ. Антроп. очеркъ. Тифлисъ 1895.
127. Свидерскій. Кумыки. Дис. Спб.
128. Weissenberg. Ein Beitrag zur Anthropologie der Türkvölke Zeitschr. f. Ethnologie 1892.
129. Поротовъ. М. Т. Къ антропологіи бурятъ. Буряты—аларцы. Дис. СПб. 1895.
130. Проф. Берви Н. В. Обработка антропологическихъ наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей. Рус. Антроп. Журн. 1901 № 2.
131. Воробьевъ. В. В. О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ Рус. Антроп. Журн. 1900 № 3.
132. Пр. Янсонъ Ю. Теорія статистики. СПб. 1891.
133. Косинскій В. А. О пріемахъ научной разработки статистическихъ данныхъ. Москва 1890.
134. Закъ Н. В. Физическое развитіе дѣтей въ средне-учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы. Дис. Москва 1892.
135. Воробьевъ В. В. Къ вопросу объ особенностяхъ физическаго строенія душевно больныхъ. О „дегенеративномъ ухѣ“. Вопросы нервно психич. медицины т. IV. 1899.
136. Воробьевъ В. В. Матеріалы къ антропологіи великорусскаго насел. нѣкот. уѣздовъ Рязанск. губ. Труды Об. Люб. Ес. Антр. и Этн. Антр. отдѣлъ т. XIX. См. также Его же Великоруссы. Рус. Антр. Журн. 1900 № 1.
137. Giuffrida-Rugieri V. Sulla dignità morphologica dei Segni detti „degenerativi“. Atti della societá Romana di Antropol. Vol IV fasc. II и III.—1896—97.
138. Knecht Ueber die Verbreitung psychischer Degenerationen bei Verbrechern u. die Beziehungen zwischen Degenerations zeichen und Neuropathien. Allg. Zeitschr. f. Psych. Bd. 40.
139. Morselli. Manuale di semejotica delle malattie mentale. Milano 1885.
140. Chantre E. Recherches anthropologiques dans l'Asie occidentale. Missions scientifiques en Transcaucasie, Asie mineure et Syrie. 1890—94. Arch. du Museum di Histoire naturelle de Lyon. T. VI Lyon 1895.

Кромѣ того, отдѣльныя, замѣчанія и цифровыя данныя объ ухѣ душевно больныхъ можно найти у Warner'а (Lancet 1890), Talbot'а (Amer. med. Assoc. 18 Janv. 1896), Lord'а, Peterson'а и другихъ англійскихъ и американскихъ авторовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Подлинные матеріалы легшіе въ основу изслѣдованія.

I. Мужчины-рязанцы (325 набл.).

Поясненія употребляемыхъ отмѣтокъ. Какъ для измѣрительныхъ, такъ и для описательныхъ признаковъ отмѣтки сдѣланы повсюду для лѣваго уха, тамъ же, гдѣ правое ухо даетъ иную цифру, эта соотвѣтствующая цифра поставлена въ скобкахъ. Измѣрительные признаки выражены въ миллиметрахъ, для описательныхъ употребляются цифровыя обозначенія соотвѣтственно схемѣ Schwalbe. Для типа цвѣтности приняты слѣдующія отмѣтки: Т—темный типъ, С—свѣтлый и К—смѣшанный (комбинированный) типъ. Для общей формы уха отмѣчается: 1—правильно-овальное ухо, 2 — суженное вверху, 3 — суженное внизу и 4 — суженное и вверху и внизу. Для прикрѣпленія уха отмѣчены буквою К случаи косого прикрѣпленія.

№	Возрастъ.	Типъ цвѣтности.	Ростъ.	Головной указатель.	Длина уха.	Ширина	Длина основанія.	Длина конхи.	Ширина конхи.	Длина мочки.	Истинная высота уха.	Длина уха безъ мочки.	Дарвиновъ бугорокъ.	Сатировъ бугорокъ.	Ножка завитка.	Верхняя часть завитка.	Нижняя часть завитка.	Crus descendens.	Козел. (tub. supratrag).	Стволъ противозавитка.	Верх. ножка противозав.	Третья ножка противоз.	Направленіе верхняго края противокозелка.	Наклонъ противокозелка кнаружи.	Форма противокозелка.	Приращеніе мочки.	Sulcus supralobularis.	Sulcus obliquus.	Направленіе мочки.	Отстояніе уха.	Прикрѣпленіе.	Общая форма уха.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
1	28	К	1647,5	80,10	62(58)	33	50	26	19	17	35	45	5(6)	—	3	3	3	—	1	1	4	—	1	2	3	3	1	3	3	2	—	1	Слѣва въ области Дарв. буг. небольшой узелокъ.
2	40	К	1580	85,39	61(63)	28	47	32	14	16	36	51	5	—	3	3	3	—	1	2	4	—	2	2	2	4	3	3	2	2	—	1	
3	24	К	1682,5	82,90	62	34	44	26	16	18	38	48	5	—	3	3	2	—	1	2	4	—	1	2	2	4	2	3	2	2	К	1	
4	30	К	1685	78,53	64(62)	31	47	25	17	17	35	49	6	—	2	2	2	—	1	2	4	—	1	3	3	4	1	3	2	2	К	1	
5	55	К	1525	87,77	59	31	47	25	19	16	33	44	5	—	3	3	3	—	1	2	3	—	2	2	2	4	2	3	2	2	—	1	
6	24	К	1600	80,77	64	32	54	30	18	18	34	50	2	—	3	2	1	—	—	1	4	—	3	1	1	3	1	1	2	2	—	3	Стволъ anthel. развитъ очень слабо (при рѣзко развитой верхней ножкѣ).
7	28	С	1655	78,12	62	33	50	27	18	16	37	49	6	—	3	3	2	—	—	3(2)	3	—	3	3	2	4	4	2	2	2	—	1	
8	41	К	1680	80,52	64	34	50	26	20	16	34	49(50)	5	—	3	3	3	—	1	2	3	—	3	2	1	4	2	3	2	2	—	4	
9	38	К	1637,5	84,06	65	34	55	26	19	16	36	50	5	—	3	3	3	—	1	2	3	—	2	2	2	1	4	2	2	2	—	4	
10	25	К	1685	77,37	59	32	46	25	17	14(15)	36	45	6	—	3	3	3	—	1	1	3	—	2	1	2	4(3)	1	3	1	3(2)	—	4(1)	На мочкѣ бородка отъ incis. intertr.
11	24	С	1542,5	76.47	59	29	48	25	16	18	33	43	5	—	2	2	2	—	1	2	2	—	2	2	3	2	4	2	2	2	—	1	
12	23	Т	1690	82,57	62(59)	35	51	26	20	19	39	46	5	—	3	3	3	—	1	1	3	—	1	2	3	4	4	2	2	3	—	1	
13	35	Т	1580	82,06	58(56)	33(32)	39	26	16	11	35	45	6(5)	2(0)	2	3	3	—	—	2	2	—	1	3	3	4	4	2	2	2	—	1	
14	21	С	1620	88,54	68	31	51	27	16	12	33	47	5	—	2	3	3	—	—	1	4	—	3	2	2	2	2	3	2	3	—	1	
15	26	С	1645	79,57	61	34	50	24	19	19	40	46	3	2	3	2	2	—	1	3	2	—	1	2	3	3	2	2	2	1	—	1	
16	21	К	1680	83,24	65	34	51	27	16	16	39	52	2	—	3	2	1	—	—	2	3	—	1	2	3	4	2	2	2	2	—	3	
17	26	К	1695	78,89	55(57)	33	42	28	16	13	33	46	5	—	3	3	2(3)	—	1	1	3	—	1	2	3	3	2	3	2	2	—	1	
18	28	Т	1680	81,91	59	33	46	24	18	17	32	46	5	2	3	3	2	—	1	3	4	—	1	3	2	4	4	2	2	3	—	4	
19	26	К	1575	85,00	56	32	44	23	20	14	34	47	6	—	2	3	2	—	—	3	4	—	2	3	2	3	4	3	2	2	—	1	
20	36	К	1695	83,68	67	35	56	29	17	21	36	48	6	—	3	2	2	—	—	3	3	—	2	3	2	3	4	2	3	2	—	3	Позавитку въ нѣск. мѣст. мелк. узел.
21	28	К	1635	84,78	59	28	45	22	15	19	32	42	3	2	3	3	3	—	1	2	3	—	3	2	1	4	4	2	2	2	—	1	Helix bandiformix.
22	32	К	1627,5	79,47	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	2	3	2	—	1	2	4	—	1	3	3	4	2	3	2	2	—	1	
23	29	К	1615	81,28	60	30	52	24	14	18	34	45	5	—	3	3	2		1	2	3	—	1	2	3	3	3	3	2	2	—	3	

24	23	С	1625	87,91	56	31	47	24	17	14	30	44	4	—	3	3	2	—	1	2	4	—	2	1	1	3	2	3	2	2	—	1	
25	28	К	1695	80,32	60	31	43	25	16	16	33	46	5	—	3	3	2	—	1	2	4	—	2	2	1	4	2	2	2	3	—	1	Мочка четыроугольная.
26	25	С	1700	85,86	59	34	50	27	18	11	36	47	5	—	3	3	2	—	1	1	3	—	2	2	3	3	3	3	2	2	—	1	На мочкѣ бороздк.отъ incisur. intertr.
27	29	Т	1615	79,89	62	34	49	25	21	14	35	49	5	—	3	3	2	—	1	3	4	—	1	3	3	3	2	2	2	2	—	1	
28	37	К	1657,5	77,54	61	33	45	25	16	15	35	48	6	—	3	3	3	—	1	3	4	—	2	2	2	3	1	2	1	2	—	1	
29	33	К	1690	83,06	60(57)	31	43	30	16	15	34	49	6	—	2	3	3	—	—	1	2	—	1	2	1	4	1	2	3	3	К	4	На мочкѣ бороздка отъ inc. intertr. На правомъ ухѣ у основанія козелка бородавки.
30	22	С	1837,5	80,83	65(63)	35	48	25	20	20	36	50	6	—	3	3	3	—	1	2	4	—	1	2	1	4	4	2	2	2	—	1	
31	22	С	1710	84,23	61	34	44	29	19	14	35	45	5	1	2	3	3	—	1	1	2	—	1	2	3	4	4	2	2	3	—	4	
32	25	Т	1765	82,52	59	34	46	26	20	18	35	47	5	—	2	3	3	—	—	2	4	—	3	2	1	4	4	2	2	2	—	2	
33	35	К	1650	84,65	66(63)	34	49	25	19	16	38	50	6	—	3	2	2	—	1	2	4	—	2	2	2	3	1	3	2	2	—	2	
34	30	К	1625	88,39	57	33	42	24	15	18	34	44	6	—	2	3	2	—	1	2	4	—	1	2	3	4	2	3	2	2	—	1	
35	27	К	1585	80,95	56	28	47	23	13	15	33	43	5	—	2	3	2	—	1	2	3	—	1	2	3	4	3	3	1	2	—	1	
36	30	К	1665	77,25	57	32	44	24	16	14	33	45	6	—	2	2	2	—	1	2	4	—	2	2	2	3	2	3	2	2	—	1	
37	31	Т	1670	77,73	62	31	45	28	16	18	33	48	6(4)	—	2	3	2	—	1	2	4	—	1	2	3	4	2	3	2	2	—	1	
38	22	Т	1727,5	78,37	60	35	47	20	19	14	40	47	6	—	3	2	2	—	1	2	2	—	2	2	3	3	2	3	1	1	—	1	
39	33	К	1612,5	81,91	60	32	44	24	15	15	32	46	6	—	2	3	3	—	1	3	4	—	3	2	1	3	4	2	2	2	—	1	
40	35	С	1692,5	81,63	64	35	49	26	18	16	36	51	6	1	2	3	4	—	—	1	3	—	1	2	1	3	2	3	2	2	—	4	
41	26	Т	1722,5	82,44	62	37	47	26	20	17	37	47	6	—	3	2	2	—	—	3	3	—	2	3	3	4	3	3	2	2	—	4	Helix bandifor.
42	32	К	1647,5	83,87	66(64)	28	57	30	14	18	33	51	5	2	2	3	2	—	—	2	3	—	1	2	3	3	3	2	2	2	—	2	
43	30	К	1640	78,19	56	33	45	21	18	15	35	46	6	1(2)	2	3	2	—	1	3	4	—	1	2	3	3	3	2	2	2	—	2	
44	34	К	1730	80,52	64	35	50	22	20	18	37	48	5	—	3	3	3	—	1	3	3	—	1	3	3	3	4	3	2	2	—	3	
45	19	Т	1637.5	86,66	59(57)	31	41	24	17	16	34	44	6	—	2	3	3(?)	—	—	2	3	—	1	2	3	3	4	3	2	2	—	3	
46	36	К	1705	82,72	56	32	43	24	16	17	35	43	6	—	2	3	3	—	—	2	3	—	3	2	1	4	4	2	2	2	—	3	
47	36	С	1640	83,79	62	37	50	24	22	17	40	45	5(2)	—	3	2	2	—	—	2	3	—	2	2	2	4	4	2	2	2	—	1	
48	56	С	1650	78,86	67	33	48	28	18	19	36	51	6	—	3	3	3	—	1	3	4	—	2	3	1	4	4	2	2	2	К	1	На мочкѣ бороздка отъ incis. intertr.
49	24	К	1682,5	84.78	56	32	44	25	17	15	38	46	5	—	3	3	3	—	—	3	3	—	2	2	1	3	2	3	2	2	—	1	
50	30	К	1717,5	80,00	60	32	41	26	15	16	35	48	6	—	2	2	2	—	—	3	4	—	2	2	2	4	2	3	2	2	—	1	
51	27	С	1580	79.58	64	33	48	26	19	16	36	50	6	—	2	3	2	—	—	3	4	—	1	2	3	2	3	2	1	2	—	1	
52	38	К	1800	86,41	64	33	52	26	17	19	37	49	6	—	3	3	3	—	—	3	4	—	1	2	3	4	2	3	2	1	—	1	
53	33	К	1595	79,79	6[illegible](61)	35	45	23	17	19	37	42	5	—	2	3	2	—	1	2	4	—	1	2	3	4	3	2	3	1	—	1	
54	28	К	1640	81,25	56	32	44	27	16	13	35	47	5	—	3	3	3	—	1	2	4	—	1	2	3	3	2	3	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. intertr.
55	20	К	1710	83,15	63	31	51	28	16	18	35	44	6	—	1	3	3	—	1	2	4	—	3	1	1	4	3	2	2	2	—	1	Мочка угловатая.
56	29	К	1690	82.72	61	34	46	23	17	16	36	47	5	—	3	3	3	—	1	2	3	—	1	1	2	3	1	3	2	2	—	1	
57	23	С	1635	86.95	63	34	45	24	18	19	34	48	5	—	2	3	3	—	1	2	4	—	1	3	3	4	3	3	3	3	—	1	
58	28	К	1630	82,19	57	33	49	26	17	14	36	46	6	—	2	3	3	—	1	2	3	—	2	2	2	3	2	3	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. intertr.
59	18	Т	1687,5	81,82	57	29	44	25	14	16	32	46	6	—	2	3	3	—	1	2	3	—	2	1	3	4	1	3	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. intertr.
60	28	К	1677,5	83,07	58(60)	34	39	26	18	18	34	44	6(4)	—	2	3	3	—	1	2	4	—	2	2	2	4	2	2	2	2(3)	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. intertr.

№	Возрастъ.	Типъ цвѣтности.	Ростъ.	Головной указатель.	Длина уха.	Ширина.	Длина основанія.	Длина конхи.	Ширина конхи.	Длина мочки.	Истинная высота уха.	Длина уха безъ мочки.	Дарвиновъ бугорокъ.	Сатировъ бугорокъ.	Ножка завитка.	Верхняя часть завитка.	Нижняя часть завитка.	Crus descendens.	Козел. (tub. supratrag.).	Стволъ противозавитка.	Верх. ножка противозав.	Третья ножка противоз.	Направленіе верхняго края противокозелка.	Наклонъ противокозелка кнаружи.	Форма противокозелка.	Приращеніе мочки.	Sulcus supralobularis.	Sulcus obliquus.	Направленіе мочки.	Отстояніе уха.	Прикрѣпленіе.	Общая форма уха.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
61	32	К	1727,5	83,87	61	33	51	24	16	16	35	48	6	—	3	3	2	—	1	2	3	—	3	2	2	2	3	3	2(3)	2	К	1	
62	32	Т	1750	76,24	64	29	48	29	13	17	31	51	5	—	2	3	3	—	1	2	4	—	1	2	3	4	3	3	2	2	—	1	
63	20	К	1650	75,84	63(65)	32	51	28	14	19	34	49	5	—	2	3	3	—	1	2	2	—	3	3	2	4	3	2	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
64	27	К	1855	80,30	62(67)	28	52	29	16	16	34	49	6	—	2	3	3	—	1	1	4	—	2	2	2	2	3	3	3	2	—	1	
65	29	К	1670	84,23	61	30	54	26	16	14	32	46	5	—	2	3	2	—	1	2	3	—	3	1	1	2	1	3	2	2	—	1	
66	28	С	1762,5	82,79	61	30	50	31	14	13	34	50	4	—	2	2	2	—	1	1	2	—	1	2	2	2	2	2	2	3	—	1	
67	20	К	1687,5	84,78	59(61)	35	47	27	20	15	37	48	5	—	3(2)	3(2)	2	—	1	2(1)	4	—	1	2	3	2	3	3	2	2(3)	—	1	
68	27	К	1635	76,76	61(59)	34	50	27	18	15	38	48	6	—	3	3	3	—	1	2	3	—	1	2	3	2	2	3	1	1	—	1	
69	30	Т	1532,5	79,67	63	34	54	26	15	18	36	46	5(4)	—	3	3	3	—	1	2	4	—	3	2	1	2	1	2	2	2	—	1	На прав. ухѣ немного выше Дар. буг. часть завитка вырѣзана.
70	26	К	1575	81,28	58	33	47	25	18	16	33	46	5	—	3	3	3	—	1	2	3	—	2	3	2	2	3	3	2	2	—	1	
71	23	С	1705	80,42	63	28	52	27	16	18	36	48	5	—	3	3	3	—	1	2	4	—	1	2	3	2	2	3	2	2	—	1	
72	27	К	1767,5	81,00	71	40	56	28	19	17	40	54	6	—	2	3	3	—	1	2	3	—	2	2	2	2	1	3	1	2	—	1	
73	40	К	1545	81,35	57	33	46	24	16	13	35	45	4	—	2	3	3	—	1	2	3	—	1	3	3	2	2	3	1	2	—	1	
74	31	Т	1595	75,79	63(60)	32	52	27	14	17	34	49	6	—	3	3	3	—	1	2	2	—	1	1	3	3	3	2	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
75	21	Т	1595	78,30	54	30	45	25	17	15	32	45	6	—	2	3	3	—	1	2	4	—	1	1	3	3	2	3	2	2	—	1	
76	19	С	1630	78,92	62(65)	31	46	24	15	18	32	47	6	—	2	3	3	—	1	2	4	—	3	1	1	4	3	3	2	2	—	1	
77	31	К	1660	78,80	60	34	48	26	21	14	36	48	4	—	2	3	3	—	1	2	3	—	2	1	2	4	1	2	1	2	—	1	Helix bandifor.
78	38	К	1685	79,78	61	28	48	27	15	15	35	50	5	—	3	2	3	—	1	2	3	—	3	1	2	4	2	3	2	2	—	1	Посерединѣ завитка выемки. На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
79	60	К	1657,5	78,07	62	31	45	27	17	17	34	47	5	—	2	3	3	—	1	2	4	—	3	2	1	4	2	3	2	2	—	1	
80	55	С	1725	79,50	62	31	46	31	18	16	34	48	4	—	3	3	3	—	1	2	4	—	2	2	3	4	3	3	2	2	—	1	
81	20	К	1600	79,23	60(58)	29	49	27	14	16	31	47	6	—	3	3	3	—	1	2	4	—	3	3	3	3	2	3	3	2(3)	—	1	
82	44	Т	1665	78,78	65	29	54	31	16	16	36	50	5	—	2	3	3	—	1	2	3	—	1	2	3	4	2	3	2	2	—	1	
83	45	К	1652,5	79,05	68(65)	35(37)	56	30	21	21	33	50	5	—	2	3	3	—	1	2	4	—	1	3	1	3	3	3	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ incis. int.
84	36	К	1650	84,91	59	32	44	25	19	14	36	45	5(4)	—	2	2(3)	3	—	1	2	4	—	2	2	3	3	3	3	2	2	—	1	
85	30	К	1585	83,88	56	32	43	25	16	15	35	44	6	—	3	3	3	—	1	2	4	—	2	2	2	3	2	3	2	2	—	1	Стволъ противоз. выраж. слабо.
86	27	Т	1525	80,21	61	34	43	26	19	18	35	48	5	—	3	3	3	—	1	2	4	—	1	2	3	4	2	3	2	2	—	1	
87	29	К	1685	82,90	58(61)	32	45	22	15	17	36	42	6	—	2	3	3	—	1	2	2	—	1	2	3	3	3	3	2	2	—	1	
88	27	Т	1900	86,95	65	33	44	26	18	17	38	49	5	—	3	3	3	—	1	2	2	—	1	2	3	4	3	3	2	2	—	1	
89	54	К	1745	82,06	64(61)	34	45	23	24	18	38	47	5	—	3	3	3	—	1	2	4	—	1	2	2	4	2	3	2	2	—	1	
90	18	К	1770	85,05	61	86	14	20	15	14	84	47	6	—	3	3	3	—	1	2	4	—	1	2	3	4	1	8	8	9	—	1	

91	30	К	1665	81,25	65	33	50	27	19	21	34	51	5	—	2	3	3	—	1	2	4	—	1	2	3	4	3	3	2	2	—	1	
92	26	К	1707,5	85,94	66	34	16	31	15	19	35	51	6	—	2	3	3		1	2	4	—	2	2	3	4	2	3	2	2	—	1	
93	25	Т	1775	80,61	60	30	46	28	16	19	33	47	5	—	3	3	3	—	1	2	3	—	1	1	3	4	3	2	2	2	—	1	
94	47	К	1630	82,35	61	36	43	26	14	14	34	50	5	—	2	3	3	—	1	1	2	—	2	3	1	3	2	3	2	2	—	1	Helix band.
95	35	К	1715	82,35	63	34	55	27	18	15	35	48	6	—	3	3	3	—	1	2	3	—	1	2	3	2	2	2	2	2	—	1	
96	29	К	1647,5	82,10	60	29(27)	49	26	16	15	31	45	6	—	2	3	3	—	1	2	4	—	2	2	2	2	2	2	2	3	—	1	Helix широкъ, грубъ.
97	28	К	1675	77,89	63	33	51	27	15	18	32	47	5	—	3	3	3	—	1	1	2	—	1	2	1	2	3	3	2	3	—	1	Helix грубъ.
98	31	К	1577,5	80,85	66	36	54	23	20	19	35	43	5	—	3	3	3	—	1	2	2	—	1	2	3	1	3	3	2	2	—	4	Близъ Дарвин. буг. по завитку мелкіе узелки.
99	35	К	1705	79,38	65	31	55	25	15	20	34	46	5	—	2	3	2	—	1	2	3	—	2	2	2	1	3	2	2	1	—	3	
100	42	С	1695	78,23	63(65)	34	49	31	16	17	36	50	5	—	2	3	3	—	1	1	3	—	1	1	1	4	3	3	2	3	—	1	
101	26	К	1655	78,83	66	35	49	25	21	18	39	48	5	—	3	3	2	—	1	2	3	—	2	2	2	4	2	3	1	2	—	1	
102	26	К	1602,5	81,21	60	32	45	27	17	16	35	48	5	—	2	3	3	—	1	2	4	—	2	1	3	3	3	3	2	2	К	1	
103	48	К	1640	82,06	64(62)	33	50	28	15	19	34	46	6	—	3	3	3	—	1	1	2	—	1	2	3	4	2	3	2	2	—	3	Деформированная копха.
104	23	К	1715	81,58	65	36	48	26	18	19	38	50	6	—	3	3	2	—	1	2	4	—	2	2	1	4	2	3	2	3	—	3	На мочкѣ бороздка отъ incis. int.
105	25	К	1630	82,88	59	27	48	27	14	17	31	43	6	—	3	2	2	—	1	2	2	—	2	1	3	4	1	3	2	2	—	2	idem.
106	29	К	1675	82,29	64(66)	37	53	26	17	17	38	51	5	—	2	3	2	—	1	2	4	—	2	2	2	3	2	3	2	2	—	1	
107	20	К	1552,5	84,83	60	35	41	25	18	17	37	47	5	—	2	3	2	—	1	2	4	—	1	2	3	4	2	3	2	2	—	3	
108	42	К	1660	75,51	62(59)	33	49	26	17	18	35	47	6	—	2	2	2	—	1	2	3	—	2	3	3	4	2	3	2	2	—	1	Оба уха вверху отстоятъ отъ черепа больше чѣмъ внизу.
109	20	С	1600	79,89	59	32	46	24	16	18	33	46	5	—	3	3	2	—	1	2	4	-	1	1	3	4	2	2	1	2	—	3	Incis. intertr. неправ. сформирована, широка.
110	33	К	1642,5	78,72	65(66)	35	50	30	18	19	37	48	6	—	3	3	3(2)	—	1	2	4	—	3	2	1	4	2	2	2	2	—	3	
111	46	С	1730	89,50	62(64)	35	52	26	19	19	36	47	4(6)	—	3	3	3	-	1	2	3	—	1	2	3	3	3	3	2	2	—	3	
112	21	С	1585	83,06	58	31	46	24	20	19	35	45	5	—	2	3	3	—	1	2	4	—	1	3	3	4	3	3	2	2	—	3	
113	36	К	1662,5	82,51	64	34	48	27	19	18	38	51	5	-	3	3	3	—	1	3	4	—	3	1	1	3	3	3	2	2	—	3	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
114	44	С	1587,5	78,37	61	33	48	28	17	17	35	47	6	—	3	3	3	—	—	2	4	—	1	2	3	4	2	3	2	2	—	3	
115	24	К	1642,5	81,82	61	32	49	26	15	15	36	45	5	—	3	3	3	—	1	2	4	—	2	2	3	3	3	2	2	2	—	3	
116	32	К	1677,5	76,28	60	27	52	24	14	18	34	45	3	—	2	3	2	—	1	2	3	—	2	2	2	3	3	2	2	2	—	3	Helix bandif.
117	55	К	1652,5	80,52	60	35	51	26	20	16	37	47	6	—	2	3	3	—	1	2	4	—	2	2	1	3	2	3	2	2	—	3	
118	25	К	1602,5	79,05	61	32	54	25	16	16	35	46	6	—	2	3	2	—	1	3	4	—	2	2	1	2	2	3	2	2	—	1	
119	27	К	1580	79,78	60(57)	32	47	26	18	14	35	50	6(4)	—	2	2	2	—	1	3	4	—	2	1	2	2	1	2	2	2	—	1	
120	29	С	1730	76,53	62	34	53	29	19	15	37	50	5	—	3	3	2	—	1	3	3	—	3	2	3	2	2	3	2	2	—	1	
121	34	Т	1655	78,72	59(63)	33	49	25	18	14	35	48	6	—	3	2	2	—	1	3	3	—	2	1	3	2	1	3	2	2	—	1	
122	23	С	1617,5	81,72	63	28	54	26	14	19	31	45	5	2	2	3	3	—	1	2	2	—	2	2	3	2	2	1	3	2	—	3	Завитокъ въ зазубринахъ.
123	23	Т	1652,5	84,32	61	30	53	28	18	17	31	47	6(5)	0(1)	3	3	3	—	1	2	3	—	3	3	2	2	4	3	3	2	—	1	По краю зав. узелки въ обл. Д.б., а на правомъ ухѣ и въ обл. С. б.
124	20	Т	1595	80,74	57(60)	31	45	23	17	14	33	46	5	—	3	3	3	—	—	2	4	—	1	2	3	2	2	3	2	2	—	1	
125	25	К	1630	80,43	56	28	44	24	15	13	33	44	5	—	3	3	3	—	—	2	3	—	1	2	3	2	1	3	2	2	—	1	
126	23	С	1610	77,00	66	34	54	27	18	16	37	50	5	—	3	3	3	—	1	2	4	—	2	3	3	3	2	2	1	2	—	1	
127	19	К	1665	81,15	61(59)	34	46	28	20	15	37	51	5	—	2	3	3	—	1	2	2	—	1	2	3	4	1	3	2	2	—	3	

№	Возрастъ.	Типъ цвѣтности.	Ростъ.	Головной указатель.	Длина уха.	Ширина.	Длина основанія.	Длина конхи.	Ширина конхи.	Длина мочки.	Истинная высота уха.	Длина уха безъ мочки.	Дарвиновъ бугорокъ.	Сатировъ бугорокъ.	Ножка завитка.	Верхняя часть завитка.	Нижняя часть завитка.	Crus dencendens.	Козел. (tub. supratrag).	Стволъ противозавитка.	Верх. ножка противозав.	Третья ножка противоз.	Направленіе верхняго края противокозелка.	Наклонъ противокозелка кнаружи.	Форма противокозелка.	Приращеніе мочки.	Sulcus supralobularis.	Sulcus obliquus.	Направленіе мочки.	Отстояніе уха.	Прикрѣпленіе.	Общая форма уха.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
128	20	К	1630	80,19	61(56)	29	47	27	13	16	30	51	6	—	2	3	3	—	1	2	3	—	2	2	2	4	2	3	2	3	—	3	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
129	34	К	1697,5	81,67	61(58)	34	52	32	16	14	35	51	6	—	2	3	3	—	1	2	4	—	2	1	2	4	2	3	2	3	—	3	
130	26	К	1687,5	80,00	64	32	54	25	18	22	34	44	5	—	3	3	3	—	1	2	3	—	2	2	2	2	4	3	2	2	—	1	
131	29	С	1680	86,81	63	29	54	27	14	16	31	48	5	—	3	3	3	—	1	2	3	—	2	1	3	3	3	3	1	2	—	3	
132	32	С	1600	79,78	64	33	53	28	19	17	36	48	5	—	3	3	3	—	1	2	4	—	3	2	2	2	4	2	2	3	—	1	
133	32	К	1710	85,63	58	34	46	27	18	15	36	48	3	—	3	2	2	—	—	2	3	—	1	2	3	2	3	3	2	2	—	1	
134	36	С	1720	82,44	62	32	53	30	15	15	33	49	5	—	2	2	2	—	—	2	2	—	1	2	3	2	3	2	2	2	—	1	
135	30	К	1670	83,37	57	35	44	25	20	10	40	44	5	—	1	3	3	—	1	1	2	—	3	1	1	3	2	3	2	3	—	3	
136	27	Т	1647,5	78,94	66	33	54	26	16	19	37	50	3	—	2	2	1	—	1	3	3	—	2	2	3	3	2	2	1	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
137	24	С	1570	81,67	56	36	39	23	18	12	36	46	2	—	3	2	1	—	1	3	3	—	2	2	2	4	1	2	2	2	—	1	
138	34	К	1630	81,15	61(59)	34	48	29	16	14	38	51	2	—	3	2	1	—	1	3	2	—	3	2	2	3	2	3	2	2	—	3	
139	24	Т	1632,5	84,78	59	34	44	24	21	12	41	49	3	—	3	3	1	—	—	3	2	—	2	2	2	3	2	2	2	2	К	3	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
140	20	К	1702,5	79,79	60	34	46	26	18	14	35	46	2	—	3	3	1(2)	—	—	3	3	—	2	2	3	3	1	2(3)	1	2	—	1	
141	21	С	1672,5	82,16	61(64)	32	51	25	15	16	33	47	2(5)	—	3	2(3)	1(2)	—	1	3	4	—	2	2	2	2	2	3	2	2	—	3	На мочки бороздка отъ inc. int.
142	21	К	1457,5	80,55	55(59)	34	50	20	20	16	38	42	2(4)	—	2	2	1(2)	—	—	1	1	—	1	1	3	1	1	1	2	1	К	3	Anth. очень слабо развитъ (валикъ его отсутствуетъ).
143	22	С	1635	80,54	63	31	52	25	14	19	31	45	2	—	3	2	2	—	1	2	4	—	1	1	3	1	2(4)	3	2	2	—	3	
144	36	С	1710	85,08	60	30	51	28	16	14	34	47	2	1	4	2	1	—	1	3	4	—	2	3	3	1	4(3)	2	2	2	—	4	
145	25	С	1642,5	80,00	57	36	46	24	18	14	39	46	2(6)	—	3	2	1(2)	—	1	1	2	—	1	1	3	2	2	3	2	2	—	3	
146	36	К	1725	84,53	58	34	43	27	18	16	34	45	5	—	2	3	2	—	1	3	4	—	2	3	3	4	3	3	2	1	—	4	
147	24	Т	1630	79,38	60	32	54	30	19	14	36	48	5(4)	—	3	3	3	—	1	2	4	—	3	3	2	1	4	2	2	2	—	3	
148	27	С	1665	81,(5	65	36	56	26	22	18	37	50	6	—	3	3	3	—	—	2	2	—	1	2	1	1	3	3	2	2	—	3	
149	19	С	1690	81,48	54(59)	32	43	23	16	14	31	42	6	—	2	3	2	—	1(0)	2	4	—	1	1(2)	3	2	2	3	2	2	—	1	
150	20	К	1602,5	84,57	58(55)	31	49	26	16	17	31	44	6	—	3	3	1(2)	—	1	2	4	—	2	2	2	2	2	2	2	2	—	1	
151	28	К	1450	89,02	68(60)	30	63	29	13	21	35	34	2	—	2	2(3)	1(2)	—	1	1	1	—	3	2	1	1	1(2)	1(2)	2	2	—	1	Anth. очень слабо развитъ (валикъ его отсутствуетъ).
152	28	К	1652,5	85,08	61	35	55	27	20	17	37	45	2	—	[illegible]	2	1(2)	—	1	3	2	—	3	1	2	1	2	2	1	2	К	3	Helix справа въ средней части перехваченъ (дефектъ).
153	21	К	1642,5	80,66	60	32	51	29	20	19	35	44	5	—	3	3	3	—	—	2	2	—	2	2(3)	1	1	2(4)	2(3)	2	2	—	3	
154	20	Т	1597,5	83,60	60	32	51	26	20	16	38	47	6	—	3	3	2	1	—	3	2	—	2	3	3	2	2(4)	3(2)	2	2	—	1	Crus desc. hel. выполняющая не всю конху.
155	20	К	1587,5	79,68	60	31	52	24	16	16	34	46	6	2(0)	2	3	2	—	1	3	4	—	1	2	3	2	4	2	2	2(3)	—	2	
156	20	К	1440	85,10	57	27	43	21	16	14	31	42	5	2	2	3	3(1)	—	—	2	4	—	1	1	3	1	4	2	2	2	—	4	
157	49	К	[illegible]	81,77	77(75)	34	66	30	20	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	

159	19	Т	1645	82,60	64	33	48	25	18	18	38	48	6	—	2	3	2	—	1	1	2	—	3	2	1	4	3(4)	3	2	3	—	1	На лѣв. ухѣ въ обл. Д. б. узелокъ (двойной Д. б.).
160	27	С	1600	78,06	62	34	52	27	18	16	34	46	6	—	3	3	3	—	1	2	4	—	1	2	2	2	3	3	2	3	К	4	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
161	31	Т	1737,5	77,50	60	34	49	28	17	14	35	48	6	—	3	3	3	—	1	2	4	—	2	1	2	2	3(1)	3	2	2	—	1	
162	28	Т	1680	82,60	55(59)	33(32)	43	25	19	14	37	47	5	—	2	2(3)	2(3)	—	—	2	2	—	2	2	3	4	3	2	2	2	—	1	
163	39	С	1640	76,72	59	32	48	25	16	15	33	44	6	—	2	3	3	—	1	2	3	—	1	2	3	2	2	3	3	3	—	2	
164	35	Т	1642,5	78,84	64	32	58	29	17	19	35	49	5	—	2	3	3	—	1	2	2	—	1	2	3	2	3	3	2	2	—	4	
165	27	К	1662,5	85,16	57	34	48	29	15	15	35	47	5	—	3	3	3	—	—	2	3	—	1	2	3	3	3	3	2	2	—	3	
166	24	С	1627,5	78,02	61	32	50	24	19	16	37	48	2	—	2	2	2	—	—	1	4	—	3	2	1	1	4	2	2	3	—	3	Въ области сат. б. узелокъ.
167	27	К	1655	82,44	62	33	51	27	19	14	38	48	2	—	3	2	2	—	—	2	4	—	2	3	2	1	4	3	2	2	—	3	
168	31	К	1720	89,56	64	35	53	29	19	15	39	52	2	—	2	2	2	—	1	3	4	—	1	3	2	1	4	3	2	2(3)	—	3	
169	28	К	1560	86,74	60	31	48	24	15	18	34	44	2	—	3	2	1	—	—	3	3	—	1	1	3	1	1	1	2	2	К	3	
170	20	С	1685	80,00	66	34	53	29	18	16	37	52	2	—	2	2	1	—	—	3	3	—	2	2	3	2	3	2	2	2	—	1	
171	43	К	1612,5	79,50	68	32	57	30	16	16	39	54	2	—	2	2	1	—	1	3	2	—	2	2	2	2	4	2	2	2	—	1	Hel. и Anth. въ серединѣ прерываются (дефектъ). На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
172	32	Т	1705	81,82	64	36	54	29	22	14	38	53	6	—	2	3	3	—	1	3	4	—	2	2	1	2	2	3	2	2	—	1	
173	32	К	1607,5	79.68	66(69)	30	54	26	16	19	35	46	2	—	2	2	2	—	—	2	3	—	3	2	2	1	2	2	2	2	К	3	Helix очень коротокъ (рано конч.)
174	20	К	1645	83,51	59	29	55	26	15	18	32	45	6	—	3	3	2	—	1	3	4	—	2	2	2	1	1	2	1	2	—	3	
175	23	С	1642,5	81,91	59	30	49	28	13	12	33	48	6	—	2	2	2	—	1	3	4	—	2	2	3	1	1	3	2	2	—	3	
176	24	Т	1650	82.58	63(59)	34	51	24	17	17	36	44	5	—	3	3	3	—	1	3	4	—	2	1	2	1	2	2	2	2	—	3	
177	48	К	1675	78,94	71	36	58	29	20	21	41	53	4	—	3	3	2	—	1	3	5	—	2	2	2	1	3	3	1	2	—	3	Выемка въ верх. части завитка. На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
178	22	К	1620	84,15	58	30	48	26	15	16	31	45	1	1	2	3	1	—	1	2	2	—	3	2(3)	2	3	2(3)	2(3)	2	2	—	1	
179	30	Т	1697,5	85,18	59	33	45	26	20	16	38	45	5	—	2	3	3	—	—	2	3	—	1	2	3	3	1	3	1	2	—	3	
180	24	С	1665	85,71	65	32	53	26	17	15	40	51	5	—	2	3	3	—	1	2	3	—	2	2	3	1	2	3	2	2	—	3	
181	20	К	1595	81,52	60	33	43	22	16	18	35	46	5	—	3	2	2	—	—	2	2	—	3	2	1	4	2	2	2	2	—	3	
182	37	К	1700	76,56	66	36	54	27	20	19	38	51	6	—	2	3	3	—	—	2	4	—	3	2	2	1	4	2	2	2	—	3	
183	22	К	1747,5	83,24	56(58)	31	43	23	16	16	33	40	5	—	3	3	2	—	—	2	3	—	2	2	3	4	2	3	2	2	—	3	
184	24	Т	1667,5	82,60	67	35	46	24	15	20	39	50	4(5)	—	3	2	2	—	—	2	3	—	1	2	3	4	3(4)	3	2	2	—	3	
185	29	К	1575	82,10	55(57)	30	48	22	18	16	32	40	6	—	3	3	2	—	—	2	4	—	1	2	3	2	1	3	1	2	—	3	Въ области Д. буг. узелки.
186	21	К	1610	76,19	60	34	49	26	19	15	35	51	5	—	3	3	2	—	1	3	4	—	3	2	2	1	3	3	2	2	—	3	
187	26	Т	1710	84,49	64	34	52	24	19	16	37	47	5	—	2	3	3	—	1	3	3	—	1	2	3	1	2	3	2	2	—	3	
188	50	С	1600	82,98	64	32	54	27	16	19	32	41	6	—	3	3	3	—	1	2	3	—	2	2	3	1	4	2	1	2	—	3	
189	40	Т	1550	86,20	58	31	52	21	17	16	36	44	5	—	3	3	3	—	1	2	3	—	1	3	3	1	4	3	2	2	—	3	
190	42	К	1742,5	80,73	66(64)	34	47	29	20	20	36	50	6	—	2	3	3	—	1	2	4	—	1	2	3	4	4	3	2	2	—	1	
191	52	К	1712,5	83,69	68	35	50	28	18	20	36	47	5	—	2	3	3	—	1	2	3	—	2	1	2	4	4	3	2	1	—	3	
192	25	К	1710	82,54	62	34	49	28	19	19	33	45	5	—	2	3	3	—	1	2	3	—	1	3	3	4	4	2	2	2	—	3	
193	35	К	1595	80,00	63	31	46	27	18	19	36	46	5	—	2	3	3	—	1	2	2	—	1	3	3	4	4	3	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
194	28	К	1682,5	75,61	64	34	45	27	18	18	39	50	4	—	3	3	3	—	1	2	3	—	2	2	2	4	4	2	1	1	—	3	Idem. Въ области Д. б. узелокъ (двойной Д. б.).

№	Возрастъ.	Типъ цвѣтности.	Ростъ.	Головной указатель.	Длина уха.	Ширина.	Длина основанія.	Длина конхи.	Ширина конхи.	Длина мочки.	Истинная высота уха.	Длина уха безъ мочки.	Дарвиновъ бугорокъ.	Сатировъ бугорокъ.	Ножка завитка.	Верхняя часть завитка.	Нижняя часть завитка.	Crus descendens.	Козел. (tub. supratrag).	Стволъ противозавитка.	Верх. ножка противозав.	Третья ножка противоз.	Направленіе верхняго края противозавитка.	Наклонъ противокозелка кнаружи.	Форма противокозелка.	Прирощеніе мочки.	Sulcus supralobularis.	Sulcus obliquus.	Направленіе мочки.	Отстояніе уха.	Прикрѣпленіе.	Общая форма уха.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
195	37	К	1652,5	83,06	69(66)	36	56	29	20	19	40	51	5	—	3	3	3	—	1	2	2	—	2	3	1	3	4	2	2	2	—	3	
196	39	К	1707,5	77,72	71	33	56	31	14	22	38	48	5	—	2	3	2	--	1	2	2	—	1	2	2	4	4	2	2	2	—	3	
197	19	К	1695	81,05	61	32	47	26	16	15	35	48	2	—	3	2	1	—	1	3	4	—	1	1	3	4	2	3	2	2	—	1	Въ области Д. б. узелки. На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
198	28	С	1732,5	78,53	62	32	47	28	17	16	34	48	6	—	2	3	2	—	1	2	3	—	3	2	1	4	4	2	2	2	—	1	
199	42	К	1557,5	77,55	60	33	48	5	18	18	35	46	6	—	2	2	2	—	1	2	2	—	1	3	2	3	4	3	2	2	—	1	
200	55	К	1617,5	84,15	56	31	43	23	16	14	33	44	6(5)	2	2	3	3	—	1	2	4	—	1	1	3	4	3	2	2	2	—	1	На прав. ухѣ helix bandiformix.
201	26	С	1580	76,34	61	30	51	26	14	19	35	48	5	2	2	3	3	—	1	2	3	—	3	1	2	4	3	2	2	2	—	1	Helix широкъ, грубъ.
202	26	К	1687,5	80,80	56	31	43	25	17	16	34	43	6	2	2	3	3	—	1	2	3	—	2	1	1	4	3	3	2	2	—	2	
203	25	К	1622,5	82,72	60(58)	34	48	28	20	14	38	50	6(5)	0(2)	3	2	2	—	1	2	3	—	1	2	3	3	2	3	2	2	—	1	
204	27	К	1535	86,36	63(61)	34	46	25	19	20	38	46	5	—	3	3	3	—	1	3	3	—	1	3	2	4	2	3	2	2	—	1	
205	21	К	1660	78,01	67(64)	35	52	28	19	19	39	50	5	—	2	3	2	—	1	3	3	—	2	2	2	4	3	3	2	1	—	1	
206	22	Т	1730	82,63	62	33	42	26	18	18	35	46	5	—	2	3	2	—	1	3	3	—	1	2	3	4	1	3	2	2	—	1	
207	34	К	1612,5	79,27	66(68)	36	55	27	20	21	30	50	6	—	3	3	2	—	1	3	2	—	2	2	2	4	2	3	3	2	—	1	Въ области сат. б. узелки.
208	24	К	1665	85,47	56	32	46	26	18	14	37	44	5	—	2	3	2	—	1	3	3	—	3	1	2	3	1	2	1	2	—	1	
209	22	К	1560	80,42	59	34	48	26	19	14	38	48	6	—	2	2	2	—	1	3	4	—	2	2	2	3	2	3	1	2	—	1	
210	33	Т	1640	80,83	66	35	43	29	18	18	37	52	5	—	3	2	2	—	1	3	4	—	3	2	1	4	1	2	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
211	25	С	1652,5	79,33	59	38	43	23	22	13	38	50	6	—	3	2	2	—	1	3	4	—	2	2	2	3	2	2	2	2	—	1	
212	33	К	1657,5	80,00	56(59)	36	45	22	21	16	37	44	5	—	3	3	2	—	1	3	4	—	1	2	3	3	2	3	2	2	-	1	
213	23	К	1715	78,39	60(57)	37	46	27	17	17	37	48	5	—	3	2	2	—	1	3	4	—	1	3	2	3	2	3	1	1	—	1	
214	35	С	1652,5	83,69	58(61)	33	46	24	20	16	37	47	5	—	2	2(3)	3	—	1	3	4	—	2	2	1	4	3	3	2	2	—	1	
215	20	К	1807,5	82,70	61	34	48	30	19	16	34	52	5	—	2	3	3	—	1	3	4	—	3	2	2	3	2	3	1	2	—	1	
216	50	К	1760	81,58	60(62)	33	47	26	16	16	32	48	5(6)	—	3	3	3	—	1	3	4	—	1	2	3	4	2	3	2	2	—	1	
217	36	Т	1567,5	86,02	59	34	46	26	20	13	36	50	5	—	3	2	2	—	1	3	3	—	3	2	1	3	2	2	2	2	К	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
218	44	К	1627,5	80,11	65	35	47	28	20	18	37	51	6(5)	—	2	3	3(2)	—	1	3	4	—	1	2	3	4	2	2	2	2	К	1	
219	36	С	1630	76,59	61	31	49	26	15	16	32	49	5	—	3	3	3	—	1	3	2	—	2	1	1	4	2	2	2	1	К	1	
220	56	С	1695	82,41	60	38	45	27	18	14	37	48	6	—	3	3	3	—	—	2	4	—	1	2	3	4	1	3	2	1	—	1	
221	47	К	1665	81,05	68	34	49	29	16	20	35	50	4	—	2	3	3	—	—	2	3	—	1	1	3	4	2	3	2	2	—	1	
222	41	Т	1525	84,57	60(65)	35	44	23	20	19	39	45	6	—	2	2	2	—	—	1	2	—	3	2	2	4	3	3	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
223	38	С	1637,5	82,41	55(59)	36	42	26	19	14	36	43	6	—	3	3	3	—	—	2	4	—	2	2	2	4	1	3	2	2	—	1	

225	29	Т	1577,5	79,47	60	34	51	27	19	15	36	48	5	—	2	3	3	—	—	2	4	—	1	3	3	3	2	3	2	2	...	1	
226	20	С	1565	75,89	58	31	44	23	18	17	36	44	5	—	3	3	2	—	—	2	4	—	2	2	2	4	2	3	2	2	—	1	
227	24	К	1622,5	78,89	59	32	42	26	18	15	36	46	5	—	2	3	2	—	—	1	4	—	3	2	1	4	2	3	1	2	—	1	
228	25	С	1692,5	80,66	61	32	46	29	18	20	36	46	5	—	3	3	3	—	—	2	3	—	1	1	3	4	3	3	2	2	—	1	
229	19	Т	1675	79,58	59	32	44	25	17	14	35	49	6	—	3	3	3	—	—	2	3	—	2	3	2	3	3	2	2	3	—	1	
230	19	Т	1695	81,96	59	32	42	25	15	18	34	45	5	—	2	3	3	—	—	2	3	—	1	2	3	4	1	3	2	2	—	1	
231	20	К	1647,5	86,41	60	32	43	28	18	17	35	48	5	—	2	3	3	—	—	2	3	—	3	1	1	4	3	3	2	2	К	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
232	56	К	1715	80,55	59(61)	32	46	22	16	15	35	44	5	—	3	3	2	—	1	3	4	—	1	1	3	3	2	3	2	2	—	1	
233	20	Т	1712,5	82,06	61(62)	32	47	29	19	16	35	46	5(4)	—	3	3	3	—	1	1	3	—	2	2	2	3	4	3	2	2(3)	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
234	28	К	1730	85,64	68(73)	35	50	31	17	20	36	50	5	—	1	3	3	—	1	2	3	—	2	1	2	4	4	2	2	2	—	1	Idem.
235	40	Т	1695	83,15	63	34	46	29	18	19	33	48	6	—	2	3	3	—	1	2	4	—	1	2	2	4	4	2	2	2	—	1	
236	37	К	1580	83,87	63	33	48	24	18	19	36	46	6	—	2(3)	3(2)	3	—	1	2	3	—	3	2	1	4	4	2	2	2	—	1	Incis. int. шир. и неправ. формы.
237	24	С	1552,5	85,39	59	33	44	26	15	15	34	46	6	—	3	3	3	—	1	2	3	—	2	2	3	4	4	3	2	2	—	1	
238	34	С	1580	82,16	63(64)	35	52	24	17	19	36	48	6(5)	—	2	3	3	—	1	2	3	—	3	2	2	3	4	3	2	2	—	1	
239	23	К	1680	80,20	60	34	48	26	20	17	37	47	6	—	3	3	3	—	1	2	4	—	1	2	3	4	4	3	2	2	—	1	Въ обл. Д. б. узелки. Helix bandifor.
240	24	К	1710	82,12	54(56)	30	41	23	17	14	35	40	5	—	2	3	2	—	1	2	4	—	3	2(3)	1	4	2	1	2	2	—	1	
241	20	К	1620	86,49	66	30	52	30	17	17	35	54	5	—	3	3	2	—	1	2	4	—	3	2	1	4	4	2	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
242	27	К	1607,5	79,00	60	31	47	26	18	19	35	48	5	—	3	3	2	—	1	2	4	—	2	2	2	4	4	3	2	2	—	1	
243	29	С	1650	84,35	65	32	45	32	18	15	36	53	6	—	2	2	2	—	1	2	3	—	3	2	1	4	4	3	1	2	К	1	По всему helix узелки.
244	38	С	1685	79,23	57(60)	32(35)	43	31	16	12	31	45	5(6)	1	2	3	2	—	1	2	2	—	1	1	2	4	1	2	2	2	—	4	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
245	23	С	1692,5	77,66	61	30	43	26	15	17	29	46	5	2	2	3	3	—	1	2	4	—	2	2	2	4	3	3	2	2	—	4	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
246	28	К	1625	81,62	61	33	50	31	18	16	33	47	5	1(2)	2	3	3	—	1	2	2	—	2	2	2	4	2	3	1	2	—	4	
247	42	К	1605	80,43	61(58)	29	45	28	15	15	31	44	5	1	2	3	3	—	1	2	3	—	1	2	3	4	3	3	2	2	—	4	
248	31	С	1605	79,89	65	34	52	26	19	19	37	48	5	2	2	3	2	—	1	2	3	—	2	1	1	3	1	3	2	2	—	4	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
249	24	К	1647,5	84,15	56	30	46	28	16	13	35	43	5	1	2	3	2	—	1	2	4	—	3	2	1	4	2	3	2	2	—	4	Idem. Слѣва въ обл. Сат. б. узелки.
250	50	К	1590	82,06	64	32	49	28	16	17	36	50	3	—	2	3	3	—	—	2	4	—	3	1	2	4	3	2	1	2	—	1	Helix bandifor.
251	21	К	1590	77,59	55(52)	31(49)	41	21	15	14	35	42	5	—	3	3	3	—	1	3	4	—	1	3	3	3	4	1	2	2	—	1	На лѣв. ухѣ въ обл. Д. б. двойной узелокъ.
252	39	К	1655	84,04	69	84	58	29	18	19	36	54	5	—	3	3	2	—	1	3	4	—	2	2	3	3	4	2	2	2	—	1	
253	43	Т	1717,5	77,95	71(69)	34	51	32	16	19	37	54	6	—	2	2	2	—	1	3	3	—	1	1	3	4	3	1	2	2	—	1	
254	27	С	1560	76,80	58	34	45	23	17	14	36	45	5	—	3	3	3	—	1	3	3	—	1	2	3	3	4	2	2	2	—	1	
255	33	К	1652,5	77,89	57	32	45	23	17	17	33	41	5	1	2	3	3	—	1	2(1)	3	—	2	2	2	4	4	2	2	2	—	1	•
256	44	К	1570	83,77	64	32	49	26	19	19	38	46	5	—	3	3	3	—	—	1	3	—	1	2	3	4	4	2	2	2	—	3	
257	36	К	1630	79,47	68(71)	35	47	29	15	18	39	52	5	—	3	3	3	—	—	2	2	—	2	2	2	4	4	3	3	2	—	1	Helix грубъ, широкъ.
258	38	Т	1620	79,58	61	34	48	22	20	17	36	45	6	—	3	3	3	—	—	2	4	—	2	2	1	3	4	2	2	2	—	1	
259	21	К	1755	84,21	60	30	46	24	18	14	36	47	5	—	[illegible]	3	2	—	1	3	4	—	2	2	2	3	4	3	2	2	К	1	Въ области Д. б. узелки.
260	23	К	1710	78,57	61	34	48	26	17	14	38	49	5	—	2	3	2	—	—	3	3	—	3	2	2	3	3	2	1	2	—	1	
261	50	К	1697,5	83,60	59(63)	47	44	26	20	17	37	48	5	—	2	3	3	—	—	1	1	—	1	1	1	3	4	3	2	2(3)	—	1	Anth. слабо развитъ стволъ не представляетъ валика.

№	Возрастъ.	Типъ цвѣтности.	Ростъ.	Головной указатель.	Длина уха.	Ширина.	Длина основанія.	Длина конхи.	Ширина конхи.	Длина мочки.	Истинная высота уха.	Длина уха безъ мочки.	Дарвиновъ бугорокъ.	Сатировъ бугорокъ.	Ножка завитка.	Верхняя часть завитка.	Нижняя часть завитка.	Crus descenden.	Козел. (tub. supratrag).	Стволъ противозавитка.	Верх. ножка противозав.	Третья ножка противоз.	Направленіе верхняго края противозелка.	Наклонъ противокозелка наружи	Форма противокозелка.	Прирощеніе мочки.	Sulcus supralobularis.	Sulcus obliquus.	Направленіе мочки.	Отстояніе уха.	Прикрѣпленіе.	Общая форма уха.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
262	21	С	1695	82,79	62(56)	34	50	25	16	17	35	49	6	—	3	3	2	—	—	2(3)	1	—	3	2	1	3	4	2	2	2	—	3	
263	48	К	1525	84,04	56	30	41	21	18	14	36	42	3	1	3	2	2	—	—	2	2	—	1	1	3	4	2	3	2	1	—	1	
264	25	К	1670	79,38	54	31	42	21	17	14	34	42	2(6)	—	2	2	1(2)	—	—	3	3	—	1	1	3	3	1(2)	2	2	2	—	3	
265	43	Т	1612	78,19	62(65)	35	49	27	17	14	39	52	2	—	2	2	1	—	1	3	2	—	2	2	2	3(2)	3	3	2	2	—	1	
266	45	Т	1592,5	80,32	65	36	47	29	18	19	35	50	6(2)	—	2	3(4)	3(1)	—	1	3	4		2	1	3	4	2	3	2	1	—	1	
267	20	С	1700	86,11	57(55)	34	46	25	17	16	35	44	4(3)	—	2	3	2(1)	—	1	3	3	—	1	1	3	3	3	2	2	2	—	1	Helix кончается высоко.
268	27	К	1527,5	79,27	60	36	44	25	21	15	42	49	2	—	3	2	1	—	1	3	3	—	2	2	1	4	2	2	2	2	К	3	
269	27	К	1675	76,16	58	29	50	26	16	17	33	44	6	—	3	3	3	—	1	2	4	—	1	2	3	1	1	3	2	2	—	3	
270	32	К	1667,5	78,53	65	28	53	28	15	19	32	49	5	—	2	3	2	—	1	2	3	—	2	2	2	1	3	3	2	2	—	3	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
271	20	С	1605	74,00	57	31	51	28	16	14	33	46	5	—	3	3	3	—	1	1	3	—	1	2	3	2	3	3	3	3	—	3	
272	49	Т	1680	82,32	63(59)	31	55	27	16	18	33	47	6	—	3	3	4	—	1	2	4	—	1	2	3	2	3	3	2	2	—	3	
273	22	Т	1740	84,57	64	33	54	27	19	17	35	49	6	—	2	3	3	—	1	1	3	—	3	2	1	1	2	3	2	3	—	3	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
274	36	К	1602,5	84,44	61	32	50	28	16	16	37	49	6	—	3	3	2	—	—	1	3	-	2	2	1	4	1	3	2	3	К	3	Idem.
275	22	К	1580	82,41	56	31	44	22	16	16	36	44	5	—	3	3	3	—	—	2	3	—	1	2	3	4	3	3	2	2	—	3	
276	35	К	1562,5	81,18	63	36	52	27	19	16	36	50	6	—	3	3	3	—	1	3	3	—	2	2	1	3	3	3	2	2	—	3	
277	30	Т	1682,5	78,35	60	34	48	26	18	16	35	49	6	—	2	2	2	—	1	3	3	—	1	2	3	3	3	3	2	2	—	3	
278	35	К	1655	79,89	63(66)	38	52	29	20	19	38	50	5	—	3	3	2	—	1	3	4	—	2	2	2	3	3	2	2	2	—	3	
279	25	Т	1610	81,34	63	30	51	30	15	15	32	49	5(4)	—	3	3	3(2)	—	1	2	4	—	2	2	2	3	4(3)	2(3)	2	2	—	1	
280	24	К	1677,5	81,28	59(58)	32	48	25	17	14	34	48	6	2(0)	3	3	3	—	1	2	4	—	1	2	3	3	2	3	2	2	—	4	
281	31	С	1617,5	87,71	54(56)	30	41	24	15	11	26	43	5	1(0)	3	3	2	—	1	1	4	—	1	3	3	3	3	3	2	3	—	2	
282	29	К	1600	84,04	58(59)	36	43	27	17	14	32	45	5	0(1)	2	3	3	—	1	2	4	—	1	1	3	3	2	3	2	2	—	4	Hel bandiform.
283	22	К	1642,5	79,58	60	30	49	25	16	17	34	47	6	—	2	2	3(2)	—	1	2	3	—	2	2	2	3	2(4)	3(2)	3	3	—	3	На мочк. бороз. отъ inc. int.
284	35	С	1635	80,43	61	29	46	28	16	15	34	49	6	0(2)	2	3	3	—	1	2	3	—	2	2	2	4	3	2	1	2	—	1	Idem.
285	22	К	1710	85,04	64	34	48	24	19	20	35	48	4(6)	1(0)	3	3	2	—	1	2	4	—	1	2	2	3	3	2	2	2	—	2	
286	29	Т	1710	87,23	66(68)	34	48	28	17	18	36	50	6	—	2	2	2	—	—	2	3	—	3	2	2	4	2(4)	2(3)	2	2	К	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
287	46	К	1667,5	83,15	67	35	56	29	19	19	59	50	5	2(0)	2	3	3	—	—	2	3	—	1	2	3	1(3)	4	2	2	1	—	3(1)	Въ области сат. б. узелки.
288	34	К	1625	80,00	66	33	57	26	20	19	36	49	6	—	3	3	3	—	1	3	4	—	2	2	2	1	4	1	2	2	—	1	Въ области Д. б. узелки.
289	26	Т	1762,5	87,77	67	36	57	30	21	14	38	55	6	2	3	3	2	—	1	1	2	—	2	2	1	2	4	3	2	3	К	2	Idem.
290	19	К	1685	79,69	63	33	52	27	16	17	36	48	5	—	3	3	1	—	1	3	4	—	2	1	2	2	2	3	1	2	К	1	
291	21	К	1627,5	79,57	61	30	49	26	17	14	36	49	2	—	3	2	2	—	1	3	3	—	2	2	2	1	2	3	1	2	—	3	

292	28	К	1620	81,38	64	37	55	28	21	17	38	50	5	—	3	3	2	—	—	3	4	—	2	2	2	1	2	3	2	1	—	3	
293	23	К	1592,5	83,24	59(52)	31	51	26	15	15	34	47	4(5)	—	2	3	1	—	1	3	3	—	1	1	3	1	1	2	1	2	—	3	
294	22	К	1642,5	78,12	66	32	58	32	17	18	36	53	2	—	3	2	2	—	1	3	3	—	1	1	3	1	3	3	2	2	—	3	
295	26	К	1782,5	79,79	60(63)	30	49	27	15	15	36	48	2	—	2	2	1	—	—	1	3	—	3	1	2	1	1	1	1	3	—	3	Слѣва противозав. соверш. неглаж.
296	28	С	1695	77,43	67(65)	36(33)	59	25	19	23	37	47	5	—	3	3	3	—	—	3	3	—	1	1	3	1	2	2	1	2	—	3	Въ области Д. б. узелки.
297	44	С	1622,5	11	61	35	46	25	15	13	33	48	5	1	2	3	4	—	1	3	4	—	1	2	3	2	1	2	1	2	—	2	
298	32	С	1645	83,07	66	36	50	26	22	17	41	53	2	—	3	2	2	—	1	3	4	—	2	2	2	2	3	3	2	1	—	1	
299	33	К	1595	79,50	66	42	54	34	21	16	46	50	2	—	1	2	2	—	1	3	2	—	2	2	3	2	1	3	2	2(1)	—	1	
300	20	Т	1640	82,12	57	33	49	23	16	16	33	46	3	—	2	2	2	—	1	3	3	—	1	1	3	2	2	3	1	2	—	1	
301	50	К	1605	79,68	68	35	55	28	19	18	40	51	2	—	2	2	1	—	1	2	4	—	1	1	3	2	2	2	2	1	—	1	
302	22	Т	1682,5	80,61	63	35	52	26	19	17	35	49	5	—	3	3	2	—	—	3	4	—	1	2	3	2	2	2	1	2	—	3	
303	27	Т	1645	80,69	60	35	48	27	22	10	38	54	6	—	3	3	2	—	—	3	3	—	2	2	2	2	2	3	2	2	—	2	По завитку множествен. узелки.
304	22	К	1615	74,87	65	34	53	27	16	21	36	46	5	—	2	3	2	—	1	3	3	—	1	2	3	1	4	2	2	2	—	1	На мочкѣ бороздка отъ inc. int.
305	30	К	1687,5	80,41	71(74)	37(40)	57	27	19	22	38	51	5	—	3	3	3	—	1	3	2	—	3	1	1	1	4	2	3	2	—	3	
306	37	С	1652,5	80,85	65	30	58	26	15	22	34	47	6	—	3	3	3	—	1	3	4	—	2	1	1	1	4	2	2	2	—	3	
307	23	К	1670	85,00	57	30	47	23	18	16	35	45	5	—	3	3	3	—	—	2	3	—	2	3	2	2	4	3	2	2	—	3	
308	32	К	1675	81,91	64	36	55	23	15	17	32	44	2	—	3	2	2	—	1	2	4	—	1	3	3	2	4	2	2	1	—	1	
309	30	Т	1732,5	81,38	63(67)	34	54	28	18	18	33	48	5	—	3	3	3	—	1	3	4	—	3	2	1	2	4	2	2	2	—	1	
310	33	Т	1720	79,34	69(66)	31	54	25	19	21	38	47	2	—	2	2	2	—	—	2	3	—	2	2	3	1	3	3	1	2	—	1	
311	27	С	1565	82,10	56(60)	34	48	24	19	15	36	44	6(4)	—	2	3	3	—	—	1	4	—	2	2	1	2	4	2	2	2(3)	—	1	
312	42	К	1560	85,95	60	34	51	29	21	17	36	45	5	2	3	3	3	—	—	2	2	—	3	1	1	2	1	2	1	1	—	1	
313	22	Т	1645	89,09	57	32	48	29	19	15	31	44	3	1	3	3	2	—	—	3	4	—	1	2	3	2	4	2	2	1	—	4	Inc. int. очень широка и неправильна.
314	40	С	1667,5	82,51	66(69)	33	54	27	14	17	38	51	4(5)	—	3	2	2	—	1	3	3	—	1	2	3	1	1	3	2	2	—	3	На прав. ухѣ helix выше д. б. частично какъ бы вырѣзанъ.
315	31	Т	1737,5	84,73	65	33	55	28	19	19	39	48	5	—	3	3	3	—	—	2	3	—	1	3	3	1	2	3	2	1	—	3	Helix bandifor.
316	26	К	1670	90,06	61	30	57	27	15	13	31	49	5	—	3	3	3	—	1	3	4	—	2	1	2	2	3	3	2	2	—	3	
317	28	К	1655	79,36	58(63)	34	50	25	18	18	33	46	6	—	3	2	2	—	1	3	4	—	2	2	3	2	3	3	2	2	—	3	
318	36	К	1670	80,10	62	33	52	26	19	14	38	49	5	—	2(3)	3	2	—	1	2	3	—	3	1	1	1	4	3	1	2	—	3	
319	22	Т	1727,5	76,56	70	36	63	33	18	19	37	54	5	—	2	3	3	—	1	2	4	—	3	2	1	1	4	2	2	3	—	3	
320	26	С	1665	79,34	64(62)	33	51	29	18	15	35	48	5(4)	—	3	2	2	—	1	2(1)	3	—	2	2	2	2	4	2	2	2(3)	—	3	
321	19	К	1655	78,23	57	32	47	26	17	13	36	47	2	—	2(3)	2(3)	2	—	1	2	3	—	1	2	3	1	3	3	2	3(2)	—	3	
322	[illegible]	Т	1720	87,77	67	32	56	25	16	21	33	48	5	—	3	3	2	—	1	2	4	—	3	2	1	2	4	2	2	2	—	3	
323	26	С	1520	88,76	48	24	42	20	18	11	34	39	5	—	2	3	2	—	—	2	4	—	1	2	2	2	2	3	2	2	К	1	
324	21	К	1480	79,18	60	31	48	21	19	20	38	43	5	—	2	3	3	—	—	2	3	—	1	2	3	1	3	3	2	3	К	3	
325	21	К	1475	80,22	57	33	46	24	19	11	36	44	5	—	3	3	2	—	1	3	3	—	1	2	3	1	2	2	2	2	—	1	

II. Великорусскія женщины (100).

№	Лѣта.	Типъ цвѣтности.	Ростъ.	Длин. діам. головы.	Попереч. діам. головы.	Длина уха.	Ширина уха.	Длина основанія уха.	Истинная высота уха.	Дарвиновъ бугорокъ.	Сатировъ бугорокъ.	Нижняя часть завитка.	Стволъ противозавитка	Приращеніе мочки.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
1	18	К	1443	175	146	60	33	48	29	6	—	3	2	4	
2	24	К	1411	173	140	58	32	45	31	5	—	3	2	3	
3	18	К	1409	172	139	59	32	45	30	6	2	3	2	4	Helix bandiformix.
4	32	Т	1427	175	148	54	33	42	29	6	—	3	2	4	
5	18	С	1436	166	140	59	34	49	34	2	1	2	2	2	
6	31	Т	1432	179	143	59	34	48	36	6	—	2	3	3	
7	30	К	1383	182	151	61	33	43	33	5	—	3	2	4	Косое прикрѣпл. уха.
8	23	С	1488	180	153	64	36	46	36	5	—	3	2	4	
9	22	К	1495	178	152	61	29	51	28	5	—	3	2	1	
10	20	К	1473	181	152	52	33	41	34	5	1	3	2	3	
11	18	К	1483	176	151	50	29	39	32	2	1	1(2)	3(2)	1	
12	19	Т	1490	181	151	51	33	41	33	2	1	1	3	1	
13	17	К	1486	175	145	54	34	40	32	6	—	3	2	4	
14	19	Т	1491	184	146	60	36	44	34	3	—	2	2	3	Верх. часть helicis недоразвита.
15	17	К	1497	163	142	57	32	44	33	6	—	3	2	4	
16	53	С	1487	183	142	64	34	49	26	5	—	2	3	4	
17	17	К	1487	176	144	57	31	43	31	6	—	2	3	1	
18	36	С	1489	184	143	65	34	50	36	5	—	2	2	4	
19	19	С	1464	161	142	56	33	45	32	5	—	2	3	2	Верх. helix. недоразвитъ.
20	29	К	1488	178	148	52	34	41	29	6	1	1	2	2	Вся форма уха необычна; аномальная crus hel. tert. (вверхъ).
21	27	Т	1492	171	150	58	34	47	32	6	—	3	3	2	
22	24	К	1494	167	145	62	35	50	34	5	1	2	2	2	Въ области D и С буг. узелки.
23	24	Т	1472	177	146	61	31	45	30	6	—	3	2	2	
24	23	С	1477	176	151	60	32	47	31	6	—	2	2	4	
25	21	С	1498	172	155	58	35	47	31	6	—	3	2	3	
26	29	К	1474	183	150	56	33	40	32	5	—	2	3	3	
27	23	С	1525	172	149	63	34	54	32	6	—	2	2	3	
28	37	С	1510	180	148	59	31	51	31	6	—	3	2	2	
29	29	С	1517	171	139	55	30	44	27	6	—	1	3	1	
30	30	К	1530	171	148	61	33	50	31	5	—	3	2	1	
31	22	С	1511	170	152	61	31	50	31	5	—	3	2	1	Косое прикрѣпленіе уха.
32	29	С	1514	184	158	62	34	52	33	5	1	3	2	3	Helix bandifor.
33	38	К	1533	177	149	63	34	52	33	6	—	3	2	1	Верх. завит. недоразвитъ.
34	36	К	1531	192	159	62	34	53	34	2	1	2	3	3	
35	22	Т	1542	172	148	60	34	46	30	5	1	3	2	3	Въ области Д. б. узелки.
36	40	Т	1546	182	156	59	32	49	32	2	—	2	2	3	
37	23	Т	1508	175	139	62	34	50	33	5	—	3	2	3	
38	33	Т	1513	166	143	55	30	43	29	4	—	3	2	3	
39	47	Т	1509	176	140	64	36	51	35	6	—	1	3	1	
40	23	К	1530	172	149	56	31	43	30	3	—	3	2	1	
41	38	К	1509	163	147	62	35	48	34	5	—	2	2	4	
42	37	Т	1547	181	150	58	31	48	34	6	—	3	2	2	
43	20	Т	1535	182	144	55	32	45	32	5	—	3	2	4	
44	17	Т	1543	177	151	62	36	45	32	5	—	3	2	4	
45	19	С	1535	170	145	57	32	43	31	4	—	3	2	4	
46	21	К	1550	181	174	65	36	44	32	5	—	3	2	4	
47	42	С	1525	173	150	64	33	48	35	6	—	3	2	4	
48	41	Т	1529	183	144	65	39	45	33	1	—	1	3	3	
49	38	К	1515	179	147	59	38	44	33	5	—	2	2	2	
50	36	Т	1501	170	146	57	35	44	33	5	—	2	3	4	
51	38	Т	1548	178	156	59	36	45	34	6	—	2	3	1	
52	32	К	1520	183	145	62	32	45	34	6	—	2	2	4	Въ области Д. б. узелокъ.
53	20	К	1510	174	142	57	31	42	32	4	—	3	2	3	Верх. helix. недоразвитъ.
54	35	Т	1534	166	151	59	33	44	34	6	1	4	2	3	
55	34	Т	1533	172	143	60	35	41	32	6	1	3	2	4	
56	25	Т	1549	181	152	55	34	42	33	5	—	2	3	1	Завитокъ въ нижн. части съ перерывомъ.
57	36	К	1540	173	150	58	33	43	34	6	—	3	2	3	

№	Лѣта.	Типъ цвѣтности.	Ростъ.	Длин. діам. головы.	Попереч. діам. головы.	Длина уха.	Ширина уха.	Длина основанія уха.	Истиная высота уха.	Дарвиновъ бугорокъ.	Сатировъ бугорокъ.	Нижняя часть завитка.	Стволъ противозавитка.	Приращеніе мочки.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.
58	17	С	1537	177	152	63	34	47	35	6	1	3	1	4	
59	17	С	1516	173	146	57	32	41	33	6	1	2	2	4	
60	25	Т	1504	181	146	58	36	39	32	6	—	2	3	4	Crus tertium anthelicis.
61	18	К	1531	178	146	57	34	42	35	5	—	3	2	1	
62	20	С	1529	171	150	59	36	40	34	5	—	3	2	4	
63	30	С	1583	180	154	56	29	49	28	5	—	3	2	1	
64	27	К	1576	171	151	61	29	48	28	6	—	2	3	1	
65	27	К	1593	177	146	58	31	48	29	5	—	3	2	1	
66	27	Т	1561	173	145	61	28	50	31	4	—	3	2	3	
67	25	К	1661	192	149	66	33	49	31	5	1	3	2	4	
68	23	К	1592	175	149	62	35	51	33	5	—	2	3	1	
69	25	Т	1586	167	145	56	32	46	30	5	—	2	2	3	
70	43	Т	1575	181	153	58	33	47	31	6	—	3	2	2	
71	45	К	1554	188	137	61	32	50	33	5	1	3	2	1	Helix широкъ, грубъ.
72	35	Т	1551	170	146	56	32	42	28	6	—	1	3	2	
73	48	Т	1552	187	163	59	34	49	33	6	—	3	2	1	
74	27	К	1554	180	159	65	34	49	33	4	—	3	2	4	
75	50	Т	1563	164	149	58	35	46	31	4	—	2	3	4	
76	28	Т	1592	192	153	59	33	46	31	6	1	2	3	4	
77	24	Т	1569	176	151	56	28	43	29	6	—	1	3	3	
78	17	К	1566	180	143	61	30	43	29	5	—	3	2	3	Нижній helix съ выемкой.
79	36	Т	1556	169	154	56	34	47	32	6	1	2	3	3	
80	19	С	1573	164	137	60	33	45	31	5	—	3	2	4	
81	49	Т	1579	191	147	63	36	49	34	6	—	2	3	2	
82	57	С	1560	173	143	66	34	50	35	6	—	3	2	4	
83	18	К	1551	174	146	55	35	44	31	5	—	3	3	2	
84	23	К	1557	182	155	59	37	52	37	5	—	3	2	1	
85	25	С	1568	180	148	53	30	42	30	6	1	3	2	3	
86	24	С	1565	172	154	58	31	43	31	6	1	3	1	4	Косое прикрѣпл. уха.
87	20	Т	1599	174	151	60	34	45	33	6	—	3	2	4	
88	22	Т	1553	192	155	54	31	42	31	5	—	2	3	1	
89	17	К	1557	182	155	56	36	43	32	6	1	3	2	2	
90	18	К	1567	184	149	60	35	47	35	1	—	1	2	1	
91	38	Т	1569	179	151	59	33	44	33	4	—	3	2	4	
92	30	К	1573	169	152	57	34	45	34	6	1	3	2	3	
93	40	С	1606	182	155	59	35	46	35	5	2	3	2	3	
94	19	К	1578	190	152	58	34	42	32	6	—	3	2	4	
95	23	С	1660	168	151	58	31	42	32	3	—	3	2	4	
96	35	С	1600	174	142	60	32	43	33	3	—	3	2	2	
97	20	Т	1562	184	148	64	35	48	37	2	—	1	3	1	
98	23	К	1587	179	147	58	31	44	34	2	—	2	2	2	
99	30	С	1652	189	157	62	38	49	38	6	—	3	3	3	
100	33	К	1558	176	153	58	32	43	34	5	—	3	2	3	

III. Вырождающіеся душевно-больные (100).

Примѣчаніе. Обозначенія въ этой таблицѣ приняты тѣ же, что и въ предыдущихъ. Для діагноза психозовъ приняты слѣдующія цифровыя обозначенія:

Періодич. психозы 1
Циркулярные 2
Психозы навязч. идей (ps. ideo-obsess) 3
Слабоуміе (врожден.) и идіотизмъ 4
Dementia praecox (Kraep.) 5
Дегенеративно-паранояльныя формы 6
Резонирующее помѣшательство 7
Dementia paranoïdes (Kraep.) 8
Эпилептическіе психозы 9

№	Діагнозъ.	Лѣта.	Длина уха.	Ширина уха.	Длина основанія.	Истинная высота.	Дарвиновъ бугор.	Сатировъ бугорокъ.	Верхняя часть завитка.	Нижняя часть завитка.	Козелокъ.	Стволъ противозав.	Прир. мочки.	Sulcus supralobul.	Отстояніе уха.	Ростъ.	Примѣчанія.
1	8	21	64(62)	34(31)	52	38	2(4)	—	3	1(2)	1	2	4	2	2	1715	
2	1	38	64	36	52	35	3	—	3	3	1	2	2	4	2	—	
3	6	33	62	38	47	40	6	—	3	3	1(0)	1	1	1	2	1690	
4	3	43	62(64)	35(36)	55	40	4(3)	—	3	2	1	2	1	3	2(3)	1657,5	
5	3	36	65	36	53	37	6	1	3	1	—	2	3	3	2	1700	
6	5	36	59	31	54	30	4	—	3	3	—	2	1	4	2	—	
7	6	29	59	30	51	35	3	—	3	2	—	2	1	2	3	1670	
8	3	41	64	34	55	36	5	1	3	3	1	1	1	4	3	1785	
9	4	37	66(64)	31(34)	55	33	5	—	3	2	1	3	2	2	3	—	Косое прикр. уха.
10	7	39	66	32	49	41	5	—	3	3	1	2	3	3	1	—	
11	2	37	66	31	45	36	6(5)	—	3	2	—	2	2	1	2	1585	
12	4	39	66	38	54	44	5	—	3	3	1	2	1	1	2	1640	
13	3	21	63(59)	38(35)	52(46)	40	6	1	3	2(3)	1	3	3(2)	2(1)	3	—	Косое прикр. уха.
14	3	45	64(61)	35	48	39(37)	4	—	3	3	—	2	4	1	2	-	
15	3	35	56(58)	34	46	31	5	—	3	3	1	1	1	4	3	1610	
16	7	39	62	33	55	34	5	—	3	3	1	2	2	2	2	—	
17	9	20	60	31	50	34	3	—	3	3	1	2	2	1	2	1600	
18	6	47	58(60)	37	50(54)	34	5(2)	—	3	2(1)	1	1	3	3	2(3)	1660	
19	4	37	58	35	45	36	6(5)	—	2	2	1	2	2	4	2	1657,5	
20	3	39	70	40	52	48	6	—	2	1	1	3	3	4	1	1750	
21	4	19	61	32	50	37	5	—	3	2	1	2	2(3)	2	3	1565	
22	3	38	64	34	50	37	6	1	3	3	—	2	3(2)	3	3	1590	Косое прикр. уха.
23	4	42	72	31	55	36	5	—	3	2	1	2	4	4	3	1750	
24	3	36	59	31	47	41	6	—	3	3	1	1	2	4	3	1705	Стволъ anthel. безъ валика.
25	9	19	63(60)	37	52(48)	39	3(5)	—	3	2	1	3	3	2	2	1647,5	Лѣвый Д. б. имѣетъ узелокъ въ видѣ двойного бугорка.
26	9	42	60(57)	34	44	34	6(5)	—	3	3	1	2	4(3)	1	2	1700	
27	3	44	61	33	48	32	6	1(0)	3	3	—	2	3	4	1	1550	
28	4	19	61	36	51	41	2	—	2	1	1	3	4	1	2	1725	
29	3	41	67	35	54	35	6	—	3	2	1	3	3	2	3	1615	
30	3	50	71	37	55	37	6	—	2	2	1	2	3	4	3	1667,5	
31	5	36	64(67)	34	54	38(42)	5(4)	0(1)	3	3	—	3	4	4(1)	2	1625	
32	5	21	69	38	56	44	6	—	3	2	1	3	4	1	3	1850	
33	3	25	59	31	52	37	5	—	3	2	1	2	3	4	3	1610	
34	1	37	65	35	51	38	4	—	3	2	—	2	3	1	2	—	
35	1	39	65	37	50	37	5	1	3	3	1	2	3	2	2	1750	
36	1	42	68	32	57	36	4	1	3	2	1	2	2	2	3	—	Завитокъ съ выемками.
37	3	40	62	36	52	35	6	—	3	3	—	2	3	4	2	1680	
38	2	42	66(68)	36	50	37	6	—	3	3	1	2	4	2	2	1610	
39	1	50	62(65)	35(38)	51	38	5	—	3	3	1	2	4	4	2	—	
40	4	47	65	36	56	36	5(4)	—	3	3	1	2	1	4	2	1590	
41	2	37	69(65)	37(34)	50	37	5	—	3	3	—	2	4	2	2	1635	
42	1	41	67	39	53	44	5	—	3	3	1	2	4	1	2	1690	
43	2	34	65	39	55	44	2	—	3	2	1	2	1	1	2	1777,5	
44	2	40	76	41	68	47	2	—	3	1	1	3	1	4	2	1640	
45	2	36	60(62)	34(36)	51	35	2	0(1)	3(1)	3(2)	—	2	3	4	2	—	

№	Діагнозъ.	Лѣтъ.	Длина уха.	Ширина уха.	Длина основанія.	Истинная высота.	Дарвиновъ бугор.	Сатировъ бугорокъ.	Верхняя часть завитка.	Нижняя часть завитка.	Козелокъ.	Стволъ противоз.	Прир. мочки.	Sulcus supralubul.	Отстояніе уха.	Ростъ.	Примѣчанія.
46	2	42	61(66)	36	50	34(36)	5	—	3	3	—	2	2	2	3	—	
47	2	38	65	32	54	37	4	1	3	3	1	2	3	4	3	—	
48	1	40	66(64)	36	51	39	6	—	3	2	1	3	4	1	2	—	
49	7	38	56	33	45	34	6	—	3	2	1	2	4	2	2	—	
50	1	45	63	31	49	41	5	—	3	3	1	1	4	4	2	—	По Helix'у узелки.
51	6	40	64(66)	37	55(51)	40	1(6)	—	3	3	1	2	1(2)	4(0)	1(2)	—	
52	6	42	62	30	45	36	5(6)	1(0)	3	3	1	1	4	3	2	1680	
53	1	36	62	34	46	35	6	—	1(3)	2	1	3	4	4	2	1640	Вверху завит. съ выемк.; нѣтъ пер. нож. противов., кос. пр. уха.
54	3	40	63	36	52	51	6	—	3	3	—	2	2	4	2	1615	Прав. anth. въ двухъ мѣстахъ съ перехватами.
55	3	39	65(69)	34	55	40	5	—	3	2	1	2	1	4	3	1717,5	Косое прикрѣпл.
56	1	24	51	36	42	35	5	1	3	3	—	2	4	1	2	1682,5	Завит. съ волнообр. вырѣзк.
57	1	39	63	31	50	35	6	—	3	1	1	2	3	4	2	—	
58	1	29	63(67)	34(36)	49	35	5	1	3	3	1	2	3(4)	1	2	1720	
59	6	38	68(70)	36	55(51)	41	5	—	3	3	1	2	4(3)	2	2	1620	
60	8	50	72	34(37)	40	44	4	—	2	3	—	3	4	4	2	—	Въ верх. части завит. выемка.
61	8	44	70(66)	33(36)	59	38	6	—	3	3	1	3	1	2	2	1750	
62	1	39	71	33	61	41	5	—	3	3	1	2	3	3	2	1720	
63	1	33	64	37	55	40	5	—	3	3	1	3	2	3	2	—	
64	6	40	61	30	56	31	6	—	3	2	1	2	3	1	3	—	
65	1	51	62	36	50	34	6	—	3	2	1	2	4	1	2	—	
66	1	40	63	33	51	36	6	—	3	2	1	3	4	1	2	—	По завитку узелки.
67	1	38	63(71)	33(36)	45	34	5	—	3	3	1	2	4	1(4)	2	1730	
68	1	40	54	32	43	38	5	—	3	3	1	3	4	1	2	—	
69	2	24	54	28	40	34	6	—	2	2	1	2	4	2	3	1740	Косое прикрѣп.
70	1	38	63	31	54	34	6	—	3	1	1	3	2	1	2	1700	
71	1	44	66	37	49	33	6	—	3	3	1	2	4	4	2	1625,5	
72	1	38	62(59)	33	44(42)	38	2	—	2	1	1	2	3	1	3	—	Косое прикр. Incis. широка неправ. форма.
73	9	32	65(63)	34	58	36	6	—	3	2	1	2	4	2	2	1757,5	Helix. вверху широкъ, по краямъ узелки.
74	3	40	66	42	55	37	2(3)	—	3	3	1	2	2	1	3	—	
75	1	41	66	35	55	28	5	—	3	3	1	2	2	1	3	—	По завит. вырѣз., кос. прикр.
76	9	19	64	33	46	44	2	—	3	2	1	2	4	1	3	1525	На завиткѣ вырѣзка.
77	1	45	62	35	51	36	4	—	3	3	—	2	2	2	3	—	Incis. int. шир., урод. формы.
78	9	38	66	35	55	44	6	—	3	2	—	3	1	1	1	1665	
79	1	45	62	34(31)	51	35	2	—	2	1	—	3	1	1	2	—	
80	3	43	64	33	56	35	6	—	3	3	1	2	3	2	3	1695	По завитку узелки.
81	9	41	73(71)	31(35)	63	40	6	—	3	2	1	3	1	4	2	—	
82	4	49	67(71)	41(39)	51	30	2	—	2	2	1	2	3	4	3	1750	Завит. съ выем., кос. прикр.
83	4	45	71	35	58	33	2(6)	—	3	3	—	2	1	4	2	—	
84	9	39	65(61)	34	54	37	5	—	3	3	1	2	2	3	2	1730	
85	9	40	56(59)	31(33)	43	34	5	—	3	3	—	2	3	4	3	—	
86	3	23	71	40	55	44	6	—	3	2	1	2	2	4	3	1722,5	Косое прикрѣпл.
87	9	46	70	37	61	40	6	—	3	3	1	2	1	4	3	1550	
88	1	37	63	31	60	33	2	—	2	1	1	2	1	4	2	—	
89	1	42	64	33	50	33	1	1	3	1	1	2	4	3(2)	3	1625	
90	1	50	62(59)	32(35)	51	38(35)	6(5)	1	3	3	—	2	3	4	3	1605	
91	4	27	61	32	47	34	5	—	3	3	—	2	4	2	2	1590	
92	1	34	59	35	48	37	5(6)	—	3	2	1	3	3	1	2	1650	
93	9	45	63	34	55	33	6	—	3	3(2)	1	2	4(3)	2	3	1570	Косое прикрѣпл.
94	4	41	63	32	47	35	6	—	3	2	1	3	3	2	3	—	Helix съ вырѣзкой.
95	9	52	65(61)	35	52	35	5	—	2	1	—	2	3	1	2	—	По завитку узелки.
96	1	39	68(71)	31	55	34	5	—	3	3	1	2	2	1	3	—	Inc. int. широка, безформенна.
97	5	45	67	36	55	37	5	—	3	3	—	3	1	4	2	1615	
98	1	42	62	31	46	37	6	1	2	2	1	1	4	1	2	—	Въ области Д. б. узелки.
99	3	27	62	41	54	45	2	—	2	1	1(0)	2	1	2	1(2)	1675	
100	7	42	63	39	51	35	6	1	3	2	1	1	3	1	2	—	Косое прикрѣпл.

IV. Дѣти.

а. Мальчики (80).

№	Возрастъ. г.	Возрастъ. м.	Длина уха.	Ширина уха.	Длина основанія уха.	Истинная высота.	Дарвиновъ бугорокъ.	Сатировъ бугорокъ.	Нижняя часть завитка.	Стволъ противозавитка.	Козелокъ.	Приращеніе мочки.	№	Возрастъ. г.	Возрастъ. м.	Длина уха.	Ширина уха.	Длина основанія уха.	Истинная высота.	Дарвиновъ бугорокъ.	Сатировъ бугорокъ.	Нижняя часть завитка.	Стволъ противозавитка.	Козелокъ.	Приращеніе мочки.
1	—	4	46	27	32	24	5	2	3	2	—	4	41	9	—	59	36	44	31	5	—	3	2	—	4
2	—	3	47	28	34	27	4	2	3	3	—	3	42	7	—	52	32	38	30	6	—	3	2	1	4
3	1	—	43	28	30	24	3	2	3	2	—	3	43	8	—	53	36	39	27	4	—	3	2	1	1
4	1	—	41	28	30	24	5	—	2	2	—	3	44	7	—	52	30	37	28	5	—	2	2	1	2
5	—	9	45	33	32	29	5	2	3	2	—	4	45	7	—	50	34	32	28	5	—	2	3	—	3
6	—	4	41	28	29	28	5	1	2	2	—	4	46	10	—	60	33	47	30	4	—	3	2	—	3
7	1	—	49	30	37	24	4	2	3	2	—	1	47	7	—	50	29	39	31	5	—	2	2	1	4
8	—	11	45	31	33	25	4	—	3	2	—	2	48	8	—	53	30	38	32	6	—	2(1)	3	—	3
9	1	—	44	27	31	26	5	—	3	2	—	3	49	7	—	51	28	37	25	5	—	2	2	1	3
10	—	4	35	25	23	21	5	—	3	2	—	2	50	9	—	54	31	40	32	5	—	2	2	1	3
11	—	10	43	26	33	29	1	—	1	3	—	1	51	13	—	58	38	41	37	5	—	3	2	—	4
12	1	—	43	28	32	24	4	1	2	2	—	2	52	11	—	56	36	38	29	6	—	2	3	1	4
13	1	—	44	27	34	31	3	—	2	1	—	2	53	11	—	60	31	43	32	2	—	1	3	1	1
14	—	11	42	29	31	23	2	1	2	2	—	1	54	12	—	60	40	41	32	3	—	2	2	—	4
15	—	11	41	25	26	23	4	2	2	1	—	1	55	14	—	62	34	53	33	6	—	3	—	1	2
16	3	—	50	31	33	30	4	—	2	1	—	4	56	13	—	61	35	44	31	5	—	2	—	1	4
17	1	8	46	29	32	26	6	1	3	2	—	2	57	11	—	56	31	42	31	2	—	2	—	—	3
18	2	—	53	33	36	29	5	—	2	3	—	3	58	14	—	55	32	34	30	5	—	3	—	1	3
19	2	—	51	31	38	28	5	—	2(1)	2(3)	1	2	59	13	—	60	31	51	34	5	—	2	—	—	2
20	1	6	51	31	33	26	3	—	3	2	—	4	60	13	—	59	32	41	31	4	—	3	—	1	4
21	2	—	46	29	32	24	5	2	3	2	—	4	61	12	—	58	34	43	35	4	—	3	—	1	3
22	2	5	52	32	37	28	6	—	2	2(3)	—	4	62	13	—	58	34	32	29	6	—	3	—	1	3
23	1	4	50	30	29	26	4	1	2	3	—	4	63	14	—	57	30	50	32	5	—	2	—	—	1
24	1	6	49	30	32	26	5	—	3	2	1	3	64	12	—	59	33	40	30	6	—	2	—	1	4
25	1	9	50	25	34	23	4	—	3	2	—	1	65	11	—	59	28	33	25	3	—	3	—	1	3
26	2	—	49	33	33	24	3	—	3	2	—	3	66	16	—	71	40	56	41	6	—	2	—	1	1
27	1	7	50	34	34	27	2	1	2	3	—	2	67	15	—	57	34	46	30	5	—	3	—	1	3
28	2	3	51	34	35	30	3	—	3	1	—	1	68	15	—	62	35	49	32	6	—	3	—	—	3
29	3	—	52	33	34	26	5	1	1(2)	3	—	4	69	17	—	68	35	47	35	6	—	3	—	1	2
30	1	8	48	33	34	27	3	—	3	2	—	1	70	16	—	58	32	43	31	6	—	3	—	1	4
31	6	—	59	36	45	29	3	1	3	3	1	4	71	17	—	51	33	31	28	5	—	2	—	—	4
32	3	4	54	32	39	30	3	—	3	2	1	4	72	15	—	58	31	45	33	5	—	3	—	1	4
33	6	—	52	28	39	30	3	—	2	2	1	3	73	15	—	61	30	49	35	4	—	3	—	1	3
34	4	—	49	31	36	28	2	—	1	2	—	4	74	17	—	60	31	49	35	5	—	2	—	—	4
35	5	—	51	33	38	31	5	2	3	2	—	2	75	15	—	59	30	46	39	4	—	1	—	1	1
36	3	8	50	30	37	26	6	1	3	2	—	4	76	16	—	60	30	47	34	6	—	2	—	—	3
37	5	—	53	30	31	24	3	—	3	1	—	3	77	17	—	61	32	53	36	6	—	3	—	1	2
38	6	—	51	33	33	30	6	—	2	2	—	1	78	16	—	60	30	51	39	6	—	2	—	1	4
39	5	—	54	34	35	27	5	—	2	2(3)	—	1	79	15	—	53	27	39	31	2	—	2	—	—	3
40	6	—	52	31	32	27	4	—	3	1	1	3	80	16	—	65	32	54	33	6	—	3	—	1	2

В. Дѣвочки (80).

№	Возрастъ. г.	м.	Длина уха.	Ширина уха.	Длина основанія.	Истинная высота.	№	Возрастъ. г.	м.	Длина уха.	Ширина уха.	Длина основанія.	Истинная высота.
1	1	—	44	30	31	26	41	8	—	51	31	34	28
2	—	11	47	28	30	26	42	8	—	47	29	32	26
3	—	8	44	30	30	28	43	9	—	52	32	37	25
4	—	6	43	25	29	22	44	7	—	53	34	34	30
5	1	—	49	28	36	27	45	7	—	45	26	37	30
6	—	6	40	26	29	27	46	10	—	54	30	41	29
7	—	6	46	29	32	23	47	8	—	51	29	37	28
8	—	9	36	24	31	25	48	7	—	53	31	40	24
9	—	8	39	25	33	28	49	7	—	49	31	39	30
10	1	—	40	27	29	22	50	8	—	50	28	38	30
11	1	—	40	23	29	27	51	11	—	52	31	40	30
12	—	10	41	24	30	26	52	11	—	56	36	36	29
13	—	10	41	27	35	29	53	13	—	53	31	39	27
14	—	7	43	29	30	23	54	11	—	53	33	35	29
15	—	8	42	25	29	24	55	13	—	55	35	40	26
16	1	6	49	29	30	24	56	11	—	47	29	35	27
17	1	5	47	25	35	27	57	14	—	59	33	45	35
18	2	6	45	29	31	26	58	14	—	55	32	42	29
19	1	10	44	24	35	27	59	12	—	55	28	34	26
20	1	6	44	27	30	24	60	14	—	54	31	44	26
21	1	6	45	32	31	27	61	12	—	54	30	39	28
22	1	7	46	30	32	26	62	14	—	58	34	41	26
23	1	6	46	30	37	27	63	12	—	56	32	37	25
24	2	8	51	30	36	27	64	12	—	58	33	43	26
25	1	5	43	26	32	26	65	13	—	58	31	38	33
26	1	9	46	29	34	25	66	16	—	57	37	44	27
27	2	—	43	27	30	26	67	15	—	63	31	44	31
28	2	8	47	31	33	29	68	15	—	47	27	37	33
29	1	9	45	25	31	25	69	15	—	57	29	51	38
30	3	—	48	29	35	24	70	15	—	55	35	43	35
31	4	—	48	30	33	28	71	16	—	55	32	46	30
32	4	—	45	30	36	26	72	15	—	53	30	45	29
33	4	—	47	32	36	26	73	16	—	62	35	53	29
34	5	—	49	30	35	27	74	15	—	50	27	42	32
35	6	—	50	34	37	27	75	15	—	60	37	50	33
36	4	—	50	30	37	25	76	16	—	56	28	41	32
37	4	—	43	29	31	24	77	15	—	53	35	38	29
38	4	—	48	32	38	26	78	15	—	60	41	47	34
39	5	—	49	30	34	24	79	15	—	58	31	39	30
40	6	—	52	25	36	31	80	15	—	59	29	35	26

Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ТОМЪ CI.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Томъ XX.

В. В. Воробьевъ.

НАРУЖНОЕ УХО ЧЕЛОВѢКА.

МОСКВА,
Типо-литографія А. В. Васильева и К°
Петровка, домъ Обидиной.
1901.

В. Дѣвочки (80).

№	Возрастъ.		Длина уха.	Ширина уха.	Длина основанія.	Истинная высота.	№	Возрастъ.		Длина уха.	Ширина уха.	Длина основанія.	Истинная высота.
	г.	м.						г.	м.				
1	1	—	44	30	31	26	41	8	—	51	31	34	28
2	—	11	47	28	30	26	42	8	—	47	29	32	26
3	—	8	44	30	30	28	43	9	—	52	32	37	25
4	—	6	43	25	29	22	44	7	—	53	34	34	30
5	1	—	49	28	36	27	45	7	—	45	26	37	30
6	—	6	40	26	29	27	46	10	—	54	30	41	29
7	—	6	46	29	32	23	47	8	—	51	29	37	28
8	—	9	36	24	31	25	48	7	—	53	31	40	24
9	—	8	39	25	33	28	49	7	—	49	31	39	30
10	1	—	40	27	29	22	50	8	—	50	28	38	30
11	1	—	40	23	29	27	51	11	—	52	31	40	30
12	—	10	41	24	30	26	52	11	—	56	36	36	29
13	—	10	41	27	35	29	53	13	—	53	31	39	27
14	—	7	43	29	30	23	54	11	—	53	33	35	29
15	—	8	42	25	29	24	55	13	—	55	35	40	26
16	1	6	49	29	30	24	56	11	—	47	29	35	27
17	1	5	47	25	35	27	57	14	—	59	33	45	35
18	2	6	45	29	31	26	58	14	—	55	32	42	29
19	1	10	44	24	35	27	59	12	—	55	28	34	26
20	1	6	44	27	30	24	60	14	—	54	31	44	26
21	1	6	45	32	31	27	61	12	—	54	30	39	28
22	1	7	46	30	32	26	62	14	—	58	34	41	26
23	1	6	46	30	37	27	63	12	—	56	32	37	25
24	2	8	51	30	36	27	64	12	—	58	33	43	26
25	1	5	43	26	32	26	65	13	—	58	31	38	33
26	1	9	46	29	34	25	66	16	—	57	37	44	27
27	2	—	43	27	30	26	67	15	—	63	31	44	31
28	2	8	47	31	33	29	68	15	—	47	27	37	33
29	1	9	45	25	31	25	69	15	—	57	29	51	38
30	3	—	48	29	35	24	70	15	—	55	35	43	35
31	4	—	48	30	33	28	71	16	—	55	32	46	30
32	4	—	45	30	36	26	72	15	—	53	30	45	29
33	4	—	47	32	36	26	73	16	—	62	35	53	29
34	5	—	49	30	35	27	74	15	—	50	27	42	32
35	6	—	50	34	37	27	75	15	—	60	37	50	33
36	4	—	50	30	37	25	76	16	—	56	28	41	32
37	4	—	43	29	31	24	77	15	—	53	35	38	29
38	4	—	48	32	38	26	78	15	—	60	41	47	34
39	5	—	49	30	34	24	79	15	—	58	31	39	30
40	6	—	52	25	36	31	80	15	—	59	29	35	26

Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ТОМЪ CI.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Томъ XX.

В. В. Воробьевъ.

НАРУЖНОЕ УХО ЧЕЛОВѢКА.

МОСКВА,
Типо-литографія А. В. Васильева и К°
Петровка, домъ Обидиной.
1901.

ТРУДЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

Томъ XVII. Н. П. Даниловъ — Къ характеристикѣ антропологическихъ и физіологическихъ чертъ современнаго населенія Персіи. 1849. Стр. 148 in-4°. Ц. 2 руб.

Томъ XVIII. подъ редакціей **Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго.** 1897. Стр. 534 in-4°. Ц. 2 руб.

Содержаніе: *А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. *Н. В. Гильченко*—Кубанскіе казаки. *А. Д. Элькиндъ*—Привислянскіе поляки. *Н. А. Янчукъ*—Новыя свѣдѣнія о литовскихъ татарахъ. *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.

Томъ XIX. подъ редакціей **Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго.** 1899. Стр. 256 in-4°. Ц. 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ. *М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза. *П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій. *П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость. *В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія Рязанской губ. *В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго уѣзда, Московской губ. *Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. *А. А. Ивановскій*—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели. *П. А. Минаковъ*—О цвѣтѣ и формѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи. *А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ. *А. Д. Элькиндъ*—Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ. *Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова. *Д. Н. Анучинъ*—Г. де-Мортилье (некрологъ). *А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей.

РУССКІЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла **А. А. Ивановскаго** (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина**), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Б. Ѳ. Адлеръ, Н. В Алтуховъ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, С. А. Вайсенбергъ, проф. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. Н. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Корончевскій, проф. А. Н. Красновъ, Е. Н. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), Н. И. Майновъ, проф. П. М. Маліевъ, С. Д. Масловскій, проф. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, Н. Н. Пантюховъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію **5** руб. съ доставкой и пересылкой, за границу **6** руб.

Цѣна отдѣльной книжки **1** р. **50** к.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

